

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбний**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск).

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
<http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU>

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 14.06.23.
Выход в свет 20.06.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 35,8.
Уч.-изд. л. 29,1.
Тираж 500 экз. Заказ 339.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **O. V. Brizhak**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); **A. V. Gorshkov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **A. Yu. Davankov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. P. Dovby**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Egorova**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **I. I. Kilina**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **Ye. V. Nikolajeva**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **M. A. Pestunov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **A. A. Salamatov**, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 14.06.23.
Date of publication 20.06.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 35,8.
Ac.-publ. sh. 29,1.
Circulation 500 copies.
Order 339. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

<i>Плетнёв Д. А.</i> [Ре]форма и содержание высшего экономического образования	7

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Довбий И. П., Минкин А. А., Кобылякова В. В., Кондратов М. В.</i> Технологический суверенитет России: стратегические установки промышленной политики и концепты региональной повестки	11
<i>Седельников В. М.</i> Теоретико-методологические аспекты стратегического управления компаниями	23

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Бенц Д. С.</i> Особенности долгосрочного экономического развития регионов металлургической специализации	36
<i>Герсонская И. В.</i> Система здравоохранения в России: основные проблемы и возможные пути их решения	53
<i>Кемайкин Н. К.</i> Проблемы стратегического планирования развития жилищно-коммунального хозяйства России.	64
<i>Мальцев Ю. Г., Двинин Д. Ю., Плаксина А. Л., Егорова А. А.</i> Модель социо-эколого-экономической сбалансированности регионов Российской Федерации.	76
<i>Лопаткова Я. А., Шаравина К. О.</i> Оценка эффективности государственной политики для достижения углеродной нейтральности в европейских странах	86
<i>Дунаева О. Н., Гайкин В. А.</i> Приоритетные направления стратегического развития и инновационного потенциала Республики Корея в интеграции экономики, образования и культуры.	98
<i>Саламатов А. А.</i> Управление экологическим компонентом качества жизни населения регионов Уральского федерального округа.	108
<i>Кривенко Н. В.</i> Прогнозирование возможностей улучшения состояния здравоохранения на основе комплексной системы мероприятий в целях повышения экономической безопасности регионов	118
<i>Капкаев Ю. Ш., Кадыров П. Р.</i> Структурные сдвиги на региональных рынках труда Уральского федерального округа	132

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

<i>Попов Е. В., Симонова В. Л., Касинцев В. Э.</i> Межфирменное платформенное взаимодействие: оценка российской практики использования	144
<i>Плетнёв Д. А., Козлова Е. В.</i> Особенности отчуждения и оппортунизма работников российских компаний в зависимости от их приверженности к управленческим ролям	156

Башмаков Д. В. Применение апофатического подхода в целеполагании развития бизнес-систем организации	170
Николаева Е. В. Особенности операционной и инфраструктурной трансформации в корпорациях нефтяного и газового сектора России.	181
Парфиненко Т. В., Суворова Л. А. Устойчивое развитие предприятий: концептуальный подход в условиях импортозамещения.	193
Белова И. А. Подход организационной экологии к отраслевой структуре малого и среднего бизнеса России	205
Силова Е. С., Плехова Д. С. Рынок страхования в России: тенденции развития отраслевого рынка и особенности банкротства	216

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Витер К. А. Перспективная модель управления формированием компетенций в университете	231

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

Шлычков В. В., Нестулаева Д. Р., Зарезнов Д. А. Экономика России в 2022 году: вызовы и механизмы их преодоления	240
Бенц Д. С. О воспроизводстве научных кадров: сложившиеся тенденции и целевые ориентиры	250
Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Косарева Г. А. Гармоничное развитие пространственной хозяйственной деятельности	260
Симонов С. В., Столяров А. А. Транспарентность как фактор инвестиционной привлекательности компании	267
Плетнев Д. А., Меньшикова Ю. А., Токарева А. А. Заметки на полях Санкт-Петербургского экономического конгресса — 2023	272
Аюпова С. Г., Силова Е. С. Плановая экономика в новой реальности	278

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Левикова Т. В. Эволюция электронных бизнес-моделей в эпоху цифровизации	287
Юй Цзыминь, Ли Хунян Трансформация роли менеджера по персоналу предприятия в эпоху больших данных	294
Попова А. В. Современные тенденции устойчивого развития российских компаний	301

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Pletnev D. A.</i> [Re]form and the essence of high economic education	7

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Dovbiy I. P., Minkin A. A., Koblyakova V. V., Kondratov M. V.</i> Technological sovereignty of Russia: strategic points of the industrial policy and concepts of the regional agenda	11
<i>Sedelnikov V. M.</i> Theoretical and methodological aspects of the strategic management of the company	23

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

<i>Benz D. S.</i> Features of long-term economic development of metallurgical specialization regions	36
<i>Gersonskaya I. V.</i> The healthcare system in Russia: the main problems and possible ways to solve them	53
<i>Kemaykin N. K.</i> Problems of strategic planning for the development of housing and communal services in Russia.	64
<i>Maltsev Yu. G., Dvinin D. Yu., Plaksina A. L., Egorova A. A.</i> Model of socio-ecological and economic balance of the regions of the Russian Federation	76
<i>Lopatkova Y. A., Sharavina K. O.</i> Assessment of the effectiveness of public policies to achieve carbon neutrality in European countries	86
<i>Dunaeva O. N., Gaikin V. A.</i> Priority directions of strategic development and innovative potential of the Republic of Korea in the integration of economy, education and culture	98
<i>Salamatov A. A.</i> Management of the environmental component of the quality of life of the population of the regions of the Ural federal district	108
<i>Krivenko N. V.</i> Forecasting opportunities to improve the state of health care on the basis of a comprehensive system of activities to improve the economic security of the regions.	118
<i>Kapkaev Yu. Sh., Kadyrov P. R.</i> Structural shifts in the labor market of the subjects of the Ural Federal District	132

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

<i>Popov E. V., Simonova V. L., Kasintsev V. E.</i> Cross-company platform interaction: assessment of Russian practice of using	144
<i>Pletnev D. A., Kozlova E. V.</i> Features of alienation and opportunism of employees of Russian companies depending on their commitment to management role.	156
<i>Bashmakov D. V.</i> Application of the apophatic approach in goal-setting of the development of the organization's business systems	170

Nikolaeva E. V. Features of operational and infrastructural transformation in corporations in the oil and gas sector of Russia	181
Parfinenko T. V, Suvorova L. A. Sustainable development of enterprises: a conceptual approach in the context of import substitution	193
Belova I. A. The approach of organizational ecology to the sectoral structure of small and medium-sized businesses in Russia	205
Silova E. S., Plehova D. S. Insurance market in Russia: trends in the development of the industry market and features of bankruptcy.	216

ECONOMIC EDUCATION

Viter K. A. Formation of a promising management model competence centers.	231

REVIEWS AND DISCUSSIONS

Shlychkov V. V., Nestulaeva D. R., Zareznov D. A. Russia's Economy in 2022: challenges and mechanisms to overcome them	240
Benz D. S. On the reproduction of scientific personnel: the developed trends and target reference points	250
Davankov A. Yu., Dvinin D. Yu., Kosareva G. A. Harmonious development of spatial economic activity	260
Simonov S. V., Stolyarov A. A. Transparency as a factor of the company's investment attractiveness	267
Pletnev D. A., Menshikova Y. O., Tokareva A. A. Marginal notes of the SPEC — 2023 (Saint Petersburg Economic Congress 2023)	272
Ayupova S. G., Silova E. S. Planned economy: a new reality	278

A FRESH LOOK

Levikova T. V. Evolution of electronic business models in the age of digitalization	287
Yu Zimin, Li Hongyang Transformation of the role of the HR manager of the enterprise in the age of Big Data	294
Popova A. V. Modern trends in sustainable development of Russian companies.	301

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 7–10.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(3(473):7-10. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Редакторская статья

УДК 378.014

[РЕ]ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ВЫСШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дмитрий Александрович Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru

Для цитирования: Плетнев Д. А. [Ре]форма и содержание высшего экономического образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 7-10.

Editorial article

[RE]FORM AND THE ESSENCE OF HIGH ECONOMIC EDUCATION

Dmitriy A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru

For citation: Pletnev DA. [Re]form and the essence of high economic education. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):7-10. (In Russ.).

Реформа, как известно, — изменение формы. Реформа госуправления — появление федеральных служб и агентств, реформа местного самоуправления — появление новых органов управления или даже самих муниципалитетов, реформа образования — 11 классов вместо 10, новые требования государства к выпускникам, реформа здравоохранения, реформа армии. При этом в ожидаемых результатах большинства реформ содержатся именно упования на то, что изменится не только форма, но и содержание реформируемого явления. Не берусь утверждать, но, похоже, большинство реформаторов уверены, что содержание уже изменилось, и новая форма нужна, чтобы это содержание «догнать». Иначе объяснить веру в волшебную силу изменения формы не получается. С другой стороны, говоря языком системного подхода, продолжительное время существующие реальные системы нередко пребывают в устойчивых, часто неоптимальных состояниях (аттракторах). Экономисты исследуют это явление как *path dependence* — «эффект колеи» или зависимость от предшествующего пути развития. И в таком фак-

те нет ничего феноменально неожиданного — эти неоптимальные состояния эффективны по Парето, то есть выйти из них, не причинив кому-то неудобства, невозможно. И часто те, кому грозят неудобства, или сами являются лицами, принимающими решения, или могут оказывать сильное влияние на них. Типичный пример — дебиюрократизация образования. Есть поручения Президента, решения Государственной Думы, конкретные предложения и даже регламентирующие движение к дебиюрократизации нормативные документы. Но! Проведите качественный опрос среди работников любой сферы образования: школ, вузов, колледжей — уменьшилась ли бюрократическая нагрузка на них, меньше ли готовит среднестатистическая кафедра или факультет бумаг, валом или в пересчете на одного студента? Наверняка ответ будет отрицательным. Меняются сами документы, их формы, но — «свято место не пустует», и им на смену приходят новые. А почему? Используя представленный выше подход, понимаем: текущее состояние (сущность) регулирующей образование системы — пример неоптимального, но мощного аттрактора, выйти из которого не дают внутренние силы притяжения. Суть системы регулирования

образования — бюрократия. И никакие реформы этой сути не изменят. Все реальные позитивные сдвиги в этой системе происходят не благодаря, а вопреки сложившейся бюрократической системе. Конец примера. Содержание явления меняется по другим законам и правилам, и власть человека над этим процессом, пожалуй, переоценена. Существуют объективные законы развития общества и человека, не все из них познаны в настоящий момент, но содержательная сторона, в частности, образования, изменяется именно по этим законам, крайне медленно, эволюционно, сообразно с циклическим развитием цивилизации. И реформы призваны приводить существующие формы в соответствие с содержанием, делая сам процесс более результативным. Итак, первый тезис: реформа — суть изменение формы, а не содержания. Полагать обратное — самонадеянно.

Далее. Весь опыт реформирования можно свести к двум основным способам: прямому, когда полномочное лицо или орган директивно говорят, что следует делать, а что — нет, принимая законы, положения, регламенты и изменяя практику правоприменения, меняя ставки налогов и раздавая субсидии, и косвенному, когда внедряются соответствующие мягкие стимулы. Например, уменьшая ключевую ставку, Центробанк не призывает никого к инвестированию, не вынуждает и не запрещает, но облегчает принятие соответствующих решений, особенно с использованием заемного капитала. В образовании же весь опыт реформирования основан на прямых способах воздействия: новый стандарт, новые правила лицензирования, новые требования к квалификации, материально-технической базе и т. п. Единственный масштабный пример косвенного регулирования — проектные программы финансирования ведущих вузов: НИУ, 5-100, опорные университеты, сейчас — Приоритет 2030. «Будьте лучше, амбициознее, и вас поддержат...» Но и здесь практика реализации изобилует директивными, причем в краткосрочной перспективе, методами. Весной появляется финансирование, а уже осенью пора количественно и весьма конкретно отчитываться за результат. Но наука, взращённая за полгода, — это миф. За столь краткий срок можно лишь избразить этот самый рост, сколотив потемкинскую деревню. В макроэкономике уже давно предпочитают использование косвенных методов, справедливо считая их тоньше и эффективнее в долгосрочной перспективе. Прямое стимулирование экономики через раздачу денег разгоняет инфляцию, косвенное, через инфраструктурные и социальные госрасходы и программы вроде материнского

капитала приводят к долгосрочным позитивным сдвигам. Почему же чиновники от образования и законодатели сохраняют веру в методы прямого регулирования? Один пример. Не так давно (в начале 2010-х) под знаменем борьбы за качество образования развернулась кампания по закрытию филиалов и представительств вузов, на площадках которых преподаватели из головных вузов могли становиться ближе к жителям отдаленных территорий, выполняя и социальную функцию тоже (никто не подсчитал, сколько выпускников остались жить и работать в малых городах, окончив программы при методической помощи филиалов и представительств). Да, проблема качества была, но она была не всеобщей, и касалась не собственно «филиалов и представительств», а вполне конкретных вузов. Предложенное как альтернатива дистанционное образование вообще разорвало связь преподавателя и студента. Трансфер знания сменился его имитацией в красивой упаковке. Так же и с запретом на заочную форму обучения некоторых особо важных и сложных инженерных направлений и... экономики и юриспруденции. Зачем? Заочная и очно-заочная формы — это разные форматы, со своими нишами, и для многих работающих студентов было удобнее концентрированно заниматься учебной работой в течение года (как позволяла «заочка»), а не «размазывать» учебный процесс на весь год (как требует очно-заочный формат). Заниматься вечерами могут далеко не все, и качество образования на очно-заочной форме ничуть не лучше, чем на заочной. Третий (и четвертый) пример: заявляется о необходимости привлечения молодежи в науку, о защитах ими диссертаций, об участии работодателей в учебном процессе, о качестве преподавания, наконец. И опять же, директивные методы — спускается план о доле исследователей до 39 лет, мелким ситом ищут тех, кто защитит диссертацию, вводят в образовательный стандарт требование привлечения к образовательному процессу «работников из числа руководителей и работников организаций, деятельность которых связана с направленностью (профилем) реализуемой программы...», п. 7.2.4 «бакалаврского» ФГОС ВО 3++¹). Разумный и очевидный ответ на все

¹ Кстати, с этим же требованием связан еще один бюрократический «крестовый поход» за качество, когда, следуя букве стандарта проверяющие требовали наличие в кадровой справке и, соответственно, участия в учебном процессе, не менее двух руководителей и не менее двух работников: «там же ясно написано, во множественном числе». Имели ли в виду разработчики именно «двух или более», или просто писали по-русски грамотно, не уточняется.

эти требования — повышение престижа профессии преподавателя. И высшее руководство страны понимает это, еще с 2012 года сформулировав требования средней зарплаты в образовании на уровне не ниже 200 % от средней по региону. Но дополнительные средства, по всей видимости, на это не выделены, а свобода принятия самостоятельных решений, которые помогли бы инициативно урегулировать этот вопрос (в частности, в области ценообразования), у вузов сильно ограничена. И снова приходится придавать красивую форму тому содержанию качества образования, которое объективно формируется при нынешней финансовой и организационной модели. Пятое — распределение бюджетных мест. Простое сравнение проходных баллов на разные направления ясно даст понять, что имеют место существенные диспропорции в структуре контрольных цифр приема. Попытка возрождения инженеров как класса через постоянные увеличения количества бюджетных мест приводит (что опять же, очевидно) к приему всех, кто сдал ЕГЭ по соответствующим предметам на минимальные баллы, распылению сил преподавателей или адаптации стиля преподавания к изначально не готовым к постижению сложных программ с теоретической механикой, сопроматом, теоретическими основами электротехники и тому подобными дисциплинами. Значительная часть студентов там не мотивирована, учится слабо и вряд ли (а может быть, и хорошо, что так) пойдет работать по специальности, строить дороги, мосты, электростанции. Одновременно, на всю Челябинскую область хорошо, если есть 250 бюджетных мест в год на всю укрупненную группу специальностей «Экономика и управление», и там проходной балл близок к 250, то есть поступают только отличники и то не все. Для области с населением в 3,5 миллиона жителей и соответствующей потребности в кадрах это капля в море. Другие успешные выпускники поступают в Екатеринбург. Итого, во всех случаях прямые методы регулирования приводят к обратному эффекту, а косвенные даже не пытаются использовать им на замену. Был бы рад заблуждаться на этот счет, возможно, коллеги меня поправят, и примеры успешного косвенного регулирования есть.

При этом не нужно изобретать велосипед: в любой успешной стране, в то время, когда она становилась успешной (Российская империя и СССР в их числе) профессия учителя и профессора в вузе — одна из успешных и уважаемых. И по уровню дохода, и по социальному статусу. Они

наставники, моральные и интеллектуальные авторитеты. Они не идеальны, но они формируют тот личностный стержень, который позволяет себя чувствовать уверенно, понимать, чего хочешь и достигать целей. В отсутствие таких учителей их место занимают социальные сети, ЛОМы и инфлюенсеры. К чему это приводит — мы видим. На этапе обретения нацией силы наставники необходимы, они одна из важных движущих сил, создающих новое качество человеческого потенциала. Но затем у власти возникает ощущение, что можно обойтись и без них. Можно создать управляемую массу серых представителей ППС, которые будут классными исполнителями, но никудышными наставниками. А наставников можно назначить распоряжением, объявив даже «год наставника» и проведя тематический конкурс. И мы возвращаемся к вопросу о соотношении формы и содержания: форма есть, а наполнение — чем придется.

У всех вышеназванных проблем есть простое (не буду утверждать, что оптимальное, но, безусловно, результативное) решение — кратно увеличить бюджетное финансирование (у тех же инженеров — сохранить повышающие коэффициенты), отвязать стоимость «внебюджетного» обучения от бюджетного, распределять контрольные цифры приема более справедливо и равномерно как между регионами, так и между вузами и направлениями. Причем делать это, как минимум, на пятилетнюю перспективу. Дополнительно можно установить контрольные значения показателей по зарплате преподавателей¹ (но убежден, это лишнее; если в регионах сохранится конкуренция вузов, то университеты сами будут стремиться привлечь лучших преподавателей, в том числе предлагая более высокую зарплату). Это создаст условия перехода вузов от стратегии выживания к стратегии развития, следствием чего будет кратно возрастающая привлекательность профессии. Пример банков, IT и нефтегазовых компаний — тому подтверждение. Благодаря высокому уровню зарплат они стали точками притяжения талантливых выпускников. Конкурировать с ними можно, только имея сопоставимый уровень оплаты труда. Этот процесс не быстрый и тернистый, но необходимый. И лучше начать раньше, чем позже. Надеюсь, ожидаемая реформа системы образования и реформаторы примут эти аргументы во внимание.

¹ Но и в этом вопросе нет идеального решения: вариант с мониторингом средней зарплаты уже пройден, мониторинг медианной — был анонсирован, но не внедрен, и хорошо (это привело бы к усреднению зарплат и демотивации «верхнего квартиля»).

Информация об авторе

Д. А. Плетнев — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 18.03.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ THEORY AND METHODOLOGY

*Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 11–22.
ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(3(473):11-22. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 332.1+338.45

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ И КОНЦЕПТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ

Ирина Павловна Довбий^{1✉}, Александр Александрович Минкин²,
Влада Валерьевна Кобылякова³, Максим Владимирович Кондратов⁴

^{1,2,3} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

⁴ Челябинский государственный университет, Южно-Уральский технологический университет, Челябинск, Россия

¹ betelgeysec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4686-5282>

² aspiranter@icloud.com

³ krutova.94@inbox.ru

⁴ zxc1983@yandex.ru

Аннотация. Беспрецедентные санкции и особые условия, сформировавшиеся в глобальной экономике, актуализировали для России необходимость обеспечения технологического суверенитета и принятия новой Концепции технологического развития. Цель статьи: на основе анализа зарубежных и отечественных научных подходов к содержанию «технологического суверенитета» сформулировать авторское определение, что позволит обосновать стратегические установки и концептуальные положения, которые могут быть включены в Концепцию и региональную повестку по достижению технологического суверенитета. Исследование позволило аргументировать, что технологический суверенитет является компонентом государственного суверенитета, позволяющим беспрепятственную реализацию всего комплекса национальных интересов и целей развития, обеспечивающим базовые текущие и будущие потребности в критических и сквозных технологиях, гарантии информационной, энергетической, транспортной и прочих видов безопасности на всей территории страны на основе гармоничного взаимодействия государства, общества, науки. Анализ статистических данных за период 2017–2021 годы позволил сделать заключение об угрожающем «сжатии» инновационной активности, как на уровне национальной экономики, так и в большинстве федеральных округов. Обосновано, что достижение технологического суверенитета, наряду с научными исследованиями и производством высокотехнологичной продукции, должно базироваться на экосистеме технологического развития, образующей институциональные, финансовые, организационные и прочие условия трансфера научных результатов в экономику и радикально изменяющей рыночное пространство. Новая Концепция научно-технологического развития России должна отражать тренды глобальной экономики на энергопереход, и, наряду с принципами, обеспечивающими принятие управленческих решений, должна содержать принципы «соответствия технологических разработок требованиям энергоэффективности и энергосбережения», «этики и ответственности в научно-технической деятельности» и «безальтернативности формирования в обществе авторитета национальной инженерной мысли». Концепты региональной повестки обеспечения технологического суверенитета должны принимать в расчет как традиционные ресурсные предпосылки, так и подходы, учитывающие изменение прежних региональных пропорций и специализации регионов.

Ключевые слова: технологический суверенитет, энергопереход, технологическое развитие, промышленная политика, региональная экономическая политика

Для цитирования: Довбий И. П., Минкин А. А., Кобылякова В. В., Кондратов М. В. Технологический суверенитет России: стратегические установки промышленной политики и концепты региональной повестки // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 11–22.

Original article

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: STRATEGIC ATTITUDES OF THE INDUSTRIAL POLICY AND CONCEPTS OF THE REGIONAL AGENDA**Irina P. Dovbiy¹, Alexander A. Minkin², Vlada V. Kobylyakova³, Maxim V. Kondratov⁴**^{1,2,3} South Ural State University, Chelyabinsk, Russia⁴ Chelyabinsk State University, South Ural Technological University, Chelyabinsk, Russia¹ betelgeyse@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4686-5282>² aspiranter@icloud.com³ krutova.94@inbox.ru⁴ zxc1983@yandex.ru

Abstract. Unprecedented sanctions and special conditions that have formed in global economy have actualized for Russia need to ensure technological sovereignty and adopt a new Concept of technological development. The purpose of article is to formulate an author's definition based on the analysis of foreign and domestic scientific approaches to the content of "technological sovereignty", which will make it possible to substantiate strategic attitudes and conceptual provisions that can be included in the Concept and in the regional agenda for achieving technological sovereignty. The study allowed us to argue that technological sovereignty is a component of state sovereignty, allowing unhindered realization of entire complex of national interests and development goals, providing basic current and future needs for critical and end-to-end technologies, guarantees of information, energy, transport and other types of security throughout the country on the basis of a harmonious interaction of the state, society, and science. The analysis of statistical data for period 2017-2021 allowed us to conclude about the threatening "compression" of innovation activity, both at level of the national economy and in most federal districts. It is proved that achievement of technological sovereignty, along with scientific research and production of high-tech products, should be based on an ecosystem of technological development that forms institutional, financial, organizational and other conditions for transfer of scientific results to economy and radically changes the market space. The new Concept of scientific and technological development of Russia should reflect trends of global economy on energy transition, and along with the principles that ensure managerial decision-making, should contain the principles of "compliance of technological developments with the requirements of energy efficiency and energy conservation", "ethics and responsibility in scientific and technical activities" and "no alternative to the formation of the authority of the national engineering thought". The concepts of regional agenda for ensuring technological sovereignty should take into account both traditional resource prerequisites and approaches that take into account changes in previous regional proportions and specialization of regions.

Keywords: technological sovereignty, energy transition, technological development, industrial policy, regional economic policy

For citation: Dovbiy IP, Minkin AA, Kobylyakova VV, Kondratov MV. Technological sovereignty of Russia: strategic points of the industrial policy and concepts of the regional agenda. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):11-22. (In Russ.).

Введение

Экономические реалии глобальных «тектонических сдвигов» ставят перед Россией необходимость формирования новой Концепции технологического развития, определяющей цели, задачи и принципы обеспечения технологического суверенитета на ближайшие годы. В мировой экономике происходит переформатирование глобальных цепочек создания стоимости. Задавать правила их создания, контроля и регулирования будут страны, обладающие технологическим лидерством.

Концептуальная смена технико-экономической парадигмы является критическим условием обеспечения технологического суверенитета, заключающегося в формировании под национальным контролем совокупности технологий и условий промышленного производства, обеспечивающих государству и обществу незыблемые возможности

и способности по достижению собственных национальных целей развития и реализации национальных интересов. Для России актуализируется задача разработки и принятия новой Концепции технологического развития на ближайшие годы, содержащей базовые условия, принципы, цели и задачи, механизмы и инструменты достижения, поддержания и развития технологического суверенитета. В контексте изложенного, ставится задача осмысления содержания категории «технологический суверенитет» и на этой основе — выработка отдельных положений, которые могли бы быть включены в обновленную Концепцию на федеральном и региональном уровнях.

Методы и материалы

Применены методы логического, статистического и сравнительного анализа, формализации

и синтеза. В качестве источников исследования использованы труды зарубежных и российских авторов, материалы государственной статистики. Результаты теоретических изысканий позволили сделать следующие обобщения.

1. В рамках общего теоретического анализа предпринята попытка выделить основные черты и содержание технологического суверенитета, что позволило дать авторскую трактовку данного понятия как экономической категории.

2. На основе исследования патентной активности в России сделан вывод о критическом «сжатии» инновационной активности, что в условиях беспрецедентных санкций ставит под угрозу национальный суверенитет и актуализирует задачу формирования новой модели экономики и промышленной политики.

3. Аргументированы и предложены ряд позиций, которые целесообразно включить в новую Концепцию технологического развития.

4. Определены концепты региональной технологической повестки, имеющие целью активизацию инновационной активности и особо актуальные для традиционно «старопромышленных» регионов в контексте перехода к новому технологическому укладу.

Обзор литературы

В западной экономической мысли технологическому суверенитету отводится значительное внимание:

— С. Кутюр и С. Тупен выделяют независимость, контроль и автономность коллективных общностей в части разработки технологий, обеспечивающих устойчивость, конкурентоспособность, защищенность конфиденциальных данных [23];

— С. Поли и Э. Фэйи отмечают уровень правовой защиты технологий в договорах, что обеспечивает оборону, сетевую безопасность, защиту критической инфраструктуры¹;

— М. Бауэр и Ф. Эриксон указывают на глобальное экономическое и геополитическое влияние [21];

— по мнению Д. Хелд и др., позволяет государству контролировать темпы и направленность технологических инноваций [5];

— согласно В. Даннинг, имеет иерархическую природу (национальный, экономический, технологический) и тесные межотраслевые связи [24].

В отечественной науке относительно технологического суверенитета сформировались следующие позиции:

— А. А. Афанасьев считает его важнейшей характеристикой и функцией системы национальной безопасности [2] и соотносит с уровнем научно-технологического развития [3];

— Е. С. Янковская сопоставляет с кадровой, финансовой, правовой и информационной обеспеченностью инновационных научно-технических разработок; а также наличием специализированных программ формирования технологического суверенитета, в т. ч. посредством цифровизации [20];

— О. В. Жданев увязывает достижение технологического суверенитета в промышленности с технологическим суверенитетом в топливно-энергетическом комплексе [11];

— Т. Д. Степанова указывает на «удовлетворение настоящих и будущих потребностей в поддержании определенного уровня технологического развития преимущественно за счет российских НИОКР с обязательной спецификацией прав собственности на разработки» [18].

Технологический суверенитет это не только «способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества» [19]. Высокий статус в глобальной экономике предполагает обладание и контроль государством совокупности макротехнологий, составляющих единство технологических процессов [14; 16], обеспечивающих «доминирующее положение как в экономике, так и в геополитике» [7, с. 229].

Становление новой российской «суверенной модели» не означает экономическое и технологическое отгораживание государства: концентрация ресурсов на создание уникальных компетенций предполагает возможность переноса части стадий создания стоимости в страны-партнеры. Это обеспечит реализацию эффекта масштаба и возможность партнеров пользоваться инновационной продукцией. Одновременно базовые технологии предшествующих могут и должны формироваться на основе ранее освоенных.

Продвигаемая Западом концепция «открытых инноваций», рассматриваемая как «распределенный инновационный процесс, основанный на целенаправленном управлении потоками знаний через границы организации с использованием финансовых и нематериальных механизмов в соответствии с бизнес-моделью организации» [22, с. 17], была направлена на формирование

¹ Fahey E., Poli S. The strengthening of European technological sovereignty and its legal bases in the Treaties. (City Law School Research Paper 2022/08). London, UK. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/28346/> (дата обращения: 22.10.2022)

общественного мнения о важности «человеческого капитала» и об отсутствии связи между суверенитетом и властью, с одной стороны, и силой государства — с другой [4]. Декларировался внешне-национальный трансфер знаний, что служило прикрытием для целенаправленного управления потоками знаний и присвоения результатов интеллектуальной деятельности. Россия подвергалась агрессивной трансформации, которая привела к разрушению координирующих и общественных институтов, усилению дисбалансов межотраслевых связей и «провалов» рынка; формированию непреодолимых «инновационных разрывов» (институциональных, отраслевых, социальных, региональных, трансформационных,

инвестиционных, временных) [8]. На это, в числе прочих факторов, указывает падение инновационной активности, отражающей способность национальных производителей реализовывать уникальные технические решения.

Результаты

Анализ данных государственной статистики показал неуклонное сокращение патентной активности. За период с 2017 по 2021 гг. количество заявок на выдачу патентов на изобретения снизилось на 15,02 %, в т. ч. от национальных заявителей — на 14,08 %; общее количество заявок на выдачу патентов на полезные модели снизилось, соответственно, на 14,7 % и 12,6 % (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

**Регистрация Роспатентом поданных заявок на выдачу патентов
на изобретения и полезные модели за период 2017–2021 гг.**
**Registration by Rospatent of filed applications for the grant of patents
for inventions and utility models for the period 2017–2021**

Показатели	Поданные заявки (единиц)					2021 к 2017 (в %)
	2017	2018	2019	2020	2021	
Подано заявок на выдачу патентов на изобретения						
Всего (единиц)	36454	37957	35511	34984	30977	84,98
в т. ч.						
– от иностранных заявителей	13677	13031	12174	11225	11408	83,41
– от российских заявителей	22777	24926	23337	23759	19569	85,92
Подано заявок на выдачу патентов на полезные модели						
Всего (единиц)	10643	9747	10136	9195	9079	85,30
в т. ч.						
– от иностранных заявителей	491	485	419	336	206	41,96
– от российских заявителей	10152	9262	9717	8859	8873	87,40
Коэффициент изобретательской активности, всего						
– с учетом полезных моделей	2,24	2,33	2,25	2,22	1,95	87,05
– без учета полезных моделей	1,55	1,70	1,59	1,62	1,34	86,45

Составлено по [1].

В среднем по федеральным округам за пять лет количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения сократилось на 14,31 %; показали незначительный рост, только три: Северо-Западный (101,11 %), Сибирский (104,64 %) и Уральский (108,37 %). Однако фактическая выдача патентов на изобретения практически в среднем по всем регионам составила в 2021 г. 71,31 % от уровня 2017 г., за исключением Северо-Западного (95,48 %) и Уральского (77,35 %) (табл. 2). Подача заявок на выдачу патентов на полезные модели также сократилась за анализируемый период. В среднем за указанный период по регионам сни-

жение поданных заявок составило 12,72 %, а полученных — на 19,65 %.

Коэффициенты изобретательской активности за рассматриваемый период снизились на величины около 13 %. В разрезе федеральных округов незначительный рост по обоим коэффициентам (с учетом и без учета полезных моделей) за пять лет показали только Сибирский (соответственно, 119,15 % и 115,33 %) и Уральский (108,43 % и 100,71 %) федеральные округа.

Количество организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, за пять лет увеличилось всего на 5,68 % (табл. 3).

Таблица 2

Table 2

Изменение патентной активности в региональном разрезе (2021 г. к 2017 г., %)**Change in patent activity by region (2021 vs. 2017, %)**

Федеральные округа	Подано заявок на выдачу патентов на изобретения	Выдано патентов на изобретения	Подано заявок на выдачу патентов на полезные модели	Выдано патентов на полезные модели	Коэффициент изобретательской активности без учета полезных моделей	Коэффициент изобретательской активности с учетом полезных моделей
Центральный	75,35	68,93	90,45	82,14	75,17	79,29
Приволжский	93,33	69,57	91,96	83,78	95,87	94,74
Северо-Западный	101,11	95,48	75,58	74,63	100,65	90,49
Сибирский	104,64	69,60	95,67	88,43	119,15	115,33
Южный	89,83	61,51	72,13	76,24	89,36	83,57
Уральский	108,37	77,35	88,64	76,37	108,43	100,71
Дальневосточный	98,47	71,15	91,86	54,34	80,00	73,53
Северо-Кавказский	67,71	63,68	73,33	69,89	66,15	67,09
Среднее значение по федеральным округам	85,69	71,31	87,28	80,35	89,43	88,40

Составлено по [1]

Таблица 3

Table 3

Инновационная активность организаций, выполнявших НИОКР (2017–2021 гг.)**Innovative activity of organizations performing R&D (2017–2021)**

Показатели инновационной активности	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2017 (в %)
Число организаций, выполнявших НИР, всего (единиц)	3944	3950	4051	4175	4175	105,86
в т. ч. по секторам деятельности:						
– государственный	1493	1511	1479	1501	1462	97,92
– предпринимательский	1292	1304	1374	1426	1437	111,22
– высшего образования	1038	998	1057	1080	1096	105,59
– некоммерческих организаций	121	137	141	168	180	148,76
Уровень инновационной активности организаций	14,6	12,8	9,1	10,8	11,9	81,33
по федеральным округам:						
в Центральном	18,5	16,2	10,8	12,5	12,6	67,98
в Приволжском	14,3	13,3	11,6	15,5	16,7	117,25
в Северо-Западном	15,9	15,9	10,1	10,8	11,0	69,20
в Сибирском	12,3	9,9	7,5	9,8	9,3	75,81
в Южном	11,9	9,5	7,5	8,0	11,9	100,26
в Уральском	15,7	14,9	9,3	10,2	11,1	70,84
в Дальневосточном	10,5	8,9	6,0	6,9	7,7	73,45
в Северо-Кавказском	7,5	4,4	1,7	3,5	4,6	61,75

Составлено по данным государственной статистики. Наука, инновации и технологии. <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Таблица 4

Table 4

Инновационная активность персонала, выполнявшего НИОКР (2017–2021 гг.)**Innovative activity of personnel performing R&D (2017–2021)**

Показатели инновационной активности	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2017 (в %)
Численность персонала, занятого НИР, всего (чел.)	707887	682580	682464	679333	662702	93,62
в том числе:						
– исследователи	359793	347854	348221	346497	340142	94,54
– техники	59690	57722	58681	59557	60474	101,31
– вспомогательный персонал	170347	160591	160864	158298	152066	89,27
– прочий персонал	118057	116413	114698	114981	110020	93,19
по федеральным округам ¹ :						
в Центральном	362463	341909	342057	345756	335117	92,46
в Приволжском	104885	104916	105145	101929	101015	96,31
в Северо-Западном	94525	91658	91422	87411	85448	90,40
в Сибирском	52338	52450	51577	52304	51748	98,87
в Южном	26922	26431	26713	26716	26152	97,14
в Уральском	45268	44044	44920	44486	43195	95,42
в Дальневосточном	14249	14148	13885	13915	13387	93,95
в Северо-Кавказском	7237	7024	6745	6816	6640	91,75

Составлено по данным государственной статистики. Наука, инновации и технологии. <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Численность персонала, занятого НИР, за данный период сократилась на 6,38 %. В разрезе федеральных округов наибольшее сокращение (до 10 %) наблюдалось в Северо-Западном и Северо-Кавказском округах (табл. 4).

Анализ статистики позволяет констатировать «сжатие» инновационной активности по ряду причин:

- приоритеты экономического развития организаций и предприятий не содержат установки на внедрение передовых технологий;
- высокие риски внедрения и интеграции новейших технологий в отлаженные и устойчиво функционирующие производственные и бизнес-процессы и цепочки добавленной стоимости;
- затруднен доступ к источникам частного и государственного венчурного финансирования;
- нормативно-правовые ограничения доступа к технологиям: отечественным — по причине действия института секретности и слабой защиты интеллектуальной собственности;

¹ По отдельным субъектам федерации данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций в соответствии с Федеральным законом от 29.11.07 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4, п. 5; ст. 9, п. 1).

зарубежным — по причине беспрецедентных санкций;

- отток высококвалифицированных и талантливых кадров за рубеж вследствие неверия в возможность реализации собственного научного потенциала и достойной оплаты труда.

Таким образом, подтверждается пагубность влияния идеологии, ориентированной «на игнорирование роли государственной промышленной политики», подтверждается доминированием западных «протекционистских инструментов в противовес рыночным отношениям с нарушением установившихся норм мирового права» [6]. Усилившаяся в 2022 г. геополитическая «турбулентность» открыла истинное отношение бывших «партнеров» к отечественной экономике, бизнесу, обществу, науке и актуализировала беспрецедентную задачу обеспечения национального технологического суверенитета и формирования «ограниченно открытой экономики суверенного типа» [2].

Концепты технологической повестки

Новая Концепция технологического развития России должна соответствовать глобальным установкам цивилизационного развития, иметь стратегическую направленность и органичную

связь с национальной безопасностью. По мнению авторов, технологический суверенитет — компонент государственного суверенитета, обеспечивающий беспрепятственную реализацию всего комплекса национальных интересов и целей развития; базовые текущие и будущие потребности в критических и сквозных технологиях; гарантии информационной, энергетической, транспортной и прочих видов безопасности на всей территории страны на основе гармоничного взаимодействия государства, общества, науки.

Наличие принципов, обеспечивающих принятие управленческих решений с учетом сформировавшихся вызовов и высочайшей неопределенности, является необходимым, но недостаточным условием. По мнению авторов, целесообразно учесть следующее.

1. Принцип соответствия технологических разработок требованиям энергоэффективности и энергосбережения.

На фоне стремительного изменения климата и объявленного энергоперехода происходят кардинальные изменения в производственных системах и на ключевых рынках, отражая инновационное развитие промышленности развитых стран на базе новейших технологий и их способность к адаптации к глобальным трендам. Особенностью текущей ситуации является, по мнению Ж. А. Мингалева и М. В. Сиговой, то, что «инициаторами текущего энергоперехода стали наднациональные и международные организации, активно продвигающие проблематику борьбы с климатическими изменениями, задачи экономии невозобновляемых источников энергии (включая нефть и газ), создание зеленой экономики и безуглеродного общества при одновременном сохранении экономического роста» [12, с. 83–84]. Поскольку в условиях санкций приоритеты России нацелены на трансрегиональное взаимодействие со странами БРИКС [12; 17], постольку выстраивание отношений по привлечению инвестиций и включению национальных производителей в цепочки добавленной стоимости может строиться на принципах «Меморандума о взаимопонимании в области энергосбережения и энергетики между министерствами и правительственными учреждениями стран БРИКС»¹. Кроме того, именно энергоэффективность экономики «характеризует уровень развития произво-

дительных сил и определяет драйверы развития экономики и общества при переходе к новому технологическому укладу» [9].

2. Принцип этики и ответственности в научно-технической деятельности. Направления научно-технического прогресса должны соответствовать целям устойчивого развития. Колоссальная мощь научно-технического прогресса поднимает вопрос о его негативных и разрушительных последствиях, поэтому требования технологического развития не должны вступать в противоречие с необходимостью обеспечения этичности и экологичности технологических разработок. При этом отказ от исследований по причинам нравственных ограничений, по мнению С. Н. Никитиной, может иметь следствием отсталость от передовых разработок [13].

3. Принцип безальтернативности формирования в обществе авторитета национальной инженерной мысли, демонстрации вклада российских ученых и исследователей в мировую науку.

Наряду с традиционными мерами развития компетенций на основе долгосрочной мотивации, предлагается поднять стипендии студентов и аспирантов технических специальностей, обучающихся за счет бюджетного финансирования с одновременным обязательным условием компенсации (депонирования на спецсчетах в Банке России) стоимости обучения за весь период обучения (с учетом индексирования инфляции) в случае выезда за рубеж для постоянной работы.

Обеспечение технологического суверенитета должно основываться на трех столпах:

- научные исследования и разработки, определенные на государственном уровне в качестве критических и сквозных: наличие перечня данных технологий должно обеспечивать создание научно-технологического задела и незамедлительного трансфера в экономику;

- производство высокотехнологичной продукции на основе критических и сквозных технологий, способствующее переходу к шестому технологическому укладу, и создание глобально конкурентоспособных высокотехнологичных продуктов и сервисов;

- экосистема технологического развития, не только объединяющая взаимосвязанные субъекты экономики и научно-образовательной деятельности, но и образующая институциональные, финансовые, организационные и прочие условия трансфера научных результатов в экономику и радикально изменяющая рыночное пространство национальной экономики.

¹ Memorandum of mutual understanding in energy saving and energy efficiency among the ministries and governmental agencies of BRICS, responsible for energy and energy efficiency. URL: https://www.hse.ru/data/2015/11/24/1081622111/Memo_with_BRICS_final.pdf

Реализация синергетического потенциала интеграции этих процессов должна осуществляться на основе параллельного развития науки и производственной системы в соответствии с глобальными трендами на энергопереход и целевыми установками устойчивого низкоуглеродного роста. Не менее значимым является технологическое обеспечение снижения энергоемкости и повышения экологичности и энергоэффективности производственных систем.

Энергоемкость российской экономики составила в 2021 г. 0,212 кое/\$15р, что в разы превышает показатели развитых стран: Великобритания — 0,053 кое/\$15р, Италия — 0,065 кое/\$15р, Германия — 0,070 кое/\$15р, Франция — 0,082 кое/\$15р, США — 0,104 кое/\$15р¹. Поэтому в числе целевых показателей, характеризующих достижение целей технологического развития, авторами предлагается «Снижение ВДВОЕ энергоемкости валового внутреннего продукта (к уровню базового 2022 г.)».

Применительно к региональной повестке обладание существенным индустриальным и научно-технологическим потенциалом при наличии достаточной природно-ресурсной базы создает объективные предпосылки формирования «плюсов инновационного роста», эффективного трансфера результатов фундаментальных и прикладных исследований в реальный сектор региональной экономики и обеспечения условий расширенного инновационного воспроизводства. Однако на смену традиционному убеждению, что технологический потенциал региона в зависимости от качества является стартовым условием для экономического развития, должно прийти признание факта коррекции прежних региональных пропорций и изменения специализации регионов, открывающее возможности развития новых технологических центров инновационного роста посредством реализации инфраструктурных проектов (например, Иннополис) [15].

На региональном уровне целесообразно сформировать:

- перечень промышленных производств и ресурсов, соответствующих государственным целям для подготовки государственного заказа по сквозным и критическим технологиям;
- реестр трудовых ресурсов и компетенций для отбора образовательных и научно-исследо-

вательских учреждений для подготовки необходимых кадров;

- модель и «дорожную карту» исполнения государственного заказа по профилям промышленных производств (по сквозным и критическим технологиям).

Для «старопромышленных» регионов, например регионов Урала, где ведущую роль в экономике играют отрасли 3-го и 4-го технологических укладов [10], важно определить следующие акценты региональной политики:

- формирование индустриальных комплексов, соответствующих государственным технологическим планам развития, например, металлургия — металлообработка — машиностроение;
- подготовка кадров для промышленности (ее модернизации, устойчивого роста и новой индустриализации) должна обеспечиваться одновременным развитием промышленности, науки (отраслевые НИИ, конструкторские бюро) и образования (университеты, региональные учреждения академии наук);
- сохранение и увеличение уровня инвестиций в промышленность, в т. ч. посредством механизмов промышленной ипотеки, реализации гособоронзаказа.

Выводы

На основе анализа зарубежных и отечественных научных подходов сформулировано авторское определение технологического суверенитета как компонента государственного суверенитета, обеспечивающего беспрепятственную реализацию всего комплекса национальных интересов и целей развития, формирующего базовые текущие и будущие потребности в критических и сквозных технологиях, гарантии информационной, энергетической, транспортной и прочих видов безопасности на всей территории страны на основе гармоничного взаимодействия государства, общества, науки.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов, представленных следующими положениями.

1. В условиях беспрецедентных санкций и перерастания «больших вызовов» в «вызовы технологического развития» прежние стратегические установки серьезно устарели. Технологические рывки не совершаются за несколько лет: на это уходят годы наращивания технологического и промышленного потенциала, формирования научно-технических и организационно-производственных условий.

¹ Global energy intensity improvement in 2021 is below. World Energy & Climate Statistics – Yearbook 2022. URL: <https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-energy-intensity-gdp-data.html>

2. Устранение вызовов технологического развития является критическим условием обеспечения технологического суверенитета России, заключающегося в формировании под национальным контролем совокупности технологий и условий промышленного производства, обеспечивающих государству и обществу незыблемые возможности и способности по беспрепятственной реализации собственных национальных целей развития и интересов.

3. Достижение цели технологического развития, наряду с обеспечением технологического суверенитета, перехода к инновационно-ориентированному экономическому росту и технологическим обеспечением производственных систем, должно быть дополнено требованиями повышения энергоэффективности

технологий, производств и всей национальной экономики.

4. Для регионов, являющихся базисом научно-технологического развития страны необходимо определить «полюсы роста», механизмы и инструменты, способствующие ускорению процессов формирования технологического суверенитета.

Положения исследования могут быть включены в Концепцию технологического развития Российской Федерации до 2030 года.

Поскольку уровень технологического развития во многом определяется показателем энергоэффективности промышленной базы, дальнейшее исследование целесообразно проводить в направлении оценки энергетических дефицитов российских регионов для выявления «полюсов роста» национальной индустрии.

Список источников

1. Суконкин А. В. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2021: коэффициент изобретательской активности в регионах Российской Федерации. М. : Федер. ин-т пром. собств. (ФИПС), 2022. 59 с.
2. Афанасьев А. А. Формирование ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России : монография. М. : Первое экономическое издательство, 2022. 108 с.
3. Афанасьев А. А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика предпринимательства и права. 2022. Т. 12, № 3. С. 2377–2394.
4. Гидденс Э. Навстречу глобальному веку / пер. с англ. С. П. Баньковской // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 436–452.
5. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд и др. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. М. : Праксис, 2004. 576 с.
6. Горин Е. А., Имзалиева М. Р. Современная промышленная политика: технологический суверенитет // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 1. С. 238–245. doi: 10.33619/2414-2948/86/32.
7. Дементьев В. Е. Обновление технологической базы производства и технологический суверенитет страны // Системное моделирование социально-экономических процессов : труды 45-ой Юбил. междунар. науч. школы-семинара, д. Красновидово Московской области, 03–09 октября 2022 года. Воронеж : Изд-во «Истоки», 2022. С. 228–233. doi: 10.5281/zenodo.7408919.
8. Довбий И. П., Шмаков Б. В. Кривые Альтшуллера-Фостера в инновационном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10, № 2. С. 105–111. doi: 10.14529/em160214.
9. Довбий И. П. Финансовые и экономические условия энергоперехода для национальной экономики // Финансовый журнал. 2022. Т. 14, № 5. С. 25–42.
10. Мельников А. Е. Тенденции развития экономики старопромышленных регионов России // Проблемы развития территории. 2018. Вып. 4. № 96. С. 59–71.
11. Жданеев О. В. Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации // Записки Горного института. 2022. № 258. С. 1061–1070. doi: 10.31897/PMI.2022.107.
12. Мингалев Ж. А., Сигова М. В. Финансовые аспекты реализации четвертого энергоперехода // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 5. С. 43–58. doi: 10.31107/2075-1990-2022-5-43-58.
13. Никитина С. Н. Нравственный аспект научно-технического прогресса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2011. № 2 (70). Ч. 2. С. 180–184.
14. Путь в XXI век: Стратегические проблемы и перспективы российской экономики : монография / Д. С. Львов, В. Г. Гребенников, В. Е. Маневич и др.; подг. под рук-вом Д. С. Львова. М. : Экономика, 1999. 792 с.

15. Рожков Е. В. Внедрение цифровых технологий на региональном уровне // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-Экономические науки. 2021. Т. 14, № 4. С. 172–180.
16. Сироткин О. Технологический облик России на рубеже XXI века // Экономист. 1998. № 4. С. 3–20.
17. Соколова И. И. Оценка эффектов трансрегионального сотрудничества группы стран БРИКС на фоне новой структуры геоэкономического пространства // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2022. № 2. С. 4.
18. Степанова Т. Д. Технологический суверенитет России как элемент экономической безопасности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 9А. С. 567–577. doi: 10.34670/AR.2022.19.76.
19. Фальцман В. Технологический суверенитет России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. № 3. С. 83–91.
20. Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 76–81.
21. Bauer M., Erixon F. Europe's Quest for Technology Sovereignty: Opportunities and Pitfalls. ECIPE occasional paper, 2020. 42 p.
22. Chesbrough H., Bogers M. Explicating Open Innovation: Clarifying an Emerging Paradigm for Understanding Innovation. New Frontiers in Open Innovation. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 3–28. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199682461.003.0001.
23. Couture S., Toupin S. What does the notion of «sovereignty» mean when referring to the digital? International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15, No. 4. P. 48–69.
24. Dunning W. Jean Bodin on sovereignty // Political Science Quarterly. 2013. Vol. 11, No. 1, P. 82–104.

References

1. Sukonkin AV. Analiticheskiye issledovaniya sfery intellektual'noy sobstvennosti 2021: koeffitsiyent izobretatel'skoy aktivnosti v regionakh Rossiyskoy Federatsii = Analytical studies of the sphere of intellectual property 2021: the coefficient of inventive activity in the regions of the Russian Federation. Moscow: Federal Institute of Industrial Property (FIPS); 2022. 59 p. (In Russ.)
2. Afanasiev AA. Formirovaniye ogranichenno otkrytoy ekonomiki suverennogo tipa v sovremennoy Rossii = Formation of a Limitedly Open Economy of a Sovereign Type in Modern Russia. Moscow: First economic publishing house; 2022. 108 p. (In Russ.).
3. Afanasiev AA. Technological sovereignty as a scientific category in the system of modern knowledge. *Ekonomika predprinimatel'stva i prava = Economics of Entrepreneurship and Law*. 2022;12(3):2377-2394. (In Russ.).
4. Giddens E. Towards the global century. *Otechestvennyye zapiski = Notes of the Fatherland*. 2002;(6):436-452. (In Russ.).
5. Held D. Global transformations: Politics, economics, culture. Moscow: Praxis, 2004. 576 p. (In Russ.).
6. Gorin EA, Imzalieva MR. Contemporary Industrial Policy: Technological Sovereignty. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2023;9(1):238-245. (In Russ.). doi: 10.33619/2414-2948/86/32. (In Russ.).
7. Dementiev VE. Upgrading the technological base of production and the technological sovereignty of the country. In: *Sistemnoye modelirovaniye sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov = System modeling of socio-economic processes* Voronezh: Publishing house "Istoki"; 2022. Pp. 228–233. doi 10.5281/zenodo.7408919. (In Russ.).
8. Dovbiy IP, Shmakov BV. Curves of Altshuller-Foster in Innovation Process. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2016;10(2):105-111. doi: 10.14529/em160214. (In Russ.).
9. Dovbiy IP. Financial and Economic Conditions of the Energy Transition for the National Economy. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2022;14(5):25-42. doi:10.31107/2075-1990-2022-5-25-42. (In Russ.).
10. Melnikov AE. Trends in the development of the economy of the old industrial regions of Russia. *Problemy razvitiya territorii = Problems of territory development*. 2018;4(96):59-71. (In Russ.).

11. Zhdaneev OV. Technological sovereignty of the Russian Federation fuel and energy complex. *Zapiski Gornogo instituta = Journal of Mining Institute*. 2022;(258):1061-1070. doi: 10.31897/PMI.2022.107. (In Russ.).
12. Mingaleva ZhA, Sigova MV. Financial Aspects of the Implementation of the Fourth Energy Transition. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2022;14(5):43-58. doi: 10.31107/2075-1990-2022-5-43-58. (In Russ.).
13. Nikitina SN. Moral aspect of scientific and technical progress. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva = Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovleva*. 2011;2-2(70):180-184. (In Russ.).
14. Lvov DS, Grebennikov VG, Manevich VE et al. Put' v XXI vek: Strategicheskiye problemy i perspektivy rossiyskoy ekonomiki = Path to the XXI century: Strategic problems and prospects of the Russian economy. Moscow: Economics; 1999. (In Russ.).
15. Rozhkov EV. Implementation of digital technologies at the regional level. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-Ekonomicheskiye nauki = Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2021;14(4):172-180. doi: 10.17213/2075-2067-2021-4-172-180. (In Russ.).
16. Sirotkin O. Technological image of Russia at the turn of the XXI century. *Ekonomist = The Economist*. 1998;(4):3-20. (In Russ.).
17. Sokolova II. Evaluation of the effects of trans-regional cooperation of the BRICS group of countries against the background of the new structure of the geo-economic space. *A-faktor: nauchnyye issledovaniya i razrabotki (gumanitarnyye nauki) = A-factor: scientific research and development (humanitarian sciences)*. 2022;(2):4. (In Russ.).
18. Stepanova TD. Technological sovereignty of Russia as an element of economic security. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;12(9A):567-577. doi: 10.34670/AR.2022.19.76.044. (In Russ.).
19. Fal'tsman V. Technological sovereignty of Russia. Statistical measurements // *Sovremennaya Yevropa = Modern Europe*. 2018;(3):83-91. (In Russ.).
20. Yankovskaya ES. Technological sovereignty of Russia: concept, essence, strategy and ways of its implementation. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii = Uchenye zapiski St. Petersburg named after VB. Bobkov branch of the Russian Customs Academy*. 2022;4(84):76-81. (In Russ.).
21. Bauer M, Erixon F. Europe's Quest for Technology Sovereignty: Opportunities and Pitfalls. *ECIPE occasional paper*. 2020;(2):42.
22. Chesbrough H, Bogers M. Explicating Open Innovation Clarifying an Emerging Paradigm for Understanding Innovation. In Chesbrough H, Vanhaverbeke W & West J (eds.) *New Frontiers in Open Innovation*: 3-28. Oxford: Oxford University Press; 2014. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199682461.003.0001.
23. Couture S, Toupin S. What does the notion of "sovereignty" mean when referring to the digital? *International Organisations Research Journal*. 2020.15(4):48-69.
24. Dunning W. Jean Bodin on sovereignty. *Political Science Quarterly*. 2013;11(1):82-104.

Информация об авторах

И. П. Довбий — профессор кафедры экономической безопасности.

В. В. Кобылякова — аспирант.

А. А. Минкин — аспирант.

М. В. Кондратов — старший преподаватель кафедры прикладной экономики Экономического факультета (Челябинский государственный университет); старший преподаватель кафедры экономики и управления (Южно-Уральский технологический университет).

Information about the authors

I. P. Dovbiiy — Professor of the Department of Economic Security.

V. V. Kobylyakova — postgraduate student.

A. A. Minkin — postgraduate student.

M. V. Kondratov — Senior Lecturer of the Department of Applied Economics, Faculty of Economics (Chelyabinsk State University); Senior Lecturer of the Department of Economics and Management (South Ural Technological University).

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.24

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОМПАНИЕЙ

Владислав Михайлович Седельников

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия, vms-1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0494-2647>

Аннотация. Сформулирована проблема необходимости адаптации компаний к изменениям факторов внешней и внутренней среды, повышения эффективности разрабатываемых и реализуемых стратегий, поиска подходящих инструментов и методов, необходимых для этого. Цель исследования — выявить ключевые подходы к процессу стратегического управления, его основным концепциям и методам. В ходе исследования были систематизированы основные подходы к определению дефиниции «стратегическое управление», обоснован системный подход, в наибольшей степени отвечающий вызовам внешней среды. В процессе анализа эволюции подходов и моделей стратегического управления были выделены продукто-ориентированный, клиентоориентированный и ценностно ориентированный подходы, предложено авторское определение стратегии с позиции ценностно ориентированного подхода, учитывающего возможности применения маркетинговых технологий в процессе стратегического управления. Трансформация стратегий позволяет сделать вывод о расширении списка доступных методов и инструментов, применяемых в процессе формирования, обсуждения и реализации стратегий компаний. В рамках методологии автором предложен организационно-экономический механизм реализации стратегии на примере предприятий ресторанного бизнеса, который, в отличие от уже существующих, базируется на использовании маркетингового инструментария и оценке нематериальных показателей взаимодействия компании и потребителей. В качестве перспективных направлений исследований могут выступать оценка эффективности реализуемых стратегических управленческих решений и формирование сценариев развития компаний в средне- и долгосрочной перспективе на основе рассмотренного теоретико-методологического инструментария.

Ключевые слова: стратегическое управление, стратегия, методы стратегического управления

Финансирование. Исследование выполнено в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2023 год.

Для цитирования: Седельников В. М. Теоретико-методологические аспекты стратегического управления компанией // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 23–35.

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STRATEGIC MANAGEMENT OF THE COMPANY

Vladislav M. Sedelnikov

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, vms-1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0494-2647>

Abstract. Is formulated the problem of the need to adapt companies to changes in external and internal environment factors, increase the efficiency of developed and implemented strategies, search for suitable tools and methods necessary for this. The purpose of the study is to identify key approaches to the process of strategic management, its main concepts and methods. In the course of the study, were systematized the main approaches to defining the definition of “strategic management”, and was substantiated a systematic approach that best meets the challenges of the external environment. In the process of analyzing the evolution of approaches and models of strategic management, were identified product-oriented, client-oriented and value-oriented approaches, was proposed the author’s definition of strategy from the standpoint of a value-oriented approach, taking into account the possibility of using marketing technologies in the process of strategic management. The transformation of strategies allows us to conclude

that the list of available methods and tools used in the process of forming, discussing and implementing company strategies is expanding. Within the framework of the methodology, the author proposes an organizational and economic mechanism for implementing the strategy on the example of restaurant business enterprises, which, unlike existing ones, is based on the use of marketing tools and the assessment of intangible indicators of interaction between the company and consumers. As promising areas of research, there can be an assessment of the effectiveness of implemented strategic management decisions and the formation of scenarios for the development of companies in the medium and long term based on the considered theoretical and methodological tools.

Keywords: strategic management, strategy, methods of strategic management

Funding. The study was carried out in accordance with the Research Plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2023.

For citation: Sedelnikov VM. Theoretical and methodological aspects of the strategic management of the company. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):23-35. (In Russ.).

Введение

В настоящее время все большее количество предприятий сталкиваются с высокой конкуренцией на внешних и внутренних рынках, что обусловлено глобализацией бизнеса, стремительным развитием информационных технологий, совершенствованием производственных процессов и процессов дистрибуции и распределения готовой продукции. В 2020–2021 гг. в качестве катализатора колоссальных изменений мировой экономической системы выступила пандемия коронавируса. В 2022 г. на развитие глобальных сетевых игроков повлияла геополитическая ситуация. При этом активно, начиная с 2020 г., проявляют себя новые тенденции, связанные с использованием информационных технологий и переходом к новым технологическим решениям. Все это не могло не сказаться на изменении потребительского поведения: с развитием информационных технологий потребители лучше разбираются в характеристиках приобретаемых товаров (услуг), их ценовой категории и уровне их качества, что приводит к проблеме привлечения новых клиентов или удорожания уже существующих. На авансцену выходят нематериальные факторы, такие как удовлетворенность и лояльность, фактор взаимоотношений с потребителем, создаваемая совместная ценность. Поэтому классиче-

ский инструментарий маркетинга и менеджмента может не приносить желаемых результатов, а оперативное вмешательство компании в текущие дела в долгосрочной перспективе не позволяет достичь стратегических целей и ориентиров.

В данной ситуации для бизнеса на авансцену выходит способность провести качественный анализ факторов внешней и внутренней среды, имеющихся внутренних возможностей и финансовых ресурсов, что актуализирует появление новых теоретико-методологических подходов к инструментарию стратегического управления.

Цель данного исследования — проанализировать теоретические подходы отечественных и зарубежных ученых к стратегическому управлению, отразить эволюционные изменения концепций стратегического управления, представить пул инструментов и методов, применяемых в процессе стратегического управления.

Теоретический обзор подходов к определению стратегического управления

На основании проведенного анализа научных работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблематике стратегического управления, автором были выделены пять ключевых подходов к определению данной дефиниции (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Характеристика основных подходов к определению понятия «стратегическое управление» Characteristics of the main approaches to the definition of the concept of “strategic management”

Подход	Основные представители	Определение
Процессный подход	Дж. М. Хиггинс [19]	Процесс управления компанией на основе реализации ее миссии в рамках взаимодействия предприятия и заинтересованных сторон из внешнего окружения
	А. А. Томпсон, А. Дж. Стрикленд [10]	Процесс разработки стратегического видения компании, выработки стратегических целей и ориентиров, реализации стратегии, ее своевременной корректировки на основе полученных результатов

Окончание таблицы 1
Table 1 (end)

Подход	Основные представители	Определение
	Д. Е. Шендел, К. Дж. Хаттен [31]	Процесс реализации стратегических целей на основе распределения имеющихся внутренних ресурсов и установления эффективных взаимоотношений с физическим окружением организаций
Целевой подход	А. Д. Чандлер [14]	Выявление ключевых стратегических целей и задач предприятия, осуществление стратегических действий и распределение ресурсов, необходимых для достижения сформированных стратегических ориентиров
	Е. А. Лернд [24]	Совокупность сформулированных стратегических целей, стратегического планирования и политики предприятия по их реализации
Плановый подход	М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури [6]	Комплексный план развития предприятия, направленный на реализацию миссии и достижение стратегических целей организации
	Г. Минцберг [7]	План развития предприятия, совокупность стратегических действий и перспектив развития, с учетом причинно-следственных взаимосвязей между ними
Функциональный подход	Дж. Пирс, Р. Робинсон [26]	Совокупность стратегических действий и решений по разработке и реализации стратегий предприятий, с целью достижения их стратегических ориентиров
	И. Ансофф [2]	Деятельность предприятия по постановке стратегических целей и задач предприятия, их реализации на основе соотношения с имеющимися возможностями и ресурсами предприятия и степени восприимчивости к проявлениям факторов внешней среды
	Л. Г. Зайцев, М. И. Соколова [4]	Деятельность предприятия по выбору образа стратегических действий с целью достижения долгосрочных ориентиров развития организации с учетом влияния факторов внешней и внутренней среды
	Л. С. Шеховцева [11]	Деятельность по формированию стратегических целей организации и сценариев их достижения для обеспечения конкурентных преимуществ в условиях нестабильности внешней среды
Системный подход	А. А. Томпсон, А. Дж. Стрикленд [9]	Системный подход к управлению стратегическими целями предприятия, который состоит из позиционирования организации во внешней среде, стратегического реагирования на любые изменения внешней среды, систематического управления на основе принимаемых стратегических управленческих решений
	О. С. Виханский [3]	Комплексная система разработки и реализации стратегических целей организации, состоящая из трех этапов (стратегический анализ, стратегический выбор и реализация стратегии), в основе которой лежат прогнозирование изменений внешней среды и выработка мер по нивелированию отрицательных эффектов и воздействию на них
	Д. Аакер [1]	Система стратегических действий, целью которых является ориентация на факторы внешней среды, поддержка информационных систем, своевременность принимаемых стратегических управленческих решений

Источник: составлено автором по материалам исследования

В качестве наиболее полного, на наш взгляд, выступает системный подход, включающий в себя черты вышеобозначенных подходов.

В рамках системного подхода автор под стратегическим управлением понимает управление развитием компании, позволяющее своевременно спрогнозировать изменения внешней среды и на основе имеющихся финансовых ресурсов, потенциала и возможностей предприятия достигать поставленных стратегических целей и ориенти-

ров, обеспечивать конкурентоспособность производимых товаров (услуг) и формировать устойчивые конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе.

В качестве результата стратегического управления выступает формирование и реализация стратегии развития предприятия. Каждый из данных этапов представляет собой сложный и длительный процесс, в рамках которых происходит переоценка поставленных стратегических целей

и задач, а также производится анализ состояния внешней и внутренней среды и мониторинг полученных результатов, которые сравниваются с первоначальными стратегическими ориентирами.

Результаты исследования и их обсуждение

Термин «стратегическое управление» начал активно применяться в зарубежной науч-

ной литературе в 1960–70 гг. с целью внесения различий между тактическим (оперативным) управлением и стратегическим управлением, который осуществляется топ-менеджментом предприятия. В таблице 2 отражены основные отличия между стратегическим и оперативным менеджментом.

Таблица 2

Table 2

Сравнительная характеристика стратегического и оперативного менеджмента Characteristics of the main approaches to the definition of the concept of “strategic management”

Признаки	Оперативный менеджмент	Стратегический менеджмент
Миссия организации	Получение прибыли за счет производства товаров (услуг)	Реализация стратегических целей и задач посредством анализа факторов внешней среды и внутренних ресурсов в долгосрочной перспективе
Проблемы	Проблемы, связанные с эффективным использованием ресурсов	Проблемы внешнего окружения фирмы, поиска новых конкурентных преимуществ
Факторы построения системы управления	Организационная структура фирмы, технологии производства	Человеческий фактор, информационные системы, учет рыночного фактора
Взгляд на работников	Работники — человеческий ресурс предприятия и исполнители работ (услуг)	Работники — базис предприятия, основной ресурс и фактор благополучия организации
Эффективность	Проявляется в максимальном уровне прибыли, рационализации производства	Проявляется в скорости реагирования организации на изменения внешней среды, рынка и степени адаптации к ним

Источник: составлено автором по материалам исследования

В своем эволюционном развитии задачи стратегического управления, управленческие системы, а также среда управления предприятием прошли путь от стабильной обстановки во внешней среде к турбулентной. В таблице 3 представлена эволюция основных теорий и концепций стратегического управления.

Если первоначально в научных концепциях организация представлялась как стабильная закрытая система, которая не ощущает воздействий факторов внешней среды, то в современных концепциях стратегического управления организация описывается как открытая система, акцент переносится на зависимость организаций от действий, заинтересованных стейкхолдеров, в том числе из внешней среды, например потребителей продукции (услуг) предприятия. При этом стоит отметить, что изменился и процесс принятия управленческих решений. Так, если в условиях стабильности управленческие решения принимаются в рамках заданного заранее алгоритма, то в условиях турбулентности управленческие решения могут приниматься интуитивно или на основании прошлого успешного опыта.

На современном этапе развития, характеризующемся динамичными изменениями внешней среды, повышением уровня ее неопределенности, усилением глобализационных бизнес-процессов и наличием гиперконкуренции на внешних и внутренних рынках, изменениями в общественных отношениях, развитием информационных технологий, переходом к новым технологическим решениям и появлением новой модели поведения потребителя, более осведомленного и чувствительного к ценовой политике предприятий и качеству производимой ими продукции, происходит появление новых теоретико-методологических подходов к стратегическому управлению в целом и процессу реализации стратегий в частности.

Как известно, стратегическое управление как процесс, состоит из двух основных этапов: разработки и реализации стратегии, — которым предшествует стратегический анализ, а по итогам производится оценка реализуемой стратегии [17; 18; 22; 25; 30; 32]. Под реализацией стратегии понимается процесс, использующий набор методов и моделей поведения для достижения устойчивых конкурентных преимуществ и стратегических целей компаний [23; 35].

Эволюция концепций стратегического управления

The evolution of strategic management concepts

Название концепции	Основные представители и их труды	Характеристика, ключевые результаты
Ранние теории («Стратегический менеджмент как политика бизнеса»)	А. Д. Чандлер (1962) «Стратегия и структура», И. Ансофф (1965) «Корпоративная стратегия», Е. А. Лернд (1969) «Политика бизнеса» [12; 14; 24]	Ученые впервые обозначили дефиницию стратегии, выявили причинно-следственные взаимосвязи между факторами внешней среды, стратегией организации и ее организационной структурой. Впервые учеными была разработана методика SWOT-анализа, которая позволила соотносить внутренний потенциал предприятия и внешние возможности
Конкурентные стратегии	М. Портер (1998) «Конкурентная стратегия», «Конкурентные преимущества» [28; 29]	На основе структурного анализа, М. Портер использовал SCP-парадигму (структура — поведение — результат) для описания конкурентного положения предприятия в отрасли. Автором были предложены стратегии, в основе которых лежат конкурентные преимущества предприятия (лидерство по издержкам, фокусирование и дифференциация), а также методика 5 конкурентных сил, выявляющих конкурентные позиции фирмы на рынке
Теории на основе организаций	Теория транзакционных издержек. Р. Коуз (1937) «Природа фирмы», О. Е. Уильямсон (1975) «Рынки и иерархии», (1987) «Экономические институты капитализма» [15; 33; 34]	В основе теории ученые выделили транзакцию как единичный акт взаимодействия предприятия и потребителей, которую использовали для нахождения взаимозависимостей между минимизацией издержек и эффективностью деятельности предприятия. Авторами были выявлены такие отрицательные эффекты транзакционных издержек, как потребительский оппортунизм и неопределенность, ограниченная рациональность
	Теория агентских соглашений. Е. Ф. Фама (1980) «Агентские проблемы и теория фирм», М. С. Дженсен, В. Х. Меклинг (1976) «Теория фирм» [16; 21]	Учеными рассматривались агентские соглашения между акционерами и менеджерами предприятия. Научные результаты теории агентских соглашений активно применяются в стратегическом и корпоративном управлении, в сфере инноваций и диверсификации
Ресурсные теории	Теория ресурсов. Е. Т. Пенроуз, К. Пителис (2009) «Теория роста фирм», Дж. Б. Барни (1991) «Ресурсы фирмы и устойчивые конкурентные преимущества» [13; 27]	Учеными исследовалась ресурсная составляющая предприятия, возможности выявлять и развивать конкурентные преимущества. В качестве ключевых целей данной теории выступали привлечение ресурсов для наращивания экономической ренты и повышение эффективности их применения
	Теория стратегических решений и управления. Р. Е. Хоскиссон (1999) «Теория и исследования в стратегическом менеджменте» [20]	Ученые в рамках данной теории сделали акцент на отдельные органы управления компанией и ее лидеров, их управленческие роли

Источник: составлено автором по материалам исследования

В авторском исследовании были выделены три ключевых подхода к процессу реализации стратегий: фирмоцентричный (продукто-ориентированный), клиентоориентированный и клиентоцентричный (ценностно ориентированный) [8]. В рамках каждого из этапов стратегического управления (стратегический анализ,

стратегическое планирование и разработка стратегии, реализация стратегии, контроль и мониторинг полученных результатов) наблюдается переход от продукто-ориентированного подхода, который акцентирует свое внимание на товаре, вопросах сбыта и эффективности продаж, а также конкурентоспособности производимой

продукции предприятия, к ценностно ориентированному подходу, направленному на учет нематериальных факторов (удовлетворенности и лояльности, в первую очередь), ценностей

и ожиданий потребителей, повышение качества их обслуживания.

На рисунке 1 представлена эволюция подходов к процессу стратегического управления.

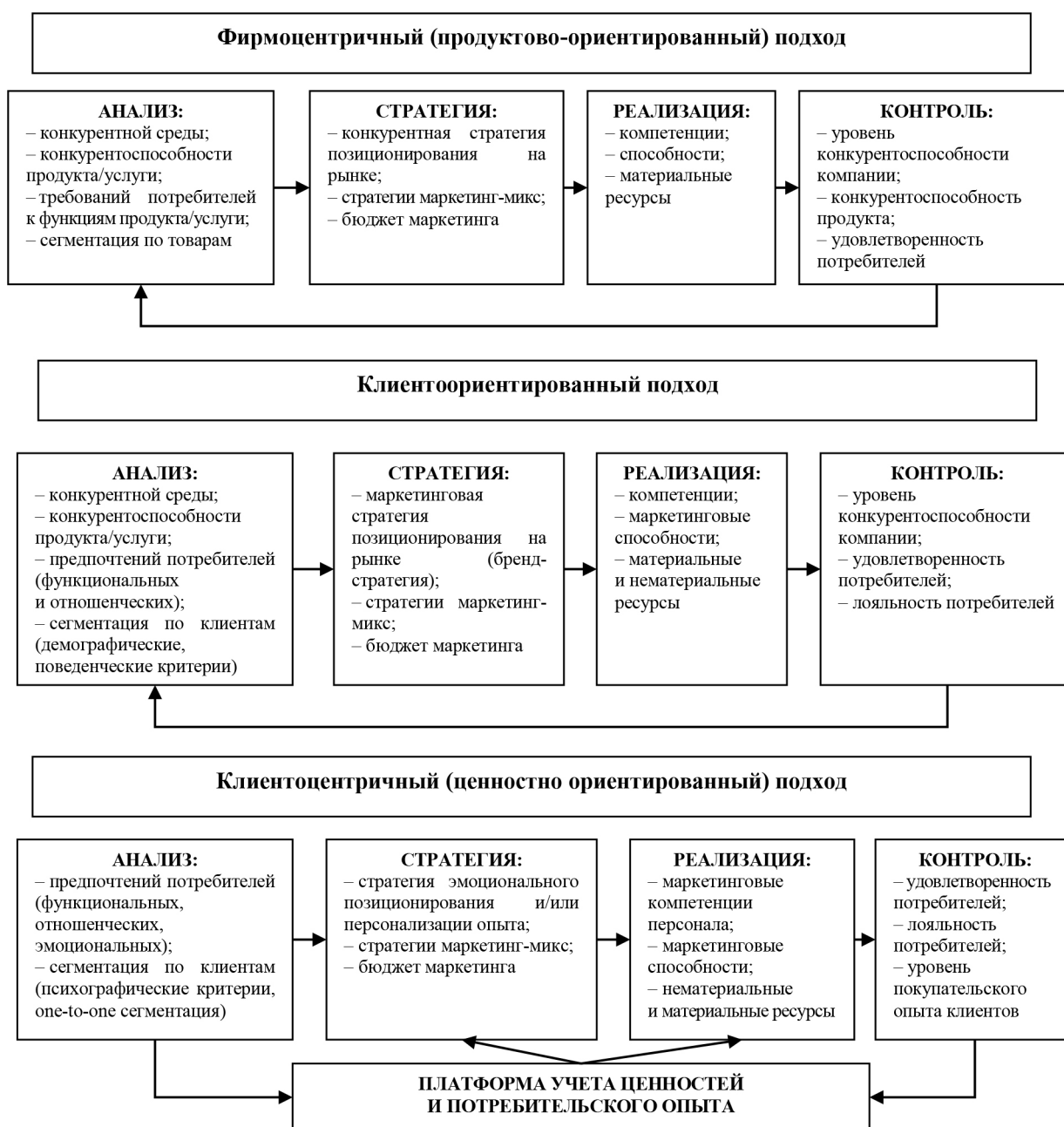

Рис. 1. Эволюция подходов и моделей стратегического управления

Источник: составлено автором

Fig. 1. Evolution of approaches and models of strategic management

Source: compiled by the author

В отличие от традиционного подхода в стратегическом менеджменте, согласно которому стратегия представляет собой всесторонний комплексный план, предназначенный для определения и реализации долгосрочных целей компании, автором, в дополнение к уже существующим под-

ходам, предложено определение в рамках отношенческого (ценностно ориентированного) подхода, учитывающее возможности применения маркетинговых технологий в процессе реализации стратегии: *стратегия* — система стратегических действий по развитию компании, имеющая

своей целью формирование долгосрочных взаимоотношений с потребителями и повышение уровня их удовлетворенности, вовлеченности и лояльности на протяжении всего периода взаимодействия с потребителем.

Методология стратегического управления

Стоит отметить, что в процессе эволюции подходов к стратегическому управлению, изменяется и его методический инструментарий.

Под методом стратегического управления понимается способ осуществления управленческого воздействия на объект управления для реализации стратегических целей его развития. Каждому методу стратегического управления присущ набор инструментов, с помощью которых осуществляется практическая реализация целей развития.

В таблице 4 представлены основные методы и инструменты, применяемые предприятиями в процессе стратегического управления.

Таблица 4
Table 4

Характеристика основных методов и инструментов стратегического управления предприятием

Characteristics of the main methods and tools of strategic enterprise management

№ п/п	Название метода, инструмента	Характеристика метода
1	Жизненный цикл товаров	Направлен на анализ стадий жизненного цикла товаров (услуг) предприятия
2	Дерево целей	Направлен на создание иерархической структуры целей
3	Модель Менделоу «заинтересованное лицо»	Направлен на выявление групп стейкхолдеров (заинтересованных сторон) с учетом их целей, интересов и ценностных ориентиров
4	GAP-анализ	Направлен на нахождение «разрывов» в процессе достижения стратегических целей и построение сценариев по устранению данных «разрывов»
5	Модель 5 конкурентных сил Портера	Направлен на оценку конкурентной ситуации в отрасли и уровня благоприятности ведения бизнеса
6	Анализ затрат, экономический анализ производства и реализации товаров, анализ финансовых результатов	Направлены на выявление причинно-следственных связей, взаимовлияние составляющих бизнеса в процессе получения прибыли
7	Многофакторная модель Э. Алтмана, методы анализа рисков	Направлены на исследование рисков организации и возможной вероятности банкротства
8	STEP, PEST-анализ	Направлены на анализ факторов внешней среды предприятия
9	Управление по целям П. Друкера	Направлен на прогнозирование возможных результатов деятельности организации и сценариев их достижения
10	Наблюдения и опросы экспертов	Направлены на привлечение экспертного сообщества с целью прогнозирования и анализа параметров внешней и внутренней среды организации
11	Корреляционный и регрессионный анализ, экстраполяция трендов, прогнозирование	Направлены на причинно-следственный анализ взаимосвязей между факторами внутренней и внешней среды организации, анализ итоговых показателей и динамики развития
12	Система сбалансированных показателей (ССП), модель стратегических карт Л. Мейсея	Направлены на анализ материальных и нематериальных показателей, которые иллюстрируют стратегические цели и задачи предприятия
13	SWOT-анализ	Направлен на выявление внутреннего потенциала, а также возможностей и угроз развития предприятия
14	Портфельный анализ	Направлен на выявление приоритетности осуществления инвестиций в развитие предприятия
15	Пирамида деятельности предприятия К. МакНайра, Р. Линча и К. Кросса	Направлен на обнаружение взаимосвязей между стратегией организации, а также финансовыми и нефинансовыми индикаторами его деятельности
16	Оценка эффективности деятельности и роста	Направлен на выявление эффективности деятельности организации

Источник: составлено авторов на основе [5]

На рисунке 2 выявлены наиболее часто применяющиеся на каждом из этапов стратегического управления методы.

На основании рассмотренных методов и инструментов стратегического управления компанией, автором был разработан организационно-

экономический механизм реализации стратегии на примере предприятий ресторанного бизнеса, который, в отличие от уже существующих, включает в себя совокупность организационных, экономических и матричных инструментов (рис. 3).

Анализ среды	Постановка целей	Разработка стратегии
– SNW-анализ; – SWOT-анализ; – многофакторный анализ; – комплексный экономический анализ	– принципы SMART; – экспертные методы; – методы бенчмаркинга; – дерево целей	– матрица И. Ансоффа; – экспертные методы; – сбалансированная система показателей; – GAP-анализ
Моделирование	Реализация стратегии	Оценка и контроль
– экономико-математические прогнозные модели; – экстраполяция; – сценарный прогноз; – экспертные методы; – регрессионный анализ	– методы мотивации персонала; – методы целевого управления; – сбалансированная система показателей	– анализ отклонений; – методы формирования управленческой отчетности; – методы предварительного и текущего контроля

Рис. 2. Методы стратегического управления компанией

Источник: составлено автором

Fig. 2. Methods of strategic management of the company

Source: compiled by the author

Рис. 3. Организационно-экономический механизм реализации стратегии предприятий ресторанного бизнеса

Источник: составлено автором

Fig. 3. Organizational and economic mechanism for implementing the strategy of restaurant business enterprises

Source: compiled by the author

На рисунке 4 отражены этапы выбора стратегии, которые включают в себя использование системы сбалансированных показателей для формирования стратегической карты развития предприятий, определение конкурентного положения компаний на основе инструментария ма-

триц Томпсона-Стрикленда, расчет показателей клиентской базы предприятия и интегральных показателей удовлетворенности, вовлеченности и лояльности с целью выявления наиболее подходящей стратегии развития предприятий ресторанного бизнеса.

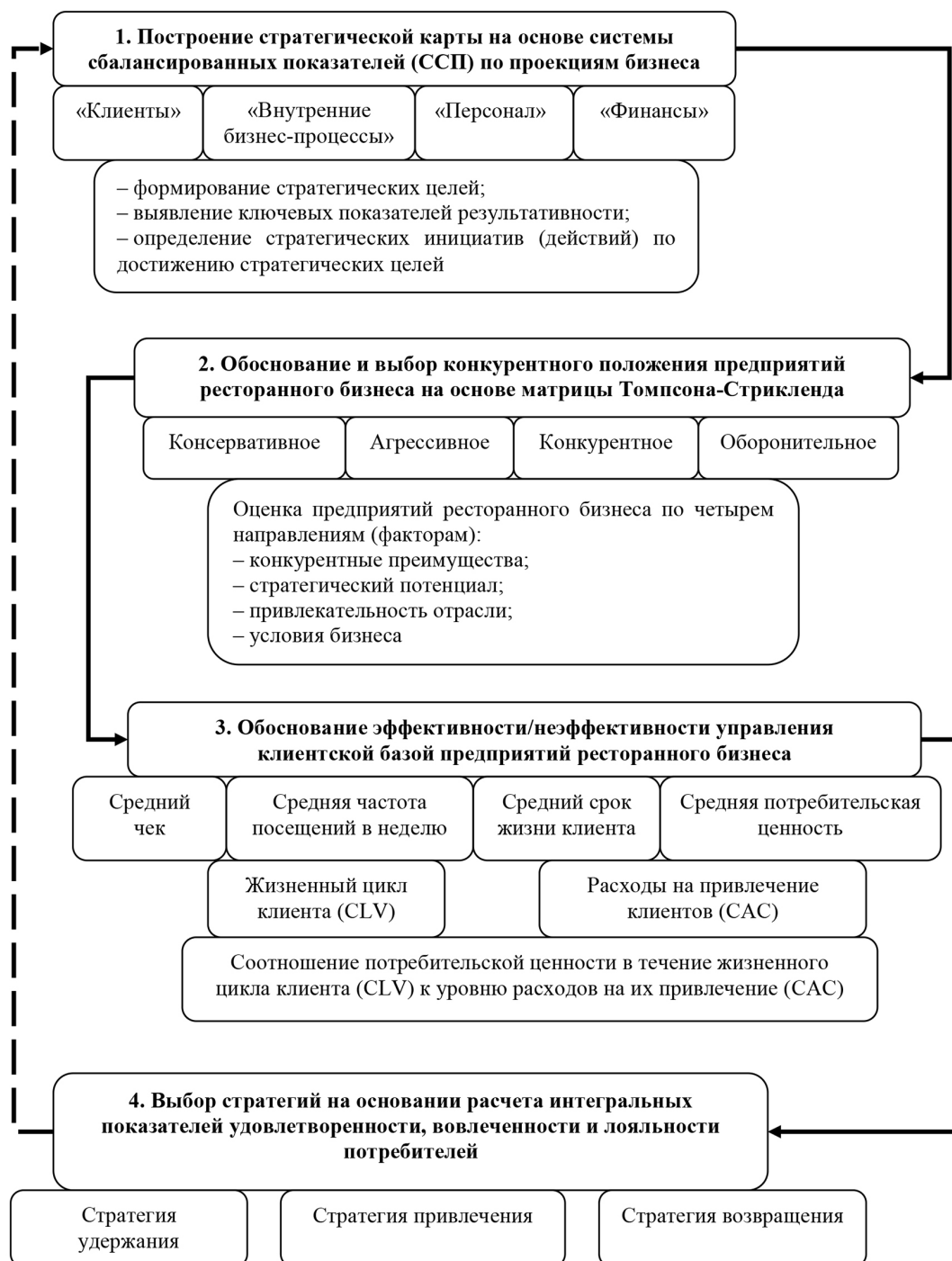

Рис. 4. Этапы выбора стратегий

Источник: составлено автором

Fig. 4. Stages of choosing strategies

Source: compiled by the author

Заключение

Таким образом, на основании исследования можно сделать следующие выводы.

Проведенный обзор научных работ отечественных и зарубежных ученых позволил выделить пять ключевых подходов к определению понятия «стратегическое управление». В качестве наиболее полного, на наш взгляд, выступает системный подход, в рамках которого под стратегическим управлением понимается управление развитием компании, позволяющее своевременно прогнозировать изменения внешней среды, и на основе имеющихся финансовых ресурсов, потенциала и возможностей предприятия, достигать поставленных стратегических целей и ориентиров, обеспечивать конкурентоспособность производимых товаров (услуг) и формировать устойчивые конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе.

Рассмотренная в работе эволюция подходов, концепций и моделей стратегического управления позволяет сделать вывод об изменении статуса организаций с закрытой на открытую систему, подверженную воздействиям факторов внешней и внутренней среды. Это приводит к изменениям методологического инструментария стратегического управления, расширению списка доступных методов и инструментов, применяемых в процессе формирования, обсуждения и реализации стратегии компании.

В качестве дальнейших направлений исследований могут выступать оценка эффективности реализуемых стратегий компаний и формирование сценариев развития компаний в среднесрочной и долгосрочной перспективе на основе рассмотренного теоретико-методологического инструментария.

Список источников

1. Аакер Д. Стратегическое рыночное управление / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 2002. 544 с.
2. Ансофф И. Стратегическое управление / пер. с англ. ; под науч. ред. Л. И. Евенко. М. : Экономика, 1989. 519 с.
3. Виханский О. С. Стратегическое управление : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Гардарики, 2003. 292 с.
4. Зайцев Л. Г., Соколова М. И. Стратегический менеджмент : учебник. М. : Экономистъ, 2005. 416 с.
5. Иванова Т. Л., Мызникова М. А. Систематизация методов и инструментов стратегического управления предприятием в соответствии с его этапами в условиях неопределенности // Вестник: научный журнал. 2021. № 7. С. 107–112.
6. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. О. И. Медведь. М. : Вильямс, 2012. 672 с.
7. Минцберг Г., Куинн Д. Б., Гошал С. Стратегический процесс / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 2001. 688 с.
8. Седельников В. М. Категориально-понятийный аппарат трансформации маркетинговых стратегий предприятий общественного питания // Вестник университета. 2022. № 9. С. 81–89. doi: 10.26425/1816-4277-2022-9-81-89.
9. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии : учебник для вузов / пер. с англ. под ред. Л. Г. Зайцева, М. И. Соколовой. М. : Банки и биржи : ЮНИТИ, 1998. 576 с.
10. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа / пер. с англ. 12-е изд. М. : Вильямс, 2007. С. 78.
11. Шеховцева Л. С. Стратегический менеджмент : учеб. пособие. Калининград : Изд-во РГУ им. Канта, 2006. 153 с.
12. Ansoff H. I. Corporate Strategy: An Analytical Approach to Business Policy for Growth and Expansion. McGraw Hill Book Co.: N. Y., 1965. 241 p.
13. Barney J. B. Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17. P. 99–120. doi: 10.1177/014920639101700108.
14. Chandler A. D. Strategy and structure: Chapters in the history of the American industrial enterprise. MIT Press Cambridge, MA, 1962. 480 p.
15. Coase R. The Nature of the Firm // Economica. 1937. Vol. 4, № 16. P. 386–405.
16. Fama E. F. Agency problems and the theory of the firm // Journal of Political Economy. 1980. Vol. 88. P. 288–307. doi: 10.1086/260866.

17. Finoti L., Didonet S. R., Toaldo A. M., Martins T. S. The role of the marketing strategy process in the innovativeness-performance relationship of SMEs // *Marketing Intelligence & Planning*. 2017. Vol. 35, № 3. P. 298–315. doi: 10.1108/mip-01-2016-0005.
18. Finoti L. L., Machado Toaldo A. M., Schwarzbach L. C., Marchetti R. Z. Marketing Strategy Process: analyzing the sequential relationships among its strategic activities // *Revista Brasileira de Gestao de Negocios. Review of Business Management*. 2019. Vol. 21, № 4. P. 767–787. doi: 10.7819/rbgn.v21i5.4031.
19. Higgins J. M. *Organizational Policy and Strategic Management: Text and Cases*. 2nd edition. Chicago: the Dryden Press, 1983. P. 721.
20. Hoskisson R. E. et al. Theory and research in strategic management: Swings of a pendulum // *Journal of Management*. 1999. Vol. 25, № 3. P. 417–456. doi: 10.1177/014920639902500307.
21. Jensen M. C., Meckling W. H. Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure // *Journal of Financial Economics*. 1976. Vol. 3. P. 305–360. doi: 10.1016/0304-405x(76)90026-x.
22. Johnson G., Scholes K., Whittington R. *Exploring Corporate Strategy*, FT Prentice Hall, 2008. 622 p.
23. Kanagal N. B. Issues in Marketing Strategy Implementation // *International Business Research*. 2016. Vol. 9, № 11. P. 16. doi: 10.5539/ibr.v9n11p16.
24. Learned E. A. et al. *Business Policy: Texts and Cases*. Richard D. Irwin: Homewood, IL, 1969. 1046 p.
25. Morgan N. A., Whitley K. A., Feng H., Chery S. Research in marketing strategy // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2019. Vol. 47, № 1. P. 4–29. doi: 10.1007/s11747-018-0598-1.
26. Pearce J. A., Robinson R. B. *Strategic Management*. 2nd edition. Homewood: Richard D. Irwin, 1985. P. 385.
27. Penrose E. T., Pitelis Ch. *The theory of the growth of the firm*. 4th edition. Oxford University Press, 2009. 304 p.
28. Porter M. E. *Competitive advantage: creating and sustaining superior performance*. Free Press: N.Y, 1998. 592 p.
29. Porter M. E. *Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors*. Free Press. New York, 1998. 397 p.
30. Rothaermel F. T. *Strategic Management: Concepts and Cases*. 1st edition. Mcgraw-Hill, Irwin IL., 2012. 960 p.
31. Shendel D. E., Hatten K. J. Business Policy or Strategic Management: a Broader View for an Emerging Discipline // *Academy of Management Proceedings*. 1972. Vol. 1. P. 99–102. doi: 10.5465/ambpp.1972.4981324.
32. Thompson J. L., Martin F. *Strategic Management: Awareness&Change*. 6th edition, South-Western Pub, 2010. 802 p.
33. Williamson O. E. *Markets and hierarchies: analysis and antitrust implications*. New York : Free Press, 1975. P. 286.
34. Williamson O. E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting // *Australian Journal of Management*. 1987. Vol. 12, № 1. P. 125–143. doi: 10.1177/031289628701200109.
35. Wołczek P. Solutions supporting the strategy implementation — model proposal // *Management sciences*. 2019. Vol. 24, № 2. P. 49–59. doi: 10.15611/ms.2019.2.06.

References

1. Aaker D, Kapturevsky YuN (transl. ed.) *Strategicheskoye rynochnoye upravleniye = Strategic market management*. St. Petersburg: Piter; 2002. 544 p. (In Russ.).
2. Ansoff I, Evenko LI (ed.) *Strategicheskoye upravleniye = Strategic management*. Moscow: Economics; 1989. 519 p. (In Russ.).
3. Vikhansky OS. *Strategicheskoye upravleniye = Strategic management*. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Gardariki; 2003. 292 p. (In Russ.).
4. Zaitsev LG, Sokolova MI. *Strategicheskij menedzhment = Strategic management*. Moscow: Economist; 2005. 416 p. (In Russ.).
5. Ivanova TL, Myznikova MA. Systematization of methods and tools of strategic enterprise management in accordance with its stages under conditions of uncertainty. *Vestnik: nauchnyj zhurnal = Bulletin: scientific journal*. 2021;(7):107-112. (In Russ.).
6. Meskon MKh, Albert M, Hedouri F, Medved OI (transl.) *Osnovy menedzhmenta = Fundamentals of management*. Moscow: Williams; 2012. 672 p. (In Russ.).

7. Mintzberg G, Quinn DB, Ghoshal S, Kapturevsky YuN (transl. ed.) *Strategicheskiiy protsess = Strategic process*. St. Petersburg: Piter; 2001. 688 p. (In Russ.).
8. Sedelnikov VM. Categorical-conceptual apparatus of transformation of marketing strategies of catering enterprises. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2022;(9):81-89. doi: 10.26425/1816-4277-2022-9-81-89. (In Russ.).
9. Thompson AA, Strickland AJ, Zaitseva LG, Sokolova MI (eds.) *Strategicheskiiy menedzhment. Iskustvo razrabotki i realizatsii strategii = Strategic management. The Art of Strategy Development and Implementation Textbook for High Schools*. Moscow: Banks and exchanges: UNITI; 1998. 576 p. (In Russ.).
10. Thompson AA, Strickland AJ. *Strategicheskiiy menedzhment: kontseptsii i situatsii dlya analiza = Strategic management: concepts and situations for analysis*. 12th ed. Moscow: Williams; 2007. 78 p. (In Russ.).
11. Shekhovtseva LS. *Strategicheskiiy menedzhment = Strategic management*. Kaliningrad: Publ. House of the Russian State University named after Kant; 2006. 153 p. (In Russ.).
12. Ansoff HI. *Corporate Strategy: An Analytical Approach to Business Policy for Growth and Expansion*. McGraw Hill Book Co.: N.Y.; 1965. 241 p.
13. Barney JB. Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*. 1991;17:99-120. doi: 10.1177/014920639101700108.
14. Chandler AD. *Strategy and structure: Chapters in the history of the American industrial enterprise*. MIT Press Cambridge, MA; 1962. 480 p.
15. Coase R. The Nature of the Firm. *Economica*. 1937;4(16):386-405.
16. Fama EF. Agency problems and the theory of the firm. *Journal of Political Economy*. 1980;88:288-307. doi: 10.1086/260866
17. Finoti L, Didonet SR, Toaldo AM, Martins TS. The role of the marketing strategy process in the innovativeness-performance relationship of SMEs. *Marketing Intelligence & Planning*. 2017;35(3):298-315. doi: 10.1108/mip-01-2016-0005.
18. Finoti LL, Machado Toaldo AM, Schwarzbach LC, Marchetti RZ. Marketing Strategy Process: analyzing the sequential relationships among its strategic activities. *Revista Brasileira de Gestao de Negocios. Review of Business Management*. 2019;21(4):767-787. doi: 10.7819/rbgn.v21i5.4031.
19. Higgins JM. *Organizational Policy and Strategic Management*. 2nd ed. Chicago: the Dryden Press; 1983. 721 p.
20. Hoskisson RE et al. Theory and research in strategic management: Swings of a pendulum. *Journal of Management*. 1999;25(3):417-456. doi: 10.1177/014920639902500307.
21. Jensen MC, Meckling WH. Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. *Journal of Financial Economics*. 1976;3:305-360. doi: 10.1016/0304-405x(76)90026-x.
22. Johnson G, Scholes K, Whittington R. *Exploring Corporate Strategy*. FT Prentice Hall; 2008. 622 p.
23. Kanagal NB. Issues in Marketing Strategy Implementation. *International Business Research*. 2016;9(11):16. doi: 10.5539/ibr.v9n11p16.
24. Learned EA et al. *Business Policy*. Richard D. Irwin: Homewood, IL; 1969. 1046 p.
25. Morgan NA, Whitler KA, Feng H, Chery S. Research in marketing strategy. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2019;47(1):4-29. doi: 10.1007/s11747-018-0598-1.
26. Pearce JA, Robinson RB. *Strategic Management*. 2nd ed. Homewood: Richard D. Irwin; 1985. 385 p.
27. Penrose ET, Pitelis Ch. *The theory of the growth of the firm*. 4th edition. Oxford University Press; 2009. 304 p.
28. Porter ME. *Competitive advantage: creating and sustaining superior performance*. Free Press: N.Y.; 1998. 592 p.
29. Porter ME. *Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors*. Free Press. New York; 1998. 397 p.
30. Rothaermel FT. *Strategic Management: Concepts and Cases*. 1st edition. McGraw-Hill, Irwin IL; 2012. 960 p.
31. Shendel DE, Hatten KJ. Business Policy or Strategic Management: a Broader View for an Emerging Discipline. *Academy of Management Proceedings*. 1972;1:99-102. doi: 10.5465/ambpp.1972.4981324.
32. Thompson JL, Martin F. *Strategic Management: Awareness&Change*. 6th edition, South-Western Pub; 2010. 802 p.

33. Williamson OE. Markets and hierarchies: analysis and antitrust implications. New York: Free Press; 1975. 286 p.

34. Williamson OE. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting. *Australian Journal of Management*. 1987;12(1):125-143. doi: 10.1177/031289628701200109.

35. Wołczek P. Solutions supporting the strategy implementation — model proposal. *Management sciences*. 2019;24(2):49-59. doi: 10.15611/ms.2019.2.06.

Информация об авторе

В. М. Седельников — младший научный сотрудник лаборатории моделирования пространственного развития территорий.

Information about the author

V. M. Sedelnikov — Junior Researcher of Laboratory of Modeling of Spatial Development of Territories.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 36–52.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(3(473):36-52. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330.34; 332.05

ОСОБЕННОСТИ ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-248X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию долгосрочных трендов экономического развития регионов металлургической специализации. Цель исследования — определить особенности долгосрочного развития указанных регионов. В поле зрения попали регионы, занимающие первые пять мест по показателю «доля стоимости отгруженных товаров металлургического производства» по состоянию на конец 2021 года. В перечень регионов попали Вологодская, Липецкая, Мурманская, Свердловская и Челябинская области. Для сбора статистической информации автор обратился к базе данных средних и крупных предприятий — информационно-аналитической системе FIRA PRO. Конкретными методами исследования выступили графическая иллюстрация трендов и корреляционный анализ. Автором определены общие и специфические черты долгосрочного экономического развития изучаемых регионов. К общим отнесены: высокий удельный вес средне-низкотехнологичных отраслей и постоянство такового в течение последних пяти лет; высокий уровень синхронизации динамик регионов по численности работников и стоимости отгруженных товаров собственного производства; к специфическим — более высокий уровень технологичности в Свердловской и Челябинской областях, наличие синхронизирующих эффектов в большей степени между Свердловской и Челябинской областями.

Ключевые слова: металлургическая специализация, долгосрочные тренды, экономическое развитие, средняя численность работников, стоимость внеоборотных активов, объем отгруженных товаров собственного производства

Для цитирования: Бенц Д. С. Особенности долгосрочного экономического развития регионов металлургической специализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 36–52.

Original article

FEATURES OF LONG-TERM ECONOMIC DEVELOPMENT OF METALLURGICAL SPECIALIZATION REGIONS

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-248X>

Abstract. The article is devoted to the study of long-term trends in the economic development of regions of metallurgical specialization. The purpose of the study is to determine the features of the long-term development of these regions. The regions that occupy the first five places in terms of the indicator “share of the cost of shipped goods of metallurgical production” as of the end of 2021 came into view. The list of regions includes the Vologda, Lipetsk, Murmansk, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. To collect statistical information, the author used the database of the medium and large enterprises — the FIRA PRO information and analytical system. Specific research methods are graphical illustration of trends and correlation analysis. The author obtained general and specific features of the long-term economic development of the regions under study. The general ones include the high specific gravity of medium-low-tech industries and the constancy of such over the past five years; high level of synchronization of the dynamics of the regions by the number of employees and the cost of shipped goods of their own production.

© Бенц Д. С., 2023

As for specific features these are higher level of manufacturability in the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions, the presence of synchronizing effects to a greater extent between the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions.

Keywords: metallurgical specialization, long-term trends, economic development, average number of employees, value of non-current assets, volume of shipped goods of own production

For citation: Benz DS. Features of long-term economic development of metallurgical specialization regions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):36-52. (In Russ.).

Введение

Регионы с высоким уровнем моноспециализации часто отличаются инерционностью развития. Если же речь идет о моноспециализации на отраслях, относящихся к невысокому уровню технологичности, то здесь риски неэффективного развития вырастают сразу в несколько раз. Челябинская область — как раз такой регион. Металлургическая отрасль не изобилует применением высоких технологий. А ведь именно она дает основной региональный продукт.

Принадлежность региона к одной специализации не предопределяет в однозначной мере особенности его развития [1], но все же формирует определенный вектор. Металлургические регионы — это регионы, производственную основу которых формирует продукция с низкой добавленной стоимостью. А это уже залог того, что выходить таким регионам на более высокий технологический уровень проблематично. Регионы металлургической специализации относятся к старопромышленным. Есть исследования, констатирующие отставание таковых по уровню валового регионального продукта на душу населения [2]. С другой стороны, металлургическая отрасль не является столь уж инертной — наукоемкий потенциал отрасли все же существует [3].

Природа регионов металлургической специализации дуальна: с одной стороны, в контексте их экономического развития часто говорят об «эффекте колеи» [4], слабой возможности перехода на более высокий технологический уклад [5], рисках моноспециализации [6; 7]; с другой стороны, ряд

исследователей считает, что крупные предприятия старопромышленных регионов сами по себе могут стать драйверами перехода к экономике неоиндустриального типа [8; 9]. Трансформацию индустриального пространства исследователи считают объективно предопределенным процессом — паттерном индустриального развития [10].

Эффекту колеи противопоставляются симптомы хаоса, которые в новых условиях проявляются все чаще. Хаос может быть определен при помощи нелинейных динамических моделей [11]. Среди факторов экономического развития ученые называют и наследственные факторы. Специфическую траекторию экономического развития региона, а именно его научно-технологическую составляющую, предопределяют в том числе наследуемые детерминанты [12].

Цель исследования — определить особенности долгосрочного экономического развития регионов металлургической специализации.

Задачи исследования: 1) конкретизировать, какие именно регионы могут быть отнесены к регионам металлургической специализации; 2) показать среднесрочные тренды уровня технологичности исследуемых регионов; 3) провести сравнительный анализ долгосрочных трендов экономического развития исследуемых регионов; 4) оценить связь долгосрочных трендов факторных и результативного признаков исследуемых регионов.

Методы и материалы

Методика исследования приведена в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Методика исследования

Research methodology

№	Задача исследования	Метод	Выборка	Временной интервал
1	Определить регионы металлургической специализации	Топ-5 регионов по критериям d_1, d_2, d_3 d_1 — доля товаров собственного производства металлургической отрасли в общем объеме товаров всех отраслей: $d_1 = \frac{\text{ОТСП} [(24)+(25)]}{\text{ОТСП Все отрасли}},$	Все регионы России	2021 г.

Продолжение таблицы 1
Table 1 (continued)

№	Задача исследования	Метод	Выборка	Временной интервал
		где ОТСП — отгруженные товары собственного производства, услуги, работы, тыс. руб., (24) — ОКВЭД 2 «Производство металлургическое», (25) — ОКВЭД 2 «Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования», Все отрасли — Все отрасли экономики ОКВЭД 2; d_2 — доля работников, занятых в металлургической отрасли, в общей численности работников по всем отраслям экономики: $d_2 = \frac{\text{СЧР} [(24)+(25)]}{\text{СЧР Все отрасли}},$ где СЧР — средняя численность работников; d_3 — доля стоимости внеоборотных активов металлургической отрасли в общей стоимости внеоборотных активов по всем отраслям экономики: $d_3 = \frac{\text{ВОА} [(24)+(25)]}{\text{ВОА Все отрасли}},$ где ВОА — стоимость внеоборотных активов предприятий		
2	Показать среднесрочные тренды уровня технологичности исследуемых регионов	Определение технологичности по показателю СЧР¹: 1. <i>High-technology (высокотехнологичное производство)</i> = (21) + (26) + (30.3), где (21) Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; (26) Производство компьютеров, электронных и оптических изделий; (30.3) Производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования. 2. <i>Medium-high-technology (Средне-высокотехнологичное производство)</i> = (20) + (25.4) + (27) + (28) + (29) + (30) + (32.5), где (20) Производство химических веществ и химических продуктов; (25.4) Производство оружия и боеприпасов; (27) Производство электрического оборудования; (28) Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; (29) Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; (30) Производство прочих транспортных средств и оборудования за исключением	Пять регионов металлургической специализации по критерию d_1 + в среднем по России	2017–2021 гг.

¹ Согласно методике Евростата. Источник: Eurostat. High-tech classification of manufacturing industries (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Hightech_classification_of_manufacturing_industries)

Продолжение таблицы 1
Table 1 (continued)

№	Задача исследования	Метод	Выборка	Временной интервал
		(30.1) Корабли, суда и лодки и (30.3) Производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования; (32.5) Производство медицинских инструментов и оборудования 3. <i>Medium-low-technology (Средне-низкотехнологичное производство)</i> = (18.2) + (19) + (22) + (23) + (24) + (25) + (30.1) + (33), где (18.2) Копирование записанных носителей информации; (19) Производство кокса и нефтепродуктов; (22) Производство резиновых и пластмассовых изделий; (23) Производство прочей неметаллической минеральной продукции; (24) Производство металлургическое; (25) Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования за исключением (25.4) Производство оружия и боеприпасов; (30.1) Корабли, суда и лодки; (33) Ремонт и монтаж машин и оборудования. 4. <i>Low-technology (Низкотехнологичное производство)</i> = (10) + (11) + (12) + (13) + (14) + (15) + (16) + (17) + (18) + (31) + (32), где (10) Производство пищевых продуктов; (11) Производство напитков; (12) Производство табачных изделий; (13) Производство текстильных изделий; (14) Производство одежды; (15) Производство кожи и изделий из кожи; (16) Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломы и материалов для плетения; (17) Производство бумаги и бумажных изделий; (18) Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации за исключением (18.2) Копирование записанных носителей информации; (31) Производство мебели; (32) Производство прочих готовых изделий за исключением (32.5) Производство медицинских инструментов и оборудования		
3	Провести сравнительный анализ долгосрочных трендов экономического развития исследуемых регионов	1. Графическая иллюстрация трендов. 2. Корреляционный анализ: оценка коэффициентов корреляции (r_1, r_2, r_3) $r_i = r(TPOTC\Pi_i; TPOTC\Pi_j),$ где $TPOTC\Pi_i$ — темп роста стоимости отгруженных товаров собственного производства i-ого региона;	Пять регионов металлургической специализации по критерию d_i . Все отрасли экономики	Абсолютные значения: 2005 — 2021 гг. Темпы роста: 2006 — 2021 гг.

Окончание таблицы 1
Table 1 (end)

№	Задача исследования	Метод	Выборка	Временной интервал
		$TPOTC\Pi_j$ — темп роста стоимости отгруженных товаров собственного производства j -ого региона; $r_2 = r(TPC\Pi_i; TPC\Pi_j)$, где $TPC\Pi_i$ — темп роста средней численности работников i -ого региона; $TPC\Pi_j$ — темп роста средней численности работников j -ого региона; $r_3 = r(TPBOA_i; TPBOA_j)$, где $TPBOA_i$ — темп роста стоимости внеоборотных активов i -ого региона; $TPBOA_j$ — темп роста стоимости внеоборотных активов j -ого региона.		
4	Оценить связь долгосрочных трендов факторных и результативного признаков исследуемых регионов	1. Корреляционный анализ: оценка коэффициентов корреляции (r_1, r_2) $r_1 = r(TPOTC\Pi_i; TPBOA_i)$, где $TPOTC\Pi_i$ — темп роста стоимости отгруженных товаров собственного производства i -ого региона; $TPBOA_i$ — темп роста стоимости внеоборотных активов i -ого региона; $r_2 = r(TPOTC\Pi_i; TPC\Pi_i)$, где $TPOTC\Pi_i$ — темп роста стоимости отгруженных товаров собственного производства i -ого региона; $TPC\Pi_i$ — темп роста средней численности работников i -ого региона. 2. Сопоставление роста факторных и результативного признаков в долгосрочной и среднесрочной перспективах Сопоставление следующих значений для каждого региона: $\frac{OTC\Pi_{2021}}{OTC\Pi_{2005}}, \frac{C\Pi_{2021}}{C\Pi_{2005}} \text{ и } \frac{BOA_{2021}}{BOA_{2005}},$ $\frac{OTC\Pi_{2021}}{OTC\Pi_{2015}}, \frac{C\Pi_{2021}}{C\Pi_{2015}} \text{ и } \frac{BOA_{2021}}{BOA_{2015}},$ $\frac{OTC\Pi_{2015}}{OTC\Pi_{2010}}, \frac{C\Pi_{2015}}{C\Pi_{2010}} \text{ и } \frac{BOA_{2015}}{BOA_{2010}},$ $\frac{OTC\Pi_{2010}}{OTC\Pi_{2005}}, \frac{C\Pi_{2010}}{C\Pi_{2005}} \text{ и } \frac{BOA_{2010}}{BOA_{2005}}.$	Пять регионов металлургической специализации по критерию d_1 . Все отрасли экономики	2005 — 2021 гг.

Источник: составлено автором.

Статистической базой исследования является Информационно-аналитическая система FIRA PRO¹, генерирующая информацию по крупным и средним предприятиям регионов. Поэтому все показатели (ОТСП, СЧР, ВОА) учитывают только крупный и средний бизнес.

Регионы металлургической специализации будем определять по критерию d_1 — доля стоимости отгруженных товаров, работ, услуг собственного производства по разделам 24 и 25 ОКВЭД 2 в общем объеме отгруженных товаров

собственного производства всех отраслей экономики. Остальные два критерия — d_2 и d_3 — к отбору регионов отношения не имеют, но по этим критериям все же проведем ранжирование всех российских регионов. Это позволит определить особенности отраслевой специализации с точки зрения результирующего и факторных признаков.

Далее к результативному признаку будем относить стоимостной объем отгруженных товаров собственного производства, к факторным — среднюю численность работников предприятий и стоимость внеоборотных активов.

¹ Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/index.html#company>

По пяти отобраным регионам металлургической специализации будут решены оставшиеся три задачи исследования. В частности, показана пятилетняя динамика уровня технологичности исследуемых регионов. Показателем для определения долей отраслей по видам технологичности примем «среднюю численность работников» — с целью нивелировать ценовой фактор.

Особенности долгосрочного экономического развития регионов металлургической специализации будем анализировать при помощи графической иллюстрации и корреляционного анализа. Графически покажем долгосрочные тренды, по-

строенные по трем показателям — ОТСП, СЧР, ВОА, — оцененные по всем отраслям экономики. В основу корреляционного анализа уже будут положены не абсолютные величины, а темпы роста трех указанных показателей. Корреляционный анализ позволит, с одной стороны, оценить эффект синхронизации исследуемых регионов, с другой стороны, эффект отдачи ресурсных (факторных) признаков.

Результаты исследования

Определим топ-5 российских регионов по всем трем критериям, приведенным в таблице 1. Ниже, в таблице 2, показаны полученные результаты.

Таблица 2

Table 2

Топ-5 регионов по показателям d_1 , d_2 , d_3

Top 5 regions by indicators

d1		d2		d3	
Регион	Значение показателя	Регион	Значение показателя	Регион	Значение показателя
Вологодская область	0,55	Тульская область	0,12	Липецкая область	0,57
Липецкая область	0,54	Липецкая область	0,11	Челябинская область	0,51
Челябинская область	0,52	Челябинская область	0,10	Свердловская область	0,45
Мурманская область	0,50	Свердловская область	0,09	Красноярский край	0,38
Свердловская область	0,46	Удмуртская Республика	0,09	Вологодская область	0,36

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO.

По итогам 2021 года в число регионов, имеющих максимальный удельный вес производства металлургической продукции крупными и средними предприятиями в общем объеме производства продукции всех отраслей крупными и средними предприятиями, попали Вологодская, Липецкая, Челябинская, Мурманская и Свердловская области. Эти пять регионов и станут далее объектом нашего исследования. Нужно отметить, что четыре региона из пяти имеют долю, равную или даже более 50 %. В этом случае уже можно смело говорить о моноспециализации исследуемых регионов.

По ресурсным же критериям результаты получены несколько иные. Так, в топ-5 регионов по критерию «доля средней численности работников крупных и средних предприятий, занятых в металлургическом производстве» не попали Вологодская и Мурманская области. Вологодская область заняла шестое место по критерию d_2 —

ее доля составила 0,085. Мурманская же область и вовсе занимает лишь 24-е место среди всех российских регионов по данному показателю. Его значение составило 0,024. Мурманская область не вошла в топ-5 регионов и по критерию d_3 . Доля стоимости внеоборотных активов предприятий металлургической отрасли составила лишь 0,103 (12-е место по данному критерию). Таким образом, из таблицы 2 можно констатировать: несмотря на то, что есть связь между ресурсными и результирующими показателями (Липецкая, Челябинская и Свердловская области попали в топ-5 всех трех рейтингов), все же далеко не всегда высокий удельный вес трудового и капитального факторов в металлургической отрасли дает столь же однозначный высокий удельный вес в объеме производимого товара.

Оценивая уровень технологичности региона, отойдем от показателя «стоимостной объем

отгруженной продукции собственного производства» и среди трех изучаемых показателей обратимся к тому, который не имеет стоимостной оценки. Уровни технологичности оценены по степени занятости населения в определенном перечне отраслей.

Во всех изучаемых регионах доля средне-низкотехнологичных отраслей превалирует (рис. 1–5). Согласно методике Евростата разделы ОКВЭД 2 (24) и (25) в принципе отнесены к средне-низкотехнологичным отраслям. Поэтому очевидно преобладание средне-низкотехнологичных отраслей в изучаемых регионах. За весь исследуемый пятилетний период все пять регионов демонстрируют эту долю на уровне

выше 50 %. Для России в среднем это значение существенно ниже (рис. 6). Если говорить о динамике, то в большинстве изучаемых регионов это значение имеет либо статичный тренд, либо тренд к небольшому, но росту. И лишь Мурманская область демонстрирует существенное снижение доли средне-низкотехнологичных отраслей (рис. 4). Этот регион показывает достаточно форсирующий рост доли средне-высокотехнологичных отраслей, в отличие от остальных регионов, где эта доля практически постоянна. Самый негативный тренд характерен для Вологодской области, где доля средне-высокотехнологичных отраслей за изучаемые пять лет сократилась с 17,39 % до 14,60 % (рис. 1).

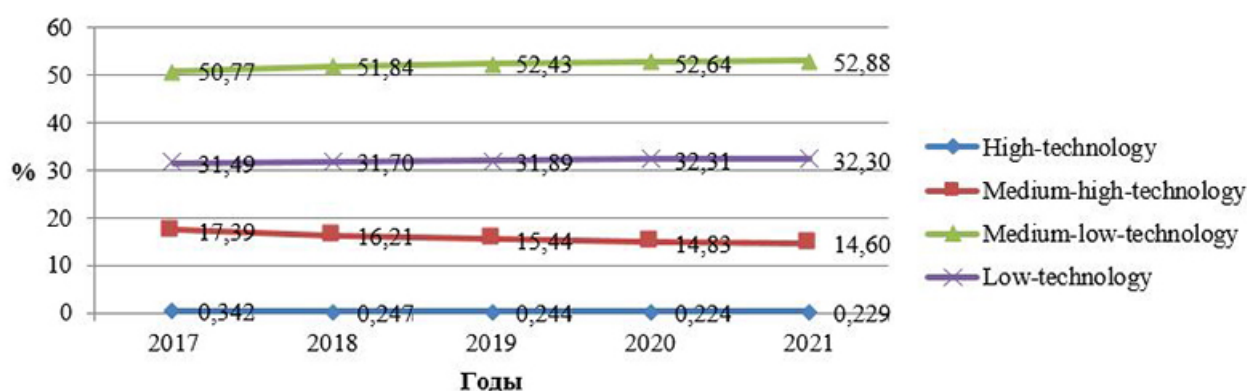

Рис. 1. Тренды технологичности: Вологодская область
Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 1. Technology trends: Vologda region
Source: calculated by the author using FIRA PRO data

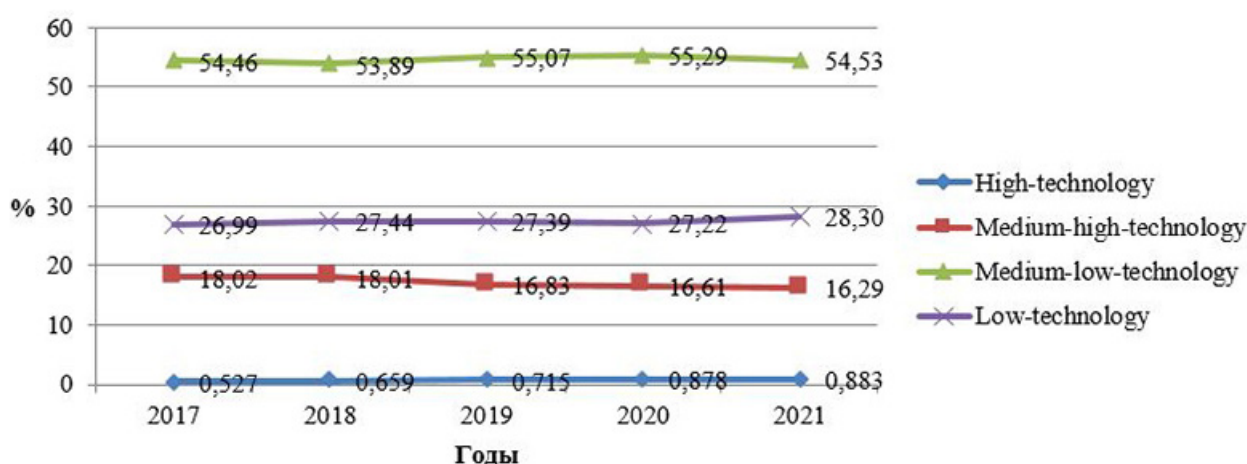

Рис. 2. Тренды технологичности: Липецкая область
Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 2. Technology trends: Lipetsk region
Source: calculated by the author using FIRA PRO data

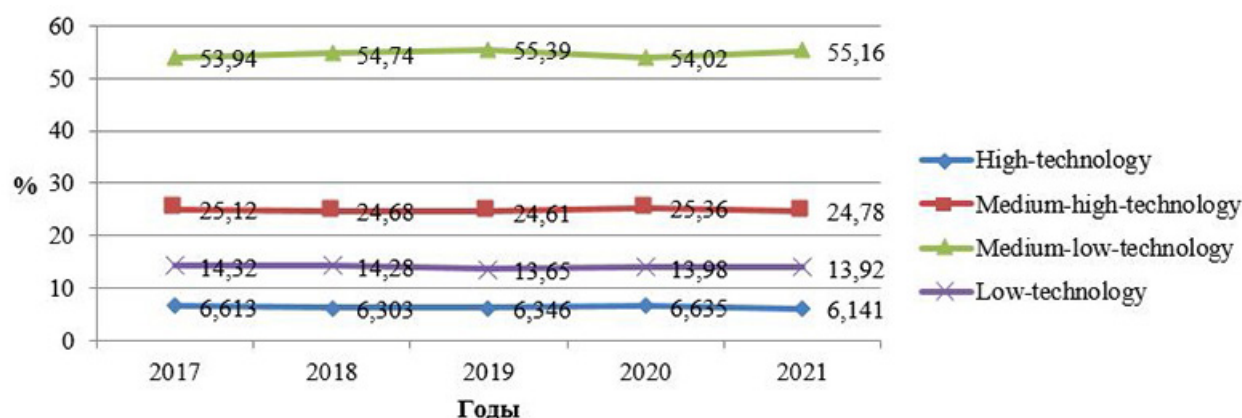

Рис. 3. Тренды технологичности: Челябинская область
Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 3. Technology trends: Chelyabinsk region
Source: calculated by the author using FIRA PRO

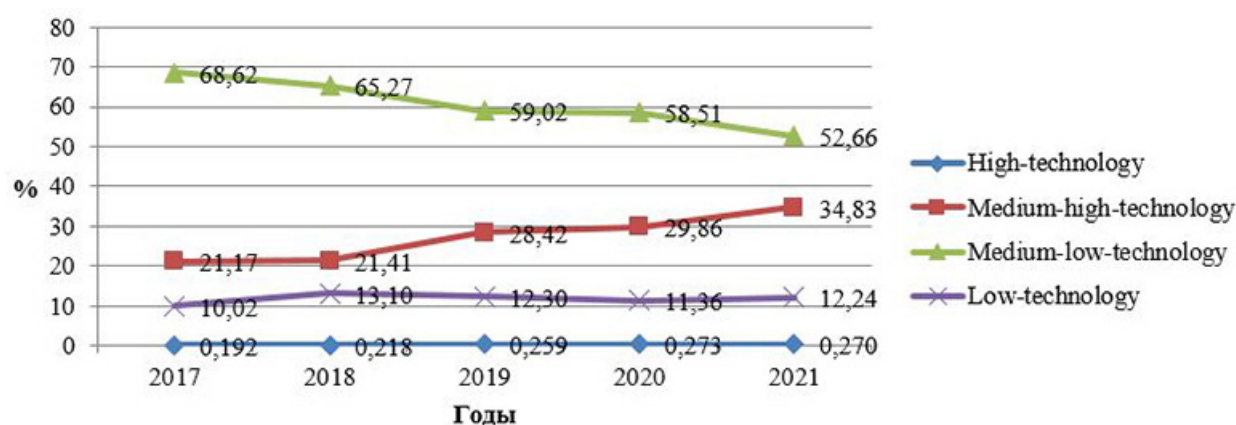

Рис. 4. Тренды технологичности: Мурманская область
Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 4. Technology trends: Murmansk region
Source: calculated by the author using FIRA PRO

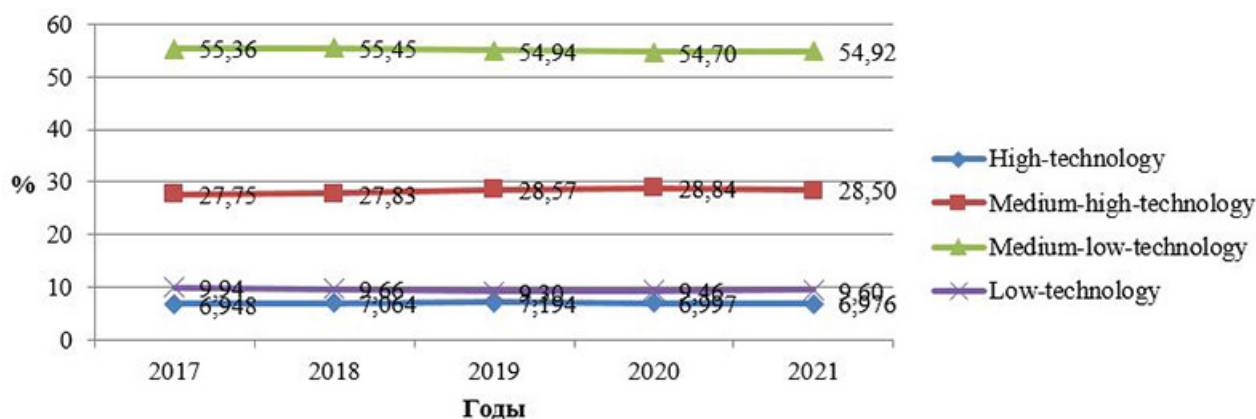

Рис. 5. Тренды технологичности: Свердловская область
Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 5. Technology trends: Sverdlovsk region
Source: calculated by the author using FIRA PRO

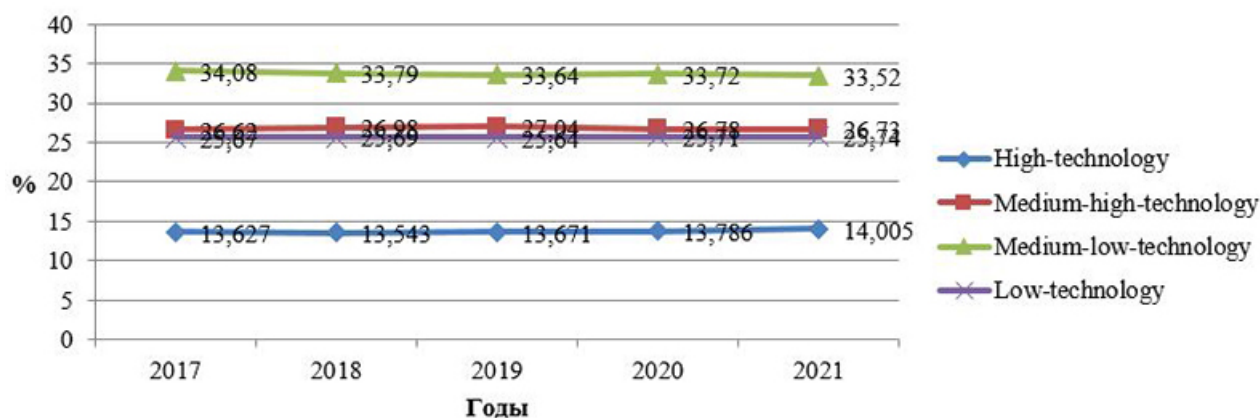

Рис. 6. Тренды технологичности: Россия
 Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 6. Technology trends: Russia
 Source: calculated by the author using FIRA PRO

Нужно отметить, что для трех изучаемых регионов из пяти характерен крайне низкий процент высокотехнологичных отраслей. За весь исследуемый период эти значения не превышают и 1 % (рис. 1, 2, 4). Свердловская и Челябинская области в этом смысле лидеры среди пяти регионов металлургической специализации (рис. 3, 5). Но следует обратить внимание на два негативных момента, характерных для этих регионов. Во-первых, если сравнивать долю высокотехнологичного производства, характерную для среднестатистического региона всей страны, то таковая будет куда более высокой — 13,6–14 % (рис. 6). Во-вторых, в среднем по стране доля эта имеет тенденцию к росту — пусть и небольшому, тогда как в изучаемых регионах металлургической специализации такого тренда нет. В Свердловской области наблюдается очень незначительный рост — практически незаметный (рис. 5). В Челябинской же области и вовсе эта доля падает на 0,5 % за пять лет (рис. 3).

Покажем долгосрочные тренды результирующего (рис. 9) и факторных показателей (рис. 7, 8), измеренных в абсолютных единицах.

Средняя численность работников сократилась во всех пяти регионах. Геометрия всех пяти графиков практически одинакова, причем на каждом отрезке (рис. 7). Расстановка сил между регионами не изменилась: Свердловская область как была лидером по числу работников, так и осталась им. Второе место уверенно принадлежит Челябинской области. С точки зрения же длительной динамики лидером — в плане процентных потерь — является Мурманская область. В этом

регионе численность работников сократилась на 14 %, в то время как в остальных регионах эти потери куда более серьезные. Для Вологодской области процент сокращения численности работников составил 34 % (табл. 7).

Стоимость внеоборотных активов устойчиво растет, что характерно для всех регионов металлургической специализации (рис. 8). С одной стороны, это объясняется ценовым фактором. Но с другой стороны, рост этот все же несколько разный среди изучаемых регионов. Самая идентичная геометрия опять же характерна для Свердловской и Челябинской областей. Да и рост здесь составил примерно одинаковые величины: за период с 2005 по 2021 годы стоимость ВОА Челябинской области возросла в 4,93 раза, стоимость ВОА Свердловской области — в 4,48 раза (табл. 7). В трех остальных регионах, несмотря на то, что их объемы представляют собой куда более низкие значения в сравнении с Челябинской и Свердловской областями, рост стоимости ВОА наблюдается куда более высокий. Так, в Липецкой области стоимость ВОА выросла в 6,62 раза, в Вологодской — в 8,26 раза. Лидером в этом смысле стала Мурманская область — рост в 9,59 раза (табл. 7).

Динамикой такого сильного роста ВОА объясняется и динамика роста ОТСП — в Мурманской области за период с 2005 по 2021 годы стоимостной объем товаров собственного производства вырос в 9,8 раза. После 2019 года эта область обогнала примерно равных ей по силе Вологодскую и Липецкую области (рис. 9). Для остальных же регионов рост оказался примерно равным: в диапазоне 5,19–5,51 раза (табл. 7).

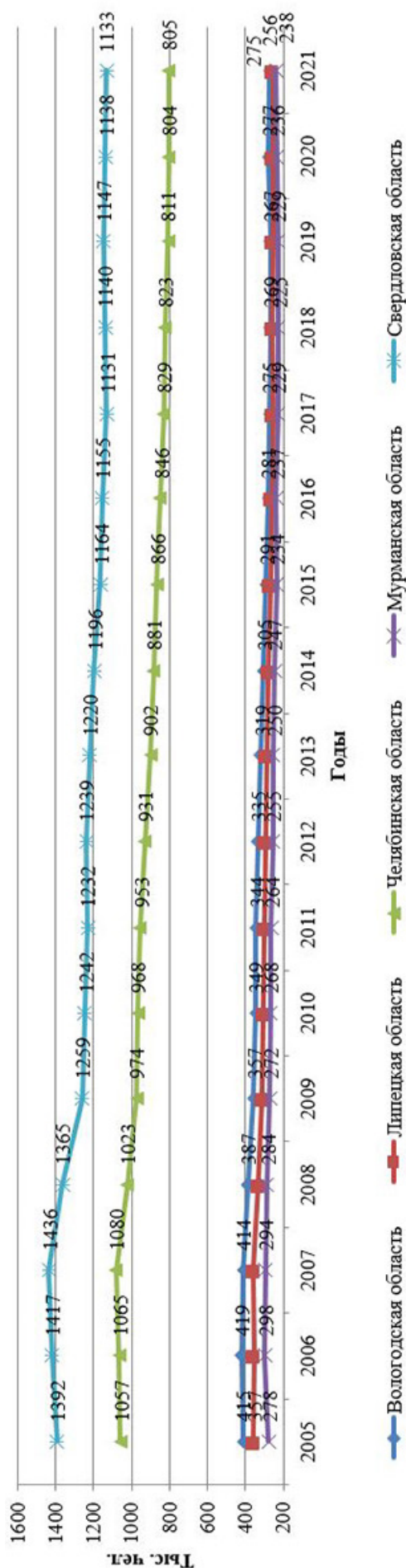

Рис. 7. Средняя численность всех работников. Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 7. Average number of all employees. Source: calculated by the author using FIRA PRO

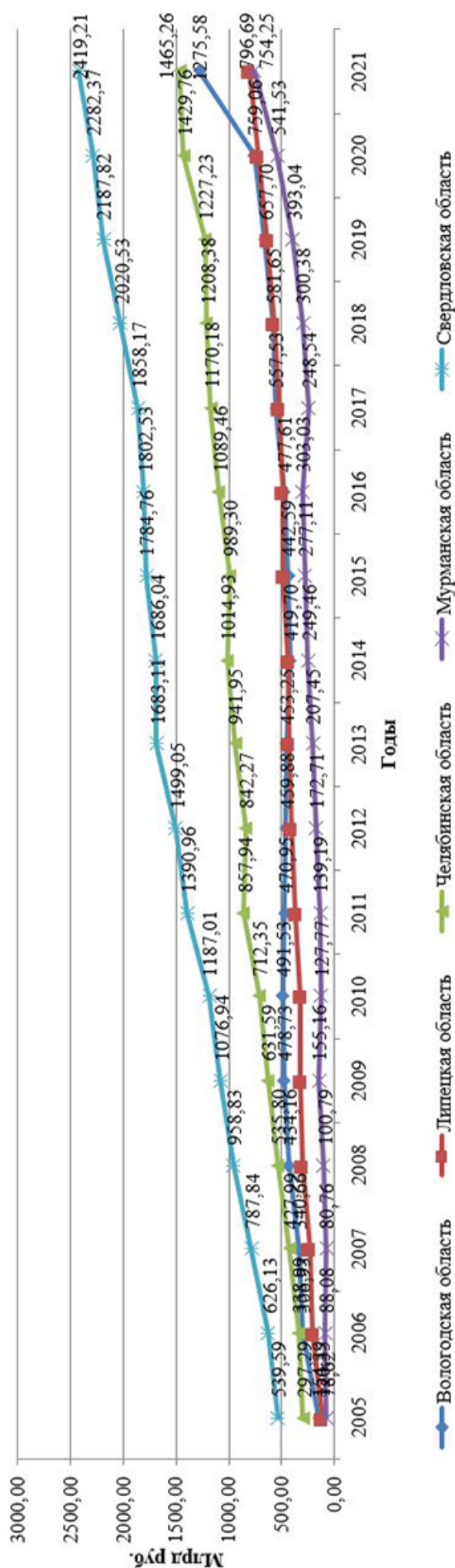

Рис. 8. Стоимость внеоборотных активов, млрд руб. Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 8. Cost of non-current assets, billion rubles Source: calculated by the author using FIRA PRO

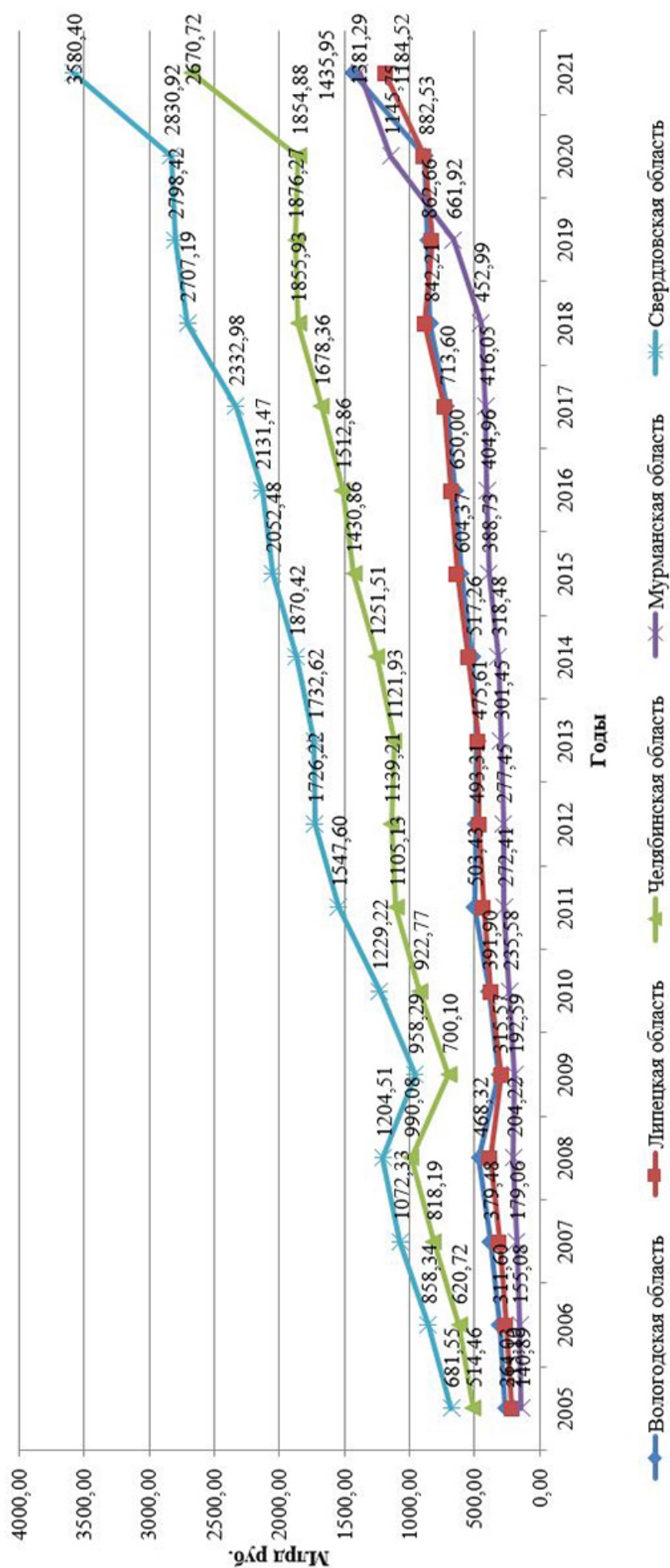

Рис. 9. Стоимость отгруженных товаров собственного производства, работ, услуг, млрд руб.

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 9. Cost of shipped goods of own production, works, services, billion rubles

Source: calculated by the author using FIRA PRO

Для оценки синхронизирующих эффектов рассчитаем коэффициенты корреляции между темпами роста СЧР всех исследуемых регионов, темпами роста ВОА и темпами роста ОТСП. Наиболее высокие уровни синхронизации характерны для показателя «темпа роста СЧР» (табл. 3). Здесь

можно констатировать наличие синхронизированных трендов практически между всеми исследуемыми регионами. Самыми несинхронизированными оказались пары: «Липецкая — Мурманская», «Челябинская — Мурманская» и «Свердловская — Мурманская» области.

Таблица 3

Table 3

Корреляционная матрица: оценка связи темпов роста средней численности работников

Correlation matrix: assessment of the relationship between the growth rates of the average number of employees

Регионы	Вологодская область	Липецкая область	Челябинская область	Мурманская область	Свердловская область
Вологодская область	1				
Липецкая область	0,80	1			
Челябинская область	0,79	0,86	1		
Мурманская область	0,73	0,56	0,56	1	
Свердловская область	0,76	0,83	0,82	0,60	1

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO.

Темпы роста внеоборотных активов в долгосрочной перспективе ведут себя уже совершенно иначе (табл. 4). Здесь, наоборот, практически нет

синхронизации. Лишь пары «Вологодская — Липецкая» и «Челябинская — Свердловская» области демонстрируют синхронизирующий эффект.

Таблица 4

Table 4

Корреляционная матрица: оценка связи темпов роста стоимости внеоборотных активов

Correlation matrix: assessment of the relationship between the growth rates of the value of non-current assets

Регионы	Вологодская область	Липецкая область	Челябинская область	Мурманская область	Свердловская область
Вологодская область	1				
Липецкая область	0,78	1			
Челябинская область	0,05	0,27	1		
Мурманская область	0,13	0,05	-0,11	1	
Свердловская область	0,18	0,47	0,71	-0,12	1

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO.

Те же пары областей, что показали синхронизацию по темпам роста стоимости внеоборотных активов, показали ее и по темпам роста объемов производства (табл. 5). Но здесь такая синхронизация налицо и в иных регионах. Лишь Мурманская область не синхронизирована ни с одним

из четырех регионов. И здесь вспоминаем особенности ее трендов технологичности (рис. 4). В плане технологичности Мурманская область опять же демонстрировала свою специфику, отличную от универсальных трендов остальных регионов.

Таблица 5

Table 5

Корреляционная матрица: оценка связи темпов роста стоимости отгруженных товаров собственного производства

Correlation matrix: assessment of the relationship of the growth rate of value shipped goods of own production

Регионы	Вологодская область	Липецкая область	Челябинская область	Мурманская область	Свердловская область
Вологодская область	1				

Окончание таблицы 5

Table 5 (end)

	Вологодская область	Липецкая область	Челябинская область	Мурманская область	Свердловская область
Липецкая область	0,89	1			
Челябинская область	0,94	0,93	1		
Мурманская область	0,13	0,06	0,07	1	
Свердловская область	0,84	0,88	0,93	0,03	1

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO.

С тем чтобы оценить степень вовлеченности ресурсов в производственные процессы региона и их отдачу, опять же обратимся к корреляционному анализу. Но теперь уже оценим корреляцию между темпами роста ресурсных показате-

лей (СЧР и ВОА) и темпами роста результирующего показателя (ОТСП) для каждого региона отдельно.

Результаты оценки таких значений корреляции приведены в таблице 6.

Таблица 6

Table 6

**Результаты корреляционного анализа:
оценка связи темпов роста результирующего и факторных признаков**

**Correlation analysis results: assessment of the relationship between
the growth rates of the resulting and factor signs**

Корреляция между	Вологодская область	Липецкая область	Челябинская область	Мурманская область	Свердловская область
– темпами роста стоимости отгруженных товаров собственного производства и темпами роста внеоборотных активов	0,42	0,22	0,06	0,18	0,32
– темпами роста стоимости отгруженных товаров собственного производства и темпами роста средней численности работников	0,35	0,24	0,60	0,4	0,63

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO.

Небольшое число относительно высоких значений коэффициента корреляции получено по итогам проведенного анализа. Лишь в Свердловской и Челябинской областях темпы роста средней численности работников умеренно связаны с темпами роста объемов производства. И так как выше мы увидели, что средняя численность работников падает, это говорит о том, что в условиях хотя бы постоянства СЧР можно

было бы рассчитывать на более высокий рост объемов производства.

Корреляционный анализ проведен по длинной выборке, однако, нужно отметить, что внутри исследуемого интервального диапазона среднесрочные тренды могут быть различны. Для того чтобы оценить, как вели себя ресурсный и результирующий показатели в промежуточных интервалах, соотнесем их промежуточный рост (табл. 7).

Таблица 7

Table 7

**Соотношение роста результирующего и факторных признаков
The ratio of the growth of the resulting and factor traits**

Период	Показатели	Вологодская область	Липецкая область	Челябинская область	Мурманская область	Свердловская область
2021/2005	ОТСП	5,44	5,51	5,19	9,80	5,25
	ВОА	8,26	6,62	4,93	9,59	4,48
	СЧР	0,66	0,72	0,76	0,86	0,81

Период	Показатели	Вологодская область	Липецкая область	Челябинская область	Мурманская область	Свердловская область
2021/2015	ОТСП	2,38	1,87	1,87	3,55	1,74
	ВОА	2,88	1,65	1,48	2,72	1,36
	СЧР	0,95	0,96	0,93	1,02	0,97
2015/2010	ОТСП	1,54	1,69	1,55	1,65	1,67
	ВОА	0,90	1,50	1,39	2,17	1,50
	СЧР	0,83	0,88	0,89	0,87	0,94
2010/2005	ОТСП	1,48	1,74	1,79	1,67	1,80
	ВОА	3,18	2,67	2,40	1,63	2,20
	СЧР	0,84	0,86	0,92	0,96	0,89

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO.

За весь исследуемый период времени наибольшее сокращение СЧР показала Вологодская область, однако, ее рост ОТСП не уступает остальным областям (не считая абсолютного лидера — Мурманской области). Свою роль здесь сыграл капитальный фактор — рост ВОА в Вологодской области составил 8,26 раза. Иными словами, существенные потери в трудовом факторе были компенсированы существенным ростом капитальных ресурсов. И такая тенденция в среднем характерна для всех изучаемых регионов: чем меньше потери средней численности работников и больше рост внеоборотных активов, тем больше рост и объема отгруженных товаров собственного производства.

Если же мы обратимся к оценке промежуточных пятилетних интервалов, то получим следующую картину. Падение численности является устойчивым трендом: оно наблюдается на каждом пятилетнем отрезке. В интервале 2015–2021 гг. это падение было самым низким, а в Мурманской области даже наблюдался рост (на 2 %). Относительно внеоборотных активов тенденции несколько иные: в период 2005–2010 гг. для большинства регионов был характерен максимальный рост. Объемы же производства быстрее росли в период 2015–2021 гг. А это как раз тот период, когда потери численности работников были минимальны. Это косвенно (нужно помнить о влиянии цен на стоимость ВОА), но все же свидетельствует о том, что трудовой фактор имеет несколько большее влияние на результирующий признак.

Заключение

По итогам проведенного исследования констатируем как общие, так и отличительные черты долгосрочного развития регионов металлургической специализации.

Во-первых, исследуемые регионы вряд ли можно назвать высокотехнологичными. Превалирующий процент продукции приходится на долю средне-низкотехнологичных отраслей. И пятилетний тренд в этом смысле почти статичен. Для всех пяти регионов характерен низкий процент высокотехнологичных отраслей. Этот процент крайне мал в Вологодской, Липецкой и Мурманской областях (ниже 1 %). В Челябинской и Свердловской областях процент высокотехнологичной продукции куда более высок (выше 6 %), но все же это почти вдвое ниже среднестатистического российского региона. С другой стороны, несмотря на наличие общих особенностей технологического развития исследуемых регионов, при более внимательном рассмотрении трендов можно обнаружить и некоторые различия. Удельный вес средне-высокотехнологичных отраслей в Мурманской, Свердловской и Челябинской областях сопоставим со средними значениями по России. Мурманская и Свердловская области даже опережают в этом смысле Россию. Мурманская область даже демонстрирует форсированный рост этой доли. В двух остальных регионах значения куда ниже.

Во-вторых, общим трендом всех изучаемых регионов стало снижение численности работников. Ориентируясь на полученные коэффициенты корреляции темпов роста исследуемых показателей, можно сделать вывод о почти полной синхронизации темпов роста (фактически это падение) средней численности работников. Лишь тренды Мурманской области не синхронизированы с трендами остальных регионов. Та же особенность оказалась характерной и в отношении темпов роста стоимости отгруженных товаров собственного производства. Здесь также налицо синхронизация темпов роста изучаемых регионов — опять же за исключением Мурманской области.

Таким образом, мы можем заключить наличие синхронизирующих эффектов в отношении одного из ресурсных показателей и результирующего показателя, чего нельзя сказать о стоимости основных фондов. Темпы роста стоимости основных фондов синхронизированы лишь между Свердловской и Челябинской областями, а также между Вологодской и Липецкой областями. И хотя последняя пара областей не являются соседями, территориально они друг к другу ближе, чем к остальным регионам металлургической специализации. Челябинская и Свердловская области, будучи непосредственными соседями, имеющими много общих черт в отношении экономического и отрас-

левого развития, в принципе демонстрируют синхронизацию долгосрочных трендов в отношении многих экономических показателей — эти специфические черты уже отмечены учеными [13; 14]. Таким образом, говоря об особенностях долгосрочного экономического развития, фактор соседства нельзя оставлять в стороне [15].

И наконец, в-третьих, говоря о связи ресурсных показателей с объемами производства, можно констатировать умеренную связь результирующего лишь с одним ресурсным показателем — темпом роста средней численности работников — и только в двух регионах — Челябинской и Свердловской областях.

Список источников

1. Данилова И. В., Салимоненко Е. Н. Экономика открытых моноспециализированных регионов: поиск модели развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2020. Т. 14, № 3. С. 17–29. doi: 10.14529/em200302.
2. Антонюк В. С., Корниенко Е. Л. Экономическое развитие старопромышленных приграничных регионов Российской Федерации // Journal of New Economy. 2022. Т. 23, № 2. С. 45–63. doi: 10.29141/2658-5081-2022-23-2-3.
3. Романова О. А., Сиротин Д. В. Образ желаемого будущего экономики индустриального региона: тенденции развития и методология оценки // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 3. С. 746–763. doi: 10.17059/2017-3-9.
4. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопригора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 1: «Эффект колеи» и локальный кризис в Челябинской области // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 84–97. doi: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97.
5. Сорокина Н. Ю., Латов Ю. В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9, № 1. С. 6–22. doi: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.006-022.
6. Савельева И. П., Данилова И. В., Правдина Н. В. Реструктуризация экономики моноспециализированных регионов на основе оценки технологичности экономических специализаций // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2022. № 1 (33). С. 125–138.
7. Трейвиш А. И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 13–35. doi: 10.14530/se.2019.4.013-035
8. Абдурахимов Ю. В., Иванов О. П. Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неоиндустриального типа (часть 1) // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 72–86.
9. Абдурахимов Ю. В., Иванов О. П. Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неоиндустриального типа: на примере Челябинской области (часть 2) // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 44–58.
10. Развитие экономики открытых моноспециализированных регионов: территориально-ориентированный подход : монография / Е. Н. Салимоненко, И. В. Данилова, А. В. Карпушкина, А. В. Резепин. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2022. 194 с.
11. Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Новая реальность и хаос: к вопросу об изучении особенностей экономической динамики // Жизнеспособность экономических теорий: проверка порядком и хаосом : сб. науч. статей ; ред. Ю. Г. Лаврикова, Ю. Г. Мыслякова, О. Н. Бучинская. Екатеринбург, 2022. С. 5–20.
12. Мыслякова Ю. Г. Индивидуализация стратегий научно-технологического развития экономики индустриальных регионов России с учетом наследственных детерминант // Journal of Applied Economic Research. 2022. Т. 21, № 4. С. 685–707.

13. Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации: Свердловская vs Челябинская область // *Journal of New Economy*. 2022. Т. 23, № 2. С. 102–124. doi: 10.29141/2658-5081-2022-23-2-6.
14. Курушина Е. В., Петров М. Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 176–189.
15. Котов А. В. Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России // *Экономика региона*. 2021. Т. 17. № 3. С. 755–768. doi: 10.17059/ekon.reg.2021-3-3.

References

1. Danilova IV, Salimonenko EN. Economy of open monospecialized regions: search for a development model. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2020;14(3):17-29. doi: 10.14529/em200302. (In Russ.).
2. Antonyuk VS, Kornienko EL. Economic development of Russia's old industrial border regions. *Journal of New Economy*. 2022;23(2):45-63. doi: 10.29141/2658-5081-2022-23-2-3. (In Russ.).
3. Romanova OA, Sirotin DV. The Desired Image of the Future Economy of the Industrial Region: Development Trends and Evaluation Methodology. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2017;13(3):746-763. doi: 10.17059/2017-3-9. (In Russ.).
4. Gordeev SS, Zyryanov SG, Podoprigora AV. "Path Dependence" in developing socio-economic space of the region. Part 1: "Path Dependence" and the local crisis in the Chelyabinsk Region. *Socium i vlast' = Society and power*. 2019;(5(79):84-97. doi: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97. (In Russ.).
5. Sorokina NYu, Latov YuV. Evolution of old industrial regions in the economy of Russia. *Journal of Economic Regulation*. 2018;9(1):6-22. doi: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.006-022. (In Russ.).
6. Savelyeva IP, Danilova IV, Pravdina NV. Restructuring the economy of monospecialized regions based on the assessment of economic specializations manufacturability. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta = Actual Problems of Economics and Management*. 2022;(1(33):125-138. (In Russ.).
7. Treyvish AI. Uneven and structurally diverse spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2019;15(4):13-35. (In Russ.).
8. Abdurakhimov YuV, Ivanov OP. Selecting industry priorities for the transition of the old industrial regions of the Urals and Western Siberia to the neo-industrial type of economy (Part 1). *Socium i vlast' = Society and power*. 2019;(6(80):72-86. (In Russ.).
9. Abdurakhimov YuV, Ivanov OP. Selecting industry priorities for the transition of the old industrial regions of the Urals and Western Siberia to the neo-industrial type of economy (Part 2). *Socium i vlast' = Society and power*. 2020;(1(81):44-58. (In Russ.).
10. Salimonenko EN, Danilova IV, Karpushkina AV, Rezepin AV. Razvitie ekonomiki otkrytykh monospecializirovannykh regionov: territorial'no-orientirovannyj podkhod = Development of the economy of open mono-specialized regions: a territorially oriented approach. Chelyabinsk: Publ. Center of South Ural State University; 2022. 194 p.
11. Artemova OV, Logacheva NM, Savchenko AN. New Reality and Chaos: On the Question of Studying the Features of Economic Dynamics. In: *Zhiznesposobnost' ekonomicheskikh teorij: proverka poryadkom i khaosom = The viability of economic theories: checking order and chaos*. Ekaterinburg; 2022. Pp. 5–20. (In Russ.).
12. Myslyakova YuG. Strategic Individualization of Scientific and Technical Development of the Economy of Industrial Regions of Russia Taking into Account their Hereditary Determinants. *Journal of Applied Economic Research*. 2022;21(4):685-707. (In Russ.).
13. Bents DS. Long-term trends in differentiation between regions: Sverdlovsk oblast vs Chelyabinsk oblast. *Journal of New Economy*. 2022;23(2):102-124. doi: 10.29141/2658-5081-2022-23-2-6. (In Russ.).
14. Kurushina EV, Petrov MB. Performance Criteria of Spatial Development Projects Based on Interregional Integration. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2018;14(1):176-189. (In Russ.).
15. Kotov AV. Spatial Shift-Share Analysis as a Tool for Studying the Economic Development of Russia's Macroregions. *Ekonomika regiona = Economy of region*. 2021;17(3):755-768. doi: 10.17059/ekon.reg.2021-3-3. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

*Статья поступила в редакцию 09.03.2023;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 09.03.2023; approved
after reviewing 28.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.1

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ирина Валерьевна Герсонская

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Липецк, Россия,
g3071971@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1099-0477>

Аннотация. В статье исследуются проблемы, существующие в системе российского здравоохранения на современном этапе. Функционирование такой системы направлено на охрану здоровья граждан, снижение общей заболеваемости и рост продолжительности жизни. Поэтому повышение эффективности в медицинской сфере является одним из основных приоритетов государственной социально-экономической политики. Проведен анализ российского здравоохранения за период 2017–2022 гг. В процессе исследования использованы международные рейтинги эффективности систем здравоохранения, официальная статистическая информация, экспертные оценки, результаты социологических опросов населения относительно качества оказываемой медицинской помощи. Установлено, что несмотря на имеющиеся положительные тенденции в российском здравоохранении, уровень его развития еще недостаточно высок. Показатели, характеризующие медицинскую сферу, безопасность здоровья населения и общую эффективность системы здравоохранения в России ниже многих развитых и развивающихся стран мира. Выявлены существующие проблемы в отечественном здравоохранении. К ним можно отнести недостаток высокотехнологичных медицинских услуг, доступности льготных лекарств, профессиональных навыков врачей и рост числа врачебных ошибок, невысокую оперативность скорой и неотложной медицинской помощи, проблемы в работе государственных объектов медицинского обслуживания населения и увеличение платных услуг. Сформулированы предложения, направленные на решение этих проблем и повышение эффективности системы здравоохранения.

Ключевые слова: здравоохранение, эффективность, государственная социально-экономическая политика, государственные расходы, охрана здоровья, продолжительность жизни, проблемы в сфере медицины

Для цитирования: Герсонская И. В. Система здравоохранения в России: основные проблемы и возможные пути их решения // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 53–63.

Original article

THE HEALTHCARE SYSTEM IN RUSSIA: THE MAIN PROBLEMS AND POSSIBLE WAYS TO SOLVE THEM

Irina V. Gersonskaya

Lipetsk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russia, g3071971@ya.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1099-0477>

Abstract. The article examines the problems existing in the Russian healthcare system at the present stage. The functioning of such a system is aimed at protecting the health of citizens, reducing overall morbidity and increasing life expectancy. Therefore, improving efficiency in the medical field is one of the main priorities of the state socio-economic policy. The analysis of Russian healthcare for the period 2017–2022 is carried out. In the course of the research, international ratings of the effectiveness of healthcare systems, official statistical information, expert assessments, the results of sociological surveys of the population regarding the quality of medical care provided were used. It is established that despite the existing positive trends in Russian healthcare, the level of its development is still not high enough. The indicators characterizing the medical sphere, public health safety and the overall efficiency of the healthcare system in Russia are lower than many developed and developing countries of the world. The existing problems in the domestic healthcare are revealed. These include the lack of high-tech medical services and the availability of preferential medicines, the professional skills of doctors and the increase in the number of medical errors, the low efficiency of emergency and emergency medical care, problems in the operation of state

medical facilities for the population and an increase in paid services. The proposals aimed at solving these problems and improving the efficiency of the healthcare system are formulated.

Keywords: healthcare, efficiency, state socio-economic policy, public spending, health protection, life expectancy, problems in the field of medicine

For citation: Gersonskaya IV. The healthcare system in Russia: the main problems and possible ways to solve them. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):53-63. (In Russ.).

Введение

Охрана здоровья населения всегда являлась и будет являться приоритетной задачей социального государства, поскольку здоровье — важнейший элемент национального богатства, необходимый для развития производительных сил общества и процветания нации. От состояния здоровья граждан во многом зависят темпы экономического роста в стране и повышения производительности труда, эффективность и качество трудовой деятельности людей, воспроизводство человеческих ресурсов, увеличение продолжительности здоровой жизни и развитие человеческого капитала. Поэтому охрана здоровья граждан, оказание им квалифицированной и своевременной медицинской помощи является одним из основных приоритетов реализуемой в России на современном этапе государственной социально-экономической политики.

В. А. Решетников, Н. В. Эккерт, Л. Капассо и др. отметили, что «...реформы, проведенные в последние десятилетия, и реорганизация системы здравоохранения Российской Федерации были направлены на сохранение приоритетных принципов оказания медицинской помощи населению...» [1]. Безусловно, отрасль здравоохранения в нашей стране совершенствуется с каждым годом, а на государственном уровне разрабатываются и повсеместно внедряются инновационные методы управления, а также совершенствуются, по мнению Д. А. Плетнева, «...механизмы... принятия управленческих решений...» [2]. В России повсеместно реализуются новые организационные принципы с привлечением современных информационно-коммуникационных и цифровых технологий, появляются новые модернизированные объекты медицинского обслуживания населения, увеличивается государственное финансирование организаций здравоохранения, устраняется дисбаланс пропорций в этой системе и снижается дефицит медицинских кадров.

Однако значительные недочеты в сфере медицины, на которые в недостаточной степени было обращено внимание со стороны государства, обострились в период мировой пандемии коронавируса, и ускоренное модернизирование всей систе-

мы отечественного здравоохранения стало не просто необходимым, а неизбежным. Высокая смертность среди населения, отсутствие должного количества кадров медицинских работников, низкий уровень качества медицинской помощи в селах и в менее развитых регионах нашей страны значительно сказались как на жизни граждан, так и на национальной экономике в целом и указали на то, что реформирование системы здравоохранения является еще недостаточно эффективным, чтобы противостоять последствиям пандемии.

Наличие проблем, имеющих в отечественной системе здравоохранения, обуславливают актуальность научного исследования. Цель статьи — выявление основных проблем в медицинской сфере и возможных путей их решения. От качества и доступности медицинской помощи зависит снижение заболеваемости, уменьшение смертности и увеличение средней продолжительности здоровой жизни населения.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные статьи отечественных и зарубежных ученых, аналитические обзоры из источников открытого доступа в сфере функционирования системы российского здравоохранения и ее эффективности, изучение комплекса нерешенных проблем в части предоставления медицинских услуг населению и факторов, оказывающих влияние на их качество.

При проведении исследования были использованы общенаучные методы познания, а именно: наблюдение и диалектическая логика, анализ и синтез, познание объективной действительности, приемы обобщения и сравнительного анализа, графические способы, системный подход. Анализ основан на данных международных рейтингов по эффективности систем здравоохранения, информации Росстата и РосБизнесКонсалтинга, социологических исследованиях качества медицинского обслуживания. Исследование представляет собой сравнительную оценку показателей, а именно: уровня развития медицинской сферы, безопасности здоровья населения,

государственных расходов на здравоохранение в ВВП и общей эффективности, характеризующих состояние систем здравоохранения в разных странах. Выявлены причины неудовлетворенности населения качеством медицинского обслуживания в государственных клиниках, и проведен анализ объема рынка платных медицинских услуг в России.

Проблемы в отечественной системе здравоохранения и вопросы эффективности ее функционирования исследовали Д. С. Даллакян [3]; М. Г. Еремина [14]; Н. Н. Зубарева [20]; И. П. Каткова [4]; А. В. Кашепов [5]; Е. Б. Лупарев, А. А. Еременко [8]; Т. И. Никитина [19]; Н. М. Осоргин [10]; Ю. Ю. Садовникова, Л. Н. Тимейчук, Г. Г. Уварова [15]; Т. О. Тагаева, Л. К. Казанцева [9]; Г. Э. Улумбекова [18]; В. М. Черны-

шев, О. В. Стрельченко, И. Ф. Мингазов [12]; Т. В. Чубарова [21] и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Система здравоохранения представляет собой разветвленную сеть государственных и частных медицинских учреждений, расположенных на всей территории страны, научно-исследовательских институтов, занимающихся инновационными разработками в сфере лекарственных средств, медицинского оборудования и т. д. Целью ее функционирования является охрана здоровья граждан и его улучшение, снижение общей заболеваемости, способствующие росту продолжительности жизни.

На рисунке 1 приведем основные результаты функционирования национальных систем здравоохранения по некоторым странам мира.

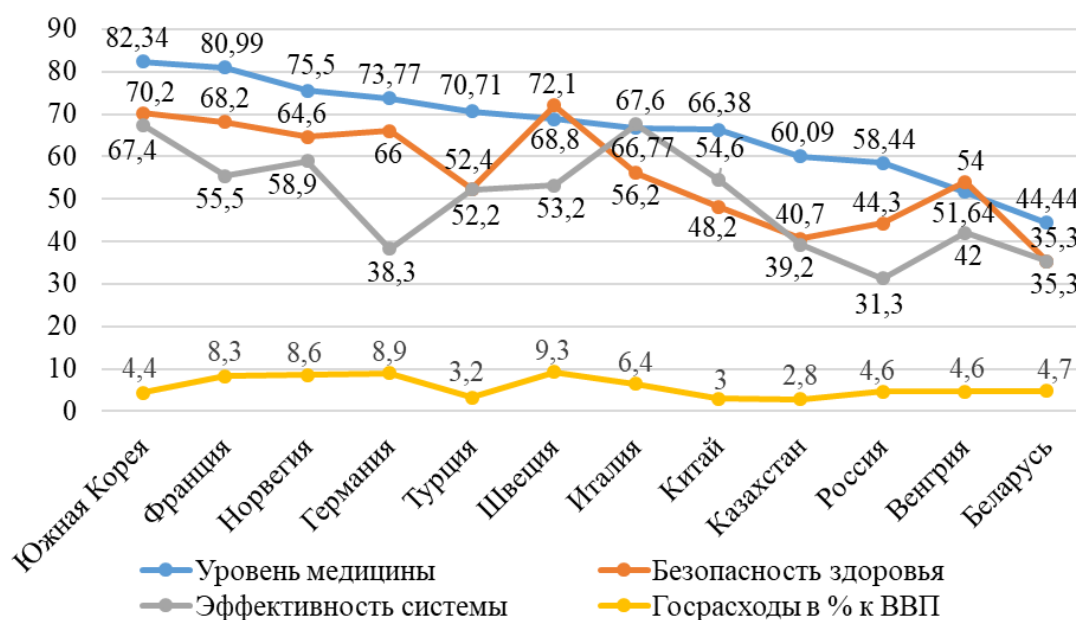

Рис. 1. Индикаторы системы здравоохранения в разных странах
 Источник: составлено автором по данным рейтингов агентства Bloomberg по эффективности систем здравоохранения (<https://www.bloomberg.com>) и сборников Росстата «Здравоохранение в России» (<https://rosstat.gov.ru>)

Fig. 1. Indicators of the healthcare system in different countries
 Source: Compiled by the author based on data from Bloomberg ratings on the effectiveness of healthcare systems (<https://www.bloomberg.com>) and Rosstat collections "Healthcare in Russia" (<https://rosstat.gov.ru>)

Приведенные на рисунке 1 индикаторы уровня развития медицины, безопасности здоровья населения и общей эффективности всей системы здравоохранения в России намного ниже многих стран, что указывает на наличие нерешенных проблем. Аналогичный вывод сделан и Д. С. Даллакяном: «...в России уровень развития здравоохранения значительно отстает от зарубежных

стран...» [3]. Одной из основных причин сложившейся ситуации многие ученые видят в недостаточности объемов финансирования медицинской сферы. Например, И. П. Каткова указывает на «...низкие уровни государственных расходов на здравоохранение в России...» [4]. А. В. Кашепов утверждает, что наша страна «...по соотношению суммарных расходов на здравоохранение с ВВП

занимает 121 место... Все страны, относящиеся к категории развитых, значительно превосходят Россию по этому рейтингу...» [5]. По мнению А. Аристова, Е. Александровой и К. Джерри, «...система здравоохранения недостаточно финансируется и неэффективна, и многие россияне не имеют доступа к необходимой им медицинской помощи...» [6]. Ю. Тимофеев, О. Дремова и М. Яковлевич выделяют целый комплекс причин невысокой эффективности: «...концептуальные (например, непонимание преимуществ), системные (связанные с недостатками в организации системы здравоохранения, включая бюрократизацию), технические и ресурсные (например, отсутствие необходимой инфраструктуры) и социально-культурные (например, неграмотность населения по вопросам здравоохранения, страх перед медицинским учреждением...)» [7].

Несмотря на определенные трудности, медицинская сфера в России продолжает развиваться и совершенствоваться. В настоящее время реализуются национальный проект «Здравоохранение» и комплекс государственных целевых программ, направленных на охрану здоровья населения. В. А. Решетников, Н. В. Эккерт, Л. Капассо и др. отмечают, что «...результатами их реализации... стали увеличение ожидаемой здоровой продолжительности жизни граждан...» [1]. Правительственные проекты и программы, как полагают многие отечественные и зарубежные ученые, «...способствуют улучшению общественно-го здравоохранения...» [6; 11].

Однако в нашей стране еще имеется ряд нерешенных проблем, существующих в системе российского здравоохранения и снижающих эффективность ее функционирования. К ним можно отнести следующее:

Во-первых, сложность с доступностью для многих российских граждан высокотехнологичной медицинской помощи, включающей применение инновационных методов лечения с использованием новых технологий в системе здравоохранения и новейших видов оборудования.

В настоящее время в России крупные передовые медицинские центры федерального уровня, имеющие возможность оказания таких видов помощи, расположены в основном на территории мегаполисов, таких как Москва, Санкт-Петербург и некоторых других, что указывает на существующее неравенство в доступности высокотехнологичной медицинской помощи между жителями крупных и малых городов.

Несмотря на достижения последних лет в области модернизации отечественной медицины и существенного обновления материально-технического оснащения организаций системы здравоохранения, во многих медицинских учреждениях, особенно расположенных в сельской местности, как отметили Е. Б. Лупарев и А. А. Еременко, еще «...очень высока потребность в современном оборудовании...» [8]. Следует сказать еще и о том, что, к сожалению, не все российские граждане вовремя могут получить высокотехнологичную медицинскую помощь по ряду причин: длинные очереди на ее получение, частое отсутствие свободных мест в государственных клиниках, наличие противопоказаний к лечению, недостаточность финансирования и т. д. Также, как отмечают Т. О. Тагаева и Л. К. Казанцева, еще «...известны случаи простаивания и морального устаревания нового медицинского оборудования из-за отсутствия квалифицированных кадров, умеющих применять новые технологии обследования и лечения на практике...» [9].

Во-вторых, низкое обеспечение нуждающихся граждан льготными лекарствами. Сложившаяся в России сложная демографическая ситуация, обусловленная высокой смертностью населения и низкой рождаемостью, ростом распространенности хронических заболеваний и увеличением числа инвалидов, особенно среди детей, с каждым годом указывает на явные недостатки в системе здравоохранения. Для достижения главной цели — укрепления здоровья и сохранности жизни населения — адекватное лекарственное обеспечение является критически важным шагом. Однако в стране, как отмечает Н. М. Осоргин, «...доступность фармацевтических препаратов для населения РФ является достаточно низкой...» [10].

Доступность льготных лекарств детерминировано политической напряженностью между странами, когда санкции влияют на стоимость, поставку тех или иных препаратов. Также прослеживаются недостатки, связанные с нерыночным ценообразованием на жизненно необходимые лекарственные препараты, приводящие к дефициту медикаментов и снижению их доступности на рынке. Исследования З. Николоски, Дж. Уитли и Э. Моссиалоса в области российской системы здравоохранения показали, «...что некоторые домохозяйства заявили о неудовлетворенных потребностях, особенно в лекарствах...» [11]. Все чаще в России имеет место недостаток или полное отсутствие необходимых лекарств, в том числе льготных, в отдаленных, малонаселенных или сельских районах

нашей страны, где наблюдается нерентабельность аптек или нехватка специалистов, в связи с чем людям необходимо выезжать за пределы своего населенного пункта в поисках нужных им препаратов. В. М. Чернышев, О. В. Стрельченко и И. Ф. Мингазов особо подчеркивают, что «в ряде малочисленных и отдаленных населенных пунктов нет ни одной аптечной организации, и вопрос лекарственного обеспечения сельских жителей является одним из самых болезненных» [12].

В-третьих, существующие проблемы в оперативности получения и качестве работы скорой и неотложной медицинской помощи. Именно благодаря своевременному оказанию такой помощи возможно сократить сроки лечения больных, снизить вероятность возможной инвалидизации, а порой и спасти жизнь человека. Однако в России, как нами было отмечено ранее, «... снижается количество медицинских учреждений, особенно в удаленных территориях, в них не хватает врачей и среднего медицинского персонала, увеличиваются объемы платных медицинских услуг и т. д., что приводит не только к снижению качества, но и доступности населения к государственной медицинской помощи» [13]. При этом в период пандемии нагрузка на систему здравоохранения, в частности, на скорую и неотложную медицинскую помощь повысилась в несколько раз. Увеличение времени ожидания, дефицит со-

трудников медицинских служб, нехватка специализированных автомобилей — со всем этим одновременно столкнулось государство. По мнению М. Г. Ереминой, «в сельских районах преобладают маломощные медицинские организации, которые значительно удалены друг от друга. Дефицит санитарного транспорта, неудовлетворительное состояние транспортных коммуникаций и большой радиус обслуживания населенных пунктов ограничивают посещения больных на дому» [14]. Все это во многом снижает оперативность предоставления и качество медицинской помощи.

В-четвертых, невысокая эффективность государственных объектов медицинского обслуживания для населения. Именно качество их работы рассматривается как одно из важных результатов социальной политики государства на всех его уровнях. Однако в российском здравоохранении, как утверждают Ю. Ю. Садовникова, Л. Н. Тимейчук и Г. Г. Уварова, «негативной тенденцией выступает сокращение количества медицинских учреждений, которое свидетельствует о недофинансировании отрасли и ведет к увеличению сектора частных медуслуг и снижению доступности медпомощи» [15]. Согласно результатам социологического опроса населения на качество работы государственных объектов медицинского обслуживания, сказываются факторы, изображенные на рисунке 2.

Рис. 2. Причины недовольности качеством медицинского обслуживания в государственных клиниках

Источник: составлено автором по данным РБК «Исследования рынков» (<https://marketing.rbc.ru>)

Fig. 2. Reasons for dissatisfaction with the quality of medical care in public clinics
Source: compiled by the author according to RBC Market Research (<https://marketing.rbc.ru>)

Таким образом, население нашей страны чаще всего жалуется на долгое ожидание очереди на прием, риск возникновения врачебных ошибок, недобросовестность и незаинтересованность врачей, их недостаточную компетенцию, дефицит в оснащенности медицинских кабинетов оборудованием, что является причиной плохой организации производственного процесса в клиниках, стрессов и потери времени, а соответственно и снижения качества оказываемых медицинских услуг.

А. В. Полянин, Л. И. Проняева и А. В. Павлова среди основных причин невысокой эффективности функционирования государственных медицинских учреждений отмечают такие, как «...старение населения страны, рост возникновения хронических заболеваний, недостаточность финансирования сферы здравоохранения... нехватка медицинских кадров, противоречие между запросами граждан и существующим низким качеством оказываемых медицинских услуг, разрозненность функционирования отдельных секторов здравоохранения и др.» [16]. Еще одной причиной низкого качества является дифференциация социально-экономического развития российских регионов, так как большее внимание уделяется объектам медицинского обслуживания в городах-миллионниках, где строятся новые клиники, оснащаемые качественным современным и высокотехнологичным оборудованием, пополняемые высококвалифицированными специалистами; финансируется ремонт и модернизация старых больниц, поликлиник и др. По мнению А. И. Чистобаева, З. А. Семенов и Н. А. Грудцына, «в ряде регионов наметилась тенденция к снижению уровня обеспеченности населения больничными койками в больницах, закрытию медицинских учреждений в селах и малых городах, сокращению численности врачей, среднего и младшего медицинского персонала на душу населения» [17]. Также медицинские работники из слаборазвитых регионов России отдают предпочтение работе в экономически развитых городах, где заработная плата значительно выше, тем самым усугубляя проблему качества здравоохранения в малонаселенных, отдаленных и слаборазвитых территориях.

В-пятых, недостаточный уровень профессиональных навыков врачей и среднего медицинского персонала.

Существующие недостатки в современном высшем медицинском образовании в большей мере наносят урон населению, поскольку именно

от профессиональных умений, компетентности и высокого уровня знаний будущего врача зависит как здоровье человека, так и будущее страны. Малая доля практики и коррупция является причиной, по которой специалистам, окончившим медицинские учреждения, не хватает профессиональных умений и должной квалификации. Также, по мнению Г. Э. Улумбековой, «...медицинские работники испытывают постоянный дефицит в новых знаниях из-за непонимания собственных пробелов в них, нехватки времени и неудобства в их получении» [18].

При этом незаинтересованность медицинского работника в своей профессии является причинно-следственной связью низкого уровня профессиональных навыков. Небольшой размер их заработной платы, проблемы жилищного обеспечения и большой объем работы сказываются на продуктивности и качестве выполнения медицинских услуг. Особенно остро стоит эта проблема для малых городов, сельских поселений и отдаленных территорий, где складывается, как отмечает Т. И. Никитина, «...наиболее тяжелая ситуация в вопросе обеспечения населения квалифицированными медицинскими работниками...» [19]. По данным на рисунке 2 видно, что 73,5 % опрошенных россиян оценивают профессиональный уровень большинства врачей ниже, чем требуется. Это достаточно высокий показатель, который демонстрирует, что системе здравоохранения необходимы меры, направленные на повышение профессиональных качеств и умений медицинских работников.

В-шестых, увеличение числа врачебных ошибок.

Проблема, с которой чаще всего сталкивался почти каждый житель нашей страны, — постановка неправильного диагноза, а также назначение ненужных анализов или медицинских препаратов, что увеличивает, как следствие, риск наступления неблагоприятных последствий для пациента. Непрофессионализм и частные ошибки врачей в постановке диагнозов и назначении лекарственных препаратов являются фактором, приводящим к осложнениям, а иногда и к смерти пациента. Врачебные ошибки — это третья самая распространенная причина смерти после заболеваний сердца и рака. Специалистами в мире медицинского права озвучены два основных вида причин, приводящих к врачебным ошибкам:

— субъективные (например, несвоевременная госпитализация больного, неполноценное обследование пациента, неправильный диагноз, лечение или проведение реанимационных мероприятий);

— объективные (например, дефицит лекарственных препаратов, полное отсутствие необходимого диагностического оборудования или медицинских изделий, редко встречаемые виды заболеваний).

В российском обществе отношение к врачебным ошибкам неоднозначно, поскольку существуют различные, порой противоречивые, мнения экспертов о причинах их возникновения. При этом собрать неопровержимую доказательную базу и тем более привлечь виновного к ответственности очень сложно, а порой практически невозможно, что во-многом и способствует дальнейшему распространению таких ошибок.

В-седьмых, рост платных медицинских услуг.

В России, как утверждает Н. Н. Зубарева, «... можно наблюдать значительный рост числа больничных организаций, относящихся к сегменту частного бизнеса, которые с небывалой скоростью покоряют те высоты, которые ранее были подвластны лишь государственному сектору» [20]. Это явление можно объяснить сокращением числа государственных медицинских организаций и невысоким доверием населения к системе здравоохранения. Поэтому, несмотря на финансовые трудности, охватившие население России, спрос на платные медицинские услуги, предоставляемые частными клиниками, с каждым годом растет. Об этом свидетельствует информация, приведенная на рисунке 3.

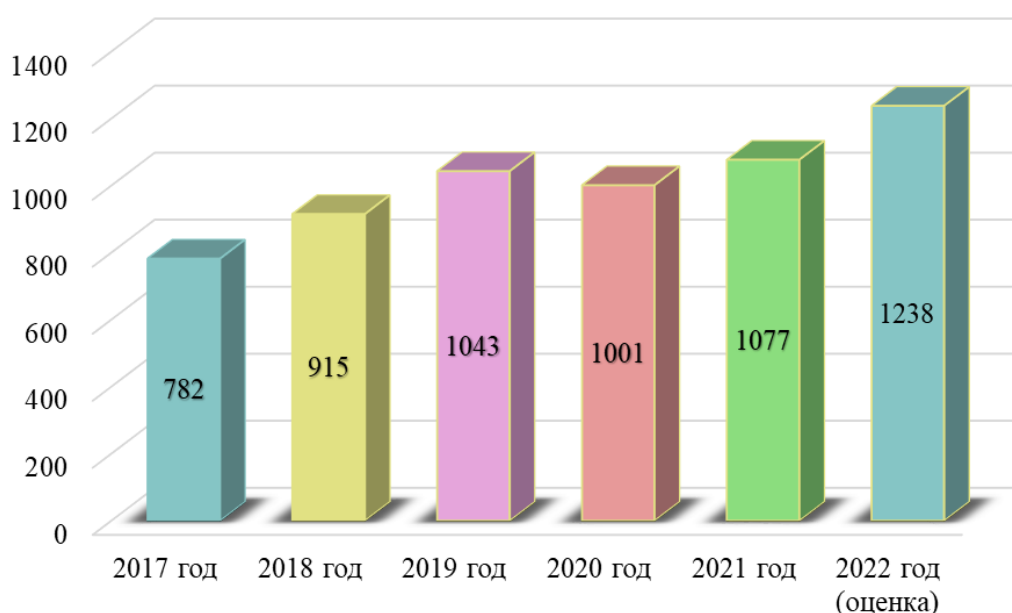

Рис. 3. Объем рынка платных медицинских услуг в России, млрд руб.

Источник: составлено автором по данным РБК «Исследования рынков» (<https://marketing.rbc.ru>)

Fig. 3. The volume of the paid medical services market in Russia, bill. rub.

Source: compiled by the author according to RBC Market Research (<https://marketing.rbc.ru>)

Увеличение объема рынка из года в год происходит по ряду причин, главными из которых являются снижение доступности населению лечения в государственных учреждениях и его недоверие к бесплатным медицинским услугам. В России, как утверждает Т. В. Чубарова, «...доля частных расходов составляет более 40 % текущих расходов на здравоохранение...» [21]. Многие российские граждане считают, что качество медицинских услуг, оказываемых на коммерческой основе, значительно выше бесплатных. Однако и частные медицинские клиники имеют свои проблемы организационного или материально-технического характера. Например, по мнению Н. В. Кузнецова,

А. В. Рулевой и М. В. Рулева, «...высокие цены на медицинские услуги остаются даже при избыточном предложении... без улучшения качества медицинской помощи...» [22]. Право выбора специалиста, времени приема, отсутствие очередей и возможность получения анализов в более короткие сроки — все это олицетворяет коммерческие медицинские услуги и делает их более привлекательными для населения по сравнению с бесплатными.

Несмотря на усовершенствование системы здравоохранения, ряд проблем в России остается актуальным на сегодняшний момент времени. Поэтому, кроме увеличения государственных

расходов на медицинскую сферу, целесообразно осуществить следующие мероприятия:

- повысить общую доступность высокотехнологичной медицинской помощи нуждающимся гражданам путем роста числа государственных клиник, их обеспечения инновационным современным оборудованием и необходимым высококвалифицированным медицинским персоналом, расширения перечня оказываемых услуг в рамках такой помощи за счет средств обязательного медицинского страхования, а также оказания частным клиникам, имеющим технологические и ресурсные возможности для предоставления населению страны всех видов высокотехнологичной медицинской помощи, существенной государственной поддержки, в том субсидирования и льгот при оказании платных услуг;

- обеспечение своевременности и полной доступности населению льготных лекарств за счет совершенствования процесса оборота и государственных закупок медицинских препаратов и лекарственных средств, не допущения в российских регионах их дефицита, снижения бюрократических проволочек, расширения сети государственных аптек, и в первую очередь в сельской местности, на малонаселенных и труднодоступных территориях. Важно ускорить импортозамещение при производстве отечественных медицинских изделий и лекарственных средств, значительно расширив их перечень. Также необходим жесткий государственный контроль за ценообразованием в фармацевтическом секторе экономики, в том числе и в коммерческих аптечных пунктах;

- повышение оперативности и рост качества работы станций скорой и неотложной медицинской помощи возможно за счет расширения их материально-технической базы, прежде всего, путем увеличения парка специализированных автомобилей, в том числе реанимобилей, оснащенных необходимым медицинским оборудованием, что позволит решить множество острых проблем, которые наносят ущерб населению страны. Дефицит медицинских кадров в целом получился побороть за счет студентов медицинских вузов, окончивших четыре курса, либо только что выпустившихся специалистов посредством их работы в составе бригад скорой и неотложной медицинской помощи в должности фельдшера. Также необходимо ускорить процесс создания в российских регионах единой диспетчерской системы для сокращения времени прибытия медицинской бригады на вызовы, приема-передачи вызовов,

внедрения нового регламента приема, сортировки и передачи вызовов;

- с целью повышения качества работы государственных объектов медицинского обслуживания и обеспечения высокого уровня их работы в России реализуется проект «Здравоохранение», в задачи которого входит: оптимизация системы здравоохранения, ее обеспечение медицинским оборудованием и квалифицированными кадрами. Неотъемлемой частью национального проекта является реализация региональных программ «Земский доктор» и «Земский фельдшер», которые позволят существенно компенсировать недостаток кадров в отдаленных и сельских местностях;

- рост уровня профессиональных навыков врачей и среднего медицинского персонала. Чтобы решить данную проблему, по указу Президента РФ зарплата всех категорий медиков в 2023 году будет значительно повышена, вводятся дополнительные стимулирующие надбавки. Также необходимо расширять для них льготы и предоставлять комфортабельное служебное жилье. Целесообразны обмен передовым опытом и инновационными технологиями лечения, ежегодное повышение квалификации врачей, увеличение качества подготовки специалистов и количества часов практики в медицинских учебных заведениях, что, несомненно, позитивно сказывается на их профессиональных навыках;

- снижение числа врачебных ошибок. Для минимизации негативных последствий, которые возникают по причине неправильного проведения диагностических мероприятий, ошибочной тактики ведения пациента или любых других, государству необходимы такие меры, как тщательный мониторинг причин возникновения врачебных ошибок и мероприятия, направленные на снижение их количества, разработка функционально-инструментальных и системно-структурных улучшений в медицинской помощи, совершенствование законодательства РФ, подготовка проектов законов и иных нормативно-правовых актов в системе здравоохранения;

- для снижения количества платных медицинских услуг, которыми вынужденно пользуются многие российские граждане, в первую очередь необходимо увеличение объемов государственного финансирования на здравоохранение, повышение качества бесплатных медицинских услуг и степени их доступности за счет внедрения современного медицинского оборудования, оптимизации процесса работы с очередью пациентов.

Реализация таких мероприятий, по нашему мнению, позволит российским гражданам получать качественную медицинскую помощь в необходимом объеме и в разумные сроки. Безусловно, принимаемые законы и реализуемые в нашей стране государственные проекты позволят улучшить систему здравоохранения и облегчить жизнь населения.

Выводы

Функционирование системы здравоохранения в стране направлено на охрану здоровья граждан, оказание им доступной, своевременной и квалифицированной медицинской помощи, улучшение ее качества, снижение заболеваемости и рост продолжительности здоровой жизни. Поэтому повышение эффективности функционирования такой системы в России является одним из основных приоритетов государственной социально-экономической политики. Осуществляемая в нашей стране в последние годы комплексная реформа всей системы здравоохранения была направлена на повышение качества медицинской помощи, доступности, обеспечение социального равенства в получении всеми гражданами бесплатных медицинских услуг, а также структурные трансформации в здравоохранении и расширение мер профилактической направленности в государственных медицинских учреждениях. В нашей стране ежегодно появляются новые объекты медицинского обслуживания населения и внедряются инновационные технологии, проводится работа по росту качества услуг в этой сфере и снижению дефицита медицинских кадров, увеличиваются государственные расходы на здравоохранение.

Однако ряд существующих проблем в системе здравоохранения нашей страны еще не решены. К ним можно отнести недостаточность высокотехнологичных медицинских услуг для населения и доступности льготных лекарств, профессиональных навыков врачей и рост числа врачебных ошибок, невысокая оперативность скорой и неотложной медицинской помощи, проблемы в работе государственных объектов медицинского обслуживания, увеличение платных медицинских услуг. Именно этими обстоятельствами объясняется невысокая эффективность такой системы, а одной из причин является недостаточность объемов государственного финансирования на нужды здравоохранения.

Подводя итог, следует сказать о том, что несмотря на огромный объем накопившихся проблем, в российской системе здравоохранения начинаются перемены в сторону улучшения, поскольку государство реализует комплексные меры, усовершенствует старые и разрабатывает новые нормативно-правовые акты, создает и внедряет национальные проекты, направленные на улучшение качества жизни населения и социальное развитие.

Этот непростой и трудоемкий процесс устранения имеющихся недостатков в здравоохранении займет достаточно большой промежуток времени, государство столкнется с новыми трудностями и задачами, но положительная динамика, которая прослеживается в России на данном этапе дает нам уверенность, в том, что усовершенствование медицинской сферы идет размеренным и правильным путем.

Список источников

1. Reshetnikov V. A., Ekkert N. V., Capasso L., Arsentyev E. V. et al. The history of public healthcare in Russia // *Medicina Historica*. 2019. Vol. 3, № 1. P. 16–24.
2. Плетнев Д. А. Эвристические «законы» в практике разработки управленческих решений // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 9 (431). С. 189–194.
3. Даллакян Д. С. Современное состояние системы здравоохранения в России // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 4-4 (67). С. 41–46.
4. Каткова И. П. Российское здравоохранение в контексте задач достижения всеобщей доступности услуг здравоохранения к 2030 году // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 1. С. 135–147.
5. Кашепов А. В. Институциональные и экономические проблемы здравоохранения в России // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 11-2. С. 244–253.
6. Aistov A., Aleksandrova E., Gerry C. J. Voluntary private health insurance, health-related behaviours and health outcomes: evidence from Russia // *The European Journal of Health Economics*. 2021. № 22. P. 281–309.
7. Timofeyev Yu., Dremova O., Jakovljevic M. The impact of transparency constraints on the efficiency of the Russian healthcare system: systematic literature review // *Journal of Medical Economics*. 2023. Vol. 26, № 1. P. 95–109.
8. Лупарев Е. Б., Еременко А. А. Новый подход к организации государственного контроля и надзора как один из путей решения проблем в сфере здравоохранения // *Очерки новейшей камералистики*. 2021. № 1. С. 19–23.

9. Тагаева Т. О., Казанцева Л. К. Общественное здоровье и реформа здравоохранения в России // Мир новой экономики. 2019. № 13 (3). С. 126–134.
10. Осоргин Н. М. Лекарственное обеспечение граждан в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-4 (63). С. 141–145.
11. Nikoloski Z., Cheatley J., Mossialos E. Financial Risk Protection and Unmet Healthcare Need in Russia // *International Journal of Health Policy and Management*. 2022. 11 (9). P. 1715–1724.
12. Чернышев В. М., Стрельченко О. В., Мингазов И. Ф. Последствия реформирования здравоохранения в РФ (1990–2020 гг.). Проблемы и предложения // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2021. Т. 7, № 2. С. 86–102.
13. Герсонская И. В. Государственная социальная политика на современном этапе развития России // Социально-экономические явления и процессы. 2020. Т. 15, № 2 (109). С. 5–16.
14. Еремина М. Г. Характеристика сельского здравоохранения в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 98–100.
15. Садовникова Ю. Ю., Тимейчук Л. Н., Уварова Г. Г. Оценка эффективности управления системой здравоохранения в Российской Федерации: современные проблемы и тренды реформирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 55–63.
16. Полянин А. В., Проняева Л. И., Павлова А. В. Развитие системы здравоохранения на основе кластерного подхода // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29. С. 694–702.
17. Chistobaev A. I., Semenova A. Z., Grudtsyn N. A. Dynamics and strategic directions of public health preservation in Russian Federation // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2019. Vol. 6, № 3. P. 1380–1392.
18. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России 2022–2023 гг.: неотложные меры в условиях особого положения в экономике и социальной сфере. Проблемы и предложения // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2022. Т. 8, № 2. С. 22–47.
19. Никитина Т. И. Состояние сферы здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития сельских территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 235–245.
20. Зубарева Н. Н. Конкуренция в медицине как эффективный инструмент качественного изменения отрасли здравоохранения // Практический маркетинг. 2022. № 2 (299). С. 24–30.
21. Чубарова Т. В. Эффективное здравоохранение как условие воспроизводства человеческого потенциала: современные вызовы для социальной политики // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4, № 3. С. 607–628.
22. Кузнецов Н. В., Рулева А. В., Рулев М. В. Характеристика системы здравоохранения и рынка медицинских услуг в России // Московский экономический журнал. 2019. № 6. С. 334–342.

References

1. Reshetnikov VA, Ekkert NV, Capasso L, Arsentyev EV et al. The history of public healthcare in Russia. *Medicina Historica*. 2019;(3(1):16-24.
2. Pletnev DA. Heuristic «laws» in the practice of developing managerial decisions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019;(9(431):189-194. (In Russ.).
3. Dallakyan DS. The current state of the healthcare system in Russia. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(4-4(67):41-46. (In Russ.).
4. Katkova IP. Russian healthcare in the context of the tasks of achieving universal accessibility of health services by 2030. *Narodonaselenie = Population*. 2020;(23(1):135-147. (In Russ.).
5. Kashepov AV. Institutional and economic problems of healthcare in Russia. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(11-2):244-253. (In Russ.).
6. Aistov A, Aleksandrova E, Gerry CJ. Voluntary private health insurance, health-related behaviours and health outcomes: evidence from Russia. *The European Journal of Health Economics*. 2021;(22):281-309.
7. Timofeyev Yu, Dremova O, Jakovljevic M. The impact of transparency constraints on the efficiency of the Russian healthcare system: systematic literature review. *Journal of Medical Economics*. 2023;(26(1):95-109.
8. Luparev EB, Eremenko AA. A new approach to the organization of state control and supervision as one of the ways to solve problems in the field of healthcare. *Ocherki novejshej kameralistiki = Essays on the latest cameralistics*. 2021;(1):19-23. (In Russ.).

9. Tagaeva TO, Kazantseva LK. Public health and healthcare reform in Russia. *Mir novoj ekonomiki = The world of the new economy*. 2019;(13(3)):126-134. (In Russ.).
10. Osorgin NM. Drug provision of citizens in the Russian Federation. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(12-4(63)):141-145. (In Russ.).
11. Nikoloski Z, Cheatley J, Mossialos E. Financial Risk Protection and Unmet Healthcare Need in Russia. *Int J Health Policy Manag*. 2022;(11(9)):1715-1724.
12. Chernyshev VM, Strelchenko OV, Mingazov IF. Consequences of healthcare reform in the Russian Federation (1990-2020). Problems and proposals. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ = ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the VSHOUZ*. 2021;(7(2)):86-102. (In Russ.).
13. Gersonskaya IV. State social policy at the present stage of development of Russia. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process = Socio-economic phenomena and processes*. 2020;(15(2(109)):5-16. (In Russ.).
14. Eremina MG. Characteristics of rural healthcare in modern Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya = Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2022;(22(1)):98-100. (In Russ.).
15. Sadovnikova YuYu, Timeychuk LN, Uvarova GG. Evaluation of the effectiveness of healthcare system management in the Russian Federation: modern problems and trends of reform. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scientific notes*. 2019;(4):55-63. (In Russ.).
16. Polyanin AV, Pronyaeva LI, Pavlova AV. Development of the healthcare system based on the cluster approach. *Problemy social'noj gigieny, zdravooohraneniya i istorii mediciny = Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*. 2021;(29):694-702. (In Russ.).
17. Chistobaev AI, Semenova AZ, Grudtsyn NA. Dynamics and strategic directions of public health preservation in Russian Federation. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2019;(6(3)):1380-1392.
18. Ulumbekova GE. Healthcare of Russia 2022-2023: urgent measures in a special situation in the economy and social sphere. Problems and suggestions. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ = ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the VSHOUZ*. 2022;(8(2)):22-47. (In Russ.).
19. Nikitina TI. The state of the healthcare sector as a factor of sustainable socio-economic development of rural areas. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019;(9(431)):235-245. (In Russ.).
20. Zubareva NN. Competition in medicine as an effective tool for qualitative change in the healthcare industry. *Prakticheskij marketing = Practical marketing*. 2022;(2(299)):24-30. (In Russ.).
21. Chubarova TV. Effective healthcare as a condition for the reproduction of human potential: modern challenges for social policy. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2021;(4(3)):607-628. (In Russ.).
22. Kuznetsov NV, Ruleva AV, Grulev MV. Characteristics of the healthcare system and the medical services market in Russia. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2019;(6):334-342. (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Герсонская — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов.

Information about the author

I. V. Gersonskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved
after reviewing 26.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.81

ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Николай Константинович Кемайкин

Дзержинский филиал РАНХиГС, Дзержинск, Россия, kemaykin.gms@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4631-4147>

Аннотация. Несмотря на наметившиеся положительные тенденции в жилищно-коммунальном хозяйстве, положительные изменения происходят очень медленно и порой с резкими противоречивыми отклонениями от намеченного курса. В данной научной статье автор выделил основные проблемы развития сферы жилищно-коммунального хозяйства, которые требуют первоочередного устранения. Исследователь указал, что текущее направление развития отрасли определяется утвержденной государством стратегией развития жилищно-коммунального хозяйства. В работе приводится анализ данных из открытых и доступных источников об исполнении данной стратегии, выделяются пять основных проблем развития сферы жилищно-коммунального хозяйства. В работе выделяются такие первоочередные задачи, как необходимость выполнить точное формулирование целей, опирающееся на оценки текущего состояния сферы, при этом необходимо выстроить иерархию подцелей, задач и мероприятий. Данное исследование подтверждает низкий уровень эффективности стратегического управления и отсутствие практики применения современных инструментов контроллинга при реализации планов развития отрасли жилищно-коммунального хозяйства. Полученные результаты о проблемах развития сферы жилищно-коммунального хозяйства имеют теоретическую и практическую значимость для повышения эффективности развития сферы. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы для уточнения целей, задач и корректировки мероприятий для ускорения развития отрасли.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, контроллинг, показатели эффективности, проблемы развития ЖКХ, стратегия

Для цитирования: Кемайкин Н. К. Проблемы стратегического планирования развития жилищно-коммунального хозяйства России // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 64–75.

Original article

PROBLEMS OF STRATEGIC PLANNING FOR THE DEVELOPMENT OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN RUSSIA

Nikolay K. Kemaykin

Dzerzhinsk branch of RANEPa, Dzerzhinsk, Russia, kemaykin.gms@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4631-4147>

Abstract. Despite the emerging positive trends in housing and communal services, positive changes occur very slowly and sometimes with sharp contradictory deviations from the planned course. In this scientific article, the researcher identified the main problems of the development of housing and communal services, which require priority elimination. The researcher pointed out that the current direction of development of the industry is determined by the state-approved strategy for the development of housing and communal services. The paper provides an analysis of data from open and accessible sources on the implementation of this development strategy, identifies five main problems of the development of housing and communal services. The paper provides an analysis of data from open and accessible sources on the implementation of this development strategy, identifies five main problems of the development of housing and communal services. The paper highlights such priority tasks as the need to accurately formulate goals based on assessments of the current state of the sphere, while it is necessary to build a hierarchy of sub-goals, tasks and activities. This study confirms the low level of effectiveness of strategic management and the lack of practice of using modern controlling tools in the implementation of plans for the development of the housing and communal services industry. The results obtained on the problems of the development of housing and communal services have theoretical and practical significance for improving the efficiency of the development of the sphere.

© Кемайкин Н. К., 2023

The practical significance lies in the fact that the obtained research results can be used to clarify goals, objectives and adjust measures to accelerate the development of the industry.

Keywords: housing and communal services; controlling; performance indicators; problems of development of housing and communal services; strategy

For citation: Kemaykin NK. Problems of strategic planning for the development of housing and communal services in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):64-75. (In Russ.).

Введение

Во многих научных работах обоснована и доказана социальная значимость услуг, оказываемых сферой жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Состояние сферы ЖКХ постепенно улучшается, но улучшения происходят недостаточно динамично, как хотелось бы большинству граждан.

Отрасль ЖКХ также тесно связана с более чем 30 смежными отраслями, поэтому развитие сферы жилищно-коммунального хозяйства может стать потенциалом экономического развития всей экономики Российской Федерации.

Положительные изменения в отрасли происходят очень медленно, это подтверждает наличие проблем на пути развития сферы ЖКХ. Поэтому при анализе и изучении отрасли наиболее актуальной задачей является исследование проблем развития, понимание их природы. Данные знания позволят ускорить процессы улучшения и вывести сферу ЖКХ на качественно новый уровень.

Целью данного исследования является определение основных проблем стратегического планирования развития сферы ЖКХ, которые требуют первоочередного устранения. Для реализации поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: выделить причины и факторы, препятствующие развитию сферы ЖКХ; выделить по степени значимости первоочередные проблемы развития ЖКХ.

Предметом исследования является совокупность теоретических вопросов, нормативно-правовых актов и статистических данных, связанных с описанием направления развития сферы ЖКХ и текущего состояния отрасли.

Материалы и методы исследования

Методической и теоретической основой данной научной работы являются исследования отечественных и иностранных ученых, посвященных развитию жилищно-коммунального хозяйства, а также данные материалов международных и отечественных конференций, периодической печати и официальной статистики по проблемам развития и состоянию сферы ЖКХ.

Поиск решения определенных в исследовании задач выполнялся с применением системного подхода, метода общелогического анализа, метода индукции, теоретического метода ранжирования, а также табличных и графических приемов обработки данных.

Знания о проблемах развития сферы жилищно-коммунального хозяйства представляют теоретическую и практическую ценность в изучении эффективности развития сферы ЖКХ. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы для определения первоочередных путей повышения эффективности в стратегическом развитии отрасли.

Большинство исследований, посвященных вопросам развития жилищно-коммунального хозяйства, сводятся к описанию состояния сферы ЖКХ. Необходимо различать проблемы отрасли и проблемы развития отрасли ЖКХ. В рамках проводимого исследования нас интересуют проблемы развития, поэтому научные труды анализировались с точки зрения данного аспекта.

Среди международных исследований работы представлены в небольшом количестве. В основном данные исследования касаются только одного из элементов сферы ЖКХ и не рассматривают отрасль в комплексе.

Например, в своей работе К. Борха-Вега, Э. Гарсия Моралес, Х. Гонсалес исследуют проблемы водоснабжения и ценообразования на водоснабжение в Мексике [1]. Авторы обозначают, что одной из проблем развития инфраструктуры водоснабжения является несправедливое перераспределение субсидий на оплату услуг водоснабжения, обеспеченные слои населения получают больший положительный эффект от субсидий, чем менее обеспеченные. Данное исследование не охватывает всю сферу ЖКХ, а решает только узкую задачу.

А. Вирва обосновывает, что одним из способов борьбы с проблемой роста загрязняющих выбросов в атмосферу может быть реализация стратегии модернизации зданий в энергоэффективные объекты жилищно-коммунального хозяйства [2]. Исследование больше относится не к вопросам

развития сферы ЖКХ, а к решению экологических задач за счет изменений в ЖКХ.

Исследователи У. Шалболова, З. Кенжегалиева обосновывают эффективность развития сферы ЖКХ в Республике Казахстан и необходимость дальнейшего совершенствования концепции интеллектуальных городов [3]. Авторы указывают на необходимость использования комплексного подхода при решении проблем ЖКХ, но не указывают конкретные причины и проблемы развития отрасли.

Авторы Ю. Латиф, М. Берави отмечают, что при развитии инфраструктуры ЖКХ с целью повышения уровня электрификации в Индонезии наносится необратимый экологический ущерб в виде появления парникового газа [4]. Исследователи предлагают при проектировании использовать технологии, которые повысят энергоэффективность зданий и снизить потребление энергии до нуля.

Ученые А. Чацивасилеяди, Э. Ампацци, И. Найт связывают недостаточное развитие в сфере электроснабжения с ограничением в использовании возобновляемых источников энергии и технологий хранения энергии [5].

Таким образом, в международном научном сообществе почти не обсуждается комплексное развитие сферы жилищно-коммунального хозяйства, а чаще обсуждаются проблемы развития отдельных секторов отрасли, при этом многие вопросы рассматриваются через развитие энергоэффективности.

По сравнению с международными исследованиями отечественных исследований значительно больше.

В работе Т. Х. Усмановой автором определяется развитие отрасли как модернизация, реконструкция и новое строительство объектов ЖКХ, а также создание эффективных финансовых моделей и потоков денежных средств с использованием обоснованного тарифного регулирования на основные жилищно-коммунальные услуги [6]. Автор к основным проблемам развития ЖКХ относит: использование принципа ликвидации «узких мест» в сфере ЖКХ и устранение аварий; неэффективные финансовые взаимоотношения между ресурсоснабжающими и жилищными компаниями. В исследовании также отмечается, что недостаточно развиты процессы прогнозирования и использования механизмов государственно-частного партнерства.

В работах А. И. Субетто отмечается, что Россия находится в холодной климатической зоне,

которая приводит к большому потреблению энергии, чем в большинстве других стран мира [7]. Это приводит к оттоку капитала из страны. Автор считает, что проблемы развития ЖКХ связаны с отсутствием планового механизма управления стратегией развития ЖКХ. Работа интересна тем, что автор рассматривает исследуемую проблему с философской точки зрения.

Исследователи В. Э. Комов, В. П. Корнеева, М. С. Ляшенко обозначают основной проблемой развития отрасли ЖКХ несовершенство нормативно-правовой базы [8]. Причем отмечается, что к недостаткам нормативно-правовой базы относятся низкое ее качество, недостаточная полнота и несоответствие нуждам отрасли. В результате этого отсутствуют механизмы по реализации новых моделей управления и реформ. Данная проблема приводит к низкой эффективности реализуемых реформ и порождает многие другие проблемы. Авторы обозначают еще одну немаловажную проблему — отсутствие в сфере ЖКХ модели отраслевого органа. С одной стороны, сфера ЖКХ подчинена Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, с другой стороны, напрямую связана с деятельностью Министерства энергетики Российской Федерации. К недостаткам работы следует отнести то, что значительная часть исследования сводится к описанию текущего состояния сферы ЖКХ, а не описанию проблем развития.

В исследовании о проблемах развития жилищно-коммунального хозяйства, выполненного И. А. Плотниковой и И. В. Сорокиной, структурированно описываются общие проблемы состояния отрасли [9], в качестве наиболее значимой проблемы развития выделяется недостаточное участие государства в решении вопросов ЖКХ.

На наш взгляд, заслуживает отдельного внимания работа В. Ф. Ткачука, так как автор выполнил анализ проблематики с точки зрения исторического аспекта. В работе представлено описание состояния жилищных проблем и пути их решения в дореволюционный и советский периоды [10]. В исследовании предпринята попытка обосновать неудовлетворительное современное состояние ЖКХ долгим, исторически сформировавшимся отсутствием заинтересованности каждого участника рынка жилищно-коммунальных услуг.

Исследования Е. С. Семенистой и А. В. Леоновой посвящены анализу проблем развития цифровой экономики в сфере ЖКХ, авторы указывают

на возникающие технологические барьеры [11]. Выделяются три группы технологических барьеров. К первой группе относится отсутствие первичного накопленного большого массива данных, который будет служить основой развития информационных технологий. Например, существующие приборы учета коммунальных ресурсов для данной цели не подходят из-за функционального ограничения. Ко второй группе барьеров авторы относят обеспечение информационной безопасности. К третьей группе — низкую заинтересованность стейкхолдеров рынка ЖКХ. Ученые предлагают решения, связанные с внедрением концепции BigData. Данная работа интересна, но отражает проблематику только одной из сторон развития отрасли.

Некоторые исследователи кардинально подходят к вопросам развития сферы ЖКХ через реализацию концепции «умных городов». Например, А. О. Веселова, А. Н. Хацкелевич и Л. С. Ежова в своих работах указывают основные проблемы и пути их решения при реализации данной концепции [12].

Отдельные исследователи, например, Д. С. Саралинова, рассматривают проблемы развития отдельных субъектов отрасли, таких как государственные предприятия сферы ЖКХ [13]. Автор указывает на недостаточность внедрения элементов конкурентных рыночных отношений и слабое развитие практики государственно-частного партнерства.

Таким образом, из анализа научных трудов можно сделать вывод о том, что проблемам развития ЖКХ уделяется недостаточно внимания. Большинство работ сводится к описанию текущих проблем ЖКХ. Некоторые работы описывают проблемы развития отрасли, но чаще всего отражается проблематика развития только одного из сегментов жилищно-коммунального хозяйства. Среди проблем развития ЖКХ авторы упоминают: низкое качество прогнозирования; низкое качество управления стратегией развития ЖКХ; недостаточную развитость механизмов государственно-частного партнерства; несовершенство нормативно-правовой базы.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследуя развитие ЖКХ в России, мы будем пользоваться методом общелогического анализа.

В соответствии с основными представлениями в философии, развитие — это изменения, связанные с переходом от одного качества к другому, от старого к новому. Данные представления

относятся и к развитию сферы ЖКХ. В настоящий момент отрасль претерпевает постоянные изменения. Если в начале 1990-х годов данные изменения носили революционный характер, то сегодня развитие носит эволюционный характер, т. е. происходят относительно постепенные изменения в сфере ЖКХ.

Чтобы изучить проблемы развития отрасли, нужно понять, каким общество видит будущее состояние сферы ЖКХ. В России видение будущего состояния отрасли было определено стратегией развития жилищно-коммунального хозяйства¹.

Согласно принятой стратегии основными целями государства в развитии сферы жилищно-коммунального хозяйства являются:

- повышение качества и надежности жилищно-коммунальных услуг. Под качеством и надежностью подразумеваются бесперебойное предоставление коммунальных услуг (отопление, газоснабжение, электроснабжение, горячее и холодное водоснабжение, водоотведение), благоприятные и безопасные условия проживания граждан в многоквартирных домах и жилых домах, обращение с твердыми коммунальными отходами в соответствии с требованиями, установленными законодательством Российской Федерации;
- обеспечение доступности жилищно-коммунальных услуг для населения.

Основными приоритетами, в соответствии с принятой стратегией, государство для себя определяет:

- повышение уровня комфорта проживания граждан, отдельно подчеркивается необходимость обеспечения доступности многоквартирных домов для людей с ограниченными физическими возможностями;
- повышение энергоэффективности инфраструктуры и объектов ЖКХ;
- применение наиболее эффективных технологий, используемых при реконструкции и строительстве объектов коммунальной инфраструктуры и модернизации жилищного фонда.

Для органов государственной власти важнейшей задачей в сфере ЖКХ является создание эффективной нормативно-правовой базы, в условиях функционирования которой будет осуществляться устойчивое развитие жилищно-

¹ Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 26.01.2016 № 80-р (ред. от 18.10.2018).

коммунального хозяйства, а также уменьшение административных процедур и отсутствие предпосылок для возникновения коррупции [14; 15].

Для выполнения основной задачи стратегий предусмотрены подзадачи:

- повышение прозрачности информации о компаниях, оказывающих услуги жилищно-коммунального хозяйства, для потребителей, инвесторов и контрольно-надзорных органов;
- стимулирование развития комплексных систем учета коммунальных ресурсов, позволяющих обеспечить дистанционный учет и достоверность информации об объемах и качестве коммунальных ресурсов, технико-экономическом состоянии объектов коммунальной инфраструктуры;
- координирование механизмов территориального и инвестиционного планирования для развития коммунальной инфраструктуры с учетом будущих потребностей;
- использование внутренних резервов для развития ЖКХ с целью оптимизации инвестиций. Одним из перспективных механизмов является развитие рынка энергосервисных услуг;
- использование концессионных соглашений для привлечения частных операторов для управления инвестиционно непривлекательными объектами жилищно-коммунального хозяйства.

Для данной стратегии развития ЖКХ были определены следующие показатели эффективности:

- площадь жилых домов, в которых выполнен капитальный ремонт в сроки, указанные в региональных программах капитального ремонта;
- уровень оплаты за жилищно-коммунальные услуги;
- объем расселенного жилищного фонда, который признан аварийным до 1 января 2012 г.;
- уровень потерь при эксплуатации сетей холодного водоснабжения;
- уровень потерь при эксплуатации сетей теплоснабжения;
- доля населения, потребляющего питьевую воду, качество которой удовлетворяет санитарно-эпидемиологическим нормам, от числа населения, имеющего доступ к централизованному водоснабжению;
- доля сточных вод, очищаемых на биологических очистных сооружениях, в общем объеме сточных вод, прошедших через очистные сооружения;

– доля заемных средств в общем объеме средств, направленных на капитальные вложения в инженерные системы коммунальных ресурсов;

– доля расходов на оплату услуг ЖКХ от общего дохода семьи;

– передача бизнесу, в котором доля участия государства не более 25 процентов, по договорам концессий всех государственных объектов ЖКХ, в отношении которых осуществляется неэффективное управление.

Функцию мониторинга достижения целей и решения задач стратегии обеспечивает Министерство строительства и ЖКХ РФ.

Несмотря на социальную важность стратегии развития ЖКХ и необходимость мониторинга исполнения контрольных показателей, достаточно сложно найти информацию о фактических значениях исполнения показателей в свободном доступе.

Например, показатель обеспеченности населения питьевой водой, соответствующей санитарно-эпидемиологическим нормам, отсутствует на сайтах государственной статистики. Плановое значение показателя по итогам 2019 года, согласно стратегии, должно было составлять 75,5 %. Информация о качестве воды представлена на портале информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ)¹. Представленная информация не является сопоставимой с показателем стратегии, так как данные представлены в разрезе источников и водопроводов, а в стратегии относительно доли населения. Фактическое значение 82,2 % источников и трубопроводов, вода в которых соответствует санитарным нормам. Однако в 31 из 85 регионов РФ данный показатель ниже среднего по стране.

Значения показателя «уровень потерь при эксплуатации сетей теплоснабжения» и «доля заемных средств в общем объеме средств, направленных на капитальные вложения в инженерные системы коммунальных ресурсов» представлены на сайте государственной статистики. Целевые и фактические значения этих показателей представлены в таблице 1.

¹ Результаты федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора за качеством питьевой воды в субъектах Российской Федерации, в соответствии с формой федерального статистического наблюдения № 18 // Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства : офиц. сайт. URL. <https://dom.gosuslugi.ru/#!/map/water-quality>

Таблица 1

Table 1

**Плановые и фактические значения отдельных показателей
стратегии развития ЖКХ до 2020 года**
**Planned and actual values of hotel indicators
of the housing and communal services development strategy until 2020**

Целевой показатель	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	план	факт	план	факт	план	факт	план	факт	план	факт
Уровень потерь в сетях теплоснабжения, %	10,7	11,8	10,5	11,2	10,3	12,5	10,1	н/д	9,9	н/д
Доля заемных средств в общем объеме средств, направленных на капитальные вложения в инженерные системы коммунальных ресурсов, %	21	30,95	30	22,99	30	22,12	30	н/д	30	н/д

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

Показатель «уровень потерь при эксплуатации сетей теплоснабжения» не выполнен за 2016, 2017 и 2018 год. Показатель «доля заемных средств в общем объеме средств, направленных на капитальные вложения в инженерные системы коммунальных ресурсов» существенно перевыполнен в 2016 году, но за 2017 и 2018 год наблюдается значительное отставание.

В работе И. А. Плотниковой и И. В. Сорокиной приведены значения показателя «доля расходов на оплату услуг ЖКХ от общего дохода

семьи» [9]. Так, за 2016 год при желаемом плановом значении меньше 12,1 % факт составил 10,1 %, в 2017 году при плановом значении менее 11 % факт составил 9,7 %, но уже в 2018 году при плановом значении менее 11 %, факт составил 11,4 %.

Информация об исполнении показателей стратегии о ходе капитального ремонта представлена на портале информационной системы жилищно-коммунального хозяйства¹, данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

Table 2

Плановые и фактические значения показателей капитального ремонта до 2020 года
Planned and actual values of overhaul indicators until 2020

Целевой показатель	Общая площадь жилых домов, в которых выполнен капитальный ремонт в сроки, указанные в региональных программах капитального ремонта (тыс. кв. м)	
Год	В стратегии развития ЖКХ	В краткосрочных планах реализации программ капитального ремонта
2016	78 000	45 286
2017	97 000	65 547
2018	119 000	72 719
2019	138 000	109 623
2020	158 000	45 511

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

Следует отметить, что значения показателей капитального ремонта, представленные в таблице 2, отражают не фактические значения, а значения краткосрочных планов программ капитального ремонта. Как видно из таблицы, значения краткосрочных программ существенно меньше стратегических показателей, отсюда можно сделать выводы о том, что данный показатель стратегии развития ЖКХ не выполнен.

Из анализа доступной информации об исполнении показателей стратегии развития ЖКХ до 2020 года можно сделать вывод о том, что значения большинства плановых показателей

¹ Исполнение краткосрочных планов реализации программ капитального ремонта // Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства : офиц. сайт. URL. <https://dom.gosuslugi.ru/#!/crp-plans-execution>

не достигнуты. Наблюдаются существенные отклонения при реализации стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства. Таким образом, можно наблюдать наличие ряда проблем в эволюционном развитии сферы ЖКХ в России.

Причины и факторы, препятствующие достижению целей развития ЖКХ

Используя метод индукции, можно сформулировать основные причины и факторы, препятствующие достижению целей стратегического развития сферы ЖКХ.

1. Стратегические цели сформулированы не по критериям SMART¹. На наш взгляд, такая формулировка целей, как «повышение качества и надежности жилищно-коммунальных услуг» и «обеспечение доступности жилищно-коммунальных услуг для населения», не является конкретной. Возможно, по этой же причине лишь пять показателей эффективности из десяти соответствуют целям стратегии. Например, не понятно, каким образом показатель «доля заемных средств в общем объеме средств, направленных на капитальные вложения в инженерные системы коммунальных ресурсов» связан с объявленной целью развития. Также под сомнение можно поставить достижимость заданных значений отдельных показателей. Например, значение показателя «уровень собираемости платы за коммунальные услуги» уже с 2018 года должно быть 98 %, что, на наш взгляд, является сверхзадачей за такой короткий срок и затрагивает решение более разнообразных социально-экономических проблем в стране. Таким образом, сама постановка целей нуждается в доработке.

2. Несоответствие между поставленными задачами и целями. Все подзадачи развития сферы ЖКХ разбиты на группы: управление жилыми домами; капитальный ремонт многоквартирных домов; устранение аварийных домов; модернизация объектов ЖКХ; холодное водоснабжение и водоотведение; горячее водоснабжение; теплоснабжение; обращение с отходами; государственная информационная система ЖКХ; социальная политика; кадровая политика; общественный контроль. Например, в блоке «управление многоквартирными домами» указываются такие подзадачи, как повышение эффективности механизмов взыскания задолженности с должников, что, на наш взгляд, лишь косвенно приводит к дости-

жению заявленных целей. Решение данной задачи необходимо, но она не должна быть в фокусе при достижении объявленных стратегических целей. Достаточно много подзадач описывается как уже реализуемые мероприятия, начатые до принятия стратегии. Огромное количество подзадач и мероприятий, а их более 100, приводит к отсутствию фокуса на достижении основных целей развития. Много задач сформулировано неконкретно, например, встречаются формулировки «будут определены...» или «целесообразно проработать...». Так, в блоке подзадач «теплоснабжение» звучит формулировка: «одним из возможных вариантов управления рынком тепловой энергии является метод...» Данные формулировки выражают лишь предположения, а не формируют конкретные задачи.

3. Несоответствие показателей эффективности целям и задачам развития или их полное отсутствие. Среди десяти основных показателей только пять дают оценку достижения основных целей развития, остальные лишь косвенно характеризуют эффективность развития по заявленным целям и направлениям. К косвенным показателям можно отнести: уровень собираемости платы за коммунальные услуги; уровень технологических потерь при транспортировке по сетям холодной воды; уровень технологических потерь при транспортировке по сетям теплоснабжения; доля заемных средств в общем объеме средств, направленных на капитальные вложения в инженерные системы коммунальных ресурсов; передача бизнесу, в котором доля участия государства не более 25 процентов, по договорам концессий всех государственных объектов ЖКХ, в отношении которых осуществляется неэффективное управление. Например, в стратегии нет показателей к группе подзадач «государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства». Также в блоке «управление многоквартирными домами» прямо указывается на то, что еще только будут определены показатели, характеризующие качество обслуживания потребителей. Данные показатели в дальнейшем спустя более года нашли свое отражение в нормативном акте (приказ Минстроя России от 18 декабря 2017 г. № 1679/пр «О методологии определения индекса качества жилищно-коммунальных услуг»). Например, относительно показателей блока «теплоснабжение» в стратегии развития сказано, что будут сформированы показатели надежности, качества и энергоэффективности организаций, осуществляющих теплоснабжение, на долгосрочный

¹ Почему в России часто «буксует» развитие сферы ЖКХ? URL. <https://vladivostok.bezformata.com/listnews/buksuet-razvitie-sferi-zhkh/92286557/>

период регулирования. Несмотря на то, что данная стратегия развития подходит к концу своего срока, отдельные показатели до сих пор не имеют методологической основы их расчета и определения. Так, например, только в марте 2019 года утверждена Главным государственным санитарным врачом методика «МР 2.1.4.0143-19.2.1.4.» по оценке качества питьевой воды, которая ложится в основу методологической базы расчета одного из основных заявленных показателей развития «доля населения, потребляющего питьевую воду, качество которой удовлетворяет санитарно-эпидемиологическим нормам, от числа населения, имеющего доступ к централизованному водоснабжению».

4. Отсутствие доступной информации о ходе исполнения стратегии развития ЖКХ. Как упоминалось ранее, в ходе исследования возникли трудности с получением данных о фактических значениях показателей эффективности. На ресурсе, создаваемом в рамках данной стратегии, — в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства — и на сайте Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ отсутствует информация о ходе реализации планов развития.

5. Низкая эффективность реализации задач развития. Данный вывод можно сделать на основании значительного количества показателей

эффективности, не достигших плановых значений, либо не измеряемых вообще. Например, из года в год наблюдается отставание по показателю «площадь жилых домов, в которых выполнен капитальный ремонт в сроки, указанные в региональных программах капитального ремонта» (ранее табл. 2). Таким образом, можно говорить о низкой эффективности решения отдельных задач развития.

Рассматривая полученные результаты исследования проблем развития сферы ЖКХ, можно сделать вывод о низкой эффективности стратегического управления. Несмотря на то, что достаточно много теоретических работ посвящено вопросам стратегического контроллинга, принятая стратегия развития ЖКХ имеет ряд недостатков как в разработке, так и в реализации. В отдельных научных исследованиях авторы предлагают частные концепции контроллинга применительно к сфере жилищно-коммунального хозяйства [16; 17]. Данные концепции контроллинга ориентированы на координацию и интеграцию процессов стратегического и оперативного управления [18]. Опираясь на данные исследования, можно представить технологию проектирования системы контроллинга сферы ЖКХ, состоящую из этапов, представленных на рисунке.

Технология проектирования системы контроллинга сферы ЖКХ

Источник: разработано автором

Technology for designing a system for controlling the housing and communal services sector

Source: developed by the author

В соответствии с технологией проектирования системы контроллинга проблема формулирования стратегических целей относится ко второму этапу технологии — «Целеполагание». На данном этапе стратегического планирования важно соблюдать принцип единства главной цели, в противном случае утратится иерархическая связь между задачами и целями. Для правильного формулирования целей развития ЖКХ очень важно провести предварительную тщательную оценку всех сегментов жилищно-коммунального хозяйства, чтобы определить те сегменты, которые могут стать основным потенциалом развития.

Несоответствие между поставленными задачами и целями соотносится с третьим этапом технологии контроллинга — «Разработка стратегических планов и мероприятий». Максимальная корреляция целей и задач позволяет фокусироваться и эффективнее использовать ресурсы на оптимальные способы достижения стратегических целей и тем самым снизить потери на пути развития сферы ЖКХ.

Проблемы развития, связанные с качеством разработки показателей эффективности и отсутствием доступной информации о ходе исполнения стратегии, относятся к пятому этапу технологии контроллинга — «Разработка системы мониторинга контрольных показателей». Осуществление мониторинга реализации целей и задач развития ЖКХ направлено на реалистичность их исполнения и оценку достижения стратегических целей и является информационной основой по корректировке содержания, ресурсов и исполнения запланированных задач и мероприятий. Система мониторинга включает в себя разработку

показателей эффективности и методологическую основу их определения. Крайне важно разработать и обеспечить систематическое непрерывное наблюдение за выполнением планов развития жилищно-коммунального хозяйства. Информация о значениях показателей эффективности стратегии развития ЖКХ, получаемая в рамках мониторинга, позволяет выполнять перспективный анализ и давать оценку результатам.

Проблема низкой эффективности реализации задач развития больше относится к шестому этапу технологии контроллинга — «Анализ и корректировка планов, разработка проектов корректирующих решений, направленных на достижение целей». На основе анализа данных мониторинга контрольных показателей, должны разрабатываться корректирующие управленческие решения, которые устранят причины отклонения показателей и обеспечат реализацию задач и достижение целей. В случае существенного отклонения контрольных показателей допускается корректировка самих планов, тем самым осуществляется пересмотр задач и мероприятий, а также корректировка плановых показателей с учетом изменившихся условий.

Таким образом, наложив результаты выявленных проблем развития ЖКХ на представленную технологию контроллинга, можно сделать выводы о нарушении или некорректном выполнении отдельных этапов технологии.

Используя теоретический метод ранжирования и сопоставление выявленных проблем развития ЖКХ с технологией формирования системы контроллинга, можно ранжировать проблемы по степени их важности (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Ранжирование проблем развития по степени их важности
Ranking development issues in order of their importance

По степени важности (от наиболее важной проблемы)	Проблема развития ЖКХ
1	Стратегические цели сформулированы не по критериям SMART
2	Несоответствие между поставленными задачами и целями
3	Несоответствие показателей эффективности целям и задачам развития или их полное отсутствие. Отсутствие доступной информации о ходе исполнения стратегии развития ЖКХ
4	Низкая эффективность реализации задач развития

Источник: разработано автором.

В первую очередь следует уделить внимание целеполаганию, оценить текущее состояние сферы ЖКХ и более конкретно сформулировать

стратегические цели развития. После этого необходимо привести к полному соответствию иерархию подцелей, задач и мероприятий. Особое

внимание следует обратить на формирование системы мониторинга планов развития, разработку системы показателей эффективности и методологическую базу их определения, регулярность сбора и анализа данных показателей. При реализации задач развития не следует пренебрегать выработкой корректирующих управленческих решений, а иногда при необходимости пересматривать цели, задачи и показатели эффективности.

Заключение

Текущее направление развития ЖКХ определяется стратегией развития жилищно-коммунального хозяйства, принятой правительством РФ и закреплённой нормативным правовым актом. Исследуя информацию об исполнении показателей стратегии развития, можно сделать вывод о том, что значения большинства плановых показателей не достигнуты. Это подтверждает наличие ряда проблем в реализации плана развития сферы ЖКХ в России.

К основным проблемам развития ЖКХ относятся: формулирование стратегических целей; несоответствие между поставленными задачами и целями; несоответствие показателей эффектив-

ности целям и задачам развития или их полное отсутствие; отсутствие доступной информации о ходе исполнения стратегии развития ЖКХ; низкая эффективность реализации задач развития.

В работе выделяются такие первоочередные задачи, как необходимость выполнить точное формулирование целей, опирающееся на оценки текущего состояния сферы, при этом необходимо выстроить иерархию подцелей, задач и мероприятий.

Данное исследование подтверждает низкий уровень эффективности стратегического управления и отсутствие практики применения современных инструментов контроллинга при реализации планов развития отрасли жилищно-коммунального хозяйства.

Полное устранение проблем развития или их снижение позволят повысить эффективность функционирования отрасли и, как следствие, улучшить качество услуг, предоставляемых сферой жилищно-коммунального хозяйства.

Научная новизна работы заключается в том, что автор системно исследовал текущие направления развития сферы жилищно-коммунального хозяйства и выделил первоочередные проблемы, которые необходимо решить.

Список источников

1. Borja-Vega C., Morales E. E. G., Gonzalez J. A. Incidence of subsidies in residential public services in Mexico: the case of the water sector // *Water* (Switzerland). 2019. Vol. 11. № 10. P. 2078.
2. Wyrwa A. City-level energy planning aimed at emission reduction in residential sector with the use of decision support model and geodata // 2nd International Conference on the Sustainable Energy and Environmental Development. 2019. Vol. 214. № 1. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/214/1/012039/pdf>
3. Shalbolova U., Kenzhagaliyeva Z. Main directions of smart city development in the republic of Kazakhstan // 6th International Scientific Conference on Integration, Partnership and Innovation in Construction Science and Education. 2018. Volume 251. URL: https://www.researchgate.net/publication/329646080_Main_directions_of_Smart_city_development_in_the_republic_of_Kazakhstan
4. Latief Y., Berawi M. A., Supriadi L. et al. Integration of net zero energy building with smart grid to improve regional electrification ratio towards sustainable development // International Conference on Eco Engineering Development 2017. Vol. 109. URL: https://www.researchgate.net/publication/322281336_Integration_of_net_zero_energy_building_with_smart_grid_to_improve_regional_electrification_ratio_towards_sustainable_development
5. Chatzivasilieiadi A., Ampatzi E., Knight I. P. The Implications of Demand Response Measures and Electrification of Transport on UK Household Energy Demand and Consumption // 9th International Conference on Sustainability and Energy in Buildings. 2017. Vol. 134. Pp. 89–98. URL: https://www.researchgate.net/publication/320576662_The_Implications_of_Demand_Response_Measures_and_Electrification_of_Transport_on_UK_Household_Energy_Demand_and_Consumption
6. Усманова Т. Х. Проекты развития взаимодействия ТЭК и ЖКХ: проблемы прогнозирования и управления // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 3 (168). С. 67–74.
7. Субетто А. И. Системная проблема развития ЖКХ в России в контексте действия закона энергетической стоимости // *Теоретическая экономика*. 2018. № 2 (44). С. 66–72.
8. Комов В. Э., Корнеева В. П., Ляшенко М. С. Анализ современного состояния отрасли жилищно-коммунального хозяйства и выявление основных проблем и приоритетов развития ЖКХ в РФ // *Вестник Тульского филиала Финуниверситета*. 2019. № 1-2. С. 140–143.

9. Плотникова И. А., Сорокина И. В. Проблемы развития современного жилищно-коммунального хозяйства // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 52–68.
10. Ткачук В. Ф. Анализ исторических предпосылок современного ЖКХ России // Научные Известия. 2018. № 13. С. 7–11.
11. Семенистая Е. С., Леонова А. В. Подходы к решению задачи внедрения цифровой экономики (и цифровой энергетики в том числе) в Российской Федерации // Инженерный вестник Дона. 2018. № 4 (51). С. 141.
12. Веселова А. О., Хацкелевич А. Н., Ежова Л. С. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2018. Т. 13, № 1. С. 75–89.
13. Саралинова Д. С. Перспективы деятельности государственных предприятий в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Чеченского государственного университета. 2019. Т. 35. № 3. С. 37–42.
14. Кемайкин Н. К., Клычкова Н. А. Состояние сферы жилищно-коммунального хозяйства // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1 (50). С. 142–147.
15. Куликова В. В., Любименко В. С. Потенциал развития жилищной сферы в России: определение факторов влияния // Социально-экономическое развитие городов и регионов: градостроительство, развитие бизнеса, жизнеобеспечение города : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 09 января 2018 года. Волгоград : Волгогр. гос. техн. ун-т, 2018. С. 98–104.
16. Воронин П. М. Стратегический контроллинг в управлении организациями сферы твердых коммунальных отходов : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2017. 256 с.
17. Кемайкин Н. К. Разработка механизма формирования системы контроллинга предприятий жилищно-коммунального хозяйства муниципального образования : дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 206 с.
18. Павленков М. Н., Кемайкин Н. К. Технология системы контроллинга в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Контроллинг. 2016. № 59. С. 16–27.

References

1. Borja-Vega C, Morales EEG, Gonzalez JA. Incidence of subsidies in residential public services in Mexico: the case of the water sector. *Water (Switzerland)*. 2019;11(10):2078.
2. Wyrwa A. City-level energy planning aimed at emission reduction in residential sector with the use of decision support model and geodata. In: 2nd International Conference on the Sustainable Energy and Environmental Development. 2019. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/214/1/012039/pdf>
3. Shalbolova U, Kenzhegalieva Z. Main directions of smart city development in the republic of Kazakhstan. In: 6th International Scientific Conference on Integration, Partnership and Innovation in Construction Science and Education. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/329646080_Main_directions_of_Smart_city_development_in_the_republic_of_Kazakhstan
4. Latief Y, Berawi MA, Supriadi L (et al.) Integration of net zero energy building with smart grid to improve regional electrification ratio towards sustainable development. In: International Conference on Eco Engineering Development. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/322281336_Integration_of_net_zero_energy_building_with_smart_grid_to_improve_regional_electrification_ratio_towards_sustainable_development
5. Chatzivasileiadi A, Ampatzi E, Knight IP. The Implications of Demand Response Measures and Electrification of Transport on UK Household Energy Demand and Consumption. In: 9th International Conference on Sustainability and Energy in Buildings. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/320576662_The_Implications_of_Demand_Response_Measures_and_Electrification_of_Transport_on_UK_Household_Energy_Demand_and_Consumption
6. Usmanova TKh. Projects for the development of interaction between the fuel and energy complex and housing and communal services: problems of forecasting and management. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting*. 2018;3(168):67-74. (In Russ.).
7. Subetto AI. Systematic problem of the development of housing and communal services in Russia in the context of the law of energy cost. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*. 2018;(2(44):66-72. (In Russ.).

8. Komov VE, Korneeva VP, Lyashenko MS. Analysis of the current state of the housing and communal services industry and identification of the main problems and priorities for the development of housing and communal services in the Russian Federation. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta = Bulletin of the Tula branch of the Financial University*. 2019;(1-2):140-143. (In Russ.).
9. Plotnikova IA, Sorokina IV. Problems of development of modern housing and communal services. *Problemy razvitiya territorii = Problems of development of the territory*. 2019;(6(104):52-68. (In Russ.).
10. Tkachuk VF. Analysis of the historical background of modern housing and communal services in Russia. *Nauchnye Izvestiya = Scientific Izvestia*. 2018;(13):7-11. (In Russ.).
11. Semenistaya ES, Leonova AV. Approaches to solving the problem of introducing the digital economy (including digital energy) in the Russian Federation. *Inzhenernyy vestnik Dona = Engineering Bulletin of the Don*. 2018;(4(51):141. (In Russ.).
12. Veselova AO, Khatskelevich AN, Ezhova LS. Prospects for the creation of "smart cities" in Russia: systematization of problems and directions for their solution. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Perm University. Series: Economy*. 2018;13(1):75-89. (In Russ.).
13. Saralinova DS. Prospects for the activities of state enterprises in the field of housing and communal services. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chechen State University*. 2019;35(3):37-42. (In Russ.).
14. Kemaykin NK, Klykova NA. The state of the sphere of housing and communal services. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Right*. 2020;(1(50):142-147. (In Russ.).
15. Kulikova VV, Lyubimenko VS. Potential of housing development in Russia: Determination of factors of influence. In: *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye gorodov i regionov: gradostroitel'stvo, razvitiye biznesa, zhizneobespecheniye goroda = Socio-economic development of cities and regions: urban planning, business development, life support of the city*. Volgograd: Volgograd State Technical University; 2018. Pp. 98–104. (In Russ.).
16. Voronin PM. Strategicheskoy kontrolling v upravlenii organizatsiyami sfery tverdykh kommunal'nykh otkhodov = Strategic controlling in the management of organizations in the sphere of solid municipal waste: Thesis. Moscow; 2017. 256 p. (In Russ.).
17. Kemaikin NK. Razrabotka mekhanizma formirovaniya sistemy kontrollinga predpriyatiy zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva munitsipal'nogo obrazovaniya = Development of the mechanism for the formation of the controlling system of enterprises of housing and communal services of the municipality: Thesis. Moscow; 2016. 206 p. (In Russ.).
18. Pavlenkov MN. Technology of the controlling system in the sphere of housing and communal services. *Kontrolling = Controlling*. 2016;(59):16-27. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. К. Кемайкин — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики.

Information about the author

N. K. Kemaykin — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Economics.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 06.12.2022; approved
after reviewing 27.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.14

МОДЕЛЬ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юрий Геннадьевич Мальцев¹, Дмитрий Юрьевич Двинин²,
Анна Леонидовна Плаксина³, Александра Анатольевна Егорова⁴

^{1,2,3,4} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ brazil.yura@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3553-9212>

² dvinin1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9451-4445>

³ vita_avis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-7407>

⁴ aleksandra_csu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6291-9878>

Аннотация. Статья посвящена вопросу моделирования социо-эколого-экономической сбалансированности регионов. Модель основывается на анализе социо-эколого-экономической системы с использованием параметров ОКВЭД (Общероссийского классификатора видов экономической деятельности). Особенность представленной модели — дополнительное введение параметров, связанных с эмиссией парниковых газов (нарушением углеродного баланса в регионах) традиционной энергетикой и уровнем развития возобновляемой (альтернативной) энергетики. Это дает возможность прогнозировать уровень социо-эколого-экономической сбалансированности в регионах при условии управленческих воздействий на экологические показатели, что имеет особое значение для регионов с развитым промышленным комплексом. При моделировании учитывалось, что возобновляемая энергетика использует материально-энергетические потоки, циркулирующие в природных системах, в результате чего и обеспечивается достижение общей сбалансированности.

Ключевые слова: сбалансированность, социо-эколого-экономический, регион, альтернативная (возобновляемая) энергетика, моделирование

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00287, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

Для цитирования: Мальцев Ю. Г., Двинин Д. Ю., Плаксина А. Л., Егорова А. А. Модель социо-эколого-экономической сбалансированности регионов Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 76–85.

Original article

MODEL OF SOCIO-ECOLOGICAL AND ECONOMIC BALANCE OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yuri G. Maltsev¹, Dmitry Yu. Dvinin², Anna L. Plaksina³, Aleksandra A. Egorova⁴

^{1,2,3,4} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ brazil.yura@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3553-9212>

² dvinin1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9451-4445>

³ vita_avis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-7407>

⁴ aleksandra_csu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6291-9878>

Abstract. The article is devoted to the issue of modeling the socio-ecological and economic balance of regions. The model is based on the analysis of the socio-ecological-economic system using the parameters of OKVED (All-Russian classifier of types of economic activity). A feature of the presented model is the additional introduction of parameters related to the emission of greenhouse gases (disturbance of the carbon balance in the regions) by traditional energy and the level of development of renewable (alternative) energy. This makes it possible to predict the level of socio-ecological and economic balance in the regions, subject to managerial impacts on environmental indicators, which is of particular importance for regions with a developed industrial complex. When modeling, it was taken into account that renewable energy uses the material and energy flows circulating in natural systems, as a result of which the overall balance is achieved.

© Мальцев Ю. Г., Двинин Д. Ю., Плаксина А. Л., Егорова А. А., 2023

Keywords: balance, socio-ecological-economic, region, alternative (renewable) energy, modeling

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00287, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

For citation: Maltsev YuG, Dvinin DYu, Plaksina AL, Egorova AA. Model of socio-ecological and economic balance of the regions of the Russian Federation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):76-85. (In Russ.).

Введение

Хозяйственная деятельность страны представляет собой сложную, многоуровневую, многопараметрическую систему. Перспективы развития хозяйственной системы страны зависят от различных балансов между различными ее компонентами. В качестве примеров балансов можно привести следующие: баланс «экспорт — импорт», который устанавливается между странами или регионами, данный баланс относится к мегаэкономическому уровню; внутри страны на макроуровне устанавливается межотраслевой баланс, на микроуровне — балансы предприятий; существуют и многие другие виды балансов. Перечисленные виды баланса характеризуют различные аспекты соразмерных хозяйственных систем, находящихся на одном уровне иерархии, относятся к внутриуровневым балансам и составляют необходимые условия развития хозяйственной системы страны.

Но выполнение необходимых условий не означает достаточность. Об этом говорит любой из кризисов прошедших десятилетий. Несмотря на кризис, субъекты хозяйственной деятельности, находящиеся на любом из уровней иерархии, могут продолжать устойчиво развиваться без поддержки, как смежных соразмерных субъектов, так и более высокого и низкого уровней иерархии. Из этого следует, что хозяйственная деятельность не может быть охарактеризована только балансами одного уровня иерархии.

Необходимо сказать, что в экономической теории нет общепринятой модели многоуровневой хозяйственной деятельности. Научные исследования ведутся в направлении построения моделей стохастических производственных границ, здесь особо следует выделить работы С. А. Айвазяна, М. Ю. Афанасьева, В. А. Руденко [1; 3].

Макроэкономика фокусируется на отношениях государства и предприятий. Пространственная экономика занимается вопросами взаимодействия государства и региона. Микроэкономика направлена на исследование отношений между предприятиями. Из этого вытекает актуальность построения модели многоуровневой хозяйственной деятельности. Строить такую модель нужно

исходя из принципов системного подхода. Рассмотрение составных частей хозяйственной деятельности страны в виде систем (например, экономической, экологической, социальной систем), позволяет применить аппарат общей теории систем, разработанный Л. Берталанфи [22].

Системный подход используется в экономической науке уже более полувека. За это время появился как положительный, так и отрицательный опыт его использования. Противоречие в использовании системного подхода состоит в том, что весьма абстрактная категория «система» используется для решения конкретных экономических задач [5]. Исследования проведенные целым рядом ученых: В. Г. Горшковым, К. Г. Гофманом, В. И. Гурманом Р. А. Жуковым [6–8; 28], позволяют сделать вывод, что сложные социально-экономические системы имеют ряд системных закономерностей, общих с природными системами, для которых эволюционное развитие характеризуется периодами роста, нормальной жизнедеятельности и спада [15]. Циклическое развитие связано с изменением жизнеспособности, которая обеспечивается наличием у системы ряда свойств, в том числе самоорганизации [18]. Это дает возможность «рассматривать процессы развития территориальной системы в целом, изучать не только внутренние проблемы ее подсистем (экономической, экологической и социальной), но и межподсистемные, возникающие при их взаимодействии. Во взаимосвязи этих подсистем появляются новые проблемы, которые не были бы выявлены при подсистемном изучении территории» [24]. Чем более упорядочена система, тем она более самоорганизована, более экономична за счет возникающих коммуникационных взаимодействий [28]. Таким образом, в конкретных природных условиях непрерывно идет процесс установления соответствия между определяемым уровнем внешней среды и энергией связи между системами. Структурообразование повышает уровень самоорганизации (эффективности) систем [12].

Системная ценность как результат деятельности системы должна быть всегда выше ценности энергетических затрат системы при получении результата [27]. А поскольку «системная

и затратная ценности изменяются во времени, то и экономичность можно выразить как разность скорости изменения системной ценности (продуктивности системы) и скорости изменения издержек, обеспечивающих эту продуктивность во времени. Другими словами, экономичность — это разность скоростей изменения созидательных и деградирующих тенденций, обеспечивающих функционирование и интенсификацию продуктивности систем на протяжении их жизненных циклов» [14]. Таким образом, экономичность функционирования системы при выполнении производительных функций равна разности: скорость изменения издержек, связанных с получением результата, минус скорость изменения результатов при обеспечении гармонии целенаправленного развития системы и окружающей ее среды.

Стоит отметить, что поиск идеального соотношения между абстракцией и конкретикой является нерешенной проблемой в экономической науке. В данной статье мы так же сталкиваемся с проблемой соотношения абстракции и конкретики, применяя абстрактную категорию «система» к конкретным субъектам, регионам Российской Федерации. Мы развиваем экономическую теорию в плане учета социальной, экологической систем хозяйственной деятельности, а не только экономической. Субъекты (регионы) России рассматриваются как социо-эколого-экономические системы, в совокупности образующие социо-эколого-экономическую систему Российской Федерации.

Сбалансированность социо-эколого-экономической системы является необходимой основой для устойчивого развития Российской Федерации. Системная структура внешнего окружения региона (макроуровень), подобна его внутренней системной структуре (микроуровень). Таким образом, сбалансированность системной триады региона влияет, как на сбалансированность социо-эколого-экономической системы всей страны, так и на сбалансированность отдельных предприятий.

В работе, раскрывающей важнейшую роль территории как экономического актива, В. Н. Лажнев указывает: «Территориальное развитие теоретически можно и нужно рассматривать как специфический вид деятельности, понимая, что практически оно должно встраиваться в более общие социально-экономические процессы, такие как размещение производительных сил, комплексное развитие регионов и межрегиональную интеграцию» [9].

Используя это определение в качестве основной исследовательской функции регионалистики, выделяем специфические особенности сбалансированной территориальной хозяйственной деятельности, отличительной чертой которых является их общественно значимая направленность. Причем, если каждая компонента носит специфический характер, то совместно они представляют систему некоторых целевых функций, позволяющих выявить (учитывая экологические ограничения) максимально возможные экономические блага и в дальнейшем на указанной основе сформировать социальный запрос, т. е. повысить качество жизни населения без возникновения угрозы дисбаланса между экологической, экономической и социальной сферами [2].

К приоритетам пространственно сбалансированной хозяйственной деятельности относятся: увеличение эффективности использования ресурсов; формирование социальной справедливости при осуществлении распределения общественных благ; сохранение благоприятной окружающей среды, развитие возобновляемой (альтернативной) энергетики и снижение эмиссии парниковых газов, прежде всего CO₂ [24; 25].

Устойчивое развитие хозяйственной деятельности обеспечивается за счет сбалансированности компонент «триады» всех субъектов: страны на макроуровне, регионов на мезоуровне, предприятий на микроуровне, индивида на наноуровне. Также необходимо сбалансированное взаимодействие субъекта со своим ближайшим окружением.

Социо-эколого-экономические системы имеют следующие характеристики, которые возникли вследствие их морфологического строения: это пространственные границы и временные границы. Системы, для которых пространственно-временные характеристики не определены, являются средовыми системами, например деловой климат, инфраструктура. В целом такая система не является социо-эколого-экономической, скорее это системный фактор, влияющий на систему [17].

Стоит отметить, что пространственно-временные характеристики образуют континуум. Взгляд на социо-эколого-экономическую систему с позиций пространственно-временного континуума, позволяет представить ее в виде хронотопа (с греческого тоπος — пространство, хронос — время). Категория хронотоп включает в себя все комплексы системы, локализованные на определенной территории, существующие определенное время, такие как: биогеоценозы, социальные проекты, производственные комплексы и др. [22].

Совокупность социо-эколого-экономических систем, таких как страна, входящие в ее состав регионы, отрасли и предприятия, составляющие систему региона (также к ним можно отнести индивидов), за счет своих вертикальных связей представляют собой фундамент, на котором строится устойчивая хозяйственная деятельность государства. Социо-эколого-экономические системы являются пространственными структурами определенного уровня. Сбалансированное развитие хозяйственной деятельности государства определяется сбалансированностью развития, каждой из составляющих его социо-эколого-экономических систем [10].

Таким образом, под балансом хозяйственной деятельности страны мы понимаем такое ее состояние, при котором компоненты (социальный, экономический, экологический) хозяйственной деятельности всех субъектов, являются сбалансированными.

В связи с указанным выше возникает необходимость разработки научно-методического междисциплинарного инструментария оценки социо-эколого-экономической деятельности локального территориального уровня непосредственно связанной с качеством жизни населения [4].

Для принятия положительного решения пространственного развития следует провести предварительное исследование, на основе знания особенностей планирования сбалансированного социо-эколого-экономического развития территории. Для раскрытия этих особенностей и использования в процессе предварительного исследования надо знать и учитывать: эволюцию развития методических основ региональной экономики; способы выявления главных противоречий экономической, социальной и экологической подсистем; взаимодействие подсистем, т. е. сбалансированность, определяющую эффективность территориальной хозяйственной деятельности, и вследствие этого рост уровня и качества жизни населения [20].

Использование в предпроектных научных исследованиях знаний о специфических компонентах сбалансированной территориальной хозяйственной деятельности будет способствовать достижению условий для сбалансированного развития региона [21].

Модель социо-эколого-экономической сбалансированности регионов

Социо-эколого-экономическая система субъекта (страна, регион, предприятие) представляет со-

бой «триаду», состоящую из социальной, экологической, экономической компонент. Компоненты системы обмениваются потоками вещества, энергии и информации друг с другом, такой обмен есть процесс биосферного метаболизма. Для обеспечения сбалансированной хозяйственной деятельности, необходимо добиться оптимального соотношения между данными потоками [16].

Мы уже отмечали, что «триада» является минимальным структурным образованием, способным описать хозяйственную деятельность полностью, то есть не только производственные процессы, но и их влияние на окружающую среду, а также состояние общественной сферы. Поэтому можно перейти к вопросу о методах анализа взаимодействия компонент социо-эколого-экономической «триады» с целью оценки ее сбалансированности. Подробно модель оценки сбалансированности «триады» представлена в более ранних исследованиях [11].

В данной статье мы приведем ее основные характеристики и произведем расчет индикатора сбалансированности для всех регионов Российской Федерации. Общая структура «триады» включает 3 типа связей между компонентами (а, b, c). «Показатели а, b, c характеризуют интенсивность взаимосвязей (потоков вещества, энергии и информации) соответствующих компонент, то есть представляют собой интегральную характеристику связи между компонентами, а — интенсивность взаимодействия социальной сферы и экологии, b — интенсивность взаимодействия между экономической и социальной сферой, c — интенсивность взаимодействия между экономической сферой и экологической. Сбалансированное состояние «триады» характеризуется равной интенсивностью взаимодействия между компонентами «триады», т. е. выполняется равенство $a = b = c$ » [25].

Следовательно, сбалансированность «триады» выражается через соотношения показателей а, b, c. Интегральные показатели связи в целом можно разделить на сильные и слабые. Именно сила взаимосвязей между компонентами определяет сбалансированность «триады». В таблице представлены все существующие варианты соотношений показателей интенсивности компонент «триады». При этом существуют три вида дисбалансов. Экологический дисбаланс означает чрезмерную защиту природных экосистем (нагрузка существенно ниже ассимиляционного потенциала). Экономический дисбаланс означает чрезмерное производство, наносящее вред

природным комплексам свыше его ассимиляционного потенциала. Социальный дисбаланс озна-

чает чрезмерное развитие социальных проектов, идущее в ущерб как производству, так и природе.

Варианты соотношений показателей интенсивности компонент «триады»

Variants of ratios of indicators of intensity of the components of the 'triad'

Вариант	Кол-во сильных связей	Кол-во слабых связей	Соотношения между связями	Тип дисбаланса
1	3	0	$a = b = c$	Баланс
2	1	2	$c < a, b$	Экологический дисбаланс
3	1	2	$a < b, c$	Экономический дисбаланс
4	2	1	$a, c < b$	Социальный дисбаланс

Источник: составлено авторами

Сбалансированная социо-эколого-экономическая «триада» способна воспроизводиться бесконечно, так как сохраняет свой потенциал. Несбалансированные «триады» в течение некоторого времени потеряют способность к воспроизводству вследствие растраты своего потенциала.

Теперь перейдем к построению индикатора сбалансированности социо-эколого-экономической «триады». Индикатором является функция вида $G = f(a, b, c)$, которая удовлетворяет следующим условиям.

1. $G = f(a, b, c)$ является однородной функцией. Однородной называется функция, для которой выполняется условие $f(ax) = a^q f(x)$, где $a > 0$, q называется степенью однородности. В нашем случае $q = 1$, то есть $f(ax) = af(x)$, что означает: умножение аргумента функции на положительное число a дает то же значение функции, как и умножение функции на то же число a .

2. $0 < f(a, b, c) \leq 1$. Данное условие необходимо, чтобы значение индикатора можно было представить в процентах.

3. $G = f(a, b, c) = 1$ для $a, b, c = 1$.

4. Функция $G = f(a, b, c)$ симметрична, т. е. не меняет своих значений при любой перестановке аргументов. $G = f(a, b, c) = f(a, c, b) = f(c, b, a) = f(c, a, b) = f(b, a, c) = f(b, c, a)$

5. $G = f(a, b, c) \rightarrow 0$, при $a \rightarrow \infty$ (b, c) — фиксированы, и так же по каждому аргументу.

Рассмотрим сумму

$$S = \frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b},$$

если $a = \infty$, тогда данная сумма равна ∞ . Поэтому функция вида $f = \frac{1}{S} = 0$, так как $S = \infty$.

Функция имеет вид:

$$G = \frac{1}{\left(\frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b}\right) - 5}$$

В зависимости от интервала, в который попадают значения индекса, можно сделать вывод о степени системной сбалансированности исследуемой «триады»: $0,0 < G \leq 0,2$ — крайне низкая сбалансированность, $0,2 < G \leq 0,5$ — низкая сбалансированность, $0,5 < G \leq 0,7$ — средняя сбалансированность, $0,7 < G \leq 0,9$ — высокая сбалансированность, $0,9 < G \leq 1,0$ — максимальная сбалансированность. Функция $f(a, b, c)$ состоит из всевозможных соотношений показателей a, b, c , а именно:

$$\frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b}.$$

При $a, b, c = 1$, (состояние сбалансированности), представленная сумма равна 6, в чем несложно убедиться, подставив a, b, c , равные единице, в выражение. Поэтому необходимо строго математически доказать, что данная сумма при $a, b, c > 0$ (так как характеризуют взаимообмен веществом, энергией и информацией между компонентами триады, поэтому отрицательными быть не могут), больше или равна 6.

Теорема

Если $a, b, c > 0$, то

$$\frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b} \geq 6.$$

Доказательство

Рассмотрим неравенство

$$\frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b} \geq 6,$$

заметим, что оно состоит из трех пар взаимно обратных чисел:

$\frac{a}{b}, \frac{b}{a}$ — первая пара чисел, $\frac{a}{c}, \frac{c}{a}$ — вторая пара чисел и $\frac{b}{c}, \frac{c}{b}$ — третья пара чисел. Правую часть

неравенства представим в виде суммы трех двоек, число двоек соответствует числу пар взаимнообратных чисел в левой части неравенства, а именно $6 = 2+2+2$.

Поэтому неравенство можно представить в следующем виде:

$$\left(\frac{a}{b} + \frac{b}{a}\right) + \left(\frac{a}{c} + \frac{c}{a}\right) + \left(\frac{b}{c} + \frac{c}{b}\right) \geq 2+2+2$$

Перенесем правую часть неравенства в левую часть, распределив двойки по парам сумм взаимнообратных чисел, тогда неравенство принимает следующий вид:

$$\left(\frac{a}{b} + \frac{b}{a} - 2\right) + \left(\frac{a}{c} + \frac{c}{a} - 2\right) + \left(\frac{b}{c} + \frac{c}{b} - 2\right) \geq 0.$$

Далее приведем к общему знаменателю, взаимно обратные числа в каждой паре соответственно. В итоге получим неравенство следующего вида:

$$\frac{a^2 - 2ab + b^2}{ab} + \frac{a^2 - 2ac + c^2}{ac} + \frac{b^2 - 2bc + c^2}{cb} \geq 0.$$

Заметим, что в числителе записаны полные квадраты разности. Выделим полные квадраты разности, и неравенство примет следующий вид:

$$\frac{(a-b)^2}{ab} + \frac{(a-c)^2}{ac} + \frac{(b-c)^2}{cb} \geq 0.$$

Полученное выражение состоит из суммы трех слагаемых, поэтому для доказательства неравенства достаточно доказать, что каждое из них в отдельности больше или равно нулю, тогда и их сумма больше или равна нулю.

$$\text{Рассмотрим } \frac{(a-b)^2}{ab} \geq 0,$$

тогда и только тогда, когда $(a-b)^2 \geq 0$ и $ab \geq 0$. Так как $a, b > 0$, то знаменатель дроби ab также больше нуля. Числитель дроби $(a-b)^2 \geq 0$, так как квадрат любого вещественного числа больше или равен нулю. Следовательно, числитель и знаменатель дроби больше или равны 0, при $a, b, c > 0$.

$$\text{Значит и сама дробь } \frac{(a-b)^2}{ab} \geq 0.$$

Аналогичные действия производятся с оставшимися двумя дробями.

В результате проведенных операций мы приходим к выводу, что дроби

$$\frac{(a-c)^2}{ac} \text{ и } \frac{(b-c)^2}{cb}$$

также больше или равны нулю, при $a, b, c > 0$.

Соответственно,

$$\text{их сумма } \frac{(a-b)^2}{ab} + \frac{(a-c)^2}{ac} + \frac{(b-c)^2}{cb} \geq 0.$$

Что и требовалось доказать.

После того, как мы доказали, что

$$\frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b} \geq 6,$$

обоснуем, почему из данной суммы необходимо вычесть 5. Для доказательства вспомним, что при состоянии баланса $a, b, c = 1$ значение искомого индикатора должно равняться единице, в нашем же случае, оно равно $\frac{1}{6}$.

Поэтому необходимо из значения суммы

$$\frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b}$$

вычесть 5 для выполнения условия $a, b, c = 1$ в ситуации баланса, показатель сбалансированности принимает значение, равное единице.

Алгоритм расчета индекса системной сбалансированности состоит из пяти этапов:

1. Выбор показателей, характеризующих объемы подсистем исследуемой «триады» и системы в целом.

2. Определение значений показателей a, b, c , отражающих интенсивность взаимодействия между компонентами «триады».

3. Расчет индикатора системной сбалансированности.

4. На основе полученного значения индикатора делается вывод о степени системной сбалансированности «триады».

Продemonстрируем расчет индикатора системной сбалансированности на примере.

1. Допустим, что в результате выполнения первого этапа алгоритма были выбраны три показателя характеризующих социальную сферу со значениями (18, 22, 35), три экологических показателя со значениями (30, 35, 15) и три экономических показателя со значениями (50, 40, 30).

2. В результате расчета показателей получают значения $a = 75, b = 80, c = 120$.

3. Расчет индикатора системной сбалансированности по представленной формуле дает значение $G = 0,43$.

4. Значение индекса характеризует исследуемую «триаду» как низко сбалансированную, поскольку попадает в интервал $0,2 < G \leq 0,5$.

Заключение

Таким образом, мы построили индикатор сбалансированности «триады». Индикатор $G = 1$, если «триада» сбалансирована, соответственно, чем ближе значение индикатора к 0, тем выше дисбаланс социо-эколого-экономической «триады». Теперь у нас есть необходимый инструментарий для оценки сбалансированности регионов Российской Федерации. Расчет данного индикатора, и классификация дисбалансов позволяет направить политику регионов и страны в целом

на преодоление дисбалансов и обеспечению сбалансированного развития. Стоит отметить, что регионы, занимая промежуточное положение между макро- и микроуровнями иерархии, оказывают стабилизирующее влияние на хозяйственную систему страны, за счет нивелирования негативных вертикальных импульсов, идущих как снизу вверх, так и сверху вниз.

Исследование сбалансированности регионов Российской Федерации, должно являться стандартным инструментарием анализа социально-экономического развития с целью выработки оптимальной политики, направленной на развитие хозяйственной деятельности.

Список источников

1. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Руденко В. А. Исследование зависимости случайных составляющих стохастической производственной функции при оценке технической эффективности // Прикладная эконометрика. 2014. № 2 (34). С. 3–18.
2. Аманов М. А. Региональная экономика как социально-экономическая подсистема национальной экономики // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-3 (76-3). С. 568–571.
3. Афанасьев М. Ю., Руденко В. А. Влияние наличия факторов эффективности на оценки эффективности регионов РФ в расширенном классе моделей стохастической границы // Экономика и управление: теория и практика : сб. статей ; гл. ред. Э. Н. Рябинина. Чебоксары, 2018. 235 с.
4. Белкин В. Н., Пряхин Г. Н. Социо-эколого-экономические факторы качества жизни населения региона. Челябинск : ООО Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия», 2019. 342 с.
5. Власенкова Е. А. О системном подходе в экономике // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2, № 5 (22). С. 125–128.
6. Горшков В. Г., Кондратьев К. Я., Шерман С. Г. Устойчивость биосферы и сохранение цивилизации // Природа. 1990. № 7. С. 3–16.
7. Гофман К. Г. Природопользование и макроэкономические показатели развития народного хозяйства // Экономические проблемы природопользования. М. : Наука, 1985. 240 с.
8. Гурман В. И., Румянцева А. К. Моделирование социо-эколого-экономической системы региона. М. : Наука, 2001. 175 с.
9. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю. Обоснование теоретико-методологической модели оценки устойчивости социо-эколого-экономической среды региона // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9-1 (63). С. 6–8.
10. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Мальцев Ю. Г. Моделирование уровня сбалансированности социо-эколого-экономической системы региона при переходе к альтернативной энергетике // Управление в современных системах. 2021. № 2 (30). С. 3–12.
11. Даванков А. Ю., Дегтярев П. Я., Шеломенцев А. Г. Современные методологические подходы к междисциплинарным исследованиям территориальных социоэколого-экономических систем. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2014. 330 с.
12. Даванков А. Ю., Постников Е. А., Кочеров А. В., Мальнова А. В. Системные взаимодействия биосферных и техногенных процессов в социо-эколого-экономических системах // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 75–85.
13. Елкина Л. Г. Управление развитием эколого-экономической системы: теория и практика. М. : Палеотип, 2009. 252 с.
14. Клейнер Г. Б. Социально-экономические экосистемы в контексте дуального пространственно-временного анализа // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. № 5 (5). С. 5–13.
15. Липенков А. Д. Модели взаимодействия экономических систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 29. С. 5–10.
16. Липенков А. Д. Современные методологические подходы к междисциплинарным исследованиям территориальных социо-эколого-экономических систем. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2014. 250 с.
17. Липенков А. Д. Экономика, жизнь, разум. Общественное производство с точки зрения глобальной эволюции. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. 218 с.
18. Макенов М. М. Совершенствование государственного регулирования социально-экономической дифференциации регионов России // ЭКО. 2019. № 4. С. 173–191.

19. Мальцев Ю. Г., Султанов Б. Р. Исследование социо-эколого-экономической сбалансированности регионов РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-1. С. 110–115.
20. Маськов С. А. Инструменты стратегического управления региональной экономикой // Евразийский союз ученых. 2016. № 3-1 (24). С. 74–77.
21. Преображенский В. С. Системные исследования природы. Вопросы географии. М. : Мысль, 1977. 260 с.
22. Bertalanffy L. General System Theory // General Systems. 1956. Vol. I. Pp. 1-10.
23. Giljum S. A comprehensive set of resource use indicators from the micro to the macro Level // Resources, Conservation and Recycling. 2010. Vol. 55. Pp. 300–308.
24. Keiko H., Takanori M., Takashi H., Ken-ichi F., Takashi M. Development and application of the renewable energy regional optimization utility tool for environmental sustainability // Renewable Energy. 2016. Vol. 93. Pp. 548–561.
25. Salaa S., Ciuffob B., Nijkamp P. A systemic framework for sustainability assessment // Ecological Economics. 2015. Vol. 119. Pp. 314–325.
26. Yang Y., Wei X., Wei J. Industrial Structure Upgrading, Green Total Factor Productivity and Carbon Emissions // Sustainability. 2022. Vol. 14. Pp. 1009.
27. Zhukov R. A. Model of Socio-Ecological and Economic System: The Central Federal District Regions of the Russian Federation // Statistika. 2018. Vol. 98. Pp. 237–261.
28. Zhukov R. A., Kuznetsov G. V., Fomicheva I. V., Myasnikova E. B., Vasina M. V., Tsigler M. V. A Model of Socio-Ecological and Economic System: The Tula Region of the Russian Federation // Journal of Environmental Management and Tourism. 2019. Vol. 10. Pp. 1539–1558.

References

1. Aivazyan SA, Afanasiev MYu, Rudenko VA. Investigation of the dependence of random components of a stochastic production function in assessing technical efficiency. *Prikladnaya ekonometrika = Applied Econometrics*. 2014;(2(34):3-18. (In Russ).
2. Amanov MA. Regional economy as a socio-economic subsystem of the national economy. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and entrepreneurship*. 2016;(11-3(76-3):568-571. (In Russ).
3. Afanasiev MYu, Rudenko VA, Ryabinina EN (ed.) Influence of presence of efficiency factors on efficiency estimates of Russian regions in an extended class of stochastic frontier models. In: *Ekonomika i upravleniye: teoriya i praktika = Economics and Management: Theory and Practice*. Cheboksary; 2018. Pp. 215–218. (In Russ).
4. Belkin VN, Pryakhin GN. Socio-ecological and economic factors of the quality of life of the population of the region. Chelyabinsk: LLC Center for Intellectual Services Encyclopedia; 2019. 342 p. (In Russ).
5. Vlasenkova EA. On a systematic approach in economics. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki = Modern scientific research and development*. 2018;(2-5(22):125-128. (In Russ).
6. Gorshkov VG, Kondratiev KYa, Sherman SG. Sustainability of the biosphere and preservation of civilization. *Priroda = Nature*. 1990;(7):3-16. (In Russ).
7. Hoffman KG. Nature management and macroeconomic indicators of the development of the national economy. *Ekonomicheskie problemy prirodopolzovaniya = Economic problems of nature management*. Moscow: Nauka; 1985. 240 p. (In Russ).
8. Gurman VI, Rumyantseva AK. Modeling the socio-ecological-economic system of the region. Moscow: Nauka; 2001. 175 p. (In Russ).
9. Davankov AYu, Dvinin DYu. Substantiation of the theoretical and methodological model for assessing the sustainability of the socio-ecological and economic environment of the region. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2017;(9-1(63):6-8. (In Russ).
10. Davankov AYu, Dvinin DYu, Maltsev YuG. Modeling the level of balance of the socio-ecological-economic system of the region during the transition to alternative energy. *Upravleniye v sovremennykh sistemakh = Management in modern systems*. 2021;(2(30):3-12. (In Russ).
11. Davankov AYu, Degtyarev PYa, Shelomentsev AG. Modern methodological approaches to interdisciplinary studies of territorial socio-ecological and economic systems. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2014. 330 p. (In Russ).

12. Davankov AYu, Postnikov EA, Kocherov AV, Malnova AV. Systemic interactions of biospheric and technogenic processes in socio-ecological and economic systems. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2017;(3):75-85. (In Russ).
13. Elkina LG. Management of development of ecological and economic system: theory and practice. Moscow: Paleotype; 2009. 252 p. (In Russ).
14. Kleiner GB. Socio-economic ecosystems in the context of dual space-time analysis. *Ekonomika i upravleniye: problemy i resheniya = Economics and management: problems and solutions*. 2018;(5(5)):5-13. (In Russ).
15. Lipenkov AD. Model of an open socio-economic system in the environment. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2008;(29):5-10. (In Russ).
16. Lipenkov AD. Economy, life, mind. Social production from the point of view of global evolution. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2012. 218 p. (In Russ).
17. Lipenkov AD. Modern methodological approaches to interdisciplinary studies of territorial socio-ecological and economic systems. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2014. 250 p. (In Russ).
18. Makenov MM. Improving state regulation of socio-economic differentiation of Russian regions. *EKO = ECO*. 2019;(4):173-191. (In Russ).
19. Maltsev YuG., Sultanov BR. Study of the socio-ecological and economic balance of the regions of the Russian Federation. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;(6-1):110-115. (In Russ).
20. Maskov SA. Instruments of strategic management of the regional economy. *Yevraziyskiy soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*. 2016;(3-1)24:74-77. (In Russ).
21. Preobrazhensky VS. System Research of Nature. Questions of geography. Moscow: Thought. 1977:260. (In Russ).
22. Bertalanffy L. General System Theory. *General Systems*. 1956:1-10.
23. Giljum S. A comprehensive set of resource use indicators from the micro to the macro Level. *Resources, Conservation and Recycling*. 2010;(55):300-308.
24. Keiko H, Takanori M, Takashi H, Ken-ichi F, Takashi M. Development and application of the renewable energy regional optimization utility tool for environmental sustainability. *Renewable Energy*. 2016;(9):548-561.
25. Salaa S, Ciuffob B, Nijkamp P. A systemic framework for sustainability assessment. *Ecological Economics*. 2015;(119):314-325.
26. Yang Y, Wei X, Wei J. Industrial Structure Upgrading, Green Total Factor Productivity and Carbon Emissions. *Sustainability*. 2022;(14):1009.
27. Zhukov RA. Model of Socio-Ecological and Economic System: The Central Federal District Regions of the Russian Federation. *Statistika*. 2018;(98):237-261.
28. Zhukov RA, Kuznetsov GV, Fomicheva IV, Myasnikova EB, Vasina MV, Tsigler MV. A Model of Socio-Ecological and Economic System: The Tula Region of the Russian Federation. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2019;(10):1539-1558.

Информация об авторах

Ю. Г. Мальцев — младший научный сотрудник кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии.

Д. Ю. Двинин — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии.

А. Л. Плаксина — старший преподаватель, кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии.

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета.

Information about the authors

Yu. G. Maltsev — junior researcher, Department of Geoecology and Environmental Management Faculty of Ecology.

D. Yu. Dvinin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Geoecology and Environmental Management Faculty of Ecology.

A. L. Plaksina — Senior Lecturer, Researcher of Department of Geoecology and Environmental Management Faculty of Ecology.

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of Faculty of Economics.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 336.71

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Яна Алексеевна Лопаткова^{1✉}, Ксения Олеговна Шаравина²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ iana.lopatkova@urfu.ru

² sharavina.k@mail.ru

Аннотация. На современном этапе развития мировой экономики интенсификация экономического роста, антропогенного и техногенного воздействия приводит к экологическим проблемам, влияет на состояние атмосферы, характеризующееся увеличением выбросов углекислого газа (CO₂). Климатическая повестка приобретает приоритетный статус в условиях работы правительств. Цель исследования — оценить степень эффективности действий государства для достижения углеродной нейтральности в европейских странах через меры экономической политики. Теоретический обзор показывает, что между экономическими инструментами возникает эффект синергии, в то же время сравнительно мало работ анализируют и прямые, и косвенные инструменты государственной политики для сокращения выбросов. Гипотеза исследования заключается в том, что существующая практика углеродного ценообразования оказывает значимое влияние на сокращение выбросов углекислого газа наряду с косвенными инструментами: налог на загрязняющие отрасли, инвестиции в проекты защиты окружающей среды. Для оценки качества климатической политики мы используем панельные данные 27 стран — членов Европейского союза с 1997 по 2020 гг. В качестве анализируемой зависимой величины рассчитывается интенсивность выбросов CO₂ на денежную единицу выпуска. Объясняющие переменные включают индикаторы государственной политики с учетом как прямого влияния на выбросы углерода, так и непрямого эффекта для энергетически емких секторов экономики и общего улучшения окружающей среды. Количественные оценки проводятся при помощи эконометрической модели панельных данных с фиксированными эффектами. Полученные результаты свидетельствуют о решающем значении действий правительств в процессе сокращения загрязнений экосферы. Кроме того, обнаружено, что большее влияние оказывают инструменты общего регулирования за счет своего широкого охвата экономической деятельности. Таким образом, результаты исследования могут быть полезны для разработки и совершенствования экологической политики стран.

Ключевые слова: климатическая политика, экология, CO₂, Европейские страны, углеродный налог

Для цитирования: Лопаткова Я. А., Шаравина К. О. Оценка эффективности государственной политики для достижения углеродной нейтральности в Европейских странах // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 86–97.

Original article

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC POLICIES TO ACHIEVE CARBON NEUTRALITY IN EUROPEAN COUNTRIES

Yana A. Lopatkova^{1✉}, Ksenia O. Sharavina²

^{1,2} Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹ iana.lopatkova@urfu.ru

² sharavina.k@mail.ru

Abstract. At the current stage, the intensification of economic growth, anthropogenic impact lead to environmental problems, affecting the state of atmosphere by an increase in carbon dioxide (CO₂) emissions. The climate agenda acquires priority status in the context of governments. The aim of the study is to assess the degree of effectiveness of government action to achieve carbon neutrality in European countries through economic policy

measures. A theoretical review shows that there are synergies between economic instruments, while relatively few works analyze both direct and indirect public policy instruments to reduce emissions. The hypothesis of the study is that existing carbon pricing practices have a meaningful impact on reducing carbon dioxide emissions, along with indirect instruments: tax on polluting industries, investments in projects. To assess the quality of climate policy, we use panel data from 27 European Union member states from 1997 to 2020. We calculate the CO₂ emission intensity per monetary unit of output as the dependent variable. Explanatory variables include public policy indicators, taking into account both direct effects on carbon emissions and indirect effects on energy-intensive economic sectors and overall environmental improvement. Quantitative estimates are made using an econometric model of panel data with fixed effects. The results show the decisive importance of government actions in the process of reducing the pollution. In addition, general regulation instruments are found to have a greater impact due to their wide coverage. Thus, the results of the study can be useful for the development of environmental policies.

Keywords: climate policy, ecology, CO₂, European countries, carbon tax

For citation: Lopatkova YA, Sharavina KO. Assessment of the effectiveness of public policies to achieve carbon neutrality in European countries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):86-97. (In Russ.).

Введение

Промышленные революции запустили механизмы перестройки традиционной экономики через повсеместное применение технологических достижений. В результате страны приобрели большую производительность, разнообразное предложение и более комфортные условия жизни человека. Вместе с этим степень использования природных ресурсов многократно возросла, и скорость естественного восстановления не позволяла сохранять прежний уровень прогресса без ущерба экосфере и самому человеку. Поэтому за последние десятилетия начал разрабатываться новый вектор развития стран, основанный на стремлении к устойчивому развитию (World Bank¹).

В стратегии устойчивого развития отдельное место отводится проблеме изменения климата, для решения которой необходимо достичь сокращения антропогенных загрязнений, что неоднократно упоминается в международных обсуждениях (Парижское соглашение, ЦУР ООН). В области перехода к низкоуглеродному развитию государство может действовать с помощью экономических, информационных и административных инструментов. В частности, на Конференции по изменению климата (COP26) представителями стран внесены уточнения в области использования ископаемых видов топлива, объемов финансирования, разработки новых технологий и инструментов реализации климатической политики (The United Nations²). Актуальность исследования обусловлена необходимостью принятия конкретных эффективных мер по достиже-

нию экологического и экономического баланса правительствами стран.

Цель статьи — оценить роль экономических инструментов государства для постепенного сокращения выбросов CO₂. Для решения поставленной цели авторами проводится анализ существующих теоретико-методологических подходов в области экологической политики; предлагается инструментарий исследования, заключающийся в построении эконометрической модели на базе 27 стран Европейского союза, которые имеют наибольший опыт в проводимых мероприятиях по охране окружающей среды; подводятся итоги их успешности.

Структура статьи включает обзор теории и прикладных исследований по государственной политике низкоуглеродного развития, описание методов и данных для количественной оценки ее фактического влияния и интерпретация полученных результатов с точки зрения текущих достижений правительств и возможностей будущих экологических реформ.

Теоретико-методологический анализ экономических инструментов государства для снижения выбросов углерода

Совершенствование международной экологической повестки придало важность задачам по составлению планов регулирования углеродных выбросов и анализу их результатов для формирования дальнейших рекомендаций. Ведущие глобальные организации вовлечены в процесс разработки возможных механизмов воздействия на население и бизнес (United Nations, ОЭСР). Группы исследователей, как правило, рассматривают накопленный опыт с точки зрения достижения поставленных целей и бенчмаркинга для других государств [1].

¹ State and Trends of Carbon Pricing 2021 // World Bank (<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35620>)

² The 26th UN Climate Change Conference // UN (<https://www.un.org/ru/climatechange/cop26>).

На достижение устойчивого развития, в том числе реализуемую экологическую программу, оказывают влияние тенденции социально-экономического и технологического развития [2]. Развитие цифровых инноваций, финансового сектора и повышение уровня образования находят отражение в действиях правительств по продвижению идей ответственного производства и потребления. Авторы также отмечают важность инфраструктурных особенностей территорий для выявления различий в экологической ситуации [3].

Государственная политика по постепенному сокращению выбросов включает разнообразные инструменты, которые авторы по содержанию относят к административным, экономическим и экологическим.

Административные инструменты подразумевают использование системы правил, а также механизмы обеспечения их соблюдения (контроль со стороны государственных органов). Например, широкое распространение получило введение технологических ограничений через наилучшие доступные технологии или стандартов экологического менеджмента в бизнесе [4].

Экономические инструменты воздействуют на возникающие отрицательные внешние эффекты в производстве через создание дополнительной финансовой ответственности. Это может быть углеродное ценообразование, предоставление льгот или инвестиции в экологические проекты.

Информационные инструменты — данная группа включает подготовку качественной информации для создания благоприятных условий улучшения жизни населения и деятельности бизнеса [5; 6].

Долгосрочное снижение выбросов достигается только при совместной работе всех видов инструментов, поскольку тогда создаются стимулы субъектов для рассмотрения возможностей использования современных ресурсосберегающих, перерабатывающих технологий и компенсируются возможные затраты на их получение. Однако успех выбранного сочетания мероприятий зависит еще и от страновых особенностей [7]. Если обратиться к универсальным Целям устойчивого развития ООН, то исследования показывают, что в Восточной Европе большее внимание уделено регулированию в экологической сфере, чем в странах Западной Европы [8].

Экономические инструменты государственной экологической политики часто анализируются в литературе, поскольку они измеряемы (удель-

ный эффект может быть оценен с достаточной точностью) и вариативны (существуют разные сочетания налогов, субсидий, в том числе количественные) [9].

Государственная политика по стимулированию сокращения выбросов углекислого газа эффективна при анализе различных групп стран [10]. В экономически развитых государствах рыночное экономическое регулирование в виде системы торговли выбросами вносит наиболее существенный вклад в динамику сокращения парниковых газов, поскольку хорошо работающие рыночные механизмы обеспечивают продуктивность подобной организации для вредных выбросов.

Исследования показывают, что для налаживания стабильной и работающей системы торговли выбросами необходимы административная поддержка, информационная кампания и привлечение крупнейших экономических агентов [11]. Максимальная эффективность отмечается в отношении таких традиционных инструментов, как налог на выбросы или субсидирование производителей с небольшими загрязнениями.

Способствующие сокращению выбросов инструменты, которые напрямую не ставят такой цели (как поддержка проектов защиты окружающей среды или налоги в сферах энергетики, логистики или транспорта), также демонстрируют значимый эффект и должны учитываться правительством при разработке политики низкоуглеродного роста, чтобы предотвратить возможные негативные последствия избыточного регулирования и большого налогового бремени для этих производителей [12].

Кроме того, совмещение нескольких инструментов экологической политики обычно приводит к появлению консолидированного эффекта, усилению общего влияния на динамику загрязнений [13]. Например, действие углеродного налога поддерживает влияние расходов на защиту окружающей среды и стимулирование инноваций.

Однако необходимо анализировать дополнительные потенциальные эффекты падения производства, статистических манипуляций при составлении отчетности в области экологической активности компаний или неравенства ресурсов фирм для проведения мероприятий для улучшения экологических условий внешней среды [14].

Монографический обзор исследований позволяет классифицировать механизмы государственной политики и эффекты в рамках концепции низкоуглеродного развития (рис. 1).

Рис. 1. Инструменты государственной политики в области снижения генерируемых выбросов углерода
 Источник: составлено авторами по [4–7; 10–13; 15–20]

Fig. 1. Public policy instruments in the field of reducing generated carbon emissions
 Source: compiled by the authors according to [4–7; 10–13; 15–20]

Таким образом, многие страны и группы стран устанавливают задачи по движению к низкоуглеродному развитию и используют для этого схожий набор инструментов. Помимо этого, фискальная политика правительства для энергоемких секторов также может иметь последствия в виде сокращения выбросов углерода. В свою очередь, социально-экономические характеристики страны определяют уровень интенсивности и реализуемости экологических программ.

Данные и методология

Европейский союз — регион, который занимает передовые позиции в скорости достижения низкоуглеродного развития (The EU–Central Asia

Platform on Environment and Water Cooperation¹). В последние десятилетия декарбонизация стала отдельной категорией экономических конкурентных преимуществ для бизнеса, который следует экологическим стандартам или поддерживает их появление [22]. Большая часть работ в области изучения опыта экономических и административных мероприятий по сокращению выбросов посвящено именно европейским странам. Более того, разработанная политика признана в целом успешной и является образцом для других государств. Однако возникает вопрос перекрестного влияния

¹ The EU–Central Asia Platform on Environment and Water Cooperation (<https://wecoop.eu/regional-knowledge-centre/eu-policies-regulations/>)

элементов климатической политики и устойчивости эффектов во времени, что и обосновывает актуальность работы в этом направлении.

В странах Европы используются все виды экономических инструментов влияния на граждан и бизнес: работает система торговли выбросами (СТВ), на многих территориях введен углеродный налог, и большая часть бюджета государства расходуется на защиту окружающей среды. Хотя уровень обязательств среди участников не одинаков как по количеству инструментов, так и по роли их использования (рис. 2).

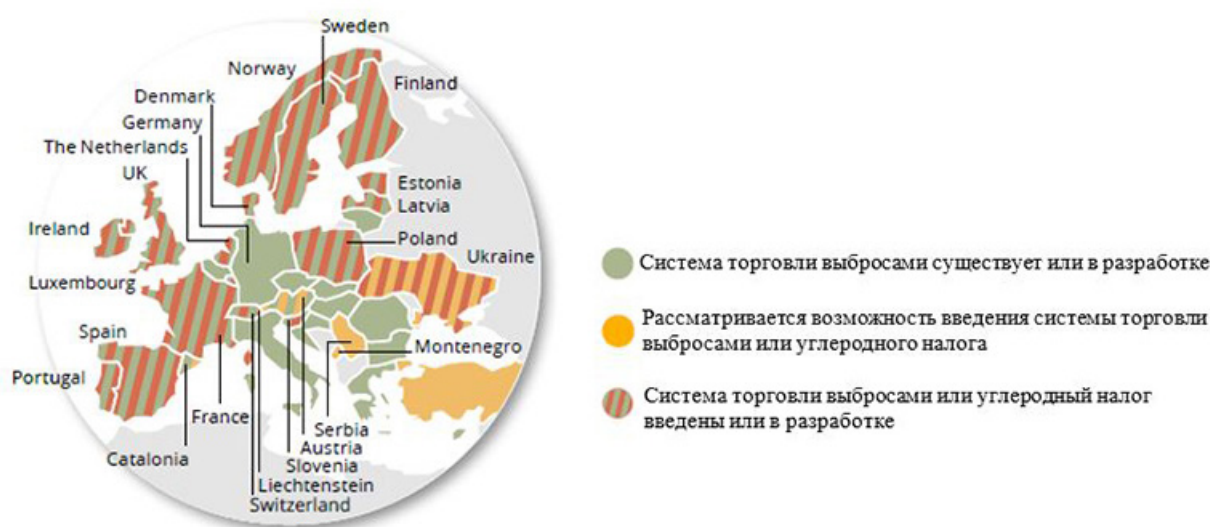

Рис. 2. Меры климатической политики в европейских странах.

Источник: адаптировано авторами по World Bank¹

Fig. 2. Climate policy measures in European countries.

Source: adapted by the authors from the World Bank

Целью данной работы является оценка эффективности экономических инструментов в снижении выбросов углерода в странах Европы. В качестве эмпирической основы для исследования мы использовали данные 27 стран Европейского союза, которые являются членами ЕС на данный момент времени. Временной интервал охватывает 1997–2020 гг. Началом периода выбран 1997 г., так как тогда был подписан Киотский протокол, и Европейский союз начал активно проводить политику зеленого курса в современном виде. Хотя программы действий в области охраны окружающей среды ЕС разрабатываются с начала 1970-х гг., но большинство стран присоединились к ним на более поздних этапах (в 1990-х) [21].

Спецификация эконометрической модели для анализа влияния рыночных инструментов и налогового регулирования углеродных выбросов представлена следующим образом:

$$ICI = b_0 + b_1 \times IRenewables + b_2 \times \text{Carbon tax rate} + b_3 \times \text{Allowances} + b_4 \times I\text{Energy taxes} + b_5 \times I\text{Env\_exp} + \varepsilon$$

Зависимой переменной в модели является углеродоемкость ВВП, показывающая объем выбросов углерода на единицу производимых в экономике товаров и услуг (ICI). Это предпочтительный показатель по сравнению с абсолютными выбросами, так как он учитывает размер экономики и ее развитие. Объясняющие переменные содержат основные меры государственного регулирования выбросов углерода: углеродный налог (Carbon tax rate), цена разрешений в системе торговли выбросами (Allowances), энергетические налоги (IEnergy taxes) и расходы по охране окружающей среды (IEnv_exp). Для удобства интерпретации и получения более надежных оценок переменные прологарифмированы (кроме ставки налога

¹ World Bank data (<https://data.worldbank.org/indicator>).

на углерод и цены разрешений, так как взятие их логарифма привело бы к потере наблюдений). Среди них мы используем как прямые инструменты влияния на сокращение углерода в атмосфере (углеродный налог, цена разрешений на

выбросы), так и косвенные (налоги в энергетическом секторе, государственные расходы по защите окружающей среды). Включение переменных обусловлено методологическим инструментарием ранее рассмотренных работ (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Переменные модели
Model Variables

Переменная	Значение	Источник	Гипотеза влияния на CI
Зависимая переменная			
CI	Выбросы CO ₂ на единицу ВВП	Our World in data ¹ (CO ₂ emissions), World Bank (GDP 2015 constant prices)	
Контрольная переменная			
Renewables	Удельный вес возобновляемой энергетики	Eurostat ²	—
Инструменты политики по сокращению выбросов CO₂			
Carbon tax rate	Ставка углеродного налога на единицу выбросов	World Bank ³	—
Allowances	Налоговые сборы от верифицированных	World Bank	—
Косвенные инструменты политики для сокращения выбросов CO₂			
Energy taxes	Налоговые поступления от энергетических налогов на единицу производимых выбросов	Eurostat	—
Env exp	Государственные расходы на охрану окружающей среды	Eurostat	—

Источник: составлено авторами

Первоначально рассмотрены описательные статистики переменных (табл. 2). Углеродоемкость стран за весь период сильно варьируется от 8 тонн CO₂ на 1 евро до 82 тонн углерода на 1 евро производства. Это подтверждает разный уровень загрязнений в странах союза, что может быть обусловлено как социально-экономическими характеристиками, так и системой законодательства, и политикой правительства.

Распространение возобновляемой энергетики на территориях говорит о неоднородности

внедрения альтернативных солнечных, ветряных источников на территории Европейского союза, хотя в структуре энергопроизводства они присутствуют повсеместно.

Изучение описательных статистик элементов государственной экологической политики для сокращения выбросов углерода дополняет вывод о том, что на данном этапе страны по-разному относятся к поставленной цели по углеродной нейтральности, и их вклад в динамику экологического развития не одинаков.

Таблица 2
Table 2

Описательные статистики переменных
Descriptive statistics of variables

Переменная	Наблюдения	Среднее	Стандарт. откл.	Минимум	Максимум
CI	648	30.52	14.05	8.39	82.06
Renewables	648	16.05	11.46	1.10	60.12
Carbon tax rate	648	8.47	25.27	0	168.83

¹ Our world in data (<https://ourworldindata.org/greenhouse-gas-emissions#citation>)

² Eurostat data (<https://ec.europa.eu/eurostat/>)

³ World Bank data (<https://data.worldbank.org/indicator>)

Окончание таблицы 2
Table 2 (end)

Переменная	Наблюдения	Среднее	Стандарт. откл.	Минимум	Максимум
Allowances	648	9.51	18.24	0	167
Energy taxes	648	54.61	36.99	75.80	197.20
Env exp	648	21.59	17.79	2.00	123.94

Источник: расчеты авторов в программном пакете Stata.

Далее проведен корреляционный анализ для изучаемых переменных во избежание проблемы мультиколлинеарности в дальнейшем исследовании. На основании матрицы корреляции обнаружены несколько важных взаимосвязей. Связь зависимой переменной с выбранными факторами сильная и отрицательная. В то же время наблюдается значимая положительная связь между величиной поступлений от энергетических налогов и государственными расходами на окружающую среду (0.7), однако качественное содержание этих инструментов государственной фискальной политики позволяет сохранить текущую спецификацию модели.

Таким образом, в данном разделе проводится начальная работа для оценки эффектов экономических инструментов государственной экологической политики в снижении фиксируемых выбросов углерода. Анализ показал, что в странах Европейского союза масштаб загрязнений, так же, как и борьба с ними, заметно различаются, и соответственно их роль в достижении стратегии низкоуглеродного роста не равна.

Результаты и обсуждение

Оценка коэффициентов модели получена при помощи множественных регрессий по двум

временным промежуткам: с 1997 г. и с 2005 г. для более подробного изучения эффекта системы торговли выбросами, которая появилась в 2005 г. Основные результаты представлены в таблице 3.

Вначале оценивается общая модель для всех стран европейского союза в период 1997–2005 гг. Тест на пропущенные переменные и мультиколлинеарность не обнаружили проблем спецификации. Согласно тесту Хаусмана, наилучшей является модель с фиксированными эффектами, что соответствует выводам международных исследований. Проверка на гетероскедастичность показала непостоянную дисперсию ошибок, и в таблице результатов приведены робастные оценки коэффициентов.

Далее проведена оценка для аналогичной модели с 2005 года. Тесты выявили гетероскедастичность в модели фиксированных эффектов, поэтому также используется робастная корректировка.

Кроме того, были оценены регрессии по странам, использующим углеродный налог и системе торговли выбросами, и странам — членам системы торговли выбросами, но без углеродного налога.

Таблица 3
Table 3

Результаты оценки эконометрической модели Econometric model evaluation results

Переменные	Общая модель 1997-2020	Общая модель 2005-2020	Модель СТВ+ Налоги 2005-2020	Модель СТВ 2005-2020
	ICI	ICI	ICI	ICI
IRenew	-0.195*** (0.0445)	-0.269*** (0.0431)	-0.304*** (0.0551)	-0.179*** (0.0286)
Carbontaxrate	-0.00643*** (0.000908)	-0.00400*** (0.000967)	-0.00358*** (0.00104)	-
Allowances	-0.000914 (0.000561)	-0.00125** (0.000106)	-0.00258** (0.00101)	-0.00107*** (0.000366)
IEnergyTaxes	-0.194*** (0.0427)	-0.159*** (0.0340)	-0.131*** (0.0253)	-0.256*** (0.0341)
IEnvExp	-0.161*** (0.0438)	-0.132*** (0.0392)	-0.130*** (0.0410)	-0.123*** (0.0296)

Переменные	Общая модель 1997-2020	Общая модель 2005-2020	Модель СТВ+ Налоги 2005-2020	Модель СТВ 2005-2020
	ICI	ICI	ICI	ICI
Constant	5.014*** (0.132)	4.964*** (0.148)	4.967*** (0.160)	5.060*** (0.0777)
Observations	629	421	201	220
R-squared	0.880	0.836	0.836	0.846
Number of id	27	27	13	14

*** 1 %-й уровень значимости; ** 5 %-й уровень значимости; * 10 %-й уровень значимости. В скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: расчеты авторов в программном пакете Stata

Эконометрический анализ показал, что все выявленные факторы значимы на любом уровне, а эффективность системы торговли выбросами в европейских странах подтверждается в период ее действия с 2005 г.

Возобновляемая энергетика позволяет снизить углеродоемкость экономики: увеличение доли возобновляемой энергии в суммарном производстве на 1 % приводит в среднем к сокращению удельных выбросов CO₂ на 0,2–0,3 % от текущего значения.

Роль углеродного налога также важна для ограничения выбросов углекислого газа. Количественная оценка равна 0,004–0,006 % снижения единиц выбросов CO₂ на один евро ВВП при поднятии ставки углеродного налога на 1 евро.

Энергетические налоги показали самый большой по абсолютной величине коэффициент. Ужесточение налогообложения в сфере энергетики и в результате рост налоговых поступлений на 1 % приводит к снижению выбросов парниковых газов углерода в среднем на 0,2 %.

Похожим образом, если государство направляет полученные доходы на защиту окружающей среды, то состояние атмосферы улучшается. При увеличении текущих экологических государственных вложений на 1 % происходит сокращение удельных вредных выбросов углерода в среднем на 0,13 %.

Интересно сопоставить полученные итоги по группам стран и во времени. В целом, возобновляемая энергетика в течение всех лет оказывала значимое влияние в переходе стран европейского союза к более чистому производству. До введения системы торговли выбросами в Европе углеродный налог в большей мере снижал выбросы углерода, затем его действие ослабело, так как эффект дополняется действием политики выдачи разрешений на выбросы.

При гипотетическом отсутствии работы правительства в области защиты окружающей среды

выбросы равны свободному члену в модели около 5 тонн на 1 евро совокупного выпуска страны.

Графическое представление результатов оценки регрессии отражено на рисунке 3. Авторы делают предположение о взаимосвязи между факторами и объясняющей переменной — углеродоемкостью экономики, какие показали оценки эконометрической модели.

Таким образом, во-первых, косвенные инструменты, такие как налоги в секторе энергетики и расходы на окружающую среду, благодаря широте охвата и практической функциональности, сильнее влияют на сокращение выбросов, чем отдельные специальные меры углеродного налога и системы торговли выбросами.

Во-вторых, из двух прямых способов воздействия на углеродные выбросы производства более эффективным является углеродный налог, тогда как система торговли выбросами результативно действует как усилитель и создает дополнительный эффект углеродного налога.

Выводы

Правительства стран и международные организации используют различные инструменты климатической политики, в том числе сочетания налоговых и административных мероприятий для достижения низкоуглеродного производства. Действия государства в процессе развития будут стимулировать внедрение технологий и замещение топливных ресурсов на возобновляемые источники. Многие страны вводят углеродный налог, в то время как с 2005 г. в ЕС работает и совершенствуется европейская система торговли выбросами. Появление специальных инструментов регулирования выбросов (углеродного налога и СТВ) происходит параллельно с активным использованием стандартных инструментов (ряд энергетических налогов и государственные программы по защите окружающей среды).

Рис. 3. Результаты исследования. Источник: составлено авторами

Fig. 3. Research results. Source: compiled by the authors

С помощью эконометрического моделирования авторами выявлено, что инструменты фискальной политики государства оказывают значимое отрицательное влияние на удельные выбросы углерода. При этом интересным наблюдением стало то, что непрямые способы регулирования выбросов, которые изначально не подразумевают снижение углеродных выбросов, обладают большим эффектом, чем узконаправленные инструменты. Соответственно, их действие необходимо учитывать властям при разработке и улучшении политики по решению экологических проблем.

Необходимо подчеркнуть, что эффективность климатической политики в стране находится под влиянием множества других детерминант: институциональной структуры, макроэкономических условий, демографической и политической ситуации. Немаловажными также являются вопросы регулирования бизнеса, сотрудничество с другими странами, которые открывают

потенциал для дальнейшей научно-исследовательской работы.

В отличие от углеродного налога, который может быть добавлен в существующую систему налогообложения, появление рабочей СТВ связано с запуском новых экономических институтов (площадок для торговли, нормативной базы регуляторов рынка разрешений). Для обеспечения устойчивости, особенно в развивающихся странах, их функционирование должно осуществляться постепенно и быть синхронизировано с работой существующей системы мер фискальной политики.

Может разрабатываться вопрос об улучшении уже действующих инструментов, повышения экологичности вместо новых — углеродного налога или СТВ. Например, постепенные изменения энергетических налогов для увеличения роли углеродной составляющей. Такой подход поможет избежать высоких издержек управления и контроля и будет опираться на уже действующую систему налогообложения.

Список источников

1. Ang James B., Fredriksson Per G. Does an early start help or hurt? Statehood, institutions and modern climate change policies // Energy Economics. 2021. Vol. 94. doi: 10.1016/j.eneco.2020.105075.
2. Зверева А., Беляева Ж., Сохаг К. Влияние цифровизации экономики на благосостояние в развитых и развивающихся странах // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 1050–1062.

3. Мариев О., Давидсон Н., Емельянова О. Влияние урбанизации на выбросы углекислого газа в регионах России // *Journal of applied economic research*. 2020. Вып. 19 (3). С. 286–309.
4. Struthers C., Arnold G., Scott T., Forrest F. After the vote: climate policy decision-making in the administrative state // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2021. Vol. 52. P. 58–67
5. Baer M., Campiglio E., Deyris J. It takes two to dance: Institutional dynamics and climate-related financial policies // *Ecological Economics*. 2021. Vol. 190. doi: 10.1016/j.ecolecon.2021.107210.
6. Workman M., Darch G., Dooley K., Lomax G., Maltby J., Pollitt H. Climate policy decision making in contexts of deep uncertainty — from optimisation to robustness // *Environmental Science & Policy*. 2021. Vol. 120. P. 127–137.
7. Bergh J., Castro S., Drews S. Designing an effective climate-policy mix: accounting for instrument synergy // *Climate Policy*. Routledge Taylor and Francis. 2021. Vol. 21. P. 745–764.
8. Lopatkova Y. Achieving sustainable development: a baseline analysis of Western and Eastern European countries // *R-economy*. 2021. Vol. 7 (1). P. 18–27.
9. Kiss T., Popovics S. Evaluation on the effectiveness of energy policies — Evidence from the carbon reductions in 25 countries // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021. Vol. 149. doi: 10.1016/j.rser.2021.111348.
10. Hájek M., Rozenský L. Analysis of carbon tax efficiency in energy industries of selected EU countries // *Energy Policy*. 2019. Vol. 134. doi: 10.1016/j.enpol.2019.110955.
11. Hu H., Dong W., Zhou Q. A comparative study on the environmental and economic effects of a resource tax and carbon tax in China: Analysis based on the computable general equilibrium model // *Energy Policy*. 2021. Vol. 156. doi: 10.1016/j.enpol.2021.112460.
12. Stepanov I. Energy Taxes and Their Contribution to Greenhouse Gas Emissions Reduction // *HSE Economic Journal*. 2019. Vol. 23. P. 290–313.
13. Hájek M., Zimmermannová J., Karel H. Environmental efficiency of economic instruments in transport in EU countries // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2021. Vol. 100. doi: 10.1016/j.trd.2021.103054.
14. Geiger N., Swim J., Benson L. Using the three-pillar model of sustainability to understand lay reactions to climate policy: a multilevel approach // *Environmental Science & Policy*. 2021. Vol. 126. P. 132–141.
15. Белик И., Стародубец Н., Майорова Т., Ячменева А. Механизмы реализации концепции низкоуглеродного развития экономики : монография. Уфа : Омега Сайнс. 2016. 119 с.
16. Syed Abdul Rehman Khan, Pablo Ponce, Zhang Yu. Technological innovation and environmental taxes toward a carbon-free economy: An empirical study in the context of COP-21 // *Journal of Environmental Management*. 2021. Vol. 298. doi: 10.1016/j.jenvman.2021.113418.
17. Doğan B., Chu L., Ghosh S., Huong H., Daniel B. How environmental taxes and carbon emissions are related in the G7 economies? // *Renewable Energy*. 2022. Vol. 187. P. 645–656.
18. Gugler K., Haxhimusa A., Liebensteiner M. Effectiveness of climate policies: Carbon pricing vs. subsidizing renewables // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2021. Vol. 106. doi: 10.1016/j.jeem.2020.102405.
19. Жигалов В., Подкорытова О., Пахомова Н., Малова А. Взаимосвязь энергетической и климатической политики: экономико-математическое обоснование рекомендаций для регулятора // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2018. № 3. С. 345–368.
20. Pascale G., Fiore M., Contò F. Short and long run environmental tax buoyancy in EU-28: a panel study // *International Economics*. 2021. Vol. 168. P. 1–9.
21. Yu B., Zhao Q., Wei Y. Review of carbon leakage under regionally differentiated climate policies // *Science of the Total Environment*. 2021. Vol. 782. doi: 10.1016/j.scitotenv.2021.146765.
22. Плетнев Д., Попова А., Мурашкин С. Экономические драйверы декарбонизации // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 4 (462). С. 201–209. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10420.

References

1. Ang James B, Fredriksson Per G. Does an early start help or hurt? Statehood, institutions and modern climate change policies. *Energy Economics*. Elsevier. 2021;94. doi: 10.1016/j.eneco.2020.105075.

2. Zvereva A, Belyaeva Zh, Sohag K. The impact of digitalization of the economy on well-being in developed and developing countries. *Ekonomika regiona. = Economy of region* 2019;15(4):1050-1062. (In Russ).
3. Mariev O, Davidson N, Emelyanova O. The impact of urbanization on carbon dioxide emissions in the regions of Russia. *Journal of applied economic research*. 2020;19(3):286-309. (In Russ).
4. Struthers C, Arnold G, Scott T, Forrest F. After the vote: climate policy decision-making in the administrative state. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2021;52:58-67.
5. Baer M, Campiglio E, Deyris J. It takes two to dance: Institutional dynamics and climate-related financial policies. *Ecological Economics*. 2021;190. doi: 10.1016/j.ecolecon.2021.107210.
6. Workman M, Darch G, Dooley K, Lomax G, Maltby J, Pollitt H. Climate policy decision making in contexts of deep uncertainty — from optimisation to robustness. *Environmental Science & Policy*. 2021;120:127-137.
7. Bergh J, Castro S, Drews S. Designing an effective climate-policy mix: accounting for instrument synergy. *Climate Policy. Routledge Taylor and Francis*. 2021;21:745-764.
8. Lopatkova Y. Achieving sustainable development: a baseline analysis of Western and Eastern European countries. *R-economy*. 2021;7(1):18-27.
9. Kiss T, Popovics S. Evaluation on the effectiveness of energy policies — Evidence from the carbon reductions in 25 countries. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021;149. doi: 10.1016/j.rser.2021.111348.
10. Hájek M, Rozenský L. Analysis of carbon tax efficiency in energy industries of selected EU countries. *Energy Policy*. 2019;134. doi: 10.1016/j.enpol.2019.110955.
11. Hu H, Dong W, Zhou Q. A comparative study on the environmental and economic effects of a resource tax and carbon tax in China: Analysis based on the computable general equilibrium model. *Energy Policy*. 2021;156. doi: 10.1016/j.enpol.2021.112460.
12. Stepanov I. Energy Taxes and Their Contribution to Greenhouse Gas Emissions Reduction. *HSE Economic Journal*. 2019;23:290-313.
13. Hájek M, Zimmermannová J, Karel H. Environmental efficiency of economic instruments in transport in EU countries. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2021;100:103054. doi: 10.1016/j.trd.2021.103054.
14. Geiger N, Swim J, Benson L. Using the three-pillar model of sustainability to understand lay reactions to climate policy: a multilevel approach. *Environmental Science & Policy*. 2021;126:132-141.
15. Belik I, Starodubets N, Mayorova T, Yachmeneva A. Mechanisms for implementing the concept of low-carbon development of the economy = Mechanisms of implementation of the concept of low-carbon economic development. Ufa: Omega Sciences; 2016. 119 p. (In Russ).
16. Khan SA-R, Ponce P, Yu Zh. Technological innovation and environmental taxes toward a carbon-free economy: An empirical study in the context of COP-21. *Journal of Environmental Management*. 2021;298. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvman.2021.113418>
17. Doğan B, Chu L, Ghosh S, Huong H, Daniel B. How environmental taxes and carbon emissions are related in the G7 economies? *Renewable Energy*. 2022;187:645-656.
18. Gugler K, Haxhimusa A, Liebensteiner M. Effectiveness of climate policies: Carbon pricing vs. subsidizing renewables. *Journal of Environmental Economics and Management*. 2021;106. doi: 10.1016/j.jeem.2020.102405.
19. Zhigalov V, Podkorytova O, Pakhomova N, Malova A. Interrelation of energy and climate policy: economic and mathematical substantiation of recommendations for the regulator. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of St. Petersburg University. Economy*. 2018;3:345-368. (In Russ).
20. Pascale G, Fiore M, Contò F. Short and long run environmental tax buoyancy in EU-28: a panel study. *International Economics*. 2021;168:1-9.
21. Yu B, Zhao Q, Wei Y. Review of carbon leakage under regionally differentiated climate policies. *Science of the Total Environment*. 2021;782. doi: 10.1016/j.scitotenv.2021.146765.
22. Pletnev D, Popova A, Murashkin S. Economic drivers of decarbonization. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):201-209. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10420. (In Russ).

Информация об авторах

Я. А. Лопаткова — старший преподаватель, кафедра международной экономики и менеджмента, Институт экономики и управления.

К. О. Шаравина — студентка, кафедра международной экономики и менеджмента, Институт экономики и управления.

Information about the authors

Y. A. Lopatkova — Senior Lecturer, Department of International Economics and Management, Graduate School of Economics and Management.

K. O. Sharavina — Student, Department of International Economics and Management, Graduate School of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 342.922

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ИНТЕГРАЦИИ ЭКОНОМИКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Ольга Николаевна Дунаева¹, Виктор Алексеевич Гайкин²

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

² Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

¹ dunaevaon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7875-6196>

² unara49@mail.ru

Аннотация. В настоящее время Республика Корея занимает прочное место среди признанных лидеров во многих сферах экономики, культуры и образования. В мировых рейтингах имеет ведущие позиции по развитию «человеческого капитала» и продуцированию инноваций. В настоящее время, когда в России осуществляется интенсивный процесс импортозамещения и активация инновационного развития, изучение положительного опыта в данном аспекте является обоснованным и полезным. Целью данной статьи является анализ приоритетных направлений стратегического развития и инновационного потенциала Республики Корея в интеграции экономики, образования и культуры. Методология исследования, в соответствии с заявленной целью и обозначенными задачами, построена на системном подходе и методе стратегического развития; с применением историко-сравнительного, социокультурного и статистического методов. Результаты исследования: 1) на основе анализа выявлено, что Республика Корея (РК) является важным элементом новейшей экономической архитектуры, выходящим за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона; 2) приоритеты инновационного развития РК зафиксированы в патентной активности, интенсивности исследовательских разработок, концентрации научных кадров, плотности высокотехнологических компаний; 3) высокоэффективная реализация опережающих стратегий развития РК основана на интеграции экономики, высшего образования (развитие науки, инновационные технологии, профессиональные кадры) и активации ресурсов национального менталитета и культуры; 4) для России, на основе изученного опыта представляется перспективным: использование метода форсайта, что не просто создает «реагирующую» на запросы настоящего экономику, а выстраивает настоящее исходя из «видения будущего»; стимулирование инновационной результативности на основе интеграции высшего образования и науки; подготовка высококвалифицированных кадров, нацеленных на «будущее»; расширение экспорта высшего образования; развитие новых социокультурных технологий бережного отношения к культурному наследию, формирование позитивных ресурсов национального менталитета, внимание к развитию современной национальной культуры.

Ключевые слова: Республика Корея, опережающие стратегии, инновации, форсайт, экономика, культура, образование

Для цитирования: Дунаева О. Н., Гайкин В. А. Приоритетные направления стратегического развития и инновационного потенциала Республики Корея в интеграции экономики, образования и культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 98–107.

Original article

PRIORITY DIRECTIONS OF STRATEGIC DEVELOPMENT AND INNOVATIVE POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF KOREA IN THE INTEGRATION OF ECONOMY, EDUCATION AND CULTURE

Olga N. Dunaeva¹, Victor A. Gaikin²

¹ South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

² Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

¹ dunaevaon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7875-6196>

² unara49@mail.ru

© Дунаева О. Н., Гайкин В. А., 2023

Abstract. Republic of Korea occupies a strong place among the recognized leaders in many areas of the economy, culture and education. In world rankings, it has a leading position in the development of “human capital” and the production of innovations. At present, when an intensive process of import substitution and activation of innovative development is carried out in Russia, the study of positive experience in this aspect is reasonable and useful. The purpose of this article is to analyze the priority areas of strategic development and innovative potential of the Republic of Korea in the integration of the economy, education and culture. The methodology of the research, in accordance with the stated goal and the identified tasks, is based on a systematic approach and the method of strategic development; with the use of the historical-comparative method, the sociocultural method and the statistical method. Results of the study: 1) based on the analysis, it was revealed that the Republic of Korea (RK) is an important element of the latest economic architecture that goes beyond the Asia-Pacific region; 2) the priorities of the innovative development of the Republic of Kazakhstan are fixed in patent activity, the intensity of research developments, the concentration of scientific personnel, the density of high-tech companies; 3) highly effective implementation of advanced development strategies of the Republic of Kazakhstan are based on the integration of the economy, higher education (the development of science, innovative technologies, professional personnel) and the activation of the resources of the national mentality and culture; 4) Russia, on the basis of the experience studied, seems promising: the use of the foresight method, which creates not just a “responsive” economy to the demands of the present, but builds the present based on a “vision of the future”; integration of higher education and science as a stimulation of innovative performance; training of highly qualified personnel aimed at the “future”; expanding the range of higher education exports; development of new socio-cultural technologies of respect for cultural heritage, the formation of positive resources of the national mentality, attention to the development of modern national culture.

Keywords: Republic of Korea, advanced strategies, innovation, foresight, economy, culture, education

For citation: Dunaeva ON, Gaikin VA. Priority directions of strategic development and innovative potential of the Republic of Korea in the integration of economy, education and culture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):98-107. (In Russ.).

Введение

Поворот России на Восток во внешней политике в течение последнего десятилетия, обусловлен рядом факторов и актуализирует развитие более тесного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и в первую очередь с ближайшими государствами-соседями: Китаем, Монголией, КНДР, Республикой Корея и Японией. В современном мировом сообществе Республика Корея (в СМИ укоренилось название «Южная Корея») известна как страна с уникальной культурой, высоким уровнем образования, стабильным благосостоянием граждан и надежными перспективами развития в будущем. В 2022 году экономика Республики Корея вновь признана одной из самых инновационных в мире и входит в ТОП-10 ведущих стран в данной сфере: Швейцария, США, Швеция, Соединенное Королевство, Нидерланды, Республика Корея, Сингапур, Германия, Финляндия, Дания¹. Таким образом, значительно опережая Китай и Японию, Республика Корея является важным элементом новейшей экономической архитектуры не только Азиатско-Тихоокеанского региона. Ведущие позиции инновационного развития страны зафиксированы в патентной активности, интенсивности исследовательских разработок, концентрации

научных кадров, плотности высокотехнологических компаний (Samsung, Hyundai, LG).

С момента установления 30 сентября 1990 г. дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея, взаимодействие развивалось по нескольким ключевым направлениям, постепенно наращивая свою интенсивность и многообразие за два десятилетия XXI в. в экономике, промышленности, сельском хозяйстве, образовании, культуре и туризме. В этот же период реализовалась политика «солнечного тепла» в отношениях Республики Кореи и КНДР как модель управления межкорейским конфликтом и налаживания взаимопонимания, что позитивно отразилось на российско-южнокорейских отношениях [11].

В 2022 г. с приходом к власти (на основе очередных выборов) нового президента Юн Сок Ёля, являющегося представителем консервативной партии «Сила народа», обозначился новый вектор внешней политики Республики Корея. Одним из ключевых направлений объявляется усиление военно-политического альянса с США и активация сотрудничества во всех сферах, включая безопасность, оборону, экономику, технологии. Сопутствующим обстоятельством такого альянса несомненно будет «сдерживающее и охлаждающее» влияние на российско-южнокорейские отношения².

¹ Глобальный инновационный индекс 2022 года. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2022/index.html (дата обращения 01.02.2022)

² В Южной Кореи новый президент, который настроен к России весьма сдержанно // News.ru. 10.03.2022. URL: <https://news.ru/asia/v-yuzhnoj-koree-novyy-prezident-kotoryj-nastroen-k-rossii-vesmasderzhann>

Материалы и методы исследования

В настоящее время в Российской Федерации осуществляется процесс активного импортозамещения и интенсивного инновационного развития в ведущих областях экономики, промышленности, технологий, что делает востребованным изучение положительного опыта стран, осуществивших динамичный прорыв в указанных областях. Республика Корея в краткий исторический период смогла форсировать путь от одной из беднейших стран мира до международного лидера инновационного развития экономики. Республика Корея демонстрирует высокоэффективную реализацию опережающих стратегий развития в контексте интеграции экономики, высшего образования (развитие науки, продуцирование инноваций, подготовка высококвалифицированных кадров) и ресурсов национальной культуры.

Целью данного исследования является анализ приоритетных направлений стратегического развития и инновационного потенциала Республики Корея в интеграции экономики, образования и культуры.

Задачи исследования: показать этапы экономического развития Республики Корея в XX–XXI вв., современные отрасли экономики и инновационный потенциал; выявить особенности национального менталитета и общественного уклада, являющихся нематериальным ресурсом в осуществлении «экономического чуда»; показать эффективность применения стратегии «мягкой силы» для повышения имиджа страны на международной арене и сопутствующие экономические процессы; определить основные направления развития высшего образования и подготовки высококвалифицированных кадров с учетом долгосрочных перспектив развития и условий глобализации.

Методология исследования, в соответствии с заявленной целью и обозначенными задачами, построена на системном подходе и методе стратегического развития; с применением историко-сравнительного, социокультурного, статистического методов, а также с использованием общенаучных методов познания: анализа, синтеза, обобщения.

Полагаем необходимым на основе проведенного анализа сделать выводы и указать возможные пути их практического применения в российской действительности, в том числе в целях повышения качества государственного управления для получения интегративного результата развития экономики, образования и культуры.

Результаты исследования и обсуждение

1. Истоки и ключевые исторические этапы формирования национального менталитета.

Для обоснованного понимания современного состояния Республики Корея необходимо иметь представление о ключевых исторических этапах развития страны и сложившихся культурно-ментальных установках корейцев, отраженных в национальном сознании. Корейская нация насчитывает несколько тысячелетий, к одному из значимых этапов развития относится существование государства «Когурё» (37 г. до н. э. — 668 г. н. э.), символизирующего архетипическую точку отсчета «сильной страны» в менталитете корейцев. В период правления Ли Сейджона Великого (1418–1450) в государстве «Чосон» был осуществлен важный культурный подъем в области гуманитаристики и письменности. Длительное историческое соседство с высокоразвитой культурой Китая, содействовало «перетеканию» китайской религиозно-этической системы, конфуцианство легло в основу корейской государственности, что подразумевает строгую иерархичность социальных отношений [3].

Впервые дипломатические отношения между Российской империей и Кореей были установлены в 1884 г., российское посольство открылось в Корею в 1885 г., а корейское в России — в 1900 г. Первая половина XX в. была трудным временем испытаний для Кореи [4]. Исторический период оккупации Кореи со стороны Японии продолжался с 1910 по 1945 гг. Современные корейские исследователи отмечают, что последствием внешнего захвата и японской колонизации страны, а также внутренней войны и раскола в период 1950–1953 гг., стало высокое стремление народа Республики Корея к независимости, что способствовало прорыву в социально-экономическом развитии страны, но главное — формированию мощного ресурса национального самосознания и государственной идентичности [16].

Современный период истории развития Республики Корея ведет отсчет от начала Шестой республики в 1988 г., после передачи власти путем прямых президентских выборов Ро Дэ У и восстановления свобод гражданского общества. В настоящее время по политическому устройству Республика Корея является унитарным государством, президентской республикой (с марта 2022 г. президентом страны является Юн Сок Ёль). Республика Корея — моноэтническое государство, корейцы составляют около 95 % населения. Основные религии — буддизм

и христианство. Более 65 % населения считают себя нерелигиозными, в действительности национально-культурные традиции почитаются и тонко вплетены в современную жизнь, что создает прочное ощущение единства нации и взаимопонимания во всех слоях общества. Население страны составляет 51 млн чел., что относит ее к странам со средним уровнем численности трудовых ресурсов, но последние два десятилетия наблюдается резкое снижение рождаемости, что предвещает демографические проблемы. В современных урбанизированных, высокотехнологичных городах Инчхон, Кванджу, Пусан, Тэгу, Тэджон, Ульсан и столице — Сеуле — проживает почти половина населения страны.

2. Экономика: генерация стратегий на «опережение». За период своего существования Республика Корея реализовала мощный прорыв в развитии по двум магистральным направлениям: национальный проект социально-экономического и инновационного развития внутри страны; создание и активное продвижение на мировой арене национального «бренда» Республики Корея. Прогрессу сопутствовала целенаправленная государственная политика и сбалансированные этапы развития в экономике, образовании и культуре. С середины XX в. ключевые направления развития экономики радикально изменялись: в послевоенное время (1940–50-е гг.) страна опиралась преимущественно на сельское хозяйство и сопряженное с ним производство; в начале 60-х гг. акцент сместился в сторону легкой промышленности и производства товаров народного потребления; в период 70–80-х гг. — в сторону тяжелой промышленности и электроники; на рубеже XX-XXI вв. доминирующими стали сфера услуг и высокие технологии.

Экономический прорыв молодых «азиатских тигров» периода 60–90-х гг. поставил Республику Корея, наряду с Сингапуром, Гонконгом и Тайванем на ведущие позиции международного рынка. Доходы выросли, средний класс стал составлять более 70 % населения, что позволило поддерживать позитивную социальную атмосферу общества, развитие образования, здравоохранения, культуры. В 90-е гг. темпы экономического роста замедлились до 6,5 % в год. Пережив валютный (1997 г.) и глобальный финансовый (2007 г.) кризисы, в настоящее время Республика Корея уверенно входит в десятку крупнейших торговых государств мира; прозрачность государственной деятельности и минимизация коррупции способствуют инвестиционным проектам [13].

С приходом нового тысячелетия сфера услуг и продвижение культурных брендов на международном уровне (киноиндустрия, индустрия красоты, медицинская индустрия, поп-музыка, туризм и мн. др.) в экономике страны стали доминирующими и составляют 71,5 % ВВП. В настоящее время экономика Республики Корея занимает в мировых рейтингах 11-е место по ВВП (по паритету покупательской способности) и 10-е — по номинальному ВВП (опережая по этому показателю, в том числе и Россию, которая занимает 12-е место). В мировом сообществе Республика Корея является лидером в IT-технологиях, судостроении, тяжелой промышленности, в том числе военной техники, автомобилестроении, всем известны крупнейшие компании Samsung, LG, Kia, Daewoo, Hyundai.

Республика Корея завоевала прочное положение и стала важным элементом экономической архитектуры Азиатско-Тихоокеанского региона. Реализуется экспортно-ориентированная политика со странами-соседями: Россией, Китаем, США, а также с Европейским союзом и странами, входящими в АСЕА. Расширяется взаимодействие со странами Африки и Латинской Америки, как в экономической сфере, так и в области культуры (киноиндустрия, шоу-бизнес), туризма, образования. Республика Корея активно принимает участие в транс-региональных проектах, например во Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП).

В Республике Корея, начиная с 2000-х гг., создана целая Инновационная система; за координацию инновационного развития отвечает Министерство науки и технологий — центральный орган по научно-технической политике государства. В 2003–2004 гг. был проведен ряд форсайт-сессий (по методу Дельфи) долгосрочного развития на период 2005–2030 гг. («Форсайт — 2030») в результате которого были определены основные сферы: 1) Земля и космос; 2) новые материалы и производство; 3) информация и знания; 4) продовольствие и биоресурсы; 5) условия жизни и здоровье; 6) энергия и окружающая среда; 7) технологии инфраструктура; 8) управление и инновации; 9) наука и разработка технологий [2].

Разработка инновационных сфер развития осуществлялась на основе четырех уровней: мир, нация, общество, личность. Национальное развитие рассматривалось в контексте «Общество информации, знаний, интеллекта», что выдвинуло на первый план: 1) фундаментальные и практико-ориентированные научные исследования,

продуцирование инноваций; 2) изменение подходов к системе и содержанию высшего образования как подготовке высококвалифицированных кадров в новых «инновационных» условиях; 3) использование «мягкой силы» культуры на расширение и укрепление имиджа страны на международной арене; 4) цифровая конвергенция (тотальная информационно-коммуникационная система, интеллектуальные услуги, интеллектуальное окружение).

В логике перспектив долгосрочного развития и взаимодействия Республики Корея и Российской Федерации на период до 2030 года на Восточном экономическом форуме во Владивостоке (2017 г.) корейской стороной была представлена «Новая северная политика», которая включала промышленно-экономический проект «Девять мостов» [10]. Ежегодный товарооборот двух стран составляет более 30 млрд долл., реализуется несколько крупных промышленных и экономических проектов: развитие Дальнего Востока [8], энергетика [6], газопровод [7], судостроение [9]. Геополитические сложности не позволяют в полной мере реализовать сотрудничество двух стран, но так как Россия и Республика Корея являются государствами-соседями, то продвижение взаимовыгодного экономического партнерства имеет высокий потенциал развития.

3. Культура: стремление к гармоничному сочетанию традиций и инноваций. Понимание культурно обусловленного контекста развития общества позволяет более точно уяснить суть и смысл духовно-ментальных основ нации, которые служат дополнительным ресурсом, обеспечивающим высокие достижения Республики Корея. Всем известны организованность, трудолюбие и дисциплинированность корейцев, но суть этих явлений невозможно объяснить по «европейско-американским» шаблонам. Ключом к разгадке является конфуцианское миропонимание корейцев, основанное на концепции «Гармонии», которая не является статической системой. Устойчивость «Гармонии» постоянно должна подкрепляться действиями (трудолюбием) по усилению лучшего (заботой), в противном случае наступает «разложение» и «хаос». Данный принцип в национальном менталитете корейцев является универсальным и распространяется от семейного уклада до государственных деяний.

Пришедшее в Корею в XIX в. христианство (сначала католицизм, и впоследствии протестантизм) привнесло западные стандарты политического и экономического развития, во многом заложило

базис современной науки и образования, но не изменило глубинных основ культуры, мировоззренческих архетипов, что позволяет сохранять устойчивость людей и государства, является ресурсом для преодоления трудностей и продвижения вперед. Современная уникальная корейская культура возникла на основе сложного синтеза двух культур «Восток — Запад», где надежным фундаментом является традиционная культура, которая тонко, но прочно вплетена в современный уклад жизни, наполненный инновациями и технологиями.

Государственная политика Республики Корея направлена на гармоничную интеграцию страны в международное сообщество. В 2009 г. по решению Правительства Республики Корея был создан Президентский Совет по национальному «брендингу», целью которого являлось обеспечение повсеместного продвижения страны в глобальное пространство, создание позитивного имиджа страны. Ключевым механизмом действий на международной арене была избрана стратегия «мягкой силы» [15]. Как известно, носителем имиджа является представление, образ, который возникает в сознании людей и ассоциируется с определенными качествами. Для создания устойчивого позитивного образа, а точнее «лица» страны стало продвижение «корейской волны» — Hallyu (халлю) как современного медиапродукта высокого качества, представленной киноискусством (K-drama) и музыкой (K-pop) [14]. Их высокая популярность обусловлена транслированием позитивных жизнеутверждающих моделей поведения и качества жизни.

В настоящее время корейская поп-культура популярна и востребована более чем в 60 странах мира: не только в Восточной Азии, но и в странах Европы, Центральной Азии, Северной Африки, Латинской Америки; ежегодный доход от экспорта данной продукции составляет более 1 млрд долл. США. Устойчивый позитивный имидж Республики Корея в международном пространстве вызывает интерес людей разных стран, популяризирует приобретение корейских товаров, распространение корейского ресторанного бизнеса, увеличение туризма в страну, изучение корейского языка и культуры, привлекает молодых людей разных стран к получению образования в корейских университетах, что вносит существенный вклад в экономику страны [12].

4. Образование: инвестиции в развитие «человеческого капитала» как неиссякаемый источник конкурентных преимуществ. Образование в Республике Корея — это культ, поддерживаемый семьей, обществом и государством.

Традиционное уважение к образованному человеку, «наставнику и учителю», являющееся наследием конфуцианства, сохранилось до наших дней. Образование подрастающего поколения имеет решающее значение для дальнейших перспектив развития государства и социально-экономического благополучия общества, так как «только образованные люди способны создать сильную и уважаемую в мире страну». Республика Корея не располагает природными богатствами, первые лица государства, неоднократно отмечали, что главным национальным ресурсом является «человеческий капитал» и качество его подготовки.

Во многом экономический прорыв 1970–1990-х гг. был обусловлен, государственными вложениями в систему образования. Если в 1975 г. они оценивались в 220 млрд вон (14 % государственного бюджета), то в 1986 году — 3,76 трлн вон (27 %). К началу 2000-х гг. в Республике Корея высокоскоростной доступ к интернету был во всех образовательных учреждениях. В 2013 г. в стране был разработан первый в мире цифровой учебник, а его распространение в школах осуществлялось бесплатно. После окончания школы 75 % выпускников поступают в высшие учебные заведения.

Широкомасштабный переход Республики Корея в цифровую экономику, привел к «сращиванию» образования и науки. Несомненно, что успехи страны, в том числе и на мировом уровне, являются следствием умелого инвестирования в «человеческий ресурс» и развитие «человеческого капитала». В рамках концепции долгосрочного развития Республики Корея до 2030 г. в системе высшего образования в период 2015–2025 гг. реализуется программа «Образование для нужд индустрии 4.0» (The Program for Industrial Needs-Matched Education 4.0), включающая изменения как к содержанию образования, так и к формам и методам практической подготовки. В 2015 г. в стране действовали 43 государственных и 179 частных университетов. Учитывая низкую рождаемость, к 2024 предусмотрено поэтапное сокращение университетов и сокращение студенческих мест на 164 тыс., но в то же время предусмотрено увеличение экспорта высшего образования и прием иностранных студентов, что в целом повысит уровень доходов в данном сегменте экономики.

Международное сотрудничество в сфере высшего образования и науки республика Корея реализует в четырех направлениях.

Во-первых, привлечение и расширение контингента иностранных студентов в корейские университеты. Наиболее уважаемыми являются Сеульский национальный университет, Корейский научно-технический институт, Пусанский национальный университет, Национальный университет Кёнбук. Министерством реализуются программы, содействующие привлечению иностранных студентов: стипендии для наиболее одаренных, обучение на английском языке. Сопутствующим фактором является увеличение национального дохода, так как студенты не только оплачивают обучение, но в большей степени тратят на проживание и развлечения [5].

Во-вторых, начиная с 2000-х гг., учитывая стратификацию общества и финансовые возможности не только высшего, но и среднего класса, в Республике Корея значительно повысился престиж зарубежного образования. В 2005 г. количество людей, покинувших страну с целью обучения за границей, было в пределах 100 тыс. чел., в 2011 г. — 568 тыс. чел., к 2020 г. планировалось до 700 тыс. чел., а наиболее популярные страны — экспортеры высшего образования: США, страны Европы, Китай [17]. Позитивные результаты такой политики очевидны: хорошее образование создает «благородного человека» — это реализация традиционной конфуцианской ценности, также «заграничное образование» повышает социальный статус и конкурентные возможности на рынке труда. Отрицательным фактором является то, что после завершения обучения многие студенты не возвращаются на родину, таким образом, страна теряет часть перспективной и образованной молодежи, что ослабляет связь поколений и передачу культурного наследия.

В-третьих, ведущие университеты Республики Корея расширяют связи с зарубежными партнерами, создаются международные научно-исследовательские лаборатории, реализуются научные проекты, приглашаются известные ученые, развивается экспорт образовательных услуг. Россия и Республика Корея также осуществляют сотрудничество в сфере высшего образования и науки: Дальневосточный федеральный университет и Пусанский национальный университетский госпиталь (сотрудничество в сфере развития телемедицины в Приморском крае); Южно-Уральский государственный университет и Корейский институт перспективных исследований (в области квантовой информатики); Санкт-Петербургский государственный университет на уровне постоянного взаимного

представительства сотрудничает с Университетом иностранных языков Ханкук и др. [1].

В-четвертых, процессы глобализации и развитие современных технологий безгранично расширяют образовательное пространство, в первую очередь, это связано с высоким уровнем информационно-коммуникационной связи, позволяющей осуществлять образовательные услуги в дистанционном режиме. Уже с 2010 г. Республика Корея осуществляет сотрудничество со странами АТР в развитии сетевых университетов и совместных образовательных программ. Наличие высокого уровня IT-технологий позволяет ей быть одной из ведущих стран в разработке и реализации международного образовательного проекта для стран АТР «Кибер-университет стран ASEAN», в который входят 27 лучших университетов. Республика Корея проводит активную политику экспорта высшего образования на Евразийском пространстве, например активное сотрудничество с университетами Монголии, ряд филиалов известных корейских университетов открыты в Узбекистане (филиал «Технического института Ёджи», филиал «Университета Инха»).

Обсуждение результатов

1. Более чем тридцатилетний период установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея позволил создать условия взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества в экономике, культуре, образовании. Важным фактором во взаимодействии Российской Федерации и Республики Корея является не только «материальный» фактор — экономическое партнерство, но и развитие взаимного «диалога культур», что способствует наиболее глубокому познанию национальных особенностей двух стран-соседей, взаимообогащению культур, развитию доверия и взаимной заинтересованности.

2. В Республике Корея, начиная с 2000-х гг. каждые пять лет осуществляются форсайт-проекты, нацеленные на определение опережающих стратегий развития страны с учетом внутренних запросов общества и мировых тенденций. Для осуществления форсайта проводятся встречи и обсуждения экспертов из различных областей науки и технологий в интересующей сфере. Инициатором проведения форсайтов выступает Министерство науки и технологий — центральный орган по научно-технической политике государства.

3. Форсайт как метод является инструментом прогнозирования будущего. Но суть заключается

не просто в прогнозировании будущего, исходя из прошлого, а именно в создании «образа» будущего и на основе этого выстраивании целей и задач развития в настоящем. Насколько эффективен данный метод в долгосрочных прогнозах развития страны, со всей очевидностью подтверждается тем, что Республика Корея почти десять лет находится на первом месте в мире по продуцированию инноваций и является образцом прогрессивного экономического развития в современных условиях.

4. Высокие достижения Республики Корея в настоящее время являются результатом реализации целенаправленной и поэтапной государственной политики страны в двух ключевых направлениях: национальный проект социально-экономического развития внутри страны и активное продвижение «бренда» Республики Корея на мировой арене. Прочное завоевание Республикой Корея передовых позиций в мировых экономических рейтингах, в первую очередь, это связано с прогрессивным развитием системы образования и инвестициями в развитие «человеческого капитала»; подготовкой высококвалифицированных кадров; стремлением создать гармоничное сочетание культурных традиций и технологических инноваций.

5. Высшее образование Республики Корея в полной мере отражает перспективы инновационного развития «Образование для нужд индустрии 4.0». Демографические изменения внутри страны неизбежно приведут к сокращению количества высших учебных заведений, но университеты стремятся компенсировать «потери» увеличением контингента иностранных студентов, открытием филиалов известных корейских университетов в других странах, развитием сетевых университетов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

6. Традиционная корейская культура поддерживается во всех слоях общества, но под натиском «американской вестернизации» и ценностей постиндустриального общества претерпевает значительные и высокоскоростные трансформационные изменения. В настоящее время все очевиднее становится, что «гармоничный баланс» традиций и инноваций развития молодого южнокорейского поколения «Z» не найден. Как известно, с одной стороны, молодое поколение является продолжателем национальных традиций, а с другой — потенциальным креативным ресурсом, отсутствие консенсуса может отрицательно отразиться на политическом и экономическом развитии страны в будущем.

Заключение

На основе изложенного выше обзора и проведенного анализа приоритетных направлений стратегического развития и усиления инновационного потенциала Республики Корея в интеграции экономики, образования и культуры, представляется возможным показать аспекты их практического применения в российской действительности.

Во-первых, в сфере государственного управления и развития экономики, заслуживает внимание опыт Республики Кореи по использованию в «планировании будущего» метода форсайта, позволяющего идти не от достигнутых результатов, а выстраивать настоящее, исходя из «видения будущего», что не просто создает экономику, «реагирующую» на запросы настоящего, а стимулирует инновационный поиск опережающих стратегий, развитие науки и высоких технологий.

Во-вторых, в сфере государственного управления и развития высшего образования заслуживает внимание опыт Республики Корея по количеству «вливания» инвестиций в развитие высше-

го образования, подготовке высококвалифицированных кадров, развитию человеческого капитала как нематериального ресурса инновационного развития, отвечающего перспективам экономического развития. Интересен опыт практико-ориентированной направленности проекта «Образование для нужд индустрии 4.0», открывающего новые пути инновационного развития и распределения трудовых ресурсов по новым секторам экономики. Заслуживает внимания и современная практика экспорта образовательных услуг ведущих университетов Республики Корея.

В-третьих, следует отметить опыт Республики Корея в сфере государственного управления в области культуры по поддержанию культурного наследия, бережному отношению к традициям, формированию позитивных ресурсов национального менталитета, внимание к развитию современной национальной культуры, максимальное использование инструментов «мягкой силы» культурного влияния для повышения имиджа страны на мировой арене в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Булавинцева М. Г., Зимонина О. Г. Традиционные и глобальные ценности в системе непрерывного образования Южной Кореи // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 6. С. 56–64. doi: 10.22394/2071-2367-2017-12-6-56-64.
2. Бойкова М. В., Салазкин М. Г. Корея: опережающие стратегии // Форсайт. 2007. № 4. С. 52–63.
3. Gaikin V. A. East and west dialog of cultures // Роль культурного наследия в современных этнополитических, этнообразовательных, этноконфессиональных процессах : материалы Всерос. с межд. участ. науч.-практ. интернет-конф. Саранск, 2020. С. 120–124.
4. Гайкин В. А. Корейцы — жертвы погромов 1923 года в Японии: поведение государственных органов и полиции // Виктимология. 2019. № 1 (19). С. 54–58.
5. Демин А. А., Дунаева О. Н. Иностранцы студенты в российских вузах: проблемы и перспективы // Экономические и гуманитарные исследования. 2018. № 35. С. 33–41.
6. Жизнин С. З., Тимохов В. М. Финансово-экономические аспекты сотрудничества России и Южной Кореи в энергетике // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 1073–1077.
7. Кан Х. С. Газопровод из России в Южную Корею: значение для российской экономики и политики // Российское предпринимательство. 2014. № 4 (250). С. 107–115.
8. Ким С. Состояние инвестиционного сотрудничества между Южной Кореей и Россией и возможности для корейского бизнеса на Дальнем Востоке // Международные отношения. 2019. № 1. С. 149–156.
9. Корнач Е. Н., Масюк Н. Н., Бушуева М. А. Создание дальневосточного судостроительного кластера в контексте кластерно-сетевой парадигмы // Транспортное дело России. 2018. № 6. С. 80–82.
10. Кривошеев М. Д. Концепция «Девяти мостов» и перспективы развития российско-южнокорейских экономических отношений // Инновации и инвестиции. 2020. № 5. С. 77–80.
11. Ланцова И. С. Политика «солнечного тепла» как модель управления межкорейским конфликтом: истоки, итоги, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 36. С. 91–98.
12. Ли М. Е. Национальные образы и взаимопонимание между Южной Кореей и Россией (компаративистский подход) // Социологические исследования. 2020. Т. 46, № 9. С. 122–132.

13. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Зарубежный опыт эффективного противодействия коррупции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: Япония, Южная Корея, Сингапур // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 296–299.
14. Наврузов М. А. Развитие культурной экономики. Корейская волна — как главный фактор роста корейской культуры // Colloquium-journal. 2020. № 19-3 (71). С. 4–5.
15. Пентегова А. В. Концепция «мягкой силы» во внешней политике стран // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 2. С. 114–126. doi: 10.22394/2071-2367-2019-14-2-114-126.
16. Сонг Д., Ким Х. Ч. Корейская война и изменения в южнокорейском обществе в 1950 гг. // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 63–72.
17. Хван С. У., Ким Д. С. Феномен семьи-кироги в современной Корее // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 92–97.

References

1. Bulavintseva MG, Zimonina OG. Traditional and global values in the system of continuing education in South Korea. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2017;(6):56-64. doi: 10.22394/2071-2367-2017-12-6-56-64. (In Russ.).
2. Boikova MV, Salazkin MG. Korea: Forward Strategies. *Forsajd = Foreside*. 2007;(4):52-63. (In Russ.).
3. Gaikin VA. East and west dialog of cultures. In: Rol' kul'turnogo naslediya v sovremennykh etnopoliticheskikh, etnoobrazovatel'nykh, etnokonfessional'nykh protsessakh = The role of cultural heritage in modern ethno-political, ethno-educational, ethno-confessional processes. Saransk; 2020. Pp. 120–124. (In Russ.).
4. Gajkin VA. Koreans Victims of the 1923 Pogroms in Japan: The Behavior of the Government and the Police. *Viktimologiya = Victimology*. 2019;(1):54-58. (In Russ.).
5. Demin AA, Dunaeva ON. Foreign students in Russian universities: problems and prospects. *Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya = Economic and Human Studies*. 2018;(35):33-41. (In Russ.).
6. Zhiznin SZ, Timokhov VM. Financial and economic aspects of cooperation between Russia and South Korea in the energy sector. *Finansovaya ekonomika = Financial economics*. 2018;(6):1073-1077. (In Russ.).
7. Kan HS. As pipeline from Russia to South Korea: implications for the Russian economy and politics. *Rossijskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*. 2014;(4):107-115. (In Russ.).
8. Kim S. The state of investment cooperation between South Korea and Russia and opportunities for Korean business in the Far East *Mezhdunarodnye otnosheniya = International relationships*. 2019;(1):149-156. (In Russ.).
9. Kornach EN, Masyuk NN, Bushueva MA. Creation of the Far Eastern shipbuilding cluster in the context of the cluster-network paradigm. *Transportnoe delo Rossii = Transport business in Russia*. 2018;(6):80-82. (In Russ.).
10. Krivosheev MD. The «Nine Bridges Concept» and Prospects for the Development of Russian-South Korean Economic Relations. *Innovacii i investicii = Innovation and investment*. 2020;(5):77-80. (In Russ.).
11. Lantsova IS. The Solar Heat Policy as a Model for Managing the Inter-Korean Conflict: Origins, Outcomes, Prospects. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki = Bulletin of Moscow University. Series 12. Political science*. 2012;(36):91-98. (In Russ.).
12. Li ME. National images and mutual understanding between South Korea and Russia (comparative approach). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2020;46(9):122-132. (In Russ.).
13. Majorov VI, Dunaeva ON. Foreign experience of effective combating corruption in the countries of the Asia-Pacific region: Japan, South Korea, Singapore. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2019;(11):296-299. (In Russ.).
14. Navruzov MA. Development of the cultural economy. Korean wave as the main factor in the growth of Korean culture. *Kollokvium-zhurnal = Colloquium-journal*. 2020;(19-3):4-5. (In Russ.).
15. Pentegova AV. The concept of “soft power” in the foreign policy of countries. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2019;14(2):114-126. doi: 10.22394/2071-2367-2019-14-2-114-126. (In Russ.).
16. Song D, Kim HCH. Korean War and changes in South Korean society in 1950. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2015;(2):63-72. (In Russ.).
17. Hvan SU, Kim DS. The Quiroga Family Phenomenon in Modern Korea. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2015;(2):92-97. (In Russ.).

Сведения об авторах

О. Н. Дунаева — старший преподаватель кафедры современных образовательных технологий Института открытого и дистанционного образования.

В. А. Гайкин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований.

Information about the authors

O. N. Dunaeva — Senior Lecturer at the Department of Modern Educational Technologies of the Institute of Open and Distance Education.

V. A. Gaikin — Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Center for Global and Regional Studies.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.1

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Артём Аркадьевич Саламатов

Челябинский государственный университет; Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, salamatov79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3070-9753>

Аннотация. В настоящее время существует острая необходимость в обеспечении сбалансированного эколого-экономического развития России и ее регионов. Основная роль управления экологической составляющей качества жизни населения в условиях технологической трансформации экономики России возлагается на государство, приоритетные направления деятельности которого в сфере экологии: разработка соответствующего институционального обеспечения устойчивого экологического развития регионов, поощрение инвестиций в природоохранные направления и развитие экотехнологий, установление комплексной и реализуемой экологической политики, балансирование экологических налогов и т. д. Целью данного исследования является анализ и разработка институциональных основ и инфраструктурного обеспечения управления экологическим компонентом качества жизни населения регионов Уральского федерального округа. В соответствии с методикой оценивания экологической составляющей качества жизни населения региона, основанной на первостепенных положениях экосистемного подхода, проведена оценка экологического компонента качества жизни населения регионов Уральского федерального округа. С учетом результатов проведенных исследований проанализированы лучшие управленческие практики экологического развития регионов Российской Федерации. Принимая во внимание их опыт, предложены пути совершенствования управленческих механизмов на основе трансмиссионных взаимосвязей влияния экологического компонента на качество жизни населения, которые позволят перейти к сбалансированному социо-эколого-экономическому развитию регионов Уральского федерального округа.

Ключевые слова: качество жизни населения, экологический компонент, институциональные основы управления, инфраструктурное обеспечение управления, эколого-экономическая направленность поведения

Для цитирования: Саламатов А. А. Управление экологическим компонентом качества жизни населения регионов Уральского федерального округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 108–117.

Original article

MANAGEMENT OF THE ENVIRONMENTAL COMPONENT OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Artem A. Salamatov

Chelyabinsk State University; Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia salamatov79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3070-9753>

Abstract. The main role of managing the environmental component of the quality of life of the population in the context of the technological transformation of the Russian economy is assigned to the state, whose priority areas of activity in the field of ecology are: the development of appropriate institutional support for the environmental development of regions, the promotion of investments in environmental areas and the development of eco-technologies, the establishment of a comprehensive and implementable environmental policy, balancing environmental taxes, etc. The purpose of this study is to analyze and develop the institutional framework and infrastructure support for managing the environmental component of the quality of life of the population of the regions of the Ural Federal District. Based on the results of previous studies, the best management practices for the environmental development of the regions of the Russian Federation are analyzed, considering their experience, the main ways to improve

management mechanisms are proposed based on the transmission relationships of the impact of the environmental component on the quality of life of the population, which will allow moving to a balanced socio-ecological and economic development of the regions of the Ural Federal District.

Keywords: quality of life of the population, ecological component, institutional foundations of management, infrastructural provision of management, ecological and economic orientation of behavior

For citation: Salamatov A.A. Management of the environmental component of the quality of life of the population of the regions of the Ural federal district. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):108-117. (In Russ.).

Введение

Важнейшей задачей государства является установление формальных и неформальных рамок административных правил, налогообложения, субсидий, льготных кредитов, страховых обязательств, принудительных кредитов на выбросы и экологических платежей, необходимых для развития внутренних отношений по природопользованию и охране окружающей среды между экономическими субъектами в регионе. Одновременно с институциональным обеспечением, являющимся непрерывным процессом и требующим постоянной корректировки, должен идти процесс привития правильных моделей поведения через формирование эколого-экономической направленности поведения [13], ценностных ориентаций, убеждений и внутренней мотивации защиты окружающей среды при обеспечении инклюзивного экономического роста региона и страны в целом. Однако саморегулирование основывается на совокупности формальных инструментов, включающих следующие компоненты: набор нормативных требований, используемых в качестве ориентира для максимально возможного воздействия на окружающую среду, система финансовых инструментов, комплексный мониторинг и т. д. [2; 5; 14].

Территория Российской Федерации велика и сильно различается от региона к региону по качеству природной среды, характеру природных проблем и сложившимся правовым системам в области экологии и охраны окружающей среды. Как правило, региональное законодательство, регулирующее экологические вопросы, определяет механизмы их реализации, а федеральное законо-

дательство определяет возможные варианты сотрудничества между региональными и федеральными органами власти.

Региональная инфраструктура, необходимая для сбалансированного социально-экономического развития, гарантирует функционирование производства и предоставление различных услуг населению. Именно качество местной инфраструктуры в конечном итоге определяет качество жизни жителей данной территории [10; 11]. Можно выделить ряд факторов в системе качества жизни жителей, которые тесно связаны с местной инфраструктурой. Сопоставление качества жизни и элементов системы региональной инфраструктуры показывает, что большинство показателей качества жизни базируются на лежащей в их основе функциональной оценке отдельных элементов инфраструктуры. Из этого можно сделать вывод, что каждая подсистема региональной инфраструктуры является одним из элементов, который гарантирует развитие соответствующей подсистемы в системе качества жизни населения и тем самым улучшает последнюю [12].

Материалы и методы исследования

Представим последовательность использованных в работе оценочных процедур в соответствии с методическим подходом к оценке экологической составляющей качества жизни населения региона, базирующимся на основных положениях экосистемного подхода [3]. Нами была сформирована система показателей, характеризующих уровень экологической составляющей качества жизни населения региона (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Система показателей, характеризующих уровень экологической компоненты качества жизни населения регионов РФ [8]

The system of indicators characterizing the level of the environmental component of the quality of life of the population of the regions of the Russian Federation [8]

Показатель	Обозначение	Основание включения в систему показателей
Удельный вес улавливания загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников от общего количества выбросов загрязняющих	X17	Рассматривается как базовый индикатор обеспечения экологической безопасности региона

Окончание таблицы 1
Table 1 (end)

Показатель	Обозначение	Основание включения в систему показателей
веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников в регионе, %		
Энергоемкость ВРП, т.т. на 1 млн руб.	X18	Отражает количество израсходованных топлива и (или) энергии на технологические процессы изготовления продукции в регионе
Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации, в общем числе организаций в регионе, %	X19	Демонстрирует долю организаций, осуществляющих экологические инновации в регионе

Источник: составлено автором

По экологическому субиндексу СИ6 регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры распределились следующим образом (табл. 2).

В результате анализа экологических показателей по каждому из регионов УрФО был получен

соответствующий субиндекс, отражающий уровень экологической компоненты качества жизни населения. В таблице 3 и на рисунке 1 представлены экологические субиндексы для регионов УрФО.

Таблица 2
Table 2

Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по уровню экологического субиндекса СИ6 качества жизни населения регионов, 2020 г.

Leading regions and outsider regions in terms of the level of environmental sub-index SI6 of the quality of life of the population of the regions, 2020

Регионы	СИ6	Регионы	СИ6
Топ-10 Лидеры		Топ-10 Аутсайдеры	
Пензенская область	0,76	Чеченская Республика	0,14
Удмуртская Республика	0,60	Кемеровская область	0,16
Республика Татарстан	0,59	Вологодская область	0,16
Республика Бурятия	0,59	Республика Хакасия	0,19
Чувашская Республика	0,54	Республика Тыва	0,19
Омская область	0,54	Республика Марий Эл	0,25
г. Санкт-Петербург	0,53	Оренбургская область	0,26
Кировская область	0,52	Ставропольский край	0,26
Нижегородская область	0,52	Волгоградская область	0,27
Ленинградская область	0,50	ХМАО	0,28

Источник: рассчитано автором на основе данных Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики, 2021.
URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 20.04.2022)

Таблица 3
Table 3

Нормированные показатели экологической составляющей качества жизни населения субъектов УрФО, 2020 г.

Normalized indicators of the environmental component of the quality of life of the population of the subjects of the Ural Federal District, 2020

Субъект УрФО	X17	X18	X19	СИ6
Курганская область	0,02	0,66	0,46	0,38
Свердловская область	0,39	0,65	0,41	0,48
ХМАО	0,01	0,68	0,13	0,28

Субъект УрФО	X17	X18	X19	СИ6
ЯНАО	0,00	0,89	0,33	0,41
Тюменская область	0,05	0,84	0,50	0,46
Челябинская область	0,17	0,33	0,40	0,30

Рис. 1. Карта значений экологического субиндекса регионов Уральского федерального округа, 2020 г.

Источник: разработано автором

Fig. 1. Map of the values of the ecological sub-index of the regions of the Ural Federal District, 2020

Source: developed by the author

Результаты

Результаты проведенного исследования качества жизни населения регионов России за 2020 г. свидетельствуют о том, что по экологическому компоненту качества жизни населения регионы УрФО не входят ни в Топ-10 регионов-лидеров, ни в Топ-10 регионов-аутсайдеров¹.

По показателю X_{17} лидерами среди регионов России оказались Пензенская область (1,00), Карачаево-Черкесская Республика (0,48), Мурманская область (0,41).

Лидерами по показателю X_{18} стали г. Москва (1,00), Республика Бурятия (1,00), Ненецкий автономный округ (0,98); по показателю X_{19} лидерами были Удмуртская Республика (1,00), Республика Татарстан (0,96), Чувашская Республика (0,89).

Динамика экологической составляющей качества жизни населения регионов УрФО (СИ6) за период 2016–2020 гг. представлена на рисунке 2.

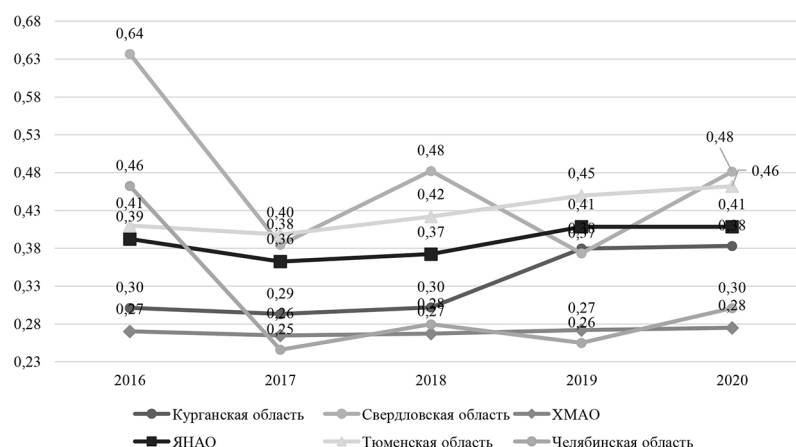

Рис. 2. Динамика субиндекса экологической компоненты качества жизни населения регионов УрФО (СИ6), 2016–2020 гг.

Источник: рассчитано автором на основе данных Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf

Fig. 2. Dynamics of the subindex of the environmental component of the quality of life of the population of the regions of the Ural Federal District (SI6), 2016–2020

Source: Calculated by the author based on data from Regions of Russia. Main characteristics of the constituent entities of the Russian Federation URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf

¹Теоретико-методологические подходы к управлению уровнем и качеством жизни населения регионов в условиях технологической трансформации Российской экономики: отчет о научно-исследовательской работе № 0327-2021-0004 (промежуточный, этап 2) / О. В. Артемова и др. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН. 2022. 185 с.

Динамика субиндекса экологической компоненты демонстрирует дифференциацию регионов УрФО. Лидером по данному субиндексу в 2020 г. является Свердловская область. Разница между регионом-лидером в УрФО Свердловской областью и аутсайдером ХМАО в 2020 г. составила 1,7 раза. При этом Свердловская область — лидер по экологическому компоненту качества жизни населения в УрФО — демонстрирует худшую более чем в 1,5 раза ситуацию по экологическому субиндексу по сравнению с общероссийским лидером — Пензенской областью. Аутсайдер в УрФО по данному показателю — Ханты-Мансийский автономный округ — выглядит в 2 раза лучше общероссийского аутсайдера по экологическому компоненту качества жизни населения — Чеченской Республики.

В целом по данному компоненту ситуация в регионах УрФО остается достаточно сложной и требующей системных мер. По данным Росприроднадзора в 2021 г. в Уральском федеральном округе увеличились объёмы выработки промышленных отходов, что косвенно может свидетельствовать о недостаточном количестве организаций, осуществляющих экологические инновации. Основными отраслями, генерирующими отходы, являются угледобыча (59,2 % от общего объема) и металлодобыча (около 28,5 %). В Че-

лябинской области объем промышленных отходов за год увеличился на 45,9 млн тонн (20,8 %), а в Ямало-Ненецком автономном округе их образование выросло сразу на 286,1 % (1,9 млн тонн). Южно-Уральский регион также входит в первую десятку регионов по абсолютному объему, образуя 266 млн тонн промышленных отходов в год. Однако следует отметить, что статистически зафиксированный рост образования промышленных отходов в 2021 г. можно объяснить не только повышением экономической активности после рецессии, но и повышением качества экологического учета, так как с 2021 г. В Росприроднадзоре усилили контроль за отчетностью предприятий¹.

Региональная инфраструктура экономики характеризуется тем, что ее компоненты, как в целом, так и в виде подсистем, не функционируют изолированно. Для эффективного функционирования элементов окружающей среды, составляющих инфраструктуру, все подсистемы и элементы должны действовать, связанные между собой единой координацией (табл. 4). На практике это проявляется в функционировании подсистем региональной инфраструктуры и их компонентов в соответствии с правилами конвергенции в «инфраструктурном коридоре», где существует несколько взаимосвязей и множество функций интегрированных подсистем [4; 7].

Таблица 4
Table 4

**Основные элементы инфраструктурного обеспечения
экологического компонента качества жизни населения**

**The main elements of infrastructure support
for the environmental component of the quality of life of the population**

№ п/п	Элементы инфраструктуры	Характеристики элемента в конвергенции с экологическим компонентом качества жизни
1	Нормативно-правовой	Совершенствование законодательной базы, позволяющей осуществлять рациональное природопользование и эффективно развивать экοбизнес
2	Финансово-экономический	Формирование государственных и региональных программ финансирования природоохранной деятельности и поддержки экологических предпринимателей
3	Производственный	Создание эффективной подсистемы производственного обеспечения экологически чистыми товарами и продукцией, технологиями и инструментами, сырьем и ресурсами
4	Инновационный	Развитие экологического предпринимательства, использующего инновации в качестве основного драйвера экοбизнеса, деятельность которого направлена на получение прибыли от реализации экологически значимых мероприятий
5	Информационно-консультационный	Информационная и консультационная поддержка через улучшение работы специализированных организаций и предприятий в экологическом секторе

¹ «Промотходов на сотни миллионов тонн». Почему регионы УрФО оказались в антирейтинге Росприроднадзора. URL: <https://uralpolit.ru/article/urfo/06-09-2022/261766> (дата обращения: 06.02.2023).

№ п/п	Элементы инфраструктуры	Характеристики элемента в конвергенции с экологическим компонентом качества жизни
6	Кадровый	Повышение привлекательности образовательных программ в сфере экологии и рационального природопользования, создание центров по переподготовке и повышению квалификации кадров в сфере экологического предпринимательства. Создание экологических стартапов и бизнес-инкубаторов
7	Просветительский	Подготовка экологически грамотного и культурного населения, формирование эколого-экономической направленности поведения населения

Управление ключевыми элементами инфраструктуры, поддерживающей экологическое развитие региона, обеспечивает институциональную эффективность и доступность услуг, предоставляемых на базе объектов инфраструктуры, но это лишь прямой результат. Что касается внешних эффектов в широком смысле, то, по мнению В. С. Антонюк, И. В. Даниловой и др., конечный результат заключается в том, что он влияет на качество жизни населения региона [1]. Это подтверждается

тем, что именно государственные структуры определяют иерархию ведомственных целей и направлений деятельности, правила и нормы функционирования инфраструктурных учреждений, обеспечивают рационализацию бюджетных потоков, контролируют и оценивают достижение показателей, а степень эффективности управленческой деятельности определяет изменение качества жизни местного населения и удовлетворение его эколого-экономических потребностей (рис. 3).

Рис. 3. Трансмиссионные взаимосвязи влияния экологического компонента на качество жизни населения региона

Источник: разработано автором

Fig. 3. Transmission relationships of the impact of the environmental component on the quality of life of the population of the region

Source: developed by the author

Обсуждение

Для определения основных направлений экологического развития регионов Уральского федерального округа прежде всего проанализируем лучшие управленческие практики регионов-лидеров Российской Федерации (Пензенской области, Удмуртской Республики и Республики Татарстан) по обеспечению экологического компонента качества жизни населения.

В Пензенской области работа по национальному проекту «Экология» ведется по пяти направлениям: утилизация и переработка отходов [ликвидация несанкционированных свалок и рекультивация земельных участков; утилизация твердых коммунальных отходов (ТКО), выделенных в результате раздельного накопления и обработки (сортировки)], сохранение водоемов и повышение качества питьевой воды (расчистка значительных участков русел рек, экологическая реабилитация водных объектов), уменьшение загрязнения воздуха, защита природы и животных (увеличение площади лесовосстановления, повышение качества и эффективности работ по лесовосстановлению на лесных участках, не переданных в аренду), внедрение наилучших природоохранных технологий [введение в промышленную эксплуатацию дополнительных мощностей по утилизации и обработке (сортировке) ТКО]¹. Тот факт, что экологическая ситуация в Пензенской области является не только одной из лучших в Поволжье, но и в России в целом, подтверждается как объективными результатами проведенных социально-экономических исследований ($X_{17} = 1,00$, $X_{18} = 0,76$, $X_{19} = 0,52$), так и данными социологических опросов населения региона и экспертов².

Ситуация в Удмуртской Республике менее однозначная. По данным, опубликованным Министерством природных ресурсов и экологии РФ в государственном докладе «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году», Ижевск и Удмуртская Республика упоминаются неоднократно и не в положительном аспекте, а наоборот, республика входит в число одного из самых загрязненных регионов по качеству атмосферного воздуха ($X_{17} = 0,03$)¹. Однако по удельному весу организаций, осуществлявших экологические инновации, в общем числе организаций, Удмуртская Республика является безусловным лидером ($X_{18} = 1$), а по энергоем-

кости ВРП — одним из лидеров среди российских регионов ($X_{19} = 0,77$), что свидетельствует о значительных усилиях региональных властей по улучшению экологической ситуации в регионе и, как следствие, ее положительной динамике с 2016 по 2021 гг.

Так, по данным Удмуртского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, суммарные выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников с 2010 по 2015 гг. снизились с 17,2 до 14,7 тыс. тонн и продолжают снижаться. Снижение выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников достигнуто в основном за счет реконструкции металлургического производства ОАО «Ижсталь», внедрения технологий по исключению использования вредных веществ на машиностроительных предприятиях, нового газо- и пылеулавливающего оборудования и повышения его эффективности, выполнения предприятиями организационно-технических мероприятий по снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в период неблагоприятных метеоусловий².

Республика Татарстан также входит в число регионов-лидеров по экологическому компоненту качества жизни населения региона, причем так же, как и Удмуртская Республика, уступает многим регионам по удельному весу улавливания загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников от общего количества выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников ($X_{17} = 0,03$), но значительно превосходит подавляющее большинство регионов по энергоемкости ВРП ($X_{18} = 0,79$) и удельному весу организаций, осуществлявших экологические инновации, в общем числе организаций ($X_{19} = 0,96$). Республика Татарстан достигла этих показателей, признав, что необходимым условием устойчивого развития и укрепления лидерских позиций Татарстана является стратегия, учитывающая системные региональные проблемы, передовой национальный и мировой опыт и актуальные решения, а также последние тенденции развития мегаполисов. Экологический комплекс региона определен в качестве приоритета в Стратегии экологической безопасности России до 2025 года и Стратегии социально-экономического развития Татарстана до 2030 года, что предусматривает создание системы управления качеством окружающей среды

¹ Министерство лесного, охотничьего хозяйства и природопользования Пензенской области. Национальный проект «Экология». <https://minleshoz.pnzreg.ru/news/75/index.php> (дата обращения: 13.02.2023).

² Экология Пензы удовлетворяет большинство горожан. <https://greenologia.ru/eko-problemy/goroda/penza.html> (дата обращения: 13.02.2023).

и снижение техногенной нагрузки. Учитывая отношение Татарстана к экологической безопасности и сложившуюся практику поддержки всех социально-экономических инициатив, в 2021 г. Татарстан принял участие в четырех федеральных проектах: «Оздоровление Волги», «Чистая страна», «Сохранение уникальных водных объектов» и «Сохранение лесов». Средства на реализацию составили 3 млрд рублей, в том числе более 2,5 млрд рублей из федерального бюджета. За три года реализации проекта предотвращен потенциальный ущерб на сумму более 5 млрд рублей. Республика Татарстан на протяжении многих лет по объему инвестиций в охрану окружающей среды является лидером в Приволжском федеральном округе: в общей сложности из бюджетов всех уровней, в том числе предприятий республики, направлено более 11,5 млрд рублей при доходе от природопользователей в размере более 1 млрд рублей без учета НДС¹ в части углеводородного сырья¹.

Региональное экологическое законодательство основывается на общих принципах, сформулированных законодательством Российской Федерации: права человека на благоприятную окружающую среду; обеспечение благоприятных условий для жизнедеятельности человека; сбалансированное сочетание экологических, экономических и социальных интересов; охрана, восстановление и рациональное использование природных ресурсов; плата за природопользование и компенсация за разрушение окружающей среды и т. д. [6].

На сегодняшний день ведется активная работа по созданию нормативно-правовой базы охраны окружающей среды в каждом регионе Уральского федерального округа, разрабатываются долгосрочные региональные целевые програм-

мы охраны и развития окружающей среды для отдельных регионов УрФО, заложена правовая база и основы соответствующей инфраструктуры для экологического предпринимательства, способствующей экологически ориентированному развитию региона [2].

Выводы

Основными причинами сложившейся в регионах УрФО экологической ситуации являются недостаточно строгие нормы охраны окружающей среды, слабая информированность населения об охране окружающей среды и недостаточная инфраструктура, что препятствует быстрому развитию сектора экологических технологий. В настоящее время существует острая необходимость в разработке комплексного плана сбалансированного социо-эколого-экономического развития для изменения ситуации в России и ее регионах. Имеющиеся административные, экономические и правовые ресурсы должны использоваться не только для решения текущих экологических проблем, но и для формирования эколого-экономического поведения людей, с пониманием того, что охрана природной среды является основой для будущего инклюзивного экономического развития.

Для перехода к сбалансированному социально-экономическому развитию в регионе необходимо: сделать охрану окружающей среды региональным приоритетом и улучшить существующую институциональную базу для рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды; проводить комплексную работу среди населения региона по формированию эколого-экономической направленности поведения населения; содействовать развитию экотехнологий путем создания льготных систем финансирования и налогообложения для привлечения внутренних и иностранных инвестиций; развивать смежные области, такие как экотуризм и традиционные ремесла.

Список источников

1. Антонюк В. С., Данилова И. В., Мительман С. А., Буликеева А. Ж. Управление социальной инфраструктурой регионов в системе инструментов повышения качества жизни населения регионов // Экономика региона. 2015. № 3. С. 53–66.
2. Арсланова Х. Д., Ниналалова Л. Г. Институциональные основы эколого-ориентированного социально-экономического развития регионов СКФО // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 3. С. 76–82.
3. Качество жизни и региональная трансформация экономики: региональный аспект : монография / под ред. О. В. Артемовой. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. 210 с.
4. Мордовченков Н. В., Николаева М. Г. Региональная инфраструктура как фактор повышения качества жизни населения. Н. Новгород, 2010. 206 с.

5. Полянская И. Г., Юрак В. В. Институциональная оценка экологически ориентированного недропользования // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 2. С. 355–368.
6. Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации : колл. монография / под ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2020. 603 с.
7. Рулевский А. М. Инфраструктурное обеспечение в сфере экологического предпринимательства // Инновационное развитие экономики. 2021. № 1 (61). С. 138–142.
8. Саламатов А. А., Даванков А. Ю., Ужегов А. О. Экологические предикторы качества жизни населения региона // Вестник Омского университета. 2022. Т. 20. № 3. С. 140–153.
9. Саламатов А. А. Экосистемный базис методического инструментария оценки качества жизни населения региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 42–51.
10. Суслова Ю. Ю. Влияние инфраструктуры региона на качество жизни населения // Проблемы современной экономики. 2015. № 10. С. 225–228.
11. Erie S., Globalizing L. A. Trade, Infrastructure, and Regional Development. Stanford : Stanford University Press, 2004. Pp. 336.
12. Marans R., Stimson R. Investigating Quality of Urban Life: Theory, Methods, and Empirical Research. New York: Springer Science + Business Media, 2011. Pp. 426.
13. Salamatov A. A., Gordeeva D. S. Determination of the quality of life of society by the ecological and economic orientation of the individual's personality // Perspektivy Nauki i Obrazovaniya. 2021. № 5 (53). Pp. 48–65.
14. Willems S., Baumert K. Institutional Capacity and Climate Actions // Organization of Economic Co-operation and Development, International Energy Agency, 2002. 50 p.

References

1. Antonyuk VS, Danilova IV, Mitelman SA, Bulikeeva AZh. Management of the social infrastructure of regions in the system of tools for improving the quality of life of the population of the regions. *Ekonomika regiona = Economics of the Region*. 2015;(3):53-66. (In Russ.).
2. Arslanova KhD., Ninalalova LG. Institutional foundations of environmentally-oriented socio-economic development of the regions of the North Caucasus Federal District. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional problems of transformation of the economy*. 2015;(3):76-82. (In Russ.).
3. Artemova OV. (ed.) Kachestvo zhizni i regional'naya transformatsiya ekonomiki: regional'nyy aspekt = Quality of life and regional transformation of the economy: a regional aspect. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2021. 210 p. (In Russ.).
4. Mordovchenkov N. V., Nikolaeva M. G. Regional infrastructure as a factor in improving the quality of life of the population. N. Novgorod; 2010. 206 p. (In Russ.).
5. Polyanskaya IG, Yurak VV. Institutional assessment of environmentally oriented subsoil use. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2017;13(2):355-368. (In Russ.).
6. Lavrikova YuG. (ed.) Priorities of scientific and technological development of regions: implementation mechanisms. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2020. 603 p. (In Russ.).
7. Rulevskiy AM. Infrastructural support in the field of environmental entrepreneurship. *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki = Innovative development of the economy*. 2021;(1(61):138-142. (In Russ.).
8. Salamatov A. A., Davankov A. Yu., Uzhegov A. O. Ecological predictors of the quality of life of the population of the region. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of the Omsk University*. 2022;20(3):140-153. (In Russ.).
9. Salamatov AA. Ecosystem basis of methodological tools for assessing the quality of life of the population of the region. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;6(464):42-51. (In Russ.).
10. Suslova YuYu. Influence of the region's infrastructure on the quality of life of the population. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of the modern economy*. 2015;(10):225-228. (In Russ.).
11. Erie S, Globalizing LA. Trade, Infrastructure, and Regional Development. Stanford: Stanford University Press; 2004. 336 p.
12. Marans R, Stimson R. Investigating Quality of Urban Life: Theory, Methods, and Empirical Research. New York: Springer Science + Business Media; 2011. 426 p.

13. Salamatov AA, Gordeeva DS. Determination of the quality of life of society by the ecological and economic orientation of the individual's personality. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*. 2021;5(53):48-65.

14. Willems S, Baumert K. Institutional Capacity and Climate Actions. Organization of Economic Cooperation and Development, International Energy Agency; 2002. 50 p.

Сведения об авторе

А. А. Саламатов — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития (Челябинский государственный университет); ведущий научный сотрудник (Челябинский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук).

Information about the author

A. A. Salamatov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, head of Department of economic theory and regional development (Chelyabinsk State University), leading researcher (Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences).

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.05

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ УЛУЧШЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ МЕРОПРИЯТИЙ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ

Наталья Васильевна Кривенко

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия, nvkrivenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-6460>

Аннотация. В статье рассматриваются многогранность категории «экономическая безопасность», различные подходы ученых к оценке экономической безопасности регионов. Акцентируется внимание на исследовании взаимосвязи экономических и социальных показателей, что в комплексе влияет на состояние экономической безопасности региона. Проведен анализ состояния экономической безопасности и социально-экономических показателей субъектов РФ за 2021 г., выявивший, что нормативные показатели не достигнуты ни в одном регионе. Отдельно рассмотрены показатели Уральского федерального округа, свидетельствующие о противоречивых и неоднозначных тенденциях. Сопоставление различных оценок экономической безопасности регионов в соответствии с разными методиками определило необходимость выявить влияние на нее социальных показателей, в первую очередь — здравоохранения. Проанализированы показатели экономической безопасности и здравоохранения регионов РФ в 2021 г., рассмотрены проблемы и успехи в Уральском федеральном округе. Возможности улучшения показателей здравоохранения, их влияния на экономическую безопасность рассмотрены на примере развитого промышленного региона Уральского федерального округа — Свердловской области — за период 2000–2021 гг. Представлены результаты преобразований в сфере здравоохранения Свердловской области за рассматриваемый период, способствующие сохранению населения, в том числе трудоспособного, за счет профилактических мер, снижения потерь от заболеваемости, смертности, инвалидности, что способствовало улучшению состояния экономической безопасности региона. Полученные результаты на примере Свердловской области позволили сформировать комплексную систему мероприятий в сфере здравоохранения и предложить ее для использования на уровне субъектов РФ для улучшения состояния здравоохранения и повышения экономической безопасности регионов.

Ключевые слова: регион, экономическая безопасность, социально-экономические показатели, здравоохранение, комплексная система мероприятий

Для цитирования: Кривенко Н. В. Прогнозирование возможностей улучшения состояния здравоохранения на основе комплексной системы мероприятий в целях повышения экономической безопасности регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 118–131.

Original article

FORECASTING OPPORTUNITIES TO IMPROVE THE STATE OF HEALTH CARE ON THE BASIS OF A COMPREHENSIVE SYSTEM OF ACTIVITIES TO IMPROVE THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGIONS

Natalya V. Krivenko

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, nvkrivenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-6460>

Abstract. The article discusses the versatility of the category «economic security», different approaches of scientists to assessing the economic security of regions. Attention is focused on the study of the relationship between economic and social indicators, which in combination affects the state of economic security of the region. An analysis of the state of economic security and socio-economic indicators of the constituent entities of the Russian Federation

for 2021 was carried out, which revealed that the normative indicators were not achieved in any region. Separately, the indicators of the Ural Federal District, indicating contradictory and ambiguous trends, are considered. Comparison of various assessments of the economic security of the regions in accordance with different methods determined the need to identify the impact of social indicators on it, primarily health care. The indicators of economic security and healthcare of the regions of the Russian Federation in 2021 are analyzed, the problems and successes in the Urals Federal District are considered. Opportunities for improving health care indicators, their impact on economic security are considered on the example of a developed industrial region of the Ural Federal District — Sverdlovsk Region for the period 2000-2021. The results of reforms in the healthcare sector of the Sverdlovsk region for the period under review are presented, contributing to the preservation of the population, including the able-bodied population, through preventive measures, reducing losses from morbidity, mortality, and disability, which contributed to the improvement of the economic security of the region. The results obtained on the example of the Sverdlovsk region made it possible to form a comprehensive system of measures in the field of healthcare and propose it for use at the level of subjects of the Russian Federation to improve the state of healthcare and increase the economic security of the regions.

Keywords: region, economic security, socio-economic indicators, healthcare, complex system of measures

For citation: Krivenko NV. Forecasting opportunities to improve the state of health care on the basis of a comprehensive system of activities to improve the economic security of the regions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):118-131. (In Russ.).

Введение

В сложной геополитической и экономической обстановке на современном этапе особое значение в России приобретает обеспечение экономической безопасности регионов, определяемой в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз»¹.

Рассматривая различные подходы ученых к понятию и оценке «экономической безопасности» в историческом аспекте, В. Л. Берсенев отмечает «необходимость учитывать сложность оценки при наличии большого разнообразия видов угроз экономической безопасности» [1]. Наиболее значимыми вызовами в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года определены постмодернизационный вызов при имеющихся недостатках в научно-технологическом развитии страны².

Однако, кроме материальных факторов, на состояние экономической безопасности большое влияние оказывает вклад человеческого потенциала.

Уже в XVII веке мыслители в области экономической науки признавали факт существования неких неощутимых ресурсов, участвующих в процессе производства и обмена [1]. В. Петти в опубликованном в 1662 г. «Трактате о налогах и сборах» [2] рассматривает население как источник

богатства страны, а навыки и умения как особую ценность, поскольку они способны приносить дополнительное богатство. Способности и умения населения, а также необходимость вклада в их развитие как в капитал выделяют в своих исследованиях А. Смит [3] и Ж.-Б. Сэй [4]. Автор первого российского учебника по политической экономии А. К. Шторх [5] также большое значение придавал «нематериальному капиталу», включая здоровье, развитие способностей человека и т. д.

Проведенный анализ показывает многогранность категории «экономическая безопасность».

Исследования в рамках Центра экономической безопасности в Институте экономики УрО РАН с использованием аппарата экономико-математического моделирования сфокусированы на регионе как полигоне, на котором проходят апробацию локализованные социально-экономические, экологические, демографические и прочие процессы, содержащие в себе потенциальные угрозы экономической безопасности страны в целом [1].

На современном этапе необходимо учитывать вызовы и риски не только геополитического, экономического характера, но и демографические угрозы. Одной из общемировых тенденций является ускорение глобального старения населения: доля населения мира 65 лет и старше возросла с 6 % в 1990 году до 9 % в 2019 году; по среднему варианту прогноза ООН к 2050 году она увеличится до 16 %. В условиях сегодняшнего геополитического противостояния России и стран коллективного Запада следует учитывать следующие угрозы: население в РФ составляет 147,2 млн человек, в странах Европы и США — около 750 млн человек; в нашей стране сокращается

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

² Там же.

трудоспособное население, снижается рождаемость, растет смертность, в том числе в условиях пандемии [6].

В связи с этим представляет научный интерес изучение влияния состояния здравоохранения на уровень экономической безопасности региона.

Материалы и методы исследования

Состояние социально-экономического развития России и регионов, экономической безопасности целесообразно рассматривать в рамках концепций системной экономики, устойчивого развития, в тесной взаимосвязи с отраслями социальной сферы, в том числе важнейшей отрасли — здравоохранения с точки зрения обеспечения национальной демографической безопасности, сохранения трудового потенциала населения, обеспечивающего прирост ВВП на уровне страны и ВРП на уровне регионов. В рамках теории изменений прослеживается взаимосвязь и взаимовлияние преобразований в экономике страны и изменений в отраслях социальной сферы, в том числе в здравоохранении, на уровне страны и регионов [7]. Данное исследование проведено на уровне субъектов РФ, более подробный анализ выполнен на примере Уральского федерального округа, а также одного из крупнейших его регионов — Свердловской области. В ходе исследования использованы концепции системной экономики, устойчивого развития, изменений, с применением системного, многоуровневого и интегративного подходов, статистического, аналитического, структурного методов, методического аппарата диагностики экономической безопасности регионов, в основу которого положен метод индикативного анализа.

Анализ состояния экономической безопасности регионов

Целесообразно рассмотреть различные точки зрения ученых на оценку экономической безопасности региона. Т. Ю. Феофилова [8] рассматривает безопасное развитие региона как состояние экономической системы, при котором одновременно обеспечивается защита экономики от негативных воздействий и переход на более качественный уровень показателей социальной сферы при сохранении устойчивости экологической системы.

В работах Л. А. Кривенцовой [9; 10] предложены методика оценки экономической безопасности региона в контексте определения гарантии получения дохода как главной компоненты безопасности, методика оценки уровня экономической безопасности регионов на рынке труда с учетом инвестиционной составляющей, доходности, уровня безработицы и роста занятости, акцент сделан на необходимости обеспечения экономических интересов населения. Выявлено, что с 2010 по 2019 гг. отмечается повышение уровня экономической безопасности населения в пожилом возрасте благодаря эффективности принимаемых государством мер, однако по индикатору результатов работающих (совокупному региональному индексу гарантии получения дохода работающих) отмечается уровень экономической безопасности выше среднего только в Костромской и Новосибирской областях, в остальных регионах не достигнуто высокого уровня экономической безопасности [9]. Оценка уровня экономической безопасности регионов на рынке труда с учетом инвестиционной составляющей, доходности, уровня безработицы и роста занятости за 2010–2020 гг. свидетельствует о недостаточной эффективности использования ресурсов для повышения уровня экономической безопасности на рынке труда в большинстве субъектов РФ [10].

Авторским коллективом Института экономики УрО РАН разработан методический аппарат диагностики экономической безопасности регионов, в основу которого положен метод индикативного анализа [11]. Оценка ситуации производится по 12 сферам жизнедеятельности:

- инвестиционная безопасность;
- производственная безопасность;
- научно-техническая безопасность;
- внешнеэкономическая безопасность;
- финансовая безопасность;
- энергетическая безопасность;
- сфера уровня жизни населения;
- сфера рынка труда;
- демографическая безопасность.

Согласно данной методике проведен анализ состояния экономической безопасности регионов РФ за 2021 г. (табл. 1).

Методика позволяет установить уровни безопасности сфер жизнедеятельности (по блоку индикаторов, состоящему из 12 сфер) и безопасности в целом.

Таблица 1
Table 1

Анализ состояния экономической безопасности (ЭБ) и социально-экономических показателей субъектов РФ за 2021 год
Analysis of the state of economic security (ES) and socio-economic indicators of the constituent entities of the Russian Federation for 2021

Субъекты РФ	Показатели ЭБ в 2021 году		Степень износа основных фондов	Темпы роста инвестиций в основной капитал	Темпы роста промышленного производства	Уровень занятости населения	Уровень безработицы	Валовой региональный продукт на душу населения, рублей (в 2020 году)	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
	Нормализованное значение	Оценка ЭБ								
Российская Федерация			53,0	107,7	106,4	59,4	4,8	640 519,0	40 272	57 244
Центральный федеральный округ	0,684	ПК3	42,8	113,4	123,6	61,7	3,5	854 978,5	54 727	73 548
Северо-Западный федеральный округ	0,557	ПК2	49,1	100,9	105,2	61,4	3,9	762 356,7	44 531	63 520
Южный федеральный округ	0,822	ПК3	49,6	100,3	105,7	57,1	5,1	407 280,4	34 974	40 649
Северо-Кавказский федеральный округ	1,156	К1	53,4	97,8	109,2	52,9	12,4	241 662,5	26 774	34 032
Приволжский федеральный округ	0,643	ПК2	60,5	104,4	107,9	58,6	4,1	468 462,3	31 306	41 129
Уральский федеральный округ	0,858	ПК3	64,5	99,0	104,7	60,6	4,3	945 711,8	40 219	59 804
Сибирский федеральный округ	0,932	ПК3	51,1	108,9	103,2	57,5	5,8	529 091,0	30 770	48 883
Дальневосточный федеральный округ	1,166	К1	45,7	110,6	103,6	60,7	5,7	741 938,3	42 455	66 374

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2022. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 27.01.2023)

Далее состояние безопасности относят к определенному классу по степени тяжести (опасности или риска опасных последствий). По каждому из индикаторов сфер жизнедеятельности для классификации состояний по безопасности используются следующие оценки:

- нормальное — Н;
- предкризис 1 (начальный) — ПК1;
- предкризис 2 (развивающийся) — ПК2;
- предкризис 3 (критический) — ПК3;
- кризис 1 (нестабильный) — К1;
- кризис 2 (угрожающий) — К2;
- кризис 3 (чрезвычайный) — К3.

Повышение нормализованного значения соответствует повышению уровня кризисности.

С 2000 по 2021 гг., несмотря на сохраняющуюся дифференциацию регионов, в целом по стране показатели экономической безопасности улучшились, однако нормальное состояние не достигнуто ни в одном субъекте РФ. Если рассматривать по сферам жизнедеятельности, следует отметить ухудшение показателей инвестиционной безопасности вследствие кризисных явлений и продолжающейся пандемии в ряде субъектов Центрального, Южного, Северо-Кавказского, Приволжского, Сибирского, Дальневосточного федеральных округов. В значительной степени проявились угрозы производственной, научно-технической безопасности, сферам уровня жизни населения и демографии в большинстве регионов [6].

Целесообразно проанализировать социально-экономические показатели на примере нашего Уральского федерального округа.

Состояние экономической безопасности по УрФО в 2021 г. являлось предкризисным, что обусловлено недостижением пороговых значений в сферах производственной, научно-технической безопасности и др. В качестве важнейшей проблемы следует отметить высокую степень износа основных фондов в РФ в 2021 году — 53,0 %; в крупнейшем промышленном регионе страны — Уральском федеральном округе — данный показатель самый высокий (64,5 %) по сравнению со среднероссийскими показателями и показателями других регионов. Как следствие, темпы роста инвестиций в основной капитал и промышленного производства в УрФО за 2021 г. ниже, чем в среднем по России и другим регионам.

В то же время уровень занятости населения в УрФО в 2021 г. выше среднероссийского уровня, а уровень безработицы — ниже. Показатель валового регионального продукта на душу населения в Уральском федеральном округе в 2020 г.

(за 2021 г. статистические данные отсутствуют) превышает среднероссийский уровень, среднедушевые доходы — соответствуют среднероссийскому уровню, среднемесячная заработная плата — превышает среднероссийский уровень, что свидетельствует о противоречивых и неоднозначных тенденциях в УрФО.

Проведенный анализ полученных в соответствии с разными методиками оценок экономической безопасности регионов выявил взаимосвязь экономических и социальных показателей, необходимость изучить влияние на нее показателей здоровья населения как важного компонента потенциала человеческого ресурса.

Доказано влияние состояния здоровья населения на накопление человеческого капитала, рост валового регионального продукта, ухудшение данного параметра приводит к экономическим потерям региона [12].

В таблице 2 представлен анализ показателей экономической безопасности и здравоохранения регионов РФ в 2021 г.

Показатели заболеваемости по УрФО в 2021 г. превышают среднероссийский уровень, один из важнейших факторов — сложные климатические условия.

Вместе с тем необходимо учитывать, что потери экономики из-за заболеваемости населения составляют 14 % ВВП в год, соответственно снижаются ВРП на уровне регионов. Экономические потери при росте уровня заболеваемости, смертности населения региона следует рассматривать в многоуровневом аспекте: экономический ущерб в результате заболевания, временной и полной утраты трудоспособности на уровне больного; экономические потери на уровне предприятия; а также в целом на уровне общества [13].

Также превышен по сравнению со среднероссийским уровнем показатель заболеваемости COVID-19 в УрФО. На этот показатель влияет, с одной стороны, наличие крупнейшего транспортного хаба в Уральском федеральном округе, что способствует более быстрому распространению инфекции. С другой стороны, на конец 2021 г. лишь 44 % населения Российской Федерации прошли полный курс вакцинации¹ что не способствовало в полной мере созданию коллективного иммунитета в стране и регионах от новой коронавирусной инфекции.

Вызывает тревогу превышение показателя смертности населения в трудоспособном возрасте

¹ Статистика вакцинации от коронавируса // Информационный портал gogov.ru. URL: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats> (дата обращения 26.01.2023).

в УрФО по сравнению со среднероссийским уровнем, что вызвано в том числе пандемией.

Следует отметить следующие хорошие позиции УрФО (лучше, чем в среднем по России) в 2021 г. по показателям: общий коэффициент рождаемости, коэффициент младенческой смертности, общий коэффициент смертности. Данные показатели достигнуты, в том числе благодаря усилиям системы здравоохранения.

Целесообразно проанализировать возможности улучшения состояния здравоохранения через изменение показателей здравоохранения, их влияние на экономическую безопасность на примере развитого промышленного региона Уральского федерального округа — Свердловской области.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование изменения показателей экономической безопасности и здравоохранения Свердловской области проведены на большом временном лаге — за период 2000–2021 гг. (табл. 3).

За период 2000–2021 гг. улучшилось состояние экономической безопасности — переход из кризисного в предкризисное состояние.

Отмечается уменьшение естественной убыли населения на 9,3 %, в то же время рост смертности населения: от некоторых инфекционных и паразитарных болезней — на 17,6 %, что связано, в первую очередь с пандемией COVID-19; от новообразований — на 1,8 %, в том числе по причине старения населения.

Достигнуты значительные сокращения показателей смертности населения: от болезней системы кровообращения — на 30 %; от болезней органов дыхания — в 2,3 раза; от внешних причин — в 2,2 раза; снижение младенческой смертности в 3,75 раза.

Согласно международным критериям, резервы сокращения общей смертности российского населения, обусловленные эффективностью медицины и здравоохранения, составляют 12,9 % у мужчин и 20,6 % — у женщин в возрасте до 65 лет [14].

Успехи в деле сокращения смертности населения от болезней системы кровообращения в Свердловской области обусловлены комплексным внедрением медицинских, организационных, информационных инноваций, в том числе благодаря созданию реабилитационной службы в составе первичных сосудистых отделений, специализированных отделений, загородных реабилитационных клиник, организации АНО «Клинический институт мозга», единственной в России клиники, зарегистрированной в европейском реестре телемедицинских сетей, аккредитован-

ной как европейский образовательный центр¹. Ежегодно в центре проводится около 10 тысяч консультаций по проблемам нейрореабилитации самых тяжелых пациентов всей страны, что определило лидерство Свердловской области в организации реабилитационной помощи после инсульта среди регионов России в 2016 г. [15].

Высокие показатели младенческой смертности в 2000 г., неудовлетворенность населения качеством медицинской помощи детям в Свердловской области в условиях сокращения рождаемости потребовали принятия ряда важных организационных мер в службе охраны детства и родовспоможения на уровне органов власти, Министерства здравоохранения Свердловской области. Внедрение региональной программы по развитию детского здравоохранения², трехуровневой системы оказания медицинской помощи, сплошного мониторинга всех беременных женщин Свердловской области в автоматизированной системе «Региональный акушерский мониторинг» и др. способствовали значительному сокращению показателей младенческой смертности, а также заболеваемости, травматизма детей и подростков, больничной летальности детского населения [16].

Необходимо особо пристальное внимание уделить созданию эффективных механизмов профилактики рака, повышению качества лечения, снижения смертности, в том числе трудоспособного населения, так как в нашей стране экономические потери из-за преждевременных смертей от онкологических заболеваний ежегодно составляют более 1,0 % ВВП [17].

Произведены расчеты, показывающие, что в результате прогрессивных преобразований в онкологической службе Свердловской области (открыты Центр ядерной медицины, Протонный центр, создан биобанк из проб крови для повышения эффективности скрининговых методов для диагностики социально-значимых заболеваний, внедряются медицинские инновации: клеточные биотехнологии, таргетная терапия, иммунотерапия и др.) только за период с 2013 по 2017 гг. получен показатель экономического эффекта в размере 116,6 млн рублей за счет снижения потерь от смертности и увеличения вклада в ВРП трудового потенциала населения региона [12].

¹ Параметры системы медицинской реабилитации в Свердловской области. URL: <https://medbook.ru/news/30248> (дата обращения 01.02.2023).

² URL: https://static-1.rosminzdrav.ru/system/Attachments/Attaches/000/045/395/Original/Свердловск_рег_прог_детздрав.pdf?1561646513 (дата обращения: 01.03.2022).

Таблица 2
Table 2

Анализ показателей экономической безопасности (ЭБ) и показателей здравоохранения регионов РФ за 2021 год
Analysis of indicators of economic security (ES) and healthcare indicators of the regions of the Russian Federation for 2021

Субъекты РФ	Показатели ЭБ		Заболеемость на 1000 чел. населения (зарегистрировано с диагнозом, установленным впервые в жизни)	Заболеемость COVID-19 на 1000 чел. населения (зарегистрировано с диагнозом, установленным впервые в жизни)	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел. населения)	Коэффициенты младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)	Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 чел. населения)	Смертность населения в трудоспособном возрасте (число умерших на 100 000 чел. соответствующего возраста)
	Нормализованное значение	Оценка состояния ЭБ						
Российская Федерация			857,1	81,0	9,6	4,6	16,7	604,6
Центральный федеральный округ	0,684	ПК3	792,6	89,9	8,9	4,0	17,5	586,9
Северо-Западный федеральный округ	0,557	ПК2	1 030,4	106,4	8,8	4,2	17,0	616,8
Южный федеральный округ	0,822	ПК3	753,8	64,0	9,4	5,1	17,7	583,6
Северо-Кавказский федеральный округ	1,156	К1	688,9	39,7	13,1	6,4	9,8	319,9
Приволжский федеральный округ	0,643	ПК2	907,6	76,7	9,1	4,4	17,9	650,4
Уральский федеральный округ	0,858	ПК3	944,7	97,0	10,5	4,0	15,7	622,9
Сибирский федеральный округ	0,932	ПК3	909,5	79,4	9,7	5,1	17,2	694,8
Дальневосточный федеральный округ	1,166	К1	838,6	73,1	10,6	5,0	15,5	694,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 27.01.2023)

Таблица 3
Table 3

Анализ экономической безопасности и показателей здравоохранения по Свердловской области за 2000–2021 гг.
Analysis of economic security and health indicators in the Sverdlovsk region for 2000–2021

Показатели Свердловской области	Показатели ЭБ		Рождаемость, смертность и естественный прирост населения			Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти (умершие на 100 000 человек населения)					Младенческая смертность (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)
	Нормализованное значение	Оценка ЭБ	Родившихся	Умерших	Естественный прирост (убыль)	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Внешние причины смерти	
2000 г.	1,301	К1	38372	75579	-37207	32,9	208,6	903,4	83,6	268,2	15,0
2021 г.	0,698	ПК3	42992	76765	-33773	38,7	212,4	694,6	36,1	119,7	4,0

Источник: Свердловская область в 2017–2021 гг. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Официальные статистические публикации. URL: <https://sverdlgks.ru/folder/36989> (дата обращения 30.01.2023).

А. Г. Аганбегян [18] в своих исследованиях на примере реализации национальной программы «Здоровье», только за период 2006–2014 гг. позволившей достигнуть сокращения смертности трудоспособного населения с 740,0 до 435,0 тыс. человек, доказывает корреляционную зависимость между увеличением активной части населения в трудоспособном возрасте и возможностью повышения производительности труда в 2,5–3 раза в предстоящие 15 лет.

Сохранение трудоспособного населения региона во многом зависит от профилактики заболеваний, в том числе травматизма: ученые Института экономики Уральского отделения РАН рассчитали экономический ущерб от преждевременной смертности трудоспособного населения от травм по Свердловской области в 2000 г., который составил 14 млрд рублей [19].

Профилактическая медицина доказывает свою высокую медицинскую, социальную и экономическую эффективность, отдача на каждый вложенный рубль — 1:8 [20].

В показатели снижения потерь в Свердловской области от заболеваемости на производстве, от травматизма, в том числе производственного, большой вклад внесли предупредительные меры Свердловского регионального Фонда социального страхования Российской Федерации [21], а также созданная в этот период система профилактики травматизма [22].

Результаты проведенных исследований представлены в таблице 4, в которой отражены только некоторые направления деятельности системы здравоохранения, Свердловского регионального Фонда социального страхования по сохранению населения региона, в том числе трудоспособного. Только за период с 2008 по 2018 гг. экономический эффект от снижения потерь по смертности трудоспособного населения составил 5,7 млрд рублей, в том числе от снижения потерь по смертности от травматизма — 3,5 млрд рублей, что свидетельствует об успехах профилактических мероприятий Свердловской области [12]. В целом за период с 2000 по 2021 гг. смертность населения от

внешних причин уменьшилась в 2,2 раза; ВРП за этот период вырос в 17,2 раза¹.

Полученные результаты на примере Свердловской области показывают влияние улучшения показателей здравоохранения на повышение экономической безопасности региона и позволяют сформировать комплексную систему мероприятий в сфере здравоохранения, включающую:

- дальнейшее развитие государственных и региональных программ в сфере здравоохранения;
- диспансеризацию, профилактические осмотры населения с целью раннего выявления заболеваний и сокращения последующих потерь;
- ЗОЖ — эффективен как для населения, так и для работодателей и общества в целом;
- профилактику заболеваемости, в том числе во вредных условиях производства; инвалидности, смертности населения, в том числе от травматизма;
- повышение качества оказания медицинской помощи населению, в том числе в службе охраны детства и родовспоможения;
- внедрение медицинских, организационных, информационных инноваций в медицине, способствующих повышению эффективности отрасли.

Зарубежные исследователи В. К. Омачону, Н. Г. Эйнспрух, исследуя влияние инноваций на показатели деятельности здравоохранения, показывают возможности повышения эффективности отрасли за счет внедрения диагностических и медицинских новаций, способствующих сокращению смертности, увеличению продолжительности и качества жизни населения страны [23].

Проведенные исследования в сфере здравоохранения Свердловской области показывают вклад различных видов инноваций в сохранение населения региона, в том числе трудоспособного.

¹ URL: https://static-1.rosminzdrav.ru/system/Attachments/Attaches/000/045/395/Original/Свердловск_рег_прог_детздрав.pdf?1561646513 (дата обращения: 01.03.2022).

Таблица 4
Table 4

Динамика изменений показателей экономической безопасности и здравоохранения Свердловской области за 2000–2021 гг.
Dynamics of changes in indicators of economic security and healthcare of the Sverdlovsk region for 2000–2021

Показатели Свердловской области	Показатели ЭБ		Профилактические мероприятия в сфере здравоохранения Свердловской области		
	Нормализованное значение	Оценка состояния ЭБ	Профосмотры населения	Система профилактики травматизма (данные за 2000–2021 гг.)	Нейтрализация вредных факторов, оказывающих негативное воздействие на здоровье населения (данные за 2008–2018 гг.)
2000 г.	1,301	K1	С 2013 года в Свердловской области возобновлены на современном уровне массовые профилактические скрининги здоровья	Создание инновационной технологической модели развития травматологической службы. Внедрение системы профилактики дорожно-транспортного, производственного и др. видов травматизма, их последствий. Реализация целевых программ, в т. ч. «Травматология», «Реабилитация больных травматологического профиля», «Инвалид» совместно с Министерством социальной защиты для решения проблем медицинской реабилитации пострадавших от травм и др. [22]	Экологические Вредные условия труда Производственный травматизм
Результаты			В динамике за 2008–2018 гг. рост числа прошедших профосмотры: взрослых — на 26 %, подростков — на 70 %	В 2018 г. по сравнению с 2008 г. экономический эффект от снижения потерь по смертности трудоспособного населения составил 5,7 млрд рублей, в том числе экономический эффект от снижения потерь по смертности от травматизма — 3,5 млрд. рублей [12]. В целом за период с 2000 по 2021 гг. смертность населения от внешних причин	Экологические Вредные условия труда
				В 2018 г. по сравнению с 2008 г. экономический эффект от снижения потерь по смертности трудоспособного населения составил 5,7 млрд рублей, в том числе экономический эффект от снижения потерь по смертности от травматизма — 3,5 млрд. рублей [12]. В целом за период с 2000 по 2021 гг. смертность населения от внешних причин	Снижение забора воды из природных водных объектов для использования на 41 %. Сокращение сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты на 36 %. Сокращение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников на 34 % [7]. Рост расходов на мероприятия по охране труда в 1,9 раза. Сокращение числа лиц с установленным профессиональным заболеванием на 78 %

Окончание таблицы 4
Table 4 (end)

Показатели Свердловской области	Показатели ЭБ		Профилактические мероприятия в сфере здравоохранения Свердловской области		
	Нормализованное значение	Оценка состояния ЭБ	Профосмотры населения	Система профилактики травматизма (данные за 2000–2021 гг.)	Нейтрализация вредных факторов, оказывающих негативное воздействие на здоровье населения (данные за 2008–2018 гг.)
				уменьшилась в 2,2 раза; ВРП за этот период вырос в 17,2 раза	Производственный травматизм Сокращение числа пострадавших при несчастных случаях на производстве на 62 %, в том числе со смертельным исходом на 60 %. Сокращение числа человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве на 60 % [21].
2021 г.	0,698	ПКЗ			

Источники: 1. Здравоохранение в Свердловской области, 2018: статистический сборник. Екатеринбург, 2019. 2. URL: <https://gosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2023).

Выводы

В рамках проведенного исследования по оценке экономической безопасности региона выявлена высокая изменчивость экономических и социальных показателей, в том числе показателей здравоохранения. Улучшение медико-демографических показателей, а также показателей здравоохранения на примере Свердловской области показывает возможности их достижения благодаря усилиям системы здравоохранения, государственной поддержке, активному внедрению нововведений.

Учитывая, что в соответствии с разными методиками во всех регионах России состояние эконо-

мической безопасности не соответствует в полной мере нормативным показателям, в том числе с точки зрения обеспечения экономических интересов населения, целесообразно использование на уровне субъектов РФ предложенной комплексной системы мероприятий в сфере здравоохранения. Авторский подход позволяет прогнозировать возможности улучшения состояния здравоохранения, что, благодаря сокращению смертности и инвалидности населения трудоспособного возраста, участвующего в формировании ВРП, будет способствовать повышению экономической безопасности регионов.

Список источников

1. Инновационное импортозамещение как драйвер экономической безопасности региона / под науч. ред. И. М. Головой, Н. В. Кривенко. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. 248 с.
2. Петти В. Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики: в 2-х т. М. : МП «ЭКО-НОВ», 1991. Т. I. С. 24–25.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007. 956 с.
4. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. Экономические софизмы. Экономические гармонии / сост., вступ. статья, коммент. М. К. Бункина, А. М. Семенов. М. : Дело, 2000. 229 с.
5. Шторх А. К. Курс политической экономии, или Изложение начал обуславливающих народное благоденствие; Размышления о природе национального дохода. М. : Эконом. газ., 2008. 1116 с.
6. Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления / под ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. 644 с.
7. Krivenko Natalya, Epaneshnikova Daria. Aspects of healthcare efficiency in the framework of ensuring the longevity of the population and socio-demographic security of the region. BIO web of conferences. 2020. Vol. 22, no 01010. P. 1-9. doi: 10.1051/bioconf/20202201010.
8. Феофилова Т. Ю., Хохлов И. Н. Концепция безопасного развития регионов: формирование понятийного аппарата // Экономика и управление. 2010. № (58). С. 49–52.
9. Кривенцова Л. А. Гарантия получения дохода как компонента экономической безопасности региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. № 4 (68). doi: 10.24412/1999-2645-2021-468-3.
10. Кривенцова Л. А. Оценка экономической безопасности региона на рынке труда // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6(2). С. 270–276. doi: 10.17513/vaael.2276
11. Экономическая безопасность Свердловской области / под науч. ред. Г. А. Ковалевой, А. А. Кукулина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 455 с.
12. Эффективность системы здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития регионов / под науч. ред. д. э. н. Н. В. Кривенко. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2020. 235 с.
13. Экономика здравоохранения : учеб. пособие / под ред. А. В. Решетникова. 2-е изд. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. 272 с.
14. Иванова А. Е., Семёнова В. Г., Сабгайда Т. П. Резервы снижения смертности в России, обусловленные эффективностью здравоохранения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 865–878.
15. Кривенко Н. В. Возможности повышения результативности здравоохранения для сохранения человеческого капитала и обеспечения социально-демографической безопасности региона // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17, № 9. С. 1642–1660. doi: 10.24891/ea.17.9.1642.
16. Кривенко Н. В. Направления эффективного взаимодействия субъектов региональной политики в сфере здравоохранения в целях обеспечения экономической безопасности регионов // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 3. С. 354–367. doi: 10.19181/lsprr.2022.18.3.7.

17. Заюков И., Оверчук В., Бурдяк В., Великий Ю. и др. Статистический анализ данных социально-экономических и демографических потерь трудовых ресурсов в Украине // Черногорский экономический журнал. 2020. Т. 16, № 2. С. 179–192.
18. Аганбегян А. Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 4–22.
19. Кривенко Н. В. Проблемы управления организационно-экономическими изменениями в учреждениях здравоохранения. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2012. 371 с.
20. Управление здравоохранением на современном этапе: проблемы, их причины и возможные пути решения / под ред. акад. РАМН В. И. Стародубова и проф. Д. В. Пивеня. М. : Изд. дом «Менеджер здравоохранения», 2007. 128 с.
21. Альшиц Е. А., Кулькова И. А. Результативность предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний // Управленец. 2018. Т. 9, № 2. С. 18–25. doi: 10.29141/2218-5003-2018-9-2-4.
22. Елфимов П., Кузнецова Н., Подлужная М., Рыбин А. Система профилактики травматизма в крупном индустриальном центре и его территориальном образовании // Гений Ортопедии. 2009. № 4. С. 88–90.
23. Omachonu V. K., Einspruch N. G. Innovation in healthcare delivery systems: a conceptual framework // The Innovation Journal: The Public Sector Innovation Journal. 2010. Vol. 15, no. 1. Available at: http://www.innovation.cc/scholarly-style/omachonu_healthcare_3innovate2.pdf

References

1. Golova IM, Krivenko NV. Innovatsionnoye importozameshcheniye kak drayver ekonomicheskoy bezopasnosti regiona = Innovative import substitution as a driver of the economic security of the region. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2022. 248 p.
2. Petty V. Treatise on taxes and fees. In: Antologiya ekonomicheskoy klassiki: v 2 t. = Anthology of economic classics: in 2 vol. Moscow: MP “ECONOV”; 1991. Vol. I. Pp. 24–25. (In Russ.).
3. Smith A. Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov = Research on the nature and causes of the wealth of nations. Moscow: Eksmo; 2007. 956 p. (In Russ.).
4. Say J.-B., Bunkina MK, Semenov AM (comp.) Traktat po politicheskoy ekonomii. Ekonomicheskiye sofizmy. Ekonomicheskiye garmonii = Treatise on political economy. Economic sophistry. Economic harmonies. Moscow: Delo 2000; 229 p. (In Russ.).
5. Storkh AK. Kurs politicheskoy ekonomii, ili Izlozheniye nachal obuslovlivayushchikh narodnoye blagodenstviye; Razmyshleniya o prirode natsional'nogo dokhoda = Course of political economy, or the presentation of the principles that determine national prosperity; Reflections on the nature of the national income. Moscow: Economic Gaz.; 2008. 1116 p. (In Russ.).
6. Lavrikova YuG. Riski i vozmozhnosti razvitiya regionov Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya = Risks and opportunities for the development of Russian regions under sanctions pressure. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2022. 644 p. (In Russ.).
7. Krivenko N, Epaneshnikova D. Aspects of healthcare efficiency in the framework of ensuring the longevity of the population and socio-demographic security of the region. *BIO web of conferences*. 2020;22:1-9. doi: 10.1051/bioconf/20202201010.
8. Feofilova TYu, Khokhlov IN. The concept of safe development of regions: the formation of a conceptual apparatus. *Ekonomika i upravleniye = Economics and Management*. 2010;(8(58):49-52. (In Russ.).
9. Kriventsova LA. Guaranteed receipt of income as a component of the economic security of the region. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal = Regional economy and management: electronic scientific journal*. 2021;(4(68). doi: 10.24412/1999-2645-2021-468-3. (In Russ.).
10. Kriventsova LA. Evaluation of the economic security of the region in the labor market. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;6(2):270-276. doi: 10.17513/vaael.2276. (In Russ.).
11. Kovaleva GA, Kuklin AA (eds.) Ekonomicheskaya bezopasnost' Sverdlovskoy oblasti = Economic security of the Sverdlovsk region. Ekaterinburg: Publishing house of Ural. un-ta; 2003. 455 p. (In Russ.).
12. Krivenko NV (ed.) Effektivnost' sistemy zdravookhraneniya kak faktor ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov = The effectiveness of the health care system as a factor in the sustainable

socio-economic development of regions. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020. 235 p. (In Russ.).

13. Reshetnikov AV (ed.) *Ekonomika zdravookhraneniya = Health Economics*. 2nd ed. Moscow: GEOTAR-Media; 2010. 272 p.

14. Ivanova AE, Semyonova VG., Sabgaida TP. Reserves for reducing mortality in Russia, due to the effectiveness of healthcare. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(9):865-878. (In Russ.).

15. Krivenko NV. Opportunities to improve health outcomes to preserve human capital and ensure the socio-demographic security of the region. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2018;17(9):1642-1660. doi: 10.24891/ea.17.9.1642. (In Russ.).

16. Krivenko NV. Directions for effective interaction of subjects of regional policy in the field of health care in order to ensure the economic security of regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standards of the population of regions of Russia*. 2022;18(3):354-367. doi: 10.19181/lsprr.2022.18.3.7. (In Russ.).

17. Zayukov I, Overchuk V, Burdiak V, Velykyi Yu et al. Statistical Data Analysis of Socio-Economic and Demographic Losses of Labor Resources in Ukraine. *Chernogorskiy ekonomicheskii zhurnal = Montenegrin Journal of Economics*. 2020;16(2):179-192. (In Russ.).

18. Aganbegyan AG. Demographic drama on the way of perspective development of Russia. *Narodonasele-niye = Population*. 2017;3(77):4-22. (In Russ.).

19. Krivenko NV. Problemy upravleniya organizatsionno-ekonomicheskimi izmeneniyami v uchrezhdeniyakh zdravookhraneniya = Problems of managing organizational and economic changes in healthcare institutions. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2012. 371 p. (In Russ.).

20. Starodubov VI (ed.) Problemy upravleniya organizatsionno-ekonomicheskimi izmeneniyami v uchrezhdeniyakh zdravookhraneniya = Health care management at the present stage: problems, their causes and possible solutions. Moscow: Publ. House «Health Manager»; 2007. 128 p. (In Russ.).

21. Alshits EA, Kulkova IA. The effectiveness of preventive measures to reduce industrial injuries and occupational diseases. *Upravlenets = Manager*. 2018;9(2):18-25. doi: 10.29141/2218-5003-2018-9-2-4. (In Russ.).

22. Elfimov P, Kuznetsova N, Podluzhnaya M, Rybin A. Injury prevention system in a large industrial center and its territorial formation. *Geniy Ortopedii = Genius of Orthopedics*. 2009;(4):88-90. (In Russ.).

23. Omachonu VK, Einspruch NG. Innovation in healthcare delivery systems: a conceptual framework. *The Innovation Journal: The Public Sector Innovation Journal*. 2010;15(1). URL: http://www.innovation.cc/scholarly-style/omachonu_healthcare_3innovate2.pdf (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Кривенко — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

N. V. Krivenko — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023;
одобрена после рецензирования 24.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 08.02.2023; approved
after reviewing 24.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 331.5

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ НА РЫНКЕ ТРУДА СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Юнер Шамильевич Капкаев¹, Павел Робертович Кадыров²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ zam@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2816-1992>

² pavel@csu.ru

Аннотация. В условиях стремительно меняющегося мирового порядка, обусловленного перераспределением факторов производства, борьбой за их присвоение, освоение и эффективное использование, вопрос определения места России в мировом разделении труда является приоритетным. Экономические санкции, введенные в отношении экономики России как результат геополитических обострений, сформировали множество новых вызовов. Одним из таких вызовов является обеспечение рациональной занятости населения, создание и поддержание на рынке труда сбалансированного спроса и предложения рабочей силы и применение упреждающего воздействия для недопущения массовой безработицы, что является неотъемлемой составляющей обеспечения национальной безопасности. Цель исследования заключается в анализе отраслевой структуры занятости субъектов Уральского федерального округа, определении профессионально-квалификационного состава рабочей силы и уровня образования в соотношении с динамикой уровня безработицы. Проведен анализ отраслевой структуры занятости субъектов Уральского федерального округа, а также проанализирован ее профессионально-квалификационный состав, уровень образования в соотношении с динамикой уровня безработицы. Выявлено, что численность рабочей силы снижается во всех субъектах УрФО, наибольшая динамика сокращения — в Челябинской и Свердловской областях, а наименьшая — в ХМАО и ЯНАО. Уровень безработицы относительно предыдущего года в УрФО снизился, наибольшие темпы снижения наблюдаются в Челябинской области. Самая высокая численность безработных сохраняется в Свердловской области, а самая низкая — в ХМАО и ЯНАО. Также выявлен высокий уровень участия выпускников с высшим и средним профессиональным образованием в составе рабочей силы субъектов УрФО, но при этом среди выпускников с высшим образованием высокий уровень безработицы в Челябинской области, а минимальный — в Курганской. Среди выпускников со средним специальным образованием картина противоположная, в Свердловской области уровень безработицы самый низкий, а в Курганской области — самый высокий.

Ключевые слова: структурные сдвиги, рынок труда, Уральский Федеральный округ

Для цитирования: Капкаев Ю. Ш., Кадыров П. Р. Структурные сдвиги на рынке труда субъектов Уральского федерального округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 132–143.

Original article

STRUCTURAL SHIFTS IN THE LABOR MARKET OF THE SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Yuner Sh. Kapkaev¹, Pavel R. Kadyrov²

^{1,2} Chelyabinsk State University

¹ zam@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2816-1992>

² pavel@csu.ru

Abstract. In the context of a rapidly changing world order, due to the redistribution of factors of production, the struggle for appropriation, development and their effective use, the issue of determining Russia's place in the global division of labor is a priority. The economic sanctions imposed on the Russian economy as a result of geopolitical exacerbations have created many new challenges. One of these challenges is to ensure rational employment

of the population, create and maintain a balanced demand and supply of labor in the labor market, and apply preemp-tive action to prevent mass unemployment, which is an integral part of ensuring national security. The purpose of the study is to analyze the sectoral structure of employment of the subjects of the Ural Federal District, to determine the professional and qualification composition of the labor force and the level of education in relation to the dynamics of the unemployment rate. The analysis of the sectoral structure of employment of the subjects of the Ural Federal District was carried out, as well as its professional and qualification composition, the level of education in relation to the dynamics of the unemployment rate were analyzed. It was revealed that the number of the labor force is declining in all subjects of the Ural Federal District, the largest reduction dynamics in the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions, and the smallest in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The unemployment rate in the Ural Federal District has decreased relative to the previous year, of which the largest problems are observed in the Chelyabinsk region. The highest number of unemployed remains in the Sverdlovsk region, and the lowest in Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. A high level of participation of graduates with higher and secondary vocational education in the labor force of the subjects of the Ural Federal District was also revealed, but at the same time, among graduates with higher education, there is a high level of unemployment in the Chelyabinsk region, and the minimum in the Kurgan region. Among graduates with a secondary special education, the picture is opposite, in the Sverdlovsk region the unemployment rate is the lowest, and in the Kurgan region the highest.

Keywords: structural shifts, labor market, Ural Federal District

For citation: Капкаев Ю.Ш., Кадиров П.Р. Структурные сдвиги на рынке труда субъектов Уральского федерального округа. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):132-143. (In Russ.).

Введение

Современный мировой порядок, претерпевающий кардинальные трансформационные процессы, придает особую значимость вопросу мирового разделения труда и роли России в нем, что в свою очередь остро актуализирует проблемы развития рынка труда и обеспечения занятости населения как на уровне государства, так и на уровне отдельных территорий. Уровень развития рабочей силы напрямую зависит от социально-экономического развития, темпов роста экономики, притока и оттока инвестиций в отрасли экономики и от количественно-качественных показателей инновационного развития ключевых отраслей экономики. Процессы развития рынка труда и обеспечения занятости населения в России сложны и противоречивы, связано это с множественными факторами, как внутренними, так и внешними. Здесь существуют как специфические закономерности, которые имеют место в разных странах мира с развитой или развивающейся экономикой, так и отдельные специфические закономерности, характерные для нашего государства. По мнению В. И. Бархатова, Ю. Ш. Капкаева, Д. А. Плетнева и Д. С. Бенц, особенностью пространственного развития России является сильная дифференциация территорий по уровню социально-экономического и технологического развития, что в свою очередь сильно влияет на развитие рынка труда и обеспечение занятости населения [1; 3; 4].

Цель данного исследования заключается в анализе отраслевой структуры занятости субъектов

Уральского федерального округа, определении профессионально-квалификационного состава рабочей силы и уровня образования в соотношении с динамикой уровня безработицы.

Материалы и методы исследования

В качестве методического аппарата исследования использовались методы социально-экономического анализа, анализ нормативно-правовой базы, системный, статистический, структурно-функциональный и сравнительно-аналитический метод.

Рынок труда как специфическая сфера деятельности, в которой происходит формирование спроса и предложения на рабочую силу и впоследствии формируются механизмы, обеспечивающие рациональное их взаимодействие и более эффективное ее приложение для формирования повышенной добавленной стоимости, исторически давно является объектом научного исследования [15].

Систематизировав учения разного времени о рынке труда и безработице, можно понять источники возникновения современных проблем рынка труда и безработицы, а также сформулировать направления решения этих проблем.

Согласно неоклассическому подходу (А. Маршалл, Дж. Пери, А. Пигу, Р. Холл и др.) и концепции экономики предложения (Д. Гидлер, А. Лафер и др.), рынок труда действует на основе ценового равновесия, т. е. регулятором рынка является цена рабочей силы (заработная плата), которая регулирует спрос и предложение рабочей силы.

Если спрос превышает предложение, работники предлагают свои услуги за более высокие ставки заработной платы, и работодатели вынуждены платить заработную плату выше рыночной. Таким образом устанавливается равновесие. И наоборот, если предложение превышает спрос, возникает безработица. В этом случае работодатели нанимают работников по более низким ставкам заработной платы, на рынке устанавливается равновесие [14].

Согласно кейнсианскому подходу (Дж. М. Кейнс и др.), рынок труда характеризуется постоянным равновесием. Основным регулятором рынка труда является государство, которое влияет на совокупный спрос как на товары и услуги, так и на труд. Цена не является регулятором рынка труда. По мнению представителей данного подхода, безработица есть снижение совокупного спроса, в отличие от неоклассиков, которые связывают это явление с чрезмерным удорожанием рабочей силы [13].

Представители монетаризма (М. Фридман, Ф. Махлуп, Л. Роббинс и др.) считают, что достижение рыночной стабильности и равновесия возможно в условиях свободной конкуренции на рынке с гибкими ценами и заработной платой, без вмешательства государства и профсоюзов. Уравновешиванию рынка может способствовать использование механизма денежно-кредитной политики (учетная ставка центрального банка, размеры обязательных резервов коммерческих банков) и стабилизационных программ [2].

Согласно институционалистскому подходу, характер рынка труда объясняется особенностями динамики отдельных отраслей и профессионально-демографических групп. Внимание концентрируется не на макроэкономическом анализе рынка труда, а на анализе профессиональных и отраслевых различий в структуре рабочей силы; в уровне заработной платы [12].

Согласно марксистской теории, рынок труда хотя и функционирует согласно общим рыночным закономерностям, но имеет особенности. Прежде всего это проявляется в том, что товар «рабочая сила» в процессе труда создает стоимость, а стоимость всех других ресурсов лишь переносится на новую стоимость трудом. Кроме того, рабочая сила как товар влияет на соотношение спроса и предложения и на свою рыночную цену. С точки зрения изучения механизма рынка труда наиболее важным является то, что каждая из названных теорий рынка основным моментом регулирования всех экономических процессов,

в том числе на рынке труда, признает финансовую политику [8].

Научно-технический прогресс не стоит на месте; в глобальном масштабе мировая экономика развивается, какие-то страны — опережающими темпами, какие-то — не так быстро, но в целом как мировая экономика, так и экономики национальные сменяют циклы экономического развития и переходят на новый уровень, но проблемы рынка труда своей актуальности не утрачивают. Рынок труда функционирует посредством обеспечения занятости экономически активного населения, укомплектование предприятий различных отраслей экономики работниками необходимой численности, качества и уровня квалификации, обеспечения и поддержания конкурентных отношений участников рынка труда [9].

Регулирование рынка труда и обеспечение занятости населения в России осуществляется путем реализации финансово-кредитной, налоговой, инвестиционной и социальной политики государства. Указанные направления государственной политики направлены на рациональное размещение производительных сил на территории государства, обеспечение высокого уровня мобильности трудовых ресурсов, повышение уровня квалификации экономически активного населения, что, по мнению А. Гадоева, должно способствовать увеличению рабочих мест и улучшению условий труда [7].

Вертикальную структуру реализации перечисленных выше направлений государственной политики можно подразделить на три уровня: федеральный, уровень субъектов, муниципальный (местный).

Анализ системы регулирования рынка труда и обеспечения занятости населения на всех ее уровнях позволяет выделить ряд негативных тенденций на региональных рынках труда, в частности [10]:

- негативные воздействия на рынок труда последствий пандемии COVID-19;
- санкционное давление на экономику России со стороны стран Запада;
- частичная мобилизация населения в рамках специальной военной операции на Украине в 2022 г.;
- снижение численности экономически активного населения в субъектах федерации, что повлекло сокращение предложения рабочей силы на региональных рынках труда;
- диспропорции в уровне профессионально-квалификационных характеристик рабочей силы на региональных рынках труда.

Результаты исследования

На 1 января 2023 года в УрФО проживает 12 255 848 человек (8,3 % населения страны), в том числе в Свердловской области — 4 239 311, в Челябинской — 3 406 371, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре — 1 729 472, Тюменской области — 1 607 274, Курганской области — 761 546, Ямало-Ненецком автономном округе — 511 874 человек. Плотность населения составляет 6,76 человек на кв. километр.

В качестве базовых показателей, по которым проводился анализ, были выделены: численность

рабочей силы в возрасте 15–72 лет по субъектам УрФО, уровень участия в рабочей силе населения в возрасте 15–72 лет по субъектам УрФО, уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет по субъектам УрФО, участие в рабочей силе выпускников образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, имеющих высшее образование, среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена и по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих по субъектам УрФО в 2021 г.

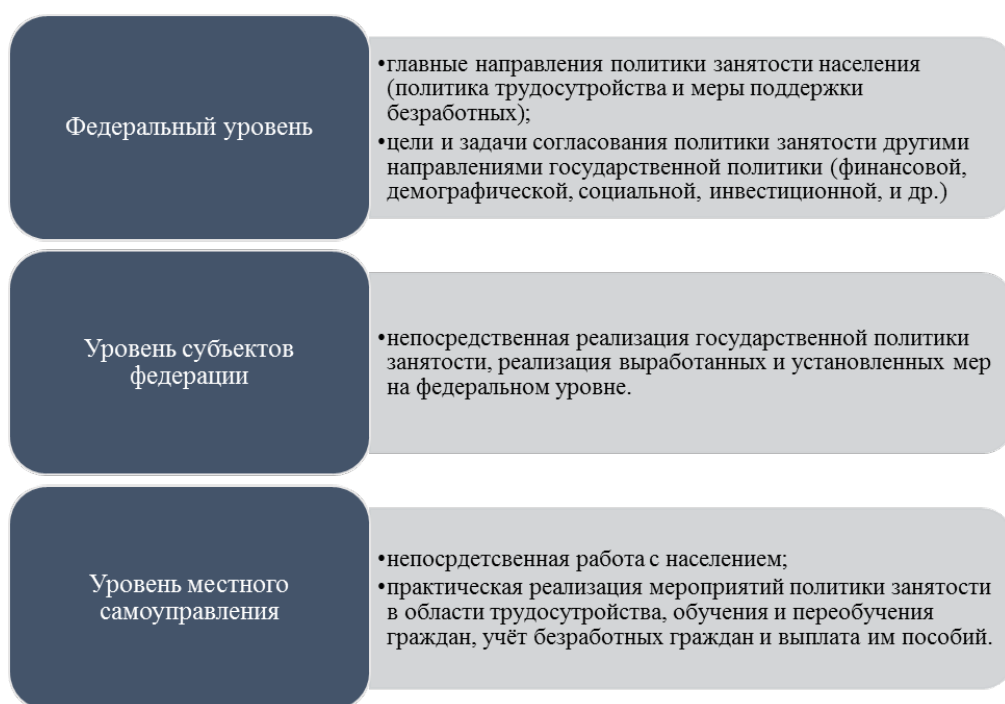

Рис. 1. Вертикальная структура реализации государственной политики занятости населения

Fig. 1. The vertical structure of the implementation of the state employment policy

Рис. 2. Динамика численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет по субъектам УрФО в период 2010–2022 гг., тыс. человек

Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 2. Dynamics of the number of labor force aged 15–72 years by the subjects of the Ural Federal District in the period 2010–2022, thousand people

Source: <https://rosstat.gov.ru>

В Уральском федеральном округе численность рабочей силы сократилась на 1,8 % к уровню 2021 г., а доля в целом федерального округа по отношению к другим федеральным округам по данному показателю составляет 8,3 %. Основная

часть сокращения в УрФО произошла всего в двух субъектах, а именно в Челябинской области –3,7 % и Свердловской области –1,6 %. Остальное снижение численности рабочей силы распределилось в четырех прочих субъектах УрФО.

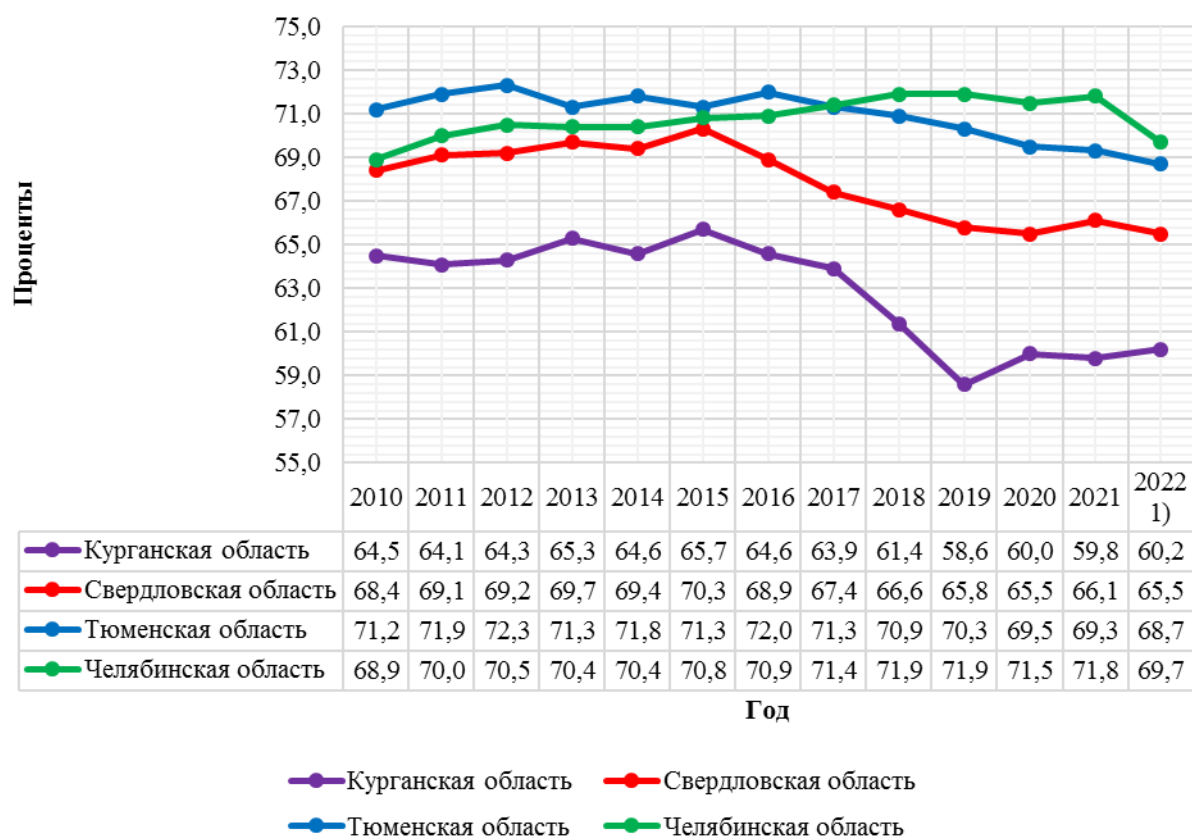

Рис. 3. Динамика уровня участия в рабочей силе населения в возрасте 15–72 лет по субъектам УрФО в период 2010–2022 гг., в процентах
Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 3. Dynamics of the level of participation in the labor force of the population aged 15–72 years by the subjects of the Ural Federal District in the period 2010–2022, in percent
Source: <https://rosstat.gov.ru>

В регионах УрФО численность занятых осталась на уровне 2021 г., лишь в Курганской области отмечен рост 1,2 %, который обусловлен увеличением занятости в таких видах экономической деятельности, как:

- добыча полезных ископаемых (на 4,5 %);
- обрабатывающие производства (на 2,4 %);
- деятельность профессиональная научная и техническая (на 2,2 %);
- деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (на 1,7 %).

В Челябинской области по сравнению с 2021 г. наиболее значительное сокращение занятых как по численности, так и по темпам произошло в таких отраслях, как:

- операции с недвижимостью (15,9 %);

- финансовая и страховая деятельность (5,8 %);
- государственное управление и обеспечение военной безопасности (5,8 % и 3,8 %);
- обрабатывающее производство (0,7 %);
- информация и связь (4,7 %);
- сфера гостеприимства и общепита (10,3 %);
- сфера предоставления прочих услуг (13,8 %).

Вместе с тем выросла занятость в других отраслях экономики области.

Например, в административной деятельности и сопутствующих услугах за 2022 г. численность занятых увеличилась на 20,1 % относительно 2021 г., а в электроэнергетике — на 10,8 %. Тем не менее, отмеченное увеличение не компенсирует произошедшего сокращения численности занятых в целом для экономики региона.

Рис. 4. Динамика среднесписочной численности работников по полному кругу организаций Челябинской области по видам экономической деятельности, декабрь 2022 г. к декабрю 2021 г., в процентах
Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 4. Dynamics of the average number of employees in the full range of organizations of the Chelyabinsk region by type of economic activity, December 2022 to December 2021, in percent
Source: <https://rosstat.gov.ru>

В Свердловской области в отраслевом разрезе наиболее пострадавшими с точки зрения сокращения численности занятых оказались сферы:

- оптовой и розничной торговли (–19,2 %);
- деятельности в области информации и связи (–7,2 %);
- деятельности по операциям с недвижимым имуществом (–6,5 %).

Наряду с сокращением в одних видах экономической деятельности произошел рост в других, в частности:

- в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (15,8 %);
- деятельности административной и сопутствующих дополнительных услуг (4,7 %);
- научных исследованиях и разработках (2,5 %);
- деятельности в области культуры, спорта и организации досуга и развлечений (2,1 %);
- обрабатывающих производствах (0,9 %).

Однако так же, как и в Челябинской области, данное увеличение не компенсировало потерь в численности занятых в целом по региону.

Рис. 5. Динамика среднесписочной численности работников по полному кругу организаций Свердловской области по видам экономической деятельности, декабрь 2022 г. к декабрю 2021 г., в процентах
 Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 5. Dynamics of the average number of employees for the full range of organizations in the Sverdlovsk region by type of economic activity, December 2022 to December 2021, in percent
 Source: <https://rosstat.gov.ru>

Также стоит отметить, что сокращение численности занятых негативно отразилось на ее возрастной структуре, поскольку сокращение рабочей силы шло в основном за счет молодежи в возрастной группе 20–29 лет. Численность молодежи в составе занятого населения относительно 2021 г. снизилась в большей степени в Свердловской и в Челябинской областях. В Курганской области и в ЯНАО численность молодежи в составе занятого населения осталась на уровне 2021 г.

В 2022 г. наблюдалась тенденция к снижению безработицы как в целом по России, так и в субъектах УрФО. Относительно предыдущего года численность безработных в УрФО снизилась, причем наибольшие темпы снижения наблю-

даются в Челябинской области. Самая высокая численность безработных сохраняется в Свердловской области, а самая низкая — в ЯНАО.

За истекший год уровень безработицы в УрФО снизился. В региональном разрезе наблюдается сильная дифференциация по уровню безработицы. Максимальное значение отмечается в Курганской области, а минимальное — в Ямало-Ненецком автономном округе. Самые высокие темпы снижения уровня безработицы наблюдаются в Челябинской и Курганской областях.

Также важной составляющей развития регионального рынка труда является учет участия в рабочей силе выпускников образовательных организаций [11].

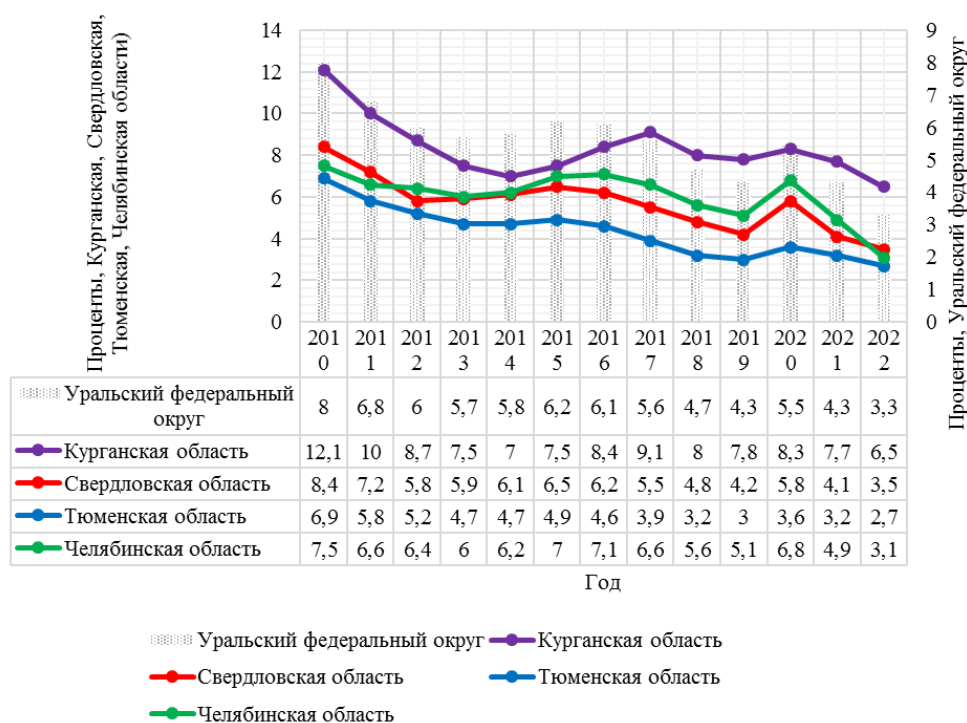

Рис. 6. Динамика уровня безработицы населения в возрасте 15–72 лет по субъектам УрФО в период 2010–2022 г., в процентах

Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 6. Dynamics of the unemployment rate of the population aged 15–72 years by the subjects of the Ural Federal District in the period 2010–2022, in percent

Source: <https://rosstat.gov.ru>

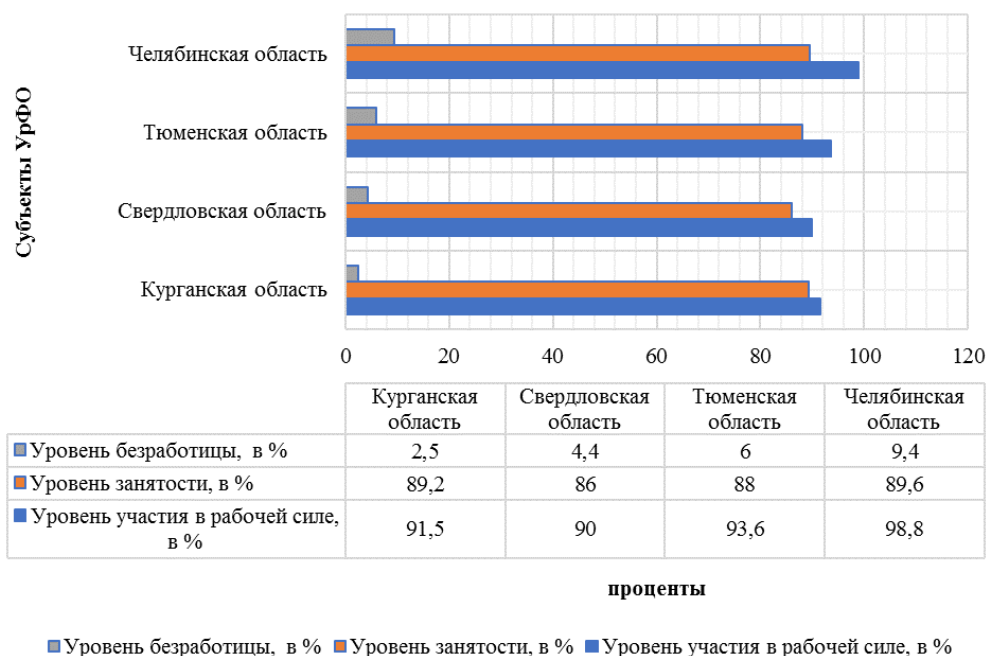

Рис. 7. Участие в рабочей силе выпускников образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, имеющих высшее образование, по субъектам УрФО в 2021 г., в процентах

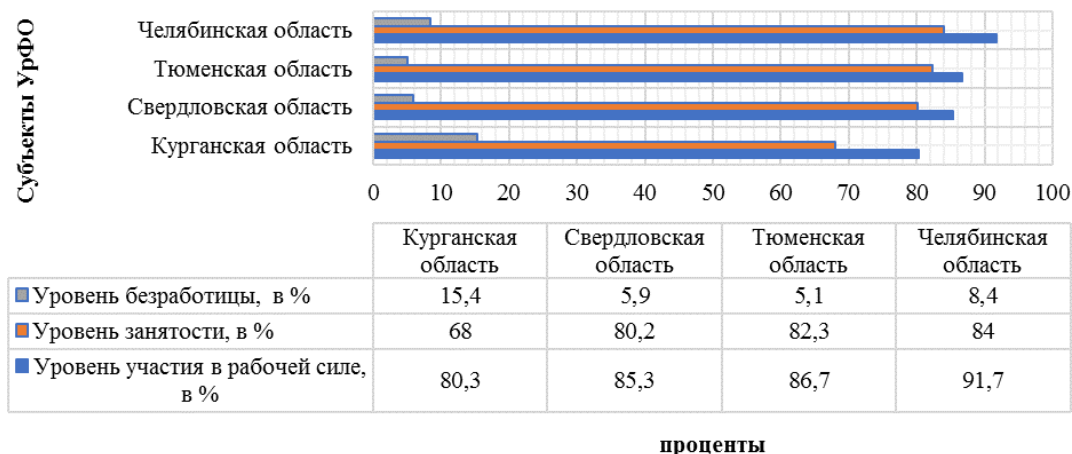
Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 7. Participation in the labor force of graduates of educational organizations 2016–2020 graduates with higher education, by subjects of the Ural Federal District in 2021, in percent

Source: <https://rosstat.gov.ru>

По данному показателю можно сказать, что уровень участия выпускников с высшим образованием в рабочей силе и уровень занятости по всем субъектам УрФО достаточно высокий, но есть существенная дифференциация по уровню

безработицы среди них. Так, самый высокий показатель по уровню безработицы среди выпускников с высшим образованием наблюдается в Челябинской области, а самый низкий — в Курганской области.

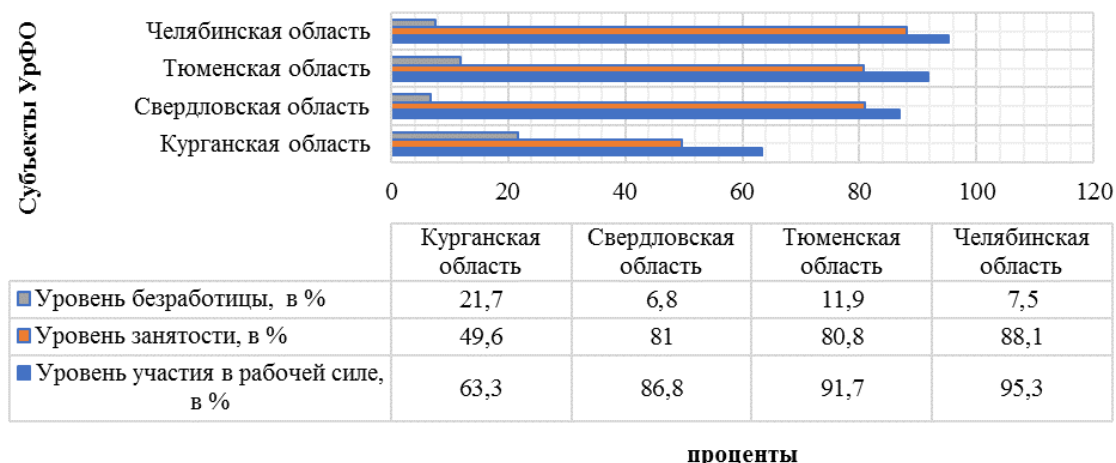

■ Уровень безработицы, в % ■ Уровень занятости, в % ■ Уровень участия в рабочей силе, в %

Рис. 8. Участие в рабочей силе выпускников образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, имеющих образование по программам подготовки специалистов среднего звена, по субъектам УрФО в 2021 г., в процентах

Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 8. Participation in the labor force of graduates of educational organizations 2016–2020 graduates with training programs for mid-level specialists, by subjects of the Ural Federal District in 2021, in percent
Source: <https://rosstat.gov.ru>

■ Уровень безработицы, в % ■ Уровень занятости, в % ■ Уровень участия в рабочей силе, в %

Рис. 9. Участие в рабочей силе выпускников образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, имеющих среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, по субъектам УрФО в 2021 г., в процентах

Источник: <https://rosstat.gov.ru>

Fig. 9. Participation in the labor force of graduates of educational organizations 2016–2020 graduates with secondary vocational education in training programs for skilled workers, employees, by subjects of the Ural Federal District in 2021, in percent
Source: <https://rosstat.gov.ru>

По показателям участия в рабочей силе выпускников образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, имеющих среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена и программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, видно, что уровень участия в рабочей силе и занятости выпускников, имеющих среднее профессиональное образование, максимально высокий в Челябинской и Тюменской областях, и вместе с ним — достаточно низкий уровень безработицы. В то же время достаточно высокий уровень безработицы среди выпускников, имеющих среднее профессиональное образование, наблюдается в Курганской и Свердловской областях.

Выводы

Ситуация на рынке труда Уральского федерального округа в 2022 г. определялась общей ситуацией в экономике страны и обостренной геополитической обстановкой в мире. Стремительные трансформационные процессы структуры российской экономики, снижение положительной динамики по многим отраслям экономики, разворот экономики на внутренний рынок, активный поиск и попытки освоения новых рынков сбыта обусловили некоторые негативные тренды на региональных рынках труда Уральского федерального округа [5; 6].

Под влиянием негативных факторов, обусловленных воздействием на рынок труда последствий пандемии COVID-19, продолжающегося процесса ввода экономических санкций в отношении России, частичной мобилизации населения в рамках специальной военной операции на Украине в сентябре 2022 г., произошло снижение числа экономически активного населения в субъектах УрФО, а это, в свою очередь, привело к сокращению предложения рабочей силы на рынке труда УрФО.

Так, численность рабочей силы в УрФО в целом сократилась на 1,8 % к уровню 2021 г., основная часть сокращения произошла в самых крупных регионах УрФО — Челябинской и Свердловской областях. Сокращение числа занятых негативно отразилось на ее возрастной структуре, поскольку уровень рабочей силы сокращался в подавля-

ющем большинстве за счет молодого мужского населения в возрасте 20–29 лет. По сокращению числа молодежи в составе рабочей силы лидируют также Челябинская и Свердловская области.

Сокращение численности рабочей силы, в свою очередь, повлияло на снижение численности безработных и позволило возвратиться к допандемийному уровню, что является, несомненно, положительной тенденцией. Так, относительно предыдущего года численность безработных в УрФО снизилась; наибольшие темпы снижения наблюдаются в Челябинской области. Самая высокая численность безработных сохраняется в Свердловской области, а самая низкая — в ЯНАО.

Но здесь нужно понимать, что сокращение занятости негативно влияет на развитие экономики и снижает уровень жизни населения. Самыми пострадавшими стали индустриально развитые Челябинская и Свердловская области с большой долей обрабатывающих производств, ориентированных на экспорт, и развитой сферой торговли.

Также был выявлен высокий уровень участия выпускников с высшим и средним профессиональным образованием в составе рабочей силы субъектов УрФО, но при этом среди выпускников с высшим образованием максимальный уровень безработицы — в Челябинской области, а минимальный — в Курганской. Среди выпускников со средним специальным образованием картина противоположная: в Свердловской области уровень безработицы самый низкий, а в Курганской области — самый высокий.

Для выхода из этой ситуации потребуется время, но уже многое предпринимается как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов региона; разработаны комплексные меры поддержки экономики, активно реализуются программы импортозамещения и др. Кроме мер, разработанных на национальном уровне, каждый регион в УрФО разработал собственный комплекс мер, направленных на восстановление численности занятого населения. Разработанные мероприятия учитывают особенности ситуации на региональных рынках труда и обеспечивают дополнительные возможности в сфере занятости для жителей уральских регионов.

Список литературы

1. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Жизнь как служение: к юбилею Учителя : собрание сочинений к 75-летию В. И. Бархатова. В 4 т. Челябинск : Челябинский гос. ун-т. 2021. Т. 1. Ч. 2. С. 169–196. doi 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83.

2. Бечиева М. Ш., Довтаев С.-А. Ш. Понятие безработицы в теориях основных экономических школ (от классической политэкономии до монетаристов) // 6 Ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета. Грозный : Чеченский гос. ун-т. 2017. С. 53–56.
3. Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). С. 56–71. doi 10.47475/1994-2796-2022-10406.
4. Бенц Д. С. О пространственном развитии территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 10–15. doi 10.47475/1994-2796-2021-11202.
5. Бенц Д. С. О синхронизации экономик Свердловской и Челябинской областей // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). С. 244–253. doi 10.47475/1994-2796-2020-11129.
6. Бенц Д. С. Долгосрочные факторы экономического роста регионов Урала // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 115–121. doi 10.47475/1994-2796-2020-11013.
7. Гадов А. Рынок труда: содержание и формы проявления рынка труда в современных условиях // Вестник Технологического университета Таджикистана. 2019. № 4 (39). С. 89–99.
8. Гибало Н. П. Экономическая мысль в ретроспективе. М-во образования и науки РФ, Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. Тамбов [и др.] : Нобелистика, 2004. 20 с. ISBN 5-86609-025-2.
9. Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Трансфер инновационного потенциала человеческого капитала // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12 (470). С. 25–32. doi 10.47475/1994-2796-2022-11204.
10. Капелюшников Р. И., Ощепков А. Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 66–92.
11. Лаврентьева И. В., Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Трансформация модели воспроизводства человеческих ресурсов в современных реалиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 18–27. doi 10.47475/1994-2796-2022-11103.
12. Минушов И. А., Агафонова М. С. Концепции экономической теории научными школами двадцатого века // Международный студенческий научный вестник. 2014. № 1. С. 22.
13. Рощина, И. В. Экономические учения и их вклад в формирование представлений о рынке труда // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 10-1. С. 91–100.
14. Увайсаева А. Г., Тепсуркаев И. А. Особенности функционирования рынка труда: неоклассический подход экономической теории // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6 (119). С. 287–292. doi 10.34925/EIP.2020.119.6.058.
15. Замыцкая А. Д., Митрохина С. М., Фадеева Е. А. Рынок труда: сущность, содержание, структура. Регулирование рынка труда // Стратегия и тактика управления предприятием в переходной экономике : сборник материалов XIX Ежегодного открытого конкурса научно-исследовательских работ студентов и молодых ученых в области экономики и управления с итоговым этапом в форме Всероссийской конференции. Волгоград : Волгоградский гос. тех. ун-т, 2019. Вып. 38. С. 53–56.

Reference

1. Barkhatov VI, Pletnev DA, Kapkaev YuSh. Centers and Periphery of the Urals and the Volga Region in the Conditions of the “New Normal”. In: Zhizn’ kak sluzheniye: k yubileyu Uchitelya: Sobraniye sochineniy k 75-letiyu V. I. Barkhatova = Life as a Service: for the Teacher’s Anniversary: Collected Works for the 75th Anniversary of V. I. Barkhatov. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2021. Vol. 1. Part 2. Pp. 169–196. doi 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83. (In Russ.).
2. Bechieva MSh, Dovtaev SA. The concept of unemployment in the theories of the main economic schools (from classical political economy to monetarists). In: 6 Yezhegodnaya itgovaya konferentsiya professorsko-prepodavatel'skogo sostava Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta = 6th annual final conference of the teaching staff of the Chechen State University. Grozny: Chechen State University; 2017. Pp. 53–56. (In Russ.).
3. Benz DS. Long-term trends of interregional differentiation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):56-71. doi 10.47475/1994-2796-2022-10406. (In Russ.).
4. Benz DS. On the spatial development of territories. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458):10-15. doi 10.47475/1994-2796-2021-11202. (In Russ.).

5. Benz DS. On the synchronization of the economies of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;(11(445):244-253. doi 10.47475/1994-2796-2020-11129. (In Russ.).
6. Benz DS. Long-term factors of economic growth in the regions of the Urals. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;(10(444):115-121. doi 10.47475/1994-2796-2020-11013. (In Russ.).
7. Gadoev A. Labor market: the content and forms of manifestation of the labor market in modern conditions. *Vestnik Tekhnologicheskogo universiteta Tadzhikistana = Bulletin of the Technological University of Tajikistan*. 2019;(4(39):89-99. (In Russ.).
8. Gibalo NP. Ekonomicheskaya mysl' v retrospective = Economic thought in retrospect. Tambov [et al.]: Nobelistics; 2004. 20 p. ISBN 5-86609-025-2. (In Russ.).
9. Kapkaev YuSh, Rudenko DS. Transfer of the innovative potential of human capital. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(12(470):25-32. doi 10.47475/1994-2796-2022-11204. (In Russ.).
10. Kapelyushnikov RI, Oshchepkov AYU. Russian labor market: paradoxes of post-crisis development. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2014;(7):66-92. (In Russ.).
11. Lavrent'eva IV, Kapkaev YuSh, Rudenko DS. Transformation of the model of reproduction of human resources in modern realities. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):18-27. doi 10.47475/1994-2796-2022-11103. (In Russ.).
12. Minushov IA, Agafonova MS. Concepts of economic theory by scientific schools of the twentieth century. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik = International Student Scientific Bulletin*. 2014;(1):22. (In Russ.).
13. Roshchina IV. Economic doctrines and their contribution to the formation of ideas about the labor market. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;(10-1):91-100. (In Russ.).
14. Uvaisaeva AG, Tepsurkaev IA. Features of the functioning of the labor market: a neoclassical approach to economic theory. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2020;(6(119):287-292. doi 10.34925/EIP.2020.119.6.058. (In Russ.).
15. Zamytskaya AD, Mitrokhina SM, Fadeeva EA. Labor market: essence, content, structure. Regulation of the labor market. In: *Strategiya i taktika upravleniya predpriyatiyem v perekhodnoy ekonomike: = Strategy and tactics of enterprise management in a transitional economy*. Volgograd: Volgograd State Technical University; 2019. Issue 38. Pp. 53–56. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. Ш. Капкаев — кандидат экономических наук, профессор кафедры отраслей и рынков.

П. Р. Кадыров — старший преподаватель кафедры отраслей и рынков.

Information about the authors

Yu. Sh. Kapkaev — Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Industries and Markets.

P. R. Kadyrov — Senior Lecturer of the Department of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 15.03.2023; approved
after reviewing 28.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 144–155.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(3(473):144-155. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 334.024

МЕЖФИРМЕННОЕ ПЛАТФОРМЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ОЦЕНКА РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Евгений Васильевич Попов¹, Виктория Львовна Симонова^{2✉},
Всеволод Эдуардович Касинцев³

^{1,2,3} Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

¹ epopov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5513-5020>

² simonova4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-464X>

³ sevakas@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день трендом развития межфирменных отношений становится их цифровизация. Цифровые технологии способствуют созданию более гибких и оперативных процессов, обеспечивают сбор больших данных, улучшают процесс принятия решений, позволяют компаниям делать продукты и услуги более интеллектуальными и персонализированными, повышать создаваемую ценность для клиентов, и открывать широкие возможности для развития инноваций. Ожидается, что цифровизация межфирменных транзакций окажет трансформирующее влияние на работу межфирменных сетей в большей степени, чем любая другая тенденция. И чтобы полностью реализовать потенциал цифровой трансформации, компаниям необходимо внедрять цифровые платформы. Задача настоящего исследования представляет собой систематизацию опыта организации цифровых платформ в сфере межфирменных отношений с целью оценки уровня их использования отечественными предприятиями. Исследование опирается на методологическое обобщение опубликованных научных результатов организации и использования цифровых платформ и на эмпирический анализ общих трендов развития организации межфирменного взаимодействия на базе цифровых платформ среди отечественных предприятий. Исследование показало наличие различных типов цифровых платформ, используемых для организации межфирменных отношений. В практике отечественных предприятий доминируют более простые платформенные решения, направленные на повышение транзакционной эффективности межфирменных взаимодействий, позволяющие их участникам достигать положительных эффектов, связанных с увеличением числа контрагентов, ростом объема продаж, снижением рисков и транзакционных издержек взаимодействия с контрагентами.

Ключевые слова: цифровые платформы, межфирменное взаимодействие, опыт отечественных предприятий

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-20077.

Для цитирования: Попов Е. В., Симонова В. Л., Касинцев В. Э. Межфирменное платформенное взаимодействие: оценка российской практики использования // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 144-155.

Original article

CROSS-COMPANY PLATFORM INTERACTION: ASSESSMENT OF RUSSIAN PRACTICE OF USING

Evgenii V. Popov¹, Viktoriya L. Simonova^{2✉}, Vsevolod E. Kasintsev³

^{1,2,3} Ural Institute of Management — Branch of the RANEPA, Yekaterinburg, Russia

© Попов Е. В., Симонова В. Л., Касинцев В. Э., 2023

¹ epopov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5513-5020>

² simonova4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-464X>

³ sevakas@mail.ru

Abstract. Today, the trend in the development of intercompany relations is their digitalization. Digital technologies are enabling more agile and responsive processes, enabling the collection of big data, improving decision-making, allowing companies to make products and services smarter and more personal, increase customer value, and open up vast opportunities for innovation. The digitalization of intercompany transactions is expected to have a more transformative impact on the operation of intercompany networks than any other trend. And to realize the full potential of digital transformation, companies need to implement digital platforms. The research task of this study is to systematize the experience of organizing digital platforms in the field of intercompany relations in order to assess the level of their use by domestic enterprises. The study is based on a methodological generalization of published scientific results on the organization and use of digital platforms and on an empirical analysis of general trends in the development of organization of intercompany interaction based on digital platforms among domestic enterprises. The study showed the existence of various types of digital platforms used to organize inter-firm relations. The practice of domestic enterprises is dominated by simpler platform solutions aimed at increasing the transaction efficiency of intercompany interactions, allowing their participants to achieve positive effects associated with an increase in the number of counterparties, an increase in sales, and a reduction in risks and transaction costs of interaction with counterparties.

Keywords: digital platforms, intercompany interaction, experience of domestic enterprises

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 22-28-20077.

For citation: Popov EV, Simonova VL, Kasintsev VE. Cross-company platform interaction: assessment of Russian practice of using. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(3(473):144-155. (In Russ.).

Введение

Процесс цифровизации постепенно меняет способы ведения бизнеса и взгляды на принципы конкурентоспособности фирм. Цифровые технологии способствуют созданию более гибких и оперативных процессов, обеспечивают сбор больших данных, улучшают процесс принятия решений. Их использование позволяет компаниям делать продукты и услуги более интеллектуальными [1], более персонализированными и повышать создаваемую ценность для клиентов [2], открывать широкие возможности для развития инноваций [3]. Кроме того, они являются ключевым фактором, определяющим интенсивность сотрудничества, позволяющим компаниям создавать общие процессы и дополнять друг друга в рамках создания стоимости. Ожидается, что цифровизация межфирменных транзакций окажет трансформирующее влияние на работу сетей B2B в большей степени, чем любая другая тенденция. И чтобы полностью реализовать потенциал цифровой трансформации, компаниям необходимо внедрять цифровые платформы [4].

На сегодняшний день существуют исследования, показывающие, что все большее число предприятий применяют платформенную бизнес-модель для организации деятельности. При этом отмечается большое разнообразие используемых платформенных решений. Поэтому наша иссле-

довательская задача представляет собой систематизацию опыта организации цифровых платформ в сфере B2B-отношений с целью оценки уровня их использования отечественными предприятиями.

Характеристика межфирменного платформенного взаимодействия

Цифровые платформы представляют собой технологии, которые облегчают взаимодействия между различными партнерами [5], используя соответствующие структуры управления, включающие в себя набор правил, стандартов и организационных процессов для координации действий участников [6]. Их относят к модульной структуре, состоящей из основных и сменных модулей [7]. Благодаря наличию основных модулей структура цифровых платформ позволяет формам добиваться масштабируемости за счет централизации и интеграции общих функций, в то время как реконфигурация сменных модулей направлена на эволюцию взаимодействий. Тем самым цифровые платформы способствуют смещению процесса производства от линейного типа, организованного вдоль цепочки создания стоимости, в сторону сети, что дает возможность фирмам получать доступ к различным ресурсам, интегрировать критически важные общие знания, изменять конфигурацию внешних и внутренних

ресурсов, чтобы повышать операционную эффективность и лучше реагировать на сильно меняющиеся потребности рынка [8; 9].

Обзор экономической литературы свидетельствует о распространении и важности цифровых платформ в хозяйственной практике, при этом наблюдается значительное многообразие видов используемых цифровых платформ и подходов к их описанию.

Одним из таких распространенных подходов является подход, основанный на выделении типа бизнес-модели, когда платформы рассматриваются не просто как технология или набор программных продуктов [10], а как стратегия, которую применяют разработчики платформ с целью упрощения взаимодействия между участниками и монетизации самой платформенной деятельности. Данные платформенные модели противопоставляются линейной (конвейерной) модели, основанной на иерархическом механизме или субподряде, и в качестве основных выделяют модели платы за листинг, модели двусторонней и многосторонней платформы [11]. В рамках модели, основанной на плате за листинг, платформа объединяет большой объем объявлений, гарантирует видимость определенных объявлений и обеспечивает определенный контроль качества, при этом не предусматриваются какие-то специальные механизмы, кроме информационных, используемых для организации взаимодействия между участниками со стороны спроса и предложения, таких как, например, логистическая поддержка, платежное сопровождение и пр. Здесь взаимодействие между участниками транзакции осуществляется напрямую, а организаторы платформы взимают плату с продавца, когда они публикуют объявления или когда они хотят продвинуть свои списки. Таким образом, в соответствии с этой моделью владелец платформы имеет меньший контроль над взаимодействием между поставщиками и конечными пользователями. Кроме того, внешний участник не обязан взаимодействовать с владельцем платформы во время проектирования и разработки нового продукта и услуги, в то время как владелец платформы может устанавливать определенные правила и положения в отношении внешних участников [12]. Эта модель применяется некоторыми платформами, такими как Facebook и eBay.

Двусторонняя модель платформы (например, бизнес-модель Uber) основана на организации взаимодействия между стороной спроса и предложения через организатора платформы. В этом

случае платформа устанавливает правила в отношении открытости, управления, логистики и ценообразования. Осуществляя посредническую деятельность, платформа удерживает комиссию, которая может составлять от 5 % до 40 % в зависимости от стоимости транзакции и предоставляемых услуг поддержки. Данная модель широко опирается на концепцию потенциала сетевого эффекта [13] и, следовательно, стратегия ее развития направлена на расширение участников как со стороны спроса, так и со стороны предложения.

Модель многосторонней платформы отличается тем, что ориентируется на привлечение широкого круга групп поставщиков, участвующих в создании стоимости для конечного потребителя. В этом случае организация процесса создания стоимости основывается на специализации и комплементарности участников, обеспечивая при этом наибольшую адаптацию к индивидуальным потребностям конечных потребителей. И еще в большей степени раскрывает потенциал сетевого эффекта.

В других исследованиях цифровые платформы характеризуются на основе режима взаимодействия между внешними участниками. Будро и Лакхани [14] предложили две категории, основанные на этом аспекте: совместные и конкурентные платформы. Первая категория — платформы для совместной работы — включает в себя платформы, которые регулируются социальными нормами и гибкими правилами. В рамках этих платформ внешним участникам рекомендуется предоставлять открытый доступ к информации. Примеры платформ для совместной работы включают Threadless, сеть разработчиков SAP и разработку приложений для Google Android, Википедию. Во второй категории, конкурентных платформах, внешние участники разрабатывают и создают конкурирующие товары или услуги. Конечные пользователи на другой стороне платформы выбирают среди них в зависимости от своих предпочтений и потребностей. Примеры конкурирующих платформ включают консоли для видеоигр, TopCoder и Local Motors (для идей дизайна автомобилей).

Существуют также классификации цифровых платформ на основе режима управления платформой, в соответствии с которыми выделяют открытые и закрытые платформы управления [15]. Например, Linux рассматриваются как платформы с относительно открытыми режимами управления, в то время как Apple iOS рассматривается как пример закрытого управления, в основном

из-за относительно жесткого контроля Apple над разработкой приложений для iOS. Однако несколько исследований показали, что владельцы платформ часто сталкиваются с выбором между открытым и закрытым режимами управления, тем самым выбирая между безопасностью и реализацией сетевого эффекта [16].

К. Леонг выделяет платформы на основе трех типов сетей — диадические (прямые отношения между платформой и участниками), внешне связанные (отношения между различными группами участников, которые обслуживаются платформой) и внутренне связанные (отношения между участниками в группе, поддерживаемые платформой). При этом цифровые платформы описываются как набор основанных на технологиях механизмов управления границами участников — границами эффективности, компетенции, власти, идентичности и связей [17]. Граница эффективности опирается на концепцию транзакционных издержек и определяет разграничение транзакций и процессов внутри фирмы или с помощью сторонних участников. В этом аспекте цифровые платформы представляют собой эффективную модель поиска партнеров, и их использование приводит к сокращению транзакционных издержек, включая затраты на информацию и координацию. Граница компетенции связана с ресурсами, принадлежащими участникам. Управляя внешними ресурсами и организуя обмен, платформенный агрегатор имеет возможность использовать широкий спектр компетенций и развивать их с целью повышения общей ценности платформы. Граница идентичности связывается с возможностью формирования платформой коллективного представления общности цели по всей цепочке создания стоимости, формируя согласие между различными группами участников и способствуя развитию взаимодействия на основе доверия и добросовестности. Граница власти связывается с влиянием платформенной фирмы на стратегические отношения с участниками через контроль зависимостей и взаимодействий, что определяет изменение конфигурации отношений и рыночных сил участников.

В. Акбердина и С. Пьянкова выделяют типы цифровых промышленных платформ в зависимости от уровня технологий, на которые они опираются [18]. Первый тип цифровых платформ основан на организации прямого взаимодействия между покупателями и продавцами, и в зависимости от уровня организационной сложности

они подразделяются на информационно-коммуникационные платформы, такие как электронные каталоги промышленной продукции, предприятий и пр., и транзакционные платформы, использующие более сложные коммуникативные, финансовые, правовые механизмы сопровождения сделки.

Второй тип платформ основывается на сложных сквозных цифровых технологиях, таких как интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение, цифровые двойники. Подобные технологии определяют крупномасштабную трансформацию процессов, и их применение связывают с развитием цифровой сервитизации, используемой крупными промышленными фирмами, работающими в сфере B2B-отношений. В литературе цифровая сервитизация рассматривается в тесной связи с платформенным подходом [19]. В частности анализируются кейсы, где на базе промышленных цифровых платформ подключаются различные машины с поддержкой «интернет вещей», и платформенная аналитика позволяет оказывать расширенные услуги в форме профилактического обслуживания или оптимизации процессов [20]. Анализируя развитие сложных цифровых платформ, формируемых на базе крупного промышленного предприятия, М. Jovanovic [21] выделил три архетипа платформ: платформа продукта, платформа цепочки поставок и экосистема платформы. При этом каждый архетип платформы связан с параллельным развитием архитектуры платформы, сервисов платформы и управления платформой, которые отражают друг друга. Тем самым экосистема платформы рассматривается как развивающаяся метаорганизационная форма, связанная с ростом инновационного потенциала системы и увеличением создаваемой ценности для участников такой платформы.

Такими образом, цифровые платформы могут быть разнообразными, начиная от простых информационных ресурсов и торговых площадок и заканчивая более сложными средами взаимодействия, основанными на экосистемах платформы. Цифровые платформы становятся все более сложными по мере того, как они интегрируют новые бизнес-модели и взаимодействуют с новыми формами технологий. При этом они различаются целевой ориентацией, сложностью архитектуры и набором механизмов управления платформой, необходимых для сотрудничества, координации и интеграции разнообразного набора участников.

Процедура исследования

Эмпирическая часть исследования направлена на выявление общих трендов развития организации межфирменного взаимодействия на базе цифровых платформ. Для проведения исследования была разослана анкета на предприятия различных отраслей Свердловской области. На опрос откликнулись 53 предприятия металлургии, машиностроения, химической, пищевой и лесной промышленности, IT-сферы. Респондентам было предложено ответить на вопросы, касающиеся их практики использования цифровых платформ для организации взаимодействия с их контрагентами. Преимущественно использовались вопросы закрытого типа, предлагающие выбрать респондентам один из вариантов ответа.

Вопросы, содержащиеся в анкете, были разделены на три блока. Первый блок вопросов касался определения общих характеристик основной цифровой платформы, используемой для межфирменного взаимодействия: тип используемой платформы (информационная, для продаж, закупочная, инвестиционная, другое — с возможностью конкретизации целевой ориентации платформы); число участников на платформе (в форме закрытого перечня возможных ответов с интервальным представлением числа участников); уровень региональной направленности платформы (международная, национальная, региональная).

Второй блок вопросов был связан с используемыми на платформе механизмами управления: степень открытости платформы для новых участников (закрытые, частично закрытые, открытые); используемая стратегия монетизации платформенной деятельности (интервальная шкала оценок величины процента от суммы сделок и размера минимальной денежной платы за пользование платформой); уровень стабильной работы платформы (оценка по пятибалльной шкале Лайкерта, где «5» соответствует ситуации отсутствия сбоев в работе платформы, «1» — наличию ежедневных сбоев); уровень информационной безопасности на платформе (оценка по пятибалльной шкале Лайкерта, где «5» соответствует высокому уровню информационной защищенности, «1» — отсутствию защиты и шифрования); соответствие предприятия входным требованиям платформы

(оценка по пятибалльной шкале Лайкерта, где «5» соответствует необходимости серьезной перестройки бизнес-процессов входящей фирмы, «1» — не требует перестройки бизнес-процессов для использования цифровой платформы).

В третий блок вошли вопросы, касающиеся оценки эффектов использования цифровых платформ для их участников: процентного увеличения объема продаж, снижения рисков работы с контрагентами, уменьшения издержек на организацию транзакции, а также роста числа контрагентов в абсолютном выражении.

Результаты анализа ответов по описанным блокам вопросов представлены ниже.

Опыт использования цифровых платформ в межфирменных взаимодействиях российскими предприятиями

Блок 1. Характеристика основных платформ, используемых для межфирменного взаимодействия

В основном платформенные цифровые решения используются для заключения сделок по продажам товаров или услуг, производимых предприятиями, и по закупкам необходимых ресурсов для производственной деятельности (рис. 1). Более 60 % опрошенных фирм указали данные цели платформенных взаимодействий в качестве базовых. Также фирмы часто прибегают к использованию цифровых платформ с целью сбора информации об основных участниках рынка — 34,8 % опрошенных фирм. В дополнение к указанным выше основным типам платформ фирмы также используют платформенные цифровые решения для обмена значимыми юридическими документами со своими партнерами (13 % опрошенных).

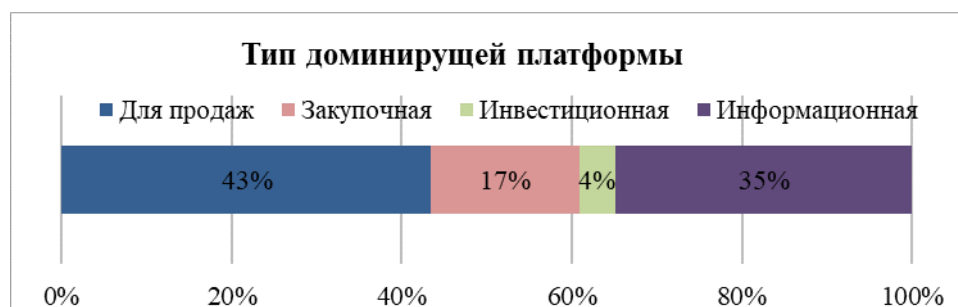

Рис. 1. Типы основных используемых цифровых платформ¹

Источник: составлено авторами

Fig. 1. Types of main digital platforms used by firms
Source: compiled by the authors

¹ Здесь и далее указывается доля респондентов, выбравших соответствующий вариант ответа, в %

Сфера использования цифровых платформенных решений также определяет масштабы деятельности платформ (рис. 2). Для закупочных целей преимущественно используются национальные платформы средних размеров с числом участников до 500 фирм. Для информационных целей также, как

правило, используются национальные цифровые платформы, но значительно более крупных размеров. А для продаж товаров и услуг на рынке B2B-взаимодействия фирмы используют как национальные, так и международные цифровые платформы, число участников на которых также велико.

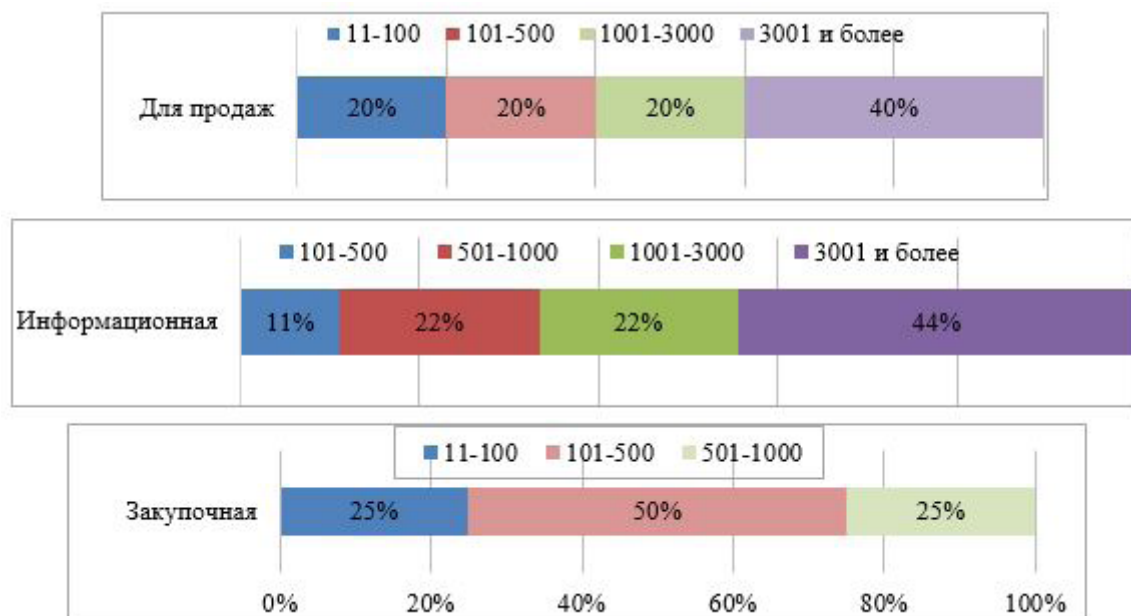

Рис. 2. Число участников на платформах различных типов

Источник: составлено авторами

Fig. 2. Number of participants on different types of platforms

Source: compiled by the authors

При этом, что весьма логично, наблюдается достаточно тесная зависимость между числом участников платформы и уровнем региональной организации (ранговый коэффициент корреляции Спирмена равен 0,61). Международные платформы являются самыми крупными, с числом участников, превышающем 3000. Национальные платформы можно также охарактеризовать как достаточно крупные, но число участвующих фирм на них существенно ниже, чем на международных — в среднем от 1000 до 3000. Региональные цифровые плат-

формы можно определить как малые (до 100 участников) и средние (от 100 до 1000 участников).

Блок 2. Характеристика управления платформой

Открытость платформ — основная парадигма организации работы указанных респондентами типов платформ, используемых предприятиями для организации взаимодействия с основными партнерами — 54 % респондентов указали данный принцип организации платформ, которые они используют (рис. 3).

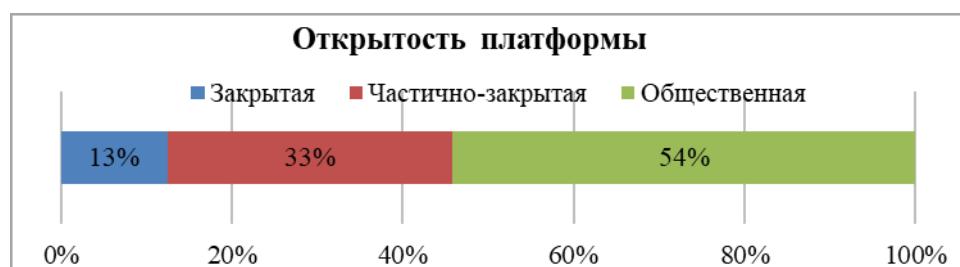

Рис. 3. Открытость платформы.

Источник: составлено авторами

Fig. 3. Openness of the platform

Source: compiled by the authors

За ними следуют частично закрытые платформы, характеризующиеся наличием определенных барьеров для входа участников на платформу (33 %).

Создатели платформы уделяют большое внимание информационной безопасности и стабильности работы. 4,25 из 5 баллов — средняя оценка пользователями платформ уровня информационной безопасности, и 4,37 — средняя оценка стабильности работы платформы. При этом следует отметить, что 20 % респондентов вопрос информационной безопасности вызывает беспокойство.

Если говорить про стратегию ценообразования (рис. 4), то существует как минимальная плата за пользование платформы (плата, взимаемая по подписке), так и процент от суммы совершаемых сделок. В 50 % случаев минимальная плата за пользование платформой не превышает 10 000 рублей, а в процентах от сделки составляет 2-3 %. При этом регрессионный анализ выявил

зависимость процента от сделки только от региональной ориентации платформы — процент от сделки на международных платформах в среднем на 4 % выше, чем на национальном уровне. При этом дальнейшая региональная дифференциация на национальном уровне не дала статистически значимых результатов, как и попытка учета других факторов, таких как открытость платформ, уровень информационной безопасности, стабильность работы платформы и частота обращения к платформе.

Что касается соответствия предприятия входным требованиям платформы (рис. 5), то для большинства предприятий присоединение к платформе не связано с необходимостью каких-либо изменений бизнес-процессов, либо же эта трансформация является минимальной. При этом около 30 % респондентов говорят о необходимости существенной перестройки бизнес-процессов, что свидетельствует об использовании более сложных платформенных решений.

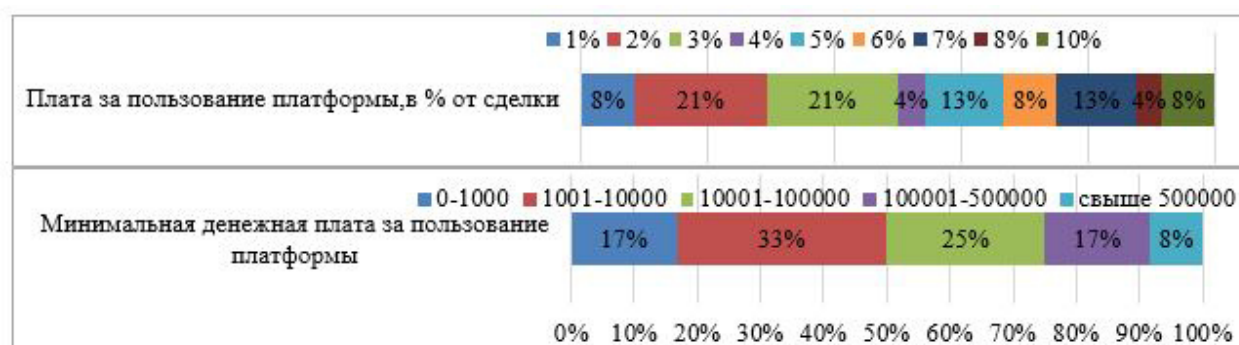

Рис. 4. Ценообразование на платформе

Источник: составлено авторами

Fig. 4. Platform pricing

Source: compiled by the authors

Рис. 5. Соответствие предприятий входным требованиям платформы

Источник: составлено авторами

Fig. 5. Compliance of enterprises with platform entry requirements

Source: compiled by the authors

Блок 3. Оценка эффектов для пользователей платформы

Использование цифровых платформ обеспечивает их пользователям ряд положительных эффектов, оценка которых представлена на рисунке 6.

Прежде всего, эффект от использования платформ связан с облегчением поиска партнеров, что приводит к увеличению числа контрагентов как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Так, фирмы, применяющие платформенные решения в своей хозяйственной практике, смогли найти новых партнеров и расширили свою базу контрагентов в среднем на 50–100 фирм, причем в большей степени за счет платформ, используемых для закупок ресурсов и продажи товаров и услуг. Кроме того, в качестве положительного эффекта респонденты оценили возмож-

ность роста объема продаж в среднем 11–25 % в 2022 году по сравнению с 2021.

Еще одной важной стороной функционирования цифровых платформ является информационная доступность и прозрачность, а также наличие определенных гарантий обеспечения сделки, что позволяет участникам платформ снижать риски взаимодействия с контрагентами и величину транзакционных издержек в среднем на 11–15 %. При этом снижение транзакционных издержек пользователи связывают с использованием информационных платформ.

В целом же наблюдается наличие корреляции между величиной эффектов и платой за пользование цифровых платформ, которая косвенным образом может служить индикатором качества управления платформой.

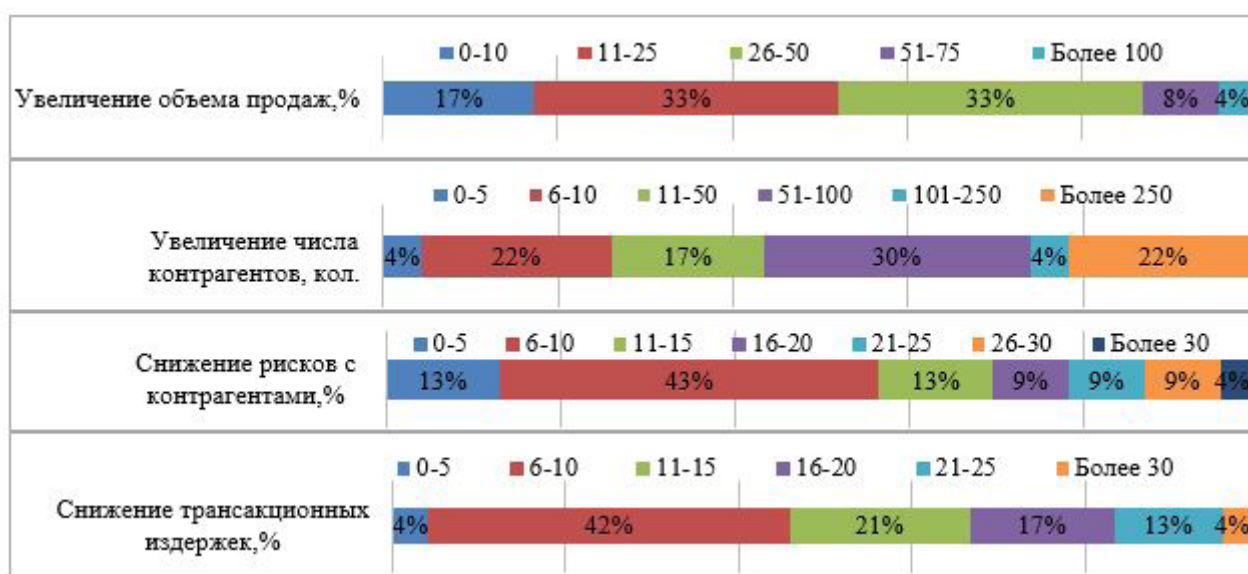

Рис. 6. Оценка эффектов цифровых платформ
Источник: составлено авторами

Fig. 6. Assessing the effects of digital platforms
Source: compiled by the authors

Обсуждение результатов

На текущий момент в практике отечественных предприятий наибольшее распространение получили более простые платформенные решения, связанные с организацией информационно-коммуникационного обмена, в форме обмена юридически значимыми документами, поиска и представления необходимой информации об участниках рынка, а также с организацией транзакционного взаимодействия в процессе создания стоимости. Ценовые механизмы, открытость платформ, гарантия информационной безопасности и стабильности рабо-

ты обеспечивают платформенным предприятиям масштаб деятельности, способствуя привлечению участников и реализации потенциала сетевого эффекта для них.

Использование цифровых платформ дает возможность достижения ряда положительных эффектов, связанных с увеличением числа контрагентов, ростом объемов продаж, снижением рисков работы с контрагентами и в целом уменьшения величины транзакционных издержек.

При этом проведенное исследование показало, что для подавляющего числа предприятий,

использующих цифровые платформенные решения для организации межфирменного взаимодействия, не требуется существенной трансформации их бизнес-процессов. Это говорит о том, что они применяют стандартные технологии производства и взаимодействуют через цифровые платформы, которые связывают покупателей с производителями. В этих условиях не задействуется инновационный потенциал экосистемы платформ, построенных на использовании передовых цифровых технологий. Развитие подобных платформ представляет собой капиталоемкие и технологически сложные решения. Помимо инвестиций в оборудование и сервисные технологии решение этого вопроса требует анализа институциональных условий, а также развития стратегического платформенного мышления участников.

Заключение

В результате проведенного исследования получены следующие результаты.

Во-первых, анализ представленных в экономической литературе публикаций показал, что цифровизация в B2B-секторе становится одним из ключевых трендов развития отношений, а платформенные решения все чаще начинают использоваться предприятиями различных секторов экономики. В хозяйственной практике используются различные типы цифровых платформ, начиная от простых информационных ресурсов и торговых площадок и заканчивая более сложными средами взаимодействия, основанными на экосистемах платформ.

Они различаются целевой ориентацией, сложностью архитектуры и набором механизмов управления платформой.

Во-вторых, в практике отечественных предприятий доминируют более простые платформенные решения, направленные на повышение транзакционной эффективности межфирменных взаимодействий. Используемые цифровые платформы, как правило, не требуют от предприятий существенной трансформации бизнес-процессов и направлены на организацию информационно-коммуникационного обмена, в форме обмена юридически значимыми документами и представления необходимой информации об участниках рынка, а также на организацию взаимодействия потребителей и продавцов в форме цифровых торговых площадок.

В-третьих, использование цифровых платформ приводит к достижению положительных транзакционных эффектов: увеличению числа контрагентов в среднем на 50–100 фирм, росту объема продаж в среднем на 11–25 %, снижению рисков взаимодействия с контрагентами в среднем на 11–15 %, а также к снижению издержек организации межфирменных взаимодействий на 11–15 %.

В-четвертых, более существенных трансформационных эффектов позволяют достичь экосистемы платформ, основанные на использовании сквозных цифровых технологий. Однако развитие подобных экосистем платформ требует от предприятий-участников существенной трансформации бизнес-процессов, связанной с затратными инвестициями в капиталоемкие и технологически сложные решения.

Список источников

1. Raff S., Wentzel D., Obwegeser N. Smart products: conceptual review, synthesis, and research directions // *Journal of Product Innovation Management*. 2020. Vol. 37, No. 5. P. 379–404. doi:10.1111/jpim.12544.
2. Ayanso A., Cho D. I., Lertwachara K. Information and communications technology development and the digital divide: a global and regional assessment // *Information Technology for Development*. 2014. Vol. 20, No. 1. P. 60–77. doi: 10.1080/02681102.2013.797378.
3. Lanzolla G., Pesce D., Tucci C.L. The digital transformation of search and recombination in the innovation function: tensions and an integrative framework // *Journal of Product Innovation Management*. 2021. Vol. 38, No. 1. P. 90–13. doi: 10.1111/jpim.12546.
4. Sandberg J., Holmstrom J., Lyytinen K. Digitization and phase transitions in platform organizing logics: evidence from the process automation industry // *MIS Quarterly*, 2020. Vol. 44, No. 1. P. 129–153. doi: 10.25300/MISQ/2020/14520.
5. Constantinides P., Henfridsson O., Parker G. G. Platforms and Infrastructures in the Digital Age // *Information Systems Research*. 2018. Vol. 29, No. 2. P. 1–20. doi: 10.1287/isre.2018.0794.
6. De Reuver M., Sørensen C., Basole R. C. The digital platform: a research agenda // *Journal of Information Technology*. 2018. Vol. 33, No. 2. P. 124–135. doi: 10.1057/s41265-016-0033-3.
7. Tiwana A. Platform ecosystems: aligning architecture, governance, and strategy. Amsterdam: Morgan Kaufmann, 2013. 300p.

8. Teece D. J. Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world // *Research Policy*. 2018. Vol. 47, No 8. P. 1367–1387. doi: 10.1016/j.respol.2017.01.015.
9. Cenamor J., Parida V., Wincent J. How entrepreneurial SMEs compete through digital platforms: the roles of digital platform capability, network capability and ambidexterity // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 100. P. 196–206. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.03.035.
10. Torregrossa M. Platform Economy: The 4 Key Business Models // *Euro Freelancers*. 2018. URL: <https://medium.com/euro-freelancers>
11. Boudreau K. J., Lakhani K. R. How to Manage Outside Innovation // *MIT Sloan Management Review*. 2009. Vol. 50, No. 4. P. 69–76.
12. Rochet J., Tirole J. Two-sided markets: A progress report // *The RAND Journal of Economics*. 2006. Vol. 37, No. 3. P. 645–667. doi: 10.1111/j.1756-2171.2006.tb00036.x.
13. Drewel M., Özcan L., Gausemeier J., Dumitrescu R. Platform Patterns—Using Proven Principles to Develop Digital Platforms // *Journal of the Knowledge Economy*. 2021. No. 12, P. 19–543. doi: 10.1007/s13132-021-00772-3.
14. Boudreau K. J., Lakhani K. R. Innovation Experiments: Researching Technical Advance, Knowledge Production and the Design of Supporting Institutions // *NBER/Innovation Policy and the Economy*. 2016. Vol. 16, No. 1. P. 135–167. doi: 10.1086/684988.
15. Parker G., Alstyne M. V., Jiang X. Platform ecosystems: How developers invert the firm // *MIS Quarterly*. 2017. Vol. 41, No. 1. P. 255–266.
16. Falk S., Riemensperger F. Three Lessons From Germany's Platform Economy // *MIT Sloan Management Review*. 2019. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/three-lessons-from-germanys-platform-economy/>
17. Leong C., Pan Sh. L., Leidner D. E., Huang J. S. Platform Leadership: Managing Boundaries for the Network Growth of Digital Platforms // *Journal of the Association for Information Systems*. 2019. Vol. 20, No. 10. P. 1531–1565. doi: 10.17705/1jais.00577.
18. Акбердина В. В., Пьянкова С. В. Методологические аспекты цифровой трансформации промышленности // *Научные труды вольного экономического общества России*. 2021. № 1. С. 292–313. doi: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313.
19. Leminen S., Rajahonka M., Westerlund M., Wendelin R. The future of the Internet of Things: toward heterarchical ecosystems and service business models // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2018. Vol. 33, No. 6, P. 749–767. doi: 10.1108/JBIM-10-2015-0206.
20. Kohtamäki M., Parida V., Oghazi P., Gebauer H., Baines T. Digital servitization business models in ecosystems: a theory of the firm // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 104, P. 380–392. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.06.027.
21. Jovanovic M., Sjödin D., Parida V. Co-evolution of platform architecture, platform services, and platform governance: Expanding the platform value of industrial digital platforms // *Technovation*. 2021. Volume 118. URL: doi: 10.1016/j.technovation.2020.102218.

References

1. Raff S., Wentzel D., Obwegeser N. Smart products: conceptual review, synthesis, and research directions. *Journal of Product Innovation Management*. 2020;37(5):379-404. doi:10.1111/jpim.12544.
2. Ayanso A., Cho DI, Lertwachara K. Information and communications technology development and the digital divide: a global and regional assessment. *Information Technology for Development*. 2014;20(1):60-77. doi: 10.1080/02681102.2013.797378.
3. Lanzolla G., Pesce D., Tucci CL. The digital transformation of search and recombination in the innovation function: tensions and an integrative framework. *Journal of Product Innovation Management*. 2021;38(1):90-113. doi: 10.1111/jpim.12546.
4. Sandberg J., Holmstrom J., Lyytinen K. Digitization and phase transitions in platform organizing logics: evidence from the process automation industry. *MIS Quarterly*. 2020;44(1):129-153. doi: 10.25300/MISQ/2020/14520.
5. Constantinides P., Henfridsson O., Parker GG. Platforms and Infrastructures in the Digital Age. *Information Systems Research*. 2018;29(2):1-20. doi: 10.1287/isre.2018.0794.

6. De Reuver M, Sørensen C, Basole RC. The digital platform: a research agenda. *Journal of Information Technology*. 2018;33(2):124-135. doi: 10.1057/s41265-016-0033-3.
7. Tiwana A. Platform ecosystems: aligning architecture, governance, and strategy. Amsterdam: Morgan Kaufmann; 2013. 300 p.
8. Teece DJ. Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world. *Research Policy*. 2018;47(8):1367-1387. doi: 10.1016/j.respol.2017.01.015.
9. Cenamora J, Paridab V, Wincent J. How entrepreneurial SMEs compete through digital platforms: the roles of digital platform capability, network capability and ambidexterity. *Journal of Business Research*. 2019;100:196-206. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.03.035.
10. Torregrossa M. Platform Economy: The 4 Key Business Models. *Euro Freelancers*. 2018, Oct. URL: <https://medium.com/euro-freelancers>
11. Boudreau KJ, Lakhani KR. How to Manage Outside Innovation. *MIT Sloan Management Review*. 2009;50(4):69-76.
12. Rochet J, Tirole J. Two-sided markets: a progress report. *The RAND Journal of Economics*. 2006;37(3):645-667. doi: 10.1111/j.1756-2171.2006.tb00036.x
13. Drewel M, Özcan L, Gausemeier J, Dumitrescu R. Platform Patterns—Using Proven Principles to Develop Digital Platforms. *Journal of the Knowledge Economy*. 2021;(12):19-543. doi: 10.1007/s13132-021-00772-3.
14. Boudreau KJ, Lakhani KR. Innovation Experiments: Researching Technical Advance, Knowledge Production and the Design of Supporting Institutions. *NBER/Innovation Policy and the Economy*. 2016;16(1):135-167. doi: 10.1086/684988.
15. Parker G, Alstyne MV, Jiang X. Platform ecosystems: How developers invert the firm. *MIS Quarterly*. 2017;41(1):255-266.
16. Falk S, Riemensperger F. Three Lessons From Germany's Platform Economy. *MIT Sloan Management Review*. 2019. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/three-lessons-from-germanys-platform-economy/>
17. Leong C, Pan ShL, Leidner DE, Huang JS. Platform Leadership: Managing Boundaries for the Network Growth of Digital Platforms. *Journal of the Association for Information Systems*. 2019;20(10):1531-1565. doi: 10.17705/1jais.00577.
18. Akberdina VV, P'yankova SV. Methodological aspects of digital transformation of industry. *Nauchnye trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the free economic society of Russia*. 2021;(1):292-313. (In Russ.).
19. Leminen S, Rajahonka M, Westerlund M, Wendelin R. The future of the Internet of Things: toward heterarchical ecosystems and service business models. *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2018;33(6):749-767. doi: 10.1108/JBIM-10-2015-0206.
20. Kohtamaki M, Parida V, Oghazi P, Gebauer H, Baines T. Digital servitization business models in ecosystems: a theory of the firm. *Journal of Business Research*. 2019;(104):380-392. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.06.027.
21. Jovanovic M, Sjodin D, Parida V. Co-evolution of platform architecture, platform services, and platform governance: Expanding the platform value of industrial digital platforms. *Technovation*. 2021;(118). doi: 10.1016/j.technovation.2020.102218.

Информация об авторах

Е. В. Попов — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социально-экономических исследований.

В. Л. Симонова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований.

В. Э. Касинцев — стажер-исследователь Центра социально-экономических исследований.

Information about the authors

E. V. Popov — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Social and Economic Research.

V. L. Simonova — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the Center for Socio-Economic Research.

V. E. Kasintsev — Intern Researcher at the Center for Socio-Economic Research.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2023;
одобрена после рецензирования 07.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 20.01.2023; approved
after reviewing 07.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 331.44

ОСОБЕННОСТИ ОТЧУЖДЕНИЯ И ОППОРТУНИЗМА РАБОТНИКОВ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ПРИВЕРЖЕННОСТИ К УПРАВЛЕНЧЕСКИМ РОЛЯМ

Дмитрий Александрович Плетнёв^{1✉}, Елена Викторовна Козлова²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ pletnev@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6494-572X>

² kozlova@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5884-5896>

Аннотация. Резервы роста производительности труда во многом кроются в повышении степени вовлечения работников и менеджеров в дела компании, их личное устремление к достижению организацией результативности и эффективности. Сдерживающим это фактором является присущий работникам оппортунизм и их отчуждение. Оценка драйверов отчуждения и оппортунизма для последующего противодействия им является важной и актуальной научной задачей. Цель исследования — анализ и оценка степени отчуждения и уровня оппортунизма работников российских предприятий в зависимости от их приверженности к управленческим ролям. Исследование основано на результатах онлайн-опроса работников российских предприятий. Оценка степени отчуждения, готовности к оппортунизму и уровня оппортунизма проведена на основе авторской методики, позволяющей произвести их количественную оценку как у отдельного респондента, так и групп, образованных по различным признакам. В ходе исследования анализировались группы, сформированные по таким признакам, как возраст, занимаемая должность, приверженность к определенной управленческой роли по методологии И. Адизеса. В результате исследования установлено, что в российских компаниях представлены все управленческие роли как среди работников, так и среди управленцев, при этом большая часть в обеих группах исполняют роль производителя результата. Важная для организации роль предпринимателя представлена у 15,2 процентов управленцев и 5,9 процентов работников. Около 10 процентов работников и менее 2 процентов управленцев не исполняют управленческих ролей. При этом отмечается существенно более высокое отчуждение и оппортунизм именно в этой группе сотрудников. Также значимо, что более высокая степень отчуждения характерна для производителей результатов, а более высокая готовность к оппортунизму и уровень оппортунизма — для администраторов. Те же, кто исполняют роль предпринимателя, показывают стабильно более низкий уровень отчуждения и оппортунизма. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании методов управления персоналом российских компаний и для развития институциональной и политэкономической экономических теорий.

Ключевые слова: отчуждение, оппортунизм, управленческие роли, готовность к оппортунизму, Адизес

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. Особенности отчуждения и оппортунизма работников российских компаний в зависимости от их приверженности к управленческим ролям // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 156–169.

Original article

ALIENATION AND OPPORTUNISM OF RUSSIAN COMPANIES' EMPLOYEES AND THEIR MANAGEMENT ROLES

Dmitri A. Pletnev^{1✉}, Elena V. Kozlova²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ pletnev@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6494-572X>

² kozlova@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5884-5896>

Abstract. The reserves for the growth of labor productivity largely lie in the increase in the degree of involvement of employees and managers in the affairs of the company, their personal aspiration to achieve the organization's effectiveness and efficiency. The deterrent to this is the inherent opportunism and alienation of workers. Evaluation of the drivers of alienation and opportunism for subsequent counteraction is an important and relevant scientific task. The purpose of the study is to analyze and evaluate the degree of alienation and the level of opportunism of employees of Russian enterprises, depending on their commitment to managerial roles. The study is based on the results of an online survey of employees of Russian enterprises. The assessment of the degree of alienation, readiness for opportunism and the level of opportunism was carried out on the basis of the author's methodology, which makes it possible to quantify them both for an individual respondent and groups formed according to various criteria. During the study, groups were analyzed, formed according to such characteristics as age, position, commitment to a certain managerial role according to the methodology of I. Adizes. As a result of the study, it was found that in Russian companies all managerial roles are represented both among employees and among managers, while in most of both groups they play the role of a producer of the result. The important role of the entrepreneur for the organization is represented by 15.2 percent of managers and 5.9 percent of employees. About 10 percent of employees and less than 2 percent of managers are not in managerial roles. At the same time, there is a significantly higher alienation and opportunism in this particular group of employees. Also, a significantly higher degree of alienation is characteristic of the producers of results, and a higher readiness for opportunism and the level of opportunism are characteristic of administrators. Those who play the role of entrepreneur show consistently lower levels of alienation and opportunism. The results of the study can be used to improve the methods of personnel management in Russian companies and to develop institutional and political economic theories.

Keywords: alienation, opportunism, management roles, willingness to opportunism, Adizes

For citation: Pletnev DA, Kozlova EV. Features of alienation and opportunism of employees of Russian companies depending on their commitment to management role. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;3(473):156-169. (In Russ.).

Введение

Вопрос отчуждения, в частности отчуждение человека от процесса и продукта труда, исследовался в работах К. Маркса, который рассматривает трудовую деятельность как средство реализации биологических и социальных потребностей, указывая на ее вынужденный характер [18]. В. В. Радаев отмечает, что к отчуждению труда приводят такие формы принуждения, как внеэкономическое (отношения подчинения, порождающие страх возможного увольнения), экономическое (зависимость от материальных благ, возникающий страх нищеты, голода), технологическое (зависимость от условий труда или конкретного рабочего места ввиду узкой специализации), идеологическое (продукт манипулирования личным интересом) [23].

Широкое распространение в середине XX века данный термин получил не только среди экономистов, но и социологов. Э. Фромм, развивая теорию К. Маркса, рассматривает отчуждение от работы со стороны работника отмечая, что труд для него — мучение, а идеалом становится лень и враждебность к труду [26]. С. Мадди предложил методику оценки отчуждения, основанную на четырех его формах: вегетативность (наиболее тяжелая форма отчуждения, заключающаяся в потере ценности деятельности), бессилие (отсутствие веры в способность повлиять на ситуацию), нигилизм (убеждение в отсутствии смыс-

ла), авантюризм (поиск жизненности, вовлеченности в опасных, экстремальных видах деятельности в силу переживания бессмысленности в повседневной жизни) [3]. Т. Дули выделил пять компонентов отчуждения (аномия, самоотчуждение, бессилие, социальная изоляция, бессмысленность) и проводил его оценку на основе опросника, включающего вопросы на раскрытие каждого компонента [2]. Исследование отчуждения подростков проводили С. Рейс и коллеги, которые выделяли три его ключевых компонента: бессилие, бессмысленность и социальную изоляцию, — каждый из которых был измерен несколькими переменными, с последующей оценкой общей степени отчуждения [6]. Г. Б. Кошарная, Л. Н. Мордишева отмечают негативное влияние отчуждения труда на эффективность деятельности организаций, которое проявляется в снижении производительности труда, потере мотивации и инициативы, снижении психологического и физиологического здоровья, и других формах [16].

Активное исследование оппортунистического поведения ведется со второй половины XX века, когда О. Уильямсоном ввел в научный оборот термин «оппортунизм» как наиболее сильную форму эгоистического поведения. Согласно его подходу, оппортунизм включает не только явные (ложь, воровство, мошенничество), но и более тонкие формы обмана, а также проявляется

в активной и пассивной формах [9]. Также К. Ватн и Дж. Хейд под активным оппортунизмом понимали такие формы, как ложь и воровство, в то время как к пассивным относили низкую самоотдачу, приводящую к снижению результативности [8]. С. Сегги с соавторами не только изучали формы оппортунистического поведения, но и анализировали реакции экономических агентов, столкнувшихся с оппортунизмом [7]. В рамках проведенного исследования авторами был выявлен негативный эффект оппортунизма в экономических отношениях. Проблема оппортунистического поведения сопровождает все формы взаимодействий между экономическими агентами, в том числе в трудовых отношениях.

Е. С. Щукина с коллегами отмечает, что росту поведенческого оппортунизма в организации могут способствовать не только недостаточная сплоченность коллектива в рабочих вопросах, но и солидарность сотрудников в вопросах нарушения норм и правил, установленных на предприятии [28]. По их мнению, несмотря на то, что сами конфликтные отношения не являются проявлением оппортунизма, высокий уровень конфликтности способствует росту вероятности проявления оппортунизма. При этом конфликт с руководством является возможной причиной оппортунизма рядовых сотрудников.

Одной из ключевых сложностей в изучении поведенческого оппортунизма остается проблема его измерения. Скрытый характер такого поведения усложняет задачу его обнаружения и оценки. На протяжении последних десятилетий как российскими, так и зарубежными экономистами были предложены различные модели, измеряющие склонность индивидов к оппортунизму и его влияние на эффективность деятельности предприятий, учитывающие личностно-психологические, институциональные, внутрифирменные, социальные и другие факторы.

Оппортунистическое поведение могут проявлять как работники, так и работодатели. О. А. Красиков и И. В. Рощина выделяют следующие виды трудового оппортунизма работников предприятий: нерациональное использование рабочего времени; низкая продуктивность; сопротивление изменениям; неисполнение требований; нанесение ущерба имуществу организации и другие. К видам трудового оппортунизма работодателя они относят неоплачиваемую сверхурочную работу; учет личных симпатий при распределении вознаграждений; непредоставление льгот; поручения, не предусмотренные трудовым договором;

занижение результатов деятельности работников и другие [17]. Для оценки склонности сотрудников к трудовому оппортунизму О. А. Красиков и И. В. Рощина предлагают использовать модель, включающую оценку таких параметров, как эмоциональный интеллект, черты характера, общая эмоциональность, эмоциональный труд и эмоциональное истощение. Авторы отмечают целесообразность применения такой модели при приеме на работу для минимизации возможных затрат, связанных с оппортунизмом.

Е. В. Попов и В. Л. Симонова выделяют следующие структурные элементы оппортунизма: несовпадение интересов контрагентов, асимметрия информации, скрытый характер такого поведения, ущерб контрагента и преднамеренность действий [24]. Авторы отмечают негативное влияние трудового оппортунизма на эффективность деятельности российских предприятий. Согласно проведенному Е. В. Поповым и В. Л. Симоновой исследованию такая форма постконтрактного оппортунизма, как отлынивание, приводит к снижению результативности в среднем на 27 %, по оценкам менеджеров, и на 34 % — по оценкам работников; небрежность — к росту затрат на 25 %, по мнению менеджеров, и на 27,5 %, по мнению работников; также негативное влияние оказывает использование служебного положения — рост затрат на 14 % и 18 % отмечают менеджеры и работники соответственно [22].

Е. В. Антоненко для измерения оппортунизма предлагает оценивать его постфактум (потери от ненадежности контрагента) и поведенческую неопределенность (издержки на предотвращение и измерение) [11]. Для оценки оппортунизма постфактум предложено использовать такие составляющие затрат и потерь, как снижение производительности труда, увеличение доли брака, потери от изменений условий контракта или его разрыва, затраты на контроль и другие; поведенческая неопределенность, по мнению автора, связана со сложностями оценки характеристик партнера.

Корыстное поведение с целью извлечения выгоды свойственно различным группам и за пределами предприятий. Так, Д. И. Данилова и И. В. Розмаинский на основе опроса студентов НИУ ВШЭ оценили влияние различных факторов на их склонность к оппортунизму [14]. Значимое влияние оказали такие факторы, как мотивация, склонность к прокрастинации и групповой работе, возраст, ожидания относительно окружающих, финансовая независимость и уровень

дохода. При этом авторы отмечают проблему использования данных самообследования, что не дает полной уверенности в достоверности полученных данных. Р. Р. Гатауллина в результате проведенных исследования оппортунизма на основе анкетирования работников здравоохранения и регрессионного анализа выявила, что из 17 анализируемых факторов значимыми оказались частота возникновения конфликтных ситуаций в организации, цель деятельности работников и частота переработок [13].

Также ранее в исследованиях авторов статьи было показано, что на степень отчуждения и уровень оппортунизма могут влиять такие факторы, как частота использования и степень владения ИТ [5], социальные (пол, возраст), связанные с организацией (размер организации), связанные с ролью индивида в организации (стаж, изменение неформального положения, изменение заработной платы) [4].

Эволюция взглядов на управленческие роли не может обойти вниманием работы И. Адизеса, предложившего концепцию РАЕИ. По мнению И. Адизеса, успешный управляющий должен быть гибким и адаптироваться к изменяющимся условиям посредством выполнения четырех ролей, отражающих основные потребности любой фирмы: производство результатов (Р), администрирование (А), предпринимательство (Е) и интеграция (И) [10]. Роль Р (Performing) сосредоточена на достижении поставленного результата и отвечает за краткосрочную результативность и удовлетворение потребностей имеющих клиентов; А (Administering) отвечает за регламентирование и систематизацию процессов в организации, что приводит к повышению эффективности в краткосрочной перспективе; Е (Entrepreneurship) ориентирована на проявление предпринимательских способностей, оценку рисков и влияет на результативность в долгосрочной перспективе; роль И (Integration) способствует объединению сотрудников для достижения целей компании, ориентирована на системы ценностей, философию организации и повышает эффективность в долгосрочной перспективе. Для определения менеджера, не способного выполнять ни одну из четырех ролей, И. Адизес использовал термин «мертвый пень» (Deadwood), который направляет свои усилия на то, чтобы оградить себя от принятия решений и совершения активных действий.

Существенный вклад И. Адизес внес в развитие теории жизненного цикла корпорации [1]. Отождествление организации с живым организ-

мом позволило выявить повторяющиеся поведенческие проявления и учесть специфические для каждого этапа проблемы, которые требуют изменений в управленческих ролях для эффективного перехода к следующему этапу [25]. Данный подход получил широкое распространение в современной теории управления и позволил выявить значимость ролей управляющих на различных этапах жизненного цикла, установить региональные и отраслевые особенности ролей [19], сформировать рекомендации по перечню психологических характеристик управляющих, используемые для гармонизации управления организацией [15], а также рассмотреть совместимость стилей управления относительно уровней совместимости потребностей общества [20]. П. Е. Цыпин выявляет наиболее востребованные типы управленческих ролей в традиционных и «плоских» (отсутствие множества вертикальных уровней, обычно содержат всего три) структурах управления [27]. В своих работах И. Адизес рассматривает зависимость конкретной фазы жизненного цикла и доминирующего типа управляющего. В развитие данной теории Д. А. Плетьев предлагает учитывать склонность управляющих к оппортунизму, что приводит к возникновению дополнительных ролей, отражающих краткосрочный (своекорыстие) и долгосрочный (карьеризм) оппортунизм [12]. Таким образом, возможности теории И. Адизеса и ее развитие делают целесообразной оценку связи управленческих ролей с уровнем оппортунизма и степенью отчуждения.

Цель статьи — анализ и оценка степени отчуждения и уровня оппортунизма работников российских предприятий в зависимости от их приверженности к управленческим ролям.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на результатах онлайн-опроса работников крупных российских предприятий. Участники проведенного опроса в равной степени были представлены женщинами и мужчинами, рядовыми сотрудниками и руководителями различных уровней (от руководителей подразделений до высшего руководства). Онлайн-опрос позволил привлечь участников из различных регионов страны, включая Москву, Санкт-Петербург, крупные областные центры и другие населенные пункты. Возраст опрошенных варьируется от 18 до 65 лет, уровень образования респондентов разнообразен: СОО, СПО, ВПО, несколько высших образований, МВА, DBA, ученая степень. Респонденты являются действующими

сотрудниками российских компаний различных отраслей, форм собственности, организационно-правовых форм.

Для оценки приверженности респондента к конкретной управленческой роли в соответ-

ствии с методологией И. Адизеса участникам был предложен вопрос (табл. 1) с возможностью выбора только одного варианта ответа, что позволило однозначно определить приверженность к конкретной роли.

Таблица 1

Table 1

Вопрос для оценки приверженности сотрудника к управленческой роли
A question to assess an employee's commitment to a managerial role

Как вы можете описать свою роль в организации?	
1	Производитель результатов («рабочая пчела», работаю за себя и «за того парня»)
2	Предприниматель (генерирую новые идеи, решаю нестандартные задачи)
3	Интегратор (обеспечиваю позитивный «климат» в коллективе и эффективную личную коммуникацию)
4	Администратор (координирую, составляю или слежу за исполнением регламентов)
5	«Мертвый пенёк» (всё «по-барабану»: мне платят, я работаю)

Источник: составлено авторами.

Оценка степени отчуждения респондента производилась на основе авторской методики, представленной в [21]. Методика включает количественную оценку четырех типов отчуждения: самоотчуждения, бессилия, социальной изоляции и бессмысленности. Опросный лист включал восемь утверждений (по два на каждый компонент отчуждения) и варианты ответов, характеризующую степень согласия респондента («определенно да», «скорее да», «сложно сказать», «скорее нет», «определенно нет»), которые были трансформированы в числовые результаты. Итоговый расчет показателя, характеризующего степень отчуждения, производился по формуле (1) и интерпретировался следующим образом — большим

значениям соответствует более высокая степень отчуждения:

$$L_i^{al} = \frac{1}{8} \sum_{j=1}^4 \sum_{k=1}^2 A_{ijk}, \quad (1)$$

где A_{ijk} — числовая характеристика ответа i -го респондента на k -й вопрос, относящийся к раскрытию j -го компонента отчуждения.

Готовность к оппортунизму опрошенных проведена на основе выбора наиболее вероятного варианта поведения в нескольких гипотетических рабочих ситуациях (подробнее в [21]). Среди возможных реакций на сложившуюся ситуацию были предложены варианты, соответствующие добросовестному поведению либо одной из форм оппортунизма (активных и пассивных) (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Формы поведенческого оппортунизма
Forms of behavioral opportunism

№	Форма оппортунизма	Обозначение
Активные (С)		
1	Ложь или искажение фактов	C1
2	Нарушение договоренностей	C2
3	Преувеличение сложностей	C3
4	Использование непредвиденных событий для извлечения выгоды	C4
Пассивные (О)		
5	Соккрытие информации	O1
6	Небрежность	O2
Добросовестное поведение (Н)		Н

Источник: составлено авторами.

Количественно готовность к поведенческому оппортунизму оценена на основе расчета доли

вопросов, в которых респондент выбирал оппортунистические варианты поведения:

$$L_i^{opp.w} = 1 - \frac{1}{6} N^h, \quad (2)$$

где N^h — число вопросов, при ответе на которые выбраны варианты добросовестного поведения.

При этом готовность респондента к оппортунизму не всегда означает высокую вероятность его действительного проявления. Кроме самой готовности, оценке должны подлежать условия, сложившиеся в компании, которые могут как способствовать проявлению оппортунистического поведения работников, так и наоборот снижать вероятность его наступления. Таким образом, уровень оппортунизма определялся с учетом этих двух факторов:

$$L_i^{opp} = L_i^{opp.w} \cdot C_i^{opp}, \quad (3)$$

где $L_i^{opp.w}$ — готовность к оппортунизму i -го респондента, C_i^{opp} — оценка условий для проявления оппортунизма на рабочем месте.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ распределения участников опроса по управленческим ролям (рис. 1) выявил, что значительная часть опрошенных (44 %) относит себя к производителям результатов, то есть в большей степени ориентированы на достижение результатов в краткосрочной перспективе, при этом продуктивны и компетентны. Более четверти респондентов (25,9 %) относят себя к администраторам — направляют свои усилия в профессиональной деятельности на контроль исполнения регламентов в организации, организованы и методичны. Почти в равной степени представлены интеграторы (13 %) и предприниматели (10,4 %), таким образом лишь небольшая часть опрошенных сотрудников готовы создавать стратегические цели организации или генерировать и внедрять новые идеи. Работников не готовых выполнять ни одну из представленных ролей — 6,7 %.

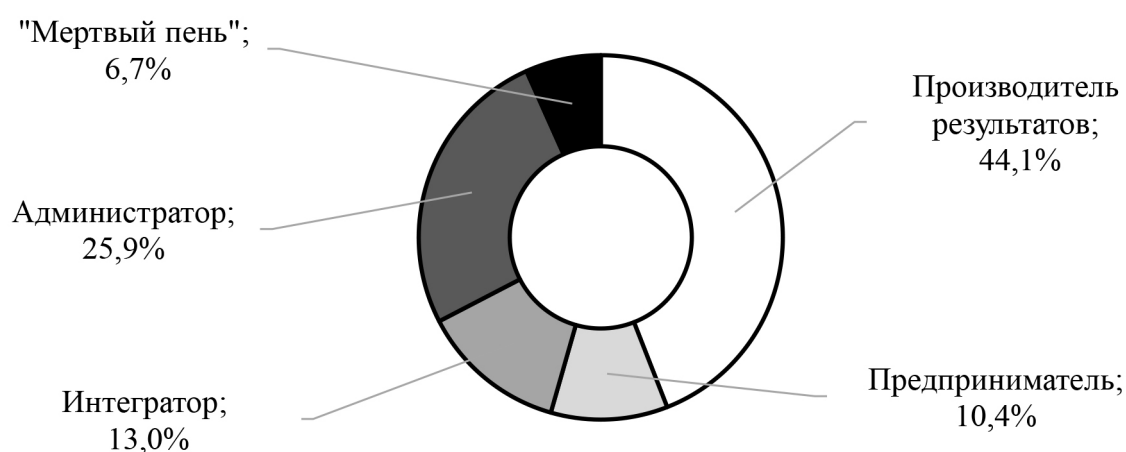

Рис. 1. Распределение респондентов по управленческим ролям

Источник: составлено авторами

Fig. 1. Distribution of respondents by managerial roles

Source: compiled by the authors

При этом результаты распределения по управленческим ролям существенно различаются в зависимости от занимаемой сотрудником должности (рис. 2). В группе работников больше половины (52,3 %) идентифицируют себя как производителей результатов, в то время как в группе руководителей их доля составляет всего 35,3 %. Высокий уровень компетенций и ориентация на решение текущих задач позволяет таким сотрудникам достигать успеха в профессиональной деятельности; как видим, в российских компаниях данный тип является достаточно распространенным на всех уровнях организации. При этом большая доля руководителей (37,1 %) являются администраторами, которые систематизи-

руют процессы, определяют порядок и план работы, в то же время среди рядовых сотрудников их доля невелика (15,5 %). На сегодняшний день в стремительно меняющихся условиях среди персонала компаний большое внимание уделяется сотрудникам, готовым предлагать и реализовывать новые идеи — среди руководителей на долю предпринимателей приходится 15,2 %, в то время как среди работников — только 5,9 %. Проблема безынициативности часто сопряжена с низкой мотивацией, отсутствием практики коллегиального принятия решений и внедрения предложений рядовых сотрудников. В качестве своей основной задачи формирование и укрепление межличностных связей в компании рассматривают

15,1 % работников и 10,7 % руководителей, что подтверждает важную роль интеграторов в коллективе.

Существенное отличие в долях можно наблюдать в категории «мертвый пень», к которой отно-

сятся 11,3 % рядовых сотрудников и только 1,8 % руководителей. Отсутствие стремления к развитию, низкая продуктивность и эффективность таких сотрудников в долгосрочной перспективе приводит компанию к стагнации.

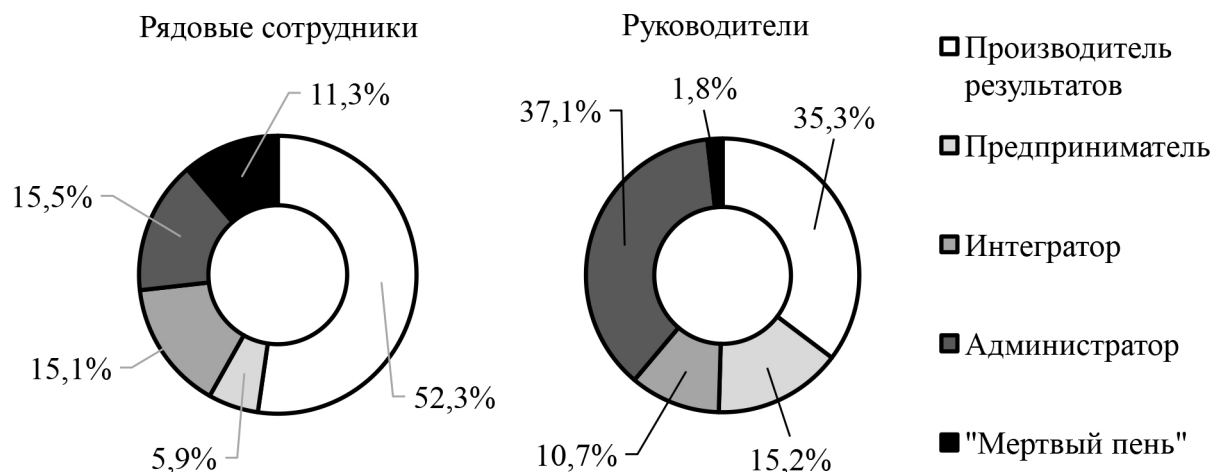

Рис. 2. Распределение респондентов по управленческим ролям и занимаемой должности
Источник: составлено авторами

Fig. 2. Distribution of respondents by managerial roles and position
Source: compiled by the authors

Распределение респондентов по управленческим ролям в различных возрастных группах также имеет свои особенности (рис. 3). Наиболее молодые сотрудники в большей степени представляют производителей результатов (36,5 %) и администраторов (28,6 %). Готовность качественно и усердно выполнять поручаемую работу характерна для молодых специалистов, только начинающих свою трудовую деятельность. При этом в данной возрастной группе наблюдается максимальная концентрация «мертвых пней», что может быть обусловлено отсутствием мотивации ввиду низкого уровня оплаты труда, недостаточным уровнем знаний в профессиональной сфере для генерации новых идей, частой переменой рабочих мест и другими факторами. Средние возрастные группы (30–40 и 40–50 лет) имеют схожие распределения по управленческим ролям. При этом доля сотрудников в возрасте от 30 до 40 лет, относящихся к производителям результатов, на 3 % больше, чем в возрастной группе от 40 до 50, администраторов — больше на 4,8 %, доли предпринимателей практически равны и составляют 11,6 % и 10,2 % соответственно. В то же время сотрудники от 30 до 40 лет значительно реже, чем все

остальные возрастные группы демонстрируют тип «мертвый пень» — их доля составляет всего 2,9 %. Больше половины (51 %) наиболее возрастных сотрудников являются производителями результатов, значительные доли представлены администраторами (21,6 %) и интеграторами (15,7 %) при этом предпринимателями являются только 5,9 % — что является наименьшей долей из всех возрастных групп и может быть вызвано постепенным снижением творческого потенциала и интереса к работе.

Анализ влияния управленческой роли на отчуждение сотрудников российских компаний (рис. 4) показал, что наиболее отчуждены сотрудники компаний, относящих себя к роли «мертвый пень», что является ожидаемым результатом. Администраторы, интеграторы и предприниматели демонстрируют отчуждение на сопоставимом уровне (от 0,261 до 0,270). Производители результатов оказались заметно более отчуждены по сравнению с другими управленческими ролями, что может быть обусловлено сосредоточенностью на выполнении рутинных задач и избегании творческого процесса в профессиональной деятельности. Среднее значение степени отчуждения по всей выборке составило 0,305.

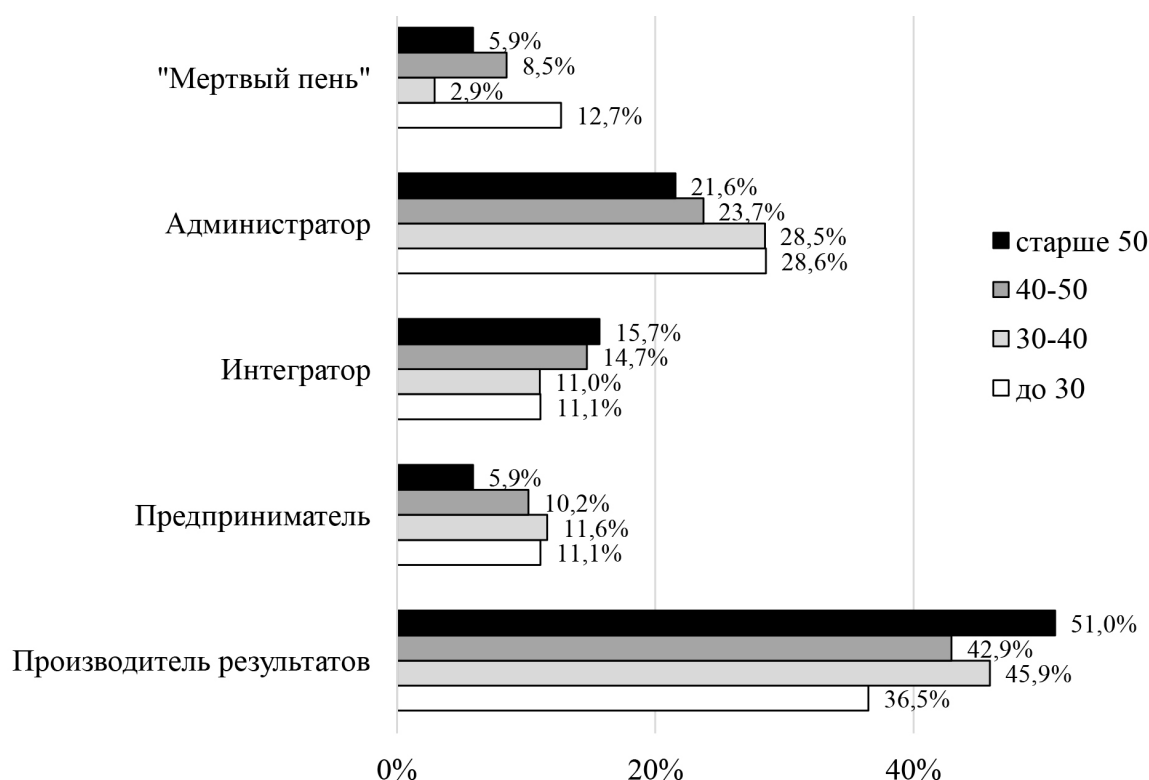

Рис. 3. Распределение респондентов по управленческим ролям в различных возрастных группах
Источник: составлено авторами

Fig. 3. Distribution of respondents by managerial roles in different age groups
Source: compiled by the authors

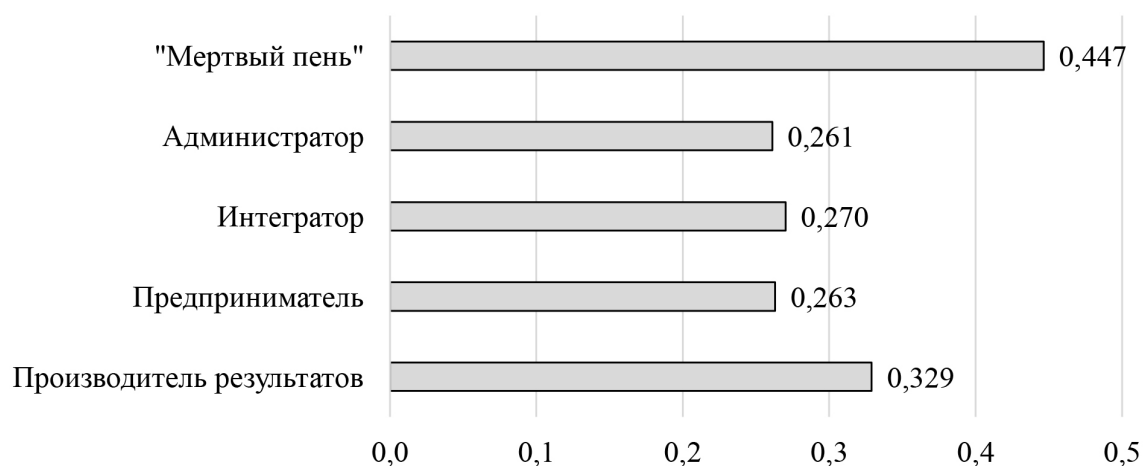

Рис. 4. Средняя степень отчуждения респондентов по управленческим ролям
Источник: составлено авторами

Fig. 4. Average degree of alienation of respondents by managerial roles
Source: compiled by the authors

Частота выбора формы оппортунистического поведения также существенно различается в зависимости от управленческой роли респондента (рис. 5). Готовность проявлять пассивный оппортунизм в форме сокрытия информации (O1) наиболее часто демонстрируют сотрудники, относящиеся к роли «мёртвый пень». При этом данная форма поведенческого оппортунизма наименее часто демонстрируется всеми группами респон-

дентов. Также «мёртвые пни» наиболее часто по сравнению с другими респондентами проявляют пассивный оппортунизм в форме небрежности (O2), среди остальных групп сотрудников чаще остальных небрежность проявляют производители. К лжи, искажению фактов (C1), а также нарушению договоренностей (C2) сотрудники российских компаний готовы прибегать почти с равной частотой вне зависимости от управлен-

ческой роли. Такая форма активного оппортунизма как увеличение сложностей (СЗ) в большей степени присуща «мертвым пням», а также администраторам и интеграторам. В случае необходимости использовать непредвиденные обстоятельства

в свою пользу чаще остальных готовы администраторы. Варианты ответов, предполагающие добросовестное поведение, респонденты выбирают менее чем в половине случаев, а «мёртвые пни» — менее чем в четверти анализируемых ситуаций.

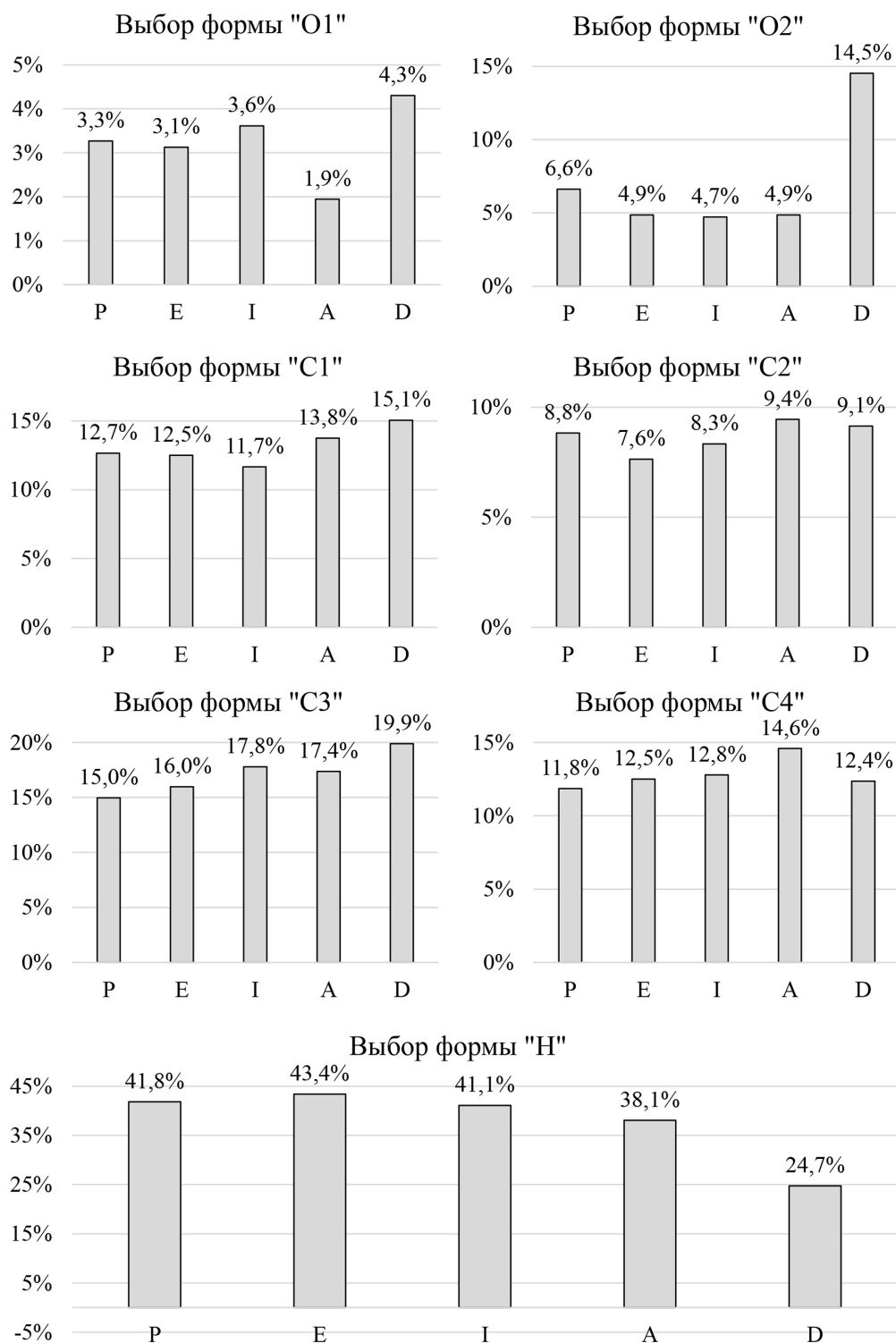

Рис. 5. Распределение форм оппортунизма в зависимости от управленческих ролей
Источник: составлено авторами

Fig. 5. Distribution of forms of opportunism depending on managerial roles
Source: compiled by the authors

Оценка готовности к оппортунизму респондентов показала, что в наибольшей степени готовы проявлять оппортунистическое поведение сотрудники категории «мертвый пень», среднее значение показателя в данной группе существенно превышает остальные. Среди оставшихся управленческих ролей наиболее готовы проявить оппортунизм администраторы, что, безусловно,

является интересным результатом с точки зрения характеристики данного типа сотрудников, которые в большей степени склонны к выполнению формальных правил и контролю их исполнения другими участниками. Среднее значение готовности к оппортунизму всех сотрудников российских компаний, участвовавших в опросе, — 0,602.

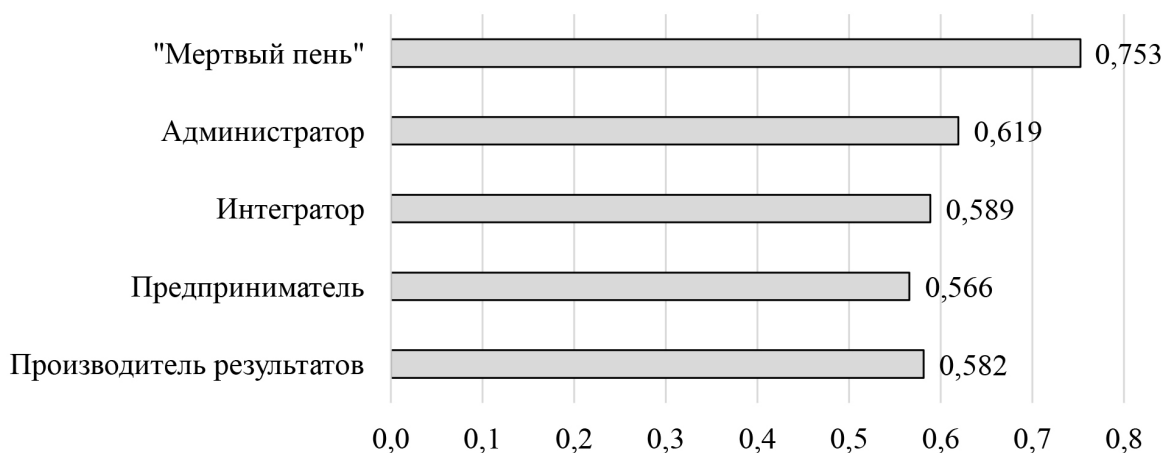

Рис. 6. Средняя готовность к оппортунизму по управленческим ролям

Источник: составлено авторами

Fig. 6. Average readiness for opportunism by managerial roles

Source: compiled by the authors

При этом важными представляются не только оценка готовности сотрудников проявлять оппортунизм, но и его уровень, определяемый также условиями, способствующими такому поведению. Категория работников «мертвый пень» активнее проявляет оппортунистическое пове-

дение по сравнению с другими респондентами. При этом среди остальных управленческих ролей не наблюдается существенного различия в среднем значении уровня оппортунизма. Средний уровень оппортунизма по всей выборке составил 0,206.

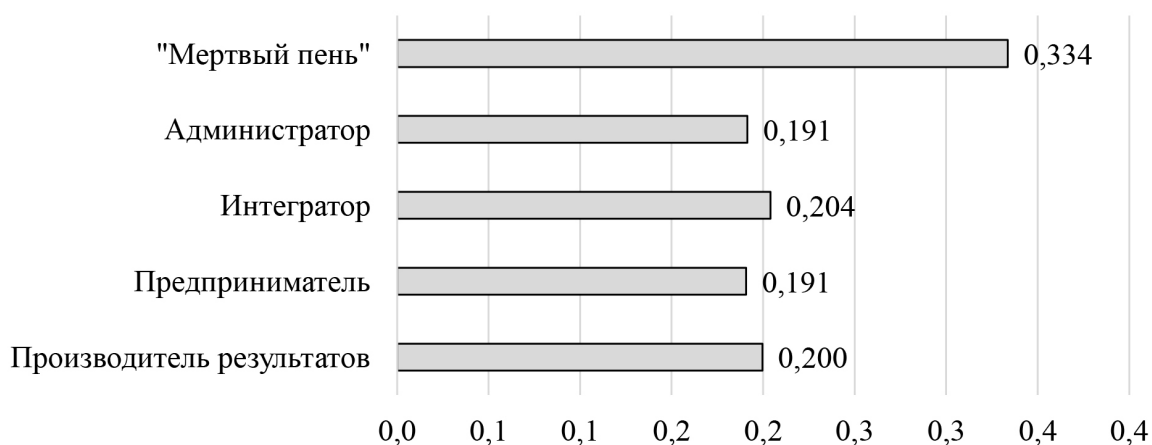

Рис. 7. Средний уровень оппортунизма по управленческим ролям

Fig. 7. Average level of opportunism by managerial roles

Заключение

В результате проведенного исследования получены интересные результаты, в том числе не

прямо корреспондирующие с целью. Во-первых, анализируемая представительная выборка позволяет заключить, что как среди работников,

так и среди управленцев российских компаний преобладают носители управленческой роли «производитель результатов», т. е. те «рабочие лошадки», которые непосредственно создают производимый компаниями продукт. На втором по численности месте и у менеджеров (что ожидаемо), и у работников (что, скорее, неожиданно) идет управленческая роль интегратора, стремящегося поддерживать социальный мир и дружественную атмосферу в компании. На удивление мало среди менеджеров оказалось носителей роли администратора (у работников даже более). Это говорит о том, что российские компании в целом не страдают фетишизацией регламентов, процедур и бизнес-процессов, а используют их как инструмент для решения других задач (производства, предпринимательства и т. п.). Роль же предпринимателя среди менеджеров назвал каждый седьмой, среди работников — один из шестнадцати. Это говорит о достаточно хорошо развитом «интрапренерстве» (внутрифирменном предпринимательстве), и согласуется с мировыми тенденциями. Также радует, что дисфункциональных (не исполняющих ни одной роли) менеджеров по выборке исчезающе мало, а среди работников — около 10 %. Это говорит о том, что основная масса сотрудников российских компаний занимают активную позицию и эмоционально вовлечены в решение производственных и смежных задач.

Во-вторых, с точки зрения возрастного распределения управленческих ролей результат получился ожидаемым: старшее поколение чаще исполняет роли интегратора и производителя результатов, а молодое — предпринимателя и администратора. Неожиданным для авторов стало то, что безразличных к работе больше среди мо-

лодых работников, которые еще не прошли стадию профессионального выгорания.

В-третьих, ожидаемо к оппортунизму проявили большую склонность сотрудники, описываемые И. Адизесом как «мертвый пень», то есть не исполняющие ни одной управленческой роли, а просто плывущие по течению. Неожиданно большую, чем остальные роли, склонность к оппортунизму проявили носители роли администратора. Предприниматели же оказались наименее оппортунистичными, что особенно проявилось в их отказе от использования скрытых, наиболее сложно выявляемых и из-за этого опасных, форм оппортунизма. Близкие результаты получены и при оценке степени отчуждения для разных управленческих ролей. Наиболее отчужденные — «мертвые пни» и, что также объяснимо, — производители результата. Те же сотрудники, кто ориентирован на остальные управленческие роли, имеют существенно меньшую (и почти одинаковую) степень отчуждения.

В целом проведенное исследование показало, что в российских компаниях доминируют вовлеченные работники, при этом фактором, повышающим их вовлечение, является доминирование у них таких управленческих ролей, как предприниматель, производитель результата и интегратор. Рекомендуются способствовать поддержке «внутреннего предпринимательства» в компаниях, тем более что позитивный опыт такого рода политик уже есть. Полученный результат может быть использован руководителями HR-служб компаний для совершенствования политики в области управления персоналом, а также в прикладных научных исследованиях, направленных на оценку оппортунизма работников и выявление факторов, на него влияющих.

Список источников

1. Adizes I. The developing nations and self-management. Problems of implementation and the role of professional management // Research Paper. Institute of Industrial Relations. University of California. Los Angeles, 1977.
2. Dooley T. F. A study of the measurement of a continuum of alienation/integration in terms of its five alternate meanings as these are related to selected sociological factors. Master's Thesis, Milwaukee, Wisconsin, 1971.
3. Maddi S. R. The Story of Hardiness: Twenty Years of Theorizing, Research and Practice // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 2002. Vol. 54, no. 3. P. 175–185.
4. Pletnev D., Kozlova E. Employee's Behavioral Opportunism and Alienation in Russian Firms // Contemporary Economics. 2022. Vol. 16 (1). P. 106–120. doi: 10.5709/ce.1897-9254.471.
5. Pletnev D., Kozlova E. ICT as an Employee Engagement Driver: Evidence from Russian Firms. In: Bilgin M. H., Danis H., Demir E., Zaremba A. (eds.) Eurasian Business and Economics Perspectives // Eurasian Studies in Business and Economics. 2022. Vol. 21. P. 201–212. doi: 10.1007/978-3-030-94036-2_11.

6. Rayce S. B., Kreiner S., Damsgaard et al. Measurement of alienation among adolescents: construct validity of three scales on powerlessness, meaninglessness and social isolation // *Journal of Patient-Reported Outcomes*. 2018. No. 2–1. P. 14.
7. Seggie S., Griffith D., Jap S. Passive and Active Opportunism in Interorganizational Exchange // *Journal of Marketing*. 2013. No. 77–6. P. 73–90.
8. Wathne K., Heide J. Opportunism in Interfirm Relationships: Forms, Outcomes, and Solutions // *Journal of Marketing*. 2000. No. 64. P. 36–51.
9. Williamson O. E. Behavioral Assumptions. In: Williamson O. E. *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. N.Y.: The Free Press, 1985. P. 44–52.
10. Адизес И. К. Управление изменениями без потрясений и конфликтов. М. : Альпина Диджитал, 2004. 179 с.
11. Антоненко Е. В. Издержки оппортунистического поведения контрагента как составляющие транзакционных издержек промышленного предприятия // *Управление инвестициями и инновациями*. 2016. № 4. С. 11–17. doi: 10.14529/iimj160402.
12. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А. Интеграция теорий жизненных циклов в эволюционную теорию корпорации // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 3 (119). С. 150–157.
13. Гатаулина Р. Р. Измерение уровня оппортунизма работников в организации // *Научно-исследовательские публикации*. 2015. № 6 (26). С. 61–64.
14. Данилова Д. И., Розмаинский И. В. Эмпирический анализ оппортунизма на основе опроса студентов университетов // *Journal of Institutional Studies*. 2019. № 11 (4). С. 121–140. doi: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.121-140.
15. Зябриков В. В. Роли и функции менеджмента // *Креативная экономика*. 2016. Т. 10, № 11. С. 1305–1322. doi: 10.18334/ce.10.11.36976
16. Кошарная Г. Б., Мордишева Л. Н. Проблема отчуждения труда работников в современных организациях // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2012. № 1 (21). С. 78–86.
17. Красиков О. А., Рощина И. В. Оппортунизм и трудовой оппортунизм работников: общие и специфические черты, причины проявления // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2018. № 42. doi: 10.17223/19988648/42/8.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Отчужденный труд // *Сочинения*. М. : Политиздат, 1974. Т. 42. С. 86–99.
19. Маршев В. И., Отабоев Ж. Б. Размышления о ролях менеджеров: прошлое и настоящее // *Управленческие науки*. 2019. № 9 (2). С. 94–106. doi: 10.26794/2404-022X-2019-9-2-94-106.
20. Морозов В. А. Совместимость стилей (ролей) управления организацией (предприятием) // *Креативная экономика*. 2012. Т. 6. № 7. С. 24–30.
21. Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. К вопросу оценки отчуждения и поведенческого оппортунизма работников предприятий и корпораций // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2020. Т. 13, № 3. С. 141–157. doi: 10.18721/JE.13311.
22. Попов Е. В., Симонова В. Л. Сущность эндогенного оппортунизма // *Вестник УГТУ-УПИ*. 2004. № 10. С. 5–12.
23. Радаев В. В. *Экономическая социология*. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 608 с.
24. Симонова В. Л., Попов Е. В. Внутрифирменный оппортунизм и его воздействие на эффективность бизнеса // *Конкурентоспособность региона. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2003*. С. 181–185.
25. Фролов А. А., Илалтдинова Е. Ю., Аксёнов С. И. Ицхак Адизес и Антон Макаренко: развитие — основа успеха организации // *Народное образование*. 2016. № 1. С. 7–17.
26. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности* / пер. с англ. Э. М. Телятниковой, Т. В. Панфиловой. М. : АСТ, 2004.
27. Цыпин П. Е. Код Адизеса как инструмент формирования менеджерских команд // *Бизнес и дизайн ревю*. 2019. № 2 (14). С. 11.
28. Щукина Е. С., Дмитрова Т. Ю., Имамудинова О. Ф. *Оппортунистическое поведение работников в системе отношений труда и капитала*. Оренбург : ОГУ, 2012. 121 с.

References

1. Adizes I. The developing nations and self-management. Problems of implementation and the role of professional management. Research Paper. Institute of Industrial Relations. University of California. Los Angeles; 1977.
2. Dooley TF. A study of the measurement of a continuum of alienation/integration in terms of its five alternate meanings as these are related to selected sociological factors. Master's Thesis, Milwaukee, Wisconsin; 1971.
3. Maddi SR. The Story of Hardiness: Twenty Years of Theorizing, Research and Practice. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 2002;54(3):175-185.
4. Pletnev D, Kozlova E. Employee's Behavioral Opportunism and Alienation in Russian Firms. *Contemporary Economics*. 2022;16(1):106-120. doi: 10.5709/ce.1897-9254.471.
5. Pletnev D, Kozlova E. ICT as an Employee Engagement Driver: Evidence from Russian Firms. In: Bilgin MH, Danis H, Demir E, Zaremba A. (eds.) Eurasian Business and Economics Perspectives. *Eurasian Studies in Business and Economics*. 2022;(21):201-212. doi: 10.1007/978-3-030-94036-2_11.
6. Rayce SB, Kreiner S, Damsgaard et al. Measurement of alienation among adolescents: construct validity of three scales on powerlessness, meaninglessness and social isolation. *Journal of Patient-Reported Outcomes*. 2018;2(1):14.
7. Seggie S, Griffith D, Jap S. Passive and Active Opportunism in Interorganizational Exchange. *Journal of Marketing*. 2013;77(6):73-90.
8. Wathne K, Heide J. Opportunism in Interfirm Relationships: Forms, Outcomes, and Solutions. *Journal of Marketing*. 2000;(64):36-51.
9. Williamson OE. Behavioral Assumptions. In: Williamson OE. The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y.: The Free Press; 1985. Pp. 44–52.
10. Adizes IK. Management of changes without shocks and conflicts. Moscow: Alpina Digital; 2004. 179 p.
11. Antonenko EV. The costs of the opportunistic behavior of the counterparty as components of the transaction costs of an industrial enterprise. *Upravleniye investitsiyami i innovatsiyami = Management of investments and innovations*. 2016;(4):11-17. doi: 10.14529/iimj160402. (In Russ.).
12. Barkhatov VI, Pletnev DA. Integration of theories of life cycles into the evolutionary theory of the corporation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2013;3(119):150-157. (In Russ.).
13. Gataullina RR. Measuring the level of opportunism of employees in an organization. *Nauchno-issledovatel'skiye publikatsii = Research publications*. 2015;6(26):61-64. (In Russ.).
14. Danilova DI, Rozmainsky IV. An empirical analysis of opportunism based on a survey of university students. *Journal of Institutional Studies*. 2019;11(4):121-140. doi: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.121-140. (In Russ.).
15. Zyabrikov VV. Roles and functions of management. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2016;10(11):1305-1322. doi: 10.18334/ce.10.11.36976. (In Russ.).
16. Kosharnaya GB, Mordisheva LN. The problem of alienation of labor of workers in modern organizations. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2012;1(21):78-86. (In Russ.).
17. Krasikov OA, Roshchina IV. Opportunism and labor opportunism of workers: common and specific features, causes of manifestation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of the Tomsk State University. Economy*. 2018;(42). doi: 10.17223/19988648/42/8. (In Russ.).
18. Marx K, Engels F. Alienated labor. In: Sochineniya = Essays. Vol. 42. Moscow: Politizdat; 1974. (In Russ.).
19. Marshev VI, Otaboev ZhB. Reflections on the roles of managers: past and present. *Upravlencheskiye nauki = Management Sciences*. 2019;9(2):94-106. doi: 10.26794/2404-022X-2019-9-2-94-106. (In Russ.).
20. Morozov VA. Compatibility of styles (roles) of organization (enterprise) management. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2012;6(7):24-30. (In Russ.).
21. Pletnev DA, Kozlova EV. On the issue of assessing alienation and behavioral opportunism of employees of enterprises and corporations. *Nauchno-tehnicheskkiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2020;13(3):141-157. doi: 10.18721/JE.13311. (In Russ.).
22. Popov EV, Simonova VL. The essence of endogenous opportunism. *Vestnik UGTU-UPI = Bulletin of the USTU-UPI*. 2004;(10):5-12. (In Russ.).

23. Radaev VV. Economic sociology. Moscow: Ed. House of the State University Higher School of Economics; 2008. 608 p. (In Russ.).
24. Simonova VL, Popov EV. Intra-company opportunism and its impact on business efficiency. *Konkurentosposobnost' regiona = Competitiveness of the region*. 2003;181-185. (In Russ.).
25. Frolov AA, Ilaltdinova EYu, Aksenov SI. Yitzhak Adizes and Anton Makarenko: development is the basis for the success of an organization. *Narodnoye obrazovaniye = National Education*. 2016;(1):7-17. (In Russ.).
26. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow: AST; 2004. (In Russ.).
27. Tsylin PE. Adizes code as a tool for the formation of managerial teams. *Biznes i dizayn revyu = Business and Design Review*. 2019;2(14):11. (In Russ.).
28. Shchukina ES, Dmitrova TYu, Imamutdinova OF. Opportunistic behavior of workers in the system of relations between labor and capital. Orenburg: OGU; 2012. 121 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Е. В. Козлова — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

E. V. Kozlova — Senior Lecturer of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 334.021.1

ПРИМЕНЕНИЕ АПОФАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Данил Валерьевич Башмаков

МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия, dv.bashmakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8663-4757>

Аннотация. Целью данной статьи является описание апофатического подхода в целеполагании и разработка методических положений и рекомендаций по его реализации применительно к организационной деятельности. Данный подход исходит из определения цели как результата, используемого в качестве стандарта для оценки текущей деятельности организации. При этом в силу социальной природы организации формирование такого стандарта обусловлено личными ценностными установками и мотивацией участников, отражающих общий культурный контекст общества, его традиции. Автором определены отличительные свойства апофатического мышления, установлена их роль в креативных методиках. Для применения творческого потенциала апофатического подхода в целеполагании был разработан организационный механизм по его реализации применительно к деятельности организации. В результате его действия формируется цель как образ, исключающий с позиций норм и правил общественной морали неприемлемое поведение организации в отношении ее заинтересованных сторон. Для раскрытия содержания такого образа предложен инструмент визуализации, отражающий логику мыслительного процесса. В заключение представлены отличия и преимущества апофатического метода в целеполагании, среди них его связь с представлениями о вечности, приоритет недопустимости над желательностью будущих ситуаций, сосредоточение внимания на характеристиках взаимодействия с заинтересованными сторонами и усиление в нем институциональной компоненты.

Ключевые слова: анализ заинтересованных сторон, предупреждение конфликтов, творческое мышление, ситуации неприемлемости, управление результативностью

Для цитирования: Башмаков Д. В. Применение апофатического подхода в целеполагании развития бизнес-систем организации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 170–180.

Original article

APPLICATION OF THE APOPHATIC APPROACH IN GOAL-SETTING OF THE ORGANIZATION

Danil V. Bashmakov

MIREA — Russian technological university, Moscow, Russia, dv.bashmakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8663-4757>

Abstract. The purpose of this article is to describe the apophatic approach in goal-setting and to develop methodological provisions and recommendations for its implementation in relation to organizational activities. This approach is based on the definition of a goal as a result used as a standard for assessing the current activities of the organization. At the same time, due to the social nature of the organization, the formation of such a standard is due to the personal values and motivation of the participants, reflecting the general cultural context of society, its traditions. The author defines the distinctive features of apophatic thinking and their role in creative methods. To apply the creative potential of the apophatic approach in goal-setting, the author has developed an organizational mechanism for its implementation in relation to the activities of the organization. As a result of its action, a goal is formed as an image that excludes unacceptable behavior of the organization in relation to its stakeholders from the standpoint of the norms and rules of public morality. To reveal the content of such an image, the author proposed a visualization tool that reflects the logic of the thought process. In conclusion, the article presents the differences and advantages of the apophatic method in goal-setting, among them its connection with ideas about eternity, the priority of

inadmissibility over the desirability of future situations, focusing on the characteristics of interaction with stakeholders and strengthening the institutional component in it.

Keywords: stakeholder analysis, conflict prevention, creative thinking, unacceptable situations, performance management

For citation: Bashmakov DV. Application of the Apophatic Approach in Goal-Setting of the Development of the Organization's Business Systems. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):170-180. (In Russ.).

Введение

Целеполагание является основополагающим элементом организации и вместе с этим сложным многоаспектным феноменом, воспринимаемым или как процесс в составе планирования и управления, или как ситуация выбора из альтернатив будущих состояний, или как производная от суммы интенциональных характеристик тех лиц, которые участвуют в совместной деятельности [1].

Согласно [2], в отличие от отдельного проекта или бизнес-процесса, где основной целью является увеличение прибыли, на уровне организации в целом содержанием целеполагания является определение требуемых бизнес-компетенций, например рыночные успехи и масштабы деятельности, процессная и проектная зрелость, соответствие экологическим и пр. стандартам. С учетом интереса ко второму аспекту и теории целеполагания Локка [3], а также концепции управления результативностью Майкла Армстронга и Анжели Бэрон [4], можно дать более общее определение цели как результата, способного служить в роли стандарта, с которым сравнивается текущая деятельность субъекта [5].

Именно Локк инициировал теоретические исследования в области целеполагания, которые проводились им в рамках дисциплины организационного поведения, поэтому данный процесс изучался преимущественно на индивидуальном и командном уровнях. В частности, было отмечено, что цель может быть развернута в последовательности изменений от текущего статус-кво и требовать определенных усилий в преодолении трудностей, препятствий разного рода. Локк обнаружил, что люди, которые ставили перед собой конкретные и трудные цели, работали лучше, чем те, кто ставил перед собой общие, простые цели [6]. В связи с этим цель в отличие от задачи или задания по определению должна иметь амбициозный характер, включать в себе мотивационную составляющую, связанную с личными устремлениями тех, кто пытается ее достичь. Такие содержательные цели способствуют личностному росту и профессиональному развитию участников организации и тем повышают ее про-

изводительность и рентабельность [7; 8; 9]. То, в какой мере участникам удастся достигнуть целей, служит оценкой результативности принятых ими действий.

Возникновению мотивационной составляющей способствует не только содержательная часть целеполагания, но и способ его реализации. Целеполагание — организационно-коммуникативный процесс, который гарантирует, что каждый участник организационной деятельности знает свою роль и понимает результаты, которых он должен достичь, чтобы максимизировать свой вклад в общее дело. При этом актуальным является подход, когда менеджеры и сотрудники совместно ставят цели, поскольку в этом случае сотрудники становятся более вовлеченными [8]. Эта актуальность обусловлена в том числе тенденциями изменения содержания работы — если в прошлом труд дифференцировался на конкретные измеримые задачи, выполняемые квалифицированным работником, то в настоящее время труд имеет, скорее, творческий характер и требует большей автономии работников относительно принятия решений о том, как они будут выполнять работу, что в свою очередь предполагает расширение их обязанностей и полномочий и непрерывного обучения [8; 10].

Тем не менее, несмотря на пользу выводов, полученных в результате исследований командного поведения, их применение не в полной мере релевантно на уровне организации в целом, где целеполагание предполагает более широкий набор альтернатив, имеющих к тому же стратегический характер, а также более широкий круг тех лиц, кто способен влиять на фактическое достижение целей. В этом случае целеполагание может включать в себя обсуждение целей с представителями этого влияния и оценку того насколько они понимают и принимают эти цели, т. е. формирование «осознанной заинтересованности в деятельности». Такое целеполагание называется открытым [11], в противоположность ему скрытое целеполагание не имеет вовсе намерения доводить цели до широкого круга лиц, выступающих субъектами влияния, при этом открытое

целеполагание признается более эффективным, чем его скрытый вид. Такой подход соответствует школе власти в стратегическом менеджменте по классификации Г. Минцберга [12], особенно идеям Г. Эстли о сотрудничестве в разработке стратегии [13]. По своему содержанию данный подход близок к политическим исследованиям, поскольку разработка целей и стратегии их достижения рассматривается как процесс переговоров и достижения консенсуса между конфликтующими индивидами, группами или коалициями. Уровень осознанной заинтересованности как самих участников совместной деятельности, так и различных групп влияния, в этом случае можно использовать в качестве меры эффективного целеполагания организации.

Целью данного исследования является разработка организационного механизма реализации процесса целеполагания организации, реализуемого в условиях открытости для разных групп субъектов влияния и обеспечения их осознанной заинтересованности в результатах ее деятельности. Достижение заявленной цели основано на том предположении, что образ будущего для организации является обобщением многообразных требований, предъявляемых к ней ее участниками и заинтересованными в ней сторонами. Целеполагание будет рассмотрено не столько с рациональной точки зрения как построение целесредственных связей, сколько с позиции апофатического определения будущей организации, выяснения вопроса о том, чем она не должна быть и каких требований к ней нельзя игнорировать. Очевидно, такой подход должен повысить качество целеполагания путем обрамления мотивов участников организационной деятельности и предупредить возможные конфликты между ними и с другими заинтересованными сторонами.

Материалы и методы исследования

Описание апофатического метода в применении к целеполаганию организации

Если целеполагание представить как выбор будущего состояния на основе манифестации совокупных стремлений разных субъектов к его достижению, то не менее значимым становится и способ выражения мыслей и идей в отношении характеристик достигаемого результата. В противоположность общераспространенному варианту утверждения волеизъявлений и построения целесредственных связей в данной работе предлагается вариант апофатического определения.

Апофатический метод сформировался в относительно далекой от менеджмента сфере человеческого мышления, а именно в богословии. Данный метод применялся для объяснения способов познания Бога, исходя из принципа отрицания, т. е. Его непознаваемости, поскольку в действительности нет ничего, с чем можно было бы сравнить Бога. Поэтому апофатическое богословие характеризует Бога в негативных понятиях, например, в Божественной литургии святителя Иоанна Златоуста Бог «невидим, неведом, непостижим». Апофатическое богословие признается господствующим в христианской мысли Востока и свое наиболее яркое выражение получило в исихастской традиции [14]. Альтернативой ему в христианстве является катафатический способ, допускавший возможность познания Бога по плодам Его творения и результатам вмешательства в происходящее в сотворенном Им мире, и широкое применение такого подхода в католическом богословии способствовало развитию рационального образа мышления в западноевропейском обществе. При апофатическом способе мысль должна отталкиваться от противного, от того, чем объект не является и/или чем он не должен быть, с чем данный объект нельзя сопоставлять в принципе.

Вторая особенность данного метода — это озарение, сиюминутное возникновение образа будущего состояния, объекта, отсутствие рассуждений, поступательного движения от предпосылок к выводам [15]. Однако озарение в апофатическом богословии не является безусловным, оно есть следствие «глубокого» восприятия, основанного на молчаливом познании и воздержании от собственного волеизъявления.

Третье средство в методе — это личная аналогия отношений, иными словами, уподобление себя с теми, кто имеет какое-либо отношение к будущему состоянию, объекту, что позволяет воспринимать ситуацию, прочувствовав ее, познавать не только разумом, но и сердцем, которое способно в переизбытке чувств создавать внезапные образы, свойственные озарению. Через личные переживания отношений других участников к будущему посредством образов его неприемлемости определяется то состояние, которое равно положительно оцениваемо всеми в перспективе.

Поскольку субъект проявляется в своем творчестве и его результатах, выбор им методов явно характеризует содержание его культуры, тех ценностей, которых он придерживается. При этом бизнес-практика является частью, причем

в аксиологическом плане почти неотделимой от жизненной практики каждого из ее участников, которые в своем стремлении к понятному им конструктивному устроению бытия тем не менее могут оказываться в конфликте ценностей и их динамичной трансформации. Такая культурная тектоника с ее изломами в отдельных решениях, организационных процедурах, бизнес-стратегиях становится еще одним источником нестабильности в обществе. Если культурные основания бизнес-практики в католичестве — солидарность и благотворительность, а в протестантизме — трудовая аскеза и успешное приложение талантов, то в православии — крайний апофатизм может вести к катастрофическому отрешению от любой хозяйственной деятельности и полному отрыву бизнеса от общества, к образованию отдельного класса людей, игнорирующих ценности, требования, общие положения православной культуры [16].

В то же время апофатическое мышление обладает мощным креативным потенциалом, закладывающим основы синергийного типа интеллекта, способного стать «трамплином» для новой цивилизационной динамики [16]. Все три выделенные выше его особенности востребованы в разных методиках разработки творческих решений. Принцип отрицания, или от обратного, имеет место в теории латерального мышления и методике шести шляп Эдварда де Боно [17; 18], методе Диснея, предложенном Робертом Дилтсом [19], в теории решения изобретательских задач Генриха Сауловича Альтшуллера [20], а также в методике форсайта Даниэля Бурруса [21]. Озарение как способ образного мышления также применяется в методике форсайта Бурруса, но впервые начал разрабатываться в рамках теории продуктивного мышления Макса Вертгеймера [22] и других представителей и последователей гештальтпсихологии [23; 24]. Наконец, метод личной аналогии отношений задействован в синектике Уильяма Гордона [25].

Применяя апофатический подход к процессу целеполагания организации, предлагается руководствоваться следующими положениями:

- определение заинтересованных сторон и изучение их отношения к ней позволяет лучше понять ситуацию и более тщательно разработать ее содержание;

- для стимулирования творческой активности в выработке альтернативных перспектив организации отношения заинтересованных в ней субъектов рекомендуется описывать с помощью логических связей отрицания и критериев в виде

ценностных суждений релевантных национальной культуре;

- обсуждения в кругу экспертов и заинтересованных лиц позволяют определить ситуации неприемлемости, которые можно использовать в качестве рамочных ограничений стремления к образу будущего;

- цели должны быть заявлены в стратегических и программных документах организации, чтобы обеспечить должную координацию участников в их реализации.

Результаты и обсуждение

Организационный механизм апофатического целеполагания организации

Следуя указанным выше методическим положениям, на рисунке 1 представлена схема организационного механизма апофатического целеполагания организации.

Разработка начинается с описания исходной ситуации на основе идентификации заинтересованных сторон и их отношения к текущему положению дел и возможным вариантам его изменения. С точки зрения процессного концепта идентификация в минимальном составе включает собственников (учредителей, акционеров) организации, ее сотрудников или исполнителей, потребителей или заказчиков, а также поставщиков ресурсов для нее. Дальнейшая конкретизация состава заинтересованных сторон только повышает качество целеполагания.

Основная деятельность организации служит предметом оценки заинтересованных в ней субъектов. С позиций собственников и сотрудников цели определяются тем, как организация функционирует; с позиций потребителей выражаются требования к тому, что получается в результате ее выполнения; а с позиций поставщиков уточняются условия для получения результатов. Различие позиций субъектов в отношении одного предмета требует не только создания организационных условий обсуждения, но и выстраивания единой логики его проведения. Согласно [26], участники целеполагания должны решить, насколько цели организации отражают ее идентичность, то есть то, чем она является, и насколько она соответствует тому образу, который возникает при ее восприятии внешними заинтересованными сторонами, например потребителями и поставщиками. Вследствие того, что на организационную идентичность сильно влияют ценности всех заинтересованных в ее деятельности субъектов, возникает потребность

в коллективном ценностно ориентированном обсуждении деятельности организации, в рамках которого предлагается ее возможные результаты и условия описывать в категориях отрицания. Например, для кредитной организации описание ее деятельности может включать такие признаки

отрицания, как: «не банкротящее клиентов», «не банкротящее кредитную организацию», «не задерживающее выплату процентов», «не нарушающее правил и нормативов Банка России», «не вводящее в заблуждение по условиям контрактов» и т. д.

Рис. 1. Организационный механизм апофатического целеполагания организации

Источник: составлено автором

Fig. 1. Organizational mechanism of apophatic goal-setting of the organization

Source: compiled by the author

Такой способ описания организации продуцирует творческое мышление и способствует вариативности решений по ее развитию. Например, в логике разработки такого признака кредитной организации, как «не вводящее в заблуждение по условиям контрактов» присутствуют следующие вопросы, связанные с его оценкой и измерением: как часто клиенты читают кредитные договора от начала до конца, все ли пункты договора ясны клиенту, насколько понятны клиенту разъяснения специалиста кредитной организации по спрашиваемому пункту договора и др. В другом

примере: для реализации признака «не нарушающее правил и нормативов Банка России» следует обеспечить в качестве условий деятельности кредитной организации соответствие макропруденциальным лимитам и обязательным нормативам ликвидности, достаточности капитала и др., соблюдение своевременности предоставления полной и верной отчетной информации, предупреждение нелегального использования денежных средств и т. д.

В определенной мере данный подход напоминает метод «360 градусов», поскольку также

предполагает оценку по разным категориям разными субъектами, включая и внешние заинтересованные стороны, только предмет оценки деятельности в этом случае не на уровне отдельного сотрудника, а на уровне организации в целом. Общее сходство можно увидеть и в том, что большинство компаний используют метод «360 градусов», прежде всего, для своего развития, а также для ориентации менеджмента на основные ценности организации [4].

Различие ценностных оценок направляет развитие организации на реализацию нескольких отрицательных признаков, а не просто на достижение какой-либо одной цели. В соответствии с классификацией Ланкоски и Смита [27] связи между такими целями имеют исключительно комплементарный характер, т. е. все выявленные признаки рассматриваются как конечные цели в равной степени. Они не могут иметь ни инструментальный, ни иерархический, ни ограниченный тип отношений. Это связано с тем, что каждый отрицательный признак интерпретируется в ситуации неприемлемости и продуцирует действия по ее недопущению. Например, ситуацией неприемлемости для признака «не вводящее в заблуждение по условиям контрактов» является разочарование клиентов от несоответствия их действий, последствий и ожиданий, что обычно проявляется в их оспаривании условий договора и желании их изменить, а также в стрессовом состоянии сотрудников, которые вынуждены обслуживать недовольных клиентов. Разумеется, ни одна из ситуаций неприемлемости не может иметь больший или меньший приоритет или служить лишь средством предотвращения другой. Слагаемый образ будущей организации требует такой формы отношений между заинтересованными субъектами, которая бы не допускала ни одну из определенных неприемлемостей. Очевидно, только такую логику ведения бизнеса оправдывает апофатическое целеполагание.

Важной особенностью апофатического целеполагания (также отличающего его от метода «360 градусов») является экспертное обсуждение ситуаций неприемлемости в соответствии с критериями ценностных суждений, релевантных культуре цивилизации, что позволит избежать субъективизма, свойственного опросам непосредственных участников ситуаций. Логика дискуссий в этом случае определяется традицией, например, осуждающей грех как поведение, нарушающее значимые в обществе нормы и правила морали. Примеры такого поведения разно-

образны в зависимости от ситуации, среди них намеренная ложь как умышленное искажение реального положения дел, лишение кого-либо из участников платежеспособности, уклонение от выполнения обязанностей как проявление безделья и безразличия, агрессия, провоцирующая конфликты, алчность в распределении ресурсов, злоупотребление властью и т. д.

В роли экспертов могут выступать лидеры групповых мнений заинтересованных сторон или их авторитетные представители, способные наиболее точным образом выразить их ожидания. Логика обсуждений тем не менее не сводится к высказыванию интересов отдельных групп, но направлена на оценку действий относительно интерпретации требований других заинтересованных сторон. Модератором дискуссий выступает профессиональный консультант в вопросах деловой этики, однако совместно с представителем высшего руководства организации (куратором рабочей группы) решающий конкретную задачу целеполагания. Обсуждения могут иметь периодический характер с конкретной повесткой дня и незначительной ротацией. Планирование обсуждений в обязанностях куратора группы. Результаты работы — формулирование и уточнение целей организации для их внесения в ее стратегические и программные документы.

В качестве инструмента визуализации можно предложить круг отрицания неприемлемых ситуаций, представленный на рисунке 2.

Круг делится на сектора, их радиальные линии выходят за пределы дуги, отражая тем самым бесконечную область возможных действий. Каждый сектор — это сфера деятельности, обусловленная требованиями заинтересованных лиц. Окружность — граница приемлемости поведения, поэтому на внешней стороне дуги сектора формулируется ситуация неприемлемости, а внутри самого сектора определяются действия и решения, необходимые для ее предотвращения. Цель организации и представляет собой обобщение разработанного содержания круга.

Заключение

Одно из главных достоинств апофатического метода — это преодоление суеты, перегрузки срочных задач в категориях матрицы Эйзенхауэра [28]. Конечно, сами срочные задачи никуда не пропадают, но вот важные задачи оказываются на «пульсе» работы, поскольку апофатическое целеполагание преодолевает время и концентрируется на проблемах, более свойственных вечности.

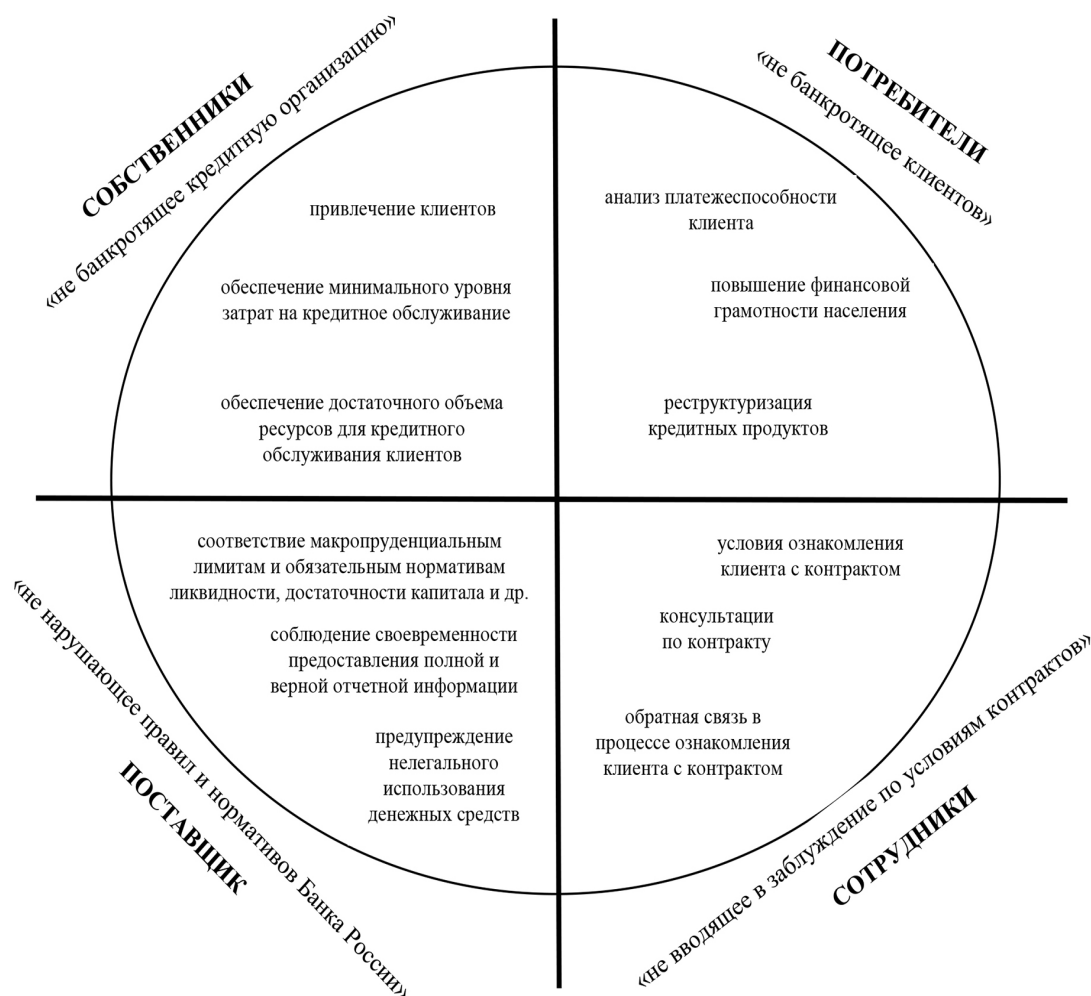

Рис.2. Круг отрицания неприемлемых ситуаций в целеполагании организации

Источник: составлено автором

Fig.2. The circle of denial of unacceptable situations in the goal-setting of the organization

Source: compiled by the author

Дэвид Льюис в книге «Управление стрессом» для определения важности целей предлагает использовать метод написания некролога, в котором осознание итогов желаемой жизни позволит отразить ключевые ценности — чего хотели бы добиться в жизни, как хотели бы ее прожить, какие отношения с людьми построить, какой след оставить. Еще в античную эпоху (300 лет до н. э.) философы-стоики различали просто цели (*skoros*, цель как задача или объект для наблюдения) и конечные цели (*telos*, цель-предназначение), апофатический метод позволяет вскрыть содержание именно последнего вида целей. Если просто цели — это нечто внешнее по отношению к субъекту (мишень), то конечная цель всегда носит «внутренний характер», для ее постановки главное не столько в достижении цели (попасть в мишень), сколько в «прицеливании», т. е. в движении к ее достижению [29]. Аналогичную

мысль можно встретить и в работах историка А. Дж. Тойнби, который, в свою очередь, ссылается на библейские тексты: «для того чтобы достигнуть какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели. В этом смысл притчи Ветхого завета о выборе Соломона (3 Цар. 3:5-15), а также смысл слов Нового завета об утраченной и обретенной жизни (Мф. 10:39; Мф. 16:25; Мк. 8:35; Лк. 9:24; Лк. 17:33; Ин. 12:25)» [30, С. 515–516]. Апофатическое целеполагание, основанное на представлениях о вечности, дает возможность связать «характер» деятельности с конкретными ориентирами текущих действий, при этом повышая значимость нормативной составляющей, т. е. оценки последствий выбора целей [31].

В связи с этим нельзя не упомянуть об актуальной сегодня тенденции популяризации

применения ESG-стандартов в бизнес-деятельности организаций, призванных обеспечить реализацию целей устойчивого развития. Однако если в концепции устойчивого развития исходным положением целеполагания является достижение удовлетворения жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений, то в апофатическом целеполагании точка зрения за пределами жизни, в ситуации некролога, что в большей степени соответствует религиозным концепциям Страшного суда. В то же время объединяет оба подхода актуализация логики, способная ограничить индивидуалистские стремления, проистекающие из субъективных частных интересов и выгод, иными словами, наличие приоритета недопустимости над желательностью будущих ситуаций.

В технологии целеполагания с позиций апофатического подхода условия недопустимости доминируют над условиями возможности или желательности целей при их выборе [32]. Условие недопустимого для кого-либо результата выступает «красной линией», отменяющей всякую вероятность его реализации. Именно для такого «обрамления» проблемной ситуации необходимо выявление экзогенных установок в отношении организации, поскольку они очерчивают круг потенциальных результатов ради сохранения «вечной» перспективы в качестве основной ее эндогенной установки.

В условиях цифровизации применение традиционных методов целеполагания на основе обеспечения высокой производительности как способа конкурентоспособности организации все более утрачивает свою актуальность. Причина этому стремящееся к нулю количество дефектов и потерь в реализации бизнес-процессов, опосредованных цифровыми технологиями, и повышение уровня турбулентности вслед-

ствие пространственно-временной компрессии, вызванной развитием ИТ, когда общество имеет возможность к безграничной осведомленности о событиях в мире. Привычные представления о цели организации как о ее жизнеспособности и перспективах долгосрочного развития, принося конкретную пользу обществу, все в большей степени зависят от конфликтов, инцидентов, отказов в участии, несогласования решений, иными словами, от неприемлемости возможных в результате деятельности организации конкретных ситуаций для определенных заинтересованных в них сторон. В этом аспекте апофатический подход будет усиливать институциональную составляющую процесса целеполагания, направленную:

- на обеспечение согласованности объективно взаимосвязанных действий и учет взаимной обусловленности решений, принимаемых при планировании деятельности заинтересованных в ней субъектов;

- развитие института ответственности за качество подготовки и исполнения управленческих решений;

- обеспечение прозрачности процедур целеполагания и преодоление инертности некоторых субъектов деятельности;

- формирование сообщества общественной экспертизы, повышение компетентности управления и эффективности коммуникации между заинтересованными в деятельности организации сторонами [33].

Подводя общий итог, апофатическое целеполагание организации обладает рядом преимуществ, обусловленных изменениями в технологии и организационных условиях его реализации, вследствие усиления институциональной составляющей на основе заявленного приоритета «вечной» перспективы.

Список источников

1. Cardoso E. C. S., Almeida J. P. A., Guizzardi R. S. S. Analysing the relations between strategic and operational aspects of an enterprise: towards an ontology-based approach // *International Journal of Organisational Design and Engineering*. 2012. Vol. 2, No. 3. P. 271–294. doi: 10.1504/IJODE.2012.049696.
2. Liu B., Xue B., Meng J., Chen X., Sun T. How project management practices lead to infrastructure sustainable success: An empirical study based on the goal-setting theory // *Engineering, Construction and Architectural Management*. 2020. Vol. 27, No. 10. P. 2797–2833. doi: 10.1108/ecam-08-2019-0463.
3. Locke E. A., Latham G. P. Self-Regulation through Goal Setting // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50, Issue 2. P. 212–247. doi: 10.1016/0749-5978(91)90021-K.
4. Армстронг М., Бэрн А. Управление результативностью: Система оценки результатов в действии. М. : Альпина Паблишер, 2011. 250 с.
5. Locke E. A., Latham G. P. Building a theory by induction: the example of goal setting theory // *Organizational Psychology Review*. 2020. Vol. 10 (3-4). P. 223–239. doi: 10.1177/2041386620921931.

6. Locke E. A. Toward a theory of task motivation and incentives // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1968. Vol. 3, Issue 2. P. 157–189. doi: 10.1016/0030-5073(68)90004-4.
7. Kerr S., Landauer S. Using stretch goals to promote organizational effectiveness and personal growth: General Electric and Goldman Sachs // *the Academy of Management Executive*. 2004. Vol. 18, No. 4. P. 134–138. doi: 10.5465/ame.2004.15268739.
8. Maheshwari D. R. S., Vohra V. Managing performance: Role of goal setting in creating work meaningfulness // *the Business and Management Review*. 2018. Vol. 9. No. 4. P. 261–275.
9. Колобов А. В. Амбициозное, динамическое целеполагание как инструмент повышения конкурентоспособности металлургической компании // *Экономика в промышленности*. 2019. Т. 12, № 2. С. 205–212. doi: 10.17073/2072-1633-2019-2-205-212.
10. Thomas K. W. *Intrinsic motivation at work: Building energy & commitment*. San Francisco : Berrett-Koehler Publishers, 2000. 143 p.
11. Callander J. S. *Business Goal Setting (BGS) bridging strategy and organisational behaviour; as part of strategy development, what elements of business goal setting contribute to employee intellectual buy-in? a multiple case-based study: doctoral thesis*. University of Southampton, 2020. 324 p.
12. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента. СПб. : Питер, 2000. 336 с.
13. Astley W. G. Toward an Appreciation of Collective Strategy // *Academy of Management Review*. 1984. Vol. 9, No 3. P. 526–535. doi: 10.2307/258292.
14. Наумов Д. А. Исихастская мистическая традиция в восточнохристианской богословской мысли // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2004. Т. 10, № 1. С. 55–63.
15. Пенионжек Е. В. Особенности интеллектуального осмысления ценности времени в учениях средневековых мистиков // *Российский экономический вестник*. 2020. Т. 3, № 6. С. 258–264.
16. Неклесса А. И. Культиваторы будущего // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10, № 2. С. 22–37. doi: 10.21202/1993-047X.10.2016.2.22-37.
17. де Боно Э. Искусство думать. Латеральное мышление как способ решения сложных задач. М. : Альпина Паблишер, 2019. 176 с.
18. де Боно Э. Шесть шляп мышления. СПб. : Питер Паблишинг, 1997. 256 с.
19. Дилтс Р. НЛП: управление креативностью. СПб. : Питер, 2003. 416 с.
20. Альтшуллер Г. С. Найти идею: Введение в ТРИЗ — теорию решения изобретательских задач. М. : Альпина Паблишер, 2010. 402 с.
21. Буррус Д., Манн Дж. Д. Озарение. Как выйти за границы привычного и увидеть в переменах новые возможности для бизнеса. М. : Эксмо, 2014. 368 с.
22. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М. : Прогресс, 1987. 336 с.
23. Цой В. В., Тарасова О. П. Гештальт-принципы в развитии креативности будущих дизайнеров // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2022. № 2 (234). С. 103–109. doi: 10.25198/1814-6457-234-103.
24. Логинов Н. И., Спиридонов В. Ф. Современные исследования инсайта: что мы узнали об инсайте после гештальтпсихологов // *Вопросы психологии*. 2019. № 4. С. 146–154.
25. Gordon W. J. J. *Synectics: the Development of Creative Capacity*. London : Collier-MacMillan, 1961. 180 p.
26. Manninen K., Huiskonen J. Sustainability goal setting with a value-focused thinking approach // *Sustainable Business Models. Innovation, Implementation and Success* / Edit. A. Aagaard. Palgrave Macmillan, 2018. P. 89–118. doi: 10.1007/978-3-319-93275-0_4.
27. Lankoski L., Smith N. Alternative Objective Functions for Firms // *Organization & Environment*. 2017. Vol. 31, No 3. P. 242–262. doi: 10.1177/1086026617722883.
28. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М. : Альпина Паблишер, 2012. 374 с.
29. Мерзликина Г. С. Экономическая эффективность «умного производства»: от целевых установок к регламентации // *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2021. № 3. С. 17–27. doi: 10.24143/20735537-2021-3-17-27.
30. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Прогресс, 1990. 730 с.

31. Бикметов Е. Ю., Лукьянов А. В. Нормативная составляющая целеполагания и целедостижения в социальном проектировании // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 59–68. doi: 10.15593/2224-9354/2021.1.5.
32. Писарева О. М. Ценностный подход и основания стратегического целеполагания в условиях цифровой трансформации экономики и управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11, № 4. С. 338–357. doi: 10.18184/2079-4665.2020.11.4.338-357.
33. Агафонов В. А., Ерзнкян Б. А. Системные принципы совершенствования стратегического управления: институциональный аспект // Экономическая наука современной России. 2021. № 2 (93). С. 57–71. doi: 10.33293/1609-1442-2021-2(93)-57-71.

References

1. Cardoso ECS, Almeida JPA., Guizzardi RSS. Analysing the relations between strategic and operational aspects of an enterprise: towards an ontology-based approach. *International Journal of Organisational Design and Engineering*. 2012;2(3):271-294. doi: 10.1504/IJODE.2012.049696.
2. Liu B, Xue B, Meng J, Chen X, Sun T. How project management practices lead to infrastructure sustainable success: An empirical study based on the goal-setting theory. *Engineering, Construction and Architectural Management*. 2020;27(10):2797–2833. doi: 10.1108/ecam-08-2019-0463.
3. Locke EA, Latham GP. Self-Regulation through Goal Setting. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991;50(2):212-247. doi: 10.1016/0749-5978(91)90021-K.
4. Armstrong M, Baron A. Managing Performance: Performance management in action. Moscow: Alpina Publisher; 2011. 250 p. (In Russ.).
5. Locke EA, Latham GP. Building a theory by induction: the example of goal setting theory. *Organizational Psychology Review*. 2020;10(3-4):223-239. doi: 10.1177/2041386620921931.
6. Locke EA. Toward a theory of task motivation and incentives. *Organizational Behavior and Human Performance*. 1968;3(2):157-189. doi: 10.1016/0030-5073(68)90004-4.
7. Kerr S, Landauer S. Using stretch goals to promote organizational effectiveness and personal growth: General Electric and Goldman Sachs. *The Academy of Management Executive*. 2004;18(4):134-138. doi: 10.5465/ame.2004.15268739.
8. Maheshwari DRS, Vohra V. Managing performance: Role of goal setting in creating work meaningfulness. *The Business and Management Review*. 2018;9(4):261-275.
9. Kolobov AV. Ambitious, dynamic goal-setting as a tool to improve the competitiveness of the metallurgical company. *Ekonomika Promyshlennosti = Russian Journal of Industrial Economics*. 2019;12(2):205-212. doi: 10.17073/2072-1633-2019-2-205-212. (In Russ.).
10. Thomas KW. Intrinsic motivation at work: Building energy & commitment. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers; 2000. 143 p.
11. Callander JS. Business Goal Setting (BGS) bridging strategy and organisational behaviour; as part of strategy development, what elements of business goal setting contribute to employee intellectual buy-in? a multiple case-based study, doctoral thesis. University of Southampton; 2020. 324 p.
12. Mintzberg H, Ahlstrand B, Lampel J. Strategy Safari: A Guided Tour through the Wilds of Strategic Management. St. Petersburg: Piter Publishing House; 2000. 336 p. (In Russ.).
13. Astley W. Toward an Appreciation of Collective Strategy. *Academy of Management Review*. 1984;9(3):526-535. doi: 10.2307/258292.
14. Naumov DA. Hesychast mystical tradition in Eastern Christian theological thought. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2004;10(1):55-63. (In Russ.).
15. Penionzhik EV. Features of Intellectual Understanding of the Value of Time in the Teachings of Medieval Mystics. *Rossiyskiy ekonomicheskiy vestnik = Russian Economic Bulletin*. 2020;3(6):258-264. (In Russ.).
16. Neklessa AI. Cultivators of the future. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2016;10(2):22-37. (In Russ.).
17. de Bono E. Lateral Thinking — An Introduction. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 176 p. (In Russ.).
18. de Bono E. Six Thinking Hats. St. Petersburg: Piter Publishing House; 1997. 256 p. (In Russ.).
19. Dilts RB. Skills for the Future: Managing Creativity and Innovation. St. Petersburg, Piter Publishing House; 2003. 416 p. (In Russ.).

20. Altshuller GS. To find an Idea: Introduction to the Theory of Solving Inventive Problems. Moscow: Alpina Publisher; 2010. 402 p. (In Russ.).
21. Burrus D, Mann JD. Flash Foresight: How to See the Invisible and do the Impossible. Moscow: Eksmo; 2014. 368 p. (In Russ.).
22. Wertheimer M. Productive Thinking. Moscow: Progress Publishers; 1987. 336 p. (In Russ.).
23. Tsoy VV, Tarasova OP. Gestalt Principles in the Development of Future Designers Creativity. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. 2022;2(234):103-109. (In Russ.).
24. Loginov NI, Spiridonov VF. Modern Research of Insight: What Have We Learned about the Insight after Gestaltpsychologie. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*. 2019;(4):146–154 (In Russ.).
25. Gordon WJJ. Syntectics: The Development of Creative Capacity. London: Collier-MacMillan; 1961. 180 p.
26. Manninen K, Huiskonen J, Aagaard A. (ed.) Sustainability goal setting with a value-focused thinking approach. In: Sustainable Business Models. Innovation, Implementation and Success. Palgrave Macmillan; 2018. P. 89–118. doi: 10.1007/978-3-319-93275-0_4.
27. Lankoski L, Smith N. Alternative Objective Functions for Firms. *Organization & Environment*. 2017;31(3):242-262. doi: 10.1177/1086026617722883.
28. Covey SR. The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic. Moscow: Alpina Publisher; 2012. 374 p. (In Russ.).
29. Merzlikina GS. Economic efficiency of smart production: from targets to regulations. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2021;(3):17-27. doi: 10.24143/2073-5537-2021-3-17-27. (In Russ.).
30. Toynbee AJ. A study of history. Moscow: Progress Publishers; 1990. 730 p. (In Russ.).
31. Bikmetov EYu, Lukyanov AV. Normative Component of Goal Setting and Goal Achievement in Social Design. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki = PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2021;(1):59-68. doi: 10.15593/2224-9354/2021.1.5. (In Russ.).
32. Pisareva OM. Axiological Approach and Foundations of Strategic Goal-setting in the Context of the Digital Transformation of the Economy and Management. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2020;11(4):338-357. doi: 10.18184/2079-4665.2020.11.4.338-357. (In Russ.).
33. Agafonov VA, Yernkryan BH. Systematic Principles for Improving Strategic Management: Institutional Aspect. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economics of Contemporary Russia*. 2021;(2(93):57-71. doi: 10.33293/1609-1442-2021-2(93)-57-71. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. В. Башмаков — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры современных технологий управления Института технологий управления.

Information about the author

D. V. Bashmakov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Management Technologies of the Institute of Management Technologies.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 11.12.2022; approved
after reviewing 28.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАЦИОННОЙ И ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КОРПОРАЦИЙ НЕФТЯНОГО И ГАЗОВОГО СЕКТОРА РОССИИ

Екатерина Владимировна Николаева

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kat_sa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3579-6518>

Аннотация. Современные экономические и политические условия ставят перед российскими компаниями целый ряд вопросов, связанных с их дальнейшим функционированием в сложившейся среде. Санкционные ограничения, шоки на мировых рынках энергоресурсов, экологическая повестка стран Запада — все это требует от российских компаний нефтяной и газовой промышленности пересмотра принятых ранее стратегических решений, внедрения новых подходов к управлению, трансформации своих процессов на всех уровнях организации деятельности. Кроме того, развитие цифровых технологий и высокая конкуренция в отраслях стимулируют компании проводить масштабные программы по внедрению цифровых решений, развитию цифровых компетенций во всех направлениях реализации бизнес-процессов. Цель данной статьи — изучить особенности реализации программ операционной, инфраструктурной и цифровой трансформации в российских нефтяных и газовых корпорациях. В рамках исследования проанализированы и описаны наиболее распространенные подходы и формы реализации программ трансформационных изменений в российских компаниях. На примере крупнейших корпораций нефтяной и газовой отрасли описаны и проанализированы кейсы операционной и инфраструктурной трансформации бизнес-процессов, выявлены особенности трансформации в исследуемой отрасли экономики. По двум крупнейшим корпорациям нефтяной и газовой промышленности (ПАО «НК Роснефть», ПАО «Газпром нефть») проанализированы ключевые показатели эффективности деятельности (показатели производства, выручки от реализации, операционной прибыли, величины капитальных затрат, рентабельности и др.) до и после реализации программ масштабной трансформации. Сделаны выводы об эффективности данных программ и об их влиянии на результаты деятельности исследуемых компаний.

Ключевые слова: трансформация компании, нефтяная и газовая промышленность, цифровизация, эффективность

Для цитирования: Николаева Е. В. Особенности операционной и инфраструктурной трансформации корпораций нефтяного и газового сектора России // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 181–192.

Original article

FEATURES OF OPERATIONAL AND INFRASTRUCTURAL TRANSFORMATION IN CORPORATIONS IN THE OIL AND GAS SECTOR OF RUSSIA

Ekaterina V. Nikolaeva

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kat_sa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3579-6518>

Abstract. Modern economic and political conditions pose a number of issues for Russian companies related to their further functioning in the current environment. Economic restrictions, shocks in the global energy markets, the environmental agenda of Western countries — all this requires Russian companies in the oil and gas industry to revise their strategic decisions, introduce new approaches to management, and transform their processes at all levels of business organization. In addition, the development of digital technologies and high competition in industries encourage companies to carry out large-scale programs for the implementation of digital solutions, the development of digital competencies in all areas of business processes. The purpose of this article is to study

the features of the implementation of operational, infrastructure and digital transformation programs In Russian oil and gas corporations, as well as to evaluate the effectiveness of the transformation programs carried out based on an analysis of economic indicators for individual corporations. The study analyzes and describes the most common approaches and forms of implementation of transformational change programs In Russian companies. On the example of the largest corporations in the oil and gas industry, cases of operational and infrastructural transformation of business processes are described and analyzed, features of transformation in the studied sector of the economy are identified. For the two largest corporations in the oil and gas industry (PJSC NK Rosneft, PJSC Gazprom Neft), key performance indicators (production indicators, sales proceeds, operating profit, capital costs, profitability, etc.) were analyzed before and after the implementation of the large-scale transformation programs. Conclusions are drawn about the effectiveness of these programs and their impact on the performance of the companies under study.

Keywords: company transformation, oil and gas industry, digitalization, efficiency

For citation: Nikolaeva EV. Features of operational and infrastructural transformation in corporations in the oil and gas sector of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):181-192. (In Russ.).

Введение

Многие десятилетия в экономике РФ особенностью функционирования корпораций являлась эксплуатация устоявшихся схем и бизнес-моделей, позволяющих корпорации сохранять стабильное положение в отрасли и на рынке. Однако в последние несколько лет внешняя среда стремительно трансформируется. Проявляются как позитивные сдвиги (развитие рынков товаров и услуг, усиление конкуренции, вызванное глобализацией), так и отчетливо негативные проявления (экономические шоки, вызванные пандемией, трансформацией сырьевых рынков, санкциями в отношении РФ и отдельных компаний). Все это требует от российских корпораций пересмотра существующих стратегий, схем взаимодействия, а иногда и направлений деятельности. Без принятия мер, разработки программ по трансформации бизнеса эффективность российских корпораций будет неуклонно снижаться. Современной корпорации сложно оставаться эффективной, заявлять о своем лидерстве на рынках и в отраслях без внедрения в практику управления и производства новейших инструментов ведения бизнеса, использование многих из которых потребует масштабной трансформации на уровне всех процессов корпорации.

В научных трудах, посвященных стратегическому развитию, оптимизации бизнес-процессов уделяется значительное внимание вопросам влияния трансформации на эффективность компаний, ее роли в стратегии развития, а также особенностям реализации и эффективности программ цифровой трансформации компаний [8; 9; 18].

Особенности корпоративной трансформации, ее понятие и формы были изучены и представлены в трудах Н. Тичи и М. Деванна [20], А. М. Ташмана [21], В. Бурка и Дж. Литуина, К. [12], К. Левина [7], П. Сингха и А. Бхандаркера [19] и других ученых.

П. Штомпка сравнивает трансформацию с репродуцированием, компенсаторным, адаптивным, уравнивающим процессом, позволяющим приспосабливаться к окружающим условиям [10]. Отмечается, что трансформация корпораций представляет собой такие изменения, которые связаны с существенными, глубинными преобразованиями лежащих в их основе принципов и убеждений.

По мнению Н. Тичи и М. Деванна, трансформация корпорации — это явление, затрагивающее всю ее структуру и подразумевающее радикальные сдвиги в стратегии и революционные изменения во всей организации бизнеса [22].

М. Ташман уделяет внимание описанию различий между эволюционными и революционными изменениями в корпорации [21]. По его мнению, главным фактором, отличающим корпоративную трансформацию от изменения, является шкала сдвига, дифференцируемая для обозначения постепенного сдвига (изменения) по сравнению с квантовым сдвигом (корпоративной трансформацией).

Поведенческая теория относит трансформацию корпорации к «областям, которые требуют нового поведения сотрудников в результате давления внешней и внутренней среды» [12]. По мнению А. Бхандаркер, генеральный директор и его команда играют важнейшую роль в корпоративной трансформации [19]. Отдельные сотрудники компании могут обладать необходимой для этого компетенцией, но именно руководству принадлежит главенствующая роль в реализации новой идеологии на уровне корпорации в целом.

Вопросам, посвященным цифровизации в отраслях и отдельных компаниях, а также использованию цифровых моделей, больших данных посвящены труды Х. Баумана, С. Никоу [11], М. Фицджеральда [14], Г. Кане [16], И. Кауфмана и К. Хортон [17], Т. фон Лейпциг [22] и др.

В эпоху информационной трансформации мировой экономики, экономик отдельных стран и компаний происходит смещение акцентов, моделей и технологий деятельности российских корпораций, проявляющееся в активном внедрении технологических и цифровых инноваций. Адаптируясь к новым реалиям, крупнейшие российские корпорации из различных отраслей экономики реализуют совершенно новые подходы к управлению и организации всей своей деятельности, а также на уровне отдельных бизнес-процессов. Цифровые платформы и технологии позволяют корпорациям осуществлять продажи на быстрорастущих рынках. Широкое распространение цифровых решений в производственной и управленческой деятельности приводит к значительным изменениям в компаниях — пересмотру продуктовых линеек, структуры активов, конкурентных стратегий и организационных структур.

В России энергетика входит в число отраслей экономики, по которым осуществляется периодический мониторинг цифровой зрелости (в рамках направления «Цифровая трансформация»). В нефтяном и газовом секторе в рамках данного стратегического направления отдельно предусмотрен ряд технологических инициатив, в числе которых: «Данные для роста — искусственный интеллект», «Роботизация в нефтегазовом комплексе», «Цифровая промышленная безопасность». При этом в числе приоритетных задач на настоящем этапе развития находятся: разработка мер правового регулирования рынка промышленных данных; внедрение искусственного интеллекта и полностью автономных робототехнических решений, особенно для удаленных и опасных энергетических объектов; снижение уровня аварийности и производственного травматизма как результат применения информационных решений в анализе данных технического состояния оборудования и текущего мониторинга работы персонала.

Рассмотрим наиболее актуальные модели операционной и инфраструктурной трансформации, реализуемые в российских компаниях.

На уровне операционной деятельности процессы трансформации внутри компаний носят наиболее масштабный характер и затрагивают многие бизнес-процессы в компании. В практике хозяйствования и отстраивания бизнес-процессов в компании сложилось множество подходов к разработке программ трансформации, однако не все они в одинаковой степени оказались эф-

фективны и прижились на уровне рутин, наиболее полно отвечающих текущим условиям хозяйствования и развития рынков. Рассмотрим наиболее значимые подходы, эффективность внедрения которых подтверждена многими крупнейшими российскими и западными компаниями.

Лин-трансформация (Lean), или *бережливое производство*. Данная концепция управления операционной деятельностью производственного предприятия основана на внедрении непрерывного процесса устранения различных видов потерь, возникающих в деятельности компании. Такой подход к трансформации процессов предполагает вовлечение в процесс оптимизации максимальное число сотрудников предприятия на всех уровнях реализации бизнеса. Лежит в основе подхода и является залогом его успешности выстраивание отношений на основе реального делегирования полномочий по оптимизации процессов сотрудникам предприятия, приветствуется вовлечение их в принятие решений на уровне их компетенций. Для повышения отдачи привлекаются инструменты нематериальной мотивации (на основе работающих рутин корпоративной культуры и т. п.).

При этом условиями успешного внедрения лин-принципов в процесс трансформации компании являются:

- 1) намерение собственника компании или топ-менеджера успешно реализовать трансформацию компании и неотступное следование этому намерению;
- 2) вовлеченность в процесс трансформации всех руководящих сотрудников и других работников предприятия, т. е. выстраивание в компании некой общности намерений, в основе которой лежит четкая цель руководства — повысить эффективность бизнеса за счет проводимых «реформ»;
- 3) важность не только четко поставленной цели, но также и детального и понятного плана программы трансформации.

Agile-трансформация, или трансформация, основанная на принципах Agile. Под Agile понимается набор принципов и подходов, направляющих ресурсы компании на быстрое создание продуктов, востребованных на рынке.

Agile не является отдельной методологией по трансформации процессов в компании. Это, скорее, обобщенное название различных методик и подходов к управлению, с помощью которых в компании происходит фокусировка на нуждах и целях клиентов; облегчение организационной

структуры и внутренних процессов. Работа при этом выполняется короткими циклами, что позволяет максимально быстро создавать ценный и необходимый для клиента результат. В процессе реализации подхода активно используется обратная связь, а сотрудники принимают полномочия и ответственность и демонстрируют высокий уровень самоорганизации. Также следует добавить, что в основе лежит гуманистический подход к организации и управлению на предприятии.

Отправным пунктом реализации Agile-трансформации в компании служит понимание того, где она находится в настоящий момент и в каком направлении ей нужно двигаться. Задачей Agile-трансформации является устранение препятствий, которые мешают компании достичь желаемой цели.

Agile является итеративным, кросс-функциональным, ориентированным на команду подходом, успешно реализовать который можно в любой отрасли экономики и в условиях различной бизнес-среды. Первоначально развивавшийся в области разработки ПО, данный подход на первое место ставит скорость, автономность и способность к кооперации звеньев компании, что позволяет раскрыть полный ее потенциал.

Обобщенные результаты внедрения подхода Agile в трансформации компаний: позволяет снизить издержки на 25–35 %, повысить качество продукции и услуг до 20 %, ускорить создание новых продуктов и услуг на 100–200 % от первоначальных затрат времени.

ТОС-трансформация: теория ограничений систем (ТОС, Theory of constraints). Представляет собой подход к управлению системами в различных сферах деятельности, суть которого сводится к поиску наиболее значимых ограничений, влияющих на успех и эффективность всей системы в целом.

Теория ограничений систем была разработана в 1980-х годах израильским физиком и философом Э. Голдраттом и получила достаточно широкое распространение. Популярностью она обязана своей простоте и универсальности — принципы и инструменты ТОС могут быть применены для устранения ограничений в системах любого типа и практически неизбежно приводят к повышению эффективности системы.

Основную позицию теории ограничений системы можно выразить в одной фразе: вся система не может быть быстрее и продуктивнее, чем ее самое слабое звено (оно и называется ограничением).

Практика показывает, что как минимум одно ограничение есть в любой системе. Устранение таких ограничивающих мест, оздоровление наиболее уязвимых звеньев компании позволяет выстроить бизнес-процессы в компании наиболее оптимальным образом, достичь экономии времени и ресурсов, повысить эффективность отдельных процессов и компании в целом [3; 5].

Цифровая трансформация (цифровизация) представляет собой масштабное преобразование деятельности компании, максимально полное основанное на внедрении цифровых продуктов в различные сферы деятельности компании (от процесса добычи ресурсов до управления высшими звеньями компании). Это комплексный подход, заключающийся во внедрении наиболее современных цифровых технологий в большинство бизнес-процессов компании.

Цифровая трансформация является одной из наиболее распространенных в настоящее время форм реализации программ трансформации как в частных, так и в государственных компаниях. Внедрение цифровых решений в бизнес-процессы компаний позволяет решить задачу по их оптимизации, результатом чего становится максимальная отдача от всех видов ресурсов при одновременном снижении трудозатрат. Важным условием успешной реализации программы цифровой трансформации в компании является поддержание лояльного отношения коллектива предприятия к внедрению новых стратегических решений путем открытого обсуждения с сотрудниками преимуществ трансформации, которые они получают от работы в новых условиях.

Преимуществами цифровой трансформации бизнеса являются:

- 1) рост эффективности (производительности) каждого отдельного работника;
- 2) сокращение времени на обработку данных;
- 3) оптимизация трудовых обязанностей сотрудников (включая руководителей), что позволяет выделить достаточное внимание и время вопросам развития компании и отдельных сотрудников в ней;
- 4) повышение скорости принятия решений в компании, формирования необходимых форм отчетов и систем мониторинга;
- 5) рост качества клиентского сервиса, что, как следствие, ведет к повышению лояльности клиентов;
- 6) повышение степени удовлетворенности сотрудников условиями труда и вознаграждения, рост мотивации.

Как итог, в компании наиболее эффективным образом выстраиваются все бизнес-процессы и значительно повышается качество финансовых показателей.

Следует принимать во внимание, что цифровизация — это комплексное явление, которое охватывает как внешние, так и внутренние процессы в компании. Цифровая трансформация внешних процессов подразумевает внедрение цифровых решений, направленных на рост эффективности продаж и повышение качества клиентского сервиса. Для этого активно внедряются такие инструменты, как: программы по управлению онлайн-рекламой; программы для коммуникации с клиентами в социальных сетях; инструменты управления сайтом компании; использование чат-ботов в мессенджерах и др. Внутренняя трансформация, в свою очередь, направлена на оптимизацию внутренних бизнес-процессов, среди которых: системы электронного документооборота; создание систем по агрегированию больших массивов данных (Data Lake) и сервисов по анализу данных; внедрение CRM-систем, систем управления проектами. При этом все эти инструменты внедряются как непосредственно на уровне производства, так и в управлении компанией. Внутренняя цифровизация процессов нередко сопровождается глобальной перестройкой всей корпоративной культуры и даже организационной структуры компании, требует пересмотра кадровой политики и ряда других важнейших процессов.

Рассмотрим особенности реализации программ трансформации в нефтяной и газовой промышленности РФ.

Реализация программ трансформации бизнеса приводит к глубоким изменениям в нефтяных и газовых корпорациях. В процессе трансформации внедряются принципиально новые бизнес-модели, позволяющие достичь высокого уровня эффективности добывающих и перерабатывающих нефтяных и газовых корпораций. Достичь такого эффекта в рамках традиционных моделей функционирования не представляется возможным. Одной из ключевых задач трансформации в нефтегазовом секторе является повышение эффективности добычи ресурсов. Нередко в корпорациях реализуется масштабная программа трансформации, охватывающая операционную деятельность, корпоративную культуру, организационную структуру.

Важнейшей особенностью и преимуществом цифровизации в нефтегазовом секторе является

появление возможности отделения физических потоков компании от информационных, в результате чего вертикальная интеграция компаний в секторе становится не такой востребованной. При этом разделение производственных и бизнес-процессов корпорации происходит одновременно с изменением в ее организационной структуре и менеджменте. Как результат, грамотное использование возможностей цифровизации позволяет нефтяным и газовым компаниям оптимизировать транзакционные издержки.

Зачастую центральным звеном программы выступает цифровизация бизнес-процессов в корпорации. Цифровая трансформация в настоящее время является одной из приоритетных задач развития ТЭК в нашей стране. Она служит одним из важнейших инструментов по росту эффективности отрасли и увеличению производительности корпораций в условиях динамичных рынков, высокой конкуренции и ужесточения экологических требований к корпорациям. Трансформация затрагивает не только изменение в принципах реализации производственных процессов, но также и автоматизацию рутинных и опасных операций, способствует построению более гибких моделей управления внутри компании.

Перечислим основные направления и области деятельности, где реализация проектов по цифровой трансформации нефтяных и газовых корпораций наиболее успешна.

1. В сфере разведки ископаемых энергоресурсов эффективно внедряются технологии виртуальных поисковых и разведочных работ, используется дистанционное зондирование земли, применяются геоинформационные системы на основе 3D-моделирования. По оценкам экспертов, на сегмент поисковых работ в нефтяной и газовой отраслях приходится около 42 % от всех цифровых решений, применяемых в данной отрасли.

2. Цифровизация основных производственных бизнес-процессов (добыча, переработка) приводит к значительному сокращению трудозатрат и уменьшению затрат времени, что позволяет повысить клиентоориентированность (пример — бизнес-модель «добыча как услуга», *Mining-as-a-Service*, *MaaS*).

3. Цифровые платформы внедряются в плоскость управления продажами и цепочкой формирования добавленной стоимости нефтегазовых корпораций.

4. Внедрение проектов «цифрового месторождения», а также цифровых двойников для объектов энергообеспечения. В рамках данных проектов

активно применяются технологии контроля жизненного цикла объекта, 3D-моделирование, визуализация, дистанционное управление и цифровые разработки на основе интернета вещей.

Практика внедрения технологий показывает, что проекты цифровой трансформации в нефтяной и газовой промышленности демонстрируют высокую результативность. Среди цифровых технологий в отрасли наибольшее применение нашли: промышленный интернет, 3D-моделирование, технологии искусственного интеллекта, работа с большими данными (Data Lake), симуляторы. Перспективным направлением развития программ трансформации является внедрение в операционную деятельность роботизированных комплексов. В то время как стандартные операции в секторе могут выполняться роботами, повышается роль и требования к качеству и эффективности таких направлений, как бизнес-аналитика, большие данные в сфере геологоразведки и эксплуатации скважин, а в целом по компании — анализ данных и управление надежностью и эффективностью бизнеса. В будущем значительное место, вероятнее всего, будет отведено применению когнитивных технологий в анализе данных геофизического исследования скважин. Кроме того, важнейшую роль для цифровых проектов в нефтегазовой сфере играет обеспечение кибербезопасности.

Охарактеризуем кейсы трансформации крупнейших российских нефтяных корпораций, реализуемые ими в последние пять лет.

Кейс 1. ПАО «Газпром нефть» (пример операционной трансформации бизнеса)

В компании реализуются программы трансформации по следующим направлениям: цифровая, операционная, организационная и культурная. Все четыре программы взаимосвязаны между собой и являются частями одного процесса стратегических изменений.

Центральным звеном программы является операционная трансформация, которая заключается во внедрении новой системы управления операционной деятельностью (СУОД). Характеристиками данной системы являются ее повышенная устойчивость, а также эффективность и безопасность производства в корпорации.

Система управления операционной деятельностью корпорации включает в себя 12 элементов, в каждом из которых прописаны определенные требования к организации производственного процесса. Все 12 элементов группируются в три крупных блока: первый блок — операци-

онная эффективность, второй блок — операционная надежность, третий блок — операционная культура.

Особенности реализуемой модели трансформации в корпорации:

- для достижения операционной эффективности осуществляется оптимизация производственных процессов таким образом, который позволяет оценивать потенциал компании и ставить новые стратегические цели;

- монетизация достигнутого потенциала корпорации и реализация поставленных производственных целей потребовала внедрения такой системы управления, которая обеспечила надежность и гарантировала результат, минимизируя при этом операционные риски компании;

- в компании создается особая производственная среда, которая обеспечивает вовлечение всех сотрудников в программу непрерывных улучшений, обеспечивает минимизацию производственных потерь и способствует раскрытию новых возможностей.

В результате реализации данной модели компания ПАО «Газпром нефть» получила следующий эффект.

Во-первых, оценен текущий производственный потенциал и разработаны цели для дальнейшего планирования операционной деятельности. Определено, что внедрение данной системы (СУОД) потенциально может приносить до 10–15 % дополнительного эффекта в год к показателю EBITDA корпорации. Успешная реализация основной части программы трансформации позволила ПАО «Газпром нефть» повысить планку до более высокого уровня, который ранее считался недостижимым. В результате достижимыми признаны порядка 30 % от этого экономического потенциала, далее данный параметр был включен в трехлетнюю программу развития бизнеса.

Во-вторых, отмечено увеличение надежности СУОД компании в целом. Простроенная гибкая система управления позволила корпорации даже в нестабильное для экономики страны время выдавать результат, превышающий аналогичные показатели компаний в отрасли.

В-третьих, в рамках реализации программы возросла вовлеченность сотрудников корпорации в ее производственные цели на 4 %, что оценивается руководством как значимое достижение. Порядка 66 % сотрудников корпорации отмечают, что они вовлечены как в результаты операционной деятельности, так и в их формирование, что проявляется в виде совершенствования подходов

к производству и более эффективного и результативного решения вопросов и проблем, которые при этом возникают.

Кейс 2. ПАО НК «Роснефть» (пример цифровой трансформации бизнеса)

В настоящий момент одной из стратегических целей корпорации ПАО НК «Роснефть» является цифровизация всех возможных бизнес-процессов. В рамках реализуемой программы цифровой трансформации проведены реформы, позволившие в компании выстроить систему управления, в рамках которой сотни людей, управляющих разными звеньями общей структуры, контролируются и координируются из единого центра.

Трансформация на основе цифровых решений реализована и в сфере производственных операций корпорации. В 2019 г. ПАО НК «Роснефть» запустила в эксплуатацию «цифровое месторождение» на базе Илишевского месторождения «Башнефти». Цифровизация затронула такие элементы производственной цепи, как скважины, трубопроводы, систему подготовки сырья, объекты энергообеспечения, а также систему логистики.

Только данный элемент программы трансформации по оптимизации производства позволил компании добыть дополнительно миллион тонн нефти и получить экономический эффект в размере около миллиарда рублей в год.

Кроме того, в компании четко отслеживают прямую зависимость между уровнем прибыли и вложениями в научные исследования и инновации.

В 2020 г. «Роснефть» была единственным нефтегазовым игроком в России, который смог получить чистую прибыль в период пандемии и обвала мировых цен на нефть. Этому способствовали операционная трансформация бизнеса, подстроившегося под современные реалии, и непрерывно реализуемые корпорацией инновационные проекты по развитию бизнеса, поиску новых направлений деятельности. В сложный для экономики и отрасли период основной статьей затрат корпорации стала не добыча, транспортировка и переработка нефти, а сделки по ее купле-продаже. На данный период компания сместила акценты на альтернативное направление — работала как трейдерская структура по перепродаже венесуэльской и другой нефти на мировом рынке.

Кейс 3. ПАО «Лукойл» (пример цифровой трансформации производства)

В 2021 г. ПАО «Лукойл» запустило в эксплуатацию один из самых масштабных цифровых

проектов нефтяного месторождения в России. Он предусматривает разработку и внедрение цифровых двойников для более чем 3 тыс. нефтяных скважин, 12 объектов разработки и охватывает всю производственную цепочку добычи сырья — от разработки пласта до входа в центральный пункт сбора и подготовки нефти.

Кроме того, в рамках единой программы цифровой трансформации в корпорации введена в промышленную эксплуатацию 61 интегрированная модель. В 2020 г. был подсчитан совокупный эффект от внедрения инструментов интегрированного моделирования на показатель EBITDA, он составил более 3 млрд руб.

Кейс 4. ПАО «Татнефть» (пример цифровой трансформации процесса добычи нефти)

Компания ПАО «Татнефть» реализует проект по роботизации контроля добычи сверхвязкой нефти. Внедренная система непрерывного мониторинга позволяет без привлечения человеческих ресурсов проводить анализ телеметрических данных и выбирать на их основе оптимальный режим работы месторождений. В результате интерпретации полученных данных искусственным интеллектом выстраивается цифровая прокси-модель месторождения, обеспечивающая мониторинг 24 поднятий действующих месторождений сверхвязкой нефти с целевым уровнем добычи 3,2 млн т/год.

Проведем анализ показателей эффективности крупнейших российских нефтяных и газовых корпораций, реализующих программы трансформации бизнеса на основе сопоставления результатов в периоды до и после проводимых преобразований.

На практике оценка эффективности реализуемых программ трансформации зачастую сводится к декларируемым корпорациями результатам по одному из направлений (бизнес-процессов). Нередко такая оценка включает в себя один-два показателя, выбранных компаниями в качестве индикаторов. На сегодняшний день не разработано единой системы показателей, как универсальной — для оценки эффективности трансформации в целом для корпорации, так и отдельных индикаторов для разных направлений ее реализации. Среди наиболее распространенных показателей оценки результативности внедренных решений встречаются: величина снижения затрат на единицу продукции, рост прибыли компании (например, EBITDA или чистой прибыли), показатели рентабельности, рост показателей производства или добычи и ряд других показателей.

В отсутствие разработанной методики на сегодняшний день оценка реализованных программ трансформации затруднительна. Требуется разработка методики на основе как теоретической базы, накопленной по данному направлению, так и изучения кейсов реализуемых программ.

В рамках данного исследования проведен предварительный анализ эффективности корпораций нефтяной и газовой промышленности, реализовавших и реализующих программы операционной и цифровой трансформации. По ряду компаний были определены и проанализированы такие показатели, как операционная и чистая прибыль, EBITDA, показатели рентабельности, динамика производства основных видов продукции и др., размер капитальных вложений (CAPEX), отношение CAPEX к выручке компаний и др.

Программы трансформации бизнеса были утверждены и приняты к реализации компаниями в 2018–2019 гг. Первые итоги их реализации можно проследить на показателях компаний в 2020–2021 гг. При этом в 2020 г. большинство компаний сектора демонстрируют падение показателей операционной эффективности, вызванное спадом экономики в период пандемии. Поэтому целесообразно данный период исключить из анализа. Таким образом, для оценки эффективности программ на данный момент в нашем распоряжении только показатели годовой отчетности компаний за 2021 г.

В таблице 1 представлены ключевые операционные и финансовые результаты корпорации ПАО «НК „Роснефть“». Показатели определены на основе данных открытой финансовой отчетности компании.

Таблица 1
Table 1

Динамика операционных и финансовых показателей корпорации ПАО «НК „Роснефть“», 2017–2021 гг.
Dynamics of operational and financial indicators of the Rosneft NC Corporation, 2017–2021

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Добыча нефти, млн т	225	230	230	205	192,1
Переработка нефти, млн т	112,8	115	110	104	106,1
Добыча газа, млрд м ³	68,4	67,3	67	56,9	64,8
Выручка, млрд руб.	6011	8238	8676	5757	7594
Операционная прибыль, млрд руб.	624	1284	1305	378	1504
EBITDA, млрд руб.	1400	2081	2105	1209	2330
Чистая прибыль, млрд руб.	297	649	805	181	603
CAPEX, млрд руб.	922	936	854	785	1 049
Чистые активы, млрд руб.	3619	4053	4517	4691	5532
Рентабельность EBITDA, %	23,3	25,3	24,3	21	26,6
Чистая рентабельность, %	6,4	10,1	10,5	2,9	12,1
CAPEX/Выручка, %	15	11	10	14	12

Источник: составлено на основе данных бухгалтерской отчетности ПАО «НК „Роснефть“»

По итогам 2021 г. ПАО «НК „Роснефть“» демонстрирует восстановление выручки от реализации, однако показатель еще не достиг уровня допандемийного 2019 г. Темп прироста выручки в 2021 г. относительно 2020 г. составил 31,9 %. Отмечается рост операционной прибыли корпорации в 2021 г. почти в четыре раза по сравнению с 2020 г. и на 15,2 % относительно уровня 2019 г. EBITDA увеличилась в 2021 г. относительно 2019 г. на 10,7 %. Чистая прибыль 2021 г. не превысила уровня 2019 г., но существенно увеличилась (в 3,3 раза) относительно уровня 2020 г. Компания поддерживает стабильно высокий уровень ежегодных капитальных затрат (CAPEX). Показатели рентабель-

ности также демонстрируют рост в 2021 г.: и рентабельность EBITDA, и рентабельность на основе чистой прибыли в 2021 г. были самыми высокими в анализируемом периоде (с 2017 по 2021 гг.). В 2021 г. рентабельность EBITDA увеличилась на 2,3 % относительно показателя 2019 г.; чистая рентабельность увеличилась на 1,6 %. По отраслевым производственным показателям (добычи и переработки нефти и газа) отмечается снижение в 2020–2021 гг., что во многом обусловлено неблагоприятной конъюнктурой на энергетических рынках, а также влиянием пандемии.

В целом можно заключить, что в 2021 г. компания ПАО «НК „Роснефть“» представила высокие

операционные и финансовые результаты, что может являться свидетельством эффективности выбранного курса развития, реализуемого на практике через совокупность программ трансформации, охватывающих различные уровни и бизнес-процессы.

В таблице 2 представлены ключевые операционные и финансовые показатели корпорации ПАО «Газпром нефть» в 2017–2021 гг. Показатели рассчитаны на основе данных открытой финансовой отчетности компании.

Таблица 2
Table 2

Динамика операционных и финансовых показателей корпорации ПАО «Газпром нефть», 2017–2021 гг.

Dynamics of operational and financial indicators of PJSC Gazprom Neft Corporation, 2017-2021

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Добыча нефти, млн т	62,4	65,4	63,3	60,5	62
Переработка нефти, млн т	40,1	42,9	41,5	40,4	43,5
Добыча газа, млрд м ³	34	37,2	40,9	43,1	47,8
Выручка, млрд руб.	1375	2070	1810	1513	2675
Операционная прибыль, млрд руб.	302,5	456,7	446,6	145,2	561,3
EBITDA, млрд руб.	551	799,5	795	415,4	891,8
Чистая прибыль, млрд руб.	155	90	212	163	344
CAPEX, млрд руб.	357	370	435	413,5	441,8
Чистые активы, млрд руб.	1553	1840	2057	2085	2348
Рентабельность EBITDA, %	27,5	32,1	32	20,8	29,1
Чистая рентабельность, %	12,6	15,1	16,1	5,9	16,4
CAPEX/Выручка, %	18	15	18	21	14

Источник: составлено на основе данных бухгалтерской отчетности ПАО «Газпром нефть»

В 2021 г. выручка от реализации ПАО «Газпром нефть» значительно выросла как относительно уровня 2020 г. (в 1,8 раза), так и по сравнению с уровнем 2019 г. (прирост на 47,8 %). Операционная прибыль 2021 г. также превысила показатели предыдущих лет: темп прироста к уровню 2021 г. составил 25,7 %, по отношению к 2020 г. увеличился в 3,9 раза. EBITDA корпорации в 2021 г. увеличилась относительно 2019 г. на 12,2 %, чистая прибыль выросла на 62,3 % (2021/2019 гг.). Уровень капитальных затрат CAPEX ежегодно увеличивался в 2017–2021 гг. с незначительным снижением лишь в 2020 г. Показатели рентабельности компании демонстрируют умеренный рост в 2021 г. Рентабельность EBITDA увеличилась на 8,3 % относительно 2020 г., но при этом не достигла уровня показателя в 2019 г. Чистая рентабельность по итогам 2021 г. увеличилась на 0,4 % по отношению к уровню 2019 г. и на 10,5 % по отношению к уровню пандемийного 2020 г. Показатели добычи и переработки нефти и газа компании достаточно стабильны. В 2021 г. отмечен умеренный рост объемов по направлениям как добычи, так и переработки нефти; добыча газа демонстрирует ежегодный рост: на 5 % в 2020 г.

по сравнению с 2019 г., на 10,9 % в 2021 г. относительно уровня 2020 г.

Операционные и финансовые показатели ПАО «Газпром нефть» в 2021 г. демонстрируют явную положительную динамику. Курс развития, реализуемый корпорацией, повышает ее эффективность. Значимую роль в этом процессе играет большое внимание, уделяемое компанией вопросам цифровизации и трансформации бизнеса. Именно эти программы в совокупности с рядом внешнеэкономических параметров приносят видимый положительный эффект деятельности компании, что отражается ростом показателей результативности даже в неблагоприятный для бизнеса 2020 г. — период развития пандемии и связанных с ней ограничений, а также неблагоприятной конъюнктуры на мировых энергетических рынках.

Выводы

1. Реализация российскими корпорациями программ трансформации бизнеса охватывает многие отрасли экономики России. Нефтяная и газовая промышленность является одним из локомотивов цифровой трансформации. Крупнейшие

корпорации сектора начали разработку и внедрение программ операционной и цифровой трансформации начиная с 2015 г. и уже на протяжении нескольких лет демонстрируют положительные результаты в своей операционной деятельности.

2. Проведенный анализ реализованных и планируемых к реализации программ трансформации бизнеса крупнейших нефтегазовых корпораций РФ показал, что компании на данный момент находятся на этапе активного внедрения новых технологических цифровых решений, а также разработки и апробации трансформационных программ по оптимизации управления операционной деятельностью. Среди лидеров трансформации в отрасли выделены такие российские корпорации, как: ПАО «НК „Роснефть“», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Лукойл», ПАО «Татнефть».

3. Для крупнейших нефтегазовых корпораций — лидеров трансформации в отрасли определены и проанализированы операционные и финансовые показатели, характеризующие эффективность реализуемых капиталовложений в программы развития и оптимизации бизнес-процес-

сов: операционная и чистая прибыль, EBITDA, показатели рентабельности, динамика производства основных видов продукции и др., размер капитальных вложений (CAPEX), отношение CAPEX к выручке.

4. Анализ ключевых показателей операционной эффективности по итогам 2021 г. (в период после внедрения программ трансформации бизнеса) продемонстрировал, что две крупнейшие корпорации в отрасли демонстрируют рост по основным параметрам результативности (прибыль, рентабельность, выручка), а также стабильный рост капитальных затрат CAPEX в анализируемом периоде (2017–2021 гг.). Таким образом, можно говорить о наличии общих тенденций, указывающих на положительную отдачу от вложений нефтяных и газовых корпораций в проекты по трансформации своего бизнеса.

5. Дальнейшее развитие исследований в данной области требует разработки универсальной методики оценки эффективности программ трансформации для различных отраслей экономики РФ, а также систематизации и типологизации самих программ.

Список источников

1. Александрова Т. В. Цифровизация как современный тренд развития менеджмента производственных организаций // Вестник ЮУрГУ. 2019. Т. 13. № 3. С. 137–144.
2. Аоки М. Корпорация в условиях растущего многообразия: познание, руководство и институты. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 398 с.
3. Голдратт-Ашлаг Э. Выбор. Правила Голдратта. М.: Попурри, 2017. 943 с.
4. Гупаленко Д. Д. Проблемы внедрения ключевых показателей эффективности в вертикально-интегрированных производственных корпорациях // Проблемы экономики, науки и образования в контексте реализации мультидисциплинарного подхода : материалы научной конференции аспирантов СПбГЭУ ; под науч. ред. Е. А. Горбашко. СПб., 2019. С. 50–53.
5. Детмер У. Теория ограничений Голдратта. Системный подход к непрерывному совершенствованию. М. : Альпина Паблишер, 2017. 856 с.
6. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. : И. Ю. Авидон. СПб. : Речь, 2000. 407 с.
7. Левина И. Проблема трансформации: сравнительно-исторический анализ подходов и решений (классические версии) // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 123–139. doi: 10.32609/0042-8736-2008-9-123-139.
8. Николаева Е. В., Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Идентификация стратегий российских корпораций: маркеры и результаты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 73–85. doi 10.18721/JE.14306.
9. Плетнев Д. А., Буй Н. Х., Степанов Е. А., Козлова Е. В., Наумова К. А., Казадаев М. С. Факторы формирования и реализации стратегий компаний в 2022 г. // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4. С. 90–101.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с.
11. Bouwman H., Nikou S., Molina-Castillo F., Reuver M. The impact of digitalization on business models. Digital Policy, Regulation and Governance. 2018. Vol. 20. Issue 2. P. 105–124.

12. Burke W., Litwin G. Transformational Change and Transactional Change. Explanation of the Causal Model of Organizational Performance and Change of W. Warner Burke and George H. Litwin. London : Oxford, 1992. 178 p.
13. Constantiou I. D., Kallinikos J. New games, new rules: Big data and the changing context of strategy. *Journal of Information Technology*. 2015. Vol. 30. No. 1. P. 44–57.
14. Fitzgerald M., Kruschwitz N., Bonnet D., Welch M. Embracing Digital Technology: A New Strategic Imperative. *MIT Sloan management review*. 2014. Vol. 55. No 2. P. 1–12.
15. Hayashi A. M. Thriving in a big data world. *MIT Sloan Management Review*. 2015. Vol. 55. P. 35–39.
16. Kane G. C. et al. Strategy, Not Technology, Drives Digital Transformation: MIT Sloan Management Review. July, 2015. URL: <https://sloanreview.mit.edu/projects/strategy-drives-digital-transformation/>
17. Kaufman I., Horton C. Digital Transformation: Leveraging Digital Technology with Core Values to Achieve Sustainable Business Goals: The European Financial Review. December – January, 2015. P. 63–67.
18. Nikolaeva E., Pletnev D., Kozlova E. Strategy Types of Biggest Russian Companies as they declare it. In E. Popov, V. Barkhatov, V. D. Pham & D. Pletnev (eds.). *Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Baku : European Publisher, 2021. Vol. 105. Pp. 990–998. doi: 10.15405/epsbs.2021.04.105. ISBN: 978-1-80296-104-1
19. Singh P., Bhandarker A. Corporate Success and Transformational Leadership. New Age International, 1990. 357 p.
20. Tichy N., Devanna M. A. The transformation leader. New York: Wiley, 1986. 306 p.
21. Virany B., Tushman M. Top Management Teams and Corporate Success in an Emerging Industry // *Journal of Business Venturing*. 1986. Vol. 1. No. 3. P. 261–274.
22. Von Leipzig. Initializing customer-orientated digital transformation in enterprises: *Procedia Manufacturing*. 2017. No. 8 (2017). P. 517–524.

References

1. Aleksandrova TV. Digitalization as a modern trend in the development of management of industrial organizations. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of South Ural State University*. 2019;(3):137-144. (In Russ.).
2. Aoki M. Korporatsiya v usloviyakh rastushchego mnogoobraziya: poznaniye, rukovodstvo i instituty = Corporation in a growing diversity: knowledge, leadership and institutions. Moscow: Publ. of Gaidar Institute; 2015. 398 p. (In Russ.).
3. Goldratt-Ashlag E. Choice. Vybor. Pravila Goldratta = Goldratt rules. Moscow: Potpourri; 2017. 943 p. (In Russ.).
4. Gupalenko DD. Problems of implementing key performance indicators in vertically integrated manufacturing corporations. In: *Problemy e'konomiki, nauki i obrazovaniya v kontekste realizacii mul'tidisciplinarnogo podxoda = Problems of economics, science and education in the context of the implementation of a multidisciplinary approach*. St. Petersburg; 2019. Pp. 50–53. (In Russ.).
5. Detmer U. Teoriya ogranicheniy Goldratta. Sistemnyy podkhod k nepreryvnomu sovershenstvovaniyu = Goldratt's Theory of Constraints. A systematic approach to continuous improvement. Moscow: Alpina Publisher ; 2017. 856 p. (In Russ.).
6. Levin K. Razresheniye sotsial'nykh konfliktov = Resolution of social conflicts. St. Petersburg: Rech; 2000. 407 p. (In Russ.).
7. Levina I. The problem of transformation: a comparative historical analysis of approaches and solutions (classical versions). *Voprosy e'konomiki = Questions of Economics*. 2008;(9):123-139. doi: 10.32609/0042-8736-2008-9-123-139. (In Russ.).
8. Nikolaeva EV, Pletnev DA, Kozlova EV. Identification of strategies of Russian corporations: markers and results. *Nauchno-texnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politexnicheskogo universiteta = Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University*. 2021;14(3):73-85. doi 10.18721/JE.14306. (In Russ.).
9. Pletnev DA, Buj NX, Stepanov EA, Kozlova EV, Naumova KA, Kazadaev MS. Factors in the formation and implementation of company strategies in 2022. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(4):90-101. (In Russ.).

10. Shtompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva = Sociology. Analysis of modern society. Moscow: Logos; 2005. 664 p. (In Russ.).
11. Bouwman H, Nikou S, Molina-Castillo F, Reuver M. The impact of digitalization on business models. *Digital Policy, Regulation and Governance*. 2018;20(2):105-124.
12. Burke W, Litwin G. Transformational Change and Transactional Change. Explanation of the Causal Model of Organizational Performance and Change of W. Warner Burke and George H. Litwin. London: Oxford; 1992. 178 p.
13. Constantiou ID, Kallinikos J. New games, new rules: Big data and the changing context of strategy. *Journal of Information Technology*. 2015;30(1):44-57.
14. Fitzgerald M. Embracing Digital Technology. A New Strategic Imperative. *MIT Sloan Management Review*. 2014;55(2):1-12.
15. Hayashi AM. Thriving in a big data world. *MIT Sloan Management Review*. 2015(55):35-39.
16. Kane GC et al. Strategy, Not Technology, Drives Digital Transformation. *MIT Sloan Management Review*. July; 2015. URL: <https://sloanreview.mit.edu/projects/strategy-drives-digital-transformation/>
17. Kaufman I, Horton C. Digital Transformation: Leveraging Digital Technology with Core Values to Achieve Sustainable Business Goals: The European Financial Review. 2015;(December–January):63-67.
18. Nikolaeva E, Pletnev D, Kozlova E. Strategy Types of Biggest Russian Companies as they declare it. In E. Popov, V. Barkhatov, V. D. Pham & D. Pletnev (eds.). Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Baku: European Publisher; 2021. Vol. 105. Pp. 990–998. doi: 10.15405/epsbs.2021.04.105.
19. Singh P, Bhandarker A. Corporate Success and Transformational Leadership. New Age International; 1990. 357 p.
20. Tichy N, Devanna MA. The transformation leader. New York: Wiley; 1986. 306 p.
21. Virany B, Tushman M. Top Management Teams and Corporate Success in an Emerging Industry. *Journal of Business Venturing*. 1986;1(3):261-274.
22. Von Leipzig. Initializing customer-orientated digital transformation in enterprises. *Procedia Manufacturing*. 2017;(8(2017):517-524.

Информация об авторе

Е. В. Николаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков (Челябинский государственный университет); доцент кафедры таможенного дела [Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)].

Information about the author

E. V. Nikolaeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets (Chelyabinsk State University), Associate Professor of the Department of Customs (South Ural State University (National Research University)).

Статья поступила в редакцию 13.03.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved
after reviewing 27.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.341

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Тамара Вячеславовна Парфиненко¹, Лариса Анатольевна Суворова²

^{1,2} Вятский государственный университет, Киров, Россия

¹ tparfinenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0828-738X>

² larsuorova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6611-4906>

Аннотация. Современные экономические условия послужили катализатором для формирования новых подходов к устойчивому развитию предприятий с использованием актуальных форм их взаимодействий. Исследование направлено на совершенствование существующих подходов устойчивого развития предприятий. Предложен авторский концептуальный подход устойчивого развития предприятий с учетом использования кооперационных межотраслевых взаимодействий в рамках локализации производственных мощностей сопряженных региональных отраслей в условиях импортозамещения. В статье обоснованы предпосылки углубления и расширения в региональной экономике кооперационного межотраслевого взаимодействия предприятий лесопромышленного комплекса, лесного машиностроения, биоэнергетики и химической технологии обработки древесины. В рамках авторского концептуального подхода устойчивого развития предприятий предложено рассмотреть вновь введенную составляющую по кооперационному межотраслевому взаимодействию предприятий региона наряду с экономической, экологической и социальной составляющими. Сформулированы направления для реализации концепции устойчивого развития предприятий региона, связанных единой технологической цепочкой создания ценности, за счет углубления и расширения кооперационных межотраслевых взаимодействий. Практическая значимость исследования состоит в создании и расширении конкурентоспособных региональных производственных мощностей посредством использования кооперационных межотраслевых взаимодействий предприятий ведущих отраслей, представляющих конкурентные преимущества региона. Авторский концептуальный подход устойчивого развития предприятий апробирован на рынке древесных плит Кировской области.

Ключевые слова: устойчивое развитие предприятий, кооперационные межотраслевые взаимодействия, сопряженные региональные отрасли, импортозамещение, обрабатывающие производства

Для цитирования: Парфиненко Т. В., Суворова Л. А. Устойчивое развитие предприятий: концептуальный подход в условиях импортозамещения // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 193–204.

Original article

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES: A CONCEPTUAL APPROACH IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION

Tamara V. Parfinenko¹, Larisa A. Suvorova²

¹ Vyatka State University, Kirov, Russia

¹ tparfinenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0828-738X>

² larsuorova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6611-4906>

Abstract. Modern economic conditions have served as a catalyst for the formation of new approaches to the sustainable development of enterprises using relevant forms of their interactions. The study is aimed at improving the existing approaches to the sustainable development of enterprises. The author's conceptual approach to the sustainable development of enterprises, taking into account the use of cooperative inter-industry interactions within the localization of production capacities of conjugated regional industries in the conditions of import substitution is proposed. The article substantiates the prerequisites for deepening and expanding in the regional economy of

cooperative inter-industry interaction between enterprises of the timber industry complex, timber processing machinery, bioenergy and chemical technology of wood processing. Within the framework of the author's conceptual approach to sustainable development of enterprises it is proposed to consider the newly introduced component on cooperative inter-branch interaction of enterprises in the region along with economic, environmental and social components. The directions for the implementation of the concept of sustainable development of enterprises in the region, bound by a single technological chain of value added, due to the deepening and expansion of cooperative inter-industry interactions are formulated. The practical significance of the research lies in the development and expansion of competitive regional production capacities through the use of cooperative inter-industry interactions of enterprises of the leading industries, representing the competitive advantages of the region. The author's conceptual approach of sustainable development of enterprises has been tested in the market of timber boards of Kirov region.

Keywords: sustainable development of enterprises, cooperative inter-industry cooperation, interconnected regional industries, import substitution, processing industries

For citation: Parfinenko TV, Suvorova LA. Sustainable development of enterprises: a conceptual approach in the context of import substitution. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):193-204. (In Russ.).

Введение

Сущность устойчивого развития предприятий состоит в совокупности экономического, экологического и социального аспектов, сопряженность которых обладает взаимозависимостью диффузного и синергетического характера. Важность экономического аспекта связана с необходимостью достижения экономической устойчивости в условиях крайне неопределенной внешней среды. Экологический аспект представляет собой направленность предприятий на экологическую эффективность, результат которой отражается и на экономической устойчивости, и на реализации предприятиями стратегии социальной ответственности. В свою очередь, социальная ответственность, непосредственно связанная с результатами хозяйственной деятельности предприятий и с эффективным решением экологических задач, является вершиной пирамиды концепции их устойчивого развития.

Целью импортозамещения является обеспечение экономической безопасности страны, особенно базовых и экспортно-стратегических отраслей, посредством развития производственной базы для выпуска необходимых технологий, материалов, машин и оборудования для них внутри страны. Реализация политики импортозамещения становится стимулом для объединения результатов науки, образования и производства, внедрения НИОКР в промышленное производство, опережающего развития инфраструктурных объектов, инвестиционной и инновационной деятельности, институционального развития и финансовой модернизации [1; 3].

Правительственная поддержка процессов импортозамещения посредством формирования специализированных фондов поддержки промышленности, национальных программ и проектов,

информационно-консультационных порталов способствует развитию производственно-технологической независимости страны с целью насыщения внутреннего рынка продуктами с высокими конкурентными качествами, форсификации экспортно ориентированной продукции, восстановления частично или полностью утраченных отраслей.

В условиях экономических санкций актуализация процессов импортозамещения в национальной и региональной экономике способствует продвижению подходов устойчивого развития предприятий на новый функциональный уровень. Современное импортозамещение, связанное со срочным наращиванием межотраслевых кооперационных связей для заполнения договорных пробелов на поставку оборудования, материалов, агрегатов, комплектующих, технологий импортного производства, направлено на реализацию проектов, обусловленных целесообразностью обеспечения технологического и промышленного суверенитета [2; 4].

Данная направленность исследования послужила основой для формирования авторского концептуального подхода к устойчивому развитию предприятий, включающего четвертый аспект устойчивого развития предприятий, а именно, аспект использования региональными предприятиями кооперационных межотраслевых взаимодействий с предприятиями сопряженных отраслей. Наличие развитых, глубоких и сбалансированных кооперационных межотраслевых взаимодействий обеспечивает не только устойчивое развитие отдельного предприятия, но и создает синергетический эффект усиления устойчивого развития региона от аккумуляции и реализации производственных возможностей предприятий региональных отраслей.

Санкционная политика импортных поставщиков подчеркнула наличие технологических и производственных пробелов экономики в результате импортозависимости региональных отраслей.

Технико-экономическое обоснование межотраслевых кооперационных связей отраслей региона позволит региональному правительству принимать рациональные решения по реализации промышленного потенциала посредством целеориентированных инвестиционных вложений в развитие отраслей с перспективой развития инновационных производств высокомаржинальной продукции.

Актуальность исследования заключается в необходимости в условиях импортозамещения использовать в разработке концептуального подхода устойчивого развития предприятий региона такой аспект, как кооперационное межотраслевое взаимодействие предприятий сопряженных отраслей, позволяющее обеспечить всестороннее устойчивое социально-экономическое развитие.

Целью исследования является разработка авторского концептуального подхода устойчивого развития предприятий региона с учетом использования составляющей по кооперационному межотраслевому взаимодействию предприятий в рамках локализации производственных мощностей сопряженных региональных отраслей в условиях импортозамещения.

Обзор теоретических подходов устойчивого развития предприятий

С середины 1990-х годов экологическая повестка развития экономики переросла в гораздо более широкую и более требовательную повестку устойчивого развития. Концепция корпоративного устойчивого развития начала формироваться в 1991 году. Родоначальником понятия корпоративной устойчивости стал Джон Элкингтон. В 1994 году ученый ввел термин «triple bottom line» («концепция тройного критерия») или TBL. В 1995 году была введена формулировка 3P «people, planet, profit» или 3П «люди, планета, прибыль». Концепция тройного критерия впоследствии была принята компанией «Шелл» для своего первого отчета по устойчивому развитию, а также нашла широкое применение среди компаний в Нидерландах [17]. По мнению Джона Элкингтона, именно корпорации будут являться движущей силой для перехода к парадигме устойчивого развития на всех уровнях.

Концепция TBL фокусирует внимание бизнеса не только на добавленной экономической ценности, но также на экологической и социальной

ценностях, которую они добавляют или разрушают [9]. «Концепция тройного критерия» — это концепция интеграции экономического, экологического и социального капиталов. Эти три измерения связаны, влияют друг на друга множеством способов, и только одновременное соблюдение всех трех из них могут привести корпорацию к долгосрочному устойчивому развитию. И напротив, концентрация только на экономической составляющей позволит корпорации быть успешной только в краткосрочной перспективе.

Томас Диллик дает следующие определения трем ключевым элементам корпоративной устойчивости:

1. Экономически устойчивые компании гарантируют в любой момент времени денежный поток, достаточный для обеспечения ликвидности, при этом обеспечивая постоянный доход выше среднего для своих акционеров.

2. Экологически устойчивые компании используют только природные ресурсы, которые потребляются со скоростью ниже естественного воспроизводства, или темпами ниже темпов развития заменителей. Они не вызывают выбросов, которые накапливаются в окружающей среде со скоростью, превышающей способность естественной системы поглощать и ассимилировать эти выбросы. Наконец, они не занимаются деятельностью, которая ухудшает состояние экосистемы.

3. Социально устойчивые компании повышают ценность сообществ, в которых они работают, увеличивая человеческий капитал отдельных партнеров, а также способствуя развитию общественного капитала этих сообществ. Они управляют социальным капиталом таким образом, что заинтересованные стороны понимают мотивы и могут, в целом, согласиться с системой ценностей компании [15].

Так, устойчивое развитие стало рассматриваться как стратегия развития не только на глобальном и национальном уровнях, но также на региональном уровне и уровне отдельного предприятия.

Современные предприятия при использовании концепции устойчивого развития концентрируются на экономической устойчивости, одновременно уделяя внимание экологической и социальной эффективности, и хотя это первый и важный шаг на пути развития корпоративной устойчивости, для реализации концепции в полном объеме, этого недостаточно. В таблице 1 приведены теоретические подходы к определению «устойчивое развитие предприятия» зарубежных и российских ученых, в каждом случае выделен его главный атрибут.

**Теоретические подходы к определению «устойчивое развитие предприятия»
зарубежных и российских авторов**

**Theoretical approaches to the definition of “sustainable development of the enterprise”
by foreign and Russian authors**

Автор	Определение	Год	Главный атрибут определения
Stephan Schmidheiny [18]	Концентрация внимания на всем жизненном цикле продукции и на конкретных и меняющихся потребностях клиентов	1992	Жизненный цикл продукции и потребности клиентов
John Elkington [16]	Экономические, социальные и экологические симбиотические партнерства предприятия в рамках концепции «3П»	1998	Экономическое, социальное и экологическое партнерство
Thomas Dyllick and Kai Hockerts [15]	Удовлетворение потребностей прямых и косвенных заинтересованных сторон фирмы, таких как акционеры, сотрудники, клиенты, группы влияния, сообщества и т. д., не ставя под угрозу ее способности удовлетворять потребности будущих заинтересованных сторон	2002	Удовлетворение потребностей заинтересованных сторон настоящих и будущих
Е. Н. Кучерова [8]	Равновесное сбалансированное поступательное изменение всех показателей устойчивости предприятия, способного противостоять энтропийным тенденциям, сохраняя при этом целостность и основные свойства	2007	Способность предприятия сохранять целостность в противовес энтропийным процессам
С. П. Фукина [12]	Совокупность количественных и качественных изменений характеристик предприятия, рациональное использование природных ресурсов и антикризисного управления	2008	Изменение характеристик предприятия при рациональном использовании ресурсов и антикризисного управления
Н. А. Хомяченкова [13]	Способ функционирования, обеспечивающий преобразованиями внутренней среды предприятия с целью самосохранения и воспроизводства социально-экономических процессов путем гармонизации взаимоотношений с внешней средой	2011	Способность внутренней среды предприятия адаптироваться к внешним условиям
О. И. Ухина, Т. С. Насонова [11]	Процесс не просто выполнения поставленных задач, а реализация сверх задуманного, причем не только в обыденных рыночных условиях, но и в непредвиденных обстоятельствах	2016	Выполнение стратегических задач предприятия в условиях рыночной экономики и неопределенности

Источник: составлено авторами

У зарубежных авторов устойчивое развитие предприятия связано с удовлетворением потребностей настоящих и будущих заинтересованных сторон по всей цепочке создания ценности и жизненного цикла продукта через симбиотическое партнерство в экономическом, социальном и экологическом аспектах.

Анализ определений устойчивого развития предприятия российских авторов показывает, что в стремлении дать характеристику деятельности предприятия в соответствии с принципами устойчивого развития, основной фокус направлен на экономическую составляющую развития предприятия в условиях внешней неопределенно-

сти без рассмотрения других участников цепочки создания ценности, исключая также экологический и социальный аспекты функционирования предприятия.

Н. А. Хомяченкова и Е. Н. Кучерова рассматривают устойчивое развитие предприятия как способность предприятия реализовывать принятую стратегию экономического поведения в условиях нестабильности внешней среды. Для С. П. Фукиной и О. И. Ухиной устойчивое развитие предприятия — это динамика экономических показателей предприятия, демонстрирующих выполнение принятой экономической стратегии, в том числе в условиях неопределенности.

Таким образом, российские авторы видят сущность устойчивого развития предприятия в способности сохранять стабильную внутреннюю среду предприятия в условиях внешней турбулентности.

В условиях реализации в России политики импортозамещения механизм стратегического экономического, экологического и социального партнерства предприятий в рамках единой отрасли приобретает особую актуальность.

Импортозамещение рассматривается как развитие национальной экономики, при котором товары, производимые внутри страны, обладают более высокими конкурентными преимуществами на внутреннем рынке по сравнению с импортируемыми [5; 6].

Авторский концептуальный подход устойчивого развития предприятий в условиях импортозамещения

В современных условиях перехода экономической модели РФ к технологически независимой предлагается рассматривать устойчивое развитие предприятий с использованием аспекта кооперационных межотраслевых взаимодействий как с предприятиями в рамках единой технологической цепочки, так и с предприятиями сопряженных отраслей. Развитие, углубление и сбалансированность кооперационных межотраслевых взаимодействий может стать движущей силой устойчивого развития и для самих предприятий, и для задействованных отраслей регионально-го контура. С учетом вышесказанного авторами предлагается рассмотреть концептуальный подход устойчивого развития предприятий как кооперационное межотраслевое взаимодействие с заинтересованными сторонами предприятия в экономической, экологической и социальных сферах в рамках региона в условиях импортозамещения путем производства конкурентоспособной продукции, оставляя возможности будущим поколениям по удовлетворению их собственных потребностей.

Предлагаемый концептуальный подход устойчивого развития предприятий в рамках региональной экономики помимо базовых составляющих устойчивого развития предприятий, таких как экономическая устойчивость, экологическая эффективность и социальная ответственность, также включает составляющую «кооперационное межотраслевое взаимодействие» (рис. 1).

Концептуальный подход устойчивого развития предприятий с учетом их кооперационного межотраслевого взаимодействия рассматривает-

ся как сложная экономическая система, включающая, наряду с экономическими отношениями промышленных предприятий региона, связанных единой технологической цепочкой создания ценности, и экономические отношения с предприятиями сопряженных отраслей, и носит производственный, социально-экономический, экологический и организационный характер.

Авторский концептуальный подход к устойчивому развитию предприятий в условиях импортозамещения представляет собой совокупность экономического, экологического и социального аспектов, которые в комбинации с аспектом кооперационных межотраслевых взаимодействий региональных предприятий-участников обеспечивают их устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. Кооперационное межотраслевое взаимодействие является импульсом для экономического роста предприятий сопряженных отраслей региона, способствует расширению взаимосвязанных инновационных процессов предприятий-участников, мультиплицирует инвестиционные потоки в региональную экономику и становятся движущей силой устойчивого развития региона в целом.

Реализация экономического аспекта характеризуется традиционными показателями успешного ведения операционной деятельности, такими, как доля рынка, акционерная стоимость предприятия, его капитальные активы, показатели финансовой устойчивости.

Экологический аспект включает в себя способность предприятия сократить использование ресурсов, реализовывать меры по экологической эффективности, предотвращению или снижению загрязнения окружающей среды, выполнению мероприятий по дематериализации и декарбонизации производственного процесса. Наиболее распространенными инструментами для обеспечения реализации экологического аспекта устойчивого развития является серия национальных стандартов Российской Федерации по экологическому менеджменту, которые интегрируют экологическую ответственность в процедуры корпоративного управления предприятиями; финансовый инструмент учета экологических затрат, который позволяет корпорациям точно оценивать экологические затраты, связанные с их продукцией. Благодаря учету экологических затрат, предприятие включает свои экологические затраты в анализ себестоимости каждого продукта и может принимать решение об отказе от продукции, имеющей высокие экологические затраты.

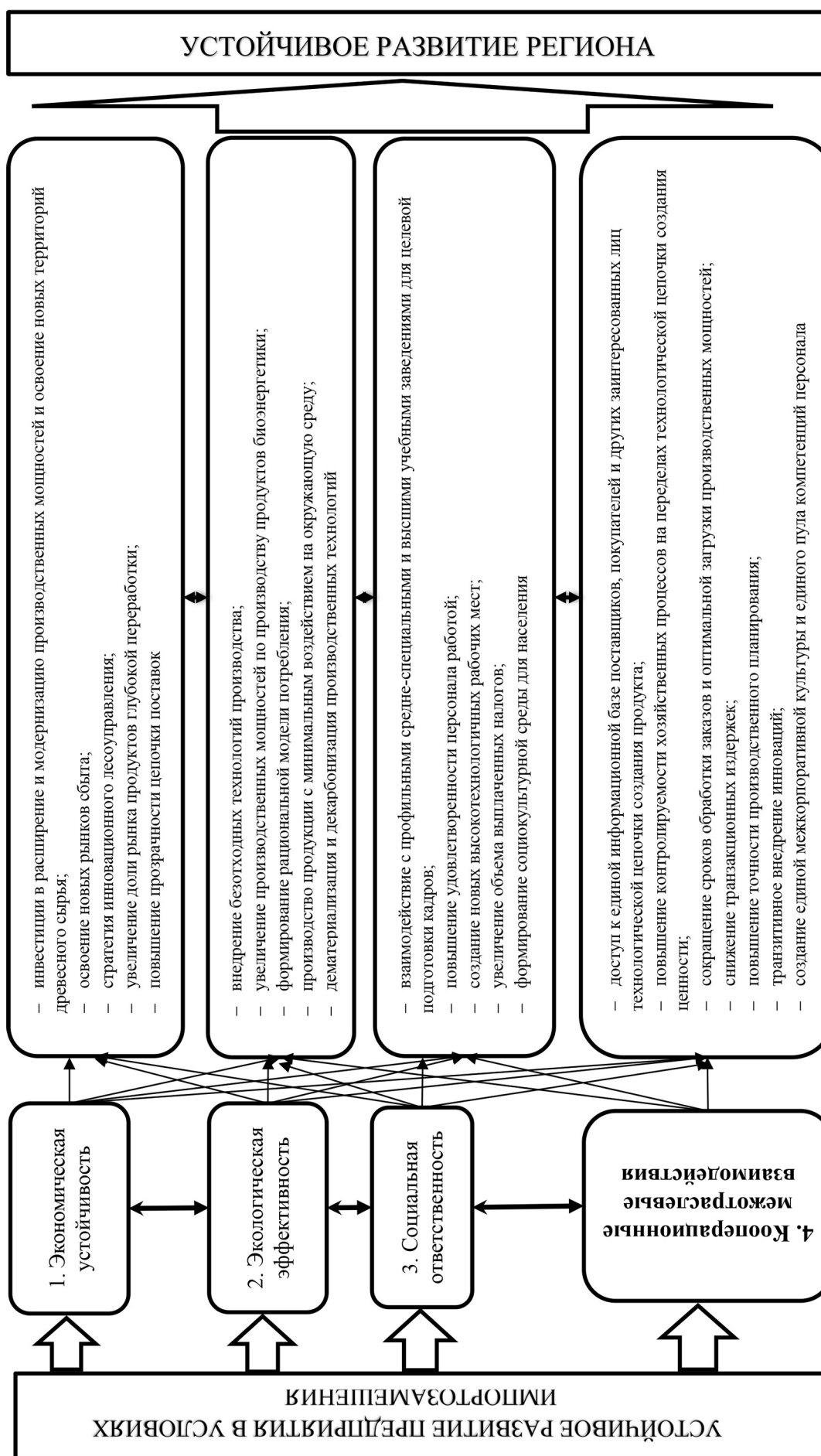

Рис. 1. Концептуальный подход устойчивого развития предприятий в условиях импортозамещения
Источник: разработано авторами

Fig.1. Conceptual approach to sustainable enterprise development in the context of import substitution
Source: compiled by the authors

Инструмент проектирования для окружающей среды связан с качествами продукта при его проектировании, такими как: полезность, технологичность, ресурсоемкость, ремонтпригодность, безопасность для здоровья человека и окружающей среды, утилизация продукта.

Экоэффективность — еще один инструмент экологического аспекта концепции «тройного дна» предприятия. Это инструмент развивающейся науки промышленной экологии, направленный на минимизацию использования материалов и энергоресурсов при разработке продукта. Именно в рамках экоэффективности уделяется внимание дематериализации и декарбонизации производственных процессов.

Интегрированная форма предприятия предполагает сотрудничество через кооперационное взаимодействие с предприятиями как внутри отрасли, так и межотраслевое взаимодействие. Экологические и социальные проблемы становятся общими отраслевыми проблемами, а их решение в рамках кооперационного взаимодействия позволяет добиться синергетической эффективности в реализации концепции устойчивого развития, повышения устойчивости как таковой, современного функционирования предприятий в рамках цепочки создания ценности [7; 9].

Аспект наличия межотраслевых кооперационных связей принимает особо важное значение для отраслей, являющихся системообразующими для экономики региона и объединяющих экономическими взаимодействиями как уже существующие, так и потенциальные смежные отрасли, давая импульс для трансформации отраслей, которые имеют значительный конкурентный потенциал для региональной экономики и экономики страны в целом, но не получили соответствующего развития по причине ориентации экономики на продукцию импортного производства.

Такой ключевой отраслью в экономике Кировской области является лесопромышленный комплекс [10]. Лесопромышленный комплекс объединяет кооперационными межотраслевыми взаимодействиями отрасли машиностроения, химическую, лесохимическую, агропромышленный комплекс, биоэнергетику, из которых химическая, машиностроительная, агропромышленные комплексы являются ведущими отраслями обрабатывающих производств экономики региона (рис. 2).

В свою очередь, производство древесных плит является якорной отраслью лесопромышленного комплекса, объединяющей производства заготовки и первичной обработки древесного сырья, вторичной переработки древесного сырья, производств глубокой переработки лесохимии, твердого биотоплива из древесных отходов, машиностроения по производству оборудования для деревообработки, твердого биотоплива, химической технологии древесины, производства биопродуктов для агропромышленного комплекса [14; 19].

Инструменты, используемые для реализации концептуального подхода к устойчивому развитию предприятия в условиях импортозамещения, можно классифицировать по следующим направлениям четырех аспектов концептуального подхода (табл. 2).

Составляющая экономической устойчивости направлена прежде всего на обеспечение высоких темпов роста бизнеса, повышение конкурентоспособности, развитие бережливого производства, экономичное развитие сырьевой базы.

Составляющая экологической эффективности включает в себя охрану экосистемы региона при отсутствии сырьевой базы и производства, реализацию принципов биоэкономики.

Социальная ответственность подразумевает вложения в развитие человеческого капитала и социальной среды присутствия.

Кооперационные межотраслевые взаимодействия обеспечивают институциональное развитие региона, наращивание конкурентоспособности производимой продукции и экспортного потенциала, технологической и производственной независимости, формирования системы знаний и взаимодействия заинтересованных сторон в рамках единого поля устойчивого развития региона.

Удовлетворение заинтересованных сторон, таких как: акционеры, сотрудники, поставщики, покупатели, правительственные институты, образовательные учреждения, профессиональные сообщества, неправительственные экологические организации, надзорные государственные органы — в рамках социально-эколого-экономического кооперационного взаимодействия обеспечивает устойчивое развитие сотрудничающих предприятий отраслей и экономики региона в целом.

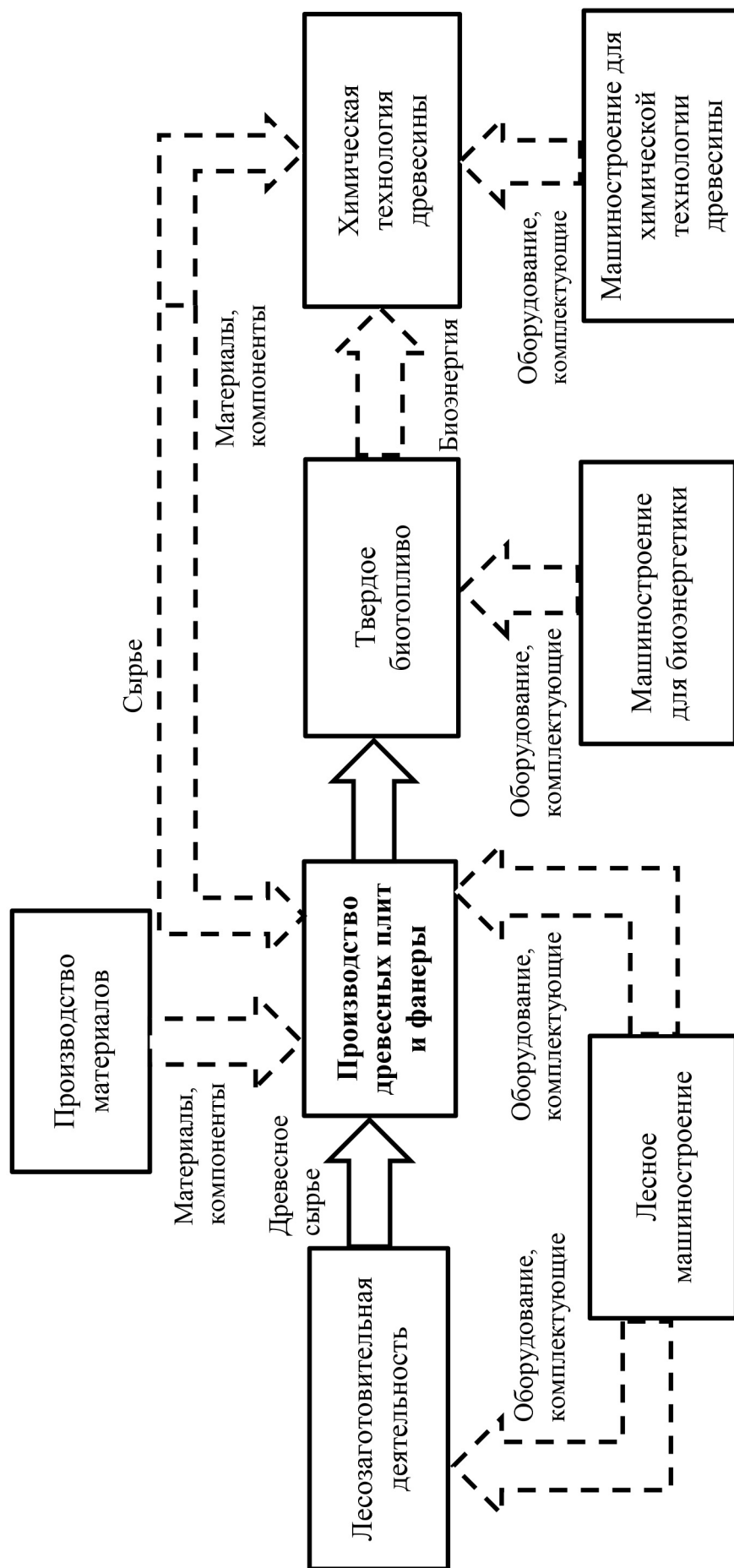
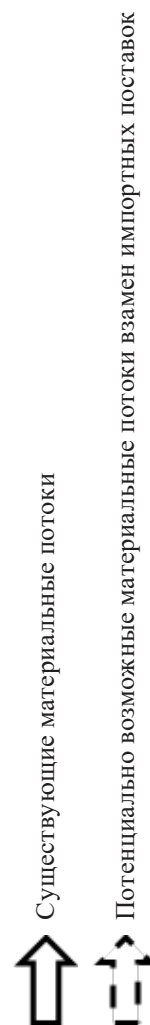

Рис. 2. Схема кооперационного межотраслевого взаимодействия предприятий на рынке древесных плит Кировской области в условиях импортозамещения
Источник: разработано авторами

Fig. 2. Scheme of cooperative inter-industry interactions of enterprises in the market of timber boards of Kirov region in terms of import substitution
Source: compiled by the authors

**Направления реализации концепции устойчивого развития предприятий
в условиях импортозамещения**

**Goals for the implementation of the concept of sustainable development of enterprises
in the context of import substitution**

Составляющие устойчивого развития предприятий	Направления реализации концепции
Экономическая устойчи- вость	Обеспечение высоких темпов роста бизнеса
	Бережливое и экоориентированное управление сырьевой базой
	Повышение конкурентоспособности предприятий
	Бережливое управление производством
	Рост инновационной активности
	Обеспечение ответственности по цепочке поставок продукции
Экологическая устойчи- вость	Охрана экосистемы присутствия
	Реализация принципов биоэкономики
	Сохранение экосистемы территории присутствия
Социальная ответствен- ность	Инвестиции в человеческий капитал
	Развитие социальной среды присутствия
Кооперационные межотраслевые взаимодействия	Выполнение требований законодательства в области устойчивого социально-экономического и научно-технического развития
	Наращивание конкурентных преимуществ
	Формирование интегрированной формы предприятия
	Взаимодействия с заинтересованными сторонами
	Формирование «Системы знаний»

Источник: разработано авторами

Отличительной особенностью инструментов реализации концептуального подхода устойчивого развития предприятий в условиях импортозамещения является то, что применение одного и того же инструмента оказывает влияние на одновременное развитие нескольких направлений устойчивого развития предприятия региона.

Так, в лесопромышленном комплексе Кировской области производство уникальных инновационных продуктов, например CLT-панелей, не только оказывает минимальное влияние на окружающую среду и повышает экологическую эффективность предприятия, но также обеспечивает реализацию аспекта социальной ответственности устойчивого развития, поскольку позволяет сокращать сроки строительства жилых домов и формирует комфортную среду проживания для населения региона присутствия производства.

Повышение уровня клиентского сервиса обеспечивает экономическую устойчивость предприятия и одновременно повышает удовлетворенность персонала работой, влияет на снижение текучести кадров.

Инвестиции в человеческий капитал через повышение квалификации персонала, соглашения

с профильными учебными заведениями для целевой подготовки кадров и повышают экономическую устойчивость предприятия, и реализуют мероприятия по социальной ответственности предприятия за счет положительного эффекта на развитие социокультурного уровня общества региона присутствия и на его социально-экономическое развитие в целом.

Заключение

Современные вызовы импортозамещения создали предпосылки к формированию новых концептуальных подходов устойчивого развития предприятий. Авторский концептуальный подход основывается на выстраивании между предприятиями кооперационных межотраслевых взаимодействий для производства конкурентоспособной продукции в условиях импортозамещения. Практическая значимость авторского концептуального подхода заключается в обосновании необходимости использования кооперационных межотраслевых взаимодействий в рамках локализации производственных мощностей предприятий сопряженных региональных отраслей для их устойчивого развития в условиях импортозамещения. Актуальность

углубления, расширения и сбалансированности кооперационных межотраслевых взаимодействий предприятий возникает при их функционировании в ведущих региональных отраслях, что позволяет использовать уникальные региональные преимущества для усиления конкурентоспособности экономики региона на национальном и мировых рынках, нарастить экспортный потенциал, восстановить и создать новые высокотехнологичные и инновационные производства, обеспечить переход социально-экономического развития региона на новый уровень.

Эффективное функционирование кооперационных межотраслевых взаимодействий предприятий одновременно обеспечит решение нескольких задач импортозамещения на региональном рынке: дальнейшее развитие биотехнологий, которое будет способствовать развитию инновационных экспортных направлений; снижение нагрузки на несущую способность природных ресурсов региона присутствия; создание экологически благоприятной среды проживания общества; обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Анимца Е. Г., Анимца П. Е., Глумов А. А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2015. № 3. С. 160–172. doi: 10.17059/2015-3-14.
2. Балацкий Е. В. Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // TERRA ECONOMICUS. 2018. Т. 16, № 1. С. 37–55. doi: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-37-55.
3. Гизатуллин Х. Н., Гарипов Ф. Н., Гарипова З. Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 43–52. doi: 10.17059/2018-1-4.
4. Глазьев С. Ю. Контуры будущего российской экономики в контексте мирового кризиса // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 53–56.
5. Демидова О. А., Иванов Д. С. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20, № 1. С. 52–75.
6. Ершов П. А. Импортозамещение и политика импортозамещения: теоретический подход к определению понятий // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 147–157.
7. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 4 (40). С. 84–108.
8. Кучерова Е. Н. Современный подход к устойчивому развитию предприятия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 9 (73). С. 76–81.
9. Парфиненко Т. В. Адаптивные подходы к сущностной характеристике устойчивого развития предприятия в условиях нестабильной внешней среды // Тенденции и технологии управления процессами и системами в современной экономике : материалы Всерос. конф. Орёл, 2022. С. 169–173.
10. Полтерович В. М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 1–19.
11. Суворова Л. А., Парфиненко Т. В. Анализ состояния и тенденции развития российского рынка древесных плит // Экономика и предпринимательство. 2021. № 12 (137). С. 505–508.
12. Ухина О. И., Насонова Т. С. Устойчивое развитие предприятия и роль прибыли в его обеспечении // Финансовый вестник. 2016. № 4 (35). С. 5–9.
13. Фукина С. П. К вопросу об устойчивом развитии предприятия в нестабильной среде // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 48–55.
14. Хомяченкова Н. А. Современные аспекты мониторинга устойчивого развития промышленного предприятия: методика и практика // Экономические исследования. 2010. № 2. С. 4–15.
15. Юсупова А. Т., Халимова С. Р. Характеристики, особенности развития, региональные и отраслевые детерминанты высокотехнологичного бизнеса в России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 142–154.
16. Dyllick Th. and Hockerts K. Beyond the business case for corporate sustainability // Business Strategy and the Environment. 2002. Vol. 11, No. 2. Pp. 130–141. doi: 10.1002/bse.323.
17. Elkington J. Partnerships from Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st-Centure Business // Environmental quality management. 1998. Vol 8, Issue 1. Pp. 37–51.

18. Elkington J. Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development // *California Management Review*. 1994. Vol. 36. Issue 2. P. 90–100. doi: 10.2307/41165746.
19. Schmidheiny S. The Business Council for Sustainable Development, Changing Course: a Global Business Perspective on Development and the Environment. Cambridge, MA: The MIT Press, 1992. 373 p.
20. Suvorova L. A. Global and Regional Aspects of Positioning Participants of the International Economic Integration // *Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Business Cooperation as a Resource of Sustainable Economic Development and Investment Attraction”*. Atlantis Press, 2019. Vol. 90. P. 48–51.

References

1. Animitsa EG, Animitsa PE, Glumov AA. Import substitution in regional industrial production: conceptual-theoretical and applied aspects. *Ekonomika regiona = Regional Economy*. 2015;(3):160-172. (In Russ.).
2. Balatsky EV. The concept of capital accumulation cycles by J. Arrighi and its applications. *TERRA ECONOMICUS*. 2018;16(1):37-55. (In Russ.).
3. Gizatullin KhN, Garipov FN, Garipova ZF. Management problems of structural transformation of the regional economy. *Ekonomika regiona = Regional Economy*. 2018;14(1):43-52. (In Russ.).
4. Glazyev SYu. The contours of the future of the Russian economy in the context of the global crisis. In: *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya = The contours of the future in the context of global cultural development*. St. Petersburg: SPbGUP; 2018. P. 53–56. (In Russ.).
5. Demidova OA, Ivanov DS. Models of economic growth with heterogeneous spatial effects (on the example of Russian regions). *Ekonomicheskii zhurnal VSHE = HSE Economic Journal*. 2016;20(1):52-75. (In Russ.).
6. Ershov PA. Import substitution and import substitution policy: theoretical approach to the definition of concepts. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2017;(2):147-157. (In Russ.).
7. Zemtsov SP, Smelov YA. Factors of regional development in Russia: geography, human capital or regional politics. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2018;(4(40):84-108. (In Russ.).
8. Kucherova EN. Modern approach to the sustainable development of the enterprise. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*. 2007;(9(73):6-81. (In Russ.).
9. Parfinenko TV. Adaptive approaches to the essential characteristic of sustainable development of the enterprise in an unstable environment. In: *Tendentsii i tekhnologii upravleniya protsessami i sistemami v sovremennoy ekonomike = Trends and technologies of management processes and systems in the modern economy: Proceedings of the National Conference*. Oryol; 2022. P. 169–173.
10. Polterovich VM. Positive cooperation: factors and mechanisms of evolution. *Voprosy ekonomiki = Economic questions*. 2016;(11):1-19. (In Russ.).
11. Suvorova LA, Parfinenko TV. Analysis of the state and trends of development of the Russian market of wood boards. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2021;(12(137):505-508. (In Russ.).
12. Ukhina OI, Nasonova TS. Stable development of the enterprise and the role of profit in its provision. *Finansovyi vestnik = Financial Bulletin*. 2016;(4(35):5-9. (In Russ.).
13. Fukina SP. To the question of the sustainable development of the enterprise in an unstable environment. *Aktual'nye problem ekonomiki i prava = Actual problems of economy and law*. 2008;(4):48-55. (In Russ.).
14. Khomyachenkova NA. Modern Aspects of Monitoring the Sustainable Development of Industrial Enterprise: Methodology and Practice. *Ekonomicheskie issledovaniya = Economic Studies*. 2010;(2):4-15. (In Russ.).
15. Yusupova AT, Khalimova SR. Characteristics, peculiarities of development, regional and sectoral determinants of high-tech business in Russia. *Voprosy ekonomiki = Economic questions*. 2017;(12):142-154. (In Russ.).
16. Dyllick Th, Hockerts K. Beyond the business case for corporate sustainability. *Business Strategy and the Environment*. 2002;11(2):130-141.
17. Elkington J. Partnerships from Cannibals with Forks: the Triple Bottom Line of 21st-Century Business. *Environmental quality management*. 1998;8(1):37-51.
18. Elkington J. Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development. *California Management Review*. 1994;36(2):90-100.

19. Schmidheiny S. The Business Council for Sustainable Development, Changing Course: a Global Business Perspective on Development and the Environment. Cambridge, MA: The MIT Press; 1992. 373 p.
20. Suvorova LA. Global and Regional Aspects of Positioning Participants of the International Economic Integration. In: Business Cooperation as a Resource of Sustainable Economic Development and Investment Attraction. Atlantis Press; 2019. Vol. 90. Pp. 48–51.

Информация об авторах

Т. В. Парфиненко — преподаватель кафедры экономики.

Л. А. Суворова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики.

Information about the authors

T. V. Parfinenko — Lecturer of the Department of Economics.

L. A. Suvorova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК 338

ПОДХОД ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЭКОЛОГИИ К ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РОССИИ

Ирина Анатольевна Белова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, belova@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6308-5011>

Аннотация. Проанализировано распределение предприятий малого и среднего бизнеса по видам экономической деятельности в разрезе категорий субъектов МСП (средние, малые предприятия, микропредприятия) по федеральным округам. В каждом федеральном округе определены ключевые виды деятельности, а также виды деятельности, нехарактерные для субъектов МСП. С точки зрения подхода организационной экологии выявлены виды деятельности, в которых преобладают процессы легитимации и конкуренции. К числу первых относятся гостиничные услуги и общественное питание; финансовая и страховая деятельность; образование; здравоохранение; культура, спорт и организация досуга. В число вторых входят оптовая и розничная торговля; обрабатывающие производства; строительная отрасль; отрасль транспортировки и хранения; сельское и лесное хозяйство. Установлена неравномерность распределения субъектов МСП в географическом пространстве и отраслевой структуре. Исследование основано на данных финансовой отчетности предприятий малого и среднего бизнеса. Источником данных выступила информационно-аналитическая система Fira.ru. Результаты, полученные в данной работе, позволят в дальнейших исследованиях оценить ширину ниши, различающую универсальные и специализированные организации, а также попытаться отследить эволюцию организационных популяций в разрезе видов деятельности в процессе превращения микропредприятий в средние или крупные.

Ключевые слова: малый бизнес, средний бизнес, микропредприятия, отраслевая структура, ключевые сферы деятельности, федеральный округ, пространственное размещение, виды экономической деятельности, организационная экология

Для цитирования: Белова И. А. Подход организационной экологии к отраслевой структуре малого и среднего бизнеса России // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 205–215.

Original article

THE APPROACH OF ORGANIZATIONAL ECOLOGY TO THE INDUSTRY STRUCTURE OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN RUSSIA

Irina A. Belova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, belova@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6308-5011>

Abstract. The distribution of small and medium-sized businesses by types of economic activity in the context of categories of SMEs (medium-sized, small enterprises, micro-enterprises) by federal districts is analyzed. In each federal district, key activities are identified, as well as activities that are not typical for SMEs. From the point of view of the approach of organizational ecology, the types of activities in which the processes of legitimation and competition prevail are identified. The former include hotel services and catering; financial and insurance activities; education; healthcare; culture, sports and leisure activities. The second includes wholesale and retail trade; manufacturing industries; building sector; transportation and storage industry; agriculture and forestry. The uneven distribution of SMEs in the geographical space and sectoral structure has been established. The study is based on data from the financial statements of small and medium-sized businesses. The information and analytical system Fira.ru acted as the data source. The results obtained in this work will allow further research to assess the width of the niche that distinguishes between universal and specialized organizations, as well as to try to track the evolution of organizational populations in the context of activities in the process of transforming microenterprises into medium or large ones.

Keywords: small business, medium business, micro-enterprises, industry structure, key areas of activity, federal district, spatial distribution, types of economic activity, organizational ecology

For citation: Belova IA. The approach of organizational ecology to the sectoral structure of small and medium-sized businesses in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):205-215. (In Russ.).

Введение

Успешное функционирование субъектов МСП является базисом, платформой для развития региональных экономик и национальной экономики в целом. От активности данного предпринимательского сектора, его отраслевой структуры зависит его вклад в валовый региональный продукт и экономический рост страны. Доля субъектов МСП в валовом региональном продукте области, края, республики должна ежегодно расти. Именно на этих аспектах должна концентрироваться государственная поддержка, меры и инструменты которой должны охватывать не только ключевые для региона отрасли, но и развивать отрасли с более высокой добавленной стоимостью.

О развитии малого и среднего бизнеса в России, проблемах и успешности его функционирования, его значимости для экономики региона и экономики страны в целом написано большое количество работ. В частности, исследование природы, факторов и измерения успешности МСП, инфраструктуры государственной поддержки субъектов МСП проведено коллективом авторов под руководством В. И. Бархатова [22; 24; 30]. Установлено влияние внешних и внутренних факторов на успешность предприятий МСП [1; 11; 23]. Так, среди внутренних факторов, являющихся наиболее значимыми в формировании показателей успешности, выступают «удельный вес собственного капитала» и «покрытие процентных выплат». Данные факторы влияют на рентабельность продаж. В числе факторов, влияющих на темп роста выручки от продаж, выступают «средний срок оборота дебиторской задолженности» и «средний срок оборота запасов». Если говорить о внешних факторах, то существенное влияние на такой показатель успешности МСП, как эффективность, оказывает налоговая нагрузка.

Факторы, сдерживающие развитие МСП в России, раскрыты И. Аминовым и Х. Аминовым [9]. В числе таковых авторы выделяют квалификацию работников, налогообложение, кредитование, инновационное развитие. Более полно факторы, ограничивающие развитие малого и среднего бизнеса в России, были выделены О. Рушицкой и Е. Куликовой [25]. К таковым ограничениям авторы относят ресурсные, рыночные, инфраструктурные, финансовые, информационные и прочие ограничения.

Влияние пандемии на развитие малого и среднего бизнеса изучено А. Лебедевой [20], Н. Токмачевой и С. Токмачевым [29], А. Зайцевой и коллегами [17], С. Симоновым и коллегами [27], Д. Годлевской и коллегами [15] и др. Авторы в данном ключе исследуют негативные последствия и потери, акцентируют внимание на изучении мер государственной поддержки бизнеса, разрабатывают рекомендации по минимизации потерь в условиях пандемии.

Влияние малого и среднего бизнеса на экономический рост региона, страны является предметом исследования множества ученых. В числе таковых можно назвать В. Васильева и коллег [14], Л. Избасарову и коллег [18], К. Заболотскую [16], Т. Сергееву и Ю. Лазич [26], Т. Бессонову [12], М. Быкову [13] и многих других. При этом часть научного сообщества в числе факторов экономического роста рассматривают интеграцию крупного бизнеса и субъектов МСП [19; 21; 28].

Организационная экология, подходы к ее изучению, проблемы, направления развития нашли отражение в многочисленных работах ученых. Первыми работами в данном направлении стали исследования Д. Фримена и М. Ханнана [4; 5; 6; 7]. Авторы исследуют влияние изменчивости окружающей среды на ширину ниши организационных популяций, а также то, как изменения окружающей среды влияют на изменения в жизни специализированных и универсальных организаций. Концепция организационной ниши послужила толчком для появления исследований, анализирующих влияние организационного окружения на жизнеспособность фирм [2; 3; 8].

Цель исследования заключается в анализе отраслевой структуры российских предприятий среднего и малого бизнеса в разрезе федеральных округов с точки зрения организационной экологии. Задачей исследования выступает определение видов деятельности в разрезе каждой категории субъектов МСП, в которых будут преобладать процессы легитимации и конкуренции, зависящие от количества организаций (их плотности) на рынке.

Материалы и методы исследования

Теоретическую и методологическую базу исследования составили аналитические и обзорные

статьи в области изучения проблем функционирования российских предприятий независимо от их размера (малые, средние, крупные предприятия или микропредприятия); их влияния на экономический рост как в региональном, так и общероссийском срезе; проблем и факторов успешности малого и среднего бизнеса, затрагивающих в числе прочих и роль государственного регулирования; подходов организационной экологии и популяционной экологии, направленных на рассмотрение многообразия организационных форм.

Методологический инструментарий данного исследования составили общенаучные методы и подходы: индукция, дедукция, аналогия, моделирование, графический анализ, сравнительный анализ, системный подход.

Информационную базу исследования составили средние, малые предприятия и микропредприятия России. Критерии отнесения предприятия к таковым определены Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022). В частности, в данном исследовании формирование выборок в разрезе размера предприятий осуществлялось на основе величины годовой выручки от реализации товаров, работ, услуг. Для среднего бизнеса величина годовой выручки должна быть не более 2 млрд руб., для малого бизнеса — не более 800 млн руб., для микропредприятий — не более 120 млн руб.

Данные для анализа предоставлены Первым независимым рейтинговым агентством (Fira.ru). Необходимо отметить, что в выборки вошли только ЮЛ ввиду отсутствия по ИП данных по величине годовой выручки в информационно-аналитической системе, выступающей источником данных для анализа. Анализ отраслевой структуры, выделение ключевых сфер деятельности малого и среднего бизнеса России проводился на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД)¹ в разрезе 21 раздела.

Результаты исследования и их обсуждение

С учетом описанного выше критерия для формирования трех выборок категорий (а именно величины годовой выручки) распределение субъектов малого и среднего предпринимательства в разрезе федеральных округов представлено в таблице 1, а структура субъектов МСП в РФ — на рисунке 1. Исходя из данных, представленных

на рисунке 1 и в таблице 1, среди трех рассматриваемых категорий субъектов МСП лидирующее положение по числу предприятий занимают микропредприятия (доля 93,2 % в общем числе субъектов МСП в РФ), размер годовой выручки которых не превышает 120 млн руб. Второе место по числу предприятий занимают малые предприятия (доля 5,9 % в общем числе субъектов МСП в РФ). Меньше всего предприятий относится к числу средних (доля лишь 0,9 %). Таким образом, распределение субъектов МСП в РФ в разрезе категорий нельзя назвать равномерным. Такая большая доля микропредприятий может свидетельствовать, с одной стороны, о комфортности их пребывания в организационной нише, в которой эта популяция способна возобновляться посредством своих конкурентных преимуществ по сравнению с другими организационными популяциями. С другой стороны, переход в другую организационную популяцию с точки зрения размера и масштаба бизнеса сопряжен с определенными сложностями, связанными с конкуренцией уже не с себе подобными, а с популяциями, занимающими другую нишу на сегментированном рынке.

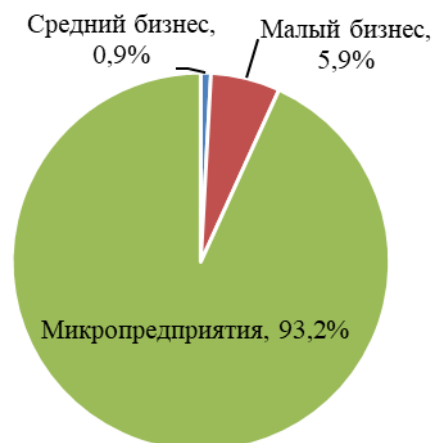

Рис. 1. Структура субъектов МСП в РФ, 2021 г., %

Источник: расчет автора по данным Росстат

Fig. 1. Structure of SMEs in the Russian Federation, 2021, %

Source: author's calculation according to Rosstat

Более того, анализ данных таблицы 1 позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, если говорить об округах, то лидирующее положение с существенным отрывом в каждой категории субъектов МСП, занимает ЦФО, далее идет ПФО, замыкает тройку регионов-лидеров СЗФО. Таким образом, наблюдается неравномерное пространственное распределение в каждой категории субъектов МСП в разрезе

¹ С 2017 года по настоящее время — ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2).

округов. Такое сложившееся распределение во многом обусловлено высокой плотностью населения, уровнем урбанизации, накопленным промышленным и научным потенциалом, развитой инфраструктурой, нахождением главных транспортных магистралей страны, включая плотные сети железнодорожных и автомобильных магистралей, благоприятный инвестиционный климат.

Во-вторых, концентрация предприятий в каждой категории субъектов МСП «затухает» по мере территориального удаления от центра. К аналогичному выводу пришли автор и коллеги, исследуя

пространственное размещение крупного бизнеса в РФ [10]. Среди причин, объясняющих такое «затухание», может выступать меньшая урбанизированность территорий при наибольшей площади; низкая покупательная способность населения в силу невысоких реальных денежных доходов; региональные особенности, включая «клановость» и специфику менталитета; низкая концентрация крупного бизнеса, и как следствие, несущественное число центров притяжения кадров; наличие слабоосвоенных территорий ввиду больших издержек на их освоение и географических условий и пр.

Таблица 1
Table 1

Число субъектов МСП в разрезе федеральных округов, 2021 г.
Number of SMEs by federal districts, 2021

Федеральный округ	Средний бизнес	Доля в общем числе предприятий среднего бизнеса РФ, %	Малый бизнес	Доля в общем числе предприятий малого бизнеса РФ, %	Микропредприятия	Доля в общем числе микропредприятий РФ, %
ЦФО	8847	45,2	55841	41,8	693729	33,1
ПФО	2820	14,4	19912	14,9	382373	18,2
СЗФО	2454	12,5	18507	13,8	270238	12,9
СФО	1546	7,9	11951	8,9	233347	11,1
УФО	1387	7,1	10111	7,6	184356	8,8
ЮФО	1338	6,8	9131	6,8	174842	8,3
ДВФО	845	4,3	5864	4,4	112851	5,4
СКФО	326	1,7	2371	1,8	47059	2,2
Итого:	19563	100	133688	100	2098795	100

Источник: Figa.ru

Анализ структуры пространственного размещения субъектов МСП (рис. 2) позволяет констатировать практически идентичную картину по всем округам, где доля микропредприятий находится в диапазоне 94,4-94,6 %, предприятий малого бизнеса — в диапазоне 4,8-4,9 %, среднего бизнеса — в диапазоне 0,6-0,7 %.

Исключение составляют лишь два округа — ЦФО и СЗФО, где доля предприятий малого и среднего бизнеса выше по сравнению со всеми остальными округами. Так, доля предприятий малого бизнеса в ЦФО и СЗФО составляет 7,4 % и 6,4 % соответственно, а среднего бизнеса — 1,2 % и 0,8 %.

В таблицах 2, 3, 4 представлено распределение предприятий среднего бизнеса, малого бизнеса, микропредприятий по видам экономической де-

ятельности в разрезе федеральных округов. Необходимо отметить несколько моментов. Первое, распределение предприятий по видам экономической деятельности ведется только по укрупненным группам — разделам, число которых в соответствии с ОКВЭД составляет 21. Выделение на классы и подклассы не производится. Второе, в таблицах 2, 3, 4 не представлены виды деятельности (соответствующие разделам ОКВЭД), доля которых в структуре ОКВЭД по каждому федеральному округу в разрезе анализируемых категорий субъектов МСП составляет менее 1 %.

Анализ распределения предприятий среднего бизнеса по видам деятельности (табл. 2) позволяет сделать вывод о том, что доля предприятий, занятых в оптовой и розничной торговле, является наибольшей по сравнению с другими сферами

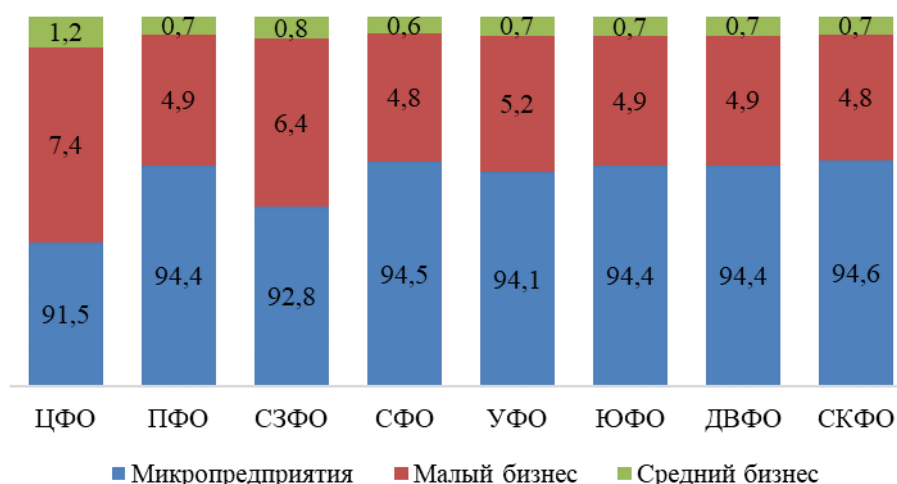

Рис. 2. Структура пространственного размещения субъектов МСП в округе, 2021 г., %

Источник: расчет автора по данным Росстат

Fig. 2. The structure of the spatial distribution of SMEs in the district, 2021, %

Source: author's calculation according to Rosstat

и составляет 41–49 % в зависимости от округа. Доля предприятий, занятых в сфере обрабатывающих производств, схожа по всем округам и входит диапазон 17–20 %. Исключение составляет лишь два федеральных округа, имеющих максимальную и минимальную долю предприятий обрабатывающих производств: ПФО — 25 % и ДВФО — 8 %. При этом отличительной особенностью отраслевой структуры среднего бизнеса ДВФО является наибольшая доля отрасли транспортировки и хранения (14 %) и добычи полезных ископаемых (7 %). В то время как в СКФО такой отраслью является сельское, лесное хозяйство (доля 12 %).

В целом средние предприятия отрасли сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в большей степени представлены в трех округах — ЮФО, ДВФО и СКФО, состав-

ляя 8–12 % в общем числе предприятий среднего бизнеса. Таким образом, отраслевая структура среднего бизнеса в разрезе федеральных округов неравномерна по числу занятых предприятий в каждой отрасли. Так, средний бизнес в основном сосредоточен в пяти отраслях, которыми являются оптовая и розничная торговля, обрабатывающие производства, строительство, транспортировка и хранение, сельское и лесное хозяйство. В остальных сферах участие среднего бизнеса минимально (доля 1–4 %). Более того, менее 1 % в отраслевой структуре среднего бизнеса занимают предприятия, ведущие деятельность в таких сферах, как гостиничные услуги и общественное питание; финансовая и страховая деятельность; образование; здравоохранение; культура, спорт и организация досуга.

Таблица 2

Table 2

Распределение предприятий среднего бизнеса по видам экономической деятельности в округе, 2021 г.

Distribution of medium-sized businesses by type of economic activity in the district, 2021

Вид экономической деятельности	Доля в общем количестве предприятий среднего бизнеса округа, %							
	ЦФО	ПФО	СЗФО	СФО	УФО	ЮФО	ДВФО	СКФО
Торговля оптовая и розничная	46	42	43	48	45	49	41	41
Обрабатывающие производства	17	25	20	18	18	17	8	19
Строительство	8	10	11	7	12	8	10	14
Транспортировка и хранение	5	4	7	7	6	5	14	3
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2	4	3	4	2	8	8	12
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6	2	4	3	2	3	3	1
Деятельность в области информации и связи	4	1	2	1	1	<1	1	1

Окончание таблицы 2

Table 2 (end)

Вид экономической деятельности	Доля в общем количестве предприятий среднего бизнеса округа, %							
	ЦФО	ПФО	СЗФО	СФО	УФО	ЮФО	ДВФО	СКФО
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	3	2	3	2	2	2	1	1
Добыча полезных ископаемых	1	2	1	2	3	1	7	1
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	1	2	1	2	3	2	2	3
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	1	2	1	2	3	1	2	1

Источник: расчет автора по данным Росстат.

Анализ распределения предприятий малого бизнеса по видам деятельности (табл. 3) позволяет сделать вывод о том, что отраслевая структура этой категории субъектов МСП очень схожа со структурой среднего бизнеса. В частности, среди малых предприятий доминирующие позиции занимают предприятия оптовой и розничной торговли (доля 41–46 %), предприятия обрабатывающих производств [13–15 %, исключение все также составляют ПФО (с максимальной долей 18 %) и ДВФО (с минимальной долей 8 %)], строительная отрасль (доля 10–16 %), отрасль транспортировки и хранения (5–7 %, исключение составляют

ДВФО с максимальной долей 11 % и СКФО с минимальной долей 4 %). При этом отрасль сельского и лесного хозяйства в большей степени представлена только в двух округах, которыми все также выступают ЮФО и СКФО, а добыча полезных ископаемых — в ДВФО, где эта отрасль является одной из основных специализаций в силу наличия сырьевых ресурсов.

Профессиональная, научная и техническая деятельность и деятельность по операциям с ценными бумагами в большей мере представлена в ЦФО, составляя 6 % и 5 % соответственно в общем количестве малых предприятий округа.

Таблица 3

Table 3

**Распределение предприятий малого бизнеса
по видам экономической деятельности в округе, 2021 г.
Distribution of small businesses by type of economic activity in the district, 2021**

Вид экономической деятельности	Доля в общем количестве предприятий малого бизнеса округа, %							
	ЦФО	ПФО	СЗФО	СФО	УФО	ЮФО	ДВФО	СКФО
Торговля оптовая и розничная	43	43	42	46	43	42	46	41
Обрабатывающие производства	13	18	14	14	15	14	8	13
Строительство	11	12	12	11	13	10	12	16
Транспортировка и хранение	5	5	7	7	7	7	11	4
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6	3	4	3	3	3	2	2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	5	3	4	2	4	3	2	1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2	5	2	6	2	9	5	12
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	3	1	3	2	2	1	2	1
Добыча полезных ископаемых	<1	1	<1	1	1	1	5	1
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	1	1	1	2	2	1	2	2
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	1	2	1	1	1	1	1	2
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1	1	1	2	1	2	1	3

Источник: расчет автора по данным Росстат.

Анализ распределения микропредприятий по видам деятельности (табл. 4) свидетельствует о том, что отраслевая структура данной категории субъектов МСП более равномерна, без столь существенного перекоса в сторону отрасли оптовой и розничной торговли, чем структура среднего и малого бизнеса. О равномерности отраслевой структуры также говорит большее количество видов экономической деятельности, в которых заняты микропредприятия, и меньшее число отраслей с долей менее 1 %.

Более того, участие микропредприятий в отраслевой структуре типично в разрезе каждого

федерального округа. Так, в топ-5 ключевых сфер деятельности входят отрасли: оптовая и розничная торговля (доля 23–27 %), строительство (доля 11–13 %), операции с недвижимым имуществом (9–13 %), профессиональная, научная и техническая деятельность (7–11 %), обрабатывающие производства (6–9 %). При этом необходимо отметить, что участие микропредприятий в сфере обрабатывающих производств гораздо ниже средних и малых предприятий, где доля данной отрасли составляет 17–19 % и 13–15 % от общего числа каждой категории субъекта МСП соответственно.

Таблица 4
Table 4

Распределение микропредприятий по видам экономической деятельности в округе, 2021 г.
Distribution of microenterprises by type of economic activity in the district, 2021

Вид экономической деятельности	Доля в общем количестве микропредприятий округа, %							
	ЦФО	ПФО	СЗФО	СФО	УФО	ЮФО	ДВФО	СКФО
Торговля оптовая и розничная	26	25	24	26	27	24	24	23
Строительство	11	12	12	11	12	11	12	13
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	12	12	13	12	11	13	10	9
Деятельность профессиональная, научная и техническая	11	8	9	9	9	9	9	7
Обрабатывающие производства	8	9	8	8	9	7	6	8
Транспортировка и хранение	5	6	7	7	7	6	9	4
Предоставление прочих видов услуг	5	6	5	6	5	7	6	7
Деятельность в области информации и связи	5	3	4	3	3	3	2	3
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	5	4	5	4	4	4	4	4
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3	2	3	2	2	4	3	3
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2	3	2	3	2	3	2	5
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2	2	2	1	2	2	2	1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2	3	2	3	2	4	5	7
Деятельность финансовая и страховая	2	1	1	1	1	1	1	1
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	1	1	1	1	1	1	1	1
Образование	1	1	1	1	1	1	1	2

Источник: расчет автора по данным Росстата

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Во-первых, распределение субъектов МСП в РФ в разрезе категорий отличается неравно-

мерностью. Подавляющее большинство предприятий относится к категории микропредприятий (доля 93,2 % от общего числа субъектов МСП). Подобная картина наблюдается и в структуре пространственного размещения субъектов МСП

по округам. Схожесть структуры пространственного размещения по федеральным округам в разрезе субъектов МСП с позиции организационной экологии, с одной стороны, обусловлена опасением утраты своих конкурентных преимуществ в борьбе за ресурсы и легитимацию в сложившейся организационной нише, с другой стороны, — рост и переход в другую нишу с точки зрения размера и масштаба бизнеса происходит под влиянием институциональной среды, а именно регулирующего воздействия государства. К примеру, государственная поддержка в финансовой и налоговых сферах определенных видов деятельности, снижение административного давления может нарушать конкурентный отбор, предотвращать смертность таких популяций.

Во-вторых, участие предприятий среднего и малого бизнеса, микропредприятий в соответствующей отраслевой структуре имеет схожую картину по всем округам. Причем данная схожесть наблюдается не только в разрезе округа, но и в разрезе категории субъекта МСП. Так, на лидирующих позициях в отраслевой структуре предприятий среднего и малого бизнеса находятся оптовая и розничная торговля; обрабатывающие производства; строительство; транспортировка и хранение. Именно в этих видах деятельности с позиции организационной экологии доминирует конкуренция ввиду наибольшей плотности, то есть большого количества организаций в них.

При этом в отраслевой структуре микропредприятий эти позиции занимают несколько иные отрасли. В их число входят оптовая и розничная торговля, строительство и операции с недвижимым имуществом.

В-третьих, неравномерность наблюдается не только в разрезе пространственного размещения субъектов МСП по округам в разрезе категорий, но и в отраслевой структуре таковых. О явной диспропорции говорит доминирующая доля отрасли оптовой и розничной торговли (сред-

ний бизнес — доля 41–49 %, малый — 41–46 %). Причем отраслевая структура микропредприятий более равномерна в этом плане. Доля микропредприятий, занятых в отрасли оптовой и розничной торговли, почти в два раза меньше, чем в структуре малого и среднего бизнеса (23–27 %), а доли других отраслей выше по большему числу видов экономической деятельности. Среди причин, объясняющих такое доминирование доли оптовой и розничной торговли, можно выделить зачастую низкую квалификацию персонала (отсутствие обязательного наличия высшего образования), развитие сетевого формата торговли, онлайн-торговли (включая маркетплейсы), короткий производственный цикл и пр.

В-четвертых, выявлены отрасли, нехарактерные для субъектов МСП. В числе таковых присутствуют социальное обеспечение; образование; здравоохранение; обеспечение электрической энергией; финансовая и страхования деятельность. Именно в этих видах деятельности с позиции организационной экологии преобладают процессы легитимации ввиду наименьшей плотности, то есть небольшого количества организаций в них.

В-пятых, концентрация субъектов МСП в рамках отдельных видов экономической деятельности (к примеру, в сельском и лесном хозяйстве, добыче полезных ископаемых, гостиничных услуг и общественного питания и пр.) определяется географией округа, наличием природных и сырьевых ресурсов, развитием туризма и прочими факторами.

Результаты, полученные в данной работе, позволяют в дальнейших исследованиях оценить ширину ниши, различающую универсальные и специализированные организации, а также попытаться отследить эволюцию организационных популяций в разрезе видов деятельности в процессе превращения микропредприятий в средние или крупные.

Список литературы

1. Barkhatov V. I., Belova I. A. External Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises of Russia: Economic Aspect. Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship: Proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference, Switzerland. Editors Mehmet Huseyin Bilgin, Hakan Danis, Ender Demir, Ugur Can. Switzerland: Springer, 2017. P. 453–468.
2. Carroll G. R. Organizational ecology // *Annual Review of Sociology*. 1984. Vol. 10. P. 71–93.
3. Carroll G. R., Hannan M. T. *The Demography of Corporations and Industries*. Princeton University Press: Princeton, NJ. 2000.
4. Freeman J., Hannan M. T. Niche width and the dynamics of organizational populations // *American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 88 (6). P. 1116–1145.

5. Hannan M., Freeman J. The population ecology of organizations // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82 (5). P. 929–964.
6. Hannan M. T., Freeman J. Structural inertia and organizational change // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49 (2). P. 149–164.
7. Hannan M. T., Freeman J. *Organizational Ecology*. Harvard University Press: Cambridge, 1989.
8. Singh J. V., Lumsden C. J. 1990. Theory and research in organizational ecology // *Annual Review of Sociology*. 1990. Vol. 16. P. 161–195.
9. Аминов И. Причины, сдерживающие развитие малого и среднего бизнеса // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики*. 2014. № 2 (58). С. 54–63.
10. Бархатов В. И., Белова И. А., Бенц Д. С. Предприятия крупного бизнеса России: анализ в разрезе федеральных округов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2017. № 5 (401). С. 104–113.
11. Белова И. А. Развитие инфраструктуры государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в России // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2016. № 6 (388). С. 77–85.
12. Бессонова Т. Н. Роль малого предпринимательства в экономическом развитии сырьевых регионов. Северный регион: наука, образование, культура. 2019. № 3-4. С. 19–28.
13. Быкова М. Л. Значение малого бизнеса в социально-экономическом развитии регионов. Путеводитель предпринимателя. 2021. Т. 15. № 1. С. 47–51.
14. Васильев В. Л., Хайретдинова С. Р., Ахтямова А. З. Роль малого и среднего бизнеса в экономическом развитии России // *Экономика и социум*. 2015. № 2-1 (15). С. 923–925.
15. Годлевская Д. В., Маркосян О. Р., Пидяшова А. А. Влияние коронавируса на малый и средний бизнес в России // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 63-4. С. 6–8.
16. Заболоцкая К. В. Совершенствование управления финансами малого и среднего бизнеса как основа роста российской экономики // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2017. Т. 206. № 4. С. 328–344.
17. Зайцева А. О., Кокина А. Н., Печерица Е. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на малый и средний бизнес России // *Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2020. Т. 15. № 3. С. 1459–1465.
18. Избасарова Л. Б., Шагирова Г. К., Нурмуханбетова Л. К. Роль малого и среднего бизнеса в обеспечении экономического роста Республики Казахстан // *Экономика и эффективность организации производства*. 2017. № 26. С. 11–15.
19. Кизим А. А., Вафаев З. Б. Интернационализация и интеграция крупного бизнеса в России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2008. № 8 (29). С. 6–10.
20. Лебедева А. В. Влияние пандемии на малый и средний бизнес // *Трибуна ученого*. 2022. № 1. С. 206–212.
21. Мироседи С. А., Трофимов В. Т. Интеграция малого и крупного бизнеса в России // *Вопросы экономических наук*. 2007. № 1 (23). С. 48–50.
22. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Николаева Е. В. Модель успешного предприятия малого и среднего бизнеса в России. М. : Перо, 2016. 331 с.
23. Николаева Е. В., Белова И. А. Институциональные факторы успешности предприятий среднего бизнеса в Челябинской области // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 21 (350). С. 159–176.
24. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Николаева Е. В. Природа, факторы и измерение успешности предприятий малого и среднего бизнеса в России. М. : Перо, 2015. 302 с.
25. Рушицкая О. А., Куликова Е. С. Развитие малого и среднего бизнеса: мировой опыт и проблемы России // *Аграрное образование и наука*. 2016. № 6. С. 18.
26. Сергеева Т. Л., Лазич Ю. В. Оценка влияния малого бизнеса на развитие регионов // *Beneficium*. 2020. № 1. С. 13–20.
27. Симонов С. Г., Хаматханова М. А., Амирова М. А. Средний и малый бизнес в условиях первой волны пандемии коронавируса: потери и сценарии их преодоления // *Финансовая экономика*. 2021. № 3. С. 83–90.
28. Сысоев Г. В. Интеграция крупного и малого бизнеса как фактор экономического роста России // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2007. № 8 (71). С. 30–39.

29. Токмачева Н. В., Токмачев С. В. Малый и средний бизнес — региональные особенности функционирования и правовые ограничения в период пандемии // Архивариус. 2020. № 8 (53). С. 51–55.
30. Бархатов В.И., Плетнёв Д. А. Успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России : монография. М. : Перо, 2016. 212 с.

References

1. Barkhatov VI, Belova IA. External Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises of Russia: Economic Aspect. Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship: Proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference, Switzerland. Editors Mehmet Huseyin Bilgin, Hakan Danis, Ender Demir, Ugur Can. Switzerland: Springer; 2017. Pp. 453–468.
2. Carroll G. R. Organizational ecology. *Annual Review of Sociology*. 1984;10:71-93.
3. Carroll GR, Hannan MT. The Demography of Corporations and Industries. Princeton University Press: Princeton, NJ; 2000.
4. Freeman J, Hannan MT. Niche width and the dynamics of organizational populations. *American Journal of Sociology*. 1983;88(6):116-1145.
5. Hannan M., Freeman J. The population ecology of organizations. *American Journal of Sociology*. 1977;82(5):929-964.
6. Hannan MT, Freeman J. Structural inertia and organizational change. *American Sociological Review*. 1984;49(2):149-164.
7. Hannan MT, Freeman J. Organizational Ecology. Harvard University Press: Cambridge; 1989.
8. Singh JV, Lumsden CJ. Theory and research in organizational ecology. *Annual Review of Sociology*. 1990;16:161-195.
9. Aminov I. Causes hindering the development of small and medium-sized businesses. *Vestnik Tadzhibskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki = Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2014;(2(58):54-63. (In Russ.).
10. Barkhatov VI, Belova IA, Benz DS. Large business enterprises in Russia: analysis in the context of federal districts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2017;(5(401):104-113. (In Russ.).
11. Belova IA. Development of infrastructure of state support for small and medium-sized businesses in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2016;(6(388):77-85. (In Russ.).
12. Bessonova TN. The role of small business in the economic development of raw regions. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura = Northern region: science, education, culture*. 2019;(3-4):19-28. (In Russ.).
13. Bykova ML. The importance of small business in the socio-economic development of regions. *Putevoditel' predprinimatel'ya = Entrepreneur's Guide*. 2021;15(1):47-51. (In Russ.).
14. Vasiliev VL, Khairatdinova SR, Akhtyamova AZ. The role of small and medium business in the economic development of Russia. *E'konomika i socium = Economics and society*. 2015;(2-1(15):923-925. (In Russ.).
15. Godlevskaya DV, Markosyan OR, Pidyashova AA. Influence of coronavirus on small and medium business in Russia. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2020;(63-4):6-8. (In Russ.).
16. Zabolotskaya KV. Improving the financial management of small and medium-sized businesses as a basis for the growth of the Russian economy. *Nauchnye trudy Vol'nogo e'konomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2017;206(4):328-344. (In Russ.).
17. Zaitseva AO, Kokina AN, Pecheritsa EV. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on small and medium-sized businesses in Russia. *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya = Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them*. 2020;15(3):1459-1465. (In Russ.).
18. Izbasarova LB, Shagirova GK, Nurmukhanbetova LK. The role of small and medium business in ensuring the economic growth of the Republic of Kazakhstan. *E'konomika i effektivnost' organizatsii proizvodstva = Economics and efficiency of production organization*. 2017;(26):11-15. (In Russ.).
19. Kizim AA, Vafaev ZB. Internationalization and integration of large business in Russia. *Natsional'ny'e interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2008;(8(29):6-10. (In Russ.).

20. Lebedeva AV. The impact of the pandemic on small and medium business. *Tribuna uchenogo = Tribune of the scientist*. 2022;(1):206-212. (In Russ.).
21. Miroseidi SA, Trofimov VT. Integration of small and large business in Russia. *Voprosy' e'konomicheskix nauk = Questions of economic sciences*. 2007;(1(23):48-50. (In Russ.).
22. Barkhatov VI, Pletnev DA, Nikolaeva EV. Model' uspehnogo predpriyatiya malogo i srednego biznesa v Rossii = Model of a successful small and medium-sized business in Russia. Moscow: Pero Publishing House; 2016. 331 p. (In Russ.).
23. Nikolaeva EV, Belova IA. Institutional factors of success of medium-sized businesses in the Chelyabinsk region. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2014; (21(350): 159-176. (In Russ.).
24. Barkhatov VI, Pletnev DA, Nikolaeva EV. Priroda, faktory i izmereniye uspehnosti predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii = The nature, factors and measurement of the success of small and medium-sized businesses in Russia. Moscow: Pero Publishing House; 2015. 302 p. (In Russ.).
25. Ruschitskaya OA, Kulikova ES. Development of small and medium business: world experience and problems of Russia. *Agrarnoe obrazovanie i nauka = Agrarian education and science*. 2016;(6):18. (In Russ.).
26. Sergeeva TL, Lazich YuV. Assessment of the impact of small business on the development of regions. *Beneficium*. 2020;(1):13-20. (In Russ.)
27. Simonov SG, Khamatkhanova MA, Amirova MA. Medium and small business in the conditions of the first wave of the coronavirus pandemic: losses and scenarios for overcoming them. *Finansovaya e'konomika = Financial Economics*. 2021;(3):83-90. (In Russ.).
28. Sysoev GV. Integration of large and small businesses as a factor in Russia's economic growth. *Imushchestvenny'e otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*. 2007;(8(71):30-39. (In Russ.).
29. Tokmacheva NV, Tokmachev SV. Small and medium business — regional features of functioning and legal restrictions during the pandemic. *Arxivarius = Archivist*. 2020;(8(53):51-55. (In Russ.).
30. Barkhatova VI, Pletnev DA (eds.) *Uspeshnost' predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii = The success of small and medium-sized businesses in Russia: monograph*. Moscow: Pero Publishing House; 2016. 212 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

И. А. Белова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

I. A. Belova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved
after reviewing 26.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.4

РЫНОК СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО РЫНКА И ОСОБЕННОСТИ БАНКРОТСТВА

Елена Сергеевна Силова¹, Дарья Сергеевна Плехова²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ metod@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5813-0145>

² Plehova74@mail.ru

Аннотация. В современном мире, когда вокруг огромное количество угроз, которые могут причинить вред имуществу, здоровью, непосредственно жизни человека, перед многими встает вопрос о необходимости застраховать жизнь или свои активы. Актуальность темы заключается в том, что на сегодняшний день острой является проблема дальнейшего развития рынка страхования. В статье рассмотрены особенности современного состояния и развития рынка страхования, проведен анализ основных показателей страховых компаний в разрезе различных страховых продуктов, а также выявлены особенности банкротства в этой отрасли. В работе также представлены основные этапы эволюции института банкротства в российской корпоративной практике. Рассмотрены тенденции развития страховых компаний в ключевых сегментах страхования. Цель работы — исследовать основные тенденции развития рынка страхования в России с учетом новых тенденций и рисков в экономике, изучить проблему банкротства страховых компаний и оценить перспективы дальнейшего развития данного отраслевого рынка. Результатами проведенного исследования являются: выявленные тенденции развития страховых компаний, оценка их экономического состояния и перспектив развития отрасли в целом, особенности применения института банкротства к страховым компаниям.

Ключевые слова: рынок страхования, особенности развития рынка страхования, банкротство в страховой отрасли

Для цитирования: Силова Е. С., Плехова Д. С. Рынок страхования в России: тенденции развития отраслевого рынка и особенности банкротства // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 216–230.

Original article

INSURANCE MARKET IN RUSSIA: TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY MARKET AND FEATURES OF BANKRUPTCY

Elena S. Silova¹, Darya S. Plehova²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Cheliabinsk, Russia

¹ metod@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5813-0145>

² Plehova74@mail.ru

Abstract. In today's world, when there are a huge number of threats that can harm property, health, directly human life, many face the question of insuring life or their assets. The relevance of the topic lies in the fact that today the issue of further development of the insurance market is acute. The article considers the features of the current state and development of the insurance market, analyzes the main indicators of insurance companies in the context of various insurance products, and reveals the features of bankruptcy in this industry. The work also analyzed the evolution of the institution of bankruptcy in Russian corporate practice. The trends in the development of insurance companies in key insurance segments were investigated. The purpose of the work is to study the main trends in the development of the insurance market in Russia, taking into account new trends and risks in the economy, study the problem of bankruptcy of insurance companies and assess the prospects for the further development of this industry market. The results of the study are identified trends in the development of insurance companies, an assessment of their economic condition and prospects for the development of the industry as a whole. The features of the application of the bankruptcy institute to insurance companies are investigated.

Keywords: insurance market, features of insurance market development, bankruptcy in the insurance industry

For citation: Silova ES, Plehova DS. Insurance market in Russia: trends in the development of the industry market and features of bankruptcy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):216-230. (In Russ.).

Введение

Развитие института банкротства имеет большое значение для экономики, так как данный институт позволяет оздоровить экономику, избавив ее от неэффективных игроков, с другой стороны, — защитить права кредиторов, обеспечив погашение их долгов в период реализации процедур, связанных с внешним и конкурсным управлением. Необходимо отметить, что в современной России данный институт прошел уже определенную эволюцию, связанную с его совершенствованием. Первая редакция федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» была принята 19 ноября 1992 г. Исследователи считают, что в ходе его применения были выявлены существенные проблемы: сложность и длительность процедуры банкротства, слабая защищенность прав кредиторов, использование данного института с целью преднамеренных банкротств [3]. В марте 1998 года вступил в силу новый закон о банкротстве, который стал намного больше, ввел много новых понятий, также в законе были приведены четкие признаки несостоятельности: срок три месяца, в который не исполняют денежные обязательства, размер задолженности — не менее 100 тыс. руб. [11]. Закон очень сильно расширил права арбитражных управляющих, в ре-

зультате чего во внимание принимались лишь интересы кредиторов, поэтому данный закон иногда называют «прокредиторским». Данный институт стал часто использоваться с целью рейдерских захватов предприятий [12]. Третья версия федерального закона стала действовать с октября 2002 года (№ 127-ФЗ). Этот вариант закона, по мнению экспертов, сделал практику банкротств более прозрачной, приблизив ее к западным стандартам, упорядочив взаимоотношения должника и кредитора, тем самым закон снизил риски потенциальных инвесторов и способствовал улучшению предпринимательского климата [4]. Вместе с тем и в новой редакции закона остался ряд проблем, снижающих эффективность института банкротства. В частности, это слабая эффективность процедур наблюдения, отсутствие четких методик финансового анализа. Отметим, что существует множество подобных методик, и их применимость мы оценивали ранее [1]. Также отмечается низкая прозрачность процедур, связанных с конкурсным управлением и наличие в этой сфере злоупотреблений. Важным направлением реформирования текущего законодательства в области банкротства может стать именно финансовое оздоровление предприятия, развитие механизмов предупреждения банкротства.

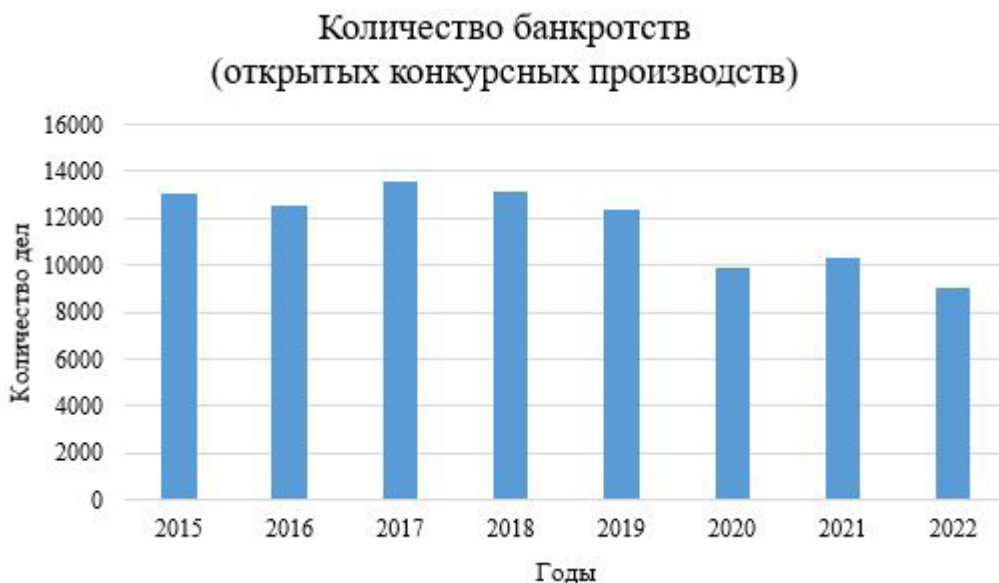

Рис. 1. Динамика банкротств в России в 2015–2022 гг., количество открытых конкурсных производств
Источник: Данные Федерального ресурса по банкротству. URL: <https://clck.ru/33m4QE>

Fig. 1. Dynamics of bankruptcies in Russia in 2015–2022, the number of open bankruptcy proceedings
Source: Data from the Federal Bankruptcy Resource. URL: <https://clck.ru/33m4QE>

Количество открытых конкурсных производств в России за последние восемь лет имеет тенденцию к постепенному снижению, с более чем 13 000 дел в 2015 году до 9055 — в 2022 году, однако это лишь часть статистики, учитывающая дела, по которым уже открыто конкурсное производство. Отдельно можно рассматривать дела о банкротствах физических лиц, а также дела компаний, чье финансовое состояние является неудовлетворительным и соответствует признакам несостоятельности (банкротства), но к ним пока не предъявлены требования кредиторов.

Резкое снижение количество банкротств в 2022 году эксперты объясняют прежде всего введением моратория на банкротство с 1 апреля

по 1 октября 2022 года, тем не менее после окончания его действия всплеска обращений кредиторов по открытию процедур банкротства не произошло, что может быть связано с уменьшением деловой активности в целом¹.

А. З. Бобылева приводит также следующие данные: в 2000–2018 гг. удельный вес убыточных предприятий не опускался ниже 25 %, а в отдельные годы он достигал 40 %; доля просроченной кредиторской задолженности в общей кредиторской задолженности компаний находилась на уровне не ниже 70 % [4].

Такая статистика свидетельствует о достаточно высоком уровне банкротств среди организаций. Для примера приведем данные по европейским странам (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Банкротства в европейских странах в 2021 г.

Bankruptcies in European countries in 2021

Страна	Период	Кол-во компаний	Значение пред. периода
Бельгия	Окт. 2022	920	968
Великобритания	3 кв. 2022	5595	5629
Германия	Авг. 2022	1147	1154
Дания	Окт. 2022	909	530
Исландия	Сен. 2022	15	1
Испания	4 кв. 2020	2987	1678
Италия	1 кв. 2022	2000	2242
Литва	2022	274	312
Люксембург	2021	1180	1198
Нидерланды	Окт. 2022	242	180
Норвегия	Сен. 2022	360	266
Россия	4 кв. 2021	2831	2426
Турция	Окт. 2022	1799	2066
Финляндия	3 кв. 2022	648	664
Франция	Сен. 2022	3661	3841
Швейцария	2021	14081	12912
Швеция	Окт. 2022	766	563

Источник: Биржевой портал.

URL: <https://take-profit.org/statistics/bankruptcies/>

В современной научной литературе уделяется достаточно много внимания проблеме развития рынка страхования в России, сдерживающим это развитие факторам и перспективам данного сегмента в новых экономических реалиях. Например, И. В. Минакова, Е. И. Быковская, Д. И. Распопин в своем исследовании влияния кризисных явлений на рынок страхования отмечают, что этот рынок демонстрирует большой временной

лаг, нежели другие рынки, в проявлении последствий пандемического кризиса, также данные авторы рассматривают основные события, негативно влияющие на рынок страхования, например переход на новый формат отчетности в 2018 г.

¹Инфографика: банкротные итоги 2022 г. URL: <https://probankrotstvo.ru/articles/infografika-bankrotnye-itogi-2022-goda-1859?ysclid=lf7paexeq1132498686> (дата обращения: 14.03.2023).

В целом, по мнению авторов, российский страховой рынок развивается в соответствии с общемировыми трендами [10].

А. Н. Колтунова исследует особенности развития рынков имущественного и личного страхования и приходит к выводу, что основную долю среди страховых продуктов занимают ОСАГО и КАСКО, страхование жизни становится драйвером роста рынка страхования с 2018 г., когда обозначился существенный рост этого продукта, однако автор указывает также на недостаточную конкурентоспособность российских страховщиков [8]. О. В. Вершинина, М. С. Иванов отмечают, что российский страховой рынок занимает существенно меньшую долю в создании ВВП страны по сравнению с другими странами, что связано со многими сдерживающими его развитие факторами: усилением регулирования рынка, меньшей или сопоставимой с банковскими депозитами доходностью некоторых продуктов (в частности инвестиционного страхования жизни), низкой рентабельностью компаний в отрасли и пр. [6]. В. С. Волкова изучает вопросы цифровизации на рынке страхования, использование технологий блокчейна для оформления договоров в автостраховании, что, по мнению автора, позволяет в том числе противодействовать мошенничествам в сфере автострахования со стороны недобросовестных клиентов [7]. В связи с тем, что рынок страхования очень разнообразен в продуктовом разрезе, его анализ усложняется. Отдельные авторы концентрируют внимание на исследовании отдельных сегментов страхового рынка. В частности, О. С. Бабенкова отмечает такую проблему отечественного страхового рынка, как отсутствие возможностей страхования редких и дорогостоящих предметов, например антиквариата [2]. Н. Ю. Симонова, Е. В. Иванова исследуют особенности и тренды развития рынка ипотечного страхования [13]. Ю. А. Юшина, И. С. Клочихина анализируют проблемы страхования туристов в зарубежных поездках [15]. Н. И. Быканова, А. С. Пушина указывают на основные причины, препятствующие развитию рынка страхования и вызывающие негативные социальные последствия, в том числе снижение качества оказания услуг страховщиками, в том числе по возмещению убытков, низкий уровень доверия к страховщикам, недостаточный уровень материального обеспечения страхователей и пр. [5]. Несмотря на большой интерес к теме развития рынка страхования в нашей стране, следует отметить незначительное количество исследований, посвященных

проблеме банкротства в данной отрасли, хотя эта проблема актуальна в свете последних экономических и геополитических событий, а также той роли, которую играет отрасль страхования в экономике. Е. А. Макаренко, А. Б. Песоцкий предлагают собственную модель анализа финансового состояния страховых компаний, основанную на модели стратегического анализа М. Портера, для своевременного выявления потенциальных страховщиков-банкротов [9]. Ю. А. Тарасова, Е. С. Февралева провели эконометрический анализ данных и построили logit-модель. Результаты их исследования показали, что сильное влияние на банкротство страховых организаций оказывают коэффициенты из группы показателей финансовой устойчивости и страховой коэффициент, равный отношению объема страховых премий к чистой прибыли [11].

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на материалах открытого доступа, отчетности, предоставляемой специализированными агрегаторами (сайт banki.ru), а также данными ЦБ РФ, статистике базы данных FIRA PRO, а также на исследованиях, посвященных проблемам развития института банкротства в России, трудах российских ученых в области анализа страхового рынка, эволюции института банкротства и правовых изменений в российском корпоративном праве и законодательстве, регулирующем механизмы и процедуры банкротства.

Методы исследования: синтез современных исследований в области корпоративного управления, критический анализ, выявление трендов и особенностей банкротства в отрасли страхования.

Результаты и их обсуждение

Страховые компании порой могут стать банкротом, в связи с этим существует целый ряд мероприятий по выполнению обязательств, данных кредиторам. Разработаны специфические нормы выполнения обязательств:

- интересы лиц по договорам частного обязательного страхования будут первыми в очереди на обслуживание,
- следующими будут иные виды обязательного страхования,
- после — просто частное страхование,
- остальные случаи, относящиеся к прочим, являются последними в данной очереди.

В случае, когда компания страховщика становится банкротом, проявляются следующие

минусы: все полисы и обязательства данной компании становятся недействительными (другими словами невозможно воспользоваться страховкой). Плюсом в данной ситуации будет возможность возратить остаточную цену договора [4]. Законодательно установлено право страхователя настоятельно просить возмещения денежных средств, затраченных на составление данного контракта между клиентом и страховщиком-банкротом. Впрочем, убежденными в возврате средств могут быть только те клиенты, которые заключили с этой фирмой договор обязательного страхования, в котором прописаны все нюансы.

Процесс, связанный с банкротством страховой компании, в среднем проходит несколько лет. Специфика банкротства страховой компании заключается в том, что при разорении фирмы в данной отрасли распродажа имущества проходит по иному порядку. Может быть введено внешнее управление, в этом случае возможно будет распродаваться имущество, чтобы расплатиться с кредиторами. Правом купить имущество компании-банкрота обладает только фирма, которая владеет лицензией на работу в сфере страхования, которая также способна взять на себя ныне возникшие обязательства по страховым обещаниям прошлой страховой компании (фирмы-банкрота)¹.

Важно понимать, что обязательства по договорам страхования прекращаются при банкротстве (они автоматически становятся расторгнутыми), из-за этого получить плату по страховому случаю, случившемуся после признания фирмы банкротом, к сожалению, не получится.

Федеральный закон № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает весь путь организации-страховщика до состояния банкротства, данная процедура проводится в стандартном режиме, но с кое-какими нюансами². Так, нельзя, не передавая обязательства, реализовать имущество банкрота. Также обязательно участие государственного органа, вызов которого является обязанностью должника либо конкурсного руководителя (в течение десяти дней), — Федеральной службы страхового надзора. Если у компании страховщика отзывают лицензию, то это означает, что дальнейшая деятельность данной

организации будет являться незаконной. Другие различные учреждения тоже могут быть в такой ситуации, качество оказываемых услуг и срок существования организации на рынке в этом случае не сыграют роли смягчающих наказание критериев.

Лишение лицензии грозит страховой компании в случае, если она была уличена в нарушении законов, осуществляла нелегальную деятельность, нарушила рекламную (маркетинговую) политику, получила от своих клиентов большое количество претензий, связанных с неисполнением обязательств, прописанных в договоре.

Инспекционные проверки и бухгалтерский аудит помогают обнаружить подобные нарушения. Потом за дело берется Федеральная антимонопольная служба, либо арбитражный суд, которые издают приказ о временной остановке лицензионной деятельности фирмы или ее ограничении. В случае, если возникает ситуация, что организация за отведенное время не устраняет нарушения, или же проявилось грубейшее нарушение законодательства, лицензия компании отзывается. Впрочем, эта страховая организация остается обязанной в выплатах в последующие шесть месяцев.

Федеральное законодательство содержит в себе все случаи, в которых компания-страховщик объявляется разоренной, этапы выполнения данного процесса.

Причины банкротства страховых компаний бывают разные. Арбитражный суд из-за обращений от кредиторов рассматривает принудительные или же добровольные случаи, в которых организация объявляется разоренной. Госорганы, которые производили мониторинг выплат по платежам, тоже имеют право обратиться к страховщику с иском.

Начавшаяся пандемия коронавируса основательно ударила по страховому рынку еще в 2020 году. Специалисты скорректировали прогноз на тот год: вместо сдержанного роста в 6–8 % (за исключением страхования жизни) они ждали сокращения премий страховщиков. Увеличение сборов до уровня 1,15 трлн руб., который прогнозировался раньше, было невозможно уже ни в одном из сценариев.

В январе-июне 2021 г. российский рынок страховых услуг вырос на 21 % по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Премия, полученная по страховке, составляет около 894,2 млрд рублей. Совокупная (по всем возможным видам страхования) выплата за год показала рост в 29,6 % до

¹ Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://pravo.gov.ru/>

² <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/09/07/939829-ubitok-strahovschikov-sostavil>

38,4 млрд рублей. При этом едва упала прибыль капитала по сектору (24,5 % по результатам полугодия против 25,6 % за I квартал 2021 года). Однако 2022 год стал хуже по финансовым показателям для страховых компаний. Страховые компании впервые за всю историю наблюдений демонстрируют убыток: по итогам II квартала 2022 г. он составил почти 1,4 млрд руб., в то время как годом ранее прибыль за тот же период составила свыше 70 млрд руб., следует из обзора ключевых показателей деятельности страховщиков ЦБ. Уход в минус связан с потерями от инвестиционной деятельности: по итогам первого полугодия

убытки страховщиков по этому направлению составили 130,8 млрд руб.¹

Рынок различных видов страховых услуг претерпел два фундаментальных изменения (в сравнении с этим же самым периодом, только годом ранее): позитивный прогресс процента выданных премий от страхования жизни (в основном из-за увеличения активизации кредитования и страхования заемщиков) и части страхования от болезней и несчастных случаев.

Существуют компании-страховщики, чей прогресс опережает общую динамику рынка. Подтверждающие данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Table 2

Самый большой объем премий среди компаний-страховщиков за первое полугодие 2021 г.

The largest volume of premiums among insurance companies in the first half of 2021

№ п/п	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %	Доля отказов в выплатах в 1-м полугодии 2021 г., %
1	АО «СОГАЗ»	207 723 256,9	21,6	48 456 612,1	23,2	0,1
2	АО «АльфаСтрахование»	65 226 044	23,8	28 853 103,3	7,3	0,2
3	ООО СК «Сбербанк страхование жизни»	63 999 319,1	38,3	35 901 304,9	7,2	26,8
4	СПАО «Ингосстрах»	60 481 516,9	20	26 963 129,5	6,8	0,6
5	САО «РЕСО-Гарантия»	57 490 827,1	16,4	30 313 008,8	6,4	0,3
6	ПАО СК «Росгосстрах»	47 380 314,7	19,5	19 167 375,7	5,3	0,4
7	ООО «АльфаСтрахование жизни»	45 980 287,8	48,6	29 606 053,1	5,1	4,6
8	САО «ВСК»	43 393 541,1	17,6	18 707 640,7	4,9	2,6
9	ООО СК «СОГАЗ-ЖИЗНЬ»	37 043 577,7	7	15 670 579,8	4,1	1,0
10	ООО «Ренессанс Жизнь»	26 265 420,8	51,5	6 616 027,3	2,9	26

Источник: данные портала Банки.ру (<https://www.banki.ru/news/research/?id=10966860>)

Наибольшего роста достигла фирма «Ренессанс Жизнь». На втором месте «АльфаСтрахование-Жизнь», закрывает тройку лидеров компания «Сбербанк страхование жизни». Самые высокие доли отказа в выплатах наблюдаются у ООО СК

«Сбербанк страхование жизни» и ООО СК «Ренессанс Жизнь».

Далее представлены итоги первого полугодия 2021 года в сфере страхования по отдельным сегментам, данные представлены в таблицах 3–7.

Таблица 3

Table 3

Основные показатели в сегменте страхования жизни

Key indicators in the life insurance segment

№	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %	Доля отказов в выплатах в 1-м полугодии 2021 г., %
1	ООО СК «Сбербанк страхование жизни»	63 385 947,7	44,8	35 751 224,3	26,9	26,2

¹ <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/09/07/939829-ubitok-strahovschikov-sostavil>

Окончание таблицы 3
Table 3 (end)

№	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %	Доля отказов в выплатах в 1-м полугодии 2021 г., %
2	ООО «Ренессанс Жизнь»	25 714 656,5	51,6	6 549 470	10,9	21,8
3	ООО «АльфаСтрахование жизни»	45 536 788	48,3	2 952 2913,1	19,4	4,6
4	ООО «СОСЬЕТЕ ЖЕ-НЕРАЛЬ»	4 143 482,9	-6,7	2 928 791,2	1,8	3,6
5	ООО «Капитал Лайф Страхование жизни»	8 452 729,3	-3,3	15 326 217,2	3,6	1,0
6	ООО СК «СОГАЗ-ЖИЗНЬ»	36 969 376,1	7	15 657 854,3	15,7	0,9
7	ПАО СК «Росгосстрах Жизнь»	11 413 507,5	25,3	639 454,4	4,9	0,7
8	АО «УРАЛСИБ Жизнь»	3 769 426,1	92	2 362 780,5	1,6	0,7
9	СПАО «Ингосстрах Жизнь»	3 876 188,8	105,1	4 507 994	1,6	0,6
10	ООО «РСХБ-Страхование жизни»	4 749 824,8	-20,4 %	256 616,7	2 %	0,3 %

Источник: данные портала Банки.ру (<https://www.banki.ru/news/research/?id=10966860>)

Лидерами в сфере страхования жизни заемщика являются: «Сбербанк страхование жизни», «АльфаСтрахование-Жизнь» и «Ренессанс Жизнь». Известный факт, что именно в этом секторе очень часто отказывают в выплате. Основопологающая причина — при кредитовании страхования жизни и здоровья направлено на покрытие лишь серьезных последствий (инвалидность, смерть и т. д.), а также чаще всего оформление подобного кредитования носит «добровольно-принудительный» порядок, но не каждый заемщик

утруждает себя чтением условий, из-за этого часто встречаются случаи, когда выплата в определенной ситуации не предусмотрена имеющейся страховкой.

СК «Ингосстрах-Жизнь» стала лидером роста, на 92 % повысила свои показатели компания «УралСиб Жизнь». По объему премий наилучшую динамику показала «АльфаСтрахование-Жизнь». Самое внушительное падение сборов за первое полугодие 2021 года у компании «РСХБ-Страхование жизни».

Таблица 4
Table 4

Основные показатели в сегменте страхования от несчастных случаев и болезней Key indicators in the segment of insurance against accidents and illnesses

№	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %	Доля отказов в выплатах в 1-м полугодии 2021 г., %
1	ООО СК «Сбербанк страхование жизни»	63 385 947,7	44,8	35 7512 24,3	26,9	26,2
2	ООО «Ренессанс Жизнь»	25 714 656,5	51,6	654 9470	10,9	21,8
3	ООО «АльфаСтрахование жизни»	45 536 788	48,3	29 522 913,1	19,4	4,6
4	ООО «СОСЬЕТЕ ЖЕ-НЕРАЛЬ»	4 143 482,9	-6,7	2 928 791,2	1,8	3,6
5	ООО «Капитал Лайф Страхование жизни»	8 452 729,3	-3,3	15 326 217,2	3,6	1,0
6	ООО СК «СОГАЗ-ЖИЗНЬ»	36 969 376,1	7,0	15 657 854,3	15,7	0,9

Окончание таблицы 4

Table 4 (end)

№	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %	Доля отказов в выплатах в 1-м полугодии 2021 г., %
7	ПАО СК «Росгосстрах Жизнь»	11 413 507,5	25,3	639 454,4	4,9	0,7
8	АО «УРАЛСИБ Жизнь»	3 769 426,1	92,0	2 362 780,5	1,6	0,7
9	СПАО «Ингосстрах Жизнь»	3 876 188,8	105,1	4 507 994	1,6	0,6
10	ООО «РСХБ-Страхование жизни»	4 749 824,8	-20,4	256616,7	2,0	0,3

Источник: данные портала Банки.ру (<https://www.banki.ru/news/research/?id=10966860>)

Рассмотрим данные по сегменту страхования от несчастных случаев и болезней. В данном сегменте лучшую динамику демонстрирует СК «Росгосстрах». Наибольший процент отказа в выплатах при несчастных случаях и болезнях наблюдается у компании АО «УРАЛСИБ страхование». Отрицательный прирост

по премиям в 2021 г. показали ООО «Сосьете Женераль», ООО «Капитал Лайф Страхование» и ООО «РСХБ Страхование жизни». Ключевые доли на рынке принадлежат также трем компаниям, как и в сегменте страхования жизни, эти же компании лидируют по долям отказов в выплатах.

Таблица 5

Table 5

Основные показатели в сегменте ДМС**Key indicators in the voluntary medical insurance segment**

№	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %	Доля отказов в выплатах в 1-м полугодии 2021 г., %
1	АО «СОГАЗ»	56 603 617,8	9,6	26 557 418,7	44,5 %	0,0
2	САО «РЕСО-Гарантия»	13 740 608,5	16,9	8 722 738,7	10,8 %	0,0
3	ООО «АльфаСтрахование»	9 621 654,9	17,1	6 401 995,5	7,6	0,0
4	ПАО СК «Росгосстрах»	7 078 427,4	-20,8	3 887 193,9	5,6 %	0,0
5	СПАО «Ингосстрах»	5 870 463,6	12,9	3 405 519,2	4,6 %	0,0
6	ООО СК «Альянс Жизнь»	5 848 931,2	0,5	3 567 462,7	4,6 %	0,0
7	САО «ВСК»	5 497 221,7	6,7	3 319 941,6	4,3 %	0,0
8	АО «Группа Ренессанс Страхование»	4 298 291,8	15,3	2 308 900,5	3,4 %	0,0
9	ООО СК «Согласие»	2 662 168,7	9,4	1 316 180,3	2,1 %	0,0
10	ООО СК «ВТБ-Страхование»	1 353 369	-5,2	78 436,4	1,1 %	49,3

Источник: данные портала Банки.ру (<https://www.banki.ru/news/research/?id=10966860>)

Лидером в данном сегменте, занимающим доминирующую позицию, является АО «Согаз». Наивысший показатель роста сборов по ДМС у компании «АльфаСтрахование». Темпы прироста по этому сегменту достаточно

существенные и в среднем составляют около 10 %. Все компании за исключением ООО СК «ВТБ Страхование» имеют 0 % в доле отказов в выплатах, в данной компании она составляет 49,3 %.

Таблица 6

Table 6

Основные показатели в сегменте КАСКО**Key indicators in the CASCO segment**

№	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %
1	СПАО «Ингосстрах»	37 005 981,6	25,1	18 883 050,1	18,1
2	САО «РЕСО-Гарантия»	31 712 443,6	12,1	16 271 839,7	15,5
3	ООО «АльфаСтрахование»	26 020 330,1	21,1	13 618 481,9	12,7
4	САО «ВСК»	23 149 108,3	15,2	13 180 028,6	11,3
5	АО «Группа Ренессанс Страхование»	1 517 5057	29,3	9 376 897,9	7,4
6	АО «СОГАЗ»	14 429 344,7	17,6	7 002 445,5	7,0
7	ООО СК «Согласие»	13 949 447,7	5,2	8 175 247,8	6,8
8	ПАО СК «Росгосстрах»	10 676 674,6	2,4	6 225 653,5	5,2
9	АО «Тинькофф страхование»	4 591 808,1	53,9	2 000 576,2	2,2
10	АО ГСК «Югория»	4 505 746,7	16,3	2 544 106,2	2,2

Источник: данные портала Банки.ру (<https://www.banki.ru/news/research/?id=10966860>)

СПАО «Ингосстрах» лидирует по средней сумме выплат и показывает лучшую динамику сборов по КАСКО.

Надо отметить, что это единственный сегмент, где все рассматриваемые компании имеют положительные темпы прироста по премиям

в 2021 году. Это связано со спецификой данного рынка и в целом с резким ростом цен на автомобили, в результате чего выросла и цена КАСКО. Медленнее всех растет СК «Росгосстрах». Наибольшая доля рынка находится у компании СПАО «Ингосстрах».

Таблица 7

Table 7

Основные показатели в сегменте ОСАГО**Key indicators in the OSAGO segment**

№	Наименование	Премии за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Динамика 2021 г. к 2020 г., %	Выплаты за 1-е полугодие 2021 г., тыс. руб.	Доля рынка в 1-м полугодии 2021, %	Доля отказов в выплатах в 1-м полугодии 2021 г., %
1	САО «РЕСО-Гарантия»	18 345 268,5	11,9	11 744 159,3	16,8	2,6
2	ООО «АльфаСтрахование»	16 233 531,7	14,4	10 173 613,5	14,8	2
3	ПАО СК «Росгосстрах»	13 731 979,8	12,5	8 908 876,2	12,5	2,8
4	СПАО «Ингосстрах»	13 297 959	13,7	7 466 232,8	12,1	3,6
5	САО «ВСК»	9 335 777,5	-6,7	7 096 998,5	8,5	1,8
6	ПАО «АСКО-страхование»	5 702 425,4	-34,9	3 799 337,6	5,2	0,6
7	АО «СОГАЗ»	5 446 485,5	15,9	4 010 276,3	5,0	2,8
8	ООО СК «Согласие»	4 381 880,7	10,3	3 380 211,4	4,0	0,6
9	АО ГСК «Югория»	4 057 504,9	4,2	2 599 587,2	3,7	1,0
10	АО «Группа Ренессанс страхование»	3 896 689,5	23,6	2 421 820,7	3,6	1,0

Источник: Данные портала Банки.ру <https://www.banki.ru/news/research/?id=10966860>

Страховые компании «ВСК» и ПАО «Аско-страхование» стали лидерами падения в данном сегменте. Ключевыми игроками рынка стали САО «Ресо Гарантия» и ООО «АльфаСтрахование». В сегменте ОСАГО доля отказов гораздо ниже

чем во многих других сегментах, и составляет примерно около 2 %. Рост в сегменте в среднем также составляет около 10 %.

В таблице 8 приведена динамика отзыва лицензий у страховых компаний.

Таблица 8

Table 8

Год	Отозвано лицензий	Количество компаний	Доля отозванных лицензий, %
2021	13	137	9,48
2020	15	163	8,98
2019	16	194	8,25
2018	27	216	12,50
2017	24	245	9,80
2016	73	305	23,93
2015	70	391	17,90
2014	19	406	4,68

Источник: материалы портала «Страхование сегодня» (www.insur-info.ru/statistics/analytics/?period=year&un)

Можно отметить, что в 2021 году было отозвано меньше всего лицензий, общее количество компаний за 8 лет сократилось существенно — рынок покинули 269 компаний, в результате чего во многих сегментах появились доминирующие компании, увеличилась концентрация отрасли.

Банк России называет среди основных драйверов роста рынка активизацию страхования жизни в связи с усилением активности на рынке кредитования, изменения на автомобильном рынке и рост стоимости автомобилей как фактор роста автостраховых услуг и их стоимости, восстановление спроса на добровольное медицинское страхование¹.

В декабре 2021 года произошла довольно неприятная ситуация — это отзыв лицензии у такого крупного игрока, как «АСКО-Страхование». Были приостановлены три вида деятельности, в том числе и ОСАГО, на которое приходилось 90 % сборов. Владельцы полисов были вынуждены столкнуться

с проблемами в оформлении страховых случаев, а также с получением компенсаций.

Среди причин решения об отзыве лицензии Центробанк называл нарушение компанией минимально допустимого значения нормативного соотношения собственных средств (капитала) и принятых обязательств, установленного Банком России.

На данный момент основным направлением деятельности структур, которые образованы на базе «АСКО-Страхование», является работа в качестве партнера других страховщиков, т. е. заключение договоров страхования и обслуживание по страховым случаям. Такая крупная компания, как «Югория» вошла в число компаний, через которые Российский союз автостраховщиков компенсировал ущерб владельцам полисов ОСАГО, купленных ранее в «АСКО-Страховании»².

В целом ключевые игроки рынка имеют достаточно хорошие показатели развития и роста и стабильные рейтинги (табл. 9).

Таблица 9

Table 9

Рейтинг финансовой надежности страховых компаний

Rating of financial reliability of insurance companies

Компания	Прогноз	Обновлен
АО ГСК «Югория»	Стабильный	10.11.2022
САО «ВСК»	Стабильный	06.10.2022
ПАО «Ренессанс-страхование»	Стабильный	09.09.2022

¹ Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. 2021. https://cbr.ru/collection/collection/file/40874/review_insure_21q4.pdf

² Центробанк оправдал «АСКО-страхование» <https://74.ru/text/business/2022/03/16/70511651/>

Окончание таблицы 9

Table 9 (end)

Компания	Прогноз	Обновлен
ПАО СК «Росгосстрах»	Стабильный	01.08.2022
ООО СК «СОГЛАСИЕ»	Позитивный	17.10.2022
АО «Тинькофф-страхование»	Стабильный	19.05.2022
ООО СК «УРАЛСИБ-страхование»	Стабильный	04.04.2022
ООО СК «Сбербанк-страхование»	Стабильный	03.03.2022
АО «СОГАЗ»	Стабильный	14.02.2022
АО «Альфа-страхование»	Стабильный	20.01.2022
СПАО «Ингосстрах»	Стабильный	17.12.2021
АО СК «РСХБ-страхование»	Стабильный	23.08.2021

Источник: Рейтинговое агентство «ЭкспертРА» <https://raexpert.ru/ratings/insurance/?ysclid=lf7obxladg573534>.

Однако есть ряд компаний в отрасли, которые имеют проблемы с финансовой устойчивостью

и показателями финансовой результативности. Некоторые данные приведены в таблице 10.

Таблица 10

Table 10

Данные о коэффициенте убыточности и долговой нагрузке в отрасли страхования

Data on the loss ratio and debt load in the insurance industry

Название	Комбинированный коэффициент убыточности — нетто-перестрахование, 2020 г., %	Комбинированный коэффициент убыточности — нетто-перестрахование, 2018 г., %	Комбинированный коэффициент убыточности — нетто-перестрахование, 2017 г., %	Долговая нагрузка страховщиков, 2020 г., %	Долговая нагрузка страховщиков, 2018 г., %
«АСТРАМЕД-МС» (АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО), СТРАХОВАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КОМПАНИЯ	1 999,21	3 455,38	306,51	0,33	0,00
«СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ „РЕСО-ШАНС“», ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	74,93	29,29	1,19	0	0,00
«СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ „Ю-ЛАЙФ“», АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО	29,78	46,55	6,33	0	0,00
«УРАЛСИБ ЖИЗНЬ», АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ	25,45	5,18	1,14	0	0,00
«ЧУЛПАН-ЖИЗНЬ», ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ	21,36	18,73	29,87	0	0,00
«ПРОМИНСТРАХ», ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	18,73	1,34	1,25	0,01	0,00
«СТРАХОВАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КОМПАНИЯ „САХАМЕДСТРАХ“, АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО	17,16	7,00	7,00	0	0,00
«ТУРИКУМ», АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ	14,85	12,81	16,97	0,03	0,00
«СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ „ИНГОССТРАХ-М“, ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	13,94	28 857,39	0	0,09	0,00

Название	Комбинированный коэффициент убыточности — нетто-перестрахование, 2020 г., %	Комбинированный коэффициент убыточности — нетто-перестрахование, 2018 г., %	Комбинированный коэффициент убыточности — нетто-перестрахование, 2017 г., %	Долговая нагрузка страховщиков, 2020 г., %	Долговая нагрузка страховщиков, 2018 г., %
«СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ „СОГАЗ-МЕД“, АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО	13,46	14,75	13,30	0,15	0,00
«ППФ СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ», ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	13,34	7,89	1,36	0,05	0,00
«ГЕОПОЛИС», СТРАХОВОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО	10,28	1,83	5,35	0	0,00
ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ ЭЧДИАЙ ГЛОБАЛ	9,21	2,29	0,52	0,05	0,00
«СОГЛАСИЕ-ВИТА», ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ	5,09	3,14	4,06	0	0,00
«СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ СОГАЗ-ЖИЗНЬ», ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	4,95	3,55	3,35	0,01	0,00

Источник: данные портала Банки.ру <https://www.banki.ru/news/research/?id=10966860>

Комбинированный коэффициент убыточности в страховании показывает отношение убытков к общей сумме страховых премий, является общим показателем прибыльности компании. По приведенным данным можно говорить, что самые негативные показатели у компании «Астрамед», другие компании, попавшие в выборку, демонстрируют не такой высокий уровень убыточности, но тем не менее тоже имеют определенные риски. Эксперты считают, что основными причинами ухудшения финансового положения в страховой отрасли могут стать ряд причин: уход иностранных предпринимателей, сужение спроса на страховые продукты, отток специалистов в IT-отрасли и непонятные перспективы дальнейшей цифровизации на рынке и обновления технологий в отрасли, сужение автомобильного рынка и общее падение платежеспособности российского населения, которое будет в будущем экономить в том числе и на страховых услугах¹.

¹Любарская О., Шкреба А., Янин А. Шесть ударов по российскому страховому рынку: от защиты к развитию. URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/ins_market_2022/ (дата обращения: 01.12.2022).

В заключение, подводя итог, можно предположить, что, несмотря на риски и сложности в развитии отрасли, страховой рынок будет расти быстрее спрогнозированного специалистами «сдержанного восстановления» большинства сегментов страхового рынка.

Заключение

В представленной работе был проведен анализ тенденций развития рынка страхования в России. В целом, можно утверждать, что, несмотря на существующие проблемы в развитии рынка, как то: высокий уровень регулирования, низкая платежеспособность клиентов и низкий уровень доверия к страховым компаниям, отдельные проблемы финансового характера у ряда крупных страховых компаний — перспективы развития данного рынка позитивные. Рейтинги ключевых компаний стабильны, растет спрос на некоторые продукты, в частности страхование жизни. Наиболее конкурентным с позиций концентрации является сегмент ОСАГО, этот же продукт составляет основную долю на рынке в целом, самым неконкурентным сегментом является сегмент добровольного медицинского страхования,

где компания «Согаз» занимает доминирующее положение. В целом рынок страхования можно отнести к умеренно-концентрированным рынкам с достаточно высоким уровнем государственного регулирования, что подтверждается и особенностями применения процедур банкротства к данному рынку. Так, нельзя, не передавая обязательства, реализовать имущество банкрота. Также обязательно участие государственного органа, вызов которого является обязанностью задолжника либо конкурсного руководителя (в течение десяти дней) — Федеральной службы страхового надзора. Если у компании-страховщика отзывают лицензию, то это означает, что дальнейшая деятельность данной организации будет являться незакон-

ной. Другие различные учреждения также могут оказаться в подобной ситуации, качество оказываемых услуг и срок существования организации на рынке в этом случае не сыграют роли смягчающих наказание критериев. Авторы привели также те показатели, которые могут быть использованы для оценки рисков страховых компаний, в частности это комбинированный коэффициент убыточности в страховании, который показывает отношение убытков к общей сумме страховых премий, является общим показателем прибыльности компании. В дальнейшем авторы будут исследовать вопросы, связанные с совершенствованием государственной политики в отношении рынка страхования.

Список источников

1. Аксенова Э. А., Силова Е. С. Возможности методик оценки вероятности банкротства в российской практике // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). С. 164–172.
2. Бабенкова О. С. Проблемы страхования нетипичных объектов в условиях современного страхового рынка России // Вопросы науки и образования. 2018. № 17 (29). С. 27–30.
3. Багреева Е. Г., Рудая А. А. История развития и современность института банкротства // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). С. 15–19.
4. Бобылева А. З. Роль института банкротства в обеспечении устойчивости экономики России // Проблемы управления. 2020. № 2. Т. 1. С. 74–78.
5. Быканова Н. И., Пушина А. С. Социальные аспекты и оценка развития рынка страхования в России // Modern Economy Success. 2018. № 4. С. 62–65.
6. Вершинина О. В., Иванов М. С. Анализ рынка страхования в России на современном этапе // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 2. С. 61–67.
7. Волкова В. С. Цифровизация рынка страхования в России // Экономика нового мира. 2019. Т. 4, № 2 (14). С. 26–32.
8. Колтунова А. Н. Анализ современного рынка страхования в России // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 34. С. 2436–2440.
9. Макаренко Е. А., Песоцкий А. Б. Применение скоринга как механизма предупреждения банкротства страховых компаний в России // Инновационная деятельность. 2020. № 2 (53). С. 74–81.
10. Минакова И. В., Быковская Е. И., Распопин Д. И. Влияние кризиса на функционирование рынка страхования в России // Экономический рост как основа устойчивого развития России : сб. статей V Всерос. науч.-практ. конф., посв. 30-летию образования налоговых органов РФ. Курск, 2020. С. 344–347.
11. Портнова Е. В., Кочетков Д. Ю. Формирование института несостоятельности (банкротства) в современном российском праве // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2019. Т. 7, № 2 (26). URL: <http://esj.pnzgu.ru>
12. Силова Е. С. Современные тенденции российского корпоративного управления. Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). С. 210–214. doi 10.47475/1994-2796-2022-10421.
13. Симонова Н. Ю., Иванова Е. В. Анализ рынка ипотечного страхования в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2021. Т. 10. № 3. С. 85–89.
14. Тарасова Ю. А., Февралева Е. С. Прогнозирование банкротства: эконометрическая модель для российских страховщиков // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 4. С. 75–90.
15. Юшина Ю. А., Клочихина И. С. Страхование туристов, выезжающих за рубеж // Финансовая система РФ: проблемы и тенденции развития в период глобализации и интеграции мирового сообщества : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 279–282.

References

1. Aksenova EA, Silova ES. Possibilities of methods for assessing the probability of bankruptcy in Russian practice. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(10(456)):164-172. (In Russ.).
2. Babenkova OS. Problems of insurance of atypical objects in the conditions of the modern insurance market in Russia. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Issues of science and education*. 2018;(17(29)):27-30. (In Russ.).
3. Bagreeva EG, Rudaya AA. History of development and modernity of the bankruptcy institute. *Evrazijskaya advokatura = Eurasian Bar*. 2020;(5(48)):15-19. (In Russ.).
4. Bobyleva AZ. The role of the bankruptcy institute in ensuring the sustainability of the Russian economy. *Problemy upravleniya = Management problems*. 2020;1(2):74-78. (In Russ.).
5. Bykanova NI, Pushina AS. Social aspects and assessment of the development of the insurance market in Russia. *Modern Economy Success*. 2018;(8):62-65. (In Russ.).
6. Vershinina OV, Ivanov MS. Analysis of the insurance market in Russia at the current stage. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-e'konomicheskogo instituta = Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*. 2021;(2):61–67. (In Russ.).
7. Volkova VS. Digitalization of the insurance market in Russia. *E'konomika novogo mira = Economy of the new world*. 2019;4(2(14)):26-32. (In Russ.).
8. Koltunova AN. Analysis of the modern insurance market in Russia. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*. 2021;(34):2436-2440. (In Russ.).
9. Makarenko EA, Pesotsky AB. Application of scoring as a mechanism for preventing bankruptcy of insurance companies in Russia. *Innovacionnaya deyatel'nost' = Innovation activity*. 2020;(2(53)):74-81. (In Russ.).
10. Minakova IV, Bykovskaya EI, Raspopin DI. Impact of the crisis on the functioning of the insurance market in Russia. In: *Ekonomicheskiy rost kak osnova ustoychivogo razvitiya Rossii = Economic growth as the basis of Russia's sustainable development*. Kursk; 2020. Pp. 344-347. (In Russ.).
11. Portnova EV, Kochetkov DYU. Formation of the institution of insolvency (bankruptcy) in modern Russian law. *E'lektronny'j nauchny'j zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2019;7(2(26)). <http://esj.pnzgu.ru> (In Russ.).
12. Silova ES. Modern trends of Russian corporate governance. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462)):210-214. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10421. (In Russ.).
13. Simonova NYu, Ivanova EV. Analysis of the mortgage insurance market in Russia. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionny'x texnologij = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2021;10(3):85-89. (In Russ.).
14. Tarasova YuA, Fervleva ES. Forecasting bankruptcy: econometric model for Russian insurers. *Finansovy'j zhurnal = Financial journal*. 2021;13(4):75-90. (In Russ.).
15. Yushina YuA, Klochikhina IS. Insurance of tourists traveling abroad. In: *Finansovaya sistema RF: problemy i tendentsii razvitiya v period globalizatsii i integratsii mirovogo soobshchestva = The financial system of the Russian Federation: problems and trends of development during the period of globalization and integration of the world community*. Irkutsk; 2018. Pp. 279–282. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. С. Силова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Д. С. Плехова — студент Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

E. S. Silova — candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

D. S. Plehova — student of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 03.12.2022; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 03.12.2022; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330

ПЕРСПЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ КОМПЕТЕНЦИЙ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Ксения Анатольевна Витер

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, oksa_95@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется перспективная модель управления формированием компетенций в университете на основе двух направлений: путем реализации требований профессионального стандарта и разработки, обучения сотрудников новым цифровым профессиональным компетенциям. Проводится анализ данных направлений, а также их сопоставление друг с другом для определения наиболее оптимальной модели управления центрами компетенций. Рассматривается понятие «компетентностной модели специалиста», основные составляющие данной модели. Кроме того, в статье приводится описание процесса реализации флагманских программ дополнительного профессионального образования на базе разработки индивидуальной траектории обучения слушателей. Основная цель данной статьи заключается в построении перспективной модели управления формированием компетенций в университете на основе создания модели центра компетенций внутри университета и определения его основных направлений деятельности. Результатом исследования является определение основных направлений формирования компетентностной модели специалиста университетским центром компетенций. При этом модель работы университетского центра компетенций основывается на сравнении двух подходов к формированию компетентностной модели (на основе профессиональных стандартов деятельности специалистов и на основе модели цифровых профессиональных компетенций), выборе наиболее оптимального из них и на построении индивидуальной траектории обучения.

Ключевые слова: центр компетенций, дополнительное профессиональное образование, профессиональный стандарт, цифровые профессиональные компетенции, конкурентоспособность, компетентностная модель

Для цитирования: Витер К. А. Перспективная модель управления формированием компетенций в университете // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 231–239.

Original article

FORMATION OF A PROMISING MANAGEMENT MODEL COMPETENCE CENTERS

Ksenia A. Viter

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, oksa_95@mail.ru

Abstract. The article explores the formation of a promising model for managing competence centers based on two directions: by implementing the requirements of a professional standard and developing, training employees in new digital professional competencies. An analysis of these areas is carried out, as well as their comparison with each other to determine the most optimal model for managing centers of competence. The concept of “specialist competence model”, the main components of this model, is considered. In addition, the article describes the process of implementing the flagship programs of additional professional education based on the development of an individual learning path for students. The main purpose of this article is to build a promising model for managing the formation of competencies at the university based on creating a model of the center of competencies within the university and determining its main areas of activity. The result of the study is the definition of the main

directions of formation of the competence model of a specialist by the university competence center. At the same time, the model of the university competence center is based on comparing two approaches to the formation of a competence model (based on professional standards for the activities of specialists and based on a model of digital professional competencies), choosing the most optimal of them, and building an individual learning path.

Keywords: competence center, additional professional education, professional standard, digital professional competences, competitiveness, competence model

For citation: Viter K.A. Formation of a promising management model competence centers. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):231-239. (In Russ.).

Введение

В настоящее время с введением международных санкций в отношении России, усложнением логистических цепочек поставок продукции, закрытием множества крупнейших иностранных предприятий возникает необходимость в восстановлении полных жизненных циклов высокотехнологичной продукции, ориентации на воспроизводство собственных ресурсов (кадры, финансы, технологии и др.) и, как следствие, в организации системы воспроизводства кадров с новыми профессиональными цифровыми компетенциями. Собственная система воспроизводства кадров внутри государства необходима для обеспечения конкурентоспособности экономики страны в глобальном мире и может быть организована посредством деятельности центров компетенций. Роль данных центров заключается в проведении мероприятий по цифровой трансформации компаний, а также по обучению сотрудников новым цифровым компетенциям для обеспечения их адаптации к новой сложившейся модели работы.

Роль центров компетенций аргументируется во многих работах российских исследователей. Например, М. А. Аксенова в статье «Центр компетенций как образовательный ресурс подготовки высококвалифицированных специалистов» определяет роль центров компетенций через освоение обучающихся в нем специалистов профессиональных компетенций, необходимых их работодателям и для инновационной деятельности организации заказчика [1]. По мнению М. А. Аксеновой, центры компетенций нацелены на определенные виды наукоемких технологий и помогают специалистам образовательных организаций и предприятий реального сектора экономики производить эти технологии, обеспечивая их эффективность и результативность [2].

Л. А. Амирова в статье «Центр развития компетенций в высшей школе — ресурсная площадка профессионализации личности» описывает центр компетенций как основной ресурс самоорганизации и самореализации студента, а также как пло-

щадку для раскрытия его личностного потенциала и самосовершенствования [3].

Исследователь Г. Ю. Каллаур в статье «Развитие центров компетенций как условие цифровой трансформации экономики» представляет центры компетенций в качестве структур, оказывающих высокопрофессиональные услуги по поиску новых знаний и их активной передаче. По ее мнению, деятельность центров компетенций способствует созданию условий для эффективной цифровой трансформации экономики. В процессе цифровой трансформации экономики центры компетенций принимают активное участие в реализации программы «Цифровая экономика РФ» посредством формирования технологических заделов, цифровых компетенций, а также институциональной среды для развития исследований и разработок [4].

А. И. Боровков в статье «Центр компетенций Национальной технологической инициативы» рассматривает центры компетенций в качестве инженерно-образовательных консорциумов, направленных на преодоление технологических барьеров для обеспечения лидерства российских компаний на глобальных рынках. По мнению А. И. Боровкова, роль центров компетенций состоит в обеспечении взаимодействия университетов, научных и коммерческих организаций, а также в передаче результатов фундаментальных исследований в инженерные приложения и в обеспечении технологического трансфера через кооперацию с промышленными партнерами [5].

Исходя из анализа работ российских исследователей, представляется возможным сделать вывод о том, что появление глобальных системных проблем экономического развития, процесса производства, экологической безопасности и нехватки высококвалифицированных кадров является фактором создания центров компетенций.

Основная цель данной статьи заключается в построении перспективной модели управления формированием компетенций в университете на основе создания модели центра компетенций внутри университета и определения его основных

направлений деятельности. Результатом исследования является определение основных направлений формирования компетентностной модели специалиста университетским центром компетенций. При этом модель работы университетского центра компетенций основывается на сравнении двух подходов к формированию компетентностной модели, выборе наиболее оптимального из них и на построении индивидуальной траектории обучения.

Формирование перспективной модели управления центрами компетенций

Формирование перспективной модели управления центрами компетенций включает два основных направления:

- на основе профессиональных стандартов деятельности специалистов;
- на основе модели цифровых профессиональных компетенций.

В Российской Федерации посредством профессиональных стандартов представляется возможным интегрировать квалификационные требования рынка труда и образовательной сферы. Достичь согласованности действий работодателей и образовательной сферы необходимо, применяя компетентностный подход. Согласно опыту зарубежных университетов, достижение согласованности сфер труда и образования неэффективно, если имеются противоположные цели и приоритеты представителей данных сфер [7].

Для реализации общих целей и задач сферы труда и образования необходимо внедрение профстандартов, которые задают результаты в сфере труда в соответствии с требованиями работодателей. Профстандарты содержат характеристики квалификации, согласно которым работники выполняют ряд трудовых функций¹.

Для обеспечения соответствия конечных результатов профессионального стандарта и ФГОС потребностям работодателей и сфере образования необходим определенный набор профессиональных компетенций².

Компетенции — это общие способности, сформированные на учебных достижениях, опыте, полученных в процессе образовательной деятельности личности. Кроме того, профессиональные компетенции включают в себя определенные

теоретические знания, интеллектуальные умения согласно определенным направлениям трудовой деятельности.

В свою очередь формирование компетентностной модели — это попытка соотнести профессиональное образование с потребностями рынка труда. То есть формирование компетентностной модели является основной функцией центра компетенций и одновременно заказом на образование сотрудников со стороны работодателей, которые нуждаются в компетентном специалисте. Итогом эффективного формирования компетентностной модели и освоения ее сотрудником является не совокупность усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях [9].

Компетентностная модель специалиста определяется профессиональным стандартом, соответствующим области его деятельности. Данная компетентностная модель формируется путем сопоставления трудовых функций профстандарта, личных профессиональных компетенций сотрудника и его цифровых компетенций.

Согласно профессиональному стандарту, каждой трудовой функции соответствуют определенные трудовые действия и связанные с ними необходимые знания и умения, а также конкретизирующие их индикаторы.

Таким образом, построение компетентностной модели на основе профессионального стандарта позволит выстраивать процесс обучения под конкретную должность и вид деятельности.

Формирование центром компетенций компетентностной модели специалиста

Процесс формирования центром компетенций компетентностной модели представляется возможным осуществить на примере формирования компетентностной модели бизнес-аналитика. Бизнес-аналитик руководствуется методами бизнес-анализа в ходе оценки деятельности организаций для определения проблем бизнеса и разработки путей их решения [8].

Основными направлениями деятельности бизнес-аналитика являются:

- управление требованиями: выявление, подготовка и детализация требований;
- стратегический анализ: взаимодействие с ТОП-менеджментом с целью разработки стратегии развития компании и проекта;
- проектирование решений: подготовка документации, создание прототипов, обсуждение решений с проектной командой;

¹ Профессиональный стандарт. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/> (дата обращения 23.01.2023)

² Федеральный государственный образовательный стандарт. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения 23.01.2023)

– управление продуктом: коммуникация с дизайнерами, инженерами, стейкхолдерами, бизнесом.

Бизнес-аналитик выявляет проблемы, определяет возможности бизнеса и формирует решения для дальнейшего достижения организационных целей [13].

Профессиональная деятельность бизнес-аналитика определяется как деятельность по выявлению бизнес-проблем, выяснению потребностей заинтересованных сторон, обоснованию решений и обеспечению проведения изменений в организации¹. Бизнес-аналитик внедряет организационные изменения, в которых заинтересованы владельцы, посредством определения их потребностей и аргументации решений по реализации данных изменений. К обобщенным трудовым функциям относят взаимодействие с заинтересованными сторонами, реализацию организационных изменений, идентификацию проблем и возможностей в сфере бизнеса, проведение бизнес-анализа, аналитическую разработку стратегии изменения компании.

В основе формирования компетентностной модели бизнес-аналитика заложены его трудовые действия. Опираясь на трудовую функцию 3.6.2 «Разработка стратегии управления изменениями в организации» профстандарта 08.037 и имеющи-

еся в ней трудовые действия, представляется возможным сформировать компетентностную модель бизнес-аналитика.

Компетентностная модель бизнес-аналитика создается путем сопоставления трудовой функции «Разработка стратегии управления изменениями в организации», трудовых действий профстандарта 08.037 и компетенций бизнес-аналитика, разработанных Международным институтом ИБА (International Institute of Business Analysis).

Таким образом, сопоставляя перечисленные компетенции бизнес-аналитика, разработанные Международным институтом ИБА (International Institute of Business Analysis), трудовые действия профессионального стандарта 08.037 Бизнес-аналитик и соответствующие знания, и умения по данной профессии, представляется возможным сформировать компетентностную модель бизнес-аналитика (табл. 1).

Имеется расхождение между требованиями профессионального стандарта и компетенциями работника, которые стандарт не определяет. Недостатками являются не только высокие требования к квалификации по профстандарту при слабых компетенциях работника, но также для организации плохо иметь значительное превышение компетенций работника по сравнению с требованиями профстандарта (переквалификация).

Таблица 1
Table 1

**Интеграция модели профессионального стандарта и компетенций программы повышения квалификации (на примере профессии «Бизнес-аналитик»)
Трудовая функция: Разработка стратегии управления изменениями в организации**

**Integration of the professional standard model and competencies
of the professional development program (on the example of the profession “Business Analyst”)
Labor function: Development of a change management strategy in the organization**

Трудовые действия по профстандарту	Знания, навыки	Компетенции бизнес-аналитика в соответствии с Международным институтом ИБА (International Institute of Business Analysis) ²
Определение цели и задач стратегических изменений в организации	Знать: классификацию стратегических изменений организации, факторы, вызывающие изменения	знание бизнеса (Business Knowledge); инструменты и технологии (Tools and Technology)
	Уметь: обосновывать необходимость формирования стратегии и внедрения организационных изменений	
Идентификация ключевых показателей результативности разрабатываемых	Знать: особенности определения ключевых параметров и показателей эффективности стратегических изменений организации	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge);

¹ Профессиональный стандарт «Бизнес-аналитик». URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=61704 (дата обращения 23.01.2023 г.)

² Babok guide – свод знаний по бизнес-аналитике https://hsbi.hse.ru/articles/babok-guide-business-analysis-body-of-knowledge/?sphrase_id=12616

Окончание таблицы 1
Table 1 (end)

Трудовые действия по профстандарту	Знания, навыки	Компетенции бизнес-аналитика в соответствии с Международным институтом ИБА (International Institute of Business Analysis) ²
стратегических организационных изменений	Уметь: анализировать и оценивать эффективность организационных изменений в соответствии с основными параметрами деятельности	инструменты и технологии (Tools and Technology)
Идентификация параметров оценки успеха изменения стратегии в компании	Знать: основные показатели анализа успеха стратегических изменений в организации Уметь: практически использовать критерии анализа стратегических изменений в организации	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge); инструменты и технологии (Tools and Technology)
Анализ соответствия изменений стратегии организации	Знать: показатели соответствия изменений стратегическим целям организации Уметь: оценивать соответствие изменений стратегическим целям организации	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge); инструменты и технологии (Tools and Technology)
Выбор заинтересованных сторон для их дальнейшего вовлечения в реализацию стратегических организационных изменений	Знать: критерии определения заинтересованных сторон для вовлечения в реализацию стратегических изменений в организации Уметь: определять стороны, заинтересованные в реализации стратегических изменений в организации	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge); коммуникативные навыки (Communication Skills); навыки взаимодействия (Interaction Skills); инструменты и технологии (Tools and Technology)
Выявление ключевых параметров деятельности организации, подлежащих стратегическим изменениям	Знать: особенности аспектов организации, нуждающихся в стратегических изменениях Уметь: определять аспекты организации, которые необходимо изменить	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge); инструменты и технологии (Tools and Technology)
Применение стратегии экспертами	Знать: особенности обоснования выбора определенной стратегии организации Уметь: определять и обосновывать необходимость реализации определенной стратегии организации	инструменты и технологии (Tools and Technology)
Идентификация промежуточных параметров	Знать: особенности промежуточных состояний организации в ходе реализации стратегии изменений Уметь: выявлять и анализировать промежуточные состояния организации в процессе реализации организационных изменений	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge); инструменты и технологии (Tools and Technology)
Формирование планов внедрения стратегических изменений в организации	Знать: порядок формирования плана реализации стратегических изменений в организации Уметь: формировать и эффективно применять план стратегических изменений в организации	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge); инструменты и технологии (Tools and Technology)
Анализ проведения стратегических изменений в организации	Знать: параметры отслеживания процесса реализации стратегических изменений в организации Уметь: проводить мониторинг стратегических изменений и оценивать его показатели	поведенческие характеристики (Behavioral Characteristics); знание бизнеса (Business Knowledge); инструменты и технологии (Tools and Technology)

Обеспечение баланса требований профстандарта и компетенций работника является одной из главных задач центра компетенций, поскольку он

способен реализовать программы дополнительного образования с индивидуальной траекторией обучения, а также предоставить консалтинговые

услуги. Именно такая направленность деятельности центра компетенций определяет предметную область флагманских программ дополнительного профессионального образования (далее ДПО).

Рассмотрим подробнее механизм флагманских программ ДПО на примере формирования цифровых профессиональных компетенций сотрудников.

Организации-заказчики центра компетенций (инициативные заказчики, экспертное сообщество и др.) являются источниками финансирования флагманских программ дополнительного профессионального образования.

В дальнейшем организации-заказчики, заинтересованные в освоении компетенций флагманских программ ДПО, переходят в категорию потенциальных заказчиков продуктов программ ДПО. Кроме того, заказчиками образовательного продукта программ ДПО становятся клиенты центра компетенций, получившие консалтинговые услуги [10].

Обе названные группы заказчиков программ ДПО становятся слушателями программ ДПО, реализуемых центром компетенций. Специалисты по «сборке» заказов определяют: какие задачи по формированию компетенций ставит заказчик, какую роль в профессии ему необходимо выполнять, анализируют характеристику заказчика — наличие у заказчика требуемых профессиональных компетенций, обучение, которое он прошел, размер средней зарплаты, а также внешние данные с рынка труда (среднюю зарплату в других компаниях отрасли), данные от рекрутеров.

Поскольку обучение цифровым компетенциям в системе высшего образования осуществляют университеты, то в системе дополнительного профессионального обучения данную функцию могут выполнять центры компетенций, разрабатывающие компетентностную модель

сотрудников на основе цифровых профессиональных компетенций.

Особое место в формировании компетенций слушателей программ ДПО занимает построение индивидуальных траекторий обучения на основе «сборки» цифровых профессиональных компетенций (ЦПК) и образовательных продуктов. Такую работу проводят специалисты центра компетенций, действия которых состоят в том, что за каждой ЦПК закрепляются единые индикаторы, раскрывающие результаты освоения в понятиях «знает» и «умеет», для которых подбираются дисциплины образовательной траектории [6].

«Сборку» индивидуальной траектории обучения проводят менеджер по работе с целевыми клиентами центра компетенций по направлению «Цифровые компетенции» и исполнители цифровой инфраструктуры (методисты, системные архитекторы). В процессе данной «сборки» специалисты определяют продолжительность обучения по каждой дисциплине, необходимую для освоения цифровой профессиональной компетенции.

Изучая выбранные темы дисциплин, слушатель осваивает заданные индикаторы цифровых профессиональных компетенций. На основе имеющихся у него личных качеств, слушатель развивает личные профессиональные компетенции и формирует цифровые профессиональные компетенции.

Сборка» тем дисциплин и профессиональных компетенций приведена ниже (табл. 2).

Изучая темы дисциплины «Цифровая грамотность», обучающийся осваивает профессиональную цифровую компетенцию ЦПК-1 Информационная грамотность, в которую входят следующие индикаторы: ЦПК-1.1. Просмотр, поиск и фильтрация цифрового контента, ЦПК-1.2. Оценка цифрового контента, ЦПК-1.3. Управление цифровым контентом [11].

Таблица 2
Table 2

«Сборка» тем дисциплин и профессиональных компетенций (пример)
“Assembly” of topics of disciplines and professional competencies (example)

Дисциплина «Цифровая грамотность»		
Темы дисциплины	Индикаторы профессиональной цифровой компетенции	Профессиональная цифровая компетенция
Открытые данные, базы данных, визуализация данных	ЦПК-1.1. Просмотр, поиск и фильтрация цифрового контента	ЦПК-1 Информационная грамотность
Офисные технологии	ЦПК-1.2. Оценка цифрового контента	
Сетевой анализ, введение в машинное обучение, кластерный анализ	ЦПК-1.3. Управление цифровым контентом	

Дисциплина «Цифровая грамотность»		
Темы дисциплины	Индикаторы профессиональной цифровой компетенции	Профессиональная цифровая компетенция
Оцифровка и анализ изображений и компьютерное зрение		
Нейронные сети		
Футурология и Digital Humanities		

Источник: составлено автором.

Для формирования компетентностной модели специалиста центром компетенций представляется возможным использовать цифровые компетенции, разработанные Всероссийским научно-исследовательским институтом труда (далее ВНИИ труда), а также рабочие программы дисциплин по цифровой экономике, разработанные национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (далее — НИУ ВШЭ). Компетентностную модель специалиста представляется возможным сформировать путем соотнесения цифровых компетенций ВНИИ труда и рабочих программ дисциплин НИУ ВШЭ.

Особое внимание при анализе цифровых профессиональных компетенций уделено следующим актуальным компетенциям: ЦПК-1. Информационная грамотность; ЦПК-2. Коммуникация и сотрудничество, ЦПК-3 Формирование цифрового контента, ЦПК-4 Безопасность, ЦПК-5 Решение проблем в цифровой среде [14].

Освоение компетенции ЦПК-1 Информационная грамотность позволит сотруднику применять методы поиска и фильтрации цифрового контента, осуществлять поиск данных в цифровой среде. Для освоения данной компетенции обучающийся изучает дисциплину «Цифровая грамотность».

Освоение компетенции ЦПК-2 Коммуникация и сотрудничество позволит обучающемуся применять методы определения цифровых средств коммуникации, обмениваться данными, информацией и цифровым контентом с другими посредством цифровых технологий. Обучающийся овладеет особенностями применения цифровых технологий и инструментов для совместной работы и производства ресурсов.

Для приобретения данной компетенции необходимо изучение дисциплины «Цифровые коммуникации» [12].

В рамках изучения дисциплины «Технологии обработки цифрового контента» обучающиеся приобретают компетенцию ЦПК-3 Формирование цифрового контента, позволяющую узнать

основные направления развития цифрового контента, правила применения авторских прав на цифровой контент, особенности модификации цифрового контента [15].

Изучая дисциплину «Информационная безопасность», слушатель программы ДПО освоит компетенцию ЦПК-4 Безопасность, обучившись принимать меры по обеспечению безопасности данных в цифровой среде, а также обеспечивать защиту и конфиденциальность персональных данных в цифровой среде.

Немаловажным является изучение дисциплины «Цифровая образовательная среда» для освоения компетенции ЦПК-5 Решение проблем в цифровой среде, которая позволит приобрести знания, связанные с особенностями адаптации цифровой среды под личные потребности, с применением цифровых технологий для создания инноваций, а также с направлениями развития цифровых компетенций.

Заключение

В результате проведенного исследования сформированы два основных направления формирования компетенций в университете: на основе профессиональных стандартов деятельности специалистов и на основе модели цифровых профессиональных компетенций. Формирование компетенций на основе профессионального стандарта необходимо для соответствия специалиста, освоившего данные компетенции, требованиям работодателей в соответствующих областях деятельности. Однако немаловажным при формировании компетентностной модели специалиста является опора не только на профессиональный стандарт, но и на цифровые профессиональные компетенции, который обеспечат конкурентоспособность организаций и их адаптацию к постоянно меняющимся условиям работы и активному внедрению цифровых технологий.

Таким образом, деятельность центров компетенций позволит путем обучения сотрудников новым цифровым компетенциям повысить

конкурентоспособность экономики страны, увеличить число профессиональных кадров в различных сферах, а также осуществить цифровизацию деятельности предприятий.

Список источников

1. Аксенова М. А. Центр компетенций как образовательный ресурс подготовки высококвалифицированных специалистов // Профессиональное образование и рынок труда. 2017. № 4. С. 7–11.
2. Аксенова М. А. Центры компетенций как условие непрерывного профессионального образования // Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики : материалы 11-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 2-х кн. Казань, 2017. Кн. 2. С. 124–129.
3. Амирова Л. А. Центр развития компетенций в высшей школе —ресурсная площадка профессионализации личности // Высшее образование сегодня. 2018. № 4. С. 122–127.
4. Каллаур Г. Ю. Развитие центров компетенций как условие цифровой трансформации экономики // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 293–301.
5. Боровков А. И. Центр компетенций Национальной технологической инициативы «Новые производственные технологии» // Инновации. 2019. № 11. С. 73–88.
6. Гладилина И. П., Кадыров Н. Н., Строганова Е. В. Цифровая грамотность и цифровые компетенции как фактор профессионального успеха // Инновации и инвестиции. 2019. № 5. С. 62–64.
7. Гладилина И. и др. Цифровые компетенции в структуре компетентного подхода социально-го и профессионального становления личности // Современное педагогическое образование. 2019. № 11. С. 13–15.
8. Ковалева А. В., Бобырева Е. В. Молодая профессия — бизнес-аналитик // Исследования молодых учёных : материалы Студ. междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2022. С. 94–97.
9. Константинова Д. С., Кудаева М. М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 11. С. 1055–1072.
10. Кулапов М. Н. и др. Специфика проектного управления разработкой и реализацией программ ДПО в университетах: роль образовательно-научных центров // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18, № 1 (115). С. 105–114.
11. Левина И. Д., Афанасьев И. В. Технология мониторинга социального заказа на персонифицированные программы ДПО в системе столичного образования // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2021. № 2. С. 364–381.
12. Мальцева А. А. Основы формирования центров компетенций как структур управления интеллектуальным капиталом на региональном уровне // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1. С. 52–59.
13. Чернышева Ю. Г. Современные мировые тенденции развития бизнес-анализа // Актуальные направления развития учета, анализа, аудита и статистики в отечественной и зарубежной практике : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. Е. Н. Макаренко. Ростов-н/Д., 2021. С. 262–269.
14. Ясников С. В., Назарова Н. Е., Бессчетнова Н. Н. Методические аспекты построения компетентностной модели выпускника в период отсутствия профессионального стандарта // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 4. С. 5–12.
15. Патахова З. Ш., Абдулаева Х. С., Мухидинов М. Г. Возможности проектного подхода в образовании // Проблемы и тенденции научных преобразований в условиях трансформации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2021. С. 48–50.

References

1. Aksenova MA. Competence Center as an educational resource for the training of highly qualified specialists. *Professional'noye obrazovaniye i rynek truda = Vocational education and labor market*. 2017;(4):7-11. (In Russ.).
2. Aksenova MA. Competence centers as a condition for continuing professional education. In: *Neprevyvnoye professional'noye obrazovaniye kak faktor ustoychivogo razvitiya innovatsionnoy ekonomiki = Continuous professional education as a factor in the sustainable development of an innovative economy*. Kazan; 2017. Pp. 124–129. (In Russ.).

3. Amirova LA. Center for the Development of Competences in Higher School as a Resource Platform for the Professionalization of the Personality. *Vyssheye obrazovaniye segodnya = Higher Education Today*. 2018;(4):122-127. (In Russ.).
4. Kallaur GYu. Development of competence centers as a condition for the digital transformation of the economy. In: *Sovremennyye problemy upravleniya proyektami v investitsionno-stroitel'noy sfere i prirodopol'zovanii = Modern problems of project management in the investment and construction sector and nature management*. Moscow: PRUE; 2018. Book 2. Pp. 293–301. (In Russ.).
5. Borovkov AI. Competence Center of the National Technology Initiative “New Production Technologies”. *Innovatsii = Innovations*. 2019;(11):73-88. (In Russ.).
6. Gladilina IP, Kadyrov NN, Stroganova EV. Digital literacy and digital competencies as a factor of professional success. *Innovatsii i investitsii = Innovations and investments*. 2019;(5):62-64. (In Russ.).
7. Gladilina I. et al. Digital competencies in the structure of the competence-based approach of the social and professional development of the individual. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye = Modern pedagogical education*. 2019;(11):13-15. (In Russ.).
8. Kovaleva AV, Bobyeva EV. Young profession-business analyst. In: *Issledovaniya molodykh uchonykh = Research of young scientists*. Kursk; 2022. Pp. 94–97. (In Russ.).
9. Konstantinova DS, Kudaeva MM. Digital competencies as a basis for the transformation of vocational education. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2020;7(11):1055-1072. (In Russ.).
10. Kulapov MN. et al. Specificity of project management in the development and implementation of further vocational education programs at universities: the role of educational and scientific centers. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. GV Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2021;(1):105-114. (In Russ.).
11. Levina ID, Afanasiev IV. Technology for monitoring the social order for personalized AVE programs in the system of metropolitan education. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2021;(2):364-381. (In Russ.).
12. Maltseva AA. Fundamentals of the formation of centers of competence as structures for managing intellectual capital at the regional level. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tver State University*. 2020; (1):52-59. (In Russ.).
13. Chernysheva YuG. Modern world trends in the development of business analysis. In: *Aktual'nyye napravleniya razvitiya ucheta, analiza, audita i statistiki v otechestvennoy i zarubezhnoy praktike = Actual trends in the development of accounting, analysis, audit and statistics in domestic and foreign practice*. Rostov-on-Don; 2021. Pp. 262-269. (In Russ.).
14. Yashnikov SV, Nazarova NE, Besschetnova NN. Methodological aspects of building a graduate's competence model in the absence of a professional standard. *Vestnik Nizhegorodskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii = Bulletin of the Nizhny Novgorod State Agricultural Academy*. 2019;(4):5-12. (In Russ.).
15. Patakhova ZSh, Abdulaeva KhS, Mukhidinov MG. Possibilities of the project approach in education. In: *Problemy i tendentsii nauchnykh preobrazovaniy v usloviyakh transformatsii obshchestva = Problems and trends of scientific transformations in the conditions of society transformation*. Sterlitamak; 2021. Pp. 48–50. (In Russ.).

Информация об авторе

К. А. Витер — младший научный сотрудник.

Information about the author

K. A. Viter — junior researcher.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023;
одобрена после рецензирования 22.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved
after reviewing 22.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 240–249.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;3(473):240-249. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Обзорная статья

УДК 338.1

ЭКОНОМИКА РОССИИ В 2022 ГОДУ: ВЫЗОВЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Валерий Владимирович Шлычков¹, Диана Рустамовна Нестулаева²,
Дмитрий Александрович Зарезнов³

¹ Федеральный научно-практический и аналитический журнал «Вестник экономики, права и социологии», Казань, Россия

² Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

³ Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия

¹ vestnik_eps@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3307-2153>

² diana_n_r@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4885-449X>

³ vestnik_eps@mail.ru

Аннотация. В статье на основе ретроспективного анализа и диалектического подхода выявляются мотивы введения полномасштабных антироссийских экономических санкций, дается их классификация и проводится анализ степени воздействия отдельных видов санкций на российскую экономику. На основании результатов ситуационного анализа и прогнозирования обосновывается необходимость создания актуальной модели национальной экономики, формирования новой экономической политики 2.0 (НЭП-2.0) и корректировки программ социально-экономического развития с учетом изменившейся геополитической и геоэкономической обстановки. Авторы, основываясь на выводах факторного анализа и экспертных оценках, предлагают изменить подходы к процессу планирования и определения конечных целей экономического развития; используя абстрактно-логический и статистико-экономический методы, доказывают необходимость сочетания принципа опоры на собственные ресурсы и открытости российской экономики; опираясь на доказательный подход, обосновывают ведущую роль государства в выработке и проведении эффективной антисанкционной политики. В работе доказывается необходимость комплексного решения задач экономического роста и обеспечения СВО в сочетании с урегулированием системных проблем российской экономики, таких как низкая производительность труда, дефицит квалифицированных кадров, технологическое отставание, коррупция и сырьевая зависимость. Авторы рассматривают формирование понятной и поддержанной населением модели национально ориентированной экономической системы в качестве безусловного фактора консолидации общества, без достижения которой невозможно эффективно проводить антисанкционную политику и преодолеть искусственно созданные преграды на пути экономического роста, а впоследствии перейти к процессу устойчивого социально-экономического развития.

Ключевые слова: санкционное давление, парадигма экономического развития, устойчивость макроэкономической системы, новая экономическая политика (НЭП-2.0), «островизация» российской экономики, структурные реформы, релокализация, экономический потенциал

Для цитирования: Шлычков В. В., Нестулаева Д. Р., Зарезнов Д. А. Экономика России в 2022 году: вызовы и механизмы их преодоления // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 240–249.

Review article

RUSSIA'S ECONOMY IN 2022: CHALLENGES AND MECHANISMS TO OVERCOME THEM

Valery V. Shlychkov¹, Diana R. Nestulaeva², Dmitry A. Zareznov³

¹ Federal scientific, practical and analytical journal "The Review of Economy, the Law and Sociology", Kazan, Russia

² Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

³ Kazan State University of Architecture and Engineering, Kazan, Russia

¹ vestnik_eps@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3307-2153>

² diana_n_r@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4885-449X>

³ vestnik_eps@mail.ru

Abstract. The article, based on a retrospective analysis and dialectical approach, identifies the motives for the introduction of full-scale anti-Russian economic sanctions, gives their classification and analyzes the degree of impact of certain types of sanctions on the Russian economy. Based on the results of situational analysis and forecasting, the necessity of creating an up-to-date model of the national economy, the formation of a new economic policy 2.0 (NEP-2.0) and the adjustment of socio-economic development programs taking into account the changed geopolitical and geo-economic situation is justified. The authors, based on the conclusions of factor analysis and expert assessments, propose to change approaches to the process of planning and determining the final goals of economic development; using abstract-logical and statistical-economic methods, prove the need to combine the principle of reliance on own resources and openness of the Russian economy; relying on an evidence-based approach, substantiate the leading role of the state in the development and implementation of effective anti-sanctions politics. The paper proves the need for a comprehensive solution to the problems of economic growth and ensuring its in combination with the settlement of systemic problems of the Russian economy, such as low labor productivity, shortage of qualified personnel, technological backwardness, corruption and dependence on raw materials. The authors consider the formation of an understandable and popularly supported model of a nationally oriented economic system as an unconditional factor of consolidation of society, without which it is impossible to effectively pursue an anti-sanctions policy and overcome artificially created obstacles to economic growth, and subsequently proceed to the process of sustainable socio-economic development.

Keywords: sanctions pressure, paradigm of economic development, stability of the macroeconomic system, new economic policy (NEP-2.0), "islandization" of the Russian economy, structural reforms, re-localization, economic potential

For citation: Shlychkov VV, Nestulaeva DR, Zareznov DA. Russia's Economy in 2022: challenges and mechanisms to overcome them. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):240-249. (In Russ.).

Введение

Современная Россия в процессе трансформации своей государственности при переходе к новой модели социально-экономического развития в начале 2000-х гг. столкнулась со значительным числом внутренних и внешних вызовов, успешно преодолеть которые было практически невозможно без кардинального переосмысления национальных приоритетов и достижения их сбалансированности исходя из интересов отдельной личности, общества в целом и государства. Проявившийся в данный исторический период рост политической активности и самосознания значительной части россиян сформировал в начале XXI в. устойчивый общественный запрос на корректировку парадигмы социально-экономического развития в направлении укрепления государственного суверенитета и необходимости проведения национально ориентированной внутренней и внешней по-

литики, материальным фундаментом которой должна была стать инновационная и развивающаяся на рыночных принципах новая модель российской экономики.

Санкционные ограничения как главный вызов сдерживания процесса развития российской экономики в 2023 г.

Так называемые «западные партнеры», несмотря на многочисленные заявления о «перегрузке» отношений с Россией, на протяжении всей ее новейшей истории не только сохраняли существующие еще со времен СССР дискриминационные ограничения в отношении ее экономики (поправка Джексона-Вэника было отменена только в 2012 г.), но и последовательно возводили новые искусственные барьеры на пути ее развития, стремясь максимально нивелировать восстановление политического влияния нашей страны на мировой арене. Впервые в постсоветский период антироссийские санкции были введены

в 2012 г. в связи с «делом Магнитского», а после возвращения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. запреты и ограничения на доступ российских предпринимательских структур к источникам глобальных финансовых ресурсов и инновационным технологическим разработкам были расширены и постепенно стали носить всеобъемлющий характер и распространились практически на все, без каких-либо исключений, отрасли и сферы российской экономики, поэтапно трансформировавшись в политику полной «отмены» России в качестве независимой и суверенной страны, претендующей на реализацию собственных национальных интересов.

Начало специальной военной операции (далее — СВО) по защите мирного населения в республиках Донбасса значительно усилило санкционное давление коллективного Запада, и к началу декабря 2022 г. в отношении России в «авральном» режиме было принято девять пакетов санкций, включающих более 12 тыс. персональных, секторальных и отраслевых экономических и политических ограничений¹. При этом, традиционно критикуемая за инертность и избыточный формализм евробюрократия практически в режиме «non stop» продолжает разрабатывать 10-й, и видимо далеко не последний, пакет антироссийских экономических санкций, одновременно расширяя перечень «вторичных» санкций в отношении стран, продолжающих осуществлять с Россией экономическое и политическое сотрудничество, существенно затрудняя последней поиск альтернативных партнеров и формирование новых производственно-логистических цепочек.

По мнению авторов, беспрецедентная активность США и их западных партнеров в процессах выработки и осуществления санкционного давления на российскую экономику объясняется не столько «единением» коллективного Запада в стремлении наказать «страну-агрессора», сколько фактом того, что в отношении РФ реализуется заранее разработанный и подготовленный сценарий комплексного противодействия нашей стране. Это подтверждается недавним заявлением Нобелевского лауреата по экономике за 2005 г. Роберта Аумана о том, что по заданию Пентагона и госдепартамента США им еще в конце 60-х гг. XX в. был смоделирован сценарий введения всеобъемлющих экономических санкций в отношении СССР, «способных полностью парализовать

советскую экономику» [1]. А это означает, что сегодня США и коллективный Запад, используя начало СВО в качестве предлога, начали реализовывать план с аналогичными целями и задачами уже в отношении Российской Федерации, внося в него отдельные коррективы с учетом существующих геоэкономических и геополитических реалий.

Основные цели и направления санкционного давления коллективного Запада

Введенные в 2022 г. в отношении российской экономики санкционные ограничения условно можно разделить на четыре основных группы: финансовые, энергетические, технологические и транспортно-логистические. При этом негативное воздействие технологических «санкций 2022» на российскую экономику оказалось минимальным, т. к. запреты на передачу технологий двойного назначения в отношении нашей страны действовали всегда, и Запад в уходящем году только расширил их перечень, включив в него и гражданские инновационные разработки.

С учетом сложившейся до 2022 г. значительной зависимости финансовой системы РФ от иностранного капитала (80 % акций, находившихся в свободном обращении российских публичных компаний, принадлежали нерезидентам)² и в силу высокой степени интеграции российской и мировой денежно-кредитной систем (при почти полном доминировании последней) наибольший вред нашей экономике в 2022 г., безусловно, оказали финансовые санкции и в первую очередь заморозка 300 млрд золото-валютных резервов ЦБ РФ и отключение от системы международных переводов *SWIFT* большинства российских банков, в которые ни представители государственной власти, ни большинство экспертов не верили до самого последнего момента, недооценив политическую решимость коллективного Запада «любой ценой» наказать Россию, тем самым неверно определив возможные пределы и потенциальные объемы санкционного давления. Блокирующие санкции для банков, запрет США и Евросоюза на ввоз наличных долларов и евро и уход с российского рынка *VISA* и *Mastercard* также достаточно существенно осложнили функционирование национальной финансово-кредитной системы и до предела сузили возможности российских физических

¹ Вячеслав Володин: против России введено 10 128 санкций. URL: <http://duma.gov.ru/news/54246/> (дата обращения: 07.05.2022 г.).

² Хабибрахманов А. Мосбиржа допустит к торгам отдельных нерезидентов // Тинькофф журнал. 2022. 27 июля. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/moex-friends/> (дата обращения: 30.07.2022).

и юридических лиц осуществлять международные платежи и переводы, значительно повысив их транзакционные издержки. Кроме того, ответные меры ЦБ РФ по стабилизации внутреннего финансового рынка в виде установление предела снятия наличной валюты с банковских счетов (не более 10 тыс. долл. США) и последующая (в связи с отказом большинства вкладчиков конвертировать валютные вложения в рубли по текущему, далеко не рыночному, курсу ЦБ) фактическая «заморозка» на неопределенный срок валютных средств граждан и организаций, крайне негативно отразились на уровне доверия к национальной финансовой системе и инвестиционной привлекательности России, как государства с «открытой и рыночной экономикой».

Достаточно серьезные негативные последствия для российской экономики наступили из-за транспортно-логистических ограничений и прежде всего взаимного закрытия воздушного пространства для авиаперевозчиков России и большинства западных стран, а также введенных запретов на заход российских судов в порты США, стран ЕС и их союзников и работу на территории этих государств российских транспортно-логистических компаний. Реализация этого раздела санкционных пакетов существенно увеличила логистические издержки для российских экономических субъектов, разорвала значительное число ранее устоявшихся логистических и технологических цепочек и максимально усложнила процессы как продвижения российских товаров на глобальный мировой рынок, так и поставок с него продукции, сырья и комплектующих, необходимых для удовлетворения потребностей внутреннего рынка и отечественных товаропроизводителей.

Говоря о санкциях в энергетике, необходимо отметить, что согласно устоявшемуся мнению западных аналитиков именно экспортные нефтегазовые доходы являются основным источником формирования российского бюджета и финансовой базой для проведения СВО, вследствие чего максимально возможная минимизация этих доходов стала в 2022 г. основой санкционной стратегии стран антироссийской коалиции и направлением «главного удара» на российскую экономическую систему. В результате предпринятых коллективным Западом мер в уходящем году произошло существенное физическое снижение закупок российских энергоресурсов традиционными европейскими потребителями (прежде всего Германией), а введенные полный запрет на их импорт

в США и ограниченный запрет для стран ЕС безусловно негативно сказались на наполняемости российского бюджета. И если на первоначальном этапе выпадающие доходы бюджета были компенсированы повышением мировых цен на энергоносители, то, начиная с июля 2022 г., начался процесс снижения нефтегазовых доходов, которые упали на 29 % относительно аналогичного периода 2021 г.¹ В свою очередь, контрсанкционные меры Правительства РФ и переход на расчеты за энергоресурсы в рублях привели к остановке поставок в Польшу, Финляндию и Болгарию, тем самым еще больше сузив ограниченный круг европейских покупателей российских углеводородов.

Однако, к сожалению для коллективного Запада, значительное число стран антироссийской коалиции в настоящий момент не способны полностью отказаться от поставок российских энергоресурсов, что вынуждает чиновников США и ЕС, не отказываясь от антироссийской риторики, все чаще включать в антироссийские санкционные пакеты все больше и больше исключений, тем самым в определенной мере ослабляя санкционное давление в критически значимых для них секторах. Так, установление потолка цен на российскую нефть властями США не будет применяться в случае ее «существенной переработки»², а его граница в 60 долл. США за баррель максимально приближена (с учетом действующих скидок) к средней стоимости поставляемой сегодня Россией нефти³. Кроме того, не найдя альтернативных поставщиков углеводородов и в преддверии возможного российского отказа от поставок в страны, установившие потолок цен на энергоносители, западноевропейские государства в ноябре резко увеличили закупки из России, что позволило ЕС пока сохранить статус «крупнейшего экономического партнера России»⁴.

¹ Батыров Т. Эксперты объяснили резкий спад доходов бюджета вне нефти и газа эффектом санкций // Forbes. 2022. 12 августа. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/474221-eksperty-ob-asnili-rezkij-spad-dohodov-budzeta-vne-nefti-i-gaza-effektom-sankcij> (дата обращения: 12.08.2022).

² В минфине США объяснили, когда не будет применяться потолок цен на нефть. URL: <https://ria.ru/20221123/pererabotka-1833525866.html> (дата обращения: 20.12.2022).

³ ЕС опубликовал решение по лимиту цен на российскую нефть в 60 долларов. URL: <https://ria.ru/20221204/limit-1836164920.html> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Белоусов заявил, что Евросоюз остается крупнейшим торговым партнером России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16330451> (дата обращения: 18.11.2022).

Оценка эффективности антироссийских санкций и степень их влияния на российскую и глобальную экономики

Оценивая наиболее общие последствия воздействия антироссийских «санкций 2022» на национальную и мировую экономические системы можно с уверенностью констатировать, что:

1. Несмотря на то, что эффективность антироссийских санкций оценивается экспертами на уровне 30-40 %¹, санкционное давление коллективного Запада во главе с США на сегодняшний день является основным вызовом, сдерживающим социально-экономическое развитие России и процесс роста ее экономики. При этом данный ключевой фактор является «рукотворным» и имеет не экономическую, а политическую природу, а значит добиться позитивных изменений в российской экономике только через рыночные механизмы, как это было в кризисы 2008 и 2014 гг., будет практически невозможно.

2. Независимо от того, что заявленные цели антироссийских «санкций 2022» в виде отказа России от проведения СВО, очевидно, не будут достигнуты, они безусловно крайне негативно отразились на национальной социально-экономической системе, прервав на несколько лет процесс роста экономики и существенно затруднив процесс перехода к «технологическому суверенитету», реализацию знаковых для страны инфраструктурных проектов и исполнение заявленных ранее социальных обязательств, а их эффект будет носить долгосрочный характер.

3. Вопреки прогнозам западных аналитиков российская экономика в значительной мере оказалась более устойчивой к внешним вызовам и беспрецедентному санкционному давлению, достаточно успешно смогла пройти «период адаптации в условиях санкций»² и к концу 2022 г. демонстрирует хотя и отрицательные, но оптимистические показатели роста ВВП. Так, при прогнозах спада на уровне 8–12 % реальное падение производства составило только 2,8–3 %, инфляционные ожидания в 18–22 % благодаря эффективной государственной антикризисной политике транс-

формировались в 13,5 %³, а индекс деловой активности в РФ эксперты «The Economist» определили в «плюс 5» баллов, при «минус 3» для Великобритании и ФРГ⁴.

4. С достаточно высокой степенью вероятности можно говорить о том, что с начала 2023 г. российская экономика ощутит на себе «отложенный эффект» введенных в уходящем году санкций, и мы будем наблюдать вторую волну падения ВВП на уровне 3–4 %.

5. Санкции не достигли цели дестабилизировать социальную обстановку, и российское общество в целом положительно оценило действия Правительства РФ по реализации антисанкционных мер, направленных на стабилизацию потребительского рынка и противодействие потенциальной гиперинфляции, и на сегодня мы наблюдаем снижение в обществе уровня тревожности и неопределенности.

6. Несмотря на уход из России в 2022 г. 3 тыс. зарубежных компаний, повлекших за собой сокращение 2 млн рабочих мест, непосредственно задействованных в их финансово-хозяйственной деятельности, и 4-6 млн, косвенно связанных с иностранным бизнесом [2], реализуемые Правительством РФ меры поддержки экономики позволили стабилизировать рынок труда и не допустить критически значимого роста безработицы. При этом через процедуры экономического стимулирования и предоставления брони от частичной мобилизации уже к началу осени удалось вернуть в Россию значительную часть из более 500 тыс. высококвалифицированных специалистов, покинувших страну после начала СВО⁵.

7. Проводимая Минфином и ЦБ РФ в рамках антисанкционного противодействия денежно-кредитная политика привела к концентрации финансового капитала в руках крайне узкого круга отобранных регулятором банков и значительному снижению конкуренции на внутреннем финансовом рынке, хронической недофинансированности многих отраслей, ограничению доступа малого и среднего бизнеса к кредитным ресурсам и возможностям инвестировать в развитие собственного производства.

¹ No catastrophe, but sanctions on Moscow are working, says Russian economy veteran. URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/no-catastrophe-sanctions-moscow-are-working-says-russian-economy-veteran-2022-09-20/>

² Колташов В. США окажутся в неловком положении из-за мрачных прогнозов по экономике России // ПолитЭксперт. 2022. 3 декабря. URL: https://politexpert.net/23781606-koltashov_sshi_okazhutsya_v_nelovkom_polozheni_iz_zh_mrachnih_prognozov_po_ekonomike_rossii (дата обращения: 05.12.2022).

³ Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

⁴ As Europe falls into recession, Russia climbs out. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/10/11/as-europe-falls-into-recession-russia-climbs-out>

⁵ Там же.

При этом фактическая фиксация курса рубля ЦБ РФ и ограничения на валютные операции в значительной мере подорвали доверие населения к финансово-кредитной системе, и только в сентябре 2022 г. население изъясало из банков вкладов на 14 млрд руб., что втрое больше, чем в феврале текущего года¹.

8. Хотя к концу 2022 г. планируемый объем годового товарного экспорта должен превысить 580 млрд долл. США², с наступлением осени достаточно наглядно стала проявляться тенденция постепенного снижения физических объемов и экспортных доходов от продажи удобрений, углеводородов, сырья и других традиционных объектов российского экспорта, напрямую связанная с усилением и расширением санкционного давления, в том числе установлением «вторичных» санкций.

9. В процессе адаптации к новым условиям функционирования в России происходят отраслевое и «географическое» перераспределение трудовых ресурсов, процессы изменения роли и «веса» отдельных регионов и отраслей в общей системе национального хозяйства, а также поэтапная переориентация на азиатские рынки через создание транспортно-логистических коридоров Россия — Азия нового поколения и реализацию связанных с этим инфраструктурных проектов.

10. Эффект «бумеранга» от антироссийских санкций спровоцировал мировой экономический и продовольственный кризисы, остановил рост экономик значительного числа ранее динамично развивающихся стран, стал причиной повышения социальной напряженности в мировом сообществе и политической активности населения, перешедшего к публичным формам протеста и выражению своего несогласия с проводимой их государствами социально-экономической политикой. Как следствие, несмотря на сохраняющуюся антироссийскую риторику, часть государств антироссийской коалиции начали искать пути и формы обхода санкционных ограничений, и подобные шаги стали все чаще фиксироваться не только с российской, но и с противоположной стороны, что дает определенную надежду на ослабление санкционного давления на Россию. При этом говорить о полной

отмене санкций в краткосрочной перспективе явно преждевременно, и, несмотря на то, что коллективный Запад почти полностью исчерпал их лимит, в настоящее время антироссийская коалиция стремится повысить их «эффективность» за счет установления уголовной ответственности за их нарушение, усиления и расширения «вторичных» санкций, оказывая беспрецедентное давление на партнеров России, искусственно воздвигая барьеры на пути экономического и политического сотрудничества с нашей страной.

Изменение парадигмы экономического развития как решающий фактор формирования эффективной антисанкционной политики

Мировое экспертное сообщество, представители международных организаций и государственных структур по-разному оценивают дальнейшие перспективы российской экономики в кратко- и среднесрочных периодах, и диапазон прогнозов простирается от предсказанной Полом Кругманом нового варианта «великой депрессии»³ до начала экономического роста в 2 % начиная с 2024 г.⁴ Насколько адекватными и справедливыми окажутся прогнозы, напрямую зависит от эффективности и результативности проводимой Правительством РФ антикризисной политики и ее адекватности социально-экономическим реалиям, а также способности государства мобилизовать для решения этой задачи российское общество в целом и особенно предпринимательский класс, который, по сути, и будет являться основным актором неизбежных трансформаций российской экономики.

Прежде всего субъекты экономики демонстрируют запрос на трансформирование существующей макроэкономической модели, изменение парадигмы развития и переход к новой экономической политике (НЭП-2.0), проводимой с опорой на максимальное и эффективное использование внутреннего потенциала, рост доходов населения, создание расширенного воспроизводства на основе собственной технологической базы и ориентации на внутренний рынок и внутренний спрос, удовлетворять который планируется за счет качественных

¹ As Europe falls into recession, Russia climbs out...

² Солнцев О. «Туман будущего» и курс рубля: что показывает оптика макроэкономического анализа? Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Сентябрь 2022 г. URL: forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/Soln/CRO_CMASF.pdf (2023–2024 гг. – прогноз) (дата обращения: 23.09.2022).

³ Krugman P. Russia is a Potemkin Superpower // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/28/opinion/putin-military-sanctions-weakness.html> (дата обращения: 28.02.2022).

⁴ Казакова Д. Почему при классической схеме «риск — прибыль» импортозамещение — это путь в пропасть // БизнесOnline. 2022. 23 ноября. URL: <https://rg.ru/2023/03/02/importozameshchenie-obespechit-rossii-tehnologicheskuiu-nezavisimost.html> (дата обращения: 26.11.2022).

отечественных товаров с высокой добавленной стоимостью и высокой степенью передела.

Для повышения эффективности использования экономического потенциала страны необходимо значительно повысить на всех уровнях качество планирования и управления, укрепить исполнительскую дисциплину и еще теснее увязать с национальными приоритетами развития реализацию национальных и инфраструктурных проектов. По нашему мнению, прежде всего следует провести аудит всех сфер и отраслей национального хозяйства, оценив социально-экономический потенциал каждого российского региона и муниципального образования. Анализ полученных результатов позволит определить новые направления и точки роста экономики, разработать стратегию ее развития с учетом тенденций глобальных социально-экономических процессов и изменений мирового хозяйства в целом, тем самым обозначив для предпринимательского сообщества перспективные сферы и отрасли, в которых задействованным экономическим субъектам будет оказана максимальная государственная поддержка через механизм предоставления субсидий, налоговых льгот и иных преференций, а спрос, как минимум в среднесрочной перспективе и в значительной его части, будет гарантирован за счет ассигнований на исполнение бюджетных обязательств государства.

Основными задачами в кратко- и среднесрочной перспективах для российской экономики должны стать недопущение роста существующего технологического отставания от ведущих мировых экономик, а в идеале — сокращение существующего разрыва в уровнях технологического развития и достижение «технологического суверенитета», а также повышение эффективности производства и производительности труда до уровня стран с развитыми экономиками. Анализируя общемировую тенденцию релокализации в постковидный период, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что сегодня в процессе перезагрузки глобальных технологических рынков все страны стремятся закрепить за собой максимальное количество ключевых компетенций во всех сферах экономики, при этом рассматривая достижение высокого уровня «технологического суверенитета» не как стремление к самоизоляции, а как значительное конкурентное преимущество в переговорном процессе с субъектами глобальной экономики¹. Усиление кооперации

¹ Спецпредставитель президента рассказал о стратегии «островизации» России. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/09/toto/> (дата обращения: 07.05.2022 г.).

внутри страны позволит довести до 75 % локализацию отечественного производства, тем самым снизив до приемлемого уровень критической зависимости российской экономики от зарубежных технологий и поставщиков.

При этом основное бремя финансирования инвестиционной деятельности и необходимого технологического обновления должно взять на себя государство, с последующей передачей на возмездной основе полученных инновационных продуктов для внедрения в хозяйственную деятельность негосударственному сектору, используя для этого пока еще значительные государственные резервы, воспроизводство которых в будущем напрямую связано с объемами произведенных сегодня инвестиций в инфраструктурные проекты, технологическое обновление, науку и образование. Ведь достаточно нелогично требовать от российских ученых сопоставимых с ведущими странами мира практических результатов, если последние направляют на научные исследования от 2 до 4 % своего ВВП, в то время как Россия многие годы ограничивается 1,1 % ВВП, что, как в абсолютных, так и в относительных цифрах, кратно ниже затрат стран-лидеров инновационного и технологического развития.

Необходимо отметить, что предпринимательское сообщество отнюдь не «со стороны» наблюдает за усилиями государства по преодолению санкционного давления и выхода из экономического кризиса. Статистические данные объективно говорят об оживлении отечественной промышленности (прежде всего задействованной в обеспечении СВО) и сельскохозяйственного производства. И хотя последние опросы показывают, что 60 % экономических агентов надеются на восстановление разорванных международных связей после завершения СВО, 43 % респондентов заявили о полной переориентации своего бизнеса на внутренний рынок, а 48 % предпринимают достаточно успешные шаги по поиску альтернативных партнеров в дружественных странах и выстраиванию новых логистических цепочек поставок². Согласно данным Федеральной таможенной службы, в период с мая по октябрь 2022 г. по параллельному импорту в Россию было ввезено критически важных товаров почти на 17 млрд

² Готовность к действию: как российская промышленность преодолевает санкции. URL: https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--plai/articles/useful/gotovnost_k_deystviyu_kak_rossiyskaya_promyshlennost_preodolevaet_sanktsii/?sphrase_id=981492 (дата обращения: 29.10.2022).

долл. США, что покрывает только 13 % потребностей экономики¹.

На наш взгляд, государству необходимо пересмотреть отношение к отдельным институтам развития, которые в определенной мере отошли от реализации заложенных в них функций, и прежде всего это касается финансового сектора. Авторы настоящей статьи полностью разделяют мнение спецпредставителя Президента РФ по цифровому развитию Дмитрия Пескова о том, что «в действующей финансовой модели, ориентированной на прибыль акционеров на основе финансово-кредитных мер, невозможно перейти от опытного производства к опытному заводу» и что российская экономика остро нуждается в «нормальной инвестиционной модели, основанной на получении конечного продукта»². При этом сам финансовый сектор должен выйти на более высокий уровень развития, привести свои институты в соответствие с международными стандартами и включить в себя, наряду с традиционными банками, проектные банки, инвестиционные фонды и финтех-компании. Кроме того, переход на внутренние расчеты золотом, как в наличной, так и в безналичной формах, позволит значительно укрепить национальный финансовый рынок и сможет в определенной мере заместить иностранную валюту и как средство платежа, и как средство накопления.

В настоящее время, когда западные санкции существенно ограничили доступ россиянам к мировым инвестиционным и финансовым ресурсам, привлечение внешних источников развития стало для субъектов экономики одной из ключевых задач, решение которой позволяет предпринимателям сохранить статус-кво и существующее положение на рынках. В сложившихся условиях государство должно упростить доступ предпринимателям всех уровней к необходимым для развития кредитным ресурсам, оказывая протекционистскую поддержку, прежде всего, инновационным и высокотехнологическим отраслям, через широкое внедрение промышленной ипотеки по приемлемой ставке не более 5 % годовых и возможность кредитования текущей финансово-хозяйственной деятельности на уровне 8 % годовых [3].

¹ Комраков А. Параллельный импорт помог лишь на 13 % // Независимая газета. 2022. 30 ноября. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-11-30/1_8603_import.html (дата обращения: 01.12.2022).

² Казакова Д. Почему при классической схеме «риск — прибыль» импортозамещение — это путь в пропасть...

С учетом снижения уровня реальной зависимости экономики России от изменений котировок на глобальном мировом рынке, российские предприниматели также рассчитывают на отказ от существующей практики учета внешней конъюнктуры при формировании цен на топливо и энергоносители для национального рынка и их привязке к внутренней себестоимости, позволяющей обеспечивать необходимую рентабельность предприятиям российского ТЭКа, при этом ограничивая их в получении монопольных «сверхдоходов» не через процедуры их изъятия и последующего перераспределения, а через превентивное установление «справедливых», с точки зрения отечественного бизнеса и населения, уровня цен. Ведь на сегодня изымаемые государством «сверхдоходы» естественных монополий в дальнейшем используются Правительством РФ по своему усмотрению и без учета интересов значительной части субъектов экономики, не получающих какую-либо компенсацию из-за подчас необоснованно высокой стоимости энергоносителей и топлива на российском внутреннем рынке.

Одним из основных вызовов, стоящих на пути достижения Россией экономического и технологического суверенитета, остается проблема недостатка квалифицированных инженерных кадров и специалистов рабочих профессий, дефицит которых на рынке труда давно является сдерживающим фактором развития российской экономики. Сформировавшийся на рынке труда неудовлетворенный спрос на квалифицированные трудовые ресурсы вынуждает государство в первоочередном порядке трансформировать всю систему высшего и профессионального образования, разработав с учетом советского опыта и традиций национально ориентируемые образовательные стандарты и программы подготовки кадров, отдав приоритет подготовке инженеров, конструкторов, технологов и высококвалифицированных рабочих. Однако, по мнению авторов, этот процесс пока не носит системный характер и проявляет себя только на уровне деклараций, а это означает, что с учетом высокой инертности государственного механизма управления, обществу не следует ожидать в течение ближайших 10-15 лет каких-либо позитивных прорывов в данном направлении, т. к. соответствующие органы только приступили к формированию и корректировке обновленных стандартов и образовательных программ, и их последующее практическое внедрение и выход на «результат» потребуют наличие значительного временного лага, необходимого

для освоения заявленных навыков и компетенций. В этих условиях единственным выходом остается расширение практики целевой подготовки или переподготовки специалистов за счет средств потенциальных работодателей на базе финансируемых ими специальных и высших учебных заведений, напрямую «завязанных» на обеспечение производственного цикла необходимыми трудовыми ресурсами.

Заключение

Являясь одним из проводников идеи перехода к многополярному мироустройству, сегодня Россия испытывает на себе невиданное ранее в международной практике санкционное давление и, по сути, находится с коллективным Западом в состоянии межцивилизационной войны, ведущейся как на политическом, так и на экономическом фронтах. Причем уровень и формы поддержки националистического и неофашистского режима современной Украины странами антироссийской коалиции позволяют говорить о том, что они фактически стали стороной военного конфликта и принимают непосредственное участие в боевых действиях против нашей страны, внося реальный вклад в физическое уничтожение собственности, военнослужащих и мирных граждан России. При этом существующий у РФ военно-технический и мобилизационный потенциал, наличие ядерного и гиперзвукового оружия сдерживания позволяют надеяться на то, что наша страна сможет не допустить своего поражения на театре военных действий, и цели СВО в конечном итоге будут достигнуты. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что экономика 50 стран антироссийской коалиции многократно превышает российские возможности, и противостояние с ними в финансовой, технологической и экономической сферах будет для России достаточно болезненным, иметь долгосрочный характер и будет нацелено на полное истощение ресурсов и «обнуление» перспектив роста.

Может ли Россия победить на экономическом фронте этого противостояния? Если считать «победой» сохранение своего экономического, технологического и государственного суверенитета — то да! В условиях относительной ограниченности

внутреннего российского рынка национальная экономика, сохраняя свои рыночность и открытость, должна мобилизоваться, а ее субъекты и государство — сосредоточиться на создании собственной инновационной технологической базы и поддержании устойчивого внутреннего спроса за счет увеличения доходов населения, максимально эффективно используя для этого внутренний потенциал и существующие резервы роста. Причем новые цели развития должны определяться не на основе антисанкционной рефлексии, а формулироваться в рамках стратегии опережающего развития с опорой на 6-й технологический уклад, т. е. находиться в зоне «технологий будущего». При этом всегда ограниченные ресурсы должны быть направлены не на повторение существующих достижений экономически развитых стран, а на создание продуктов и технологий будущего, позволяющих России войти в число стран-лидеров, определяющих и создающих это будущее.

На наш взгляд, нельзя переоценивать значение существующих в российской обществе ожиданий на значительную поддержку со стороны наших союзников по СНГ и БРИКС, т. к. их отдельные шаги в направлении развития экономического взаимодействия с Россией в большей степени продиктованы собственными национальными интересами и прагматизмом, а их предел, как правило, не выходит за рамки границ, обозначенных коллективным Западом в антироссийских санкционных пакетах, а значит отказ ряда дружественных стран от использования банковских карт платежной системы «Мир» на своих территориях будет далеко не последним случаем проявления подобной «солидарности».

Для победы на экономическом фронте России необходимо прежде всего успешно и максимально скоро завершить спровоцированную Западом СВО, которая стала главным дестабилизирующим фактором и источником непредвиденных значительных социально-экономических издержек. России надлежит перестать действовать в рамках навязанных извне парадигм затяжного военного конфликта и перейти к реализации собственной повестки, основанной на реализации суверенных национальных интересов.

Список источников

1. Барнетт У., Самуэльсон П. А. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2021. 490 с.
2. Прокудина Е., Плешакова Е., Китаев А. Картина иностранного бизнеса в новых экономических условиях. Июнь 2022. М. : Фонд «Центр стратегических разработок», 2022. 13 с.

3. Шлычков В. В. Интенсификация санкционного давления коллективного Запада как основной фактор корректировки парадигм и трансформации стратегии развития российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 36–40.

References

1. Barnett W, Samuelson PA. What economists think about: Conversations with Nobel laureates. Moscow: Alpina Publisher; 2021. 490 p. (In Russ.).
2. Prokudina E, Pleshakova E, Kitaev A. The picture of foreign business in the new economic conditions. June 2022. Moscow: Foundation “Center for Strategic Research”; 2022. 13 p. (In Russ.).
3. Shlychikov VV. Intensification of sanctions pressure of the collective West as the main factor of paradigm adjustment and transformation of the development strategy of the Russian economy. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2022;(2):36-40. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Шлычков — доктор экономических наук, профессор, главный редактор.

Д. Р. Нестулаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента.

Д. А. Зарезнов — соискатель кафедры строительных материалов.

Information about the authors

V. V. Shlychikov — Doctor of Economics, Professor, Editor-in-Chief.

D. R. Nestulaeva — Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Management.

D. A. Zareznov — Candidate of the Department of Building Materials.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330.34; 332.05

О ВОСПРОИЗВОДСТВЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ: СЛОЖИВШИЕСЯ ТЕНДЕНЦИИ И ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-248X>

Аннотация. В статье поднята проблема дефицита воспроизводства научных кадров. Актуальность проблемы подтверждается наличием целого комплекса стратегических документов федерального уровня, нацеленных на создание крепкой научной базы страны. Автором выявлены следующие десятилетние тенденции: падение числа аспирантов (почти вдвое) и докторантов (в 4,5 раза); сокращение выпуска из аспирантуры (в 2,4 раза) и докторантуры (в 3,6 раз); катастрофическое уменьшение доли защитившихся аспирантов (с 28 до 10 %). Показано «старение» возрастного состава аспирантов и докторантов, хотя государство дает четкий ориентир на омоложение научных кадров. Приведен перечень диссертационных советов отрасли «экономические науки», включающий 73 совета. Показано неравномерное географическое распределение диссертационных советов — высокая концентрация характерна для Москвы. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении сосредоточения научных журналов. Показан рейтинг топ-20 научных журналов (по Science Index).

Ключевые слова: экономическая наука, аспирантура, докторантура, диссертационные советы, государственные стратегические ориентиры, научные кадры

Для цитирования: Бенц Д. С. О воспроизводстве научных кадров: сложившиеся тенденции и целевые ориентиры // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 250-259.

Review article

ON THE REPRODUCTION OF SCIENTIFIC PERSONNEL: THE DEVELOPED TRENDS AND TARGET REFERENCE POINTS

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-248X>

Abstract. In the article, the author raises the problem of the scientific personnel reproduction. Existence of the whole complex of the federal strategic documents aimed at creation of strong scientific base of the country confirms relevance of the problem. The author shows the following ten-year trends: a drop in the number of graduate students (almost twice) and doctoral students (4.5 times); reducing graduation from graduate school (2.4 times) and doctoral studies (3.6 times); catastrophic reduction in the proportion of protected graduate students (from 28 to 10 %). The author points to the “aging” of the age composition of graduate students and doctoral students — although the state gives a clear guideline on the rejuvenation of scientific personnel. The author gives a list of dissertation councils of the “economic sciences” industry, including 73 councils, as well as a rating of the top 20 scientific journals (according to the Science Index). The author shows the uneven geographical distribution of dissertation councils. High concentration is characteristic of Moscow. A similar situation is characteristic of scientific journals.

Keywords: economic science, postgraduate study, doctoral studies, dissertation councils, state strategic reference points, scientific personnel.

For citation: Benz DS. On the reproduction of scientific personnel: the developed trends and target reference points. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(3(473):250-259. (In Russ.).

Введение

Внимания сильной российской науке уделяется все больше и больше. На государственном уровне принят целый комплекс стратегически ориентированных документов. Это и «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», нацеленная на «создание эффективной системы организации исследований и разработок»¹, и Указ Президента РФ № 231 от 25 апреля 2022 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»², и Национальный проект «Наука и университеты»³, ключевой целью которого стало достижение национальной цели Российской Федерации по обеспечению присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, и государственная программа «Научно-технологическое развитие РФ»⁴ и другие нормативно-правовые акты федерального уровня.

Нарастающая изоляция российской науки от мирового сообщества — очередной большой вызов для развития науки и технологий. «Кадры и человеческий капитал... одно из приоритетных направлений реализации государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации», — так заявляет Стратегия научно-технологического развития РФ. «Развитие интеллектуального потенциала нации» — одна из трех целей, заявленных государственной программой «Научно-технологическое развитие РФ».

Научные кадры — это кадры, «взросшие» системой высшего и послевузовского образования. Если все вышеупомянутые стратегические документы во главу угла ставят научные кадры, то нужно понимать, что такой «фундамент» научно-технологического развития должен только крепнуть. Однако сегодня мы наблюдаем обратные тенденции. Число кадров высшей квалификации падает, численность аспирантов и докторантов стремительно сокращается, число диссертационных советов невелико. Пространственная разобщенность российской науки также становится вызовом.

Цель исследования — соотнести целевые ориентиры стратегических документов с фактически сложившимися тенденциями в российской науке.

¹ <https://docs.cntd.ru/document/420384257>

² <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771>

³ <https://xn--mlagf.xn--plai/analytics/natsionalnyy-proekt-nauka-i-universitety-dostignutye-rezultaty/>

⁴ <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/47>

Конкретные задачи: показать десятилетнюю динамику численности кадров высшей квалификации; проанализировать динамику выпуска аспирантов и докторантов; показать тенденции возрастного состава аспирантов и докторантов; показать динамику защит диссертаций; продемонстрировать пространственное распределение диссертационных советов; ознакомить читателей с перечнем топ-20 российских журналов.

Методы исследования применены следующие: сравнительный анализ, оценка динамических рядов, горизонтальный, вертикальный анализы, метод графической иллюстрации.

Исследование опирается на материалы, публикуемые Росстатом, Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования РФ, Научной электронной библиотекой eLibrary.ru.

Результаты исследования

Ориентируясь на поставленные задачи, покажем динамику численности аспирантов и докторантов за период с 2010 по 2021 годы (рис. 1, 2).

Численность аспирантов за 11 лет упала на 42,74 %, численность докторантов — на 78,9 %. Стоит отметить, что численность аспирантов и докторантов сама по себе — это лишь первичный ориентир. Более важным индикатором выступает выпуск аспирантов и докторантов, и что еще важнее — численность тех, кто защитил диссертации по итогам обучения (рис. 3–6).

Динамика неутешительная. Выпуск обучающихся из аспирантуры сократился на 57,57 % за 11 лет (рис. 3). Относительно докторантов значение упало и вовсе на 71,88 %. В абсолютном выражении число выпустившихся с защитой диссертации как из аспирантуры, так и из докторантуры сократилось. Доля же защитившихся — величина, показавшая несколько неоднозначный тренд в отношении докторантов (рис. 6), и вполне однозначный — снижающийся — в отношении аспирантов (рис. 4).

В качестве целевого показателя государственная программа «Научно-технологическое развитие РФ» называет долю исследователей в возрасте до 39 лет. По итогам 2023 года такое значение должно составить 46,5 %, по итогам 2024 — 47,5 %. Опять же, понимая, что молодые исследователи вырастают из аспирантов (мы здесь не говорим о том, что наукой занимаются школьники, студенты и магистранты — часто это лишь этап их жизни), с тем, чтобы оценить достижимость заявленных показателей, необходимо посмотреть на возрастной состав аспирантов (рис. 7).

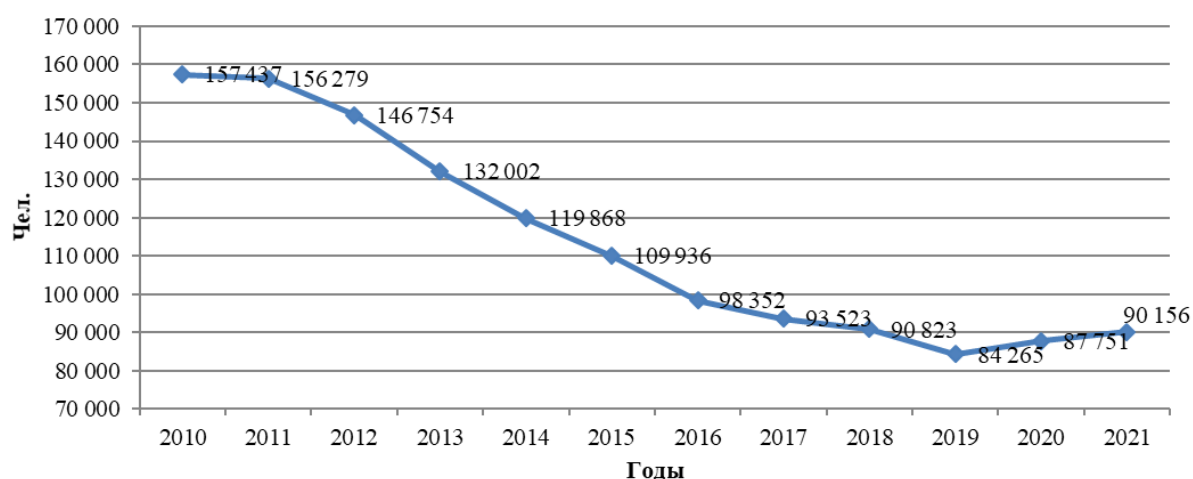

Рис. 1. Численность аспирантов

Источник: по данным Росстата

Fig. 1. Number of graduate students

Source: according to Rosstat

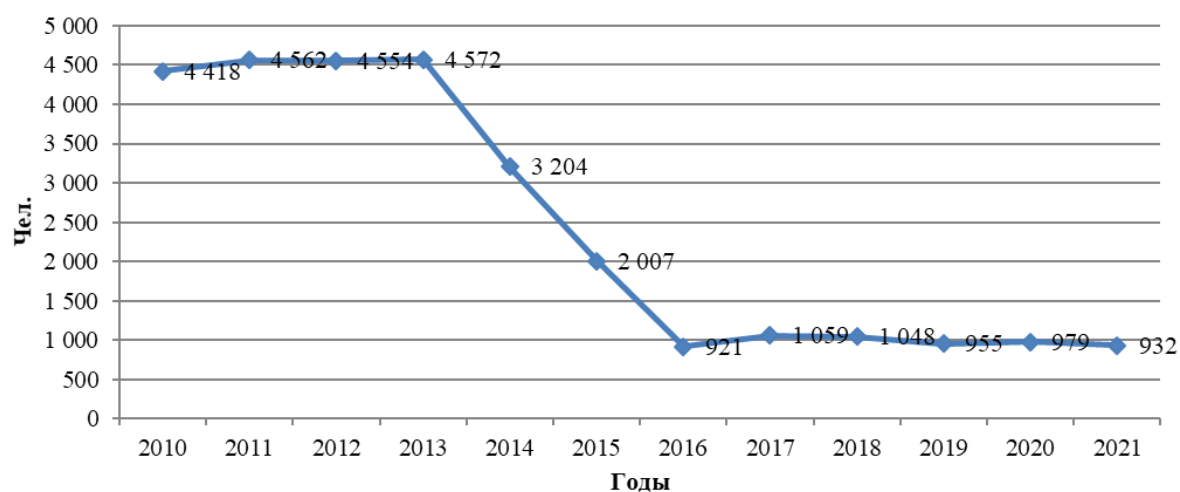

Рис. 2. Численность докторантов

Источник: по данным Росстата

Fig. 2. Number of doctoral students

Source: according to Rosstat

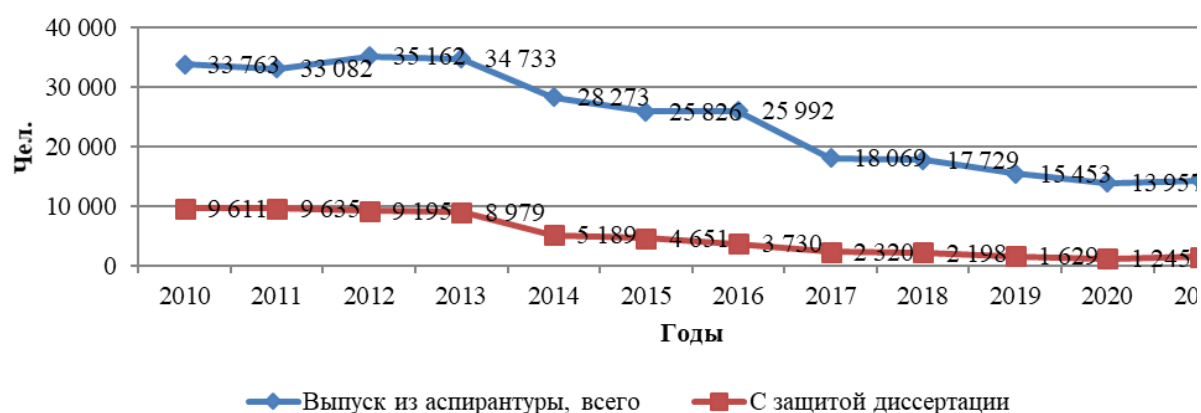

Рис. 3. Выпуск обучающихся из аспирантуры, в том числе с защитой диссертации

Источник: по данным Росстата

Fig. 3. Graduation of students from graduate school, including with the defense of a dissertation

Source: according to Rosstat

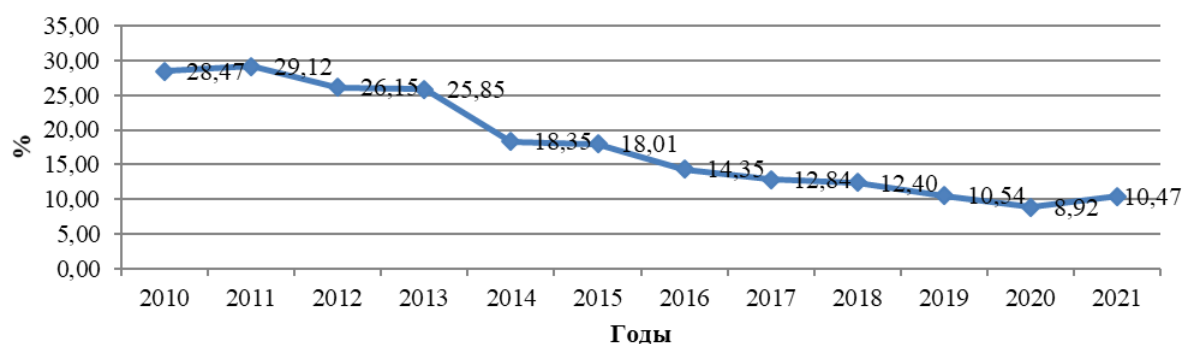

Рис. 4. Доля аспирантов, защитивших диссертацию
Источник: рассчитано автором по данным Росстата

Fig. 4. The share of PhD students who defended their thesis
Source: calculated by the author according to Rosstat

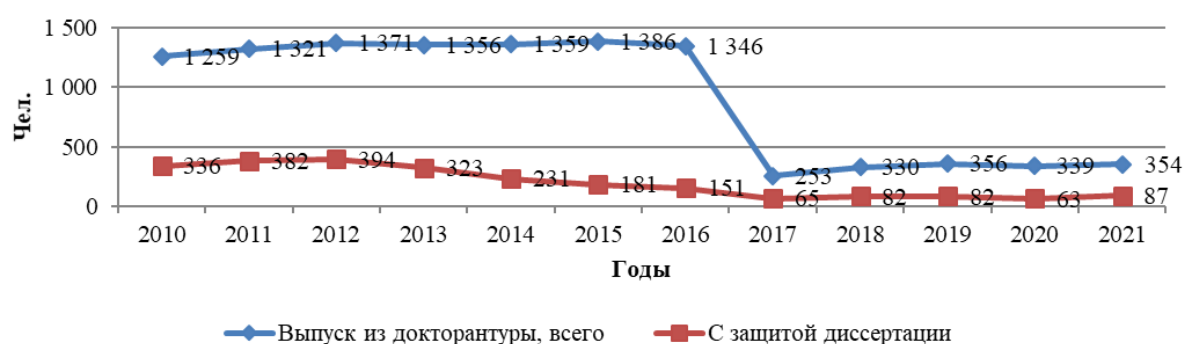

Рис. 5. Выпуск обучающихся из докторантуры, в том числе с защитой диссертации
Источник: по данным Росстата

Fig. 5. Graduation of students from doctoral studies, including with the defense of a dissertation
Source: according to Rosstat

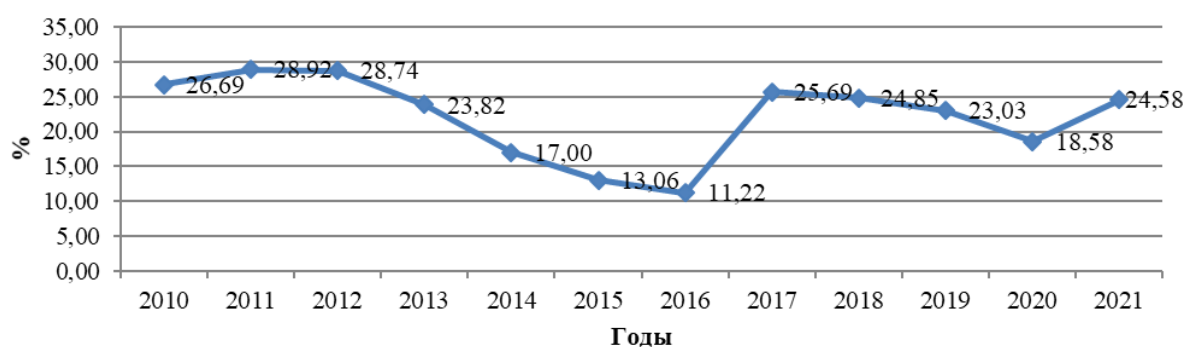

Рис. 6. Доля докторантов, защитивших диссертацию
Источник: рассчитано автором по данным Росстата

Fig. 6. The share of doctoral students who defended their thesis
Source: calculated by the author according to Rosstat

Доля самых молодых аспирантов (до 22 лет) существенно сократилась. Если в 2010 году это количество составляло 12,07 %, то на протяжении последних трех лет доля самых молодых не достигает и 1 %. Наоборот, доля аспирантов в возрасте 40 лет и старше за исследуемый период выросла — с 4,47 % в 2010 году до 9,18 % —

в 2021 году. Если рассчитать средневзвешенное значение возраста аспирантов с учетом удельных весов каждой категории, значения будут следующими: в 2010 году — это 26,16 лет, в 2021 году — 28,84 лет.

Несколько более существенно «постарела» докторантура (рис. 8).

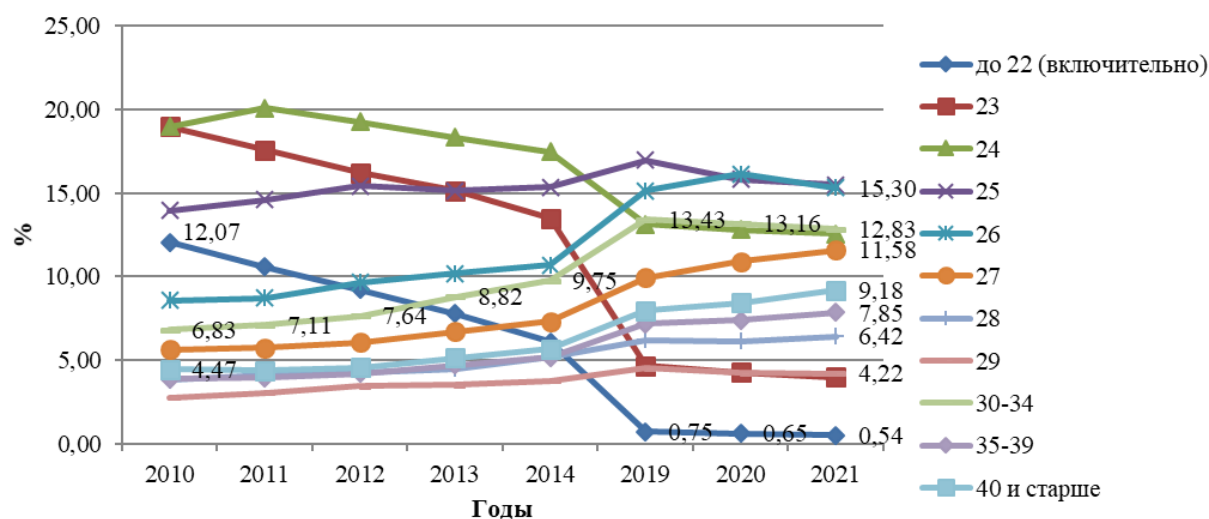

Рис. 7. Возрастной состав аспирантов
 Источник: рассчитано автором по данным Росстата

Fig. 7. Age composition of graduate students
 Source: calculated by the author according to Rosstat

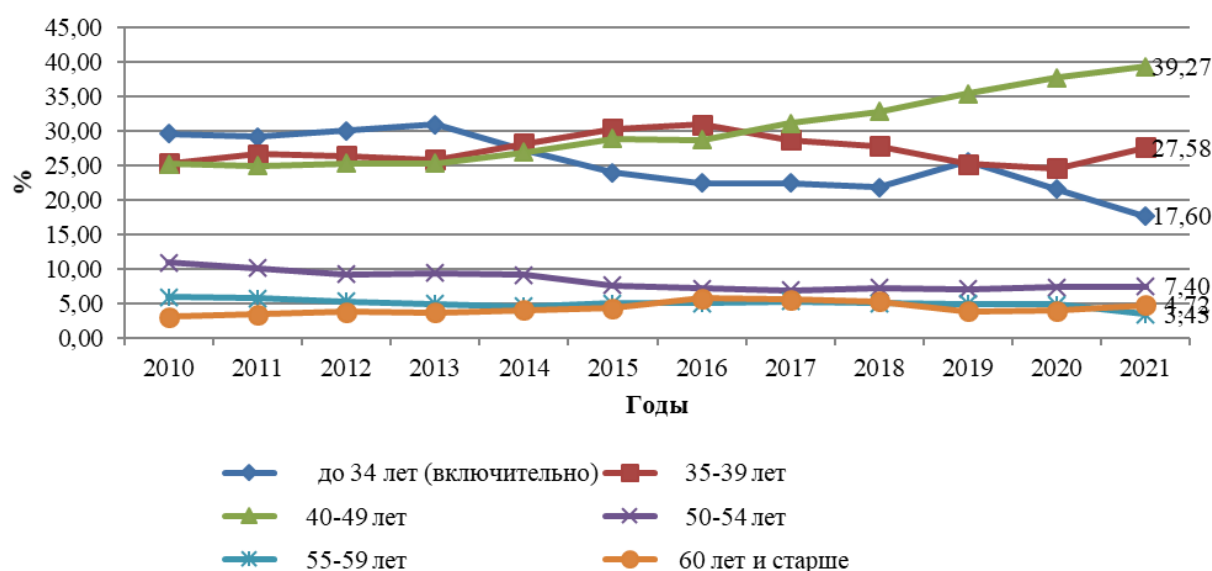

Рис. 8. Возрастной состав докторантов
 Источник: рассчитано автором по данным Росстата

Fig. 8. Age composition of doctoral students
 Source: calculated by the author according to Rosstat

Если разделить всю выборку на две категории — до 39 лет и старше — то доля первой подвыборки в 2010 году составляла 54,87 % против 45,17 % в 2021 году.

Доля же второй выборки — тех докторантов, чей возраст 40 лет и старше, — наоборот, вырос-

ла: с 45,13 % в 2010 году до 54,83 % в 2021 году. Защита кандидатских и докторских диссертаций, защищаемых по экономическим наукам, проходит в диссертационных советах, общее число которых на сегодня составляет 73 (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Число диссертационных советов в регионах России
The number of dissertation councils in the regions of Russia

№	Регион	Федеральный округ	Число диссертационных советов
1	Белгородская область	Центральный ФО	1
2	Владимирская область	Центральный ФО	1
3	Волгоградская область	Южный ФО	2
4	Вологодская область	Северо-Западный ФО	1
5	Воронежская область	Центральный ФО	1
6	Кемеровская область	Сибирский ФО	1
7	Краснодарский край	Южный ФО	1
8	Красноярский край	Сибирский ФО	3
9	Москва	Центральный ФО	32
10	Московская область	Центральный ФО	2
11	Мурманская область	Северо-Западный ФО	1
12	Нижегородская область	Приволжский ФО	1
13	Новосибирская область	Сибирский ФО	2
14	Оренбургская область	Приволжский ФО	1
15	Орловская область	Центральный ФО	2
16	Республика Крым	Южный ФО	3
17	Республика Северная Осетия — Алания	Северо-Кавказский ФО	1
18	Республика Татарстан	Приволжский ФО	1
19	Ростовская область	Южный ФО	1
20	Самарская область	Приволжский ФО	4
21	Санкт-Петербург	Северо-Западный ФО	2
22	Саратовская область	Приволжский ФО	1
23	Свердловская область	Уральский ФО	4
24	Ставропольский край	Северо-Кавказский ФО	1
25	Тамбовская область	Центральный ФО	1
26	Хабаровский край	Дальневосточный ФО	1
27	Челябинская область	Уральский ФО	2
28	Чеченская республика	Северо-Кавказский ФО	1

Источник: составлено автором по данным ВАК (на 20 марта 2023 г.)

Общее число диссертационных советов, приведенное в таблице 1, равно 75. Фактически же советов 73. В таблице показано распределение советов по регионам России — один и тот же совет, будучи объединенным, в таблице 1 учтен в Республике Крым, Ростовской и Самарской областях.

Почти 44 % всех диссертационных советов сосредоточены в Москве. На всю остальную Россию, включающую в себя 88 регионов, приходится лишь 41 диссертационный совет. На долю Центрального федерального округа приходится почти 55 % всех диссертационных советов.

Динамика числа защищенных диссертаций по данным официального сайта ВАК приведена на рисунке 9.

Несмотря на существенное падение числа защит, доля докторских диссертаций выросла.

Согласно Положению о присуждении ученых степеней, утвержденному постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842¹ «основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях».

По данным Научной электронной библиотеки eLibrary.ru в перечень ВАК входит 330 российских научных журналов по тематике «Экономика. Экономические науки». Возможности для апробации научных исследований есть, несмотря на усиливающуюся научную изоляцию и отстранение России от доступа к международным базам данных.

¹http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/3acc895434fd7ce6fd7d8f8a570ab064e960560/

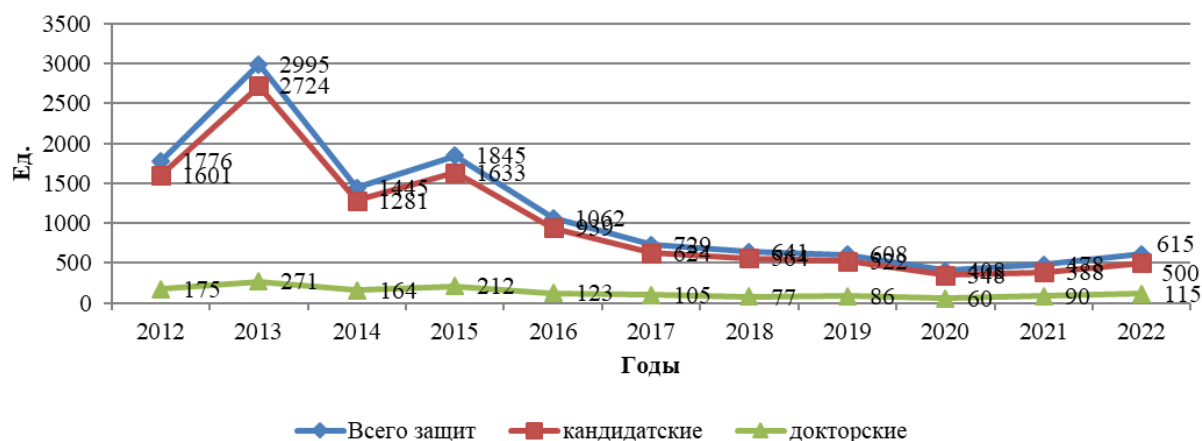

Рис. 9. Защиты диссертаций по экономическим наукам
Источник: по данным ВАК

Fig. 9. Defense of dissertations in economic sciences
Source: according to VAK

Рис. 10. Доля докторских диссертаций из общего числа защищенных диссертаций
Источник: рассчитано автором по данным ВАК

Fig. 10. Share of doctoral dissertations out of the total number of defended dissertations
Source: calculated by the author according to VAK data

В таблице 2 приведен перечень журналов, входящих в двадцатку лучших по рейтингу Science Index.

Заключение

Государственные стратегически ориентированные документы, в частности госпрограмма «Научно-технологическое развитие РФ», ставят цель к 2024 году достичь восьмого места по показателю «место Российской Федерации по объему научных исследований». Для этого необходима сильная научная база, и конечно, в первую очередь, научные кадры.

В рукописи поднята проблема ослабления человеческого капитала в части кадров высшей квали-

фикации. За десятилетний период (2010–2019 гг.) численность аспирантов упала в 1,87 раза, и тенденция наметилась строго снижающаяся. За последние два года (2020–2021 гг.) тренд изменил свое направление: численность обучающихся в аспирантуре несколько подросла (на 6,9 %). Но пока рано говорить об устойчивом росте.

Эффективность института аспирантуры сегодня многие исследователи ставят под сомнение [1–5]. Аспирантура претерпела существенные институциональные изменения. Перенос аспирантуры из категории «послевузовская подготовка» в категорию «третья ступень образования» не дал ощутимых результатов. Мы это и видим в ниспадающих трендах, приведенных на рисунках 1, 3, 4.

Таблица 2
Table 2Топ-20 российских экономических журналов согласно рейтингу Science Index
Top 20 Russian economic journals according to Science Index

№	Название журнала	Рейтинг Science Index		Рейтинг по результатам общественной экспертизы		Число цитирований за год, 2021	Город	Периодичность издания (число изданий в год)	Индексируемые базы
		Балл	Место в рейтинге, 2021*	Балл	Место в рейтинге, 2021				
1	Вопросы экономики	13,429	1	3,595	1	3206	Москва	12	WOS, Scopus, RSCI, BAK
2	Проблемы прогнозирования	10,533	2	3,542	2	1442	Москва	6	RSCI, BAK
3	Экономика региона	9,957	3	3,334	4	2189	Екатеринбург	4	WOS, Scopus, BAK
4	Мировая экономика и международные отношения	9,447	4	3,541	3	1643	Москва	12	WOS, Scopus, RSCI, BAK
5	Russian Journal of Economics	9,320	5	нет оценки		233	Москва	4	Scopus, RSCI, BAK
6	Форсайт	9,314	6	3,155	16	742	Москва	4	WOS, Scopus, RSCI, BAK
7	ЭКО	9,289	7	3,127	20	976	Новосибирск	12	RSCI, BAK
8	Журнал Новой экономической ассоциации	9,240	8	3,257	6	669	Москва	4	WOS, Scopus, RSCI, BAK
9	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	8,299	9	2,836	47	1148	Вологда	6	WOS (перев.), BAK
10	Terra Economicus	8,262	10	2,896	40	976	Ростов-на-Дону	4	WOS, Scopus, BAK
11	Пространственная экономика	8,153	11	3,038	27	634	Хабаровск	4	Scopus, RSCI, BAK
12	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	8,080	12	2,765	57	596	Москва	4	WOS, Scopus, RSCI, BAK
13	Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право	8,038	13	2,125	229	620	Москва	6	RSCI, BAK
14	Экономическая политика	8,037	14	2,771	55	597	Москва	6	WOS, Scopus, RSCI, BAK
15	Journal of Institutional Studies	7,979	15	2,661	68	510	Ростов-на-Дону	4	WOS, RSCI, BAK
16	Российский экономический журнал	7,863	16	2,962	34	399	Москва	6	RSCI, BAK
17	Экономический журнал Высшей школы экономики	7,851	17	3,177	13	477	Москва	4	Scopus, RSCI, BAK
18	Регион: Экономика и Социология	7,567	18	3,135	19	471	Новосибирск	4	Scopus (част.), RSCI, BAK
19	Проблемы управления	7,554	19	2,410	131	373	Москва	6	RSCI, BAK
20	Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий	7,522	20	3,148	18	1228	Москва	12	BAK

Источник: составлено автором по данным Научной электронной библиотеки eLibrary.ru.

Ученые констатируют снижение темпов подготовки диссертаций. Доминирующее большинство диссертаций (порядка 80 %) защищается в период после окончания аспирантуры [1; 2]. Получив очередной диплом о высшем образовании, выпускник аспирантуры демотивирован к последующей защите кандидатской диссертации. Учитывая достаточно жесткие требования федеральных стандартов, применяемые к реализации образовательных программ (бакалавриата, специалитета), спрос высших учебных заведений на кадры без ученой степени крайне невелик. Именно поэтому, одним из целевых ориентиров государство ставит достижение показателя «доля аспирантов и соискателей, защитивших кандидатские диссертации и оставшихся в секторе науки и высшего образования». По итогам 2023 года такое значение должно составить 79,0 %, по итогам 2024 года — 80,0 %. И тут важно понимать, что достижение даже 100 %-го значения указанного показателя не решит проблему дефицита научных кадров. Важно наращивать процент защитивших диссертацию. По состоянию на конец 2021 года доля защитивших диссертацию аспирантов составила всего лишь 10,47 % (рис. 4). Сложившаяся тенденция привела к проблеме необеспеченности академического сектора собственным воспроизводством кадров высшей научной квалификации [3]. Непонимание места аспирантуры в системе высшего образования усилилось и наличием противоречий в нормативно-правовой базе [4].

Ужесточения в отношении диссертационных советов привели к резкому спаду защит. Ученые отмечают, что особенно резкое сокращение защит произошло в 2017 году, когда новая «дорожная карта» усилила требования как ко вновь

открывающимся диссертационным советам, так и к членам действующих диссертационных советов [5]. Мы как раз видим, что численность докторантов, защитивших докторские диссертации, начиная с 2017 года, существенно сократилась, а значит, и воспроизводство диссертационных советов поставлено под угрозу. По данным Росстата, если в 2010 году численность докторантов, защитивших диссертацию по окончании докторантуры, составляла 336 человек, то в 2017 году число защитившихся составило 65 (рис. 5). Если же говорить не о докторантуре, а в целом о численности защит докторских диссертаций, то тренды те же (рис. 9). Да и число диссертационных советов сократилось в разы. Если в 2010 году по всем отраслям наук таковых действовало 3066¹, то на сегодня это значение составляет 1348². Лишь чуть более 5 % всех диссертационных советов приходится на долю экономических наук.

Достижимость 80 %-го значения показателя «доля исследователей в возрасте до 39 лет» тоже сомнительна. Средний возраст как аспирантов, так и докторантов имеет тенденцию к росту, причем долгосрочную тенденцию (рис. 7, 8).

Тенденции, продемонстрированные в данной статье, лишний раз показывают правильный вектор развития государственных программ (проектов, стратегий и иных документов). Пришло время уделить должное внимание науке.

¹ По данным Википедии: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82

² По данным ВАК: https://vak.minobrnauki.gov.ru/dc#tab=_tab:dc~

Список источников

1. Бедный Б. И., Воронин Г. Л., Миронос А. А., Рыбаков Н. В. Барьеры на пути к ученой степени: проблемы постаспирантского периода // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 1. С. 35–48.
2. Бедный Б. И., Рыбаков Н. В., Жучкова С. В. О влиянии институциональных трансформаций на результативность российской аспирантуры // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 11. С. 9–29.
3. Бережная Ю. Н., Гуртов В. А., Дмитриев Г. И. Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей научной квалификации: состояние и проблемы // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 114–118.
4. Бодров А. В. Диплом об окончании аспирантуры est диссертация? // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 7. С. 79–85.
5. Сторожук А. Ю. Последствия реформы ВАК: разрушение системы воспроизводства научных кадров // Идеи и Идеалы. 2019. Т. 11, № 4, ч. 1. С. 178–193.

References

1. Bednyi BI, Voronin GL, Mironos AA, Rybakov NV. Barriers to Doctoral Degree Attainment: Problems of the Period after Postgraduate Studies. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2021;25(1):35-48. (In Russ.).
2. Bednyi BI, Rybakov NV, Zhuchkova SV. The Effects of Institutional Transformations on the Russian Doctoral Education Performance. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(11):9-29. (In Russ.).
3. Berezhnaya YuN, Gurtov VA, Dmitriev GI. Training of scientific and scientific and pedagogical personnel of the highest scientific qualifications: state and problems. *Planirovanie i obespechenie podgotovki kadrov dlya promyshlenno-ekonomicheskogo kompleksa regiona = Planning and provision of training for the industrial and economic complex of the region*. 2019;1:114-118. (In Russ.).
4. Bodrov AV. Diploma of Postgraduate Education Est Dissertation? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2018;27(7):79-85. (In Russ.).
5. Storozhuk A. The Consequences of the HAC Reform: Destruction of the System of Reproduction of Scientific Personnel. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2019;11(4):178-193. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023;
одобрена после рецензирования 24.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved
after reviewing 24.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 332.1

ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алексей Юрьевич Даванков¹, Дмитрий Юрьевич Двинин²✉,
Галина Андреевна Косарева³

^{1,2,3} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ iserp@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0209-5301>

² dvinin1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9451-4445>

³ Kosarevaga.74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0837-5806>

Аннотация. Объект исследования — пространственная хозяйственная деятельность на территориях различного иерархического уровня, которая создает определенную локальную пространственную среду. Показана политэкономическая сущность системного подхода к гармоничному, сбалансированному развитию территориальной хозяйственной деятельности как триединства экономики, экологии и социальной сферы, также раскрыты причины дисбаланса хозяйственной деятельности. Приведен ответ на вопрос: чем был вызван выбор именно такого направления изучения и исследования пространственной хозяйственной деятельности. Определены показатели, которые позволят определять уровень необходимого баланса между основными видами пространственной хозяйственной деятельности. На примере Челябинской области выявлена величина отношения между энергией, потребляемой хозяйственной деятельностью, и энергией ассимиляционного потенциала экосистем, а также между объемами поглощения углекислого газа природными экосистемами и эмиссией антропогенно измененными территориями. Установлены необходимые объемы возобновляемой энергии и площади территорий с особым режимом природопользования, необходимые для устранения дисбалансов в социо-эколого-экономической системе региона.

Ключевые слова: гармоничное развитие, пространственная хозяйственная деятельность, социо-эколого-экономические процессы

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00287, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

Для цитирования: Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Косарева Г. А. Гармоничное развитие пространственной хозяйственной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 260–266.

Review article

HARMONIOUS DEVELOPMENT OF SPATIAL ECONOMIC ACTIVITY

Alexey Yu. Davankov¹, Dmitry Yu. Dvinin²✉, Galina A. Kosareva³

^{1,2,3} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ iserp@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0209-5301>

² dvinin1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9451-4445>

³ Kosarevaga.74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0837-5806>

Abstract. The object of research is spatial economic activity in territories of different hierarchical levels, which creates a certain local spatial environment. The political and economic essence of a systematic approach to the harmonious, balanced development of territorial economic activity as a trinity of economy, ecology and the social sphere is shown, and the reasons for the imbalance of economic activity are also disclosed. The answer to the question is given: what caused the choice of just such a direction of study and study of spatial economic activity. Indicators have been determined that will allow determining the level of the necessary balance between the main types of spatial economic activity. On the example of the Chelyabinsk region, the value of the ratio between the energy consumed by economic activity and the energy of the assimilation potential of ecosystems, as well as between the volumes of

carbon dioxide absorption by natural ecosystems and the emission of anthropogenically modified territories, was revealed. The necessary volumes of renewable energy and areas of territories with a special nature management regime necessary to eliminate imbalances in the socio-ecological and economic system of the region have been established.

Keywords: harmonious development, spatial economic activity, socio-ecological and economic processes

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00287, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

For citation: Davankov AYu, Dvinin DYu, Kosareva GA. Harmonious development of spatial economic activity. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):260-266. (In Russ.).

Введение

В настоящее время для эффективного управления качеством жизни населения территориальными органами власти на вверенной им территории необходимы новые знания инструментов ведения гармоничной пространственной социо-эколого-экономической деятельности. Важнейшим инструментарием, позволяющим осуществлять комплексное исследование территорий, являются методические подходы по оценке существующего уровня региональной хозяйственной деятельности. Для этого необходимо использовать данные, позволяющие выявить основные характеристики развития региона по различным видам хозяйственной деятельности. Оценить их предполагаемые достоинства и недостатки, вероятность их влияния на состояние социо-эколого-экономической сбалансированности существующих процессов. В дальнейшем это позволит спрогнозировать возможность перехода к сбалансированному развитию, сформировать программу действий по направлению достижения лучших результатов. Указанная ситуация обуславливает необходимость поиска наиболее эффективной совокупности показателей, которые позволят адекватно и с достаточной достоверностью определять уровень необходимого баланса между основными видами пространственной хозяйственной деятельности: экологии, экономики и социальной сферы в интересах развития территориального хозяйства.

Поддерживая мнение Л. В. Смирнягина [1] считаем, что ориентация на производство общественных благ, а не исключительно на одну прибыль, позволяет перейти к формированию гармоничного уровня хозяйственной деятельности в исследуемом регионе. Отсюда предметом исследования являются отношения, возникающие в результате управления пространственной хозяйственной деятельностью, направленной на повышение благосостояния населения путем сбалансированного предоставления благ по видам социо-эколого-экономической деятельности,

в соответствии с реальными особенностями территориальных элементов локального пространства. Остановимся на видах пространства и выделим три его вида, где осуществляется экономическая, социальная, а также и экологическая деятельность.

Экономическое пространство непосредственно связано с промышленной деятельностью, ориентированной на производство материальных продуктов, где присутствуют собственные территориальные взаимосвязи. Оно будет определяться совокупностью факторов, формирующих в территориальном сочетании различные условия, позволяющие развиваться производственным структурам, а также иным сферам труда, генерирующим удовлетворение материальных потребностей.

Социальное пространство обладает главной, доминирующей функцией по социальному обустройству проживающего в регионе населения, что подразумевает одновременное удовлетворение как индивидуальных потребностей, так и общественных.

Экологическое пространство представляет особое сочетание природных комплексов территории.

Чтобы оценить тенденцию развития пространственной хозяйственной деятельности, требуется выявить существующие уровни соотношения между указанными выше видами пространства. Они будут характеризоваться следующими параметрами: структурой экономики региона, социальной деятельностью и экологическими особенностями исследуемой территории.

Экономическая деятельность при этом рассматривается в контексте сложившейся производственной структуры региона, с присутствующими территориальными пропорциями, что в итоге и формирует пространственное строение в широком значении. Таким образом, структура представляет собой совокупность особым образом расположенных и сочлененных элементов производственного и сельскохозяйственного

пространства. Они находятся в довольно сложном взаимодействии, что в итоге и определяет сущность процесса развития пространственной деятельности региона. Именно состав их элементов, а также присутствующие уникальные пропорции, будут формировать хозяйственную привлекательность территории.

Социальные процессы будут определяться личной структурой существующих потребностей населения. Они обусловлены социальной и биологической человеческой природой и выражаются через деятельность образовательных, общественных, культурных, торговых и иных учреждений региона [2].

Экологические свойства территории определяются следующими экосистемными характеристиками: 1) способностью к утилизации загрязняющих веществ, т. е. экологической или ассимиляционной способностью природных комплексов; 2) геохимической активностью, обуславливающей возможность территориального перемещения вредных веществ; 3) репродуктивной способностью, возможностью генерации кислорода и воды благодаря природным круговоротам и биохимической активности. Благодаря указанным выше характеристикам экосистемы демонстрируют устойчивость (либо неустойчивость) к существующим антропогенным нагрузкам. В нормативной сфере считается, что региональные экосистемы способны ассимилировать загрязняющие вещества без значительных последствий, при условии, когда их объем не выше ПДУ (предельно допустимого уровня). Поэтому именно на его основе должны устанавливаться конкретные нормы для промышленности — предельно допустимые выбросы (ПДВ) [3]. Что это означает? В законе «Об охране окружающей природной среды» от 1991 года¹ плата за загрязнение имела две формы. Предусматривалась плата за величину выбросов и сбросов в пределах установленных нормативов, и устанавливалась плата за сверхлимитные выбросы и сбросы. Начисленная плата в пределах установленных нормативов должна была относиться предприятиями на собственные издержки, т. е. на себестоимость производимой продукции. Концептуально понималось, что указанное негативное воздействие на окружающую среду на данном научно-технологическом уровне развития фактически неустранимо. Поэтому за него необходимо расплачиваться всему обществу, желающему сохранить необходи-

мый уровень потребления. При этом платежи за сверхнормативные выбросы и сбросы относились на счет прибыли предприятия, и их величина возрастала в 5 и 25 раз от уровня установленных нормативов. Предприятия-природопользователи стремились не афишировать собственные сверхнормативные выбросы и сбросы, чтобы сохранить прибыль. В 2002 году вышел новый закон «Об охране окружающей среды», уже не содержащий «природной» части². В дальнейшем предприятия-природопользователи уменьшили собственную экономическую ответственность за загрязнение окружающей среды, что позволило им статистически отчитаться об улучшении существующих экологических показателей. В Челябинской области предприятий, превышающих ПДВ, практически не осталось. Все работают в норме!

Использованные в исследовании подходы

Переходим к оценочным показателям сбалансированного развития. Одним из путей достижения сбалансированного развития территорий разного уровня является такая организация хозяйственной деятельности в регионе, когда энергетические затраты на ее осуществление не превышают величину материально-энергетических потоков природной среды территории. Необходимые природные условия, обеспечивающие возможность для жизнедеятельности населения и ведения хозяйства, формируются благодаря естественным экосистемам. Способность этих территориальных экосистем генерировать необходимую величину кислорода, а также поглощать углекислый газ, обеспечивать нейтрализацию иных негативных последствий антропогенной деятельности, является ассимиляционным потенциалом региона. Его величина зависит от следующих природных характеристик территории: площади хвойных, лиственных лесов, сельскохозяйственных угодий, иной нелесной площади, от акваторий водных объектов. Индикатором сбалансированности пространственной является показатель баланса между энергией, потребляемой хозяйственной деятельностью, и энергией ассимиляционного потенциала рассматриваемой территории [4].

При данном подходе особое значение приобретают объемы промышленного производства и потребления энергии на исследуемой территории [5]. Следует особо отметить и в дальнейшем

¹ Об охране окружающей природной среды : Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1.

² Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ.

необходимо учитывать, что традиционный энергетический сектор работает на ископаемом топливе, это и создает значительные дисбалансы материально-энергетических потоков. При этом возобновляемая (альтернативная) энергетика существенно на них не влияет, а значит и не оказывает значимого влияния на существующие природные процессы. Указанная ее особенность позволяет эффективно снижать возникшие дисбалансы на территориях, при условии развития и внедрения в хозяйственную практику [6]. При этом следует отметить, что техногенная деятельность, даже исключительно основанная на возобновляемых источниках энергии, способна уничтожать естественные экосистемы, что в итоге неизбежно будет вести к нарушению углеродного баланса [7]. Поэтому дополнительно необходимо учитывать способность региональных экосистем поддерживать углеродный баланс, что осуществляется через ассимиляцию углекислого газа территориальными экосистемами. Следовательно, при оценке баланса между видами пространственной хозяйственной деятельности необходимо использовать показатели, характеризующие ключевые вещественно-энергетические потоки между экономикой и природой. К таким показателям относятся:

1) отношение между энергией, потребляемой хозяйственной деятельностью, и энергией ассимиляционного потенциала территории. При этом необходимо дополнительно учитывать характер используемой энергии, сводится она к использованию ископаемых видов топлива или является возобновляемой;

2) соотношение между объемами поглощения углекислого газа природными экосистемами и его эмиссией антропогенно измененными территориями. Это позволяет оценивать сбалансированность одного из важнейших природных циклов — углеродного, нарушение которого ведет к комплексному воздействию на социо-эколого-экономическую среду посредством климатических изменений.

Анализ результатов исследования

Расчеты, выполненные на примере Челябинской области, позволили установить величину отношения между энергией, потребляемой хозяйственной деятельностью, и энергией ассимиляционного потенциала экосистем Челябинской области. Мощность всей энергосистемы региона, составляет 14,17 ГВт, при этом экологическая емкость экосистем имеет величину всего лишь

в 0,94 ГВт [8]. Таким образом, в Челябинской области индикатор социо-эколого-экономической сбалансированности равен 15,07, что больше среднемировой величины (10,0) и свидетельствует об очень высоком уровне несбалансированности региона. Итоговый полученный результат в первую очередь зависит от существующих эколого-экономических особенностей исследуемого региона: уровень развития энергоемких и природоемких отраслей экономики, состояние естественных экосистем и антропогенно измененных ландшафтов. В настоящее время в Челябинской области доля земель, занятая сельскохозяйственными угодьями, — 59 %. При этом площадь территорий, занятая лесными ландшафтами, относительно невелика — 33 %. Указанная ситуация значительно влияет на общую величину ассимиляционного потенциала. Для Челябинской области были проведены расчеты, которые позволили выявить долю возобновляемой энергетики в общем энергобалансе региона, при достижении которой индикатор сбалансированности будет равен единице, — величина составила 93 %.

Очевидно, что указанная ситуация окажет влияние и на возможность достижения регионального углеродного баланса. Достижение социо-эколого-экономической сбалансированности в показателях энергетической мощности техносферы и экосистем, использование в хозяйственной деятельности исключительно возобновляемых источников энергии, автоматически не означает достижения баланса между антропогенной эмиссией углерода и его поглощением региональными экосистемами. В настоящее время антропогенно измененные экосистемы преобладают в структуре Челябинской области и не только не поглощают эмитированные энергетикой парниковые газы, а сами являются серьезным источником их эмиссии. Совокупный выброс парниковых газов для Челябинской области можно оценить в величину 122,39 млн тонн, из которых только 77,35 млн тонн приходится на сжигание ископаемого топлива в результате хозяйственной деятельности, а 45,04 млн тонн связано с антропогенно измененными экосистемами. Достижение углеродной сбалансированности возможно лишь при увеличении площади естественных экосистем способных эффективно поглощать эмитированные парниковые газы. В условиях Челябинской области это могут быть не только лесные экосистемы, а естественные степи. Результаты расчетов показывают, что для достижения полной углеродной сбалансированности, и при условии, что доля

возобновляемой энергии достигнет 93 %, природные степи в Челябинской области должны занимать площадь, равную 42 452 км² [8]. В этом случае общее поглощение парниковых газов природными экосистемами составит 18,73 млн тонн в СО₂-экв., что будет в полной мере соответствовать оставшейся эмиссии от хозяйственной деятельности и экосистем антропогенно нарушенных территорий.

Выводы и обсуждение

Региональное хозяйство в процессе исследования было рассмотрено как сложная динамическая система. В данной системе социальные процессы, пространственная структура экономики, экологические свойства территории постоянно находятся во взаимодействии друг с другом, формируя некоторую особую социо-эколого-экономическую среду. Установлены показатели, определяющие основные материально-энергетические потоки, существующие между природой и экономикой. Основой для оценки указанной среды является интегративное исследование пространственных элементов региона: экологических свойств территории, структуры экономического пространства и социальных процессов. Это в итоге позволяет сформулировать новые результаты, возникающие вследствие их взаимодействия, что невозможно сделать при ином исследовании территории [9].

Итак, чем был вызван у нас именно такой подход к изучению пространственной хозяйственно деятельности?

В настоящее время хозяйственная деятельность оказывает огромное влияние на существующие природные процессы. Дальнейший безудержный рост экономики может угрожать развитию цивилизации, отсюда возникает одна из основных современных проблем — обеспечение безопасности жизнедеятельности человечества.

На уровне регионов основное противоречие заключается зачастую в неправильном выборе векторов дальнейшего социо-эколого-экономического развития. К примеру, в эпоху существования СССР основное внимание уделялось исключительно на развитие промышленного производства, без какого-либо учета ограничивающих экологических факторов и при наличии относительно небольшого социального неравенства. В 90-е годы XX века величины промышленного производства значительно сократились, что привело к некоторому улучшению экологической си-

туации, однако при росте социального неравенства. Особое внимание стало уделяться финансовому сектору экономики. Финансовые показатели существенно выросли, однако они не сильно повлияли на изменение уровня социального развития, дальнейшего улучшения экологической безопасности.

В итоге именно неправильно расставленные приоритеты экономического развития привели к увеличению дисбалансов между элементами триады «экономика — природа — общество».

В конце прошлого века и начале этого, одному из авторов пришлось три раза участвовать в качестве руководителя общественной экспертной комиссии по утверждению пятилетних программ экологической безопасности Челябинской области. При этом ни разу не подписал общее экспертное заключение. Программы включали перечень и экологическое обоснование необходимых мероприятий. На вопрос к разработчикам программ, где взять средства на их выполнение, был ответ: мы, экологи, знаем, что надо сделать, а экономисты пусть ищут деньги. Следовательно, экологические программы были сводом невыполнимых благих пожеланий. Тем не менее эти программы утверждались ради утверждения.

Анализ сегодняшних программ территориального развития позволяет сделать вывод, что их основа уже не соответствуют новым требованиям. Их совершенствование должно ориентироваться на междисциплинарную методологию, интеграцию экономики, экологии и социальной сферы. Использование предложенного интегративного подхода — одно из основных направлений, позволяющих улучшить исследование, а в дальнейшем — и регулирование региональных процессов.

Таким образом, гармоничное функционирование регионов в значительной степени определяется исследованием основных дисбалансов, возникающих между существующими видами территориальной хозяйственной деятельности: экономической, экологической, социальной. Основной ее целью должно стать обеспечение максимально возможных экономических, природных и социальных благ. Сформировать условия функционирования без дисбалансов между ними [10]. Это даст возможность гармоничного решения возникающих вопросов по снижению уровня региональных социо-эколого-экономических проблем.

Список источников

1. Смирнягин Л. В. Местное самоуправление и муниципальное экономическое развитие в контексте концепции экономики общественного сектора // Лекции по экономике города и муниципальному управлению. М. : Фонд «Институт экономики города», 2004. С. 13–37.
2. Козлов В. Н. Управление социальными процессами в условиях радиоактивного загрязнения. Челябинск : Челябинский государственный университет, 1998. 147 с.
3. Гофман К. Г. Природопользование и макроэкономические показатели развития народного хозяйства // Экономические проблемы природопользования : монография ; под ред. К. Г. Гофмана, Г. А. Моткина. М. : Наука, 1985. С. 3–9.
4. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Постников Е. А. Методический инструментарий оценки социо-эколого-экономической среды региона в границах устойчивости биосферы // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 4. С. 1029–1039.
5. Татаркин А. И., Гершанок А. Г. Методология оценки устойчивого развития локальных территорий на основе измерения их социально-экономической и экологической емкости // Вестник НГУ: серия социально-экономические науки. 2006. Т. 6, № 1. С. 40–48.
6. Keiko H., Takanori M., Takashi H., Ken-ichi F., Takashi M. Development and application of the renewable energy regional optimization utility tool for environmental sustainability // Renewable Energy. 2016. Vol. 93. Pp. 548–561.
7. Sarfraz M., Ivascu L., Cioca L.-I. (2022). Environmental Regulations and CO₂ Mitigation for Sustainability: Panel Data Analysis (PMG, CCEMG) for BRICS Nations // Sustainability. 2022. Vol. 14. P. 72.
8. Dvinin D. Y., Davankov A. Y., Plaksina A. L. Methodological toolkit for assessing the impact of renewable energy on the balanced development and preservation of the regional carbon cycle // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2022. Vol. 1070. P. 012010.
9. Даванков А. Ю., Пестунов М. А., Седов В. В. и др. Челябинская область: региональные исследования : колл. монография. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2010. 534 с.
10. Даванков А. Ю. Общенаучные проблемы территориальных исследований / Теоретико-методологические подходы к исследованию малых городов. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2006. 280 с.

References

1. Smirnyagin LV. Local self-government and municipal economic development in the context of the concept of public sector economics. In: Lekcii po ekonomike goroda i municipalnomu upravleniyu = Lectures on city economics and municipal management. Moscow; 2004. Pp. 13–37. (In Russ.).
2. Kozlov VN. Upravleniye sotsial'nymi protsessami v usloviyakh radioaktivnogo zagryazneniya = Management of social processes in conditions of radioactive contamination. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 1998. 147 p. (In Russ.).
3. Hoffman KG. Nature management and macroeconomic indicators of the development of the national economy. In: Ekonomicheskiye problemy prirodopol'zovaniya = Economic problems of nature management. Moscow, Nauka; 1985: 3-9. (In Russ.).
4. Davankov AYu, Dvinin DYu, Postnikov EA. Methodological tools for assessing the socio-ecological and economic environment of the region within the boundaries of biosphere sustainability. *Ekonomika regiona* = *Economy of Region*. 2016;(4):1029-1039. (In Russ.).
5. Tatarkin AI, Gershanok AG. Methodology for assessing the sustainable development of local territories based on measuring their socio-economic and environmental capacity. *Vestnik NGU: seriya socialno-ekonomicheskie nauki* = *Bulletin of NSU: a series of socio-economic sciences*. 2006;(1):40-48. (In Russ.).
6. Keiko H, Takanori M, Takashi H, Ken-ichi F, Takashi M. Development and application of the renewable energy regional optimization utility tool for environmental sustainability. *Renewable Energy*. 2016;(93):548-561.
7. Sarfraz M, Ivascu L, Cioca L.-I. Environmental Regulations and CO₂ Mitigation for Sustainability: Panel Data Analysis (PMG, CCEMG) for BRICS Nations. *Sustainability*. 2022;(14):72.
8. Dvinin DY, Davankov AY, Plaksina AL. Methodological toolkit for assessing the impact of renewable energy on the balanced development and preservation of the regional carbon cycle. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2022;(1070):012010.

9. Davankov AYu, Pestunov MA, Sedov VV et al. Chelyabinskaya oblast': regional'nyye issledovaniya = Chelyabinsk region: regional studies. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University; 2010. 534 p. (In Russ.).
10. Davankov AYu. General scientific problems of territorial research. Theoretical and methodological approaches to the study of small towns. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2006. 280 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Даванков — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и регионального развития.

Д. Ю. Двинин — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии; старший научный сотрудник.

Г. А. Косарева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и регионального развития.

Information about the authors

A. Y. Davankov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and regional development.

D. Yu. Dvinin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Geocology and Environmental Management Faculty of Ecology.

G. A. Kosareva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Regional Development.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 004:338.28

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ

Сергей Вадимович Симонов¹, Александр Андреевич Столяров²✉

^{1,2} Орловский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Орел, Россия

¹ SVSimonov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4190-1641>

² Stolyarov.po4ta@yandex.ru

Аннотация. Открытая рыночная информация о деятельности компании аккумулируется в форме бухгалтерской финансовой отчетности, требования к которой определяются законодательными рамками. Однако использование такой формализованной, часто ограниченной информации не может удовлетворить информационные потребности потенциального инвестора, а эмитенты не всегда настроены на максимизацию открытых данных о различных направлениях деятельности компании. Возникающая информационная асимметрия между собственниками и топ-менеджерами, с одной стороны, и потенциальными инвесторами — с другой, предопределяет необходимость изменения традиционного понимания информационной открытости. Цель статьи заключается в исследовании теоретических подходов к определению прозрачности как фактора инвестиционной привлекательности компании. Методологическая основа представлена общенаучными методами познания. Результатом исследования является систематизация существующих подходов к пониманию прозрачности и методике ее оценки. Высокие показатели открытости информации обеспечивают участникам рынка инвестиционную привлекательность, так как на основе публикуемых данных о компании инвесторы и кредиторы определяют уровень потенциального риска.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, прозрачность, отчетная документация, инвестиционные риски

Для цитирования: Симонов С. В., Столяров А. А. Прозрачность как фактор инвестиционной привлекательности компании // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 267–271.

Review article

TRANSPARENCY AS A FACTOR IN THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF A COMPANY

Sergey V. Simonov¹, Alexander A. Stolyarov²✉

^{1,2} Orel branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russia

¹ SVSimonov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4190-1641>

² Stolyarov.po4ta@yandex.ru

Abstract. Open market information about the company's activities is accumulated in the financial statements, the requirements for which are determined by the legislative framework. However, the use of such formalized, often limited information cannot satisfy the information needs of a potential investor, and issuers are not always set to maximize open data on various areas of the company's activities. The emerging information asymmetry between owners and top managers, on the one hand, and potential investors, on the other, predetermines the need to change the traditional understanding of information openness. The purpose of the article is to study theoretical approaches to the definition of transparency as a factor in the investment attractiveness of a company. The methodological basis is represented by general scientific methods of cognition. The result of the study is the systematization of existing approaches to the understanding of transparency and the methodology for its assessment. High levels of openness of information provide market participants with investment attractiveness, since investors and creditors determine the level of potential risk based on published data about the company.

Keywords: investment attractiveness, openness, accounting documentation, transparency, investment risks

For citation: Simonov SV, Stolyarov AA. Transparency as a factor of the company's investment attractiveness. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):267-271. (In Russ.).

Введение

Учитывая настоящее положение дел и конъюнктуру современного рынка, необходимо отметить тот факт, что финансовая отчетность хозяйствующих субъектов представляет собой главный информационный ресурс, который позволяет достичь и обеспечить эффективное взаимодействие между участниками коммерческих отношений и социумом. Достоверность и транспарентность отчетной корреспонденции представляют собой факторы, оказывающие непосредственное влияние на оценку капитала и рыночной стоимости компании, привлекательность эмитируемых ею ценных бумаг. Соответствующий ожиданиям потенциального инвестора уровень информационной открытости компании способствует принятию положительного решения об инвестировании финансовых ресурсов в ее деятельность и развитие [1].

Переход российской экономики на новый технологический уклад предопределяет необходимость модернизации и совершенствования ее корпоративного сегмента, являющегося в современных условиях драйвером экономического развития. Для достижения этих целей в сети хозяйственных взаимосвязей и финансовых взаимоотношений постоянно принимается множество инвестиционных решений, информационной базой для которых являются открытые данные о потенциальных объектах инвестирования и результаты их анализа. Согласимся с мнением Ю. Ш. Капкаева о том, что качество исходных данных бухгалтерского и финансового учета и формируемой на их основе информационной базы для оценки инвестиционной привлекательности компании в значительной степени предопределяется границами информационной прозрачности и достоверности [2]. Следует отметить, что проблематика транспарентности как инвестиционного фактора также заключается в степени точности, объективности бухгалтерской информации. Актуальной остается и проблема предоставления заведомо ложной информации о фактическом состоянии компании [3]. Таким образом, актуальность исследования проблем оценки транспарентности как фактора инвестиционной привлекательности компании трудно переоценить.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели исследования были проведены отбор и систематизация

специальной литературы, в том числе на иностранном языке, посвященной исследуемой проблематике. В качестве основного метода исследования использовался метод классификации как совокупность правил и результат распределения множества точек зрения на проблему оценки транспарентности как фактора инвестиционной привлекательности компании на классификационные группы в соответствии с признаками их теоретико-методологического сходства.

Результаты исследования и их обсуждение

Обращаясь к фактору открытости, возникает объективная необходимость рассмотреть ряд критериев, которые раскрывают наиболее существенные признаки описываемого объекта. Одним из первых критериев является достоверность. Настоящий тезис обусловлен, прежде всего, волей самого законодателя. Так, руководствуясь положением по бухгалтерскому учету, следует отметить, что бухгалтерская отчетность предназначена для формирования достоверного и полного представления пользователя финансовой информации о результативности деятельности фирмы и ее финансовом положении¹. Учитывая плюрализм концепций относительно настоящей проблематики, необходимо отметить тот факт, что в экономической доктрине сформировалось несколько альтернативных друг другу подходов к методике оценки транспарентности информации.

Первый подход руководствуется теми положениями, что составление и отражение информации в корпоративной отчетности включает в себя оценку справедливости финансовых оценок и ожиданий. В экономической науке предлагается вести учет основываясь на показателях справедливой стоимости [4]. Данный фактор оказывает непосредственное влияние не только на степень прозрачности отчетной документации для инвестора, но и на глобальные процессы в финансовой системе. Одним из возможных примеров подобной теории являются события кризиса 2008 года, когда реакция рынка была сопряжена непосредственно с величиной потерь бухгалтерской отчетности в банковском секторе [5]. В других работах информационная открытость

¹ Положение по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99)». URL: <http://base.garant.ru/12116599>

представлена в виде модели зависимости содержания отчетов аудитора и уровня информационной асимметрии фондового рынка [6]. В рамках экономической доктрины транспарентность может рассматриваться как формирующееся в результате инвестиционного выбора отражение влияния содержательного аспекта финансовой отчетности, с одной стороны, и курсовой стоимостью акций — с другой [7]. Концепции данной группы характеризуются недостатками, в числе которых игнорирование мотивов, причин и целей поведения потенциального инвестора при формировании финансовой отчетности.

В рамках второго подхода транспарентность рассматривается с позиции корпоративных инвестиционных рисков, обусловленных содержанием и интерпретацией данных бухгалтерской финансовой отчетности. В данном вопросе плюрализм дефиниций и концепций лежит в области субъектов риска. Так, часть представителей научного сообщества рассматривают инвестиционные ожидания игроков через призму степени заинтересованности эмитентов в спекуляции информацией и бухгалтерской отчетностью [8]. Ряд работ исследуют данный феномен через сопоставление данных о финансовой отчетности компаний и инвестиционных рисках при сделках слияния и поглощения компаний [9]. Объединенные данной группой концепции акцентируют внимание на вопросах объективности отчетных данных, их достаточности и полноты для формирования достоверного представления о результативности коммерческой деятельности, а также влиянии информационной симметрии на инвестиционную привлекательность бизнеса. Смежной с данной проблематикой является теория, посвященная оценке справедливой рыночной стоимости компании, основанной на сопоставлении данных финансовой отчетности за год и за промежуточные отчетные финансовые периоды (месяц, квартал). Следует отметить тот факт, что в настоящем случае финансовая отчетность юридического либо физического лица представляет собой исходный материал для расчетов, а ключевые финансовые показатели сопоставляются между собой с целью выявления расхождений и несоответствий. Показательно, что качество исходной финансовой информации не подвергается проверке и сомнению, в связи с чем определение мотивов информационных искажений позволит как корректировать текущие учетные данные, так и управлять прогнозируемыми показателями на перспективу.

Третий подход основан на выявлении проблем несовершенства методик ведения бухгалтерского финансового учета и формирования бухгалтерской финансовой отчетности. В рамках данного подхода транспарентность взаимосвязана с надлежащим отражением объективной финансовой информации в отчетности и корректным поведением сотрудников компании в корпоративной среде. Необходимо отметить тот факт, что развитие вышеуказанных исследований в настоящем направлении получило широкий и прикладной характер, что позволяет выявить проблематику и рассмотреть потенциальные меры по её преодолению.

Следует уделить акцентированное внимание тому аспекту, что для большинства инвесторов бухгалтерская отчетность предприятия, ввиду её сложности и неоднородности, не дает однозначного и полного ответа о степени финансовой привлекательности и надежности вложения своих инвестиций. В связи с этим обстоятельством представляется необходимым разработка и внедрение в российское законодательство дополнительного документа, который бы унифицировал и существенно повышал качество и доступность инвестиционного анализа. Не менее важной проблемой представляется вопрос об искажении финансовой отчетности организации. По своей сущности искажение бухгалтерской отчетности представляет собой процесс отражения информации о коммерческой деятельности предприятия, которая не соответствует действительности либо частично отражает её фактическое состояние на рынке.

Случаи использования ложной или неполной информации относительно средств и активов компании часто фиксируются в сфере расчетно-платежных операций в ситуации стабильной ценовой динамики и социальной стабильности. По характеру искажения могут быть непреднамеренными и преднамеренными. В первом случае причиной информационных искажений является халатность и невнимательность сотрудников бухгалтерии и других структурных подразделений организации, связанных с оформлением первичной учетной документации. Преднамеренные искажения отчетных данных подразделяются на две подгруппы в зависимости от того, противоречат они законодательству или нет. Примером преднамеренных противоречащих законодательству искажений отчетных данных могут служить случаи незаконной минимизации налогов: в результате оформления фиктивных и недостоверных документов отчетные показатели результативности деятельности

предприятия занижаются, что приводит к минимизации налоговых обязательств. По способу отражения информационные искажения связаны с информационным аспектом. Показатели результативности компании при острой потребности во внешних инвестициях могут быть намеренно улучшены для повышения инвестиционной привлекательности фирмы. В данном случае показатели доходности, прибыли, стоимости активов часто бывают завышенными.

Таким образом, законные интересы миноритарного инвестора, который осуществляет свою деятельность в рамках асимметричной информационной среды, существенным образом нарушаются, что, в свою очередь, не может являться драйвером к дальнейшему росту инвестиционного потенциала, особенно в условиях локализации финансовых рынков из-за санкционных ограничений.

Заключение

Подводя итог всему вышеописанному, необходимо подчеркнуть тот факт, что информацион-

ная транспарентность является не только фактором инвестиционной привлекательности того или иного субъекта экономической деятельности, но и гарантом стабильности рыночной системы. Открытость публикуемых отчетностей позволяет инвестору объективно оценить стоимость компании, тем самым снижая потенциальные риски возможных убытков. Кроме того, подобная система существенно повышает конкурентоспособность даже небольших предприятий. Вместе с тем отсутствие в национальном законодательстве единых критериев и методов оценки подобной «прозрачности» ведет к практической невозможности эффективно имплементировать подобный институт в объективную действительность. В связи с данным обстоятельством представляется необходимым ввести легальное понятие транспарентности информации в коммерческом секторе экономики, а также унифицировать процесс оценки и проверки подобных сведений в целях дальнейшего благополучия и развития всей экономической системы.

Список источников

1. Бархатов В. И. К вопросу о возможности и факторах экономического роста в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 7–10.
2. Капкаев Ю. Ш., Сорокин Д. А. Информационная открытость как фактор инвестиционной привлекательности предприятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 8 (418). С. 133–142.
3. Бархатов В. И. Эффективность институциональных форм в трансформируемой экономике : монография. Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2011. 351 с.
4. Gracanic S., Kalach E. The impact of fair value accounting on the crisis in the banking sector of the EU and the USA // Economic history. 2011. Vol. 24. P. 9.
5. Granja J. Disclosure Regulation in the Commercial Banking Industry: Lessons from the National Banking Era // Journal of Accounting Research. 2018. Vol. 56. P. 173–216.
6. Abad D., Sánchez-Ballesta J., Yagüe J. Audit opinions and information asymmetry in the stock market // Accounting and Finance. 2017. Vol. 57. P. 565.
7. Ahmed A., Safdar I. Dissecting stock price momentum using financial statement analysis // Accounting and Finance. 2019. Vol. 61. P. 117–124.
8. Полисюк Г. Б., Корчагина Л. М. Бухгалтерская (финансовая) отчетность: проблемы выявления искажения информации // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 46. С. 24–31.
9. Klein A. Discussion of «Financial Statement Comparability and the Efficiency of Acquisition Decisions» // Contemporary Accounting Research. 2018. Vol. 35. P. 203–205.

References

1. Barkhatov VI. To the question of the possibility and factors of economic growth in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018;(3):7-10. (In Russ.).
2. Kapkaev YS, Sorokin DA. Information openness as a factor of investment attractiveness of an enterprise. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018;(8(418):133-142. (In Russ.).
3. Barkhatov VI. Efficiency of institutional forms in a transforming economy: monograph. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House; 2011. 351 p. (In Russ.).

4. Gracanin S, Kalach E. The impact of fair value accounting on the crisis in the banking sector of the EU and the USA. *Economic history*. 2011;24:9.
5. Granja J. Disclosure Regulation in the Commercial Banking Industry: Lessons from the National Banking Era. *Journal of Accounting Research*. 2018;56:173-216.
6. Abad D, Sánchez-Ballesta J, Yagüe J. Audit opinions and information asymmetry in the stock market. *Accounting and Finance*. 2017;57:565.
7. Ahmed A, Safdar I. Dissecting stock price momentum using financial statement analysis. *Accounting and Finance*. 2019;61:117-124.
8. Polisyuk GB, Korchagina LM. Accounting (financial) reporting: problems of identifying information distortion. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2012;(46):24-31. (In Russ.).
9. Klein A. Discussion of «Financial Statement Comparability and the Efficiency of Acquisition Decisions». *Contemporary Accounting Research*. 2018;35:203-205.

Информация об авторах

С. В. Симонов — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент».

А. А. Столяров — студент-магистр 3 курса.

Information about the authors

S. V. Simonov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

A. A. Stolyarov — master's student of the third course.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНГРЕССА — 2023

Дмитрий Александрович Плетнев^{1✉}, Юлия Анатольевна Меньшикова²,
Анастасия Александровна Токарева³

^{1,2,3} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ pletnev@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6494-572X>

² menshihowajulia74@mail.ru

³ anastasiatok21yk@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор пленарных докладов Восьмого Санкт-Петербургского экономического конгресса, состоявшегося в марте 2023 года и организованного Институтом нового индустриального развития им. С. Ю. Витте. Раскрыты основные положения докладов, а также представлена попытка выстроить логику этих докладов вокруг цели обеспечения устойчивого развития российской экономики. Дискуссионный характер ряда проанализированных положений лишь подчеркивает острый характер дебатов. При этом красной нитью в докладах и статье проходит идея о возможности построения в России успешной национально ориентированной экономики. Высказанные выступающими идеи и предложения рекомендуются к подробному изучению, развитию и конструктивной критике всеми интересующимися современной неортодоксальной экономической мыслью.

Ключевые слова: развитие экономики, экономика России, технологический прогресс, качество, ноономика

Для цитирования: Плетнев Д. А., Меньшикова Ю. А., Токарева А. А. Заметки на полях Санкт-Петербургского экономического конгресса — 2023 // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 272–277.

Review article

MARGINAL NOTES OF THE SPEC — 2023 (SAINT PETERSBURG ECONOMIC CONGRESS 2023)

Dmitry A. Pletnev^{1✉}, Yulia A. Menshikova², Anastasia A. Tokareva³

^{1,2,3} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ pletnev@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6494-572X>

² menshihowajulia74@mail.ru

³ anastasiatok21yk@gmail.com

Abstract. The article provides an overview of the plenary reports of the Eighth St. Petersburg Economic Congress, held in March 2023 and organized by the Institute of New Industrial Development named after S. Yu. Witte. The main provisions of the reports are outlined, and an attempt is made to build the logic of these reports around the goal of ensuring the sustainable development of the Russian economy. The debatable nature of a number of analyzed provisions only emphasizes the heated nature of the debate. At the same time, the idea of the possibility of building a successful nationally oriented economy in Russia runs through the reports and the article. All those interested in modern heterodox economic thought recommend the ideas and proposals expressed by the speakers for detailed study, development and constructive criticism.

Keywords: economic development, Russian economy, technological progress, quality, noonomy

For citation: Pletnev DA, Menshikova YO, Tokareva AA. Marginal notes of the SPEC — 2023 (Saint Petersburg Economic Congress 2023). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):272-277. (In Russ.).

Введение

31 марта 2023 года состоялся VIII Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК — 2023): «Промышленная политика в условиях вызовов глобальной трансформации: теория и практика перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2)». Конгресс был организован Институтом нового индустриального развития имени С. Ю. Витте и состоялся под одной крышей со Съездом Вольного экономического общества России и Собранием Международного Союза экономистов. В ходе данного мероприятия со своими докладами выступили лидеры отечественной науки, включая руководство ведущих научно-исследовательских институтов РАН. И особый интерес представляло то, насколько элита отечественной экономической науки готова предложить конструктивные ответы на вопрос о том, как должна развиваться российская экономика в новых геополитических и экономических условиях. В этом отношении примечательны доклады, сделанные на планарном заседании, проходившем в легендарном зале Таврического дворца, в стенах, помнящих многие исторические моменты нашего прошлого.

Основные идеи пленарных докладов

Член-корреспондент РАН доктор экономических наук, профессор С. Д. Бодрунов в своем пленарном докладе обратил внимание на проблемы промышленной политики России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2). Отметив, что не до конца закончившаяся пандемия сменилась резким обострением зревших на протяжении длительного времени геополитэкономических противоречий. По мнению Сергея Дмитриевича, в России идет перестройка многих институтов экономики и политики, меняется их роль. Считавшиеся еще вчера очевидными приоритеты уходят в прошлое, возрастают в своей значимости многие ценности, которые мы, казалось, еще недавно утратили. Однако в сфере экономической науки и образования изменения явно запаздывают, в этих стремительно меняющихся объективных условиях, субъективный фактор остается неизменным: опора идет в основном на привычные догмы, не уделяется должное внимание новым идеям, предлагаемым гетеродоксальной экономической наукой. Лейтмотивом выступления президента ВЭО России стало утверждение о том, что обостряются противоречия между базовыми тенденци-

ями цивилизационного развития, стремительным ускорением научно-технического прогресса и ростом мощи технологии, с одной стороны, и ужесточением финансиализации и ростом социальных проблем — с другой. Это противоречие требует своего солидарного разрешения. И именно исходя из этого должны строиться стратегия и тактика социально-экономического развития. Единственной эффективной стратегией развития российской экономики С. Д. Бодрунов видит долгосрочное стратегическое планирование, технологическую независимость, социализацию экономики, активную промышленную политику и реиндустриализацию на базе передовых технологий VI технологического уклада. По его мнению, решению задач поможет технологический прорыв, развитие знаниеемкого материального производства, формирование системы социально-экономических отношений, гарантирующих приоритетное развитие высокотехнологичного производства, ориентированного на прогресс человеческих качеств в рамках устойчивой, суверенной национальной системы. Практика доказывает правоту неортодоксального взгляда на экономику, исходящего из ее перманентно неравновесного характера. Для новых экономических условий и геополитических реалий важно новое, принципиально отличное от укоренившегося либерально-экономического, образование (подробнее о точке зрения С. Д. Бодрунова на процессы глобальной трансформации можно узнать в [1]).

Академик РАН доктор экономических наук, профессор Сергей Юрьевич Глазьев объявил о завершении перехода к новому технологическому укладу и сужении возможностей для экономического рывка. Он представил результаты исследования о новой промышленной политике и отметил, что новый технологический уклад фактически вступил в фазу экспоненциально быстрого роста. Россия упустила возможности, возникающие при смене технологических укладов. Число разработанных и используемых технологий снижается — разрабатываются, но не используются. Согласно его прогнозам, центр мировой экономики смещается в Азию. Индия и Китай уверенно идут вперед и формируют новый центр экономики. Технологические сдвиги переходят в политико-экономические и в геополитические трансформации. Россия опоздала с внедрением нанотехнологий, тренд себя исчерпал. Есть источники и конкретные способы формирования фондов для развития экономики, основанные на обложении дополнительными пошлинами экспорта

природных богатств. Важной проблемой остается отток капитала, с учетом рисков для зарубежных капиталов российских предпринимателей. Необходимо использовать инструменты развития, такие как расширение уровня загрузки производственной мощности, правильная организация денежного предложения, перераспределение природной ренты, а также обеспечение высоких темпов экономического роста (еще больше о новом технологическом укладе — в работе С. Ю. Глазьева [2]).

Директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, академик РАН доктор экономических наук, профессор Валерий Анатольевич Крюков рассказал об институционализации роли и места крупного бизнеса в решении проблем социально-экономического развития страны. Россия располагает колоссальным природо-ресурсным потенциалом. Это возможности и реальные шансы для создания высокотехнологичной, современной социально ориентированной экономики. На формирование модели развития экономики современной России существенное влияние оказывают такие объективные обстоятельства, как роль пространственных факторов на всех этапах подготовки и реализации важнейших социально-экономических решений; системно-специфические особенности активов, созданных в рамках системы централизованного планирования и управления; наличие природного ресурсного потенциала, представленного истощаемыми минерально-сырьевыми ресурсами, воспроизводимыми полезными ископаемыми, а также ресурсами растительного и биологического происхождения. Роль государства в создании условий перехода к современной экономике велика. Для развития России особое значение имеет крупный бизнес, его поддержка. Также важно поддерживать рискованные, венчурные и ювентильные предприятия, в том числе в сфере недроразведки (детальнее позиция автора доклада изложена в [3]).

Также на пленарном заседании ярко выступил академик РАН доктор экономических наук, профессор Абел Гезович Аганбегян. Он отметил, что важнейший ресурс развития российской экономики — это человеческий ресурс, указал также на существенное отставание России в образовании, затратах на НИОКР, фирмах-единорогах. Инновации — это катализатор движения всего человечества к вершинам цивилизации. Основа этому — знания. Абел Гезович отметил, что Россия занимает восьмое место по уровню развития

научного комплекса и образования: ее опережают США, Китай, Япония, Германия, Южная Корея, Франция и Великобритания. Дискутируя с предыдущим докладчиком, Абел Гезович отметил, что главным богатством нашей страны являются не природные ресурсы, а образованность российского трудоспособного населения. Он подчеркнул, что 28 компаний-единорогов (стартапов с рыночной стоимостью более 1 миллиарда долларов США) созданы россиянами, которые получили высшее образование в России. В «Кремниевых долинах» — инновационных центрах в США, Израиле, Китае, Индии и России — 173 таких организации. Для того чтобы российская экономика развивалась более энергично, необходимо дальнейшее изменение экономической политики в сторону инноваций [4].

Академик РАН доктор экономических наук, профессор Владимир Валентинович Окрепилов в своем выступлении сделал акцент на том, что главным смыслом любой трансформации всегда являлось повышение качества жизни людей. В настоящее время постепенно вырастает новое направление в экономической науке, связанное с ростом качества жизни, — экономика качества. Этому способствует цифровизация основных процессов в управлении качеством — метрологии и стандартизации. Качество обеспечивается через реализацию инноваций, поэтому высокое качество жизни возможно только при высоких темпах инновационного развития, при постоянном технологическом совершенствовании производства и выпуска высокотехнологичной конкурентоспособной продукции. Россия занимает передовые позиции в направлении цифровизации метрологии для экономики, первое и второе места наша страна делит с Китаем уже на протяжении многих лет. Опыт многолетних научных исследований показывает, что с помощью методов управления можно решить любую проблему. Стандартизация определяет возможность нормирования и оценки не только высокопроизводительных и высоконадежных вычислений, но и показателей цифровой экономики в целом. Сегодня миллионы компаний внедрили международные стандарты ISO-9000 в 170 странах мира. Действующие стандарты основаны на опыте наших отечественных специалистов еще в советское время. Управление качеством включает принципы принятия решений, способы их реализации, контроль исполнения и планирование возможных улучшений. Сделан вывод, что Российская Федерация находится на достойном уровне

по стандартизации и метрологии управления качеством в мире, даже несмотря на недавние санкции (подробнее об экономике качества можно узнать в статье В. В. Окрепилова [5]).

Член-корреспондент РАН доктор экономических наук, профессор Альберт Рауфович Бахтизин заострил внимание собравшихся на актуальных проблемах прогнозирования российской и мировой экономики. Он показал, что точность любых прогнозов такого рода невелика, но особенно ярко это проявляется в прогнозах более чем на 8 месяцев и прогнозов в условиях спада экономики. В условиях роста или же на срок менее 8 месяцев, прогнозы удаются гораздо лучше. Также в докладе была отмечена роль искусственного интеллекта в моделировании санкционного давления на Россию, а именно: выборочное давление на разные сектора компаний и присоединение Китая к санкциям. Отдельно профессор рассмотрел роль искусственного интеллекта в прогнозировании (например, Chat GPT использует около 174 млрд параметров в модели). Также он отметил, что расчеты, которые направлены современными противниками России, носят заведомо ангажированный характер, поэтому и необходимо им противостоять, рассчитав свои сценарии, которые могут быть направлены на улучшение ситуации в нашей стране в целом. Модели прогнозирования, разработанные в ЦЭМИ РАН, представлены в [6].

Вице-президент Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) доктор экономических наук Александр Васильевич Мурычев считает, что вопрос структурных реформ — это скорее вопрос ментальный, чем административный. Ведь бизнес в нашей стране справился со сложившейся ситуацией в мире, несмотря на санкции и усилившееся фискальное давление. Рыночные принципы экономики стали главной причиной успешного прохождения российской экономики через этот непростой период. Теперь же наш бизнес будет использовать новые вызовы как новые возможности. Барьеры во внешней экономической деятельности — тема до сих пор очень острая. На данный момент происходит экспортный переход нашей продукции с Запада на Восток. Важнейшую роль в преодолении этих барьеров может сыграть решение существенных вопросов с участием развития оборота цифровых валют, которые могли бы стать альтернативой расчетов, с учетом проблем в использовании нашей национальной валюты. Также было отмечено, что в России не хватает квалифициро-

ванных кадров, в связи с чем будет и уже уделено особое внимание взаимодействию с нашими ведущими университетами. Докладчик отметил, что сейчас в стране дефицит ресурсов практически по всем координатам, и он будет расти. Поэтому нужны нестандартные решения, например, закупка банком России бумаг правительства, чтобы эти деньги распределялись на реализацию инфраструктурных проектов под низкие проценты, но для этого необходимы инструменты контроля. С инструментами контроля, разработанными в советское время, можно ознакомиться в работе автора [7].

Член-корреспондент РАН доктор экономических наук, профессор Виктор Евгеньевич Деметьев заметил, что в Российской Федерации нет компаний-единорогов, то есть компаний-стартапов, получивших рыночную оценку стоимости в размере свыше 1 миллиарда долларов США. Отсутствие подобных компаний — одна из причин той технологической инерции, того торможения в формировании новых технологических укладов, о которых в своем докладе говорил Сергей Юрьевич Глазьев. В нашей стране есть быстрорастущие компании, которые имели высокие ежегодные темпы роста выручки в постоянных ценах в течение четырех лет. В литературе такие компании называют компаниями-газели. Российские газели недолговечны, рынки консервативны и новых игроков часто не пускают. Необходимо активизировать процесс созидательного разрушения в российской экономике, чтобы запустить процесс самоочищения. Во многих исследованиях основное внимание уделяется креативной составляющей созидательного разрушения, однако на практике самоочищение рынка от менее эффективных участников может быть весьма медленным. Как следствие, окно возможностей для становления российского единорога может закрыться раньше, чем он появится, так как окно закроют чужие единороги. Удельный вес убыточных организаций в российской экономике остается весьма значительным, подобная ситуация наблюдается в самых разных сферах производства, включая программное обеспечение. Проблема внутриотраслевых различий в эффективности производства актуальна не только для России. Также растет число публикаций о фирмах-зомби: фирмах со стажем, которые не в состоянии покрывать расходы по обслуживанию долга за счет своей прибыли (подробнее о фирмах-зомби можно узнать здесь [8]). Сохранение таких фирм приводит к негативным последствиям, таким

как неэффективное использование ими ресурсов, сдерживание перераспределения ресурсов в более производительные фирмы, снижение доступности кредитов для здоровых фирм и повышение барьеров для начинающих компаний. Для выхода нашей экономики на устойчивый режим обновления технологических фаз производства необходимо развитие систем индикативного планирования, охватывающих и реальную, и финансовую сферы экономики.

Модератор пленарного заседания доктор экономических наук, профессор Александр Владимирович Бузгалин подвел краткий итог, обобщив высказанные докладчиками идеи: нашей экономике необходима активная промышленная политика, стратегическое планирование, решение социальных проблем, включая неравенство. Человек — центральный элемент экономики, именно вокруг него должны строиться все преобразова-

ния. Экономика, которая не подчинена развитию человека, — это всегда экономика с тупиковой стратегией развития.

Заключение

Выступления докладчиков пленарного заседания были посвящены различным аспектам развития российской экономики. На пути к единому и согласованному пониманию факторов устойчивого (в изначальном, а не ооновском сокращенном смысле) и опережающего развития еще предстоит провести не одну конференцию и круглый стол. Но в сравнении с прошлым годом прогресс налицо: большинство авторов явно или неявно признают за Россией право на построение суверенной, национально ориентированной экономики, без оглядки на мнение западных рейтинговых агентств и сравнение с «развитыми» экономиками.

Список литературы

1. Бодрунов С. Д. Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 4 (230). С. 54–65.
2. Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Модернизация. Инновации. Развитие. 2010. № 2. С. 4–10.
3. Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 1 (227). С. 92–114.
4. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие регионов России в условиях новых санкций // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 2 (69). С. 10–22.
5. Окрепилов В. В. Экономика качества : монография. СПб. : Наука, 2011. 232 с.
6. Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д., Хабриев Б. Р., Макаров В. Л., Ильин Н. И. Программно-аналитический комплекс «Мербиус» — инструмент планирования, мониторинга и прогнозирования социально-экономической системы России // Искусственные общества. 2020. № 4. С. 10.
7. Иванцов И. Г. Некоторые инструменты партийно-государственного контроля советского общества 1920-х — начала 1930-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6. С. 136–139.
8. Дементьев В. Е. Технологическое развитие и структурные изменения в экономике // AlterEconomics. 2022. Т. 19, № 1. С. 116–130. doi: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.7.

References

1. Bodrunov SD. Global transformation of modern society and national development goals of Russia. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;(4(230):54-65. (In Russ.).
2. Glazyev SYu. Prospects for the formation of a new VI technological mode in the world. *Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye = Modernization. Innovation. Development*. 2010;(2):4-10. (In Russ.).
3. Kryukov VA, Kolomak EA. Spatial development of Russia: main problems and approaches to overcoming them. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the free economic society of Russia*. 2021;(1(227):92-114. (In Russ.).
4. Aganbegyan AG. Socio-economic development of Russian regions under new sanctions. *Ekonomika severo-zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economics of the North-West: problems and development prospects*. 2022;(2(69):10-22. (In Russ.).

5. Okrepilov VV. Economy of quality. St. Petersburg: Nauka publishing house, 2011. 232 p. (In Russ.).
6. Bakhtizin AR, Sushko ED, Khabriev BR, Makarov VL, Ilyin NI. Software-analytical complex “Merbius” — a tool for planning, monitoring and forecasting the socio-economic system of Russia. *Iskusstvennyye obshchestva = Artificial societies*. 2020;(4):10. (In Russ.).
7. Ivantsov IG. Some tools of the party-state control of the Soviet society in the 1920s — early 1930s. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2015;(6):136-139. (In Russ.).
8. Dementiev VE. Technological development and structural changes in the economy. *AlterEconomics*. 2022;19(1):116-130. doi: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.7. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Плетнев — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Ю. А. Меньшикова — студент.

А. А. Токарева — студент.

Information about the authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Assoc. Professor of Department of Economics of Industries and Markets.

Y. A. Menshikova — student.

A. A. Tokareva — student.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 31.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 31.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 338.484, 338.486

ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Светлана Геннадьевна Аюпова¹, Елена Сергеевна Силова²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ asg@csu.ru

² metod@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5813-0145>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена новыми вызовами в области планирования социально-экономического развития на государственном уровне. Основным предположением данного исследования является возможность эффективного использования методов плановой экономики на современном этапе. В работе проведен обзор трансформации использования методов плановой экономики в XX в., выявлены преимущества и недостатки использования инструментов плановой экономики. Целью работы является оценка перспектив, доказывающих возможность применения плановых регуляторов экономики в различных сферах хозяйственной деятельности в условиях СВО и санкций. Результатами проведенного исследования является подход, предполагающий сочетание долгосрочного стратегического планирования и рыночных методов реализации этих направлений.

Ключевые слова: плановая экономика, рыночная экономика, планирование социально-экономического развития, стратегическое планирование, региональная экономика, майские указы, Стратегия 2035

Для цитирования: Аюпова С. Г., Силова Е. С. Плановая экономика в новой реальности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 278–286.

Review article

A PLANNED ECONOMY IN THE NEW REALITY

Svetlana G. Ayupova¹, Elena S. Silova²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ asg@csu.ru

² metod@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5813-0145>

Abstract. The relevance of the study is due to new challenges in the field of planning socio-economic development at the state level. The main assumption of this study is the possibility of effective use of planned economics methods at the current stage. The work reviewed the transformation of the use of planned economy methods in the 20th century, identified the advantages and disadvantages of using planned economy tools. The purpose of the work is to assess the prospects proving the possibility of applying planned economic regulators in various areas of economic activity in the context of SVO and sanctions. The results of the study are an approach involving a combination of long-term strategic planning and market methods for the implementation of these areas.

Keywords: planned economy, market economy, socio-economic development planning, strategic planning, regional economy, May decrees, Strategy 2035

For citation: Ayupova SG, Silova ES. Planned economy: a new reality. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):278-286. (In Russ.).

Введение

Нестабильность экономики, санкционное давление со стороны других государств, спады экономического развития приводят к размышлениям о наличии векторности курса достижения целей

и модели их исполнения. В настоящее время все чаще возвращаются к вопросу опыта реформирования экономики, который показал, что нормальное функционирование рыночной системы невозможно без адекватного использования методов и инструментов планирования и прогнозирования. В ходе экономических споров особенно часто

затрагивается вопрос об экономическом планировании как новой реальности в условиях глобализации и турбулентности мира.

Теоретические дискуссии о том, какой должна быть современная экономическая система, не утихают. Возможность возвращения к идеям экономического планирования становится неоспоримой реальностью в наше время. Так, пандемия COVID-19 ярко проявила необходимость усиления роли государства. Кроме того, доказать свои конкурентные преимущества и обеспечить экономическую безопасность страны в «мировом сообществе» становится возможным лишь через механизмы планирования и регулирования хозяйственной деятельности, с явным снижением зависимости от внешних поставок и санкционного давления. В условиях роста масштабов экономики и применения на межгосударственном уровне далеко не экономических, а политических средств, все более возрастает необходимость планирования и регулирования хозяйственной деятельности. Планирование представляется неотъемлемой частью развития производительных сил. Остается вопрос, насколько эффективно совмещение плановых и рыночных форм в современных условиях.

Исторический опыт

Для того чтобы найти вектор дальнейшего социально-экономического развития необходимо обратиться к историческому опыту нашей страны. В России выделяется несколько этапов плановой экономики. Стоит отметить, что драйвером перехода к планомерности стала социалистическая революция, которая имела под собой основание в виде уничтожения частной собственности на средства производства: «Господство общественной социалистической собственности на средства производства порождает принципиально иную форму экономической связи производителей — планомерность» [12]. Со стороны государства, в условиях голода и разрухи, очевидной необходимостью становится управление народнохозяйственным комплексом, имеющее четкий план действий. Так, в начале XX в. российское руководство в целях ускорения темпов роста экономики создает Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), который впоследствии превращается в центр планирования и управления промышленностью, регулятор экономической жизни страны. За первые полгода появляются векторы в развитии отдельных отраслей экономики: планы по капитальному строитель-

ству, а также планы в отраслях металлургии, добыче угля и производстве сельскохозяйственных машин. Такие перемены требовали серьезных исследований, что дало толчок в развитии научного знания в области планирования. Были исследованы драйверы роста развития народного хозяйства, учитывающие процессы производства таким образом, чтобы отходы одного предприятия использовались в деятельности другого, что требовало рационального размещения экономических регионов [5].

Несколько позднее, в 1920 г., в составе советского правительства создается Государственная комиссия по электрификации России, на базе которой была сформирована общегосударственная плановая комиссия — Госплан. Помимо вопросов электрификации, советский Госплан разрабатывал и исследовал вопросы долгосрочного развития важнейших отраслей народного хозяйства. Основной целью руководства была необходимость баланса производства и потребления народного хозяйства, с полным контролем принимаемых экономических решений. Такая система позволяла ответить на вопрос «что и как производить», сокращая условия неопределенности. В задачи построения социализма входило создание единого хозяйственного плана, учитывающего разрозненность территории по отраслям хозяйствования. Достаточно быстро процесс планирования становится одним из важнейших видов деятельности в области управления экономикой страны. Советский Госплан разрабатывает первый индикативный долгосрочный план перспективного развития народного хозяйства, в основу которого была положена электрификация страны — ГОЭЛРО. ГОЭЛРО становится первым планом, объединяющим в себе планы отдельных отраслей производства.

Кроме того, в эти годы шла активная работа над стратегическим развитием сельского хозяйства в России под руководством Н. Д. Кондратьева: «Когда мы говорим о планомерном развитии народного хозяйства, то понимаем такое развитие его, которое соответствует определенным задачам, поставленным руководящими органами экономической политики. Планомерное развитие народного хозяйства мы противопоставляем поэтому стихийному, лишенному целевого руководства развитию его. Строго говоря, в истории нет и не было такого народного хозяйства, развитие которого совершалось бы без всякого воздействия со стороны органов экономической политики. Если взять народные хозяйства товарно-капиталистического

строю, то и его развитие совершается под воздействием системы экономической политики, преследующей те или иные цели» [8].

В теории и практике управления социалистическим народным хозяйством в этот период принимается принцип демократического централизма, в условиях которого разработана система согласования планов. «Разработка генерального плана начинается с углубленного экономического анализа (в том числе и при помощи статистического метода) условий внутреннего и мирового рынков, условий, определяющих уровни и соотношение цен, условий, определяющих вероятную тенденцию рынка» [9]. Процедура данной системы предполагала согласование интересов плана «снизу» (включающих потребности отдельных предприятий и хозяйств) с возможностями и общественными потребностями государства, основанное на математических расчетах и анализе, для последующего процесса оптимизации. «... Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то» [6]. Теоретически данный принцип на практике предполагал установление рыночного равновесия между спросом и предложением в соответствии с целями общества. Однако на практике все выглядело иначе. Основной формой стратегического планирования в СССР становятся пятилетние планы. Проанализированный, тщательно разработанный первый пятилетний план после его утверждения подвергся значительным изменениям. Завышенные значения заданий не позволили выполнить расчетные показатели плана, что привело в итоге к увеличению затрат, наличию незавершенных объектов и невыполнению завышенных ожиданий. Второй пятилетний план, не подвергавшийся значительным изменениям и был завершен более успешно, однако выполнен также не в полном объеме, что повлияло на третий пятилетний план, прерванный войной. Однако особого внимания заслуживает тот факт, что в это время Госпланом разработаны схемы, содержащие балансы национального дохода, финансов, основных фондов и рабочей силы, производства и потребления. В эти годы в значительной степени выросли производительность труда, появились новые отрасли производства.

По сравнению с предыдущими наиболее успешным пятилетним планом оказался план первой послевоенной пятилетки. Плановым органам удалось накопить опыт в решении задач во время Великой

Отечественной войны, который ярко отражал жизнестойкость плановой системы хозяйствования. Значительный вклад в успешность стратегического директивного планирования внес председатель Госплана академик Н. А. Вознесенский. Страна за достаточно короткий промежуток времени смогла восстановить объемы производства, необходимые для того времени для гражданских отраслей и потребительского рынка, кроме того, осуществить ряд проектов в ядерной промышленности, строительстве и машиностроении. Значительный рост экономики ознаменовался увеличением ВВП почти в четыре раза.

Однако дальнейшее использование директивной плановой экономики в применении плановых расчетов не дало столь эффективных показателей как раньше, вне зависимости от ежегодно публикуемых рекомендательных мер. Уже с начала рыночных реформ конца 90-х функционирование системы плановых органов, а с ней и разработка пятилетних планов в СССР были прекращены. Термин «планирование» перестал появляться на страницах официальных документов. Однако стоит отметить, что плановые элементы присутствуют в экономике всегда. Можно отметить, например, позицию Гэлбрейта, который считал, что в «зрелой» корпорации плановая структура является одной из важнейших и обеспечивает сохранение корпорации, реализацию ее «защитных» целей [1; 2; 4]. В рыночной экономике — это бизнес-планирование. Но в условиях кризиса попытки рынка выполнить в полном объеме функцию регулятора производства находят лишь частичное отражение. Многие современные авторы также отстаивают важность планирования и непротиворечивость этого механизма в целом рыночной свободной экономике, анализируя опыт борьбы с ковидом и подчеркивая важность баланса между чисто экономическими целями и общественными интересами, который и возможно обеспечить благодаря плановым механизмам. Например, Ю. К. Князев отмечает постепенное усиление плановых механизмов в современной российской экономике и предлагает создание единого планового информационного органа, сходного с практикой деятельности Госплана [7]. Другие авторы подчеркивают важность иных инструментов планирования, например, В. А. Плотников в качестве механизма интеграции плановой и рыночной экономики рассматривает государственно-частное партнерство [11]. Проблемы развития данного механизма рассматривались авторами ранее с точки зрения необходимых институциональных условий для наиболее

эффективного задействования данной группы инструментов [15]. О важности и необходимости широкого использования инструментов планирования и прогнозирования в развитии региональных систем национальной экономики пишут в своих работах Д. А. Плетнев и Ю. Ш. Капкаев [10].

Основным изъяном рыночной системы после ухода плановой экономики является отсутствие возможности и механизмов учитывать все потребности общества, включая такие, как организация обороны страны, обеспечение безопасности граждан. Кроме того, ценовой механизм предприятий не может находиться в условиях постоянной неопределенности. Развитие рынка требует надежности и прогнозируемости поведения его участников. Таким образом, и в рыночной экономике усиливается роль государственного регулирования.

Отказавшись когда-то от директивного планирования, Россия возвращается к индикативному планированию. Главной целью которого является научное обоснование целей и направлений развития экономики страны, воплощаясь в стратегических планах социально-экономического развития страны. Таким образом, в 1995 г. федеральным законом «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» закрепляется необходимость разрабатывать Концепцию социально-экономического развития РФ на долгосрочную и среднесрочную перспективу. Ухудшение экономической ситуации в стране подтолкнуло государство к принятию антикризисных мер в условиях индикативного планирования. Уже в декабре 1999 г. создается Центр стратегических разработок, а в первой половине 2000-х гг. Правительству РФ представлен проект «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу». С середины 2000-х гг. начинается реализация крупных национальных проектов, за счет бюджетных ресурсов. Тем не менее стоит отметить, что реализуются не только национальные проекты, но и проекты регионального уровня. Таким образом, у субъектов РФ появляется возможность самостоятельно управлять социально-экономическим положением территории. Изначально планирование экономического развития в постсоветский период было обусловлено самостоятельным привлечением необходимых специалистов и экспертов для составления планов и прогнозов. На сегодняшний день разработаны типовые методические рекомендации для составления прогнозов социально-экономического развития субъектов РФ.

Кроме того, на базе данного Центра разрабатывается проект стратегического развития России до 2010 года под руководством В. И. Ишаева. Документ содержит меры по реформированию социальной, экономической политики, а также государственной власти РФ. К сожалению, официально документ так и не был утвержден.

После кризиса стартует пакет программ долгосрочного стратегического развития. Так, появляется Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 г., содержащая основные направления долгосрочного развития страны, формы и механизмы взаимодействия государства — бизнеса — населения, основные цели, индикаторы и приоритеты государственной политики в сферах науки и технологий, социального развития и структурных преобразований в экономике.

7 мая 2012 г., в день вступления в должность В. В. Путина, выходит 11 указов, содержащих 218 поручений Правительству РФ для исполнения их в течение 2012–2020 гг. В народе их стали называть «майские указы». Стоит отметить, что 131 поручение необходимо было исполнить в 2012–2013 гг., а 87 — в последующие семь лет. Данные указы содержат основные положения, касающиеся приоритетных направлений развития: здравоохранения, образования и науки, совершенствования государственного управления, доступности жилья и повышения качества услуг ЖКХ, развития Вооруженных сил. Для контроля за реализацией принятых мер была создана комиссия по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития, которую возглавил сам президент. Среди основных целевых показателей, которых требовалось достичь к 2018 г., были показатели, связанные с ростом реальной заработной платы в 1,5 раза¹, обеспеченностью жильем 60 % семей², перевооружением армии на 70 %, увеличением производительности труда в 1,5 раза, создании модернизации «высокопроизводительных» рабочих мест³. Но к сожалению, часть «майских указов» так и не были исполнены.

¹ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597.

² О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг : Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 600.

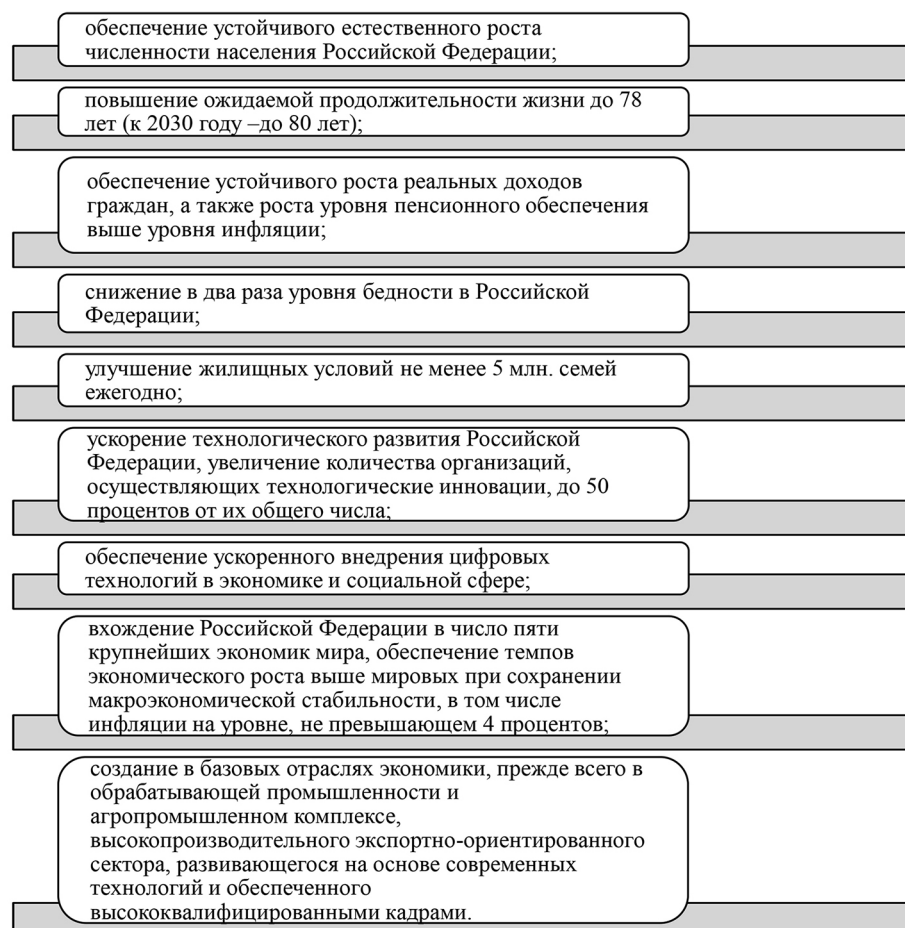
³ О долгосрочной государственной экономической политике : Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596.

Несколько позднее к ним добавляются национальные проекты, предполагающие эффективное взаимодействие всех органов исполнительной власти. Так, 28 июня 2014 года принимается Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в котором закрепляются основные аспекты планирования на государственном уровне. Он включает в себя описание полномочий органов власти в РФ, субъектах РФ и органах местного самоуправления, системы стратегического планирования, а именно: принципов, задач, участников стратегического планирования — а также документационное обеспечение, диверсифицированное по различным признакам. Кроме того, документ содержит главу «мониторинг и контроль...», предусматривающую не только оценку действий, но и выявление лучших практик. Таким образом, на сегодняшний день анализ стратегического развития приобретает стандартную структуру и последовательность разработки. Такой анализ позволяет сократить уровень неопределенности в развитии территорий, формируя благоприятную среду для бизнеса и инвесторов [13]. В условиях Стратегии 2035 с января 2017 г. под руководством Минэкономразвития проходят общественные консульта-

ции с участниками стратегического планирования, экспертами, обществом посредством автоматизированной системы «Управление».

Несколько позднее, в мае 2016 г., А. Кудрин, находясь на посту председателя совета Центра стратегических разработок, сообщает о создании Стратегии развития России на срок 2018–2024 гг. (Стратегия — 2024), который создается в координации со Стратегией 2035. На форуме «Стратегическое планирование в регионах и городах России» (г. Санкт-Петербург, 26–28 октября 2020 г.) Кудрин отметил, что «Правительство России стало серьезнее относиться к вопросу государственного управления и планирования. Мы, конечно, должны повышать качество стратегического планирования...». Таким образом, стоит отметить, что до 2017 г. формируется основная база нормативно-правовых актов, регламентирующая процесс стратегического планирования на территории РФ.

7 мая 2018 года издан новый указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года, устанавливающий национальные проекты России», согласно которому Правительству РФ требовалось обеспечить достижение девяти национальных целей до 2024 г.

*Цели национального развития РФ
Источник: составлено автором на основе указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204
Goals of national development of the Russian Federation
Source: compiled by the author on the basis of Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018*

Но уже несколько позднее в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» цели национального развития подверглись корректировке, в результате которой были определены пять национальных целей на период до 2030 г.: а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; б) возможности для самореализации и развития талантов; в) комфортная и безопасная среда для жизни; г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; д) цифровая трансформация. Для достижения поставленных целей были разработаны национальные проекты (НП):

1. Нацпроект «Здравоохранение».
2. Нацпроект «Образование».
3. Нацпроект «Демография».
4. Нацпроект «Культура».
5. Нацпроект «Безопасные и качественные автомобильные дороги».
6. Нацпроект «Жилье и городская среда».
7. Нацпроект «Экология».
8. Нацпроект «Наука и университеты».
9. Нацпроект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».
10. Нацпроект «Производительность труда и поддержка занятости».

11. Нацпроект «Международная кооперация и экспорт».

12. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

К 2022 г. данный перечень был дополнен, в состав вошли: «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» и национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства».

В таблице представлены данные об исполнении национальных проектов по состоянию на 01 января 2023 г., из данных таблицы можно увидеть, что в среднем исполнение проектов находится на достаточно высоком уровне — порядка 95–99 %, по проекту Производительность труда в нескольких округах — стопроцентное выполнение.

Однако по отдельным проектам исполнение гораздо ниже. Например, по проекту «Экология» явное отставание у Уральского федерального округа — уровень исполнения всего лишь 79,36 %, что может быть обусловлено в целом значительным уровнем накопленных проблем в регионах Урала. Также есть серьезные проблемы с реализацией комплексного плана по модернизации и расширению магистральной инфраструктуры в Северо-Западном федеральном округе — 0,23 %.

Исполнение национальных проектов на 01.01.2023

Execution of national projects as of 01.01.2023

Субъект РФ	Российская Федерация	Северо-Кавказский федеральный округ	Южный федеральный округ	Приволжский федеральный округ	Северо-Западный федеральный округ	Сибирский федеральный округ	Уральский федеральный округ	Центральный федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
Демография, %	98,38	97,09	98,48	98,49	99,20	97,05	99,03	99,18	96,55
Здравоохранение, %	92,84	84,76	94,33	93,17	97,11	87,99	96,97	94,70	88,80
Образование, %	95,05	91,23	98,65	95,99	95,31	90,71	98,19	95,93	96,27
Жилье и городская среда, %	83,69	91,26	94,08	86,35	83,50	77,96	97,38	94,35	59,97
Экология, %	98,88	99,99	98,51	99,56	97,83	99,61	79,36	99,73	99,57
Безопасные качественные дороги, %	98,55	99,48	99,47	97,97	99,05	99,30	99,16	98,33	96,52
Производительность труда, %	99,81	91,70	100,00	100,00	100,00	100,00	99,73	100,00	100,00
Цифровая экономика, %	97,80	95,47	97,86	99,40	99,86	98,49	98,91	96,72	99,62
Культура, %	97,37	98,32	96,88	96,16	99,89	95,31	98,93	97,26	99,28
Малое и среднее предпринимательство, %	99,72	99,25	99,94	99,97	99,78	99,56	99,06	99,93	99,84
Международная кооперация и экспорт, %	99,17	95,74	99,51	100,00	99,92	99,86	99,64	99,29	99,99

Окончание таблицы
Table (end)

Субъект РФ	Российская Федерация	Северо-Кавказский федеральный округ	Южный федеральный округ	Приволжский федеральный округ	Северо-Западный федеральный округ	Сибирский федеральный округ	Уральский федеральный округ	Центральный федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, %	99,46	100,00		99,99	0,23			100,00	99,06
Туризм и индустрия гостеприимства, %	98,00	99,92	97,07	97,29	99,52	96,58	99,99	98,70	97,69
Наука и университеты, %	100,00			100,00				100,00	

Источник: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/np/ispolnenie-natsionalnyh-proektov?territory=7>

Исследователи называют следующие основные проблемы реализации национальных проектов в России: низкий уровень квалификации управленческих кадров, неподготовленность и методическая непроработанность некоторых проектов и показателей их эффективности, слабая информированность населения о проводимых проектах [14].

К сожалению, копирование инструментария разработки плановых методов в развитии социально-экономической составляющей страны не учитывает особенностей развития отдельных территорий, а носит исключительно декларативный характер. Однако для усиления взаимодействия и выявления интересов «государство — бизнес — население» на современном этапе планирования широкое распространение получают интерактивные методы планирования посредством опросов, экспертного анализа, интернет-обсуждений.

Уже сегодня специалистами МГТУ им. Баумана, РЭУ им. Плеханова, МГУ и МФЮА предлагается пилотный проект разработки системы Госплана для оперативного контроля и исполнения госзаказов¹. В связи с чем необходимо подготовить цифровую модель планирования, сформировать органы цифрового планирования и перейти к системе пятилетних планов СССР.

Заключение

Нахождение некоего оптимума зависит от конкретных условий текущего периода. Стоит отметить, что государство отлично решает те вопросы, которые касаются заказа определенного вида продукции, закупая его в больших объемах, например вооружение, но плохо справляется с запросами рынка в области товаров народного потребления.

В кризисных условиях рекомендуется усиливать директивные подходы и инструменты с использованием рыночных регуляторов. В более благополучный период применение рыночных механизмов даст более высокие показатели в условиях сокращения неопределенности с использованием плановых показателей на различные временные перспективы.

Таким образом, поддержание пропорций «рынок — насколько возможно, план — насколько необходимо» [3] без сильной поляризации подходов либо «рыночной», либо «плановой» экономик, позволит достичь высоких результатов в долгосрочной перспективе. Симбиоз «государство — бизнес — население» и их взаимодействие позволит не только сократить конфликтность интересов, но и сработает на улучшение благосостояния населения.

¹ В России предложили внедрить систему цифрового Госплана: это поможет в достижении технологического суверенитета. URL: <https://www.ixbt.com/news/2023/02/14/v-rossii-predlozhili-vnedrit-sistemu-cifrovogo-gosplana-jeto-pomozhet-v-dostizhenii-technologicheskogo-suvereniteta.html>

Список источников

1. Galbraith J. K. The New Industrial State. Cambridge: Houghton Mifflin, 1967. 576 p.
2. Galbraith J. K. Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future. New York: Basic Books, 1989. 265 p.
3. Андрюшкевич О. А. Индикативное планирование в экономиках разного типа // Капитал страны. 2012. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/indikativnoe_planirovanie_v_ekonomikah_raznogo_tipa/#a1
4. Гэлбрейт Д. К. Ноономика, глобализация и пандемия // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1, № 1. С. 115–128.
5. Кржижановский Г. М. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР (план ГОЭЛРО и пятилетки) // Плановое хозяйство. 1929. № 5. С. 26.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1970. 606 с.
7. Князев Ю. К. Усиление плановых начал в российской рыночной экономике // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 2. С. 23–36.
8. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002. 767 с.
9. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 523 с.
10. Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Сравнительный анализ современных методов прогнозирования показателей регионального социально-экономического развития в условиях трансформируемой экономики // Региональная статистика. Опыт, проблемы и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 17–21.
11. Плотников В. А. Государственно-частное партнерство как форма интеграции планового и рыночного управления в экономике // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности : колл. монография. СПб., 2021. С. 236–243.
12. Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева [и др.]. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1954. 454 с.
13. Савельева С. Б., Савельев А. Н. Сущность стратегического планирования развития региональных хозяйственных систем // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11, № 2. С. 297–300.
14. Силова Е. С. Актуальные проблемы реализации национальных проектов в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 137–144.
15. Силова Е. С. Частно-государственное партнерство в России: институциональные условия развития // Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем : материалы Всерос. науч. конф. памяти академика А. И. Татаркина. Челябинск, 2017. С. 211–215.

References

1. Galbraith JK. The New Industrial State. Cambridge: Houghton Mifflin; 1967. 576 p.
2. Galbraith JK. Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future. New York: Basic Books; 1989. 265 p.
3. Andryushkevich OA. Indicative planning in economies of various types. Capital of the country. 2012. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/indikativnoe_planirovanie_v_ekonomikah_raznogo_tipa/#a1 (In Russ).
4. Galbraith DK. Noonomics, globalization and pandemic. *Noonomika i nooobshchestvo = Noonomics and noosociety*. 2022;1(1):115-128. (In Russ).
5. Krzhizhanovsky GM. Five-year plan of national economic construction of the USSR (GOELRO and five-year plan plan). *Planovoe hozyajstvo = Planning economy*. 1929;(5):26. (In Russ).
6. Lenin VI. Complete works. Moscow: Gospolitizdat; 1970. 606 p. (In Russ).
7. Knyazev YuK. Strengthening of planned principles in the Russian market economy. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika = ETAP: economic theory, analysis, practice*. 2021;(2):23-36. (In Russ).
8. Kondratiev ND. Large conjuncture cycles and the theory of foresight. Moscow: Economics; 2002. 767 p. (In Russ).
9. Kondratiev ND. Problems of economic dynamics. Moscow: Economics; 1989. 523 p. (In Russ).
10. Pletnev DA, Kapkaev YuSh. Comparative analysis of modern methods of forecasting indicators of regional socio-economic development in a transforming economy. In: *Regional'naya statistika. Opyt, problemy i perspektivy razvitiya = In the collection: Regional statistics. Experience, challenges and development prospects*. Chelyabinsk; 2003. Pp. 17–21. (In Russ).

11. Plotnikov VA. Public-private partnership as a form of integration of planned and market management in the economy. In: Gosudarstvo i rynok: mekhanizmy i instituty yevraziyskoy integratsii v usloviyakh usileniya global'noy nestabil'nosti = State and market: mechanisms and institutions of Eurasian integration in the context of increased global instability. St. Petersburg; 2021. Pp. 236–243. (In Russ).
12. Ostrovityanova KV, Shepilova DT, Leontyeva LA, Lapteva ID et al. (eds.) Political economy. Moscow: Political Literature; 1954. 454 p. (In Russ).
13. Savelyeva SB, Savelyev AN. Essence of strategic planning for the development of regional economic systems. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Moscow State Technical University*. 2008;11(2):297-300. (In Russ).
14. Silova ES. Actual problems of implementation of national projects in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):137-144. (In Russ).
15. Silova ES. Private-public partnership in Russia: institutional development conditions. In: Konkurentosposobnost' i razvitiye sotsial'no-ekonomicheskikh system = Competitiveness and development of socio-economic systems. Chelyabinsk; 2017. Pp. 211–215. (In Russ).

Информация об авторах

С. Г. Аюпова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Е. С. Силова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

S. G. Ayupova — economic sciences, associate professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

E. S. Silova — candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 12.03.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 12.03.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД A FRESH LOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 287–293.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(3(473)):287-293. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Обзорная статья

УДК 338.984

ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Татьяна Владимировна Левикова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tata_levikova2000@mail.ru

Аннотация. Концепция бизнес-модели возникла в середине 1990-х годов с ростом электронной коммерции и, в более общем плане, «новой экономики». Мутации, ответственные за ее развитие, носят технологический, экономический и регуляторный характер. Затем концепция бизнес-модели была построена путем последовательных дополнений и появления многих документов, отчетов и книг, которые со временем определили ее значение. Тем не менее, несмотря на ее широкое применение исследователями и менеджерами во многих тематических областях, эта концепция неоднозначно определена в литературе, так как концепция постоянно мутирует с появлением новых технологий. Помимо возможности объяснить, почему одни фирмы работают лучше, чем другие, эта концепция открывает множество способов и предложений для исследований в области предпринимательства.

Ключевые слова: бизнес-модель, концепция бизнес-модели, электронная бизнес-модель, канва бизнес-модели

Благодарности. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Дарье Сергеевне Бенц — кандидату экономических наук, профессору кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, за ценные советы при подготовке статьи.

Для цитирования: Левикова Т. В. Эволюция электронных бизнес-моделей в эпоху цифровизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 287–293.

Original article

EVOLUTION OF ELECTRONIC BUSINESS MODELS IN THE AGE OF DIGITALIZATION

Tatyana V. Levikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tata_levikova2000@mail.ru

Abstract. The concept of “Business Model” emerged in the mid-1990s with the rise of e-commerce and, more generally, the “new economy”. The mutations responsible for its development are of a technological, economic, and regulatory nature. Then the concept of the business model was built through successive additions and the emergence of many documents, reports and books that determined its meaning over time. However, despite its widespread use by researchers and managers in many subject areas, this concept is ambiguously defined in the literature, as the concept constantly “mutates” with the advent of new technologies. In addition to being able to explain why some firms perform better than others do, this concept do opens up many avenues and proposals for entrepreneurship research.

Keywords: business model, business model concept, e-business model, business model canvas

Acknowledgements. The author expresses gratitude to his supervisor Daria S. Benz, Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University, for valuable advice in the preparation of the article.

For citation: Levikova TV. Evolution of electronic business models in the age of digitalization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473)):287-293. (In Russ.).

Введение

Рождение концепции бизнес-модели (БМ) восходит к 1960-м годам, но активно изучаться она стала только в середине 1990-х годов с ростом коммодификации интернета, развитием цифровой экономики. Мутации, лежащие в основе развития БМ, носят не только технологический характер. Два других экономических (стремление создать акционерную стоимость) и регуляторных (в частности, дерегулирование телекоммуникационного сектора) фактора оказали значительное влияние и привели к появлению новых профессий, созданию моделей доходов и возрастающей сложности межотраслевых отношений (твердые отношения) [1]. Поэтому эти изменения потребовали новых аналитических схем и новых концепций, в том числе и БМ, для того чтобы лучше понять их и интегрировать в стратегию фирм. Таким образом, цель этой статьи состоит в том, чтобы объяснить концепцию БМ, ее появление в литературе и ее интерес к исследованиям в области предпринимательства.

Рождение бизнес-модели и концепции электронных бизнес-моделей

Динамическое развитие бизнес-моделей (БМ) породило множество определений данного понятия в научной литературе.

Самая старая и наиболее убедительная попытка определить концепцию БМ была сделана А. Вишио и А. Пастернаком [2]. По их определению, БМ состоит из пяти элементов, образующих систему ценностей, общая ценность которой превышает сумму составляющих: ядра, бизнес-подразделений, предоставления услуг, управления и связи. Эта концепция описывает элементы, внутренние и внешние по отношению к фирме, а также их собственные цели с точки зрения производительности.

Это видение было впервые завершено подходом П. Тиммерса [3]. Он определяет БМ как:

- структуру потока продуктов, услуг и информации, включая описание различных действующих лиц в модели и их ролей;
- описание потенциальных выгод каждого действующего лица в модели;
- описание источников дохода.

Другие авторы впоследствии расширили эту концепцию. Дж. Линдер и С. Кантрелл заявляют: «Это богатое, молчаливое понимание того, как все части работают вместе, чтобы делать деньги» [4]. Эти авторы провели опрос среди лидеров компаний, чтобы проверить такое видение БМ.

В результате 62 % опрошенных с трудом могли описать им свои БМ; они говорили только об успехе использования определенной БМ, в то время как для Т. Лолиера и А. Телиера БМ была способом, которым компания создавала стоимость.

На самом деле определение БМ является сложной задачей, потому что это понятие связано с такими динамическими аспектами, как создание ценности, конкурентоспособность и изменения.

М. Портер охарактеризовал эту концепцию как «нечеткую», «поверхностную» и «теоретически трудную для понимания» [5]. Дж. Магретта указывает, со своей стороны, что распространенной ошибкой по отношению к БМ является рассмотрение их как стратегии: «Бизнес-моделирование является управленческим эквивалентом научного метода — вы начинаете с гипотезы, которую можете проверить в действии и пересмотреть при необходимости» [6].

Какое бы определение ни было выбрано, важно отделить концепцию БМ от стратегии и рассматривать ее как динамическую концепцию, которая постоянно подвергается воздействию рыночных условий, состояния отрасли, навыков фирмы, ее сетей и т. д.

От бизнес-модели к электронной бизнес-модели

Коммерческое развитие интернета позволило ускорить создание новых БМ и переопределить уже существующие [7]. Это связано с тем, что интернет — это не просто новый канал распределения, он влияет на все виды деятельности в цепочке создания стоимости, независимо от того, являются ли они ключевыми или нет, и породил новые способы ведения бизнеса, называемые электронным бизнесом. Например, интернет укрепляет функцию исследований и разработок (вспомогательная деятельность в соответствии с концепцией цепочки создания ценности М. Портера), помогая в коллективном проектировании продуктов между сайтами и участниками системы ценностей и каталогизируя концепции, доступные для всех ветвей сети, таким образом предоставляя доступ в режиме реального времени ко всем базам данных продаж и услуг. Интернет также позволяет сократить время передачи заказов за счет автоматизации отношений как с клиентами, так и с поставщиками и внедрения действительно интегрированного управления. Влияние такой практики на эффективность работы заключается в создании дополнительной добавленной стоимости для компании [5].

По аналогии, термин «электронная бизнес-модель» (э-БМ) появился в литературе для обозначения БМ электронного бизнеса. Понятие, производное от БМ, также трудно поддается определению и может быть воспринято по-разному. Вот почему многие авторы пытались определить его с помощью эвристического подхода, то есть исходя из своих наблюдений за рынком. На прак-

тике эти два термина взаимозаменяемы, когда речь идет о секторе ИКТ. Это приводит к разнообразию исследований как по количеству идентифицированных э-БМ, так и по их характеристикам. Что касается характеристик, выбранных для установления типологии, то каждый автор ссылался на разные теоретические или практические аспекты (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Примеры параметров классификации э-БМ Examples of e-MB classification parameters

Автор	Параметр
П. Тиммерс [3]	– уровень функциональной интеграции (от одной функции до нескольких функций); – степень инновационности (низкая или высокая); – влияние на цепочку создания стоимости
Б. Махадеван [8]	– структура рынка; – целевой рынок (B2B или B2C)
Л. Эпплгейт [7]	– источники дифференциации (собственные запасы, онлайн-продажи, цена, фиксированная онлайн, продукты, уровень персонализации и т. д.); – источники дохода; – понесенные расходы
Т. Новак и Д. Хоффман [9]	– модели доходов; – модели потребительской ценности

Даже если обнаружено несколько сходств, сравнения, которые можно сделать, часто являются приблизительными из-за несовместимости выбранных размеров. Действительно, у П. Тиммерса есть видение, очень сосредоточенное на внутренней динамике э-БМ и на их взаимодействии с окружающей средой [3]. Что касается Б. Махадевана, то он предпочитает «макро» точку зрения, согласно которой электронные бизнес-модели зависят от типов отношений между игроками на одном и том же рынке [8]. Эти два автора не говорят ни о полученном доходе, ни о понесенных затратах и очень мало говорят о создании стоимости. Точно так же исследования, обращенные на эти аспекты, рассматривали их отдельно или частично.

Л. Эпплгейт нашел начало решения, предложив классификацию источников дохода по четырем основным категориям: доход от рекламы, контента, сообщества и инфраструктуры [7].

Классификация электронных бизнес-моделей, представленная Л. Эпплгейтом, очень точна в отношении создания стоимости для электронных бизнес-моделей (источники дифференциации, доходы и понесенные затраты), но ценность, создаваемая для клиентов, не играет существенной роли.

Единственное размышление, которое примиряет эти разные измерения, приписывается Т. Новаку и Д. Хоффману. Они определяют э-БМ как комбинацию модели дохода и модели потребительской ценности (рис. 1).

Действительно, Т. Новак и Д. Хоффман представляют «интеграцию модели клиента», в которой определение э-БМ связано как с «моделями ценности» для клиентов (модель ценности), так и с «моделями дохода» (модель дохода). Тогда можно выделить двенадцать различных моделей ценности (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Модели ценности для клиентов Customer Value Models

Модель ценности	Ценность, созданная для клиента	Пример компании
1. Брокерские услуги	Содействие встречам между продавцами и покупателями (рынки B2B, B2C или C2C)	eBay Inc Priceline.com

Окончание таблицы 2

Table 2 (end)

Модель ценности	Ценность, созданная для клиента	Пример компании
2. Содержание	Удовлетворение информационных потребностей всех типов	Dotdash (About.com) Дзен
3. Поиск	Целевая искомая информация	Google Yandex
4. Стимул	Это включает в себя начисление баллов клиентам, которые, достигнув определенного порогового значения, могут получить доступ к определенным продуктам и услугам	MyPoints
5. Бесплатное ПО	Клиенты получают доступ к полезному программному обеспечению бесплатно	Gratuiciel.com
6. Коммуникация	В основном это бесплатные услуги электронной почты, чата или интернет-телефонии	Skype VK
7. Контроль	Давление со стороны групп потребителей с целью защиты конфиденциальности, прав собственности на контент и бойкота неэтичного контента является ценным дополнением	Anonymizer
8. Аутсортинг	Клиент напрямую подключается через Internet-ERP к производителю для большего контроля над его запросами	Iprint
9. Развлечение	Концепция основана на предоставлении конкретной информации по определенной области интересов или развлекательной программе	M6
10. Сделка	Покупатель получает доступ к магазинам, которые обычно недоступны географически, посредством тематической сборки	Modern designer furniture
11. Партнерство	Эта модель больше ориентирована на МСП, которые хотят заявить о себе в интернете. Оплата рекламных расходов ограничивается только количеством кликов по баннеру	Amazon ART+COM
12. Сообщество	Клиенты сообщества могут идентифицировать пользователей интернета, с которыми они хотят установить отношения любого типа, на основе инструментов исследования сходства	MouthShut.com ConsumerSearch

Источник: составлено автором на основе [11].

Модель дохода (R)

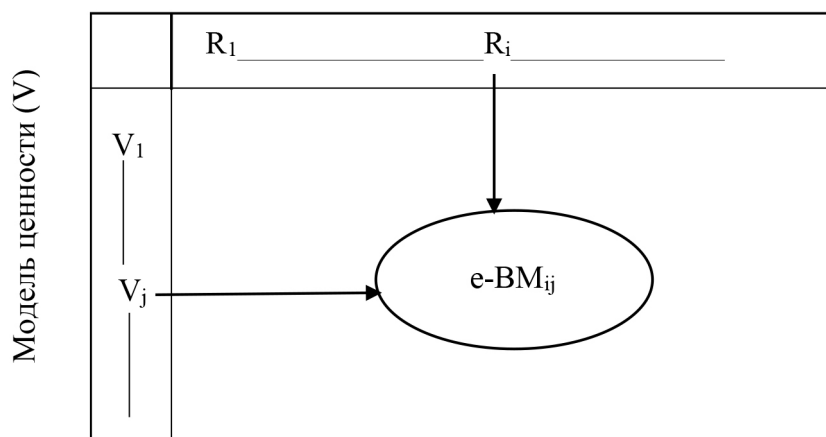

Рис. 1. Ценности, доходы и «интеграция моделей клиентов»

Источник [9]

Fig. 1. Values, revenues and “customer model integration”

Source [9]

Но эти модели дохода или ценности, созданной для клиентов, нельзя считать исчерпывающими по двум основным причинам:

– сложность определения единой типологии э-БМ: можно представить столько моделей,

сколько существует комбинаций источников дохода; появление новой э-БМ означает наличие новой оригинальной комбинации источников дохода или даже создание нового элемента, приносящего доход;

— существование других источников дохода, кроме представленных Л. Эпплгейтом (доход от рекламы, контента, сообщества и инфраструктуры). Т. Новак и Д. Хоффман определяют, во-первых, доход от продажи данных о клиентах (электронные письма, адреса, покупательское поведение и т. д.), во-вторых, покупку в магазине после консультации о продуктах в интернете и, в-третьих, повышение эффективности и результативности — реальные источники дохода [9].

Для А. Афуаха и К. Туччи БМ представляет собой набор видов деятельности, который позволяет фирме стабильно зарабатывать деньги [10]. Их подход основан на создании ценности между несколькими игроками. Таким образом, БМ должна давать ответы на следующие вопросы: «Какова природа ценностного предложения, сделанного клиентам?», «Каким категориям клиентов будет адресовано ценностное предложение?», «Как можно оценить ценностное предложение и опре-

делить его цену?», «Кто будет платить?», «Какова стратегия ценностного предложения?», «Как построить это ценностное предложение?», «Как сохранить преимущество, полученное благодаря этому ценностному предложению?».

Подводя итог (табл. 3), мы можем определить бизнес-модель как комбинацию трех элементов:

- 1) ценностного предложения, доставленного покупателю;
- 2) производства этого ценностного предложения;
- 3) модели дохода (как вознаграждается это ценностное предложение?).

Таким образом, концепция БМ основана на другом понятии — «ценностное предложение», которое, по сути, было изобретено гуру менеджмента для характеристики «продуктовой» инновации. Эта концепция определяет в дополнение к самому продукту или услуге ценность, или преимущества, воспринимаемые клиентами.

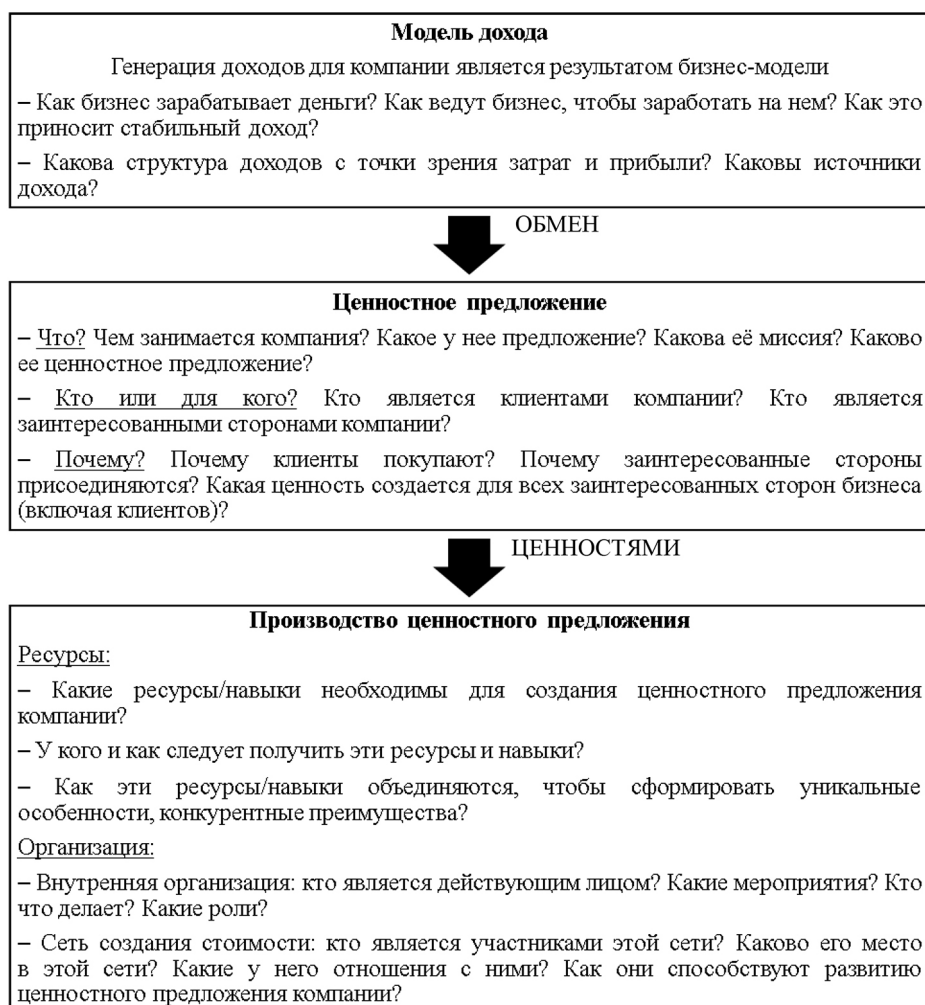

Рис. 2. Определение концепции бизнес-модели
Источник: составлено автором на основе [11]

Fig. 2. Define the concept of the business model
Source: compiled by the author based on [11]

Канва бизнес-модели, или бизнес-модель А. Остервальдера

Самой распространенной на сегодняшний день бизнес-моделью является канва бизнес-модели, которую разработал А. Остервальдер. Он, опираясь на подходы предшественников и литературу по менеджменту, принимает схему БМ, в которой выделяет четыре области: продукт, клиентский интерфейс, управление инфраструктурой и финансовые аспекты [12].

А. Остервальдер с целью получения формализованной конструкции разбивает эти четыре «столпа» БМ на девять взаимосвязанных компонентов:

1) ценность предложения (корзина товаров и услуг, предлагаемых покупателям);

2) интерфейс клиента относится к целевым клиентам (сегмент клиентов, которым компания хочет предложить ценности);

3) каналы продвижения (средства связи и взаимодействия с клиентами);

4) взаимоотношения с клиентами (тип связи, которую компания устанавливает с клиентами);

5) ключевые ресурсы (набор ресурсов, необходимых для создания ценности для клиента);

6) ключевые процессы (способность повторять все действия, необходимые для создания ценности для клиента);

7) ключевые партнеры (добровольное сотрудничество между двумя или более компаниями, которые связаны целью создания ценности для клиента);

8) структура затрат (денежный перевод всех средств, направленных на то, чтобы сделать БМ удобной и современной, более операционной);

9) модель доходов (которая объясняет, как компания зарабатывает деньги на развитие и получение прибыли через различные источники дохода).

Таблица 3

Table 3

Бизнес-модель А. Остервальдера
Business model of A. Osterwalder

Ключевые партнеры	Ключевые процессы	Ценность предложения	Взаимоотношения с клиентами	Целевые клиенты
	Ключевые ресурсы		Каналы продвижения	
Структура затрат			Модель доходов	

Источник [13]

Заключение

Цель этой статьи состояла в том, чтобы объяснить концепцию БМ, ее появление в литературе и ее интерес к исследованиям в области предпринимательства.

Анализ литературы приводит к следующим выводам.

1. Само определение понятия бизнес-модели основано на понятии «ценностное предложение», которое характеризует инновацию продукта.

2. Научная литература по бизнес-моделям многочисленна. Следовательно, это не «пустое» понятие. Посвященная ему литература в настоящее вре-

мя стабилизируется, что показывает определенную степень зрелости данной темы, однако четкое понятие бизнес-модели до сих пор не выработано.

Концепция БМ отвечает на фундаментальный вопрос, который должен задать себе каждый менеджер: как мы зарабатываем деньги в бизнесе? Он лежит в основе экономической логики, объясняющей, как приносить пользу клиентам по разумной цене. Другими словами, концепция БМ объясняет, как предприятия функционируют и процветают. Соответственно, создание БМ похоже на написание новой истории об успешном способе ведения бизнеса и получения доходов.

Список литературы

1. Rédis J. Le Business model: notion polymorphe ou concept gigogne? 5ème Congrès de l'Académie de l'entrepreneuriat, Sherbrooke, Québec, 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/242596483_Le_Business_model_notion_polymorphe_ou_concept_gigogne
2. Viscio A. J., Pasternack A. Toward a new business model. 1996. URL: <http://www.strategy-business.com/press/16635507/14974>
3. Timmers P. Business models for electronic markets. Electronic Markets. 1988. Vol. 8. No. 2. Pp. 2–8.
4. Linder J., Cantrell S. Changing Business Models: Surveying the Landscape. Accenture Institute for Strategic Change, 2000. 15 p.
5. Porter M. E. Strategy and the Internet. Harvard Business Review. 2001. Vol. 79. No. 3. Pp. 62–78.
6. Magretta J. Why Business Models Matter. Harvard Business Review. 2002. Vol. 80. No. 5. Pp. 86–92.

7. Applegate L. M. Emerging e-Business Models: Lessons from the Field. Harvard Business School. 2001. No. 9-801-172. Pp. 14–23.
8. Mahadevan B. Business Models for Internet-based e-Commerce: An anatomy. California Management Review. 2000. Vol. 42. No. 4. Pp. 55–69.
9. Novak T. P., Hoffman D. L. Profitability on the Web: Business Models and Revenue Streams. eLab Position Paper, Owen Graduate School of Management, Vanderbilt University, 2001. Pp. 9–18.
10. Afuah A., Tucci C. Internet Business Models and Strategies. Boston, McGraw Hill, 2001. 496 p.
11. Arlotto J., Sahut J., Teulon F. Le concept de Business Model au travers de la littérature. Gestion 2000. 2011. Vol. 28. No. 4. Pp. 33–47. doi: 10.3917/g2000.284.0033.
12. Osterwalder A. The Business Model Ontology — a Proposition in a Design Science Approach: (Doctoral Dissertation). University of Lausa N. N. Switzerland, 2004. 172 p.
13. М. Ю. Гордеев, Я. И. Фатьянов, А. С. Скоробогатова, Н. П. Байскова. Влияние сквозных технологий на элементы канвы бизнес-модели // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 8. С. 53–56. doi : 10.24411/2411-0450-2019-11110.

References

1. Rédis J. Le Business model: notion polymorphe ou concept gigogne? 5ème Congrès de l'Académie de l'entrepreneuriat, Sherbrooke, Québec ; 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/242596483_Le_Business_model_notion_polymorphe_ou_concept_gigogne (In Frech).
2. Viscio AJ, Pasternack A. Toward a new business model. 1996. URL: <http://www.strategy-business.com/press/16635507/14974>
3. Timmers P. Business models for electronic markets. *Electronic Markets*. 1988;8(2):2-8.
4. Linder J, Cantrell S. Changing Business Models: Surveying the Landscape. Accenture Institute for Strategic Change; 2000. 15 p.
5. Porter ME. Strategy and the Internet. *Harvard Business Review*. 2001;79(3):62-78.
6. Magretta J. Why Business Models Matter. *Harvard Business Review*. 2002;80(5):86-92.
7. Applegate LM. Emerging e-Business Models: Lessons from the Field. *Harvard Business School*. 2001;(9-801-172):14-23.
8. Mahadevan B. Business Models for Internet-based e-Commerce: An anatomy. *California Management Review*. 2000;42(4):55-69.
9. Novak TP, Hoffman DL. Profitability on the Web: Business Models and Revenue Streams. eLab Position Paper, Owen Graduate School of Management, Vanderbilt University; 2001. Pp. 9–18.
10. Afuah A, Tucci C. Internet Business Models and Strategies. Boston, McGraw Hill; 2001. 496 p.
11. Arlotto J, Sahut J, Teulon F. Le concept de Business Model au travers de la littérature. *Gestion 2000*. 2011;28(4):33-47. doi 10.3917/g2000.284.0033. (In Frech).
12. Osterwalder A. The Business Model Ontology — a Proposition in a Design Science Approach: (Doctoral Dissertation). University of Lausa N. N. Switzerland; 2004. 172 p.
13. Gordeev MYu, Fatyanov YaI, Skorobogatova AS, Bayskova NP. Influence of end-to-end technologies on the elements of the business model canvas. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2019;(8):53-56. doi 10.24411/2411-0450-2019-11110. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. В. Левикова — магистрант Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

T. V. Levikova — master student of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; при-
нята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved
after reviewing 27.03.2023; accepted for publication
31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 331.08

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ МЕНЕДЖЕРА ПО ПЕРСОНАЛУ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

Юй Цзыминь¹, Ли Хунян²

^{1,2} Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, anyaanran@mail.ru

Аннотация. Процесс управления персоналом поддерживает весь трудовой цикл сотрудника, от первоначального найма до увольнения, и помогает компании функционировать должным образом. В данной связи актуализируется изменение роли менеджеров по персоналу предприятия в эпоху больших данных, что является предметом статьи. Цель статьи — исследование особенностей трансформации роли менеджеров по персоналу предприятия в эпоху больших данных. Методология: сравнение, анализ научных публикаций, ретроспективный метод, системно-логический метод. В настоящее время предприятиям необходимо внедрять инновационные технологии, чтобы обеспечить себе конкурентные преимущества в глобальной конкурентной среде. Управление персоналом, хотя и является одной из самых важных сфер деятельности хозяйствующих субъектов, достаточно часто на практике упускается из виду, когда речь идет об использовании новейших технологий. Делается вывод об изменении роли менеджеров по персоналу предприятия в эпоху больших данных в таких областях, как найм, удержание сотрудников, общее кадровое планирование, управление производительностью, налаживание каналов связи с другими отделами компании, обучение сотрудников, их адаптация, оценка вовлеченности сотрудников, автоматизация.

Ключевые слова: большие данные, инновационная технология, инновация, искусственный интеллект, менеджер по персоналу, персонал, предприятие, управление персоналом

Для цитирования: Юй Цзыминь, Ли Хунян. Трансформация роли менеджера по персоналу предприятия в эпоху больших данных // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 294–300.

Original article

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF THE HR MANAGER OF THE ENTERPRISE IN THE AGE OF BIG DATA

Yu Tszymmin¹, Li Hongyang²

^{1,2} Belarusian State University, Minsk, Belarus, anyaanran@mail.ru

Abstract. The HR process supports the entire life cycle of an employee, from initial hire to termination, and helps the company function properly. In this regard, the change in the role of HR managers of an enterprise in the era of big data is updated, which is the subject of the article. The purpose of the article is to study the features of the transformation of the role of HR managers in the era of big data. Methodology: comparison, analysis of scientific publications, retrospective method, system-logical method. Today, businesses need to innovate in order to gain a competitive edge in a globally competitive environment. Although personnel management is one of the most important areas of activity for business entities, it is quite often overlooked in practice when it comes to using the latest technologies. It is concluded that the role of HR managers in the enterprise in the era of big data is changing in such areas as hiring, retaining employees, general personnel planning, performance management, establishing communication channels with other departments of the company, training employees, their adaptation, employee engagement assessment, automation.

Keywords: big data, innovative technology, innovation, artificial intelligence, personnel manager, staff, enterprise, personnel management

For citation: Yu Tszymmin, Li Hongyang. Transformation of the role of the HR manager of the enterprise in the age of big data. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):294-300. (In Russ.).

Введение

В условиях современности для того, чтобы являться эффективным в своей деятельности, менеджер по персоналу должен быть в курсе последних технологических разработок. Цифровая трансформация вкупе с новыми технологиями ведут к реорганизации, преобразованию многих компаний, и большие данные лежат в основе этих трансформаций.

Большие данные используются в самых разных сферах, от образования до транспорта, здравоохранения и даже рекрутинга. Данные — это просто информация, и чем их больше, тем эффективнее можно использовать их для оптимизации хозяйственных процессов. Искусственный интеллект и большие данные теперь неразделимы. Большие данные становятся обычным явлением в современном деловом мире, в операциях, в обслуживании клиентов, в маркетинге и управлении персоналом. Целью статьи является исследование особенностей трансформации роли менеджера по персоналу предприятия в эпоху больших данных.

Обзор литературы

Как отмечает Д. А. Шитилина, большие данные, характеризующиеся четырьмя ключевыми параметрами — объем, скорость, разнообразие и ценность, — помогают принимать более эффективные стратегические бизнес-решения. Ввиду текущих рыночных тенденций эта концепция выходит за рамки хранения огромного количества информации, что приводит к тому, что ранее используемые аналитические методы становятся излишними [10, с. 32]. В нынешних условиях иметь много данных, поступающих в организацию, — это одно, но иметь возможность хранить, анализировать и визуализировать их в режиме реального времени — совсем другое. В данном сценарии требуется иметь информацию в реальном времени, чтобы полностью понять, что происходит внутри организации, а также за ее пределами. И в этой связи на первый план выступает концептуализация технологий больших данных [3, с. 9].

В течение последних лет хозяйствующие субъекты все чаще обращаются к использованию больших данных для достижения различных целей, включая более эффективный маркетинг, оптимизацию операций, повышение продаж или прочие достижения, которые имеют решающее значение для успеха предприятия. Вместе с тем, независимо от того, как используются большие

данные, руководство многих компаний справедливо рассматривает их в качестве важнейшего инструмента для перспективного роста. Многие специалисты по кадрам осознали ценность больших данных и начали использовать их для принятия стратегических решений в области управления персоналом [4, с. 32]. В данной связи актуализируется проблематика трансформации роли менеджера по персоналу в эпоху больших данных.

По справедливому замечанию А. Т. Сейраняна, А. В. Мартиросяна, искусственный интеллект и большие данные способствуют устранению предвзятых решений и помогают HR-специалистам совершать результативные действия, сокращая ручной анализ и предоставляя рекомендации, базирующиеся на данных, а не на человеческих эмоциях [8, с. 1245]. Следовательно, благодаря глубокому и мгновенному пониманию, которое обеспечивает искусственный интеллект, специалисты по персоналу смогут удерживать, привлекать и нанимать компетентные кадры для повышения эффективности хозяйственной деятельности.

Применительно к трансформации роли менеджера по персоналу в эпоху больших данных следует отметить, что эти данные имеют определяющее значение в процессе найма. Когда менеджеры занимаются поиском новых сотрудников, они могут использовать данные с сайтов вакансий и социальных сетей, чтобы найти людей с точной квалификацией, которая требуется для конкретной должности.

Использование больших данных может помочь избежать неудачного найма. Если удастся достичь уменьшения вероятности найма на работу не того человека, можно сэкономить бизнесу значительные суммы денег в долгосрочной перспективе.

Как отмечает Н. К. Благодетелева, поиск подходящих сотрудников выходит за рамки определения простого списка критериев. Большие данные позволяют узнать, что действительно важно для конкретной организации. Компании должны проводить собственный анализ больших данных для своих уникальных целей найма и обучения, а не полагаться на квалификацию, которую высоко ценят другие компании [1, с. 25].

Например, одна компания, использующая большие данные, может обнаружить, что люди с соответствующим опытом работы с меньшей вероятностью останутся в организации в долгосрочной перспективе и что продолжительность пребывания на предыдущих местах работы не влияет на текущую

производительность сотрудников. Основываясь на этих выводах, компания могла бы вместо этого сосредоточиться на том, что, с позиции больших данных, было релевантным.

Итак, благодаря использованию больших данных предоставляется возможность уменьшить количество неверных решений о найме. Это, пожалуй, самое очевидное преимущество использования больших данных в HR. Неверные решения о найме отрицательно сказываются на компаниях, поскольку поиск кандидатов требует времени и ресурсов. Неверное решение может означать, что придется повторить весь процесс снова. Но большие данные могут помочь в этом процессе. Используя подход к найму, основанный на больших данных, менеджеры не только ускоряют процесс, но и повышают вероятность того, что кандидат, который выбирается, будет преуспевать на своей новой должности.

Одной из самых сложных задач отдела кадров в целом и менеджеров по персоналу в частности является удержание сотрудников. Предприятия с высокой текучестью кадров тратят множество ресурсов на сотрудников, которые в конечном итоге не остаются в компании. По замечанию М. Е. Романовой, с помощью больших данных менеджеры могут получить более точную информацию на предмет того, кто увольняется, как часто увольняются сотрудники и есть ли закономерности, касающиеся тех, кто ищет работу в другом месте. В то же время данные можно анализировать, чтобы выявить закономерности относительно людей, которые решили остаться в компании [5, с. 425]. Выводы могут помочь менеджерам по персоналу разрабатывать модели удержания сотрудников.

Применительно к проблематике удержания сотрудников целесообразно обратиться к конкретным примерам. Так, в компании могут проявиться определенные аспекты, которые влияют на моральный дух сотрудников. Возможно, некоторые сотрудники считают, что они упускают возможности для развития. Важно определить причины и принять меры для их устранения. Если отдел кадров внимательно следит за аналитикой больших данных, он может быстрее выявлять проблемы. Сопоставляя данные о заработной плате, рабочей нагрузке, возможностях продвижения по службе и отзывах сотрудников, менеджер по персоналу может использовать прогнозный анализ, чтобы определить, какие сотрудники с большей вероятностью уволятся, и оперативно решить эти проблемы. Благодаря обращению к большим дан-

ным специалисты также могут определять закономерности увольнений. Так, например, можно обнаружить увеличение числа сотрудников, покидающих компанию в определенный месяц или сезон. Анализируя эти данные, менеджер по персоналу может точно определить, почему это происходит, и принять требуемые меры.

Иногда специалист мало что способен сделать, чтобы помешать сотрудникам уволиться. Однако, собирая данные о том, почему они приняли такое решение, менеджер по персоналу может определить общие причины и уменьшить вероятность того, что это произойдет в будущем.

Большие данные могут помочь информировать менеджеров по персоналу об общем кадровом планировании компании. Например, специалисты могут использовать эти данные, чтобы определить потребность в дополнительных ресурсах и рационально распределить задачи между сотрудниками для предотвращения «выгорания». Имея четкое представление о том, какой тип работников лучше всего подходит для каждой работы, можно принимать эффективные решения о найме и распределении для максимизации прибыльности.

Ключевая роль при использовании больших данных отводится управлению производительностью. Большие данные могут помочь владельцам бизнеса и руководителям отделов кадров более точно измерять эффективность сотрудников. Компании, использующие инструменты повышения эффективности сотрудников, могут определить, что некоторые сотрудники с почасовой оплатой не так продуктивны в определенные смены, и могут обращаться к планам повышения производительности. В качестве альтернативы аналитика предоставляет возможность выявить сотрудников, которые постоянно добиваются высоких результатов и, следовательно, заслуживают бонусов.

Когда у менеджера имеются достоверные данные, подтверждающие его решения по управлению эффективностью, он может быть уверен, что относится к работникам справедливо в зависимости от их производительности. Менеджеры по персоналу также могут использовать аналитику больших данных для улучшения обучения на рабочем месте и обеспечения того, чтобы сотрудники посещали такие занятия и действительно применяли полученные знания на своих должностях. Эти задачи в плане реализации намного сложнее, если не прибегать к инструментарию больших данных.

Слишком часто отделы кадров рассматриваются отдельно от остальной части компании. Для того чтобы быть эффективным, менеджер по персоналу должен общаться с сотрудниками компании. Например, адаптация — это важный шаг для новых сотрудников, который дает им возможность изучить все нюансы своей роли.

В данной связи менеджер по персоналу должен ориентироваться на хорошо налаженные каналы связи с другими отделами, чтобы адаптация прошла успешно. Пробелы в общении могут замедлить этот процесс и сделать адаптацию менее результативной. По справедливому замечанию И. А. Дониной, И. А. Дагаевой, С. Н. Водневой, для улучшения коммуникации необходимо регулярно обмениваться информацией между отделами. Если в работе менеджеров используются большие данные, информация будет централизованной [2, с. 69].

Применение больших данных в практике менеджеров по персоналу рассматривается через призму возможностей обучения сотрудников. Руководство компаний иногда воспринимает курсы как ресурсоемкие, трудоемкие и не дающие ожидаемых результатов. Достаточно ограниченное число предприятий вкладывают средства в очное обучение. Но при правильном подходе обучение может дать работникам новые ценные навыки. Аналитика больших данных может помочь менеджерам по персоналу создавать более увлекательные и эффективные курсы. Например, такие данные позволяют получить представление об индивидуальных моделях обучения конкретных сотрудников. Как отмечает К. Р. Садыкова, чем лучше менеджеры по персоналу понимают, как учатся работники, тем результативнее они смогут приспособить учебные материалы к их потребностям [6, с. 174].

Итак, большие данные позволяют менеджерам по персоналу измерять потенциальную эффективность конкретной инициативы по обучению, чтобы убедиться, что компания делает разумные инвестиции, когда речь идет об обучении и развитии сотрудников. Проведение частых оценок производительности также может помочь специалистам по персоналу лучше оценить эффективность их усилий по развитию сотрудников.

Оценка вовлеченности сотрудников — еще одна весьма значимая сфера применения больших данных. Вовлеченность сотрудников играет определяющую роль в успехе любой организации. В прошлом менеджеры по персоналу полагались, главным образом, на опросы о вовлечен-

ности сотрудников, надеясь, что они дадут правдивые ответы. Но большие данные предлагают информацию более ценную, чем опросы подобного типа. Большие данные и их анализ значительно упрощают определение того, кто работает действительно хорошо, а кто начинает утрачивать мотивацию.

В контексте вовлеченности анализ больших данных также помогает выявить, сталкивается ли какой-либо сотрудник с проблемами производительности. Например, может быть проведено дополнительное обучение для повышения квалификации именно этого работника. Каждому сотруднику требуется удовлетворение от работы, и, создавая оптимальную ситуацию, менеджеры по персоналу могут использовать их таланты и навыки таким образом, чтобы это приносило пользу бизнесу.

Трансформация роли менеджеров по персоналу в эпоху больших данных напрямую сопряжена с автоматизацией. Автоматизация означает упрощение и сокращение длительности процессов, и ее использование вместе с большими данными может принести пользу отделу кадров. При объединении этих двух подходов и внедрении автоматизации больших данных время, необходимое для подготовки данных для анализа, будет значительно сокращено, а сами данные будут собраны и организованы в более доступном и управляемом формате.

Автоматизация имеет и другие сферы применения в управлении персоналом. Как отмечает М. Е. Романова, в увязке с большими данными ее можно использовать для оптимизации:

- работы с документами;
- распределения вознаграждений для сотрудников;
- обеспечения своевременности выплат и изменений заработной платы [5, с. 425].

Автоматизация способствует не только высвобождению большего количества времени для стратегического планирования, но и снижению вероятности допущения ошибок (из-за действия так называемого человеческого фактора). Благодаря увязке автоматизации с большими данными формируется отдел кадров, который будет заниматься налаживанием связей с сотрудниками и меньше сосредотачиваться на администрировании.

Далее необходимо обратиться к характеристике тенденций, сопровождающих трансформацию роли менеджеров по персоналу в эпоху больших данных (на основе информации, приводимой в публикациях) [7, с. 95; 9, с. 517].

1. Акцент на стратегических аспектах. В то время как компании внедряют аналитику больших данных и предусматривают обучение менеджеров по персоналу использованию этих новых программ, они в основном сосредотачиваются на стратегическом использовании собираемых данных.

2. Более интеллектуальная предиктивная аналитика. В целом предиктивная аналитика может быть полезным инструментом для бизнеса. Предиктивная аналитика может предоставить прогноз тенденций в отрасли, а также информацию о льготах для сотрудников, управлении талантами и продвижении по службе. Например, предприятия могут использовать прогнозную аналитику для измерения эффективности мероприятий по обучению сотрудников и определения того, какие сотрудники с большей вероятностью достигнут поставленных целей и почему.

3. Большие данные как фактор повышения ценности человеческого капитала. Руководство большинства компаний заявляет, что человеческий капитал является одним из самых важных активов; при этом многие организации пытаются подтвердить это утверждение данными. С помощью аналитики данных компании могут «присваивать» финансовую ценность отдельным задачам, поддерживающим функционирование бизнеса, чтобы можно было лучше понять финансовое влияние каждого сотрудника, работающего в организации.

4. Инструменты аналитики больших данных становятся проще и доступнее. Одной из причин, которая удерживает некоторые компании от полного внедрения аналитики данных, является отсутствие доступности и сложность доступных программ. Однако по мере того, как популярность бизнес-аналитики и больших данных продолжает расти, увеличивается и количество вариантов для компаний, стремящихся внедрить аналитику данных.

5. Сбор данных с помощью датчиков открывает новую перспективу для сферы управления персоналом: HR-специалисты начинают открывать для себя ценность данных, получаемых с помощью датчиков. Онлайн-платформы и внутренние системы мониторинга — вот некоторые из способов, с помощью которых специалисты могут собирать данные посредством датчиков. Сенсоры могут помочь отделам кадров отслеживать безопасность сотрудников и регулировать политику соблюдения требований HR.

Обсуждение результатов

При рассмотрении сущности больших данных следует отметить, что одним из ключевых аспектов является множество задействованных типов данных. Единая система больших данных может содержать:

- XML-документацию;
- необработанные файлы журналов;
- текстовые файлы;
- изображения;
- видео, аудио и традиционные структурированные данные.

Это обычно называют разновидностью больших данных, и для того, чтобы хранить и обрабатывать некоторые из этих типов данных, особенно изображения, видео- и аудиофайлы, которые могут быть очень большими, требуется система, способная быстро и легко масштабироваться. Большие данные обычно представляют собой ресурс со многими типами данных и потенциалом большого масштаба, быстрого обновления. Это также включает в себя новые способы хранения, обработки, управления и анализа данных, на основе которых принимаются бизнес-решения. Эти новые методы обеспечивают преимущества больших данных, к которым стремятся как руководители предприятий, так и представители отделов кадров.

В последние годы менеджеры по персоналу успешно используют большие данные и признают, что анализ данных может оказать существенное позитивное влияние за счет минимизации рисков и улучшения процесса принятия решений с точки зрения организационной эффективности и управления.

В рамках кадровой аналитики специалисты собирают и анализируют данные о нынешних и потенциальных сотрудниках компании. В большинстве случаев цель состоит в том, чтобы оптимизировать затраты предприятия. По мере того, как все больше организаций внедряют решения, направленные на работу с большими данными, они находят новые способы предотвращения расточительных расходов, в том числе расходов на персонал.

По мере того как искусственный интеллект продолжает менять способы принятия управленческих решений и планирования ожиданий роста, все больше руководителей, включая менеджеров по персоналу, осознают преимущества использования интеллектуальных инструментов и платформ, которые помогают им управлять своими действиями в бизнесе.

С ростом количества сотрудников отделы кадров вынуждены переключаться на новые технологии, чтобы ускорить принятие решений в условиях нестабильной деловой среды. Огромное количество данных о людях, начиная от навыков и заканчивая оценками производительности, возрастом, сроком пребывания в должности, образованием, предыдущими должностями и так далее — понимание этих аспектов может помочь получить целостное представление о текущем составе, производительности и ресурсах для улучшения развития сотрудников, продуктов и услуг. Имея такой огромный набор ресурсов данных, специалисты по персоналу могут оценивать и улучшать методы, включая набор, обучение и развитие, производительность.

Принимая во внимание отмеченные в статье тенденции, подчеркнем, что множеству менеджеров по персоналу по-прежнему не хватает знаний о способах внедрения инноваций, в частности, искусственного интеллекта, в корпоративные процессы, что затрудняет переход в эпоху цифровых трансформаций. В течение следующих нескольких лет ряд компаний, игнорирующих потенциал больших данных, могут оказаться на грани неконкурентоспособности, что поставит на карту их выживание, если осведомленность о внедрении ресурсов искусственного интеллекта останется на поверхностном уровне.

Заключение

Итак, в нынешних условиях большие данные применяются в самых разных областях, от обра-

зования до транспорта, здравоохранения и даже рекрутинга. Данные являются, прежде всего, информацией, и чем в большем количестве они представлены, тем результативнее их можно использовать с целью оптимизации процессов в хозяйственной сфере.

Сегодня с уверенностью можно утверждать, что искусственный интеллект и большие данные неразделимы. Большие данные воспринимаются уже как обычное явление в деловой среде, в операциях, в обслуживании клиентов, в маркетинге и управлении кадрами.

Подводя итоги, необходимо отметить, что большие данные в деятельности менеджеров по персоналу помогают решить две ключевые задачи. Во-первых, они предоставляют текущую информацию о сотрудниках и рабочих процессах. Во-вторых, они помогают специалистам получить ценную информацию о возможных будущих событиях и разработать своевременные механизмы для их предупреждения, интенсификации или оптимизации. Мысль о том, что большие данные и аналитика данных являются обязательными инструментами для современных HR-специалистов на предприятиях, не должна вызывать удивления. Рациональное использование больших данных открывает множество перспектив в аспекте дальнейших исследований, в том числе речь идет о повышении производительности труда, персонализированных возможностях обучения, а также об улучшенных стратегиях привлечения кадров.

Список литературы

1. Благодетелева Н. К. Продвижение карьеры менеджера по персоналу в свете переосмысления функций управления персоналом в меняющемся мире // Самоуправление. 2020. № 3 (120). С. 23–26.
2. Донина И. А., Дагаева И. А., Воднева С. Н. Изучение факторов профессионального развития сотрудников организации в условиях изменений // Beneficium. 2021. № 1 (38). С. 65–72.
3. Кунина Е. В. Влияние цифровых технологий на организационное развитие предприятия // Вестник РГГУ. 2021. № 3. С. 8–20.
4. Орешина М. Н. Применение искусственного интеллекта в инновационной деятельности промышленных предприятий // E-Management. 2021. № 4 (1). С. 29–37.
5. Романова М. Е. Управление персоналом на основе анализа Big Data: риски и возможности // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 12 (51). С. 423–426.
6. Садыкова К. Р. Big Data как современный инструмент управления персоналом в эпоху цифровизации // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2022. С. 172–176.
7. Сардаров Я. Б., Гадживердиев Ч. А. Анализ больших данных при управлении персоналом: преимущества и риски // World Science: Problems And Innovations : сборник статей XLVIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 93–96.
8. Сейранян А. Т., Мартиросян А. В. Большие данные и их роль в системе управления персоналом // XLVII Гагаринские чтения 2021 : сборник тезисов работ. М., 2021. С. 1245–1246.

9. Утепбергенов А. О. Большие данные в управлении человеческими ресурсами // Экономика и социум. 2022. № 4-3 (95). С. 513–519.
10. Шитилина Д. А. Модель оценки больших данных на примере бизнес-процесса «управление персоналом» в торгово-розничной компании // Аудит. 2021. № 8. С. 32–34.

References

1. Blagodeteleva NK. Advancing the career of an HR manager in the light of rethinking the functions of personnel management in a changing world. *Samoupravleniye = Self-management*. 2020;(3(120):23-26. (In Russ.).
2. Donina IA, Dagaeva IA, Vodneva SN. The study of factors of professional development of employees of the organization in conditions of change. *Beneficium*. 2021;(1(38):65-72. (In Russ.).
3. Kunina EV. Influence of digital technologies on the organizational development of an enterprise. *Vestnik RGGU = Bulletin RGGU*. 2021;(3):8-20. (In Russ.).
4. Oreshina MN. The use of artificial intelligence in the innovation activity of industrial enterprises. *E-Management*. 2021;(4(1):29-37. (In Russ.).
5. Romanova ME. Human Resource Management Based on Big Data Analysis: Risks and Opportunities. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2020;2(12(51):423-426. (In Russ.).
6. Sadykova KR. Big Data as a modern tool for personnel management in the era of digitalization. In: *Aktual'nyye problemy obshchestva, ekonomiki i prava v kontekste global'nykh vyzovov = Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges*. Simferopol; 2022. Pp. 172–176. (In Russ.).
7. Sardarov YaB. Gadzhiverdiev ChA. Big data analysis in personnel management: benefits and risks. In: *World Science: Problems and Innovations*. Penza; 2020. Pp. 93–96. (In Russ.).
8. Seyranyan AT, Martirosyan AV. Big data and their role in the personnel management system. In: *XL-VII Gagarinskiye chteniya 2021 = XLVII Gagarin Readings 2021*. Moscow; 2021. Pp. 1245-1246. (In Russ.).
9. Utepbergenov AO. Big data in human resource management. *Ekonomika i sotsium = Economics and society*. 2022;(4-3(95):513-519. (In Russ.).
10. Shitilina DA. A model for evaluating big data on the example of the business process “personnel management” in a retail company. *Audit = Audit*. 2021;(8):32-34. (In Russ.).

Информация об авторах

Юй Цзыминь — магистрант 1 курса.

Ли Хунян — студент 4 курса.

Information about the authors

Yu Tszymmin — master student.

Li Hongyang — student.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Алёна Витальевна Попова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, alenapopova_2000@mail.ru

Аннотация. Проблема обеспечения целей устойчивого развития сегодня остается актуальной как на уровне страны и региона, так и в рамках отдельных секторов экономики и компаний. Соблюдение баланса между тремя основными аспектами данной теории: экологическим, социальным и экономическим — становится важным направлением деятельности бизнеса, прежде всего ориентированного на зарубежные рынки. Реализация мероприятий устойчивого развития, их эффективность определяет конкурентоспособность таких компаний на международной арене. Постоянно меняющиеся экономические, политические и социокультурные условия определяют особенности и текущие тенденции концепции устойчивого развития. В исследовании были рассмотрены ключевые тенденции такого подхода к ведению бизнес-процессов российских компаний, сделаны выводы об актуальности и приоритетности направлений устойчивого развития для отечественных компаний, выявлены перспективы применения концепции в текущих геополитических условиях.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экология, нефинансовая отчетность, тенденции устойчивого развития, российские компании

Благодарности. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Дарье Сергеевне Бенц, кандидату экономических наук, профессору кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, за ценные советы при подготовке статьи.

Для цитирования: Попова А. В. Современные тенденции устойчивого развития российских компаний. Вестник челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 301–308.

Original article

MODERN TRENDS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN COMPANIES

Alyona V. Popova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, alenapopova_2000@mail.ru

Abstract. The problem of ensuring the Sustainable Development Goals remains relevant today both at the level of the country and the region, and within individual sectors of the economy and companies. Maintaining a balance between the three main aspects of this theory — environmental, social and economic — is becoming an important area of business activity, primarily focused on foreign markets. The implementation of sustainable development measures, their effectiveness determines the competitiveness of such companies in the international arena. Constantly changing economic, political and socio-cultural conditions determine the features and current trends of the concept of sustainable development. The study examined the key trends of this approach to managing business processes in Russian companies, made conclusions about the relevance and priority of sustainable development areas for domestic companies, and identified prospects for applying the concept in the current geopolitical conditions.

Keywords: sustainable development, ecology, non-financial reporting, sustainable development trends, Russian companies

Acknowledgments. The author expresses his gratitude to his supervisor Darya S. Benz, Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics of Industries and Markets, Chelyabinsk State University, for valuable advice in preparing the article.

For citation: Popova AV. Modern trends in sustainable development of russian companies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(3(473):301-308. (In Russ.).

Введение

В настоящее время во всем мире все большее значение придается обеспечению баланса между эффективным решением социально-экономических задач общества, бизнеса и сохранением благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала. Концепция устойчивого развития активно входит в систему взаимодействия государства, населения и предприятий, в связи с чем на современном этапе развития экономики недостаточно добиваться экономического роста, важно обеспечивать его качественное изменение, которое позволит гарантировать существование и развитие общества в долгосрочной перспективе.

В рамках российской действительности формат устойчивого развития только начинает формироваться. Скорость и эффективность адаптации российской экономики к общемировому тренду на устойчивое развитие и экологическое благополучие напрямую зависит от системных решений как на государственном уровне, так и на уровне предприятий, в особенности наиболее чувствительных к природозащитным мероприятиям и углеродному регулированию. Так как бизнес является одной из движущих сил современного общества, в последнее время фокус смещается от устойчивого развития на макроуровне к микроуровню. Гибкость, ориентация на потребителя, социальная ответственность бизнеса и его экологичность — факторы, без которых современные компании не могут успешно существовать в XXI веке.

В связи с этим актуальность темы исследования определяется тем, что в настоящее время продолжают дискуссии о принципах и факторах устойчивого развития, появляются новые особенности и тенденции данного направления в постоянно меняющихся условиях экономической, политической и социальной системы.

Целью настоящего исследования является выявление и изучение современных тенденций устойчивого развития российских компаний.

Тема устойчивого развития социально-экономических систем в исследовательской литературе появилась в середине XX в., когда ученые начали формулировать основы данного понятия. Такого рода вопросы рассматривались в работах В. И. Вернадского [8], А. Г. Гранберга [15], В. И. Данилова-Данильяна [17], П. Тейяр де Шардена [16] и др.

Активный интерес к вопросу разработки концептуального видения устойчивого развития в международном научном поле появился в 1970-е гг. Термин «устойчивое развитие» возник и получил широкое распространение в 1987 г. после публикации научного доклада премьер-министра Норвегии Г. Х. Брунтланда «Наше общее будущее», озвученного в рамках работы Комиссии ООН по окружающей среде и развитию, где и было дано его классическое определение: развитие, которое дает возможность текущим поколениям людей удовлетворять свои потребности так, чтобы отсутствовало ущемление возможностей будущих поколений [12].

Объективная необходимость идей устойчивого развития и необходимость соответствующего перехода к данной концепции была обоснована в исследованиях Д. Медоуза [10], М. Месарович [11], Дж. Форрестер [18] и др. В рамках своих работ ученые рассматривали различные подходы к определению категории «устойчивое развитие», изучали ключевые принципы и аспекты концепции. Российские исследователи также активно дискутировали на тему устойчивого развития. А. В. Белоусов [3], С. Н. Бобылев [7], Е. А. Дмитренко [9], Е. В. Новикова [13], В. И. Бархатов [1], Д. С. Бенц [4] преимущественно рассматривали устойчивое развитие в макромасштабе, т. е. на уровне мира, страны, региона.

Теоретические и практические аспекты устойчивого развития отдельных отраслей и компаний рассматривались в работах В. Д. Смирнова [14], Б. С. Батаевой [2], А. А. Бжассо [5] и др.

Результаты исследования

Методологическую основу исследования составили данные Национального Регистра компаний, выпускающих нефинансовые отчеты, консалтинговой компании PwC, российские и международные нормативно-правовые акты, и документы.

Помимо авторов профильной литературы, вопросы устойчивого развития привлекают все большее внимание мировой общественности и международных организаций, они зафиксированы в документах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО) и в отчетности транснациональных корпораций. Так,

25.09.2015 г. государства — члены ООН приняли список из 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) до 2030 г.¹ В рамках данного документа термин «устойчивое развитие» определяется как подход к управлению бизнесом и бизнес-процессами, основанный на создании долгосрочной ценности для широкой группы заинтересованных лиц (стейкхолдеров), путем управления тремя группами факторов: экономическими, экологическими и социальными.

Кроме того, активно развивается прикладное применение данной концепции в рамках деятельности российских компаний. Формируются особые тенденции устойчивого развития бизнеса на территории РФ.

Распространение концепции устойчивого развития в российской бизнес-среде в последние 20 лет осуществляется быстрыми темпами. Об

этом можно судить, исходя из данных Национального Регистра компаний, выпускающих нефинансовые отчеты². В данном реестре, формируемом Российским союзом промышленников и предпринимателей с 2000 г., публикуются в том числе и отчеты об устойчивом развитии компаний, работающих в России. В 2003 г. в данном списке было всего 2 отчета об устойчивом развитии (ПАО «Лукойл» и концерн «Шелл»), в 2009 г. такую отчетность опубликовали уже 29 компаний (ПАО «Газпром», ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «РусГидро», ВЭБ РФ, ОАО Авиакомпания «Трансаэро» и др.), по итогам 2015 г. — 39 организаций (АК «Алроса», АО «Альфа-банк», ПАО «Вымпелком», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Казаньоргсинтез» и др.), за 2021 г. — 53 отчета компаний (ПАО «Аэрофлот», АКБ «АК Барс», X5 Retail Group, ПАО «ЯТЭК», РУДН и др.).

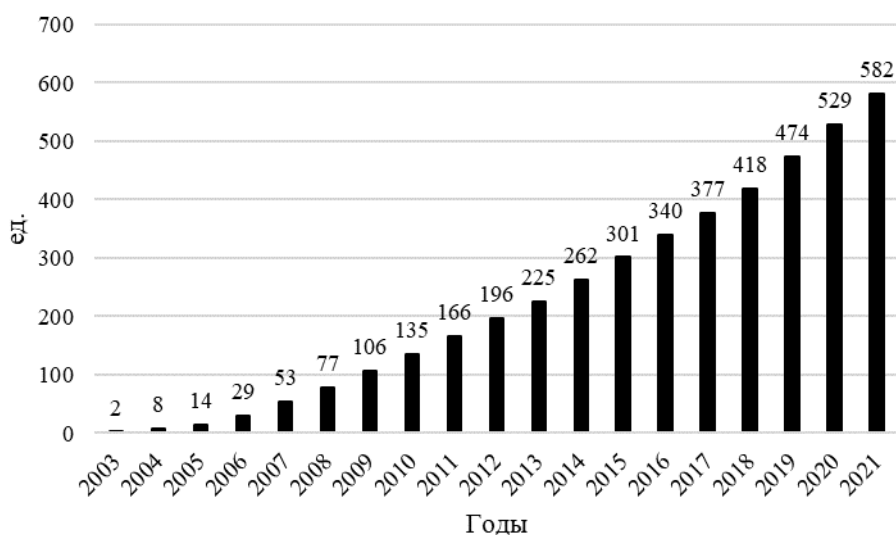

Рис. 1. Динамика совокупного количества отчетов об устойчивом развитии российских компаний, опубликованных в Национальном Регистре корпоративных нефинансовых отчетов 2003–2021 гг.

Fig. 1. Dynamics of the total number of reports on the sustainable development of Russian companies published in the National Register of Corporate Non-Financial Reports 2003–2021

В рассматриваемом периоде количество отчетов об устойчивом развитии компаний в реестреросло в среднем на 46,0 % в год. Наибольшее число отчетных единиц было опубликовано в 2019г. — 56 штук.

При этом, помимо роста количества компаний в РФ, публикующих отчетность об устойчивом развитии, можно наблюдать и тенденцию к увеличению отраслевого разнообразия фирм, применяющих концепцию устойчивого развития.

В 2010 г. такой подход к ведению бизнеса осуществляли компании шести отраслей российской экономики.

Большая часть из них (37,9 %) — представители нефтегазовой отрасли, далее предприятия энергетического сектора (20,7 %), металлургические и горнодобывающие компании, а также организации пищевой промышленности занимали 13,8 %.

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: [https:// documentsddsny.un.org](https://documentsddsny.un.org)

² Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. URL: <https://rspp.ru/activity/social/registr/>

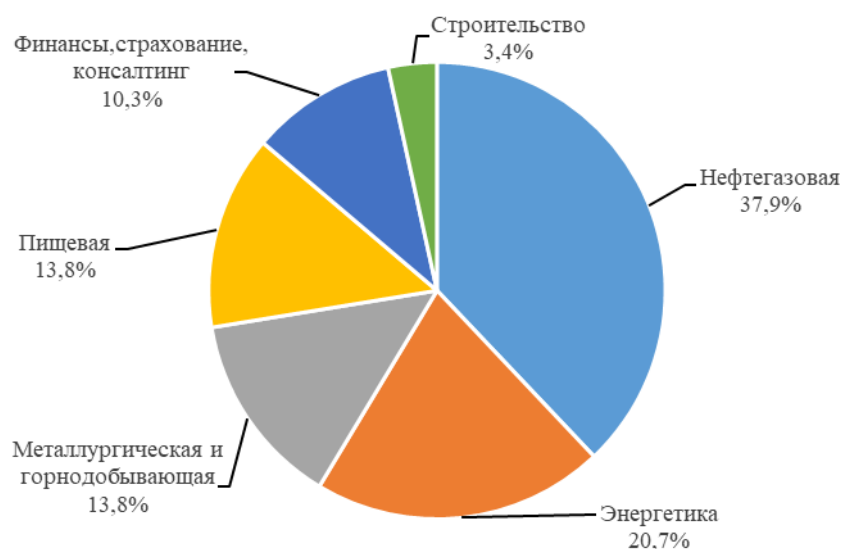

Рис. 2. Отраслевая структура фирм, применяющих концепцию устойчивого развития в 2010 г.

Fig. 2. Industry structure of firms applying the concept of sustainable development in 2010

По итогам 2021 г. рассматриваемая концепция использовалась в 11 секторах экономики России.

При этом фокус сместился с нефтегазовой и энергетической отраслей (13,5 %) к металлургии (21,2 %) и финансовому сектору (15,4 %).

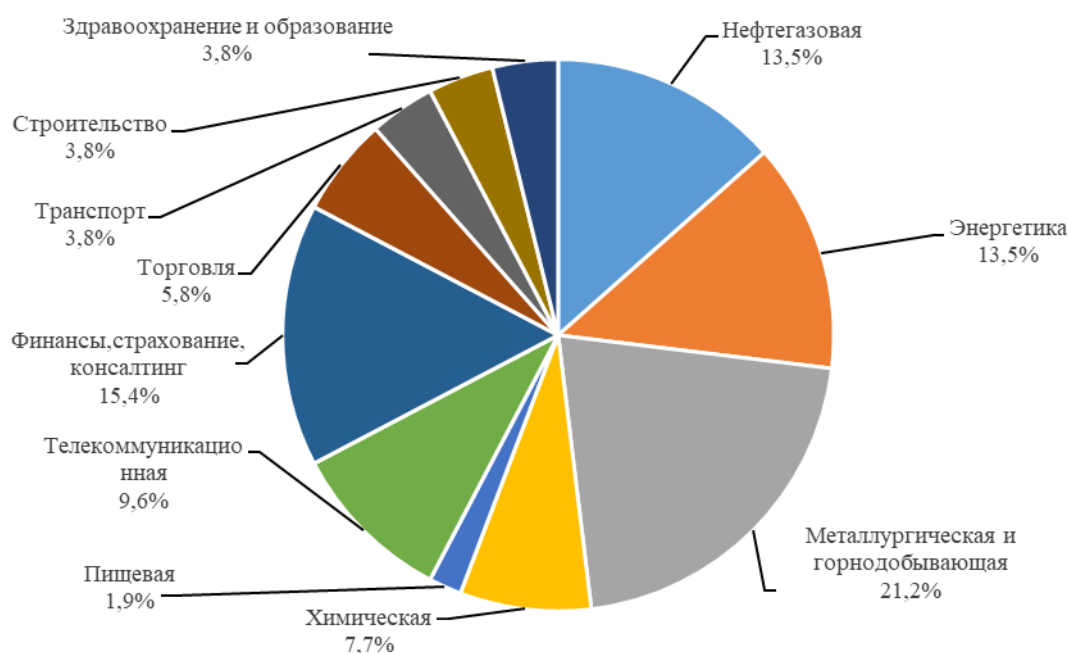

Рис. 3. Отраслевая структура фирм, применяющих концепцию устойчивого развития в 2021 г.

Fig. 3. Industry structure of firms applying the concept of sustainable development in 2021

Производство металлов является одной из отраслей, наиболее загрязняющих окружающую природную среду, в связи с чем в стратегии устойчивого развития компаний сектора упор делается именно на экологический аспект. При этом финансовый сектор, страхование и консалтинг, ввиду особенностей осуществляемой дея-

тельности, рассматривают концепцию устойчивого развития преимущественно со стороны социального подхода.

Также по результатам анализа можно сделать вывод, что на сегодняшний день формированием стратегий и политик устойчивого развития, созданием отчетности по данному направлению

занимаются преимущественно компании, сотрудничающие с другими странами, иностранными фирмами и банками [18]. В зависимости от уровня международной интеграции и условий сотрудничества российские организации могут быть обязаны публиковать плановую и отчетную информацию по устойчивому развитию, это может быть необходимо для улучшения имиджевой составляющей или быть одним из аспектов конкурентоспособности фирм на международной арене.

В связи с этим ведение бизнеса в рамках концепции устойчивого развития во многом ориентировано на опыт и законодательство других стран. Экспортно ориентированные компании сегодня придерживаются политики устойчивого развития, характерной для государств-партнеров. Это касается прежде всего экологического аспекта устойчивого развития. В частности, подход к декарбонизации предприятий и плановые показатели ее эффективности формируются в соответствии с регулированием ЕС и КНР — европейская система СВМ и китайская система торговли квотами на выбросы CO₂ (ETS). Стоит отметить, что в настоящих условиях функционирования экономики РФ международная интеграция направлена преимущественно на восток — в Китай, Южную Корею и Турцию.

В европейских странах и некоторых азиатских регионах нормативное регулирование этой сферы наиболее комплексное и жесткое. В России оно только формируется. На сегодняшний день законодательно закреплённой обязанности бизнеса учитывать факторы устойчивого развития и сдавать ESG-отчетность в Российской Федерации нет. В стране существуют отдельные нормативно-правовые акты, закрепляющие требования в области защиты окружающей среды и промышленной безопасности¹. В частности, 30.12.2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»², 06.03.2022 г. — Федеральный закон № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»³,

¹ Как формируется нормативная база ESG в России. URL: <https://pravo.ru/opinion/239491/>

² Об ограничении выбросов парниковых газов : федер. закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020031>

³ О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации : федер. закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203060003>

14.07.2021 г. Распоряжением Правительства РФ № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» были установлены основные направления устойчивого развития в РФ: 1) обращение с отходами; 2) энергетика; 3) строительство; 4) промышленность; 5) транспорт и промышленная техника; 6) водоснабжение и водоотведение; 7) природные ландшафты, реки, водоемы и биоразнообразие; 8) сельское хозяйство⁴.

Это не отражает комплексный подход к проблеме устойчивого развития. Однако становление отечественного законодательства в данной сфере способствует формированию тенденции на устойчивое развитие среди компаний, ориентированных и на внутренний рынок, а также позволяет унифицировать понимание и подходы к реализации стратегий триединой концепции на российских предприятиях.

Таким образом, не брать во внимание повестку устойчивого развития при осуществлении бизнес-процессов, особенно в крупных компаниях, сегодня практически невозможно, а через какое-то время может стать и наказуемо законодательно.

В связи с этим все больше российских фирм учитывают исследуемую концепцию в рамках своего функционирования, формируя при этом приоритетные направления устойчивого развития, характерные для современных экономических, политических и социокультурных условий. В соответствии с информацией информационного портала «Ведомости», около 80 % российских компаний акцентируют внимание на технологических разработках и развитии партнерства. При этом такие социальные категории, как «ликвидация голода», «гендерное равенство» и «уменьшение неравенства» относятся к малозначительным целям концепции⁵. Также в меньшей степени топ-менеджмент российских компаний сегодня заинтересован в достижении целей «борьба с изменением климата», «сохранение экосистем суши»,

⁴ Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации : распоряж. Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 № 1912-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107200045>

⁵ Виноградова Е., Витковская С. Как бизнес ищет устойчивость. К каким целям устойчивого развития идут крупнейшие российские компании. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/03/812507-biznes-ustoichivost>

«сохранение морских экосистем». Так, на основе данных консалтинговой фирмы PwC, 51 % опрошенных представителей организаций «борьбу с изменением климата» отметили как «довольно незначительную»¹.

Вместе с тем российские компании, наряду с мировым сообществом, начинают осознавать положительные аспекты от введения в свою деятельность концепции устойчивого развития. Среди этих выгод:

- привлекательность фирмы как работодателя: уже сейчас почти каждый второй соискатель в Европе с большей вероятностью выберет компанию, придерживающуюся принципов устойчивого развития. В России также наблюдается подобный тренд;

- значительная экономия на выбросах: затраты на приобретение углеродных единиц / налог можно снизить на 30–50 % минимальными предварительными вложениями в рамках экологического аспекта устойчивого развития;

- улучшение финансовых показателей: прибыль EBIT компаний, попадающих под европейское регулирование, за счет реализации мер стратегии устойчивого развития может вырасти на 2–12 %;

- рост капитализации: общая доходность акционеров у компаний-лидеров устойчивого развития в среднем на 3 % выше конкурентов той же отрасли [6].

Вышеперечисленные преимущества от разработки и применения факторов стратегии устойчивого развития компаний на текущем этапе недостаточны для популяризации данного подхода в российских компаниях. Сложная экономическая и геополитическая ситуация не позволяет фирмам нести серьезные траты в рамках целой триединой системы самостоятельно, в связи с чем поддержка от государственных структур на данном этапе может поспособствовать более оперативному и эффективному внедрению концепции устойчивого развития в российской бизнес-среде.

Заключение

Концепция устойчивого развития в современных условиях функционирования экономики уже не является иностранной повесткой, активно распространяясь в российском бизнес-сообществе.

Крупные корпорации, экспортно ориентированные компании, имеющие высокий уровень международной интеграции, вынуждены соответствовать основным аспектам данной концепции для поддержания конкурентоспособности в регионах своего присутствия, на мировой арене в целом. Существующие преимущества триединого подхода привлекают фирмы перспективными показателями эффективности; количество и разнообразие компаний, внедряющих исследуемую концепцию в свою деятельность, становится больше: устойчивым развитием начинают заниматься организации различных сфер — от финансовой и страховой до металлургической и сельскохозяйственной — и размеров.

Внимание к повестке устойчивого развития сохраняется, несмотря на меняющуюся геополитическую и макроэкономическую ситуацию. Вопреки новым вызовам, с которыми столкнулся российский бизнес в 2022 г., концепция устойчивого развития остается приоритетной для компаний. В условиях современной экономики все больше предприятий из разных отраслей рассматривают ее как эффективный инструмент противодействия кризису, который позволяет обеспечить автономность и локализацию производства, перестроить логистические цепочки и выполнить социальные обязательства перед сотрудниками в полной мере. Согласно результатам ESG-индекса НКР, российские компании в перспективе намерены скорректировать свои стратегии в сфере устойчивого развития, отказавшись от намерений по получению ESG-рейтинга от иностранного агентства и усилив работу в сфере социальной защиты сотрудников².

Вместе с тем отсутствие четкой законодательной базы в данной области в РФ, необходимость ориентироваться на зарубежный опыт выступают сдерживающим фактором полноценного комплексного перехода к исследуемой концепции внутри страны. Сегодня для одних компаний это является повседневностью, а других пугает сложностью подхода и значительными вложениями в разработку и реализацию подобных стратегий. Решение проблемы отсутствия системных мер внедрения идей устойчивого развития в рамках российской экономики поспособствует ускорению данного перехода и повышению эффективности применяемых стратегий.

¹ Устойчивое развитие в фокусе внимания советов директоров. Опрос членов советов директоров российских компаний. Октябрь 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/materials/pwc-board-survey-2019-russian.pdf>

² Представлены результаты ESG-индекса РБК и НКР. Национальные Кредитные Рейтинги (НКР). URL: <https://ratings.ru/about/news/ESG-index-news-150622/>

Список литературы

1. Бархатов В. И. Устойчивое развитие национальной экономики России в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 9 (338). С. 5–11.
2. Батаева Б. С., Кокурина А. Д., Карпов Н. А. Влияние раскрытия ESG-показателей на финансовые результаты российских публичных компаний // Управленец. 2021. Т. 12. № 6. С. 20–32.
3. Белоусов А. В. Об устойчивом региональном развитии // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 5 (55). С. 15–20.
4. Бенц Д. С. Устойчивое развитие регионов: утопия или реальность? // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 12 (422). С. 58–66.
5. Бжассо А. А., Козюбро Т. И. Концепция устойчивого развития компании: методические подходы, модели // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 19-22.
6. Боброва О. С. От устойчивого развития к ESG: опыт европейских компаний и правительств // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 94–103.
7. Бобылев С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 23–29.
8. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 270 с.
9. Дмитренко Е. А., Ремизова А. А. Зеленое финансирование: опыт стран ЕС // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 8. С. 78–82.
10. Медоуз Д., Рандерс Й., Бернс В. Пределы роста. М. : Изд-во МГУ, 1991. 207 с.
11. Месарович М. Поиск новой парадигмы для глобальной проблематики. М. : Прогресс, 1991. 255 с.
12. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ.; под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. М. : Прогресс, 1989. 371 с.
13. Новикова Е. В. Зеленая экономика и зеленое право: мировые тенденции // Экологическое право. 2020. № 3. С. 13–19.
14. Смирнов В. Д. Управление ESG рисками в коммерческих организациях // Управленческие науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 6–20.
15. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А. Г. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М. Циканова, Е. С. Шопхоева. М. : Экономика, 2002. 414 с.
16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 239 с.
17. Устойчивое развитие: Новые вызовы : учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М. : Аспект Пресс, 2015. 336 с.
18. Форрестер Дж. Мировая динамика / пер. с англ. А. Ворощука, С. Пегова. М. : АСТ, 2003. 384 с.
19. Черникова О. П. Формирование отчетности об устойчивом развитии в российской практике // Экономика и Финансы (Украина). 2019. № 7. С. 55–65.

References

1. Barkhatov VI. Sustainable development of the national economy of Russia in modern conditions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014;(9(338):5-11. (In Russ.).
2. Bataeva BS, Kokurina AD, Karpov NA. Influence of coverage of ESG indicators on the financial results of Russian state-owned companies. *Upravlenets = Manager*. 2021;12(6):20-32. (In Russ.).
3. Belousov AV. On sustainable regional development. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2021;(5(55):15-20. (In Russ.).
4. Benz DS. Sustainable development of regions: utopia or reality? *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;12(422):58-66.
5. Bzhasso AA, Kozyubro TI. The concept of sustainable development of the company: methodological approaches, models. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2021;(3-1(54):19-22. (In Russ.).
6. Bobrova OS. From sustainable development to ESG: the experience of European companies and governments. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = Public Administration. Electronic Bulletin*. 2022;(91):94-103. (In Russ.).

7. Bobylev SN. New economic models and indicators of sustainable development. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii = Economic revival of Russia*. 2019;(3(61):23-29. (In Russ.).
8. Vernadsky VI. Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavleniye = Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow: Nauka; 1991. 270 p. (In Russ.).
9. Dmitrenko EA., Remizova AA. Green financing: the experience of EU countries. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki = Actual issues of modern economics*. 2020;(8):78-82. (In Russ.).
10. Meadows D, Randers J, Burns V. Predely rosta = Limits to Growth. Moscow: Publ. House of Moscow State University; 1991. 207 p. (In Russ.).
11. Mesarovich M. Poisk novoy paradigmy dlya global'noy problematiki = Search for a new paradigm for global issues. Moscow: Progress; 1991. 255 p. (In Russ.).
12. Evteev SA, Flight RA (eds.). Nashe obshcheye budushcheye: Doklad Mezhdunarodnoy komissii po okruzhayushchey srede i razvitiyu (MKOSR) = Our Common Future: Report of the International Commission on Environment and Development (ICED). Moscow: Progress; 1989. 371 p. (In Russ.).
13. Novikova EV. Green economy and green law: global trends. *Ekologicheskoye pravo = Ecological law*. 2020;(3):13-19. (In Russ.).
14. Smirnov VD. Management of ESG risks in commercial organizations. *Upravlencheskiye nauki = Management Sciences*. 2020;10(3):6-20. (In Russ.).
15. Granberg AG, Danilova-Danilyana VI, Tsikanova MM, Shopkhoev ES (eds.). Strategiya i problemy ustoychivogo razvitiya Rossii v XXI veke = Strategy and problems of sustainable development of Russia in the XXI century. Moscow: Economics; 2002. 414 p. (In Russ.).
16. Teilhard de Chardin P. Fenomen cheloveka = The phenomenon of man. Moscow: Nauka; 1987. 239 p. (In Russ.).
17. Danilov-Danilyan VI, Piskulova NA (eds.). Ustoychivoye razvitiye: Novyye vyzovy = Sustainable Development: New Challenges. Moscow: Aspect Press Publishing House; 2015. 336 p. (In Russ.).
18. Forrester JA, Voroshchuk S, Pegova J (transl.). Mirovaya dinamika = World dynamics. Moscow: AST; 2003. 384 p. (In Russ.).
19. Chernikova OP. Formation of reporting on sustainable development in Russian practice. *Ekonomika i Finansy (Ukraina) = Economics and Finance (Ukraine)*. 2019;(7):55-65. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Попова — магистрант кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

A. V. Popova — Master's student of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 06.03.2022; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.